

ВОЕННЫЕ
XX ТАИНЫ
ВЕКА

Александр
ПОМОГАЙБО

**ПСЕВДОИСТОРИК СУВОРОВ
И ЗАГАДКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

ВОЕННЫЕ ТАЙНЫ **XX** ВЕКА

Виктор Суворов – псевдоним бежавшего в Великобританию бывшего разведчика ГРУ В.Б. Резуна. Столкнувшись с необходимостью зарабатывать там на жизнь, Резун написал книгу о советской разведке с именами своих бывших коллег по работе. Затем последовали нашумевшие опусы «Освободитель», «Аквариум», «Ледокол». Публицист и исследователь Александр Помогайбо взял на себя труд разобрать «по косточкам» подлоги и несуразности «выдающегося» псевдоисторика, но «не для того, чтобы схватить лгуна за руку». Его цель – осветить вопросы, остающиеся для многих загадками.

ISBN 5-7838-1050-9

9 785783 810503

А. Помогайбо

**ПСЕВДОИСТОРИК
СУВОРОВ
И ЗАГАДКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

«ВЕЧЕ»

МОСКВА

2 0 0 2

**ВОЕННЫЕ
ТАЙНЫ
XX
ВЕКА**

**ПСЕВДОИСТОРИК СУВОРОВ
И ЗАГАДКИ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24,
издательство «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

ОТ АВТОРА

В мою бытность журналистом я имел задание взять интервью относительно книги «Ледокол» в Институте военной истории. Однако интервью вопроса для меня не прояснило, и я провел свое расследование, тем более что заметил в книге явные подлоги. Через несколько лет я приобрел еще пару книг В. Суворова и был удивлен тем, что эти книги тоже основаны на подлогах.

Для тех, кто не знаком с творениями В. Суворова, следует пояснить: В. Суворов — это псевдоним бежавшего в Великобританию разведчика ГРУ В.Б. Резуна. Столкнувшись с необходимостью зарабатывать на жизнь, В.Б. Резун написал книгу о советской разведке (на русский язык не переведена) с именами и фамилиями своих бывших коллег по работе. За этой книгой последовали книги «Освободитель» и «Аквариум», но подлинным бестселлером стала «книга-версия» «Ледокол», в которой Резун высказал предположение, что Сталин хотел напасть на Европу. Книга получила популярность во всем мире, и Резун продолжил ее серией книг на ту же тему.

Недавно у меня появилось время, и я составил (хотя и далеко неполный) список подлогов Резуна, а также продолжателя его дела — санкт-петербургского литератора Бунича.

Описал я эти подлоги, однако, не для того, чтобы схватить лгунов за руку. Резун и Бунич процветают потому, что популярной литературы о Второй мировой, по сути, не было. Ее заменяли заклипания официальной историографии о «массовом героизме» и «мудром руководстве партии», которые не объясняли ни трагедии 1941 года, ни отступления до Москвы, ни ту кровь, которую пришлось заплатить за победу. В свое время я делал передачи, посвященные истории XX века, и теперь я использую книги Резуна и Бунича лишь как предлог для того, чтобы донести до читателя некоторые важные факты, касающиеся Второй мировой войны, и осветить вопросы, остающиеся для многих загадками.

СТАЛИН НА ТАНКЕ

Разбор «бессмертных» творений Суворова — Резуна лучше всего начать с его самой «великой» книги — «Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну?» Эта книга наиболее смела и эпохальна.

Ранее все думали, что СССР вошел в число стран-победительниц. Но нет, вскричал Суворов — Резун, идя против толпы и расталкивая всех плечами: Советский Союз Вторую мировую войну проиграл!

И вот Суворов — Резун решил последовательно, глава за главой, это доказать. Изучим эти доказательства — уединившись на кухне, чтобы не мешать домашним своим смехом.

Глава 1 книги называется «Почему Сталин отказался принимать Парад Победы?»

Мы все как-то раньше не задумывались над вопросом: почему это Сталин отказался принимать Парад Победы? А зря. Суворов — Резун тоже не задумывался над этим вопросом, а как задумался, так и дико возмутился:

«Почему кремлевские историки его даже не поставили? Почему нашего внимания к проблеме не привлекли? Почему обходят стыдливым молчанием?»

В самом деле, кремлевские историки обязательно должны были привлечь внимание масс к непонятной, страшной, жуткой тайне XX века — почему Сталин не принимал Парада Победы?

Мы все помним, что Леонид Ильич Брежнев всегда сам принимал парады и объезжал войска. Помним, что объезжали войска и Андропов, и Черненко, и Горбачев. Это как раз их работа: кричать казенным голосом «здравствуйте, товарищи» — и слушать в ответ тоскливое солдатское «ура».

И Сталин мог покричать по случаю святого дня: Парад Победы, как-никак. Представьте: маленький Сталин, с шашкой и на коне, громко кричит: «Здравствуйте, товарищи!»

Но Сталин этого не сделал.

Почему? Чтобы понять причину, Суворов — Резун изучил « всю мировую научную литературу ». Не военные и политические науки — в с ю мировую научную литературу.

Он так и говорит:

«Во всей мировой научной литературе я нашел только два объяснения».

Итак, порывшись *«во всей мировой научной литературе»*, Суворов — Резун нашел два объяснения мучавшего его вопроса. Какие?

«Первое «объяснение»: Сталин не мог ездить на коне».

Вот так, изучив в с ю мировую научную литературу, Суворов — Резун, искатель истины, нашел: Сталин не мог ездить на коне.

«Очень убедительно», — считает он.

«Но и Гитлер на коне не ездил, — тут же начинает сомневаться Суворов — Резун. — Парады он любил, но парадов на коне не принимал. У него для этого был «мерседес».

И тут Суворов — Резун, почесав в голове ручкой, внезапно задает читателю ошеломляющий вопрос: почему Сталин не появился на Параде Победы на танке?

«Сталин мог бы появиться на Красной Площади не на белом скакуне, а на танке ИС-2, т.е. на танке «Иосиф Сталин», на танке, которому не было равных в мире».

Вопрос Резун задал законный. Мы знаем, что Владимир Ильич Ленин принимал парады, махая шашкой из башни танка «Борец за свободу товарищ Ленин». Знаем, что у Климента Ворошилова было два танка: в одном, КВ-1, «Клим Ворошилов-1», нарком обороны принимал парады 1 Мая, во втором, КВ-2, выезжал на парад 7 ноября. Знаем и то, что Уинстон Черчилль во время прений по бюджету вламывался в палату общин на тяжелом танке «Черчилль». Почему же Сталин, главнокомандующий победившей Красной Армии, не проехал мимо Мавзолея на танке «Иосиф Сталин»?

Странный, жуткий, будоражащий душу вопрос.

Тем более что, как считает Суворов — Резун, ИС-2 был уникальным танком:

«...Снаряды «Тигра» (вес 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить ИС-2 не могли».

Страшные снаряды — 56 тонн, но танк ИС-2 весом в 46 тонн им не пробить.

Без сомнения, Сталину надо было ехать на танке: если бы из-за собора Василия Блаженного появился «Тигр», Сталин мог бы быстро спуститься в люк и крикнуть: «Не пробьешь!»

Не пробить было ИС-2 снарядам в 56 тонн. Не пробить и снарядам в 67 тонн танка «Тигр-Б».

Написав это, я вдруг усомнился. Не может быть такого, чтобы танк имел снаряды в 67 тонн! Если снаряд имеет 67 тонн, то какого же веса сам танк? Наверное, как линкор? Наверняка командир танка добирался до башни на скоростном лифте, а стрелок-радист лихо подкатывал к своему пулемету на джипе.

И назывался каждый из этих танков-линкоров, без сомнения, как-нибудь очень грозно: «Полный капут». Или: «Любимая внучка Большой Берты». Или: «Гроссе дойче вундерваффе».

И я стал искать «Тигр-Б» в справочниках, чтобы найти следы танка-линкора.

Но... к сожалению, никаких упоминаний о «Тигре-Б» так и не нашел. Скорее всего, Суворов — Резун что-то напутал.

Первая ошибка: надо было писать — «вес танка — 67 тонн». Веса снаряда в 67 тонн история не знает.

Вторая ошибка: танка «Тигр-Б» в 67 тонн весом у немцев не было. Был танк Т-VI В «Королевский тигр». Согласитесь, «Тигр» и «Королевский тигр» — это разные вещи.

«Тигра-Б» в 67 тонн никогда в природе не существовало, и по этой — и только этой — причине он действительно не был способен пробить броню ИС-2. А вот «Королевский тигр» пробивал.

Сравнительные характеристики пушки KwK43, что стояла на «Королевском тигре», и пушки Д-25Т, что была у ИС-2, указаны в приведенной таблице.

Сравнительные характеристики танковых пушек

Марка орудия	Начальная скорость снаряда, м/с	Бронепробиваемость стальной брони (под углом 30 градусов), мм	
		500 м	1000 м
KwK 43	1000	185	165
Д-25Т	781	128	120

Из таблицы видно, что при прочих равных условиях «Королевский тигр» пробивал ИС-2 с большей дистанции, чем советский танк ИС-2 — «Королевский тигр».

Но это «при прочих равных условиях», а условия были неравными. Преимущество имел опять-таки «Королевский тигр». Его верхняя лобовая плита имела толщину 150 мм и была расположена под наклоном 50 градусов. Нижняя имела толщину 100 мм и имела тот же наклон. Первые 50 «Королевских тигров» получили башню обтекаемой формы конструкции Порше, но с июля 1944 года машины стали комплектовать с более простой башней Адерса, которая в лобовой части имела броню 185 мм вместо 100 мм, как у башни Порше.

А что было у ИС-2?

У ИС-2 лоб корпуса составлял 120 мм (верхний лист — под углом 60 градусов, нижний — 30 градусов), лоб башни — 100—120 мм.

Итак, бронирование несколько лучше у «Королевского тигра», пушка же намного лучше у «Королевского тигра». Теперь перечитаем Суворова — Резуна еще раз:

«И снаряды «Тигра» (вес 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить ИС-2 не могли, а ИС-2 их брал с полутора тысяч метров. Так отчего бы Сталину не появиться на Параде Победы на таком танке? Какая символика: Иосиф Сталин на лучшем в мире танке «Иосиф Сталин»!»

Действительно, трудно понять, чего это Сталин не появился на «лучшем в мире танке», то есть на «Королевском тигре».

Суворову — Резуну трудно понять и другое:

«А можно было и на трофейном «мерседесе» выехать. Так во всем мире издавна заведено: взял в бою конягу из-под супостата — и красуйся. А тут из-под самого Гитлера «мерседес» вырвали. Отчего не покрасоваться?»

Тоже вопрос законный. Ехать на «мерседесе» и — красоваться. Вот, мол, какой я, Сталин, красивый на «мерседесе».

«Но нет, — удивляется Суворов — Резун. — Не появился товарищ Сталин ни на танке, ни на джипе, ни на лимузине. А появился вместо него Маршал Советского Союза Г.К. Жуков на великолепном белом жеребце по кличке Кумир».

Эта странность — что парад принимал Г.К. Жуков, — конечно, требует объяснения. Поскольку Суворов — Резун уже изучил «всю мировую научную литературу», он без труда находит сразу несколько объяснений, и вот первое:

«...Народ так любил Жукова, ну уж так любил, что Сталин уступил Жукову почетное право».

Но тут он чувствует, что это объяснение неубедительно, — начинают сомнения:

«На войне Жуков был Сталину нужен, а после войны — зачем?»

В самом деле — зачем? Трумэн сообщил на Потсдамской конференции 1945 года о создании атомной бомбы. Зачем Сталину Жуков? Да и другие маршалы не нужны.

Сталин обязался перед своими союзниками напасть на Японию не позже чем через два-три месяца после победы над Германией. Для войны с Японией маршалы, конечно, тоже не нужны. Достаточно одной лишь мудрости вождя.

Тут у Суворова — Резуна возникает новый вопрос, и принципиальный: почему Сталин не надевал Звезду Героя Советского Союза?

«Сталин демонстративно носил Золотую звезду (неверно — надо: золотая медаль «Серп и Молот». — Ред.) Героя Соцтруда, а Золотую Звезду Героя Советского Союза не только не носил, но и отказывался получить».

В самом деле, странно. По статусу высшего воинского отличия Героя Советского Союза эта награда — медаль «Золотая Звезда» — присваивалась за отличия, «связанные с совершением героического подвига». Что же, Сталин много раз лично водил полки в атаку, бросался на амбразу-

ры и, матерясь, врубался штыками в ряды немецкой обороны? Или не врубался? Я лично таких случаев не припомню.

Обратимся к отечественной истории. Николай II носил на своей груди всего один Георгиевский крест. Он мог нацепить на себя целую броню из наград и ходить, звеня ею, как средневековый рыцарь.

Но он этого не делал. По какой причине? Да по той простой, что получил свою скромную награду за д е л о: проявил распорядительность и мужество во время обстрела, когда со свитой находился у линии фронта. Это была заслуженная награда — и государь во время Первой мировой предпочитал носить только ее. Именно с Георгием на груди Николай встретил и свой смертный час.

Всем, кто не выжил из ума, нужны только заслуженные награды. Никто не покупает на барахолке ордена и медали, чтобы являться с ними на работу. Никто — кроме Суворова — Резуна. Он каждый день цепляет на пиджак «За взятие Берлина», «Дубовые листья», «Пурпурное сердце», Железный крест и, проходя по Лондону, не может понять, почему все вокруг умирают со смеху.

А вот Сталин был не таков. В 1933-м некто И.Н. Бажанов решил переуступить Сталину свой орден. Сталин отказался и пояснил: «Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом, для таких людей-героев, которые малоизвестны и которых надо сделать известными всем».

Но такое поведение Суворову — Резуну непонятно — вот он и задает читателю полный недоумения вопрос про Золотую Звезду вождя.

Станный, конечно, у него метод написания книг. Люди обычно пишут книги, чтобы что-то сообщить, а Суворов — Резун задает вопросы читателю. Но вспомним: в прошлом он — работник ГРУ, где его учили задавать вопросы, а не отвечать.

И потому я, читатель его книг, рассею его недоумение. В конце жизни В.М. Молотов вспоминал:

«Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. «Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин. И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее приколотили на подушку и несли на похоронах.

Сталин носил только одну звездочку — Героя Социалистического Труда» (Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991, С. 254).

Суворов — Резун, изучив «всю мировую научную литературу», это объяснение как-то пропустил. Зато у него есть собственные, и весьма неожиданные, соображения:

«И все потому, что праздновать товарищу Сталину было нечего, и радоваться не было повода. Вторая мировая война была проиграна. Сталин это знал».

Так вот оно в чем дело! Сталин войну проиграл — и, выходит, назвал парад 1945-го года Парадом Победы для того, чтобы не было мучительно больно от сознания своего поражения в Великой Отечественной войне...

«И всем коммунистам не было причины танцевать и смеяться, — едко замечает наш историк. — Чтобы понять это, мы должны вернуться во время рождения коммунистической диктатуры...»

Рождение коммунистической диктатуры Суворов — Резун описывает во второй главе, которая называется «Зачем им мировая революция?».

«Мировая революция — единственно возможный вариант существования чистого марксизма. Маркс и Энгельс ничего иного не допускали даже теоретически».

Я прямо-таки вижу: бородатый Маркс колдует над ретортами, вырабатывает чистый марксизм. Но чистый не получается. Выходит все грязный, с осадком. «Эх, чего-то не хватает, — скорбно шепчет Маркс. — Подбавил бы сюда мне Суворов — Резун сто пятьдесят грамм мировой революции»...

Кошмарная сцена. Бр-р-р. Но вернемся к книге Суворова — Резуна. Интересно, как он доказывает свой тезис о том, что мировая революция — это единственный вариант существования чистого марксизма?

«Маркс считал, что коммунистическая революция должна быть мировой».

Для Маркса это было настолько очевидно, что он даже не пытался эту мысль обосновать. Ясно без обоснования».

Итак, аргументов нет. Для Суворова — Резуна все ясно без обоснования. Ну что ж, поверим ему. Надо верить людям.

«Ленин тоже считал, что коммунистическая революция должна быть мировой».

Я просто из принципа не буду Ленина цитировать».

Аргументов опять нет. Суворов — Резун, возможно, их имеет, но некие высокие принципы мешают ему их изложить. Хорошо, поверим ему, столь принципиальному, и на этот раз.

«В 1918 году Красная Армия до Германии не дошла, и разжечь Вторую мировую войну нам не удалось... В 1920-м коммунисты предприняли новую попытку начать Вторую мировую войну прорывом через Польшу в Германию».

Вот как полезно порой читать Суворова — Резуна! Можно узнать, например, что коммунисты пытались в 1920 году начать Вторую мировую войну.

Все прежние источники говорили, что в 1920-м Польша напала на Украину и Белоруссию и захватила Киев. А оказывается, это Красная Армия пыталась начать Вторую мировую войну!

По темноте, по серости, историки мира думали, что глава Польши Ю. Пилсудский наскакивал на Германию в Пруссии и Верхней Силезии. А вот благодаря Суворову — Резуну мы узнаем, что это Красная Армия пыталась прорваться через Германию, чтобы начать Вторую мировую войну!

Ну и дела! Что же нам врили столько лет? Хорошо, хоть на закате жизни удалось узнать правду, а то так и померли бы в заблуждении.

Но просветим себя далее:

«В случае падения Варшавы для Красной Армии дорога в Европу была бы открыта. В 1920 году, кроме Польши, сопротивляться в Европе было некому».

Некому было сопротивляться — и в 1920 году англичане, французы, сербы и греки высадились в черноморских портах, а англичане и американцы — в северных портах. Это чтобы в Кремле не заподозрили, что в Европе сопротивляться, кроме Польши, некому...

«Сталин шел к Мировой революции с передышкой. Но знал: надолго затягивать ее нельзя — Запад нас своими фокстротами и танго разложит (а ведь и разложил же!)».

Все правильно. Разложил нас Запад своими танго и фокстротами. Танцевал Запад и танго и фокстроты — и полностью нас разложил (хотя меня лично разложили румба и пасодобль).

«Потому сталинская передышка завершилась к началу 1939 года... В том же году сталинский любимец Константин Симонов в пьесе «Парень из нашего города» описывает сражение советских войск на Халхин-Голе против 6-й японской армии: «Ты сейчас о последней сонке думаешь, а я — о последнем фашисте. Я думаю о нем давно, еще с Мадрида... в последнем фашистском городе поднимет этот последний фашист руки над танком, на котором будет красное, именно красное знамя».

Это писалось в тот самый момент, когда с Германией не было общей границы, и она на нас не могла напасть, тем более — внезапно. Это писалось тогда, когда Риббентроп летел в Москву подписывать пакт, когда товарищ Сталин обнимал Риббентропа и клялся в вечной дружбе».

Вот это аргумент! Убийственный!

Все правильно, все сходится. Хотел Сталин мировой революции, жаждал ее.

Правда, в словах Суворова — Резуна есть маленькая неувязочка. Так, пустяк, но объективности ради упомянуть о ней надо.

Риббентроп летел в Москву в августе 1939 года. Годом позже, летом 1940-го, Гитлером было дано указание подготовить план войны с Россией, и с февраля 1941-го немцы начали концентрацию войск на советской границе.

В автобиографии К. Симонов указывает, что первую свою пьесу он написал в 1940 году. Пьеса «Парень из нашего города» появилась в

1941-м — об этом вы найдете в любой энциклопедии. Но энциклопедии Суворов — Резун, похоже, не читает. Он читает другие книги.

«Снимем с полки тринадцать томов сталинских сочинений и прочитаем их еще раз», — предлагает он.

Легко сказать такое ему, члену Коммунистической партии Советского Союза. На полке над его головой все 13 томов вождя — чтобы перечитывать их и цитировать. Нам, беспартийным, это сделать гораздо труднее, поскольку над нашими головами — тома Толстого, Горького и Пастернака.

За сочинениями Сталина мне пришлось идти в районную библиотеку.

Однако для чего нам нужно читать Сталина «еще раз»?

«Мысль Сталина: сначала мы строим социализм в одной стране, потом — и это неизбежно — во всем мире. Полная победа социализма в одной стране возможна, но она не окончательна. Окончательная победа — только в мировом масштабе».

Этот-то свой тезис Суворов — Резун и подкрепляет словами из сочинений Сталина:

«Над гробом товарища Ленина товарищ Сталин произнес клятву: «...Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь...»

Ну наконец-то Суворов — Резун приводит ссылку на источник! Сталин клялся над телом Ильича расширять Союз республик. Не иначе как мировой войной...

Поверив Суворову — Резуну, я заглянул в собрание сочинений Сталина — и тут же устыдился поспешности своих выводов.

Сталин писал:

«...товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского сотрудничества в рамках Союза Республик. УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ» (Сталин И.В. Сочинения: в 13 т. М., 1947. Т. 6. С. 49).

В книге Суворова — Резуна приведены лишь два последних предложения, и несколько при этом искаженных (переставлены слова). Но не первого предложения: слов Сталина о необходимости «добровольного» союза народов. Словам Сталина можно, конечно, не верить, но коли Суворов — Резун цитирует, то пусть он цитирует полностью, а не как это выгодно для его концепции.

Заинтересовавшись цитатником Суворова — Резуна, я внимательно просмотрел кое-какие сочинения «вождя и учителя», чтобы понять, что именно Сталин имел в виду под *добровольностью*.

Когда создавался СССР, Сталин на XII съезде особо остановился на этой добровольности: «Мы должны определенно сказать, что никакой союз народов, никакое объединение народов в единое государство не может быть прочным, если оно не имеет в своей основе полной добровольности, если сами народы не хотят объединяться» (С т а л и н И.В. Сочинения: в 13 т. М., 1947. Т. 5. С. 242).

Надо сказать, что в Советский Союз при генеральном секретаре Сталине принимали не все народы. В статье «Об объединении союзных республик» (1922 г.) он писал: «Две независимые советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения только потому и исключительно потому, что эти республики не являются еще социалистическими. Я не сомневаюсь, товарищи, надеюсь, и вы не сомневаетесь, что эти республики, по мере внутреннего развития их в сторону социализма, тоже войдут в состав союзного государства, ныне образуемого» (т а м ж е. Т. 5. С. 51).

Страны, по Сталину, должны сначала стать «социалистическими», а потом можно рассмотреть и вопрос об их принятии в Советский Союз. Так что СССР вовсе не вторгается в другие страны, неся им «социализм», а своим наглядным примером вызывает социалистические революции, и лишь после социалистических преобразований просьба о присоединении может быть удовлетворена.

СССР, писал Иосиф Сталин, может нести социализм в мир только примером. На этом он останавливался специально. В работе «К вопросу о стратегии и тактике» он пишет о глобальных исторических задачах партии большевиков. Вторая часть этой работы содержит его «стратегический план».

Я прямо разволновался, как прочитал об этом. Теперь-то я знаю все стратегические планы большевиков!

Стратегический план был таков. Первый его этап — курс на буржуазно-демократическую революцию в России. Второй — курс на диктатуру пролетариата в России. Третий — курс на пролетарскую революцию в Европе, что особенно интересно. Так Сталин хотел революции в Европе! Ну-ка, ну-ка, а что для этого следует делать партии большевиков? Тут товарищ Сталин цитирует товарища Ленина: «Провести максимум осуществимого в одной (своей. — *И. Ст.*) стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» (т а м ж е. С. 179).

Увы, не вторжение в Европу, как это померещилось Суворову — Резуну, а «провести максимум» именно в *своей* стране, что подчеркнуто Сталиным в скобках.

Проверим теорию практикой. В 1921 году Красная Армия вторглась в Монголию в ответ на вылазку Унгерна, но потом, разбив Унгерна, ушла,

не создав Монгольской Советской Социалистической Республики. Ни Венгерской ССР, ни Румынской ССР, ни Германской ССР не образовалось, и это несмотря на то, что в Венгрию, Румынию и Германию пришли советские солдаты.

Не возникло и Маньчжурской ССР, хотя Маньчжурия в 45-м была независимой от Китая страной и освободили ее от японцев советские люди. Не было и Китайской ССР, а также Болгарской ССР, Югославской ССР и Австрийской ССР.

СССР ограничился границами Российской империи, возвращая или пытаясь вернуть то, что было отторгнуто войнами.

Можно сочинять что угодно по поводу стремления Иосифа Сталина завоевать весь мир; но, читая по совету Суворова — Резуна сочинения вождя, мы видим теорию, в которой нет мысли о завоеваниях, а в практике Сталин претендовал лишь на утерянные Россией территории.

Но почитаем Суворова — Резуна далее. Он заявляет:

«Ряды коммунистических партий всех стран комплектовались только из числа дураков и преступников».

Неожиданное признание для члена Коммунистической партии Советского Союза. Что ж, поверим Резуну в том, что он дурак. Но преступник ли?

«Я за свои слова отвечаю».

Хорошо, верим и в то, что он преступник. Надо верить людям.

Но Суворов — Резун не хочет, чтобы ему верили только на слово. Он доказывает это делом, утверждая, что Ленин привел к власти Муссолини, а Сталин — Гитлера. Что ж, такое может утверждать только дурак и политический преступник.

«Бенито Муссолини без посторонней помощи к власти прийти не мог. Проблема, что у Гитлера: не хватало голосов. У социалистов и либералов было больше. И тогда товарищ Ленин запретил итальянским социалистам вступать в коалицию с либералами. Результат — к власти пришел Муссолини. Кстати, именно эти действия были причиной раскола соцпартии. Те, кто подчинился ленинскому приказу, вышли из социалистической партии и образовали коммунистическую партию Италии. Спасибо товарищу Ленину».

Но это трактовка Суворова — Резуна. А как было на самом деле?

В книге «Муссолини» Д. Смита читаем:

«В январе 1921 года социалистическая партия была численно ослаблена отходом ее крайне левого крыла в новообразованную коммунистическую партию. Это создало угрозу фашизму, так как оставшиеся социалисты — а они все еще представляли наиболее многочисленную группу в парламенте — придерживались по большей части умеренных взглядов, и их можно было уговорить присоединиться к коалиции Джо-

литти. Такой альянс между либералами и социалистами обеспечил бы парламентское большинство, что сделало бы возможным создание действенного правительства. Чтобы воспрепятствовать этому, Муссолини стал доказывать Джолитти, что фашисты готовы стать для него альтернативными политическими союзниками, и это предложение было принято» (С м и т Д. Муссолини. М. и др. 1995. С. 57).

Джолитти был либералом. Из приведенного отрывка мы видим, что социалисты и либералы и после выхода коммунистов из соцпартии не нашли общего языка. Общий язык либералы нашли с фашистами.

Д. Смит:

«Джолитти неправильно истолковал ситуацию. Он намеревался приручить фашистов, введя их в свою коалицию и используя на общих выборах в мае 1921 года для ослабления некоторых других оппозиционных партий» (т а м же. С. 58).

А объединились либералы и фашисты для совместного ведения избирательной компании 1921 года. Муссолини получил на этих выборах всего 7 процентов голосов, что дало ему 35 мест в парламенте (на выборах 1919 года он не получил ни одного места). 122 места имели социалисты. Католическая партия «пополяри» получила 107 голосов. Всего же в парламенте было 500 мест. Как же Муссолини ухитрился захватить власть? Да вооруженным путем!

Д. Смит:

«В ночь с 27 на 28 октября фашистские сквадры начали занимать телефонные станции и правительственные учреждения. После полудни Факта наконец решился действовать. Поспешно созванные министры единодушно согласились с ним посоветовать ввести в действие армию, а Пальезе опять уверил их, что назревающее восстание будет раздавлено в считанные часы. Министрам даже в голову не могло прийти, что король отступит от конституции и отклонит их совет.

Виктор Эммануил был робким человеком. Он не желал идти против конституции, но знал, что у либеральных лидеров нет ответа на возникший вследствие бездействия парламента и растущей в стране анархии тупик. При таком характере его мог перетянуть на свою сторону каждый, кто обладал твердостью и был способен прекратить беспорядки, особенно если он выступал за расширение империи и мог постоять за интересы итальянцев лучше, чем это сделал Орландо на переговорах в Версале. Король вместе со все возрастающим числом других государственных деятелей уже пришел к решению ввести в кабинет Муссолини на какую-нибудь второстепенную роль и тем самым разрешить политический кризис. Он видел свой основной долг в том, чтобы избежать вспышки вооруженного восстания. Король говорил, что отречется от престола, если начнется гражданская война.

На рассвете 28 октября в два часа ночи королю доложили, что в Милане и других городах начались восстания. Он тут же согласился с предложением кабинета объявить о критической обстановке в государстве и использовать армию для введения военного положения. Был поспешно подготовлен необходимый декрет. Во время завтрака премьер-министр вернулся, чтобы получить формальную королевскую надпись, — вооруженные силы уже были приведены в действие для подавления бунта. Фашисты почти не оказывали сопротивления; здания, захваченные накануне ночью, опять перешли в руки властей, а дороги и железнодорожные станции были заблокированы, чтобы пресечь поход на Рим. Не только правое крыло националистической партии, но даже некоторые из фашистских иерархов, включая Чезаре де Векки, одного из четырех назначенных командиров «похода», будучи поставлены перед выбором, заявили, что подчинятся королю, — велся даже разговор, чтобы в случае необходимости убить Муссолини.

Тем временем в Милане приблизительно в 6 часов утра фашистский лидер прибыл в свой офис и с помощью штата служащих забаррикадировался как бы на случай осады. Не дождавшись официального указа, войска уже развернулись на городских улицах. Был составлен приказ об аресте Муссолини. Однако фашисты дали понять префекту Милана Альфредо Лусиньоли, что он получит место в кабинете, если проигнорирует этот приказ. Отказ Лусиньоли от действий явился решающим фактором в успехе мятежа. Основным мотивом было честолюбивое стремление или, по крайней мере, страх потерять насиженное место, если фашисты победят, и, конечно же, давление со стороны некоторых богатых миланцев.

Еще более существенным было то, что король изменил свое мнение — он вдруг отказался подписать указ, согласно которому были отданы распоряжения несколько часов назад. Отказ от единодушного совета кабинета был нарушением конституции. Но Виктор Эммануил не верил в способность Факты держать ситуацию под контролем; более того, не подписывать указ ему тайком посоветовали сторонники Саландры, надеявшиеся, что это заставит Факту уйти в отставку и даст им шанс сформировать правительство. Король был проинформирован также — тайно и неточно, наверняка с намерением ввести его в заблуждение, что фашистские вооруженные силы численно превосходят армию, которая не сможет защитить Рим от нападения.

Его решение за одну минуту превратило фашистов из организации, объявленной вне закона, в кандидатов на правительственные должности. Как только Факта сложил с себя полномочия, на пост премьер-министра был приглашен Саландра, который пригласил Муссолини присоединиться к новой коалиции. Но он отказался, как предполагают, — набивал себе цену. В результате Саландра был вынужден отступить

и, опасаясь, что выбор может пасть на Джолитти, посоветовал королю назначить главой правительства Муссолини — человека, возглавившего вооруженное восстание против государственной власти, чья личная армия была ответственна за бесчисленные зверства. 29 октября король последовал этому совету, и Муссолини, которому было всего тридцать девять лет, стал двадцать седьмым премьер-министром Италии» (там же. С. 67—68).

Итак: Муссолини пришел к власти не благодаря Ленину, а благодаря королю Италии. Не парламентские выборы, а вооруженное выступление дало фашистам власть в Италии. На парламентских выборах итальянские фашисты получили столь ничтожное количество голосов, что претендовать парламентским путем на власть они никак не могли.

Теперь считаем, как наш историк объясняет свое утверждение о том, что Сталин привел Гитлера к власти в Германии.

Он пишет:

«На выборах 1933 года Гитлер получил 43% голосов, социал-демократы и коммунисты — 49%...»

И еще:

«Товарищу Сталину нужна была война. Поэтому товарищ Сталин приказал коммунистам в единый блок с социал-демократами не вступать... После выборов 49 процентов голосов были разделены на социал-демократов и коммунистов. Вместе — сила, порознь — слабость. Не коммунисты, ни социал-демократы в отдельности не имели 43 процента голосов. Их имел Гитлер. И он победил».

Ну что ж, прежде всего проверим цифры, что приводит Суворов — Резун, по книге Аллана Буллока «Гитлер и Сталин» (Смоленск, 1994).

Количество голосов (в процентах)

Партии	14 сент. 1930	31 июля 1932	6 нояб. 1932	5 марта 1933
СДПГ	24,5	21,6	20,4	18,3
КПГ	13,1	14,6	16,9	12,3
Центристская партия	11,8	12,5	11,9	11,7
Баварская народная партия	3,0	3,2	3,1	2,7
Германская демократическая партия	3,8	1,0	1,0	0,8
Германская народная партия	4,5	1,2	1,9	1,1
Экономическая партия	3,9	0,4	0,3	—
Германская национальная народная партия	7,0	5,9	8,8	8,0
НСДАП	18,3	37,4	33,1	43,9
Другие партии	10,5	2,8	4,4	1,9

Итак, выборы 5 марта 1933 года: социал-демократы — 18,3 процента, коммунисты — 12,3, национал-социалисты — 43,9 процента.

Насчет национал-социалистов Суворов — Резун почти угадал, а о других — нет. Не имели социал-демократы вместе с коммунистами 49 процентов голосов. И **никогда** не имели.

6 ноября 1932 года: социал-демократы — 20,4 процента, коммунисты — 16,9, национал-социалисты — 33,1.

Еще одни выборы, 31 июля 1932 года: социал-демократы — 21,6 процента, коммунисты — 14,6, национал-социалисты — 37,4.

Неверны цифры у Суворова — Резуна. Не в ладах он с цифрами.

Мой совет ему: в очко играть не садись — разденут...

Вот и получается, что исходные положения Суворова — Резуна неверны. Теперь разберемся с выводами.

«Сталин открыл дорогу к власти для Гитлера методом, которым Ленин открыл дорогу для власти для Муссолини».

Ну, допустим.

Допустим, что Сталин хотел победы Гитлера. Хотел объединить под властью фашистов Европу, чтобы Гитлер имел перевес в людях в три раза и располагал промышленным потенциалом в пять раз более России. Это в 1941 году Сталин что-то построит, но в 1933-м промышленный перевес Европы был больше раз в десять!

И именно тогда Сталин задумал свой дьявольский план.

Благодаря большой численности населения СССР имел перед началом Второй мировой войны очень большую армию. Здесь СССР имел подавляющий перевес — но в **отдельности** — над Германией, Францией, Италией и Англией. Чтобы лишиться себя этого преимущества, Сталин, получается, и задумал объединить Европу под фашистским знаменем...

Завоевание Гитлером Европы нужно было Сталину еще для одного: для поголовной ликвидации всех коммунистов на континенте. Только когда Гитлер сгноит немецких коммунистов в концлагерях, сделает всех европейцев фашистами, сформирует полки СС из норвежцев, голландцев, датчан, фламандцев и т.д., — вот тогда Сталину можно будет нападать на Европу.

Каким мудрым был план Сталина! И только Суворов — Резун, единственный человек в мире, его разгадал!

Но он разгадал не только это...

Наш мудрец понял еще и то, что Гитлер победил на выборах!

«Ни коммунисты, ни социал-демократы в отдельности не имели 43 процента голосов. Их имел Гитлер. И он победил».

Это открытие прямо эпохально, а поскольку немцы до сих пор думают, что Гитлер на выборах не победил.

Военная переводчица Елена Ржевская в книге «Гейбельс. Портрет на фоне дневника» пишет:

«У нас бытует ошибочное представление, будто Гитлер в результате победы на всенародных выборах 1933 года стал канцлером. Это не так. Он был главой самой массовой партии, получившей преимущественное по сравнению с другими партиями число голосов, но это не означало, что тем самым он становится канцлером. Он получил этот пост из рук Гинденбурга в критический момент, когда выявились спад популярности его партии и кризис внутри нее».

На самом деле Гитлер на выборах проиграл. В 1932 году были выборы президента — Гитлер стал вторым, Гинденбург — первым. Победил Гинденбург, выбранный президентом. В 1933 году национал-социалистическая партия получила больше голосов, чем другие партии, — но по немецким законам это совершенно ничего не значило. У нас в 1993-м Жириновский получил максимальное число голосов на выборах в парламент, но ему не вручили пост премьер-министра.

Президент Германии Гинденбург мог предоставить пост канцлера любому, чья кандидатура получила бы большинство при голосовании в парламенте, что он и сделал: канцлером стал министр обороны генерал-майор фон Шлейхер.

Но почему Гинденбург позднее вдруг передумал и сделал канцлером Гитлера? Ответ на этот вопрос очень точно дает книга Вилли Фришауера «Взлет и падение Геринга». Фришауер был в 1933-м немецким журналистом — он свидетель той эпохи.

Он пишет, что на выборах 31 июля 1932 года национал-социалисты получили 230 мест, тогда как коммунисты всего лишь 89, а социал-демократы — 133 места. Но нацистов Гинденбург презирал, во время визитов к нему Гитлера он даже не протягивал ему руки. Пост канцлера Гитлеру не светил. Однако настроение Гинденбурга внезапно резко изменилось. А дело было в том, что социал-демократы потребовали расследования деятельности прусских помещиков Юнкеров — соседей Гинденбурга по поместью и деловых партнеров. Юнкеры растратили государственные средства, и следы могли привести к Гинденбургу. Канцлер Шлейхер обещал социал-демократам расследовать это дело. Сын Гинденбурга срочно связался с Герингом: Гитлеру предлагали пост канцлера.

Вот так из-за «дела Юнкеров» Гитлер и стал во главе Германии. Конечно, свою роль сыграли и многие другие предпосылки: экономический кризис, сделавший Гитлера популярным; финансовая поддержка Шахта и прочих банкиров на предвыборной компании Гитлера; даже ненависть Сталина к социал-демократам после того, как те вместе с группой Брандлера в германской компартии «способствовали поражению рабочего класса Германии во время революционных событий 1923 года» (С т а л и н И.В. Сочинения. Т. 6. С. 411) — и многое другое.

Но решающее слово в назначении Гитлера канцлером принадлежало именно Гинденбургу.

Канцлер Гитлер уже не расследовал дело Юнкерсов. Вскоре был организован поджог рейхстага (В. Фришауер приводит факты, свидетельствующие, что эта акция была совершена по команде Геринга). После такой провокации оппозиционные партии, в том числе и социал-демократическая, были запрещены.

К этому можно добавить, что вскоре Шлейхер был убит, была убита и его жена; социал-демократов отправили в концлагеря.

Это было только начало...

Но продолжим знакомство с открытиями Суворова — Резуна:

«Социал-демократы неоднократно предлагали коммунистам совместные действия против Гитлера на любых условиях, но всегда получали твердый и решительный отказ».

Проверим и это — по книге Е. Ржевской. Она сообщает следующее: Гитлер был назначен канцлером 30 января 1933 года. Накануне этого рокового события, 29 января, сто тысяч рабочих собрались в центре Берлина, протестуя против столь опасного для страны назначения. В 1920 году, в дни капповского путча, рабочие, объявив всеобщую забастовку, защитили республику — но, когда 30 января 1933 коммунисты предложили социал-демократам провести всеобщую забастовку, те наотрез отказались. Они легкомысленно сочли, что Гитлер и без того через несколько недель сойдет с политической сцены. Их аргументация была близоруко-наивной: поскольку нацистский руководитель «пришел к власти согласно правилам, принятым в демократических государствах», всякое внепарламентское сопротивление следует исключить.

Сделав Гитлера канцлером, Гинденбург распустил рейхстаг — с мыслью, что после выборов нового его состава национал-социалисты получат абсолютное большинство. Но Гитлер его опять не получил! Не имели большинства в рейхстаге и социал-демократы с коммунистами. Тогда Гитлер и Гинденбург совершили грубый политический трюк: 23 марта рейхстагу был предложен закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству и диктаторских прав рейхсканцлеру (Гитлеру). Социал-демократы голосовали против. Но партия национального фронта и партия центра поддержали национал-социалистов.

Теперь еще раз вспомним идею Суворова — Резуна: Гитлера привели к власти Сталин и коммунисты. Теперь послушаем мнение по этому вопросу Г. Гудериана, начальника Генштаба сухопутных войск вермахта в 1944—1945 годах:

«23 марта 1933 г. был принят пресловутый закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, наделивший рейхсканцлера диктаторскими правами. Он был одобрен большинством голосов, поданных депутатами от партии «национального фронта» и от партии центра. Социал-демократическая партия мужественно голосовала против этого закона, губительности которого для будущей судьбы Герма-

нии многие политики тогда не понимали. Ответственность за все последствия должны нести те политические деятели, которые в свое время голосовали за его принятие» (Г у д е р и а н Г. Воспоминания солдата. Ростов/на Д., 1998. С. 37).

Но это мнение немца, нациста, ближайшего сподвижника Адольфа Гитлера. У коммуниста — юродствующего Суворова — Резуна — иное мнение. Он не немец — ему виднее.

Но как же все-таки пришел к власти Адольф Гитлер? Очень просто.

После смерти Гинденбурга Гитлер, будучи диктатором, совместил посты канцлера и главы государства, что было, конечно, противозаконно. Таким образом, к правлению Германией Гитлер, как и Муссолини в Италии, пришел самочинно, минуя выборы.

Глава 8 опуса Суворова — Резуна называется «У кого союзники лучше». Главная цель ее — доказать, что союзники СССР — Англия и США помогали России куда лучше, чем союзники Германии помогали рейху.

Свою мысль Суворов — Резун подкрепляет фотографией (см. вклейку).

Надпись под фотографией гласит: *«Американские студебеккеры — Сталину. Это и есть готовность к войне».*

Здесь есть грамматическая ошибка: название марки автомашины без кавычек. Но главное в другом. К какой войне? До 22 июня 1941-го «студебеккеры» в Россию из США, как известно, не поступали.

Резун пишет книгу о желании Сталина напасть на Европу в 1941 году. При чем тут американская помощь?

«С 1 октября 1941 года по 31 мая 1945 года только Америка снарядила и отправила Сталину 2660 транспортных кораблей», — бойко сообщает Суворов — Резун.

Да, снарядила и отправила. Но при чем это в книге про «нападение Сталина»?

«Союзники не приходят сами. Их надо найти, союз с ними обеспечить», — пишет Суворов — Резун.

Аргумент убедительный.

Да, насчет союзников Сталин был просто мастер. Перед 22 июня 1941-го он имел сплошные союзы — с Францией, с Англией, США. Они появились сразу после агрессии против Финляндии. Как отбомбились наши СБ по Хельсинки, так вся Европа сразу выстроилась в единый фронт. «Слышался единый вопль: война России!..» — писал французский журналист де Кериллис о том периоде.

Англия и Франция стали с о ю з н и к а м и Финляндии в посылке ей оружия, даже хотели отправить туда экспедиционный корпус для действий против Красной Армии.

Все правильно: были союзники — у Финляндии, а обеспечил ее ими Сталин.

Антисоветский запал в Британии из-за Финляндии был настолько силен, что когда 22 июня Германия напала на СССР, англичане даже и не знали, чью сторону занять. Советский разведчик Ким Филби писал о дне 22 июня 1941 года:

«Всех терзали сомнения в этой запутанной ситуации. На чью сторону встать, когда Сатана пошел войной на Люцифера? «Боюсь, русским придет конец», — задумчиво сказал Манн. Многие с ним согласились, некоторые даже со злорадством. Дух добровольцев, собиравшихся в Финляндию, был еще жив. Дебаты, однако, скоро прекратились, так как объявили, что вечером выступит Черчилль с обращением к народу. Самое разумное для рядовых англичан было подождать, пока не выскажется премьер-министр.

Черчилль разрешил проблему. Когда он кончил речь, Советский Союз уже стал союзником Англии» (Ф и л б и К. Моя тайная война. М., 1980. С. 42).

Так вот, нашей союзницей Британия стала только 22 июня 1941 года, после выступления Черчилля.

«Везло нам на союзников», — довольно пишет Резун. А потом, доказывая свою мысль, пишет, как посланцы Сталина приобретали у французов моторы, а у американцев — танки.

«Немедленно Советский Союз начал их массовое производство. Башню мы и сами сделать умеем, двигатель сначала использовали американский — «Либерти», потом нашли даже лучший — немецкий БМВ».

Все правильно: авиамоторы — из Франции, танки — из Америки, — но это Сталин готовил «нападение на Европу»! Американцы делали танки просто так, потому что они очень красивые. Потом немцы со своими моторами ввязались: очень уж им не терпелось, чтобы Сталин побыстрее напал. Но уже много было желающих вооружить Сталина — еле удалось втиснуться в очередь.

«Я показываю на примерах, что страны Запада гнали в Советский Союз бомбардировщики и авиационные двигатели из Франции, танковые двигатели БМВ из Германии, танки Виккерс и Карден-Ллойд из Британии, танки Кристи из Америки, и все это выдавалось за металлолом или за сугубо мирную продукцию».

В общем, европейцы наперебой совали свои бомбардировщики и танки потенциальному врагу. Неужели Запад сошел с ума и готовил себе погибель?

Проверим.

Танки «Карден-Ллойд»... Были в Красной Армии танки «Карден-Ллойд»? Не было. «Карден-Ллойд» Mk VI — это не танк, а пулеметная танкетка, по образцу которой в СССР была создана танкетка Т-27.

Суворов — Резун пишет: *«Я показываю на примерах...»* — и никаких примеров насчет танка «Карден-Ллойд».

И про бомбардировщики из Франции он тоже «показывает на примерах», даже не упоминает их марки. Наверное, потому, что их попросту не было.

А вот говоря про «танковые двигатели БМВ» из Германии, он называет марку — и уличить его совсем легко.

Не было «танковых двигателей БМВ»!

«В 20—30 годах ряд двигателей выпускался на наших моторных заводах по иностранным лицензиям:... М-17 — БМВ-6 (Германия)», — пишет А.С. Яковлев в книге «Советские самолеты» (М., 1982. С. 246). «Общим для танков Т-28 и Т-35 было применение мощного авиационного мотора М-17» (Оружие Победы. М., 1985. С. 132).

Выходит, немцы не «гнали» в Советский Союз танкового мотора, поскольку не было у них танкового мотора БМВ, а был авиационный, для танкового двигателя не совсем подходящий.

И немцы никогда не выдавали свой авиамотор «за металллом или за сугубо мирную продукцию». В этом и не было нужды, поскольку мотор имел и сугубо мирное применение: он ставился на советские пассажирские самолеты К-5 и АНТ-9.

Ну, еще немного посмеемся над познаниями Суворова — Резуна. Он пишет: *«...двигатель сначала использовали американский — «Либерти», потом нашли даже лучший — немецкий БМВ».*

То есть с н а ч а л а был неплохой «Либерти», а п о т о м — совсем хороший БМВ.

Смотрим в справочник. «Либерти» стоял на танке БТ-2, принятом на вооружение в 1931 году, — однако еще в 1925 году появился у нас самолет ТБ-1 с мотором М-17, который и был тем самым БМВ — БМВ-6.

Как же так? В СССР выпускают БМВ-6, потом — через столько лет — в Германии... «находят вдруг «даже лучший», БМВ!

«Находят»!

На самом деле в середине 30-х годов у фирмы «БМВ» была приобретена лицензия на изготовление на Запорожском заводе моторов БМВ-6, которые уже давно использовались в авиации и на танках. Фирма «БМВ» к тому времени уже давно перешла на моторы большей мощности и потому даже не смогла толком воспроизвести прежнюю техническую документацию. Из-за этого, к примеру, на моторах, изготовленных на Запорожском заводе, ломались поначалу коленвалы. Тогда коленвалы сделали потоньше, чтобы разнести частоту работы мотора и резонансные частоты коленвала, — и это избавило мотор от поломок. Когда об изъёне сообщили на фирму, та прислала письмо с извинениями.

Но всего этого Резун наверняка не знает.

В главе 9 «А как реагировала бы Британия?» Суворов — Резун снова привязывается к читателю со своим «вопросом».

«Возникает вопрос. И вполне резонный. Союзники действительно помогли Сталину. Но Советский Союз был жертвой нападения, и потому ему помогли. Ну а если бы Советский Союз напал на Германию, как бы к этому отнеслись Британия и США?

Давайте разберемся».

И вот он разбирается, высказывая свои гипотезы и домыслы, развивая свои рассуждения на целые 20 страниц.

Но это лишь гипотезы и домыслы. Нас они, конечно же, не интересуют, поскольку есть непосредственные высказывания самих лидеров Англии и США о том, как реагировали бы англичане и американцы на нападение СССР на Германию.

По свидетельству И. фон Риббентропа, когда летом 1940 года И.В. Сталин установил с Лондоном тесные отношения через своего посла С. Криппса, Черчилль заявил, что не пройдет и полутора лет, как Россия выступит против Германии (См.: Откровения и признания / Сост. Г.Я. Рудой, Смоленск, 2000. С. 36).

Иначе как подстрекательством Германии к нападению на СССР это не назовешь.

Поскольку официальное положение У. Черчилля обязывало придерживаться язык за зубами, о сокровенных мыслях его о войне можно судить по высказываниям его сына Рандольфа: «Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом».

Подобное некоторые официальные лица Британии говорили открыто.

Нарком авиапромышленности А.И. Шахурин в своих воспоминаниях писал, что англичане в начале Великой Отечественной отказались поставлять СССР современные самолеты. «Поведение Бальфура не покажется странным, если принять во внимание позицию, которую занимал тогдашний министр авиационной промышленности Англии Мур-Брабазон, открыто высказывавший надежду на взаимное уничтожение русских и немцев в интересах усиления Великобритании» (Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1985. С. 119).

У. Черчилль хотел претворить эти мечтания в жизнь. «Черчилль пытался договориться с американцами о том, чтобы вместе с ними заключить сепаратное — без участия СССР — перемирие с Германией. Американское правительство не пошло на это» (Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1968. С. 373).

Итак, в конце войны, когда англо-американо-советский союз, казалось, был спаян накрепко, Черчилль предлагал американцам выйти из игры, чтобы немцы могли и дальше убивать русских. Вот такой у нас был верный и преданный английский друг.

Черчилль был не одинок в своих надеждах. Когда к командующему английской армией Монтгомери обратился преемник покончившего с собой Гитлера, адмирал Дениц, с предложением о сепаратном мире, Монтгомери согласился. И только благодаря тому, что командующий американской армией Эйзенхауэр сепаратному миру воспротивился, немцы прекратили сопротивление и капитулировали — день их капитуляции и стал Днем Победы.

А британский гражданин Суворов — Резун вопрошает: *«Ну а если бы Советский Союз напал на Германию, как бы к этому отнеслись Британия и США?»*

Да с восторгом! В этом никто и не сомневался никогда. К чему задавать пустые вопросы?

Когда началась война Германии с СССР, радости Черчилля не было границ. Вторая столь же радостная минута будет у него в 1945-м. В.Г. Трухановский пишет:

«Черчилль испытывал огромную радость, когда во время работы Потсдамской конференции американская делегация получила доклад о том, что экспериментальный взрыв ядерной бомбы произведен успешно».

Заметим, «огромная радость» Черчилля в с е р е д и н е 1945 года. Что же именно в победном-то 1945-м вызвало у него такую радость?

В.Г. Трухановский:

«Знаменательно, что первая мысль Черчилля, после того как он прочел переданный ему Трумэном доклад, состояла в том, что атомная бомба должна быть использована против Советского Союза, что теперь Англия и США, запугав СССР новым оружием, смогут добиться его капитуляции».

Не против Японии, с которой Британия и США воевали, хотел применить Черчилль ядерное оружие, а против СССР, союзника, который как раз взял на себя обязательство вступить в войну с Японией и помочь Британии и США.

При американской атомной бомбе глава Великобритании рассчитывал построить отношения с СССР на новой основе. К чему теперь дипломатия, коли можно поступить куда проще? «Черчилль говорил, что сейчас Советскому Союзу надо заявить: «Если вы настаиваете на том, чтобы сделать то или это, то ладно же... а затем — куда девались эти русские?» Имелось в виду, что после «ладно же» сбрасываются атомные бомбы на Советский Союз, в результате чего «эти русские» будут стерты с лица земли».

Для тех, кто недостаточно внимателен, подчеркнем: У. Черчилль хотел уничтожить не коммунистов или вооруженные силы Советов, а русских, народ России.

В речи на конференции консервативной партии в 1948 году он предложил немедленно, не откладывая дела в долгий ящик, предъявить Со-

ветскому Союзу ультимативные требования. Среди этих требований было, например, предоставление международным монополиям доступа к эксплуатации «обширных просторов» СССР.

Все это весьма напоминает план Адольфа Гитлера — и по уничтожению населения, и по захвату ресурсов нашей страны.

Ну а как отреагировали бы на нападение СССР на Германию Соединенные Штаты?

Когда в 1939 году разразилась мировая война, Советский Союз оставался на первых порах вне боевых действий. И тут произошел один инцидент, о котором сообщает в своих воспоминаниях министр иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентроп:

«Происходило и такое сближение Соединенных Штатов с Россией, что Рузвельт «на основе новейшей информации» смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии» (Цит. по: Откровения и признания / С. 36).

Другими словами, Рузвельт тоже подстрекал Германию к нападению на СССР.

Скоро Германия и в самом деле напала на СССР. Через полгода Гитлер объявил войну и Соединенным Штатам. Казалось бы, Америке и Англии нужно было немедленно открыть второй фронт — чтобы помочь союзнику. О необходимости открытия второго фронта говорили и командование американской армии — и совершенно обоснованно. В 1942-м это могло бы отвлечь немногие немецкие резервы, что позволило бы русским прорывать немецкий фронт; а в 1943-м американцы имели достаточно техники уже для самостоятельного наступления.

Но Ф. Рузвельт отложил открытие второго фронта на два года. По этому поводу посол США в СССР У. Гарриман открыто говорил, что отсрочка имеет не военные, а политические причины.

Что же это были за политические причины?

В разговоре со своим сыном Эллиотом в августе 1941 года Рузвельт говорил так:

«Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флоты не будут готовы выступить на помощь. Поэтому мы должны начать посылать им в сто раз, в тысячу раз больше материалов, чем они получают от нас теперь. Ты представь себе, что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамейке. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в войну в решающий момент.

Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить гол. Мы придем со свежими силами» (Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 68—70).

Гарри Трумэн был еще откровеннее.

«Если мы увидим, — читаем на страницах «Нью-Йорк таймс» от 24 июня 1941 года, — что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Удивительно, что Суворов — Резун не читал этих строк. Это откровение Г. Трумэна я знал, когда еще ходил в школу.

Но Гарри Трумэн станет президентом США в конце войны — а мы чуть задержимся на времени, когда президентом был Франклин Рузвельт.

В 1943 году, когда Советский Союз сражался с фашистским военным блоком, по сути, в одиночку, глава американского ядерного проекта генерал Гровс на одном из совещаний заявил, что атомная бомба готовится не против Германии, а против СССР. Одного из присутствовавших на совещании эти слова босса так поразили, что, по размышлении, он вошел в контакт с советской разведкой и передал ей информацию по атомной бомбе. Причиной своего поступка он назвал именно заявление Гровса.

Теперь, после всего сказанного, читатель без труда ответит на вопрос Суворова — Резуна: как бы отреагировали Америка и Британия на нападение СССР на Германию? Очень прост этот ответ в циничных словах Трумэна. Читатель может поискать и ответ на другой вопрос: могло ли наше советское государство, имея за спиной таких «друзей», как Англия и США, напасть на Германию?..

Теперь перейдем к главе 10. В ее названии у Суворова — Резуна снова вопрос. А вопрос такой: «Когда была создана антигитлеровская коалиция?»

Он лично считает, что еще до Великой Отечественной войны. Это его очередное «великое открытие».

Аргументы у него такие:

«Давайте вместе разберемся: Гитлер напал на Польшу, Британия с Францией объявили Гитлеру войну. А Америка сохранила нейтралитет. Гитлеровские захваты Америки не волновали. Через пару недель на Польшу напал товарищ Сталин, и никто ему войну не объявил. Ни Британия, ни Франция. И Америка не возмутилась».

И это, считает наш мыслитель, потому, что уже тогда существовала антигитлеровская коалиция.

Британскому гражданину было бы очень полезно заглянуть в историю Великобритании, чтобы узнать о причине спокойствия англичан в ту пору. Ллойд Джордж в сентябре 1939 года объяснил полякам: они заняли в 1920 году территории Западной Белоруссии и Западной Украины незаконно, так что Англия протестовать по поводу возвращения этих территорий России не будет. А дело в том, что в 1919 году победившие

Германию союзники определили границу Польши по этническому признаку, но Пилсудский пренебрег этой международно утвержденной границей, и поляки напали на Украину и Белоруссию. Когда контрудар Тухачевского вывел Красную Армию — при жертвенной поддержке западных белорусов, дававших ей все, что они могли, — к Висле, министр иностранных дел Англии Керзон потребовал, чтобы советские войска отошли за линию, определенную союзными державами (она получила название «линии Керзона»). Тухачевского ждало поражение, поляки перешли в контрнаступление — и на переговорах о мире снова не признали «линию Керзона», отхватив часть белорусских и украинских земель.

Так что и в этом вопросе все давно известно. Возвращается к нему только Суворов — Резун, ибо ему надо доказать, что антигитлеровская коалиция существовала уже в 1939 году и, следовательно, Сталин вполне мог начать поход на Германию.

«Потом Сталин напал на Финляндию, и опять ему никто войну не объявил. Не скрою, пожарили. На том все дело и кончилось. Президент США Рузвельт объявил Советскому Союзу «моральное эмбарго». «Моральное эмбарго» никак на поставки технологии из США не повлияло, поэтому для товарищей Сталина и Молотова и всех других товарищей такое эмбарго вообще ничего не значило».

Еще открытие Суворова — Резуна: Сталина за Финляндию пожарили и ограничились одним «моральным эмбарго».

Выглядело это, может, и так: Иосифу Виссарионовичу не подавали руки, не приглашали сесть, говорили ему «ты» и курили в его присутствии, не спрашивая на то разрешения. Ну а Молотова вообще в упор не видели.

Морально воздействовали.

На самом же деле американцы ввели торговое эмбарго на экспорт в СССР стратегических товаров и топлива, что имело катастрофические последствия для нашей страны и ее Красной Армии.

Н.А. Зенькович пишет в книге «Маршалы и генсеки»:

«До войны механикам-водителям отводилось всего пять часов практического вождения, в то время как в вермахте — не менее пятидесяти часов. Что это — вредительство, тупоумие или вынужденная мера?

Норма — пять моточасов — была введена наркомом обороны Тимошенко не от хорошей жизни. И не от глупости. Страна испытывала острейший дефицит горючего. Павлов, занимавший в 1939 году пост начальника автобронетанкового управления наркомата обороны, скрепя сердце завизировал подготовленный Тимошенко приказ о жесточайшей экономии топлива. Пять моточасов — это же курам на смех. Но выхода не было: после начала войны СССР с Финляндией США ввели торговое эмбарго на поставку в Советский Союз стратегических материалов. Запрет коснулся прежде всего ввоза высокооктанового

авиационного бензина и горючего для танков, а также и другой авиатехники. Американское эмбарго сохранялось до нападения Германии на СССР.

Вот почему на первых порах советские летчики и танкисты уступали немецким. Многому ли научиться соответственно за девять и пять часов? Вот в чем причина того, что в первые дни войны наши боевые машины быстрее выходили из строя — из-за неправильной эксплуатации, а исправные танки и самолеты приходилось бросать на дорогах и аэродромах — не было горючего. Павлов сказал истинную правду о самолетах, которые не могли подняться в воздух в первую ночь войны. Дело даже не в том, что летчики не имели навыков ночных полетов. На новейших илах и яках и днем никто не успел полетать! Пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 успели освоить не более 72 процентов летчиков, а истребители ЛАГГ — лишь 22 процента» (Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997. С. 491).

Горючего было слишком мало не только для боевой подготовки личного состава, но и для начавшихся с 22 июня 1941 года боевых действий.

Командующий Западным фронтом Павлов на допросе рассказывал о событиях 23 июня 1941 года следующим образом:

«Штабом фронта на 23 июня была получена телеграмма Болдина, адресованная одновременно и в 10-ю армию, о том, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючим. Учитывая необходимость в горючем, ОСГ (отдел снабжения горючим) еще в первый день боя отправил в Барановичи для 3-го мехкорпуса все наличие горючего в округе, т.е. 300 тонн. Остальное горючее для округа по плану генштаба находилось в Майкопе. Дальше Баранович горючее продвинуться не смогло из-за непрерывной порчи авиацией противника железнодорожного полотна и станций» (там же. С. 491).

Подытожим сообщенное Зеньковичем.

Запас горючего в Западном особом военном округе составлял всего 300 тонн. Был еще запас — но он в Майкопе, рядом с Черным морем. 300 тонн — это одна заправка для 400—600 танков. Таким образом, танки Западного фронта фактически не имели горючего. Не только из-за американского эмбарго, но и американское эмбарго сыграло свою роль.

Прошло полвека. Наступили наши дни. И вот в Англии появился самодельный историк, заявляющий, что Америка объявила СССР перед войной всего лишь «моральное эмбарго».

Что он еще заявляет?

«На переговорах советской стороной среди прочих был поставлен вопрос «о тех препятствиях, которые чинили американские власти в допуске советских инженеров на авиационные заводы» (История второй мировой войны. Т. 3. С. 352). В эту фразу следует вчитаться».

Вчитавшись, наш самодельный историк делает вывод:

«...если в апреле 1940 года советская дипломатия ставила вопрос об отмене ограничений допуска советских инженеров на американские авиационные заводы, значит, антигитлеровская коалиция уже существовала».

Антигитлеровская коалиция существовала уже в 1940-м!!! Да почему? А потому, что советские представители ставили вопрос о допуске наших на ихние заводы...

Американцы, однако, допуска не давали. Но для Суворова — Резуна это малозначительные детали, пустяки.

Американцы прятали от русских свои самолеты «Суперфортресс» — это тоже пустяки.

Когда «суперфортрессы», подбитые японцами, садились на советской территории, американские летчики уничтожали секретные агрегаты — и это пустяки.

Самолеты «Суперфортресс» были способны нести ядерные бомбы, а про ядерный проект американцы русским тоже ничего не сообщали. И это тоже детали.

Важнее иное. Советские представители ставили вопрос о том, что советских инженеров не пускают на западные авиационные заводы.

Вот это аргумент! Раз не пускали на заводы — значит, антигитлеровская коалиция уже существовала. Если бы пускали — коалиции бы еще не было.

Когда-то брат моего деда рассказал мне одну поучительную историю. Он был участником обороны Севастополя, был ранен и попал в плен. В концлагере их не кормили, надеясь сломить голодом и заставить служить во власовской армии. Пленные умирали, но во власовцы не пошел почти никто.

Рядом, за проволокой, томились пленные английские летчики. Чтобы одолеть скуку, англичане нашли нехитрую забаву: они бросали маленькие кусочки хлеба русским и с хохотом наблюдали, как обезумевшие от голода люди кидаются на хлеб. Конечно, когда на хлеб кидалось сразу несколько человек, от него ничего не оставалось. Замечая волнение в лагерной зоне, немецкий часовой с вышки бил из пулемета по толпе.

В лагере были также пленные французские солдаты. Ночами они пробирались к русским и отдавали им свой хлеб. Пулеметчик стрелял в каждого, кого замечал в разделительной зоне, но французам это не останавливало.

Финал этой истории такой: английские летчики были отправлены в крематорий, русские же пленные в 1945-м во время перевода их в другой лагерь напали на охрану, захватили оружие и пробивались к американцам. Всегда стоит бороться до конца.

Когда брат моего деда рассказывал мне эту историю, меня удивила его ненависть к англичанам и равнодушие к немцам. «Немцы были врагами, а эти-то считались союзниками», — объяснил он мне.

Много позже, листая английские и американские книги по истории Второй мировой войны (я делал серию передач о Второй мировой для англоязычных слушателей), я обнаружил странный факт: действия англичан и американцев описывались как «действия союзников», действия же русских — всего лишь как «действия русских». Весьма часто встречались фразы типа: «В 1944-м союзники и русские достигли новых успехов».

В чем тут дело? Ответа я не мог найти долго, до 1994 года, когда на Западе праздновалось 50-летие высадки союзников в Нормандии. Празднование велось с огромной помпой. Были приглашены делегации из многих стран. Отсутствовала только русская делегация...

Это очень знаменательный факт. Союзника по Второй мировой войне — русских, главную силу, переломившую хребет общего врага, — и не пригласили! Но еще удивительнее было то, что на это празднование не пригласили и некоторых бывших солдат западных армий — а именно русских по гражданству.

Про русские партизанские соединения во Франции и Италии широко известно; менее известно, что много русских воевало в американской армии. Это узники концлагерей, которых американцы освободили, а также те, кто бежал из лагерей или был угнан из СССР на работы в Германию.

Русские были солдатами американской армии. Они прикрывали американцев огнем, перевязывали им раны, делились с ними сигаретами. Если пулю получал солдат американской армии из Вологодской области, это ведь значило, что ту пулю не получил солдат американской армии из штата Калифорния.

Русские солдаты на Западе — это отдельная, тщательно замалчиваемая тема. В СССР про них не писали, поскольку бывшим солдатам союзных армий — нашим соотечественникам — давали на родине двадцать — двадцать пять лет лагерей «за службу в армии иностранного государства».

Но о них замалчивалось и на Западе. Одной из причин этого, возможно, является то, что слишком много у русских в западных армиях оказалось заслуг. Геринг, сдавшись двум американцам, на самом деле сдался русским в американской форме. Ирония судьбы: человек, создавший концлагеря, сдался бывшим узникам этих концлагерей.

В Америке арест Геринга приписали некоему Дж. Шапиро, стопроцентному американцу. Я читал американскую книгу про Геринга. Оказывается, Шапиро со своей поисковой группой специально поехал арестовать Геринга. Поразительно, но среди миллионов немцев ему встретился на дороге именно рейхсмаршал, который ехал прямо ему навстречу — специально, что ли, ехал, чтобы сдаться этому Дж. Шапиро?

В действительности же русские из американской армии остановили проезжавший мимо джип (скорее всего, в нем и был Дж. Шапиро) и сообщили о том, что ими задержан Герман Геринг. Тот вышел им на-

встречу, и они, русские в американской форме, отвели рейхсмаршала под стражу на кухню одного из домов. Есть документальные кадры, я их видел: Геринг сидит на кухне, среди тарелок, мрачный как сын. Дж. Шапиро и машины, на которой ехал к нему сдаваться Геринг, там нет...

Русские задержали и Гиммлера! Двое солдат, помогавших английскому патрулю, заметили что-то странное в трех немецких жандармах. Проверка англичан показала, что один из них — Гиммлер. Опять двое русских, бывших узников лагерей, — и опять, как это ни странно, глава ведомства по концлагерям. И опять же англичане предпочитают этого не вспоминать.

В самом деле, зачем вспоминать о русских? Русские не джентльмены. Они не выгибают стана для гордого вида, не употребляют в речи слова «джентльмен» и не считают всех других в мире ниже себя.

Хотя русские в 1994 году и не были приглашены на торжества, один фронтовой разведчик американской армии, русский, проник-таки через все границы и линии охраны и сфотографировался с Хиллари Клинтон. А потом, ностальгически погоняв на джипе по нормандскому берегу, уехал обратно в Россию...

Заметим, что американцы, не пригласившие на юбилей второго фронта своих бывших солдат из России, дали, однако, уйти от возмездия человеку, всю Вторую мировую войну бомбившему английские города — Вернера фон Брауна. Он стал у них весьма уважаемым человеком: конструировал ядерные ракеты против русских.

Против недавних союзников...

Не знаю, как другие, но я в тот день 4 июня 1994 года не мог избавиться от мысли, что празднуется не высадка в Нормандии, а этакая победа над СССР в «холодной войне». Англичане и американцы высадились 4 июня 1944 года в Северной Франции — именно в этот год, а не двумя годами ранее, как обещали. Вот эта задержка в два года и позволила нашим «союзникам» выиграть «холодную войну» против России.

На празднование 50-летия открытия второго фронта был приглашен немецкий посол во Франции.

И недаром: немцы внесли тоже вклад в эту победу.

Стараясь доказать свое утверждение о том, что еще до войны США состояли в антигитлеровской коалиции с СССР, Суворов — Резун приводит такой вот аргумент:

«Американский исследователь Антони Сюттон в 1973 году выпустил книгу «Национальное самоубийство». Книга хороша тем, что автор своей точки зрения читателю не навязывает, но совершенно безжалостно гвоздит по читательской голове поистине убийственными документами. На страницах 80—81 он неопровержимо доказывает существование тайного договора между Сталиным и Рузвельтом. Договор готовился в 1938 году».

Начнем с того, что наш историк переврал имя американца. «Antony Sutton» по-русски правильно писать «Энтони Саттон».

Это — первое.

Второе: экономист и политолог Э. Саттон написал 16 книг, в которых пытается провести, в общем, одну мысль — в Америке есть группа (он именует ее «Орденом»), которая проводит свою собственную политику, часто идущую вразрез с интересами американского народа. По Саттону, эта группа помогала индустриализации России, а потом финансировала Гитлера.

Целью Ордена является получение прибыли. Максимальную прибыль можно извлечь во время революций и войн, когда хозяева собственности теряют над нею контроль. О том, как Орден организует, а потом использует государственные потрясения, Э. Саттон особенно подробно пишет в книге «Как Орден организует войны и революции».

О Второй мировой в этой книге сказано так: «...корпоративная часть элиты наживалась от поставок по ленд-лизу, а также от подпольного сотрудничества с нацистским капиталом» (Указ. соч. М., 1995. С. 102).

Да, американская элита помогала России. Но, по Саттону, с целью столкнуть Россию и Германию, нажиться на этом, обескровить их, а потом диктовать миру свою волю.

Вопреки словам Суворова — Резуна Э. Саттон н а в я з ы в а е т читателю свое мнение, и довольно настойчиво. А мнение его таково: в наши дни американская элита способствует резкому усилению коммунистического Китая, чтобы впоследствии спровоцировать конфликт между Китаем и Россией. Саттон заканчивает свою книгу следующими тревожными словами:

«Даже без традиционной русской подозрительности русских можно понять, если они ощущают больше, чем небольшую тревогу. А кто скажет, что китайские коммунисты не примирятся с Москвой после 2000-го года и не объединят свои силы для уничтожения супер-супер-державы Соединенных Штатов?» (т а м ж е. С. 115).

Честно говоря, когда я читал эту книгу впервые, она мне показалась обычной паранойей о «масонах», «заговорах» и кознях «мирового правительства». Но сейчас у меня возникает уже сомнение в первом впечатлении. Ведь, по Риббентропу, даже Рузвельт явно провоцировал Германию к нападению на СССР.

СУВОРОВ — РЕЗУН ВОЮЕТ ПРОТИВ МАРСИАН

Глава 11 называется «Как я воевал с марсианами».

Хорошее название, и эпиграф интересный:

«И потом все видели эту бездарную, позорную финскую кампанию, когда наша страна тыкалась, тыкалась около этой самой линии Маннергейма. Всем показали, что мы воевать... и противники наши видели, что мы воевать не готовы.»

Александр Солженицын

Останкино, 15 мая 1995 г.».

Очень любопытный эпиграф.

В этой главе наш исследователь пробует опровергнуть самого Солженицына, доказывая, что финская война показала блестящие качества Красной Армии.

«Вообще в двадцатом веке, если одна армия встала в глухую оборону, то прорвать ее фронт вовсе не просто. За всю Первую мировую войну ни немцам, ни британцам, ни американцам, ни французам прорвать фронт обороны противника не удалось ни разу. Исключением была только Русская армия. За всю Первую мировую войну была только одна операция, название которой происходит не от местности, а от имени полководца — генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова — Брусиловский прорыв».

Ну коль Суворов — Резун пишет, что прорыв был единственным, это, конечно, значит, что прорыв был далеко не единственным. И в самом деле, в Первую мировую практически весь русский фронт был подвижным; особенно сильно он менялся в Польше: сказывался перевес немцев в тяжелой артиллерии. Подвижным фронт был и во Франции. Маршал Фош в 1918 году прорвал глубоко эшелонированную немецкую оборону и, наступая, вынудил немцев просить о перемирии. Большую роль в этом сыграло новое оружие — танки. Немецкий генерал Цвель утверждал: «Не гений маршала Фоша победил нас, а «генерал Танк» (Энциклопедический словарь вооружений Кирилла и Мефодия. М., 1998). Однако определенную роль в прорыве сыграл все же и «гений» маршала Фоша. Маршал предпринял прорыв на нескольких

участках, так что немцы не знали, куда срочно направлять резервы. Сам же Фош заблаговременно подготовил резервы и немедленно ввел их в прорыв. Да и свои немногочисленные тогда еще танки он использовал умело: сначала артиллерия обрабатывала передний край обороны противника, потом вперед двигались танки, стреляя по второй и третьей линиям обороны немцев, не давая им возможности планомерно отойти и закрепиться.

В начале октября французы начали продвигаться столь успешно, что положение Германии стало безнадежным. Союзники Германии — Австро-Венгрия, Турция и Болгария — поспешили заключить перемирие с державами Антанты. Недовольство немецкого народа лишениями привело к революции 8 ноября, а 11 ноября было подписано перемирие.

Но наш историк всего этого, видно, не знает и потому делает еще одно «открытие»:

«Прорыв «линии Маннергейма» — это первый в истории пример прорыва долговременной оборонительной полосы. Только после того, как Красная Армия в Финляндии совершила нечто выходящее за рамки вообразимого, эксперты стали допускать, что прорыв теоретически возможен».

Значит, эксперты стали допускать и такое, озадаченно почесывая в затылке.

Истории Первой мировой войны эксперты не знают. Только Суворов — Резун для них авторитет.

«Вывод: Красная Армия прорвала «линию Маннергейма», т.е. совершила невозможное. Четырежды невозможное. Такое было возможно только у нас. И только при товарище Сталине. И только после великого очищения армии: приказ не выполнен — расстрел на месте. Как расстрел командного состава 44-й стрелковой дивизии перед ее строем».

Из этих слов явствует, что Суворов — Резун не знает историю не только Первой мировой, но и финской войны.

Командующий 44-й дивизией Виноградов, начальник штаба Волков и начальник политотдела дивизии Пахоменко были расстреляны за то, что «бросили свою дивизию в самый ответственный период боя и первыми ушли в тыл», покинули раненых и замерзающих, — а не за то, что не выполнили приказа. Приказ прорвать финскую оборону не выполнили командиры всеми армиями, что наступали на Финляндию в конце 1939 года. Сталин почти всех их сместил, но не расстрелял.

Далее Резун показывает свое незнание уже Гражданской войны.

«Кстати, деление на белых и красных было проведено во всех прилегающих к нашим границам территориях: в 1920 году мы воевали против «белополяков», в 1921 году — против «белофиннов» и «белокарел», в 1927 году — против «белокитайских генералов»... Уже сам термин «белофинны» свидетельствовал о том, что наша цель — превратить их в красных».

Разберемся с этим пассажем.

С «белофиннами» война началась не в 1921 году, а в 1918. Россия была тогда ослаблена, и граничащие с нею государства принялись отхватывать от нее куски. Финляндия не стала исключением (что и предопределяет в будущем «зимнюю войну» 1939/40 года). В марте — мае 1918 года финские войска вторглись в Восточную Карелию.

Карелы веками тяготели к Северной России; когда шведы завоевали Финляндию, значительная часть карел ушла под Тверь и в Подмосковье. В 1918 году Финляндия еще оставалась во многом страной шведской элиты — вторжение финнов не несло карелам тогда ничего.

Россия не имела возможности отстоять карельскую территорию, и в 1919 году, после долгих боев, в Восточной Карелии была создана Карельская трудовая коммуна — одно из буферных государств, которыми советская Россия хотела себя окружить. Боевые действия в Карелии продолжались до февраля 1922 года.

Это — насчет 1921 года, когда мы якобы *«воевали против «белофиннов» и «белокарел»*.

Теперь насчет пассажа *«Уже сам термин «белофинны» свидетельствовал о том, что наша цель — превратить их в красных»*.

Суворов — Резун не знает, что деление на «белых» и «красных» появилась именно в Финляндии, а не в России.

«27 октября 1917 года *«белой гвардией»* называли себя студенческие боевые дружины в Москве, выступившие вместе с отрядами юнкеров и кадет на защиту Временного правительства. О том, почему студенты выбрали именно это название, можно строить лишь догадки. С этого времени выражения «белая гвардия», «белогвардейцы» эпизодически появляются только в советской печати. Их распространению способствовали только события в Финляндии, где с конца 1917 года начались столкновения, а с февраля 1918 года — полномасштабная гражданская война между Красной и Белой гвардией.

Лишь с лета 1918 года наименования *«белогвардейцы»*, *«белые»*, *«белые армии»* начинают относить ко всем силам, выступающим с оружием против большевиков» (Родина. 2000. № 11).

Теперь разберемся с «белополяками». Так называли поляков, вторгшихся в 1920 году на Украину и Белоруссию. Наряду с «белополяками» действовали и «красные поляки». Они воевали против Пилсудского в составе отдельных соединений Красной Армии; когда Украина и Белоруссия были освобождены, высказывалось предложение, чтобы Польшу освобождали от Пилсудского только «красные поляки», — однако впоследствии было решено, как выразился В.И. Ленин, «помочь в советизации Польши».

После окончания войны с Пилсудским «красные поляки» воевали на Перекопе. Полегло там до 40 процентов всего их состава.

Но Суворов — Резун истории не знает. Книг он не читает. И потому пишет мировую историю сам как бы заново.

В главе 12 он задает вопрос «Кто проиграл войну в Финляндии?».

Этого он тоже не знает. И потому предается домыслам.

«Так кто же проиграл войну в Финляндии? Ответ: войну в Финляндии проиграл Гитлер. Красная Армия провела в Финляндии уникальную, беспримерную операцию. Красная Армия действовала так, как не действовал никто и никогда, и Гитлеру почему-то показалось, что Красная Армия действует плохо. Гитлеровские генералы видели перед собой чудо, но не понимали его значения».

Итак, войну в Финляндии проиграл Гитлер.

Сказать по правде, я всегда подозревал, что и м е н н о Г и т л е р п р о и г р а л войну в Финляндии. Я рад, что мои подозрения наконец оправдались.

Суворов — Резун с презрением бросает Гитлеру:

«Гитлеру надо было не зубоскалить, а отправить в Финляндию одну немецкую пехотную роту... Пусть попробуют наступать. Пусть попробуют уничтожить железобетонную огневую точку, которую никак в слепящем снегу не разглядеть».

Хорошие советы дает наш стратег Гитлеру. Дельные советы, нужные. Что ни совет — видна наша родная, советская военная школа.

Пусть Гитлер не обходит линию Мажино с фланга, а посылает своих немецких солдат брать ее в лоб. Да зимой, в лютый мороз.

Пусть немцы попробуют уничтожить железобетонную огневую точку, «которую никак в слепящем снегу не разглядеть». Сразу видно, что Суворов — Резун — наш, советский офицер. Вот такие командиры и воевали в финскую войну.

«Пусть попробует атаковать, когда снег — по самые уши, — продолжает вдохновенно петь наш советский офицер. — Если не получается, пусть найдет другое место и попробует атаковать там, где снег не по шею, а только по грудь. Или даже по пояс».

Все чисто по-советски: сначала надо атаковать там, где снег по шею, и только после этого искать место, где снег только по пояс. Спасибо Суворову — Резуну, что сбежал от нас в Англию.

«Пусть переспят одну ночь на полярном морозе, — продолжает он. — Пусть погрызут хлебную корочку железобетонной прочности».

Конечно же, на полярном морозе есть заледеневшую хлебную корочку и спать способна была только Красная Армия. Финские солдаты, что воевали в тех же местах, между боевыми действиями летали на карнавал в Рио-де-Жанейро отогреться.

Вопреки мнению Суворова — Резуна холодной климат был не противником, а союзником Красной Армии. Оборонявшиеся не могли вырыть себе окоп и лежали неподвижной цепью на снегу. Благодаря силь-

ному холоду озера замерзли, и финнам пришлось оборонять колоссальные пространства, а не узкие проходы между озер (достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, как чудесно озера прикрывают Финляндию на востоке). Лютый мороз не давал финнам возможности окопаться. Сталин поставил задачу: «Во что бы то ни стало овладеть линией Маннергейма до весеннего разлива вод — такова основная задача!» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968. С. 187).

В конечном счете войну удалось выиграть именно благодаря холоду. Советские войска 4 марта прошли по замерзшему морю Выборгский укрепрайон и начали продвигаться вдоль побережья на запад, к столице Финляндии. Война приобретала маневренный характер, на которую у финнов просто не хватало людей. 7 марта Маннергейму пришлось выступить на военном совете за начало переговоров с русскими. 12 марта был подписан советско-финляндский договор. Если бы не мороз и лед, финны могли продержаться до англо-французской помощи, и тогда...

Но вернемся к Суворову — Резуну, к бравому советскому офицеру.

«Вот с этими-то солдатиками и следовало побеседовать. Следовало потрогать их черные ушки, которые отламываются с хрустом, боли не причиняя. Следовало осмотреть их ноги, покрытые пузырями обморожения», — смакует он ужасы той войны.

На финнов это, конечно, не распространяется. Они сделаны из карельской березы. Морозы их не берут.

«Гитлеру следовало послать в Финляндию человек пять своих генералов: пусть опыта наберутся, пусть (так в книге. — А.П.) попробуют организовать снабжение хотя бы одного пехотного взвода, и если удастся протолкнуть одну машину сквозь снега, то пусть попробуют водочки мороженной. Вот у этих генералов следовало Гитлеру впечатления узнать. И смеяться над Красной Армией до упаду.

Но Адольф Гитлер почему-то так не поступил».

Не поступил? Как всегда, незнание истории, товарищ Резун. Да поступил так Гитлер! В Финляндии немцы воевали целые три зимы. И — удивительное дело — по горло в снегу в атаку не ходили. И организовывали снабжение не только «одного пехотного взвода», но и целых дивизий. И не на Карельском перешейке, а в Лапландии, за Полярным кругом. И ничего. Никто ими, пуская слюни, не восхищается.

«И Черчиллю в туманном Лондоне непонятно, что это там Красная Армия тычется. Всем им в кабинетах не понять, что есть минус 32. Им не понять разницы между минус 35 и минус 38».

А разница, знамо дело, существенная. Но Черчиллю этого конечно же не понять.

«Тот, кто видел Британию под легким снежком, не даст соврать: все кюветы завалены машинами вверх колесами».

Я не видел Британию под легким снежком, но верю, что все кюветы в Британии прямо до краев завалены машинами вверх колесами. А дороги пустынные...

Когда на Англию опускается первый снежок, вся британская жизнь перемещается в кюветы. Там люди и рождаются, и кончают школу, и играют свадьбы, и умирают. Там же и кладбища. Очень удобно: не надо никуда везти покойника: заровняли кювет вровень с дорогой, — и по-рядок!

В каком-нибудь кювете, наверное, и Суворов — Резун зимою пишет свои книжонки.

«Красная Армия выжила. Мало того, задачу выполнила. И этого мало: она еще училась. Училась поразительно быстро. Читайте шведские газеты за февраль 1940! Так вот там, в тех газетах — не поверите — там восхищаются моей армией».

Охотно верю, что английской армией шведские газеты в феврале 1940-го восхищались. Но речь-то о Красной Армии. Поэтому я иду в библиотеку полистать шведские газеты за февраль 1940 года.

— Чего-о? — спрашивают в библиотеке.

— Шведские газеты за февраль 1940-го. Суворов — Резун говорит: «Читайте».

Долгая пауза.

Должен сказать, что меня в этой библиотеке не считают сумасшедшим. Я в ней беру книги по истории и технике, а не Суворова — Резуна. Так что никто никуда не звонит. Мне даже приносят журнал — не шведский, а «Крылья Родины» за сентябрь 1993 года. В нем есть о том, как «русские учились в Финляндии».

Как ни посредственны были советские самолеты И-16 и И-153, финская авиация была оснащена еще хуже. Какое-то сопротивление могли оказать лишь 39 «фоккеров» образца 1936 года. Уточним: именно «фоккеры» голландца Фоккера, а не немецких «фокке-вульфов». Это у нас потом назовут немецкие истребители «фоккерами» — помня о финской войне.

Итак, 39 «фоккеров» — против 1000 самолетов красного воздушного флота.

Эту битву выигрывают «фоккеры»!

Один капитан Сараванто сбил 13 советских военных самолетов, тогда как весь отряд «фоккеров» потерял всего 12 машин (один случайно сбила финская ПВО).

Всего финны сбили 640—650 наших самолетов (300 — зенитками), потеряли 62. Соотношение один к одиннадцати.

При огромном количественном превосходстве советских ВВС соотношение должно было быть обратным.

Как же такое произошло?

Самых финнов крайне озадачил этот вопрос. Они собрали комиссию и выехали изучить обломки русских машин. К их удивлению, среди обломков бомбардировщиков ДБ-3, что были сбиты капитаном Сараванто, они не нашли ни одного пулемета! А этих пулеметов было положено три на самолет.

Командование РККА посылало бомбардировщики не только без истребительного сопровождения, но и вообще не вооруженными!

Чудес «зимней войны» финны понять не могут. Они не читали Суворова — Резуна.

«Уже в первых боях было установлено, что Красная Армия имеет лучшие в мире танки, лучшие в мире пушки и гаубицы, лучшие в мире самолеты для агрессивной войны».

Вот в чем было дело! Такой поганый результат получился только потому, что у Красной Армии были лучшие в мире самолеты. На них нечего ставить пулеметы — самолеты и без них хороши.

Ну а как все обстояло на самом деле? Были ли у русских «лучшие в мире самолеты»?

Обратимся к книгам по истории авиации.

1936 год. В Германии есть самолет нового поколения Bf-109, будущий Me-109. Скорость первой модели — 470 км/ч. Опытные самолеты посылаются в Испанию, где встречаются с советской авиатехникой, но особой эффективности не показывают.

В Англии с финансовой помощью британских патриотов авиаконструктор Р. Митчелл выпускает «Спитфайр» (см. вклейку), тоже самолет нового поколения, не уступающий «мессершмитту».

В СССР выпускается И-15 (скорость 362 км/ч) и И-16 (454 км/ч). Появляется новый истребитель, биплан И-15бис (370 км/ч).

1937 год. Результаты применения «мессершмиттов» в Испании рассматриваются как положительные, и самолет идет в серию. Рекордная модификация «мессершмитта», Me Bf 109V-13, показывает 611 км/ч (11 ноября) — мировой рекорд для самолетов наземного базирования.

В СССР продолжается выпуск И-15, И-15бис и И-16. Срывается выпуск мощного двигателя водяного охлаждения М-105 — усовершенствованной французской «Испано-Сюизы». Разработка создававшихся под него истребителей ЦКБ-43 и И-19 откладывается.

1938 год. Во Франции появляется «DEWOITINE D.520» с 20-мм пушкой и четырьмя 5-мм пулеметами. Скорость истребителя — 538 км/ч.

Самолет «Мессершмитт-109Е» добывается полного преобладания в небе Испании.

Поликарпов начинает работы над истребителем с мотором воздушного охлаждения, И-180, но из-за технической недоведенности отечественных моторов опытные экземпляры разбиваются, летчики гибнут.

Появляется И-153, скорость — 443 км/ч. На И-16 ставится новый двигатель — М-62, созданный на основе американского. Скорость — 525 км/ч.

1939 год. Американский двухмоторный истребитель «Локхид Р-38» достигает 675 км/ч (11 февраля). Самолет имеет и большую дальность (1408 км). У американцев есть еще и «Эркобра» (579 км/ч; см. вклейку) и «Томогаук» (533 км/ч).

Рекордный вариант английского «Спитфайра» — «Спид спитфайр» достигает у земли 644 км/ч.

Немецкий серийный Ме-109Е, с которым немцы вступили в войну, разбивает 570 км/ч. Ему противостоит серийный «Спитфайр-1» (580 км/ч). В Германии взлетает турбореактивный «Хенкель-178» — самолет нового поколения.

На фоне этих ошеломляющих результатов в СССР продолжают выпускаться И-16 и биплан И-153. Опытные самолеты Поликарпова продолжают разбиваться: надежных мощных двигателей воздушного охлаждения все еще нет. Серийно начинает выпускаться мощный двигатель водяного охлаждения — АМ-35А, и его пробуют на опытных экземплярах новых машин, пока еще не принятых на вооружение. Появляется мотор с пушкой — М-105П.

Но отставание советской авиации становится катастрофическим. Авиаконструктор А.С. Яковлев писал:

«Если привести сравнение основных типов советских самолетов, находившихся в серийном производстве к началу Второй мировой войны, т.е. в 1939 г., с такими же германскими, то это сравнение будет не в нашу пользу... Наш истребитель И-16 имел максимальную скорость 462 км в час. Следовательно, он уступал даже немецким бомбардировщикам» (Яковлев А.С. Советские самолеты. С. 39).

24 июня 1941 года Геббельс записал в дневнике:

«До сих пор уничтожено 1800 русских самолетов. Они падают как мухи. У их истребителей меньше скорость, чем у наших Ю-88».

У нас принято писать, что большие потери воздушный флот понес 22 июня 1941 года из-за внезапности немецкого удара. Это не так. Удар не был внезапным. Советскую авиацию подвели плохие самолеты.

Посмотрим на карту приграничных аэродромов Западного фронта (см. вклейку).

У границы, ниже Вильнюса, мы видим три авиадивизии: 9, 10, 11 сад (сад — смешанная авиадивизия). Сокращения следующие: иап — истребительный авиаполк, сбп — полк скоростных бомбардировщиков, ббп — полк ближних бомбардировщиков.

Всего у границы мы видим 12 полков, из них 9 — истребительных. Одна из трех авиадивизий, 10-я, состоит исключительно из истребителей (это к тому, что Сталин якобы «готовил нападение»).

Теперь посмотрим, листая мемуары, что происходило 22 июня 1941 года.

«В ночь на 22 июня 1941 года командир 11-й смешанной авиадивизии полковник П.И. Ганичев и штаб находились на командном пункте, размещенном в бетонированном бомбоубежище на окраине аэродрома Лида... Около 3 часов утра по телефону позвонил начальник штаба 12-го истребительного авиаполка, ближе других находившегося к государственной границе:

— Со стороны границы слышен сильный шум танковых моторов... Затем последовал новый доклад:

— Слышим нарастающий гул большой группы самолетов. Объявлена боевая тревога! Командир полка и все эскадрильи вырываются для взлета на перехват противника.

Объявив боевую тревогу всем другим частям дивизии, полковник П.И. Ганичев на самолете И-16 вылетел на аэродром 122-го истребительного авиаполка.

122-й полк в составе 53 самолетов И-16 и М-153 находится в воздухе: истребители шли на перехват врага. На аэродроме осталось 15 неисправных самолетов. Они-то и подверглись атакам фашистской авиации» (С к р и п к о Н.С. По целям ближним и дальним. М., 1981. С. 67).

Таким образом, нападение не было внезапным. Но... на перехват вылетели И-153 и И-16, уступавшие немцам в скорости на 70—130 километров в час. Другими словами, вылетели на свою погибель.

А как было в 9-й смешанной авиадивизии?

«На рассвете 22 июня 1941 года, услышав начавшуюся артиллерийскую канонаду, командир 129-го истребительного авиаполка капитан Ю.М. Беркаль в 4 часа 05 минут объявил боевую тревогу и выслал две эскадрильи на самолетах МиГ-3 на прикрытие города Остров-Мазовецка, а эскадрилью И-153 — в район Ломжи. Четвертую эскадрилью, которая тоже была вооружена старыми машинами, он оставил для прикрытия своего аэродрома от воздушного нападения противника.

После продолжительного патрулирования группы самолетов МиГ-3 сели на аэродром для дозаправки горючим. Затем произвели посадку два звена И-153. В этот момент над аэродромом появились фашистские бомбардировщики. Оставшееся в воздухе звено истребителей, возглавляемое старшим лейтенантом И. Добровым, атаковало их. Летчики сбили ведущего гитлеровцев, но, поскольку запас горючего заканчивался, истребители пошли на посадку. Пилоты самолетов устаревших конструкций сделали все, что смогли, прикрыв аэродром на несколько драгоценных минут, необходимых для дозаправки МиГ-3.

И вот на смену им поднялось 12 боевых машин, ведомых заместителем командира эскадрильи по политчасти старшим политруком А. Соколовым. Эта группа успешно атаковала вражеские самолеты, заходяв-

шие для удара по аэродрому. В результате фашистские бомбардировщики сбросили свои бомбы и повернули назад.

В воздушном бою Анатолий Соколов сбил немецкий истребитель Ме-109. Открыли боевой счет и младшие лейтенанты Александр Кузнецов, Вениамин Николаев. Они сразили по одному фашистскому бомбардировщику Хе-111» (Т а м ж е. С. 70).

Этот отрывок я процитировал столь полно лишь потому, что он отражает характер всех воздушных сражений начала Великой Отечественной. А характер такой: «самолеты устаревших конструкций» могли прикрыть аэродром лишь на несколько минут, пока заправляются самолеты МиГ-3; истребители Ме-109 сбивались именно «мигами», поскольку только «миги» могли сравниться с «мессершмиттами» в скорости.

А теперь посмотрим, был ли удар врага внезапным для 10-й смешанной авиадивизии.

«Высокой организованностью и тактической грамотностью отличались боевые действия 123-го истребительного авиаполка этого соединения... В полной боевой готовности встретил войну и 33-й истребительный авиаполк, базировавшийся в 75 километрах от государственной границы, в районе Пружан. Летчики авиачасти неоднократно перехватывали большие группы фашистских бомбардировщиков Хе-111 на дальних подступах к своему аэродрому, заставляя гитлеровцев сбрасывать бомбы и спешно удаляться на свою территорию» (Т а м ж е. С. 72).

Этот полк имел немного современных самолетов, но ему «повезло»: он стоял на пути бомбардировщиков. 43-й авиадивизии, что была дальше от границы, пришлось бороться и с бомбардировщиками, и с истребителями. А в 43-й авиадивизии было 62 самолета И-153 и 175 самолетов И-16.

Потому-то в первые дни потери и были столь тяжелы.

«По германским данным, первый удар привел к уничтожению 890 советских самолетов (668 на земле и 222 в воздушных боях), потери люфтваффе составили всего 18 самолетов» (М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 510).

Из этих строк следует, что 222 самолета погибли в воздухе, сбив всего 18 машин врага. Советская авиация оказалась неэффективной. Она не могла воспрепятствовать бомбежкам аэродромов, отчего 668 машин и погибли на земле. Самолеты старых конструкций имели невысокую скорость, а «мигами» советские пилоты еще не владели.

Эффект внезапности нападения врага действительно имел место, но только на рассвете 22 июня 1941 года. Однако самые большие свои потери советская авиация понесла утром и днем.

«К вечеру 22 июня потери советских ВВС, по германским данным, достигли 1811 самолетов (1489 уничтоженных на земле и 322 сбитых в воздушных боях), а люфтваффе потеряло 35 самолетов и около 100 самолетов было повреждено» (т а м ж е. С. 511).

Днем немцы сбили в воздухе еще 100 самолетов, а потеряли 17. Соотношение один к шести.

Гейбельс сделает в своем дневнике следующие записи:

«24 июня 1941 года. Мы продвигаемся вперед двумя крупными фронтами. До сих пор уничтожено 1800 русских самолетов. Они падают, как мухи. У их истребителей скорость, как у наших Ю-88».

«25 июня 1941. Вчера: на Востоке за два первых дня уничтожено 2585 самолетов против 51 нашего».

«26 июня 1941. Русские защищаются мужественно. Они теряют бесчисленное число танков и самолетов».

«27 июня 1941. Русские несут колоссальные потери в танках и самолетах...»

«29 июня 1941. Противник теряет ужасающее количество танков и самолетов... Русские защищаются мужественно».

«2 июля. Бои нового образца... В общем, происходят очень тяжелые бои. Мы снова за один день уничтожаем 235 русских самолетов. Если русские потеряют свой военно-воздушный флот, то они тогда погибнут».

Именно таким было начало войны.

В 1940 году, в связи с катастрофическим отставанием советской военной авиации, выпуск старых машин прекратился — были приняты на вооружение новые истребители: «яки», «миги» и «лаги». Но за весь 1940-й было выпущено всего 64 истребителя Як-1 и 20 истребителей МиГ-3, тогда как немцы выпустили в том году 1693 «мессершмитта»!

С бомбардировочной авиацией дела обстояли еще хуже. В 1940-м выпущены только 2 самолета Пе-2, способного соперничать с немецким Ю-88 и английским «москито». Соперником немецкого самолета поддержки войск Ю-87 мог тогда считаться только один-единственный ЦКБ-57, опытный прототип Ил-2.

Но и эти немногие самолеты будут появляться в самом конце 1940 года, после финской войны, в которой, по Суворову — Резуну, Красная Армия имела лучшие в мире самолеты «для агрессивной войны».

Следует заметить, что в 1939-м авиация в мире поднялась еще на одну ступень вверх: самолеты стали реактивными. В 1939-м такие самолеты появились в Германии, в 1940-м — в Италии, в 1941-м — в Англии. Пока СССР будет осваивать скоростные поршневые истребители, мировая авиация уйдет далеко вперед. В 1945 году немецким реактивным «мессершмиттам» СССР нечего будет противопоставить...

Итак, совершив экскурс в историю, мы убедились в том, какое абсолютное превосходство над всеми странами потенциального вторжения имела советская «агрессивная авиация» к началу финской войны. Технически она, конечно, во всем уступала, зато у нее было секретное оружие, которым не располагала ни Германия, ни Англия, ни США. финская зенитная артиллерия.

Но почитаем Суворова — Резуна далее:

«С Гитлером эта война сыграла злую шутку. Не поняв этой войны, не оценив ее трудностей, Гитлер сделал катастрофически неправильные выводы... Понятно, Гитлер не мог признаться, что жестоко просчитался, что совершил роковую ошибку, потому он говорит о кампании дезинформации: Сталин, мол, обманул... Даже если это так, даже если Сталин преднамеренно демонстрировал в Финляндии слабость, а Гитлер этому поверил, то и этот факт — в пользу Сталина».

Ну и логика.

Сталин показал свою слабость в Финляндии и тем подтолкнул Гитлера к нападению на СССР. Чтобы потерять при этом 26 миллионов человек и обескровить свою страну. Ничего, и это тоже «в пользу Сталина»...

«В пользу Сталина», что он вынужден был в отчаянии бросать под немецкие танки народное ополчение и в волнении спрашивать у Жукова: «Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас с болью в душе. Говорите честно, как коммунист».

Но как классно он обманул Гитлера! Заставил-таки напасть на СССР.

«Билл, почему у тебя синяк под глазом?» — «Мне хотели дать пинка, но я ловко увернулся»...

Суворов — Резун:

«Прошли десятилетия. Миллионы наших умных людей изучали войну в Финляндии, но вновь почему-то делают вывод: бои в Финляндии — свидетельство слабости Красной Армии и ее полной неготовности.

Товарищи дорогие, так мыслил Адольф Гитлер.

Он о-шиб-ся».

Ошибся все-таки Гитлер!

Насчет авиации мы уже разобрались. В советской авиации были лучшие в мире финские зенитки. Лучше их, наверное, могли быть советские зенитки, но вспоминают о них что-то очень редко. В июне 1941 года немцы бомбили аэродромы и войска, почти не встречая противодействия зенитного огня. Генерал-майор авиации Г.Н. Захаров вспоминает первые дни войны:

«Потери были ощутимые, но в основном на земле. Мы теряли самолеты от налетов вражеских бомбардировщиков. Горючего было очень мало. Зенитного прикрытия аэродром не имел» (Знание — сила. 1982. № 7. С. 15).

А ведь Захаров пишет о военном аэродроме, который находился совсем рядом с Минском. 22 июня 1941 года он сел на этот аэродром, сбив перед тем немецкий самолет над самым центром этого города.

Просчет с зенитками получился из-за увлечения в 30-х годах так называемыми «универсальными» орудиями, которые имели большой

угол возвышения и могли стрелять по самолетам. Идея сама по себе заманчивая: вместо одного иметь два орудия — артиллерийское и зенитное. Но в 30-х авиация сделала рывок в скорости, а танки получили большую броню, так что «универсальное орудие» не могло одновременно хорошо выполнять две боевые задачи, и от заманчивой идеи отказались. В конце 30-х в СССР были созданы прекрасные зенитные автоматы, но массовый их выпуск был налажен только в 1942-м, когда о финской войне остались одни горькие воспоминания.

А Суворов — Резун все удивляется:

«Миллионы наших умных людей изучали войну в Финляндии, но вновь почему-то делают вывод: бои в Финляндии — свидетельство слабости Красной Армии и ее полной неготовности».

Удивимся и мы: с чего это вдруг «миллионы наших людей изучали войну в Финляндии» и делают вывод о нашей неготовности — и только один умник Суворов — Резун уверен, что это не так. Почитаем-ка мы источники

О р у ж и е п е х о т ы. К.А. Мерецков пишет: «Тогда минометы только стали поступать на вооружение, как и автоматы, причем для внедрения их приходилось преодолевать косность некоторых лиц» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 187).

В финскую войну красноармейцы имели винтовочки, финны — пистолеты-пулеметы.

Готова была Красная Армия к войне! Лучше финской! У финнов большой расход патронов, а у нас — экономия...

Только в 1940-м в СССР стал массово выпускаться пистолет-пулемет Дяттерева ППД-40.

Австрийцы тоже имели пистолеты-пулеметы. Когда Австрия вошла в состав Германии, вермахт получил эти пистолеты-пулеметы. А с 1938 года и в Германии начался их массовый выпуск.

Красноармейцы в финскую могли вести лишь одиночный огонь — из трехлинейки Мосина, самозарядной винтовки СВТ-38 и автоматической винтовки АВС-36. Последняя теоретически могла стрелять очередью, но из-за мощного винтовочного патрона (идея Федорова уменьшить калибр для автоматического оружия была забыта) отдача посылала все пули после первой мимо цели. Поскольку финны в бою стреляли очередями, советские солдаты были вынуждены использовать автоматическую винтовку в режиме стрельбы очередью — и тут выяснилось, что винтовка для этого не приспособлена; она быстро перегревается и выходит из строя. Пришлось даже запретить использование этих винтовок в режиме автомата.

Что касается СВТ, то оказалось, что механизм их чересчур чувствителен к морозу. Смазанное автоматическое оружие при стрельбе моментально подергивалось пленкой льда — и отказывало. Поэтому СВТ

промывали в бензине или керосине и насухо протирали. Табельная зимняя смазка не была рассчитана на сорокаградусный мороз.

А р т и л л е р и я. Финны сидели за гранитными валунами. Выбить их можно было только минометным огнем, а минометов почти не было.

«Особо следует остановиться на простейшем виде артиллерийского вооружения — минометах 82-мм и 120-мм. Эти чрезвычайно несложные в производстве и эксплуатации дешевые минометы, к великому сожалению, в предвоенные годы не были по достоинству оценены ни военным командованием, ни руководителями промышленности...

...После войны с Финляндией у нас тоже по достоинству оценили минометное оружие и стали уделять ему большое внимание...» (Кузница победы (1941—1945). М., 1985. С. 159).

После войны с Финляндией оценили и начали выпуск...

После войны с Финляндией Сталин на секретном совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий в Финляндии 17 апреля 1940 года говорил:

«Нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все батальоны, роты, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Замечательная штука миномет. Не жалеть мин, вот лозунг, жалеть своих людей».

А в финскую приходилось жалеть мины. Их было мало.

Что касается немецкой армии, то она умело использовала минометы еще в Первую мировую войну, а ко Второй мировой подошла не только с очень большим количеством минометов, но и с очень хорошим умением их использовать. Немцы везли за собой минометы в грузовиках сложенными, как дрова. В случае встречи с хорошо укрепленным пунктом противника в ход и вступали минометы. Полагают, что на потери от минометного огня приходится половина всех потерь во Второй мировой войне. СССР успел вооружить свою армию минометами буквально перед самой Великой Отечественной.

Но вернемся к финской войне.

К.А. Мерецков:

«И все же больше всего нам досаждали доты. Бьем мы по ним, бьем, разрушить не можем, так как снаряды не пробивают их. Сталин спросил: почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии — это гарант безопасности СССР» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 185).

Правильно считал товарищ Сталин.

Как выяснилось, финны использовали цемент марки 600 и броневые плиты в несколько слоев. Наша полевая и дивизионная артиллерия

столь мощные укрепления не брала. Пришлось доставлять к линии фронта крупнокалиберные орудия резерва Главнокомандования (РГК) и ставить их на прямую наводку, что было запрещено уставом, который предусматривал размещение артиллерии РГК за 6—8 километров от линии фронта.

Танки. Теперь о «лучших в мире танках». На линии Маннергейма оказались бессильными и они. Калибр танковых орудий в 75 мм доты не брал. Рота тяжелых танков особо себя не проявила: танк СМК подорвался на фугасе, у опытного КВ-1 была прострелена пушка, следующие КВ-1, а также танки КВ-2 станочной серии прибыли на фронт к самому концу военного конфликта, когда укрепрайон на их участке был уже прорван. В полной мере воевали лишь танки Т-26, созданные по образцу английского танка «Виккерс — 6 тонн». Однако танки Т-26 не могли уничтожить доты и потому либо блокировали дот, пока его не уничтожат саперы, либо связывали боем соседние доты, чтобы к намеченному доту подобрался наш огнеметный танк, созданный на базе того же Т-26.

Для действий танков, по заключению начальника автобронетанкового управления РККА комкора Д.Г. Павлова, финский театр, за исключением отдельных участков, был «вообще... непригоден». Тем не менее массово использовались именно танки, поскольку без их прикрытия пехота вперед не шла. Резко пересеченная лесисто-болотистая местность, бездорожье, лютые морозы и глубокие снега приводили к большим потерям машин. В результате с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года потери в танках составили 3179 машин. Это колоссальная цифра. Но Красная Армия, хоть и устилая дорогу трупами, все-таки наступала, и это позволяло ремонтировать вышедшие из строя танки и снова пускать их в бой.

С а п е р н а я с л у ж б а. Отсутствие разведки привело к тому, что к финским минным полям наступающие оказались не готовы.

«Лестницы и пороги домов, колодцы, пни, корни деревьев, лесные просеки опушки, обочины дорог буквально были усеяны минами. Артиллерия несла потери. Бойцы боялись идти вперед. Необходимо было срочно найти метод борьбы с минами, иначе могла сорваться операция. Между тем никакими эффективными средствами против них мы не располагали и к преодолению подобных заграждений оказались неподготовленными» (т а м ж е. С. 183).

То, что Мерецков пишет дальше, кажется невероятным. У Красной Армии не было миноискателей!

«Тогда товарищ Жданов и я пригласили ряд ленинградских инженеров, в том числе возглавляемую профессором Н.М. Изюмовым группу преподавателей из Военной академии связи, и рассказали им о сложившемся положении. Нужны миноискатели. Товарищи подумали, заметили, что сделать их можно, и поинтересовались сроком. Жданов ответил: «Сутки!»

— То есть как вас понимать? Это же немыслимо! — удивились инженеры.

— Немыслимо, но нужно. Войска испытывают большие трудности. Сейчас от вашей изобретательности зависит успех военных действий!» (Т а м ж е. С. 183).

Ф л о т. Из-за репрессий за 1930—1939 годы командный состав советских ВМФ потерял больше, чем во время русско-японской и Первой мировой войн, вместе взятых. Новые, молодые командиры не знали подчас элементарных вещей. К примеру, когда был отдан сигнал о начале боевых действий против Финляндии, его просто не поняли. Командир отряда легких сил Б. Птохов связался со штабом, чтобы получить разъяснение об его значении. (Представьте себе дорогу, на которой водители спрашивают работников ГАИ о значении сигналов светофора.) Не понял его и командир подлодки «С-1» А. Трипольский. Командир эсминца «Гневный» был немало удивлен, когда 30 ноября был обстрелян финской батареей.

В тот же день на два эсминца — «Карл Маркс» и «Володарский» — советские бомбардировщики сбросили свои бомбы: никто не удосужился дать летчикам информацию об обстановке. К счастью, летчики оказались плохими, — как, впрочем, и зенитчики «Володарского».

Единственный тогда крейсер Балтфлота, «Киров», был послан на обстрел береговых батарей острова Руссарэ. Командованию нужно было проявить активность — и крейсер послали на явную гибель, поскольку подходы к Руссарэ были прикрыты минными полями, а батарея, орудия которой были закрыты бетоном спереди и сверху, имела большую дальность стрельбы. «Киров» спасло чудо: финны открыли огонь на большой дистанции, как раз тогда, когда крейсер шел прямо на мины. Он сменил курс, что спасло его от мин, но не от снарядов. Спешно поставив дымовую завесу, «Киров» ретировался в Лиепая для ремонта. Потери на крейсере составляли 17 человек убитыми и около 30 ранеными.

Линкоры «Марат» и «Октябрьская революция» — единственные линкоры Балтфлота! — были посланы на береговую батарею Сааренпя Выборгского укрепрайона. К счастью для линкоров, финская батарея была лишь одним орудием. Другие орудия были закрыты так, что могли вести только навесной огонь, а системы управления таким огнем у финнов тогда не было. А если бы уже была, линкоров у Балтийского флота могло и не стать.

14 февраля 1940 года нарком упрекнул военный совет Балтфлота за стремление «проявить активность», «нанесение слабых ударов одновременно по большому числу боевых кораблей противника» — ударов, которые «фактически... были бесцельными, безрезультатными и даже вредными».

И нарком был совершенно прав. Советскими подлодками были обстреляны немецкие пароходы «Олива» и «Хельга Бёге», потоплен немецкий «Больхейм», шведский «Фенрис» и эстонский «Кассари».

Поставленную задачу — блокада финского берега — флот не выполнил.

П е х о т а. На Финляндию наступало 6 армий: 7, 13, 15, 8, 9 и 14-я. Пять армий были финнами остановлены, причем благодаря не лучшему оружию, а превосходящему тактическому мастерству. Финны пропускали вперед советские войска, а затем заходили им в тыл, отсекали от коммуникаций, расчленили и уничтожали их по частям.

Прорвала финские позиции только 7-я армия, завалив трупами линию Маннергейма.

«Сначала несколько часов была ваша артиллерия. Это был сущий ад, словно все черти разом повывлезали из болот. Нам повезло — мы отсиделись в каземате, а от второго взвода, не успевшего покинуть траншею, осталось шесть человек, а потом цепями пошла ваша пехота. Она шла так густо... что мы не успевали перезаряжать ленты. Ствол раскалялся докрасна — ни одна, ни одна пуля не летела мимо цели! А ваши солдаты по штабелям трупов продолжали ползти вперед. Потом поднимались с винтовками. В полный рост с одними винтовками. Это безумие, это было дикое безумие. Наш унтер сказал: «Они чертовски храбрые парни, но у них там, наверху, кто-то определенно спятил» (Советско-финская война 1939—1940 гг. Минск, 1999. С. 134—135).

Стокгольмский корреспондент Джеймс Элридж писал:

«Без практики в лыжном деле и без особого опыта в спорте солдаты Красной Армии были вынуждены драться с силой, которая, в сущности, превосходила их в два раза. В самих сражениях финны могли выдвинуть армию больше русской. Это звучит парадоксально, но это правильно, так как колоссальная подвижность финнов делала возможным для них в проходивших боях концентрировать больше людей, чем это могли сделать русские. Это один, но самый важный момент войны...»

Руководство Красной Армии посылало в финские снега не обученных ходить на лыжах солдат. В окружение попала 44-я моторизованная дивизия, присланная с Украины. Не из Сибири, а почему-то с Украины — поскольку, по Суворову — Резуну, Красная Армия «действовала так, как не действовал никто и никогда». Поэтому, может быть, украинцы и были экипированы в шинели и хлопчатобумажные гимнастерки.

44-й дивизии удалось вырваться из окружения, но какой ценой! У противника осталось 37 советских танков — больше, чем было во всей финской армии перед войной. Прорвалась лишь половина личного состава, из них до 40 процентов — без оружия. А 163-я дивизия, на выручку которой была направлена эта 44-я, была почти полностью уничтожена. Финны потеряли 900 человек убитыми и 1770 ранеными, советские по-

тери: 27 500 убитыми и замерзшими, 1300 пленными. Всего в двух наших дивизиях было потеряно 50 танков.

С л у ж б а т ы л а. Не хватало даже саперных ножниц для резки колючей проволоки — под финским огнем заграждения рубили лопатами, рвали гранатами, неся бессмысленные потери. И такое было даже на четвертом месяце войны.

Как были экипированы солдаты, лучше всего свидетельствуют цифры. Если вермахт при прорыве линии Мажино и последовавшем разгроме англо-французской коалиции потерял убитыми 27 074 человека, то в ходе советско-финляндской войны Красная Армия потеряла только обмороженными 13 213 человек и пропавшими без вести 17 520 (в основном раненые и потом замерзшие или прямо замерзшие). По болезням — главным образом из-за простудных заболеваний — было госпитализировано 53 тысячи человек.

Интересно, что мобилизованных в финскую армию почти никто не одевал. На запас одежды у финского министерства обороны просто не хватало средств. Финны воевали в домашних свитерах, теплых носках и своих дубленках. Красноармейцам же выдали обмотки, портянки, буденовки и хлопчатобумажную форму.

Лучше бы не выдавали, а разрешили бы воевать в домашних полубухбах, потому как уставная войлочная одежда от холода не спасала. Б.П. Липатов в книге «Зимняя война» (М., 1996) пишет:

«Многим бойцам и командирам пришлось подолгу лежать в глубоком снегу под огнем противника, в снайперской засаде, в разведывательном секрете. Мороз сковывал тело, а малейшее движение вызывало стрельбу с финской стороны. Суконная и войлочная одежда и обувь часто промокали насквозь, обледеневали, стесняли движения. А в мокрой одежде на морозе боец переохлаждался, получал обморожения, простужался. Больными и обмороженными войска потеряли людей не меньше, чем от огня противника... В обледеневшей одежде, в промокших валенках держались только на силе воли. Выручала старая уловка северян — намочить снаружи валенок и дать ему обмерзнуть, чтобы не промокал дальше. Но когда ледяной коркой покрывалась вся одежда, не то что воевать — двигаться было невозможно» (С. 41).

Р а з в е д к а. Начав войну, руководители РККА не позаботились о разведке. К.А. Мерецков, чья армия наступала на линию Маннергейма, писал:

«Перед началом войны я еще раз запросил разведку в Москве, но опять получил сведения, которые позднее не подтвердились, так как занизили реальную мощь линии Маннергейма. К сожалению, это создало многие трудности (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 182).

Руководством Красной Армии планировался блицкриг продолжительностью 7—10 дней. План был восхитительно прост: выйти к Хель-

синки кратчайшим путем — через Карельский перешеек. Ну и что с того, что там линии укреплений? Ерунда какая. О линии Маннергейма толком ничего не знали. Командование 7-й армии, которая действовала на Карельском перешейке, получило туманное сообщение о «жиденькой цепочке дзотов»...

Когда войска 7-й армии с огромными потерями приблизились к линии Маннергейма, Ворошилов 5 декабря приказал: без какой-либо разведки и подготовительных работ начать штурм линии Маннергейма!..

«Разведка и войска Ленинградского военного округа не знали систему обороны своего северного соседа, поэтому план наступления против Финляндии, подготовленный штабом округа, не учитывал ни реального противника, ни реального театра военных действий» (Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн (1925—1997). В 4 кн. Кн. 4. М., 1998. С. 105—106).

После страшных потерь наступление пришлось прекратить.

К.А. Мерецков:

«Усилили разведку авиацией, дали задание сфотографировать линию Маннергейма. На это ушел весь январь. К началу февраля мы наконец-то располагали картами со схемой вражеской обороны. Теперь можно было составить реальный план ее прорыва» (Мерецков К.А. На службе народу. С. 186).

«Начало февраля...» А боевые действия начались 30 ноября предыдущего года...

Но самым лучшим показателем эффективности ведения боевых действий противников является сравнение их потерь. По проведенным у нас сравнительно недавно подсчетам, «потери советских войск составили 131 476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран» (Военно-исторический журнал. № 3. 1992. С. 43—45). Финны объявили о потерях убитыми 19 576 человек, пропавшими без вести — 4101 человека. Соотношение потерь один к пяти.

В Первую мировую считалось, что нападающая сторона для успеха наступления должна иметь преимущество три к одному. При наступлении Брусилова русские войска несли потери два к одному, при этом было захвачено большое число пленных. Для Красной Армии в силу ее насыщенности артиллерией, авиацией и танками потери должны были быть значительно меньшими. Потери пять к одному при прорыве фронта лишь одной армией из шести были с военной точки зрения настоящей катастрофой.

Н.С. Хрущев писал:

«Сталин буквально перетрусил, он оценил в результате войны с Финляндией, что наша армия слабая, что наш комсостав слаб и что вооружением мы слабы...» (Цит. по: Знамя. 1982. № 11. С. 82).

Эх, не было рядом с Иосифом Виссарионовичем Суворова — Резуна...

ТАНКИ НЕ ГОРЯТ

Но продолжим чтение нашего удивительного историка.

Он снова делает открытия:

«У Сталина танков было в несколько раз больше, чем у Гитлера.

И цифры — штука упругая. Потому защитникам гитлеровской «готовности» надо было придумать какую-то гадость, какой-то штрих, какую-то характеристику, не содержащую цифр, чтобы сказать: подумаешь, семикратное превосходство, да они же!..

Долго коммунисты думали, додумались и объявили: советские танки были опасными, горели, как спички!»

Борца за правду — Суворова — Резуна это возмущает. Советские танки, считает он, не горели. А слова тех, кто полагает иначе, рождает в его душе праведный гнев.

«Стремление красной пропаганды выпячивать «неготовность» к войне понятно. Но решительное бесстыдство удивляет».

Поскольку Суворов — Резун стыдлив, он читает нашим историкам мораль:

«И пошли красные историки повторять: пожароопасны, пожароопасны, как спички в коробке! А за экспертами пошли повторять широкие народные массы».

Правильно бичует наших историков Суворов — Резун.

В самом деле, именно из-за этих бесстыдных историков «широкие народные массы» там и сям только и обсуждают вопрос о пожароопасности советских танков. Даст бригадир рабочему прикурить от спички и тяжело вздохнет: «Вот так же горели и советские танки в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов». Разведет геолог большой костер в ночной тайге и грустно говорит забредшему на огонек медведю: «Танки-то у нас в июне 1941-го были ох и пожароопасные, мой лесной брат...» Опрокинет бомж под железнодорожной платформой в себя пол-литра и, почувствовав пламя в груди, задумчиво скажет собутыльнику: «Вопрос о пожароопасности советских танков времен Второй мировой войны, а также довоенного периода, еще недостаточно проработан в российской военно-исторической литературе...»

Любит народ обсудить пожароопасность советских танков. Потому и покупает книги Суворова — Резуна. Ищет в них ответ на волнующий его вопрос.

«Меня давно занимал вопрос о первоисточнике. Ясно, слух распространяет красная пропаганда. Но должен, видимо, быть и какой-то еще источник, который люди считают серьезным. Не могут же люди умные просто так повторять чепуху».

И начал Суворов — Резун искать этот таинственный первоисточник. Долго искал, кропотливо. Поднял на уши все английские спецслужбы — МИ-5, МИ-6, — поднял с постели Джеймса Бонда, но тут даже британская разведка встала в тупик.

Разгадку помог найти случай.

«И вот однажды в американской газете «НРС» (25 мая 1990 г.) выступает историк Иосиф Косинский, разоблачает меня, рассказывает, что численное превосходство ничего не означало: что толку от сталинских танков, если они горели факелами!

И меня озарило: да он же Жукова начитался!»

О з а р л о Суворова — Резуна! Постиг он тайну драмы человеческого заблуждения.

Все дело в Жукове. Жуков сказал — и все повторяют, как попугай. Дураки.

А Суворов — Резун не таков.

Он радостно указал пальцем на Жукова: вот этот змей-искуситель, извративший военно-историческую мысль и обманувший «широкие народные массы».

Выявил Суворов — Резун Г.К. Жукова. Разоблачил да поставил лицом перед всем миром: вот он, смотрите на него, это Жуков — автор мифа о пожароопасности советских танков!

Не знает обличитель, что и во многих других книгах, помимо Жукова, тоже говорится о пожароопасности советских танков. Не читал он этих книг...

Пусть он останется в блаженном неведении и разоблачает, а мы обратимся к источникам.

Маршал Советского Союза И.С. Конев:

«Несколько слов о технике. Подавляющее большинство танков, с которыми мы начинали войну — Т-26, БТ-5, БТ-7, — были быстроходны, но слабо вооружены, с легкой броней; они легко горели и вообще были ненадежны на поле боя» (Конев И.С. Сорок пятый. М., 1970. С. 123).

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский:

«Хорошо показали себя танки БТ-7: пользуясь своей быстроходностью, они рассеивали и обращали в бегство неприятельскую пехоту. Однако много этих машин мы потеряли — они горели как факелы» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. С. 39).

Суворов — Резун мемуаров Рокоссовского и Конева не знает. Впрочем, если бы он читал воспоминания очевидцев, у него бы не было ни одного из его столь поразительных открытий.

И поскольку Суворов — Резун не читал мемуаров даже маршалов Советского Союза, он упорно стоит на своем и делает новое открытие:

«А дело обстояло как раз наоборот. Одна из самых замечательных характеристик советских танков периода Второй мировой войны — они плохо горели.

Объяснялось это просто: все страны использовали танки с карбюраторными двигателями, а Советский Союз был единственной страной мира, которая использовала на танках дизельные двигатели.

Из этого пассажа видно, что Суворов — Резун не читал и справочников по танкам.

Причем ни одного.

Достаточно открыть любой такой справочник, чтобы узнать, что дизельные танки за рубежом появились намного раньше, чем в СССР.

Если в СССР танк с дизелем появился в 1939 году, то польский танк 7ТР с дизельным двигателем «Заурер» — в 1933-м.

В Германии дизель стоял на части танков Т-I — самых первых танков гитлеровского вермахта. Немцы производили синтетический бензин, а производство синтетического дизельного топлива у них не было налажено; тем не менее в связи с тем, что дизель дает большую тяговую мощность, на тихоходные самоходные мортиры типа «Карл» (см. вклейку), появившиеся у немцев в 1940 году, поставили дизель «Даймлер-Бенц» MB503 мощностью в 580 л.с. Один из таких «карлов» обстреливал Брестскую крепость в июне 1941-го.

Японский танк «Хаго», тип 95, с дизелем в 110 л.с. выпускался с 1935 года.

Итальянский М-11/39 с дизельным мотором «Фиат», тип 8Т, выпускался с 1939 года.

Французский танк FCM36, с дизелем, с 40-мм наклонными броневыми плитами и пушкой калибром 37 мм, выпускался с 1936 года.

Английский танк МК II А «Матильда» имел дизельный двигатель «Лейланд» и выпускался серийно с 1940 года. Был в Англии и еще один танковый дизель — АЕС А190 мощностью в 131 л.с., ставился на «Валентайны», начиная с «Валентайна II». Дизель был поставлен на серийные танки «Валентайн II» в 1940 году — тогда-то и появились наши серийные Т-34 и КВ.

На части американских танков М3 «Грант» стоял дизель «Гиберсон», выпускались эти танки с декабря 1939 года.

Советский Союз применил дизель на танках одним из последних среди производивших танки стран!

Но к чему нам все эти скучные названия, марки, цифры?

Пфуй!

Почитаем-ка лучше еще об изумительных открытиях Суворова — Резуна.

«Преимущества дизеля можно повторить простым опытом. Налейте в ведро авиационного бензина и поднесите горящий факел».

Я умоляю читателя не делать этого! Пусть Суворов — Резун проделывает эти опыты сам.

«Теперь налейте в ведро дизельного топлива и суньте в него факел. Огонь погаснет как в воде».

Это не совсем так: некоторые сорта дизельного топлива — например, авиационный керосин — от факела загорятся.

Дизтопливо для танков действительно трудно поджечь при атмосферном давлении, но пример с факелом здесь неуместен. Немцы боролись с советскими танками не факелами, а кумулятивными и бронбойными снарядами. Раскаленная кумулятивная струя поджигала дизтопливо, а удар бронбойного снаряда вызывал детонацию, взрыв и возгорание. Загоревшись, дизтопливо горело уже и при атмосферном давлении.

Другое дело, что удар снаряда в танк, работавший на бензине, вел к возгоранию чаще, поскольку для возгорания бензину требуется меньшее давление (несколько меньше атмосферного), чем дизельному топливу (несколько больше атмосферного). Кроме того, дизельное топливо разгорается медленнее, чем бензин, и это давало экипажу возможность покинуть машину. Некоторые танкисты меняли в ходе войны по десятку машин на дизеле. У танкистов же загоревшегося БТ шансов на спасение было куда меньше.

«Эксперимент с двумя ведрами создатели советского танкового дизеля демонстрировали маршалу Советского Союза М.Н. Тухачевскому. На Тухачевского это впечатления не произвело, и он упорно настаивал на использовании бензиновых двигателей».

После расстрела Тухачевского советские конструкторы повторяли простой эксперимент перед многими большими начальниками. Преимущество дизеля удалось доказать, и Советский Союз стал первой страной мира, которая начала массовый выпуск дизельных двигателей для танков».

Ну как не поверить защитнику правды Суворову — Резуну?..

«Все остальные страны перешли на дизельные двигатели через 10—15 лет после войны».

Вот так!

«В пожароопасном отношении советские танки двадцатых—тридцатых годов ничем от танков других стран не отличались. И не могли отличаться. Весь мир использовал карбюраторные двигатели, и все они горели в боях ярким пламенем. Это считалось неизбежным злом. С этим мирились. Советские танки в этом отношении были не хуже и не лучше других».

Суворов — Резун и о советском танкостроении, выходит, ничего не читал. Это легко понять: в Британии литературы о советских танках, естественно, мало. Мы-то хорошо знаем, что на советских и американских танках стояли совсем д р у г и е двигатели, не те, что на французских и немецких. Ради быстроходности американец Кристи и его советские заимствователи ставили на свои танки а в и а ц и о н н ы й д в и г а т е л ь, для которого нужен авиационный бензин, а он при попадании снаряда и вспыхивал как факел. Вернувшийся из Испании советский танкист А.А. Ветров, которого попросили сделать в Кремле доклад о результатах применения наших танков, отмечал в числе недостатков БТ:

«Положение усугублялось наличием на танках БТ-5 авиационных бензиновых двигателей. Попадание снаряда в танк, как правило, приводило к возникновению на нем пожара» (В е т р о в А.А. Волонтеры свободы. М., 1972. С. 204).

Книги генерал-лейтенанта А.А. Ветрова, чей доклад убедил Сталина в необходимости создания гусеничного танка с противоснарядным бронированием (будущий знаменитый Т-34), Суворов — Резун тоже не читал.

На наших танках БТ-2 стоял американский авиамотор «Либерти». На танках БТ-5 — мотор М-5, являвшийся копией «Либерти». На советских танках БТ-7, Т-28, Т-35 под маркой М-17 стоял немецкий авиамотор БМВ-6.

Таким образом, значительная часть наших танков ходила на авиационных моторах.

Про танки БТ есть книга И.П. Шмелева, которая так и называется — «Танки БТ» (М., 1993). В этой книге читаем:

«Испытатель танков Е.А. Кульчицкий вспоминал: «...на пробегах танки БТ-2, выйдя с территории завода, останавливались как вкопанные у свинарника заводского подсобного хозяйства. Водители-испытатели заключали пари, что они пройдут это заколдованное место, но снова застревали там же. Американские двигатели капризничали, плохо заводились и в тесном моторном отсеке перегревались. Часто возникали пожары двигателя. По инструкции запускать двигатель разрешалось в присутствии пожарника с огнетушителем» (С. 8).

Невероятно, но эту книгу Суворов — Резун упоминает!

И даже хвалит:

«В 1993 году в Москве издательство «Хоббикнига» (одно название чего стоит!) выпустило великолепную книгу Игоря Павловича Шмелева о советских танках серии БТ... Автор текста правильно назвал танки, точно описал и добросовестно сравнил технические характеристики. Автор текста не генерал, не профессор, не доктор наук. У него перед вами только одно преимущество: он предметом своего исследования заинтересован.

Вот бы кому ученые звания и степени присваивать».

На странице 158 Суворов — Резун даже величает И.П. Шмелева «*блестящим знатоком танков БТ*».

Но если Суворов — Резун знает про книгу Игоря Павловича Шмелева, — значит, его «неведение» о пожарнойопасности танков БТ — не от незнания...

Но продолжим знакомиться с литературой про танки БТ.

В справочнике В.Н. Шункова «Танки Второй мировой войны» (Минск, 1997, С. 31) читаем про БТ-5: «В связи с имевшими место случаями возгорания двигателя в силовом отделении было установлено противопожарное оборудование».

Но противопожарное оборудование помогало лишь гасить пожары, но не предотвращать их. В боевых условиях пожары на БТ стали массовым явлением.

Об этом пишет И.М. Голушко в книге «Танки оживали вновь» (М., 1977):

«...Попытались завести относительно укомплектованные танки. Три БТ-5 завелись, но тут же загорелись из-за неправильной, несинхронной регулировки карбюраторов. Мы пилотками закрывали всасывающие коллекторы, чтобы не воспламенился двигатель, и танки спасли. К утру отремонтировали их и повели на станцию. В пути они еще дважды загорались. Теперь в ход шли рукавицы и куски брезента» (С. 20).

Вот так с пожарнойопасностью танков обстояло дело в действительности.

Теперь, осветив этот вопрос, обратимся к Суворову — Резуну.

«Самыми распространенными танковыми двигателями Красной Армии в те годы были британский «Армстронг-Сиддли» и американский авиационный двигатель «Либерти-Аэро», который и мы, и они ставили на танки. Понятно, мы басурманским двигателям свои пролетарские названия давали.

Но не мог наш родной «Либерти-Аэро» гореть ярче, чем какой-нибудь американский «Либерти-Аэро».

Не мог. Прав Суворов — Резун. Потому что американцы во Вторую мировую ставили на свои танки какие угодно двигатели — только не авиационный «Либерти»!

Вот перечень американских танков Второй мировой и их моторов:

М3 «Стюарт» — «Континентал», затем дизель «Гиберсон», тип Т1020-М;

М5 «Стюарт» — «Кадиллак», тип 42;

М22 «Локаст» — «Лайкоминг», тип О-435-Т;

М24 «Чаффи» — «Кадиллак», тип 42;

М3 «Грант» — «Континентал», тип R-975 ЕС; дизельный «Гиберсон» Т-1400—2;

М4 «Шерман» — «Форд», тип GAA-V8; «Континентал» R-975; 2 дизельных GMC-6046; силовой агрегат «Крайслер С», состоявший из 5 автомобильных моторов; дизель-мотор «Картерпиллар» RL-1820;

М26 «Першинг» — «Форд», тип GAF-V8.

А вот у доблестной Красной Армии сотни танков имели вместо сердца пламенный американский авиационный мотор «Либерти» или его советскую копию М-5.

Но вернемся к удивительной книге знатока советских танков Суворова — Резуна.

«Россия — родина слонов.

Но дизельный двигатель придумал Рудольф Дизель.

А был он из немцев. Заслуга советских конструкторов не в том, что дизельный двигатель придумали, а в том, что оценили. Германия своего гения не признала. А наши поняли преимущества, и в 1932 году в Советском Союзе были начаты работы по созданию быстроходного танкового дизеля БД-2. В 1935 году работа была завершена. Готовый двигатель получил индекс В-2».

Незнание элементарных фактов.

Работа над быстроходным дизелем была начата не в 1932-м, а в 1931 году, в дизельном отделе Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ). В 1935 году работа не была завершена, поскольку двигатель первоначально разрабатывался общим для самолетов и танков — для самолетов он оказался тяжел, а на танках слишком быстро выходил из строя. Дизель БД-2 стали переделывать на сугубо танковый. Для этого в начале 1937 года помочь харьковчанам приехали из Москвы инженеры-дизелисты Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) М.П. Поддубный, Т.П. Чупахин и другие. В ЦИАМ, в отделе А.Д. Чаромского, в свое время тщательно изучались иностранные авиадизели, и это знание теперь очень пригодилось. Новый вариант двигателя установили на стенд к концу 1937 года. Результаты проведенных в апреле — мае 1938 года государственных испытаний позволили наладить поначалу мелкосерийное производство новых дизелей. Летом 1939 года первые В-2, установленные на танках, артиллерийских тягачах «Ворошиловец» и стендах, подверглись строгому испытанию. И они его выдержали, проработав в отдельных случаях вдвое больше установленного для них срока. Последние государственные и стендовые испытания четырех В-2 в мае — июне 1939 года тоже прошли успешно, и с декабря началось крупносерийное производство В-2.

А теперь разберемся с резуновским утверждением, что «Германия своего гения не признала».

Конечно же, первые — и лучшие — дизели были у немцев. В Первую мировую немцы были единственными, кто создал авиадизель (F02 фирмы «Юнкерс»). Затем Германия приостановила работы над дизелями — из-за ограничений по Версальскому договору.

Дизель, при всей его экономичности, имеет много недостатков, самым серьезным из которых являлась неравномерность сгорания в нем топлива. Множество французских, английских, немецких, американских, французских инженеров подступали к проблемам дизелей, но — безуспешно. В авиации экономичность дизелей сулила резкое увеличение дальности полета, и потому авиадизелей было испытано множество: семейство дизелей «Бердлор», двигатели «Дизель-Клерже», «Фиат ANI», «Бристоль», «Сэнбим», «Уош», «Статакс, тип S3», «Аттендю», «Майбах», «Бенц», «Дейц», «Хилл», «Кертинг», «Ганц», «Листер», «МАН», «Юнкерс», «Линке-Гофманн», «Крупп»... И все — без положительного результата. За опытными образцами или малой серийей дело дальше не шло. И вдруг — невероятный прорыв! Появляется «Паккард».

Создал его англичанин Вульсон, «гениальный конструктор мотора «Паккард», как называл создателя этого авиадизеля советский конструктор Чаромский.

Целый фейерверк блестящих идей! И только в своей совокупности эти идеи решили проблему неравномерности сгорания топлива в дизеле. Мотор «Паккард» устанавливает рекорд продолжительности работы для своего класса. Целых 84 часа! Более трех суток! Сейчас такой срок кажется смешным, но тогда это был триумф. Мотор немедленно запустили в серию. Серийным моторам работать, конечно, давали меньшее время, из опасения, что в них что-нибудь прогорит.

На основе мотора Вульсона — и ряда других, менее удачных конструкций — Чаромский создает в 1935 году свой авиадизель — первый советский авиационный дизель. Его ставят на самолеты в конце 30-х, но в результате многочисленных испытаний неизменная оценка: «низкая надежность, плохая преемственность, плохой запуск, сложность в обслуживании». Дизель в авиации в ход не идет. Зато «на базе авиадизелей разрабатывались и танковые моторы, которые не имел противник» (Шахурин А.И. Крылья победы. С. 191).

Конструкторы из отдела Чаромского помогли превратить неважный БД в неплохой В-2. Однако Чаромский, при его несомненном таланте, стоял все-таки на плечах титанов. Перед созданием своих дизелей он тщательно исследовал зарубежные дизели и написал в одном из своих отчетов, что СССР отстает от западных стран на 2—3 года. Только к 1939 году отставание удалось ликвидировать, создав В-2 с мощностью 520—600 л.с.

Но и на родине дизеля, в Германии, был весьма мощный мотор — «Даймлер-Бенц» MB503 в 580 л.с. В 1943 году новый дизель фирмы «Даймлер-Бенц» в 720 л.с. стали ставить на самоходные установки «Карл». На «Даймлер-Бенц» был разработан проект танка с этим двигателем, VK3002, — но военное ведомство предпочло другой танк, который мы

знаем как «Пантеру». Тем не менее один из сверхтяжелых танков «Маус» имел дизель, и это был самый мощный танковый дизель Второй мировой войны.

Но продолжим чтение «знатока танков» Суворова — Резуна. Он вновь клеймит Г.К. Жукова:

«Жуков не судили только потому, что режиму не надо было разбираться с причинами разгрома 1941 года. Причины надо было замять, замазать, затереть. Сам Жуков этим и занимался: «Работали танки на бензине и, следовательно, были легковоспламеняемы» (Воспоминания и размышления. С. 137), «Танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны» (С. 170).

Зачем повторять?

Чтобы все усвоили».

Все никак не усвоят.

«Жуков правду пишет (не всегда), но забывает сказать, что во всем остальном мире были точно такие же бензиновые двигатели.

Оттого, что Жуков о наших огнеопасных танках говорит, а о зарубежных помалкивает, создается впечатление, что у нас танки были хуже, чем в других армиях».

Сознаемся — был такой грех. У немцев танковые двигатели могли работать на бензине с октановым числом 76, а авиадвигатели советских танков потребляли авиационный бензин с октановым числом порядка 95—97. А разница в октановом числе говорит о том, насколько легко загорается танк при ударе снаряда и как быстро потом разгорается.

«Какой-нибудь Иосиф Косинский рассуждает так: писал Жуков, что танки с карбюраторными двигателями огнеопасны? Писал. А генералы других армий писали? Нет. Следовательно...

Генералы других армий действительно ничего не писали об огнеопасных танках. Не писали потому, что вопрос о переходе на дизельные двигатели во всех остальных странах не решался, а в ряде случаев и не ставился».

Ну что тут сказать Суворову — Резуну?..

В Германии этот вопрос ставился. Г. Гудериан писал в своих «Воспоминаниях солдата»:

«Гитлер... желал ускорить выпуск этих танковых дизельных моторов с воздушным охлаждением; это желание, высказанное еще в 1932 г. генералом Лутцем, осуществлялось фирмой Круппа только в отношении легких танков Т-1».

Проблема была вот в чем: немцы производили в больших количествах синтетический бензин. Румыния, с ее нефтью, стала сателлитом Германии только в 1939 году, а ближневосточные источники нефти были ненадежны. Германия смогла наладить производство в больших количествах синтетического бензина — с дизельным топливом ей этого не удалось.

«Советский Союз накануне войны развернул массовый выпуск танковых дизелей и создал мощности, которые позволяли в случае войны производить танковые дизели в любых требуемых количествах».

Опять незнание предмета.

Танковые дизели производились лишь на одном заводе — Харьковском заводе № 75, в кооперации с Харьковским тракторным и Кировским заводами. С приближением немцев к Харькову завод № 75 эвакуировали в Челябинск, что привело к временному прекращению выпуска дизелей — и, соответственно, танков.

«Достаточно сказать, что в конце сентября 1941 года, перед началом наступления немецко-фашистских войск на Москву, на всем Западном фронте мы располагали лишь сорока пятью современными танками» (К о н е в И.С. Сорок пятый. С. 121).

На танки КВ стали ставить бензиновый мотор М-17, да запас этих моторов был невелик. Только в ноябре 1941-го выпуск танковых дизелей освоили на Сталинградском тракторном заводе. Сталинградский тракторный буквально спас страну: во втором полугодии 1941 года была изготовлена тысяча танков! А в ту пору на 1 декабря 1941-го в действующей армии остался 1731 танк, из них — 1214 легких.

Позднее производство дизелей было налажено также в Свердловске и на новом заводе в Барнауле.

КАРТЫ — НА СТОЛ

Глава 14 имеет очень характерное название: «Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева?»

Как всегда, бывший работник ГРУ Суворов — Резун допрашивает читателя, вместо того чтобы ему что-либо сообщать. И как всегда, вопросы Суворова — Резуна носят специфический характер: о расстрелах и т.п.

Когда мне звонит мой знакомый Алексей Марков, он спрашивает: «Ты уже купил Роберта Бернса?» или «Ты давно перечитывал «Аэлиту» Толстого?»

Когда мне звонит мой знакомый Станислав Кожевников, он интересуется, что у меня можно переписать из музыки.

У Суворова — Резуна интересы только профессиональные. Музыка, Бернс и «Аэлита» Толстого его не интересуют. Доносы, допросы, расстрелы для него куда интереснее.

Обсуждению увлекательного вопроса — почему не расстреляли товарища Кудрявцева — у Суворова — Резуна предпослан эпиграф:

«Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника.

*Полевой устав РККА
1941 года (ПУ-41). С. 9».*

Я не знаю, почему Суворов — Резун выбрал именно такой эпиграф. В цитате из Полевого устава РККА явно говорится, что война будет перенесена на чужую территорию, то есть начнется она на нашей территории. Другими словами, начнет ее враг.

Полевой устав, таким образом, подчеркивает оборонительный характер Красной Армии.

Отметив таким образом — непонятно для чего — миролюбие СССР, Суворов — Резун пишет:

«Стандартная картина на 22 июня: в белорусских лесах разгружается 22-я армия, тайно переброшенная с Урала. Как и все другие советские армии, она готовится к вторжению».

Тут же, не сходя с места, проверим про наступление

«К утру 23 июня части 186-й дивизии, совершив 25-километровый переход, начали занимать Себежский укрепленный район» (Б и р ю - к о в Н.Н. Наша 186-я стрелковая // Война, народ, победа. М., 1983. С. 43).

Проверили. 186-я дивизия из 22-й армии заняла укрепленный район — не иначе как для наступления. Себеж — это на старой государственной границе. 22-ю армию поставили на линию укрепрайонов старой границы: ну специально для того, чтобы готовиться к вторжению.

Читаем Суворова — Резуна далее. Он как раз и пишет про эту 186-ю дивизию:

«Но 22-й армии ставят неожиданную и совершенно необычную задачу: готовить контрудары на своей территории. Генерал-лейтенант Н.И. Бирюков в то время был генерал-майором и командовал 186-й стрелковой дивизией 62-го стрелкового корпуса 22-й армии. Вот его рассказ: «Единственный экземпляр карты, который мне удалось выпросить у начальника штаба 21-го механизированного корпуса, забрал у меня командир нашего корпуса генерал-майор И.П. Карманов» (ВИЖ. 1962. № 4. С. 82).

186-я дивизия генерала Бирюкова укомплектована почти полностью. В дивизии — 13 000 солдат, сержантов и офицеров, 144 орудия, 154 миномета, 558 пулеметов, 13 бронемашин, 16 плавающих танков, 99 тракторов, 558 автомобилей, 3000 лошадей и... ни одного комплекта карт».

Это Суворова — Резуна наконец удивляет.

И в самом деле, это удивительно.

В связи с концентрацией немецких войск на советской границе 22-ю армию срочно перебрасывают с Урала на укрепления старой границы в район Великие Луки, Пустошка, Себеж. И тут у уральцев почему-то не оказывается ни одной карты окрестностей города Великие Луки.

Все мы знаем, что Урал всегда славился топографическими картами Великих Лук. В любом магазине — колбасном, булочном, радиотоваров — они висели на видном месте, рядом с переходящим красным знаменем и портретами товарищей Сталина и Жданова. Топографические карты Великих Лук всегда были предметом гордости уральцев и зависти их соседей-сибиряков.

И вот вдруг эти карты куда-то исчезли.

Суворов — Резун:

«Если угодно, могу целую книгу написать о том, что топографических карт НЕ БЫЛО».

Не угодно, поскольку уже написанные книги говорят, что карты БЫЛИ. Тот же командир 186-й дивизии Н.И. Бирюков пишет:

«С прибывшим из штаба 7-го мехкорпуса офицером связи капитаном В. Колпаковым мы уточнили по карте некоторые детали намеченного нашим командованием контрудара на Болдино, Слободку» (т а м ж е. С. 44).

Слободка — это строго на север от Минска.

Можно привести множество и других примеров, но я хотел бы упомянуть здесь только о карте, ставшей в своем роде исторической. Когда немцы заняли Минск, работник склада Д.И. Малько пытался перегнать в тыл Т-28 (см. вклейку) — отмененно бронированный танк с 76-мм пушкой и четырьмя пулеметами. По дороге его остановил майор, которому переподчинили этот танк. Майора сопровождало четыре курсанта — их он посадил за пулеметы. Уже на следующий день танкисты оказались в окружении. Майор принял решение идти на прорыв. Д.И. Малько получил от него топографическую карту. Прорываться решили непосредственно через Минск, где противник не ждал удара с тыла.

Что произошло далее — я процитирую полностью. Исторический рейд этого танка через Минск выглядел так:

«Здесь мы и увидели первых фашистов. Их было десятка два. Немецкие солдаты грузили в машину ящики с бутылками и не обратили внимания на внезапно появившийся одинокий танк.

Когда до сгрудившихся у грузовика немцев осталось метров пятьдесят, заработала правая башня танка. Николай ударил по фашистам из пулемета. Я видел в смотровую щель, как гитлеровцы падали у автомашины. Некоторые пытались было вскарабкаться на высокую арку ворот и спрятаться во дворе, но это не удавалось. Буквально за несколько минут с фашистами было покончено. Я направил танк на грузовик и раздавил его вместе с ящиками водки и вина.

Затем мы переехали по деревянному мостику через Свислочь и свернули направо, на Гарборную, ныне Ульяновскую, улицу. Миновали рынок (там теперь находится стадион), и вдруг из-за угла улицы Ленина навстречу выскочила колонна мотоциклистов. Фашисты двигались как на параде — ровными рядами, у тех, кто за рулем, локти широко расставлены, на лицах — наглая уверенность.

Майор не сразу дал команду на открытие огня. Но вот я почувствовал его руку на левом плече — и бросил танк влево. Первые ряды мотоциклистов врезались в лобовую броню танка, и машина раздавила их. Следовавшие за ними повернули вправо, и тут же я получил новый сигнал от майора и повернул танк направо. Свернувших мотоциклистов постигла та же участь. Я видел в смотровое отверстие перекошенные от ужаса лица гитлеровцев. Лишь на мгновение появились они перед моим взором и тут же исчезали под корпусом танка. Те из мотоциклистов, которые шли в середине и хвосте колонны, пытались развернуться назад, но их настигали пулеметные очереди из танка.

За считанные минуты колонна оказалась полостью разгромленной...

Когда спустились вниз, возле окружного Дома Красной Армии я получил команду от майора повернуть направо. Свернул на Пролетарскую улицу и вынужден был остановиться. Вся улица оказалась забитой вражеской техникой: вдоль нее стояли машины с оружием и боеприпа-

сами, автоцистерны. Слева, у дороги, громоздились какие-то ящики, полые кухни, в Свислочи купались солдаты. А за рекой, у реки, в парке Горького, укрылись под деревьями танки и самоходки.

Т-28 открыл по врагу огонь из всех своих средств. Майор прильнул к прицелу пушки, посылал в скопления машин снаряд за снарядом, а курсанты расстреливали противника из пулеметов. На меня дождем сыпались горячие гильзы, они скатывались мне на спину и жгли тело. Я видел в смотровую щель, как вспыхивали, словно факелы, вражеские машины, как взрывались автоцистерны и тонкими змейками сбегали с откоса в реку пылающие ручейки бензина. Пламя охватило не только колонну машин, но и соседние дома, перекинулось через Свислочь на деревья парка.

Фашисты обезумели. Они бегали по берегу реки, прятались за деревья, за развалины зданий. Я заметил, как какой-то спятивший от страха гитлеровец пытался влезть в канализационный колодец. Другой втиснулся в сломанную водозаборную решетку и тоже получил пулю. Всюду врагов наступал огонь нашего танка. Пулеметные очереди косили гитлеровцев, не давая им возможности опомниться, прийти в себя, сея панику.

Почти вся вражеская колонна, запрудившая Пролетарскую улицу, была разметана, словно по ней прошел смерч. Всюду валялись горящие обломки машин, развороченные автоцистерны. И трупы, трупы фашистских солдат и офицеров.

Майор дал команду развернуться. Я снова выехал на Советскую улицу и повернул направо. Проехали мост через Свислочь, мимо электростанции. Здесь справа, в парке имени Горького, заметили новое скопление противника. Под густыми кронами деревьев стояли десятка два автомашин, несколько танков и самоходок. Возле них толпились гитлеровцы. Они тревожно задирали вверх головы, ожидая налета советских самолетов: со стороны Пролетарской улицы все еще доносились глухие взрывы рвущихся боеприпасов, что можно было принять за бомбежку. Но опасность подстерегала фашистов не с неба, а с земли. Так же как и на Пролетарской, первой заговорила пушка нашего танка, вслед за ней ударили пулеметы центральной и правой башен. И снова, как уже было, начали рваться боеприпасы, вспыхнула факелом бензоцистерна, и густой дым окутал черным шлейфом аллею старого парка.

— Осталось шесть снарядов! — крикнул заряжающий.

— Прекратить огонь, полный вперед! — скомандовал майор» (М а л ь к о Д.И. За рычагами танка // На земле, в небесах и на море. М., 1986. С. 333—335).

Уже на самом выезде из Минска танк все же был подбит. Майор отдал приказ покинуть машину. Один курсант выбрался из башни, но был застрелен автоматчиками; майор и другой курсант смогли покинуть танк. Глушко вылез из танка через люк водителя, но еще в машине он был ранен

осколком и, пробираясь огородами, потерял сознание. Очнувшись, он обнаружил себя заботливо укрытым ботвой. Немцы его не нашли.

После войны М.И. Глушко узнал, что в Минске разыскивают участников прорыва одинокого танка по улицам Минска. Он отозвался и предоставил поисковикам топографическую карту майора с пометками, по которым, предположительно, можно было установить остальных: «Оперативн. отдел, 3 этаж» и фамилии «Михайлов, с-на Сошников, л-нт Волков, Пермолов».

Поиски были долгими, но безрезультатными. Скоро отозвался курсант, сидевший за пулеметом Т-28. Им оказался электрик одного из совхозов — Николай Педан. После боя он попал в плен и прошел через несколько немецких концлагерей. Остальных участников боя установить не удалось, хотя писем и было много. В июле 1941-го в Белоруссии погибло много и майоров, и курсантов; для поиска топографической карты и личных воспоминаний М.И. Глушко и Н. Педана оказалось недостаточно.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна.

«Удивительное дело, но ни один из кремлевских историков не обратил нашего внимания на отсутствие карт как на причину поражения Советского Союза».

В самом деле, очень удивительно. В Кремле, на Спасской башне, сидят седобородые историки, и ни один из них почему-то не кричит идущим по Красной площади туристам: «Люди! Человеки! К вам обращаюсь я со своим страстным призывом! Обратите внимание на отсутствие карт как на причину поражения Советского Союза!»

Но никто не кричит. Молчат историки, глядя на народ сквозь бойницы кремлевских стен.

«На 22 июня 1941 года Топографическое управление Генерального штаба возглавлял генерал-майор М.Н. Кудрявцев. Он подчинялся непосредственно начальнику Генерального штаба генералу армии Г.К. Жукову.

Вот они — два главных виновника».

Из-за них вот, считает Суворов — Резун, не было карт у Красной Армии.

Из-за Кудрявцева и Жукова.

Вот что вспоминал бывший начальник ГРУ и начальник Генштаба генерал армии С.М. Штеменко: «Топографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток этого дела генерал М.К. Кудрявцев» (Ш т е м е н к о С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 128).

Блестящий знаток, а карт вот не подготовил. Это вызывает у Суворова — Резуна подозрения.

«Нам осталось самое простое — связать вместе факты. С одной стороны — лучшая в мире топографическая служба, с другой — отсутствие карт. С одной стороны — блистательная карьера главного советского то-

пографа, с другой — советский генерал запрашивает карту у соседей, а вышестоящий генерал эту карту отнимает. Как это подвести под общий знаменатель?

Может, кто-нибудь найдет другое объяснение, но мне кажется, что есть только одно удовлетворительное объяснение: Советский Союз готовил агрессию».

Не нашел Суворов — Резун иного объяснения. Долго думал, гадал, прикидывал, а нашел только одно-единственное. А между тем на той же странице книги Штеменко объясняет все:

«Топографическую службу Генштаба возглавлял блестящий знаток своего дела генерал М.М. Кудрявцев. Карт самого различного назначения и разных масштабов требовалось чрезвычайно много. А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не составлялись. Мы располагали вполне современными топографическими картами лишь до рубежа Петрозаводска, Витебска, Киева, Одессы. Когда же противник потеснил нас за этот рубеж, ко всем прочим бедам добавилось и отсутствие карт. Пришлось срочно формировать новые топографические части, создавать новые военно-картографические фабрики, мобилизовывать возможности гражданских ведомств» (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 128).

Суворов — Резун, конечно же, это объяснение читал, поскольку цитирует. Но объяснения Штеменко он в свою книгу не включил; сделав вид, что совершил открытие, нашел страшную тайну большевиков — отсутствие карт внутренних районов СССР в годы войны.

И это его новое открытие стало аргументом в пользу его новейшей теории о планировавшемся Сталиным захвате Европы.

«Сейчас генерал-лейтенант Лосев сообщает: потеряно сто миллионов во всех приграничных округах. А много лет назад генерал-лейтенант Кудрявцев, непосредственно за эти карты отвечавший, давал другую цифру: только в трех округах было потеряно двести миллионов карт».

Но не будем мелочными. Не будем спорить, кто прав: если принять одну точку зрения или другую — разницы нет, в любом случае мы говорим о чудовищных количествах, о количествах астрономических, которые невозможно представить».

Нет, будем мелочными. Является ли двести миллионов карт «количеством астрономическим»?

Двести миллионов — это действительно много. Но для подготовки к большой войне, войне в Европе, столько карт недостаточно.

В книге «В солдатской шинели» (сост. Т.А. Гайдар. М., 1985. С. 457) читаем:

«Сейчас кажется невероятным, что теми инструментами, которыми располагали геодезисты и топографы, с июля по декабрь 1941 года

они выполнили съемки на площади более 500 000 квадратных километров, составили и отпечатали около 2000 оригиналов карт — более 200 миллионов листов. Их выпускала Военно-топографическая служба, а также печатали фабрика «Гознак», типография газеты «Правда»...

Еще «тепленькие», карты поступали на передовую, командные пункты, в штабы. Только для проведения такой крупной операции, как «Кольцо» под Сталинградом, или в битве на Курской дуге потребовалось около 10 миллионов карт».

Итак, за полгода было выпущено 200 миллионов карт и выполнены съемки на территории 500 тысяч квадратных километров. 500 тысяч квадратных километров — это немногим меньше территории Испании (505 тыс. кв. км). Советские картографы смогли во второй половине 1941 года осуществить колоссальную картографическую съемку внутренних районов СССР и выпустить для этих районов 200 миллионов карт. А поле сражений было намного больше. Намного больше требовалось и карт.

Суворов — Резун:

«Но возникает вопрос — зачем вывезли карты в приграничные районы?»

Не знает бывший офицер Советской Армии, что войска должны стоять на границе, защищая страну. Недоумевает наш мыслитель: с чего это карты у границы? Знамо дело, войска должны быть у границы, а карты для сохранности — в тылу...

«Отчего же Кудрявцева не расстреляли за столь неразумное размещение карт?»

Непонятно это Суворову — Резуну.

Он прикидывается простачком, чтобы тут же намекнуть: для нападения готовились карты. Для нападения на Европу...

Но нас намеки не убеждают. Нам нужны факты.

Если бы Сталин жаждал похода на Европу, то у Красной Армии были бы, по крайней мере, топографические карты Берлина. А были они?..

Леонид Евтухов пишет в очерке «Топографы»:

«Шла осень 1943 года, на Дворцовой площади рвались вражеские снаряды, когда в один из топографических отрядов Ленинградского фронта поступила директива, подписанная генерал-лейтенантом технических войск М. Кудрявцевым. Вот ее содержание: «Силами топографической части, дислоцированной в городе, приступить к составлению плана Берлина. Масштаб 1:5000».

Исхудалые, с запавшими глазами люди, получившие к скудному пайку один стакан «киселя», сваренного из технического крахмала (богатство, оставленное бывшей картографической фабрикой), и кружку напитка из еловой хвои, создали этот теперь уже исторический документ — план Берлина. Координаты главных объектов — № 105 и № 106 — имперская канцелярия и рейхстаг — были определены с высокой точностью...» (Г а м ж е. С. 458).

Так что план Берлина стали создавать в середине войны.
В блокадном Ленинграде.

Глава 15 называется «А какие танки были у Гитлера?».

Эту главку Суворов — Резун начинает с маленького фокуса.

«На 21 июня 1941 года у Сталина было 24 000 танков».

«На 22 июня 1941 года на Восточном фронте Гитлер имел 3350 танков.

Всего в вермахте танков было чуть больше, но они были заняты на других фронтах, потому мы их учитывать не можем».

У Гитлера вот были «фронты» (Суворов — Резун их не называет), а у Сталина фронтов не было (как будто не был развернут Дальневосточный фронт) — и потому Суворов — Резун немецкие танки считает частично, а советские — все.

Мы же попробуем посчитать все танки обеих сторон — хотя бы приблизительно.

Согласно документам, у Германии на 1 июня 1941 года было 6292 танка и самоходных орудия, из них 5821 — исправных. Вот их перечень:

T-IV (75-мм орудие, 7,92-мм пулемет) — 613 единиц (572 исправных);

Штурмовые орудия III (75-мм орудие) — 377 (377);

T-III (50-мм орудие, 2 пулемета 7,92 мм) — 1113 (1090);

T-III (37-мм орудие, 3 пулемета 7,92 мм) — 316 (235);

T-35 (t) (37-мм орудие, 2 пулемета 7,92 мм) — 187 (187);

T-38(t) (37-мм орудие, 2 пулемета 7, 92 мм) — 779 (754);

T-II (20-мм орудие, пулемет 7,92 мм);

Орудия на самоходных лафетах (150-мм орудие) — 38 (38);

Противотанковые орудия на самоходных лафетах (47-мм орудие);

T-I (2 пулемета 7,92 мм) — 1122 (877);

Командирские танки — 341 (330).

К 22 июня Германия произвела еще 312 танков, так что число исправных машин перевалило за 6000 (см.: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 484).

Но это — танки Германии и чешского «протектората». Были еще и французские, и английские танки, захваченные во время разгрома Франции. Толком число участвовавших в походе на Россию французских танков, к сожалению, никто не посчитал, хотя Г. Гудериан писал в «Воспоминаниях солдата» о подготовке нападения на Россию: «...Материальную часть вновь сформированных по приказу Гитлера дивизий составляли главным образом французские машины».

После разгрома Франции немцам досталось 843 легких танков R35 и R40 — из них подавляющее большинство были в исправном состоянии или нуждались лишь в легком ремонте. Из 1600 легких танков H35 немцам досталось несколько сотен. Французский средний танк S35 по бронированию и основному вооружению превосходил все немецкие, и потому

немцы оставили себе 400 из 450 захваченных машин. Из 365 тяжелых танков В1 и В1бис немцам досталось 160. Итого — более 1,5 тысячи танков.

Заметим между прочим, что за счет трофейных машин, а также произведенной во Франции после ее оккупации техники немцы обеспечили транспортом 92 дивизии, придав мобильность своей пехоте. В результате практически вся немецкая пехота на 22 июня 1941 года была механизирована.

После поспешного бегства из Дюнкерка англичане оставили некоторое число своей военной техники. К счастью, англичане имели на континенте всего 12 дивизий, так что, кроме 300 пулеметных танков MkVIB и MkVIC, немцы почти ничем более не поживились.

К моменту своего вступления в мировую войну на стороне Германии в июне 1940 года Италия имела 1500 единиц бронетехники, в подавляющем числе — с пулеметным вооружением.

Было у немцев также какое-то число польских танков. М.Е. Катков в книге «На острие главного удара» (М., 1976) упоминает о польских «танкетках английских заводов «Карден-Ллойд», что двинули против них немцы. Речь идет, конечно, о польских переделках английских танкеток «Карден-Ллойд» — ТК-3 и ТК-9. До нападения Германии Польша имела 867 танков и танкеток — многие из них были уничтожены в ходе боевых действий.

Таким образом, с большой долей уверенности можно сказать, что армии, выступившие против СССР, имели не менее чем 9000 единиц бронетехники. Что им противостояло?

На 1 июня 1941 года в Красной Армии числилось 23 103 танка (из них — 18 740 исправных) и 2376 танкеток Т-27, созданных по типу английской танкетки «Карден-Ллойд» (исправными было 1060). В июне 1941-го было произведено еще 305 танков, так что общее число исправных танков превысило 20 тысяч. Вот перечень на 1 июня 1941 года:

Т-35 (76-мм пушка, две 45-мм пушки, 2 пулемета 7,62 мм) — 59 единиц (48 исправных);

КВ (76-мм пушка, 5 пулеметов 7,62 мм) — 504 (501);

Т-28 (76-мм пушка, 4 пулемета 7,62 мм) — 481 (292);

Т-34 (76-мм пушка, 2 пулемета 7,62 мм) — 892 (891);

БТ-7М (45-мм пушка, 7,62-мм пулемет) — 704 (688);

БТ-7 (45-мм пушка, 7,62-мм пулемет) — 4563 (3791);

БТ-5 (45-мм пушка, 7,62-мм пулемет) — 1688 (1261);

БТ-2 (37-мм пушка, 7,62-мм пулемет) — 594 (492);

Т-26 (45-мм пушка, 2 пулемета 7,62 мм) — 9998 (8423);

Т-40 (12,7-мм пулемет) — 132 (131);

Т-38 (7,62-мм пулемет) — 1129 (733);

Т-37 (7,62-мм пулемет) — 2331 (1483);

Т-27 (7,62-мм пулемет) — 2376 (1060);

Су-5 (76—156-мм орудие) — 28 (16).

Вот так обстояло дело с нашими танками на самом деле. Следует заметить, что И.В. Сталин перед войной отдал распоряжение прекратить выпуск танков старых марок и запчастей к ним. Это сыграло определенную позитивную роль в разворачивании массового производства танков новых конструкций, но обрекло выработавшие ресурс старые танки на то, что при первой же поломке починить их было нечем.

Суворов — Резун упоминает и про старые, и про новые танки. И здесь у него тоже открытия.

«Военную историю пропагандисты не изучали, а лепили ее. По заданным параметрам.

И родилась в недрах пропагандистского ведомства формула: «В Красной Армии на 21 июня 1941 года — 1861 новейший танк Т-34 и КВ, а также много устаревших и легких танков».

Но Суворова — Резуна насчет устаревших и легких танков не проведешь!

«Во-первых, Красная Армия кроме Т-34 и КВ имела на 22 июня 1941 года новейшие танки Т-40 и Т-50. Наши пропагандисты «забыли» эти танки включить в статистику».

Итак, были у Красной Армии Т-40 и Т-50. Это пропагандисты пытались их приобщить к «легким и устаревшим», но Суворов — Резун этого не допустил.

Он поймал на подлоге подлых клеветников.

Он написал об этом в своей книге. Ну как он ушучил красных пропагандистов! Как он вывел их на чистую воду!..

Стоят теперь пропагандисты в свете его прожекторов и шурятся от яркого света истины. И правильно, и поделом: не лги о числе легких танков в Красной Армии на 22 июня 1941 года!!!

Ну а теперь мы обратимся к л ю б о м у справочнику по танкам и поищем, как называются танки Т-40 и Т-50. У меня на столе лежит справочник В.Н. Шункова «Танки Второй мировой войны». Вот как звучит подзаголовок на С. 35: «Легкий плавающий танк Т-40». А вот как звучит подзаголовок на С. 37: «Легкий танк Т-50».

Л е г к и й танк! И Т-40, и Т-50. Так что «пропагандисты» не лгут — лжет Суворов — Резун.

Теперь именно он стоит в свете прожекторов на виду всего мира и шурится от яркого света истины.

И правильно — не лги.

И поделом. Не пугай старушку Европу сталинскими легкими танками.

Европа и так боится. Не знает Европа, что в конце 1940 года было создано всего два танка Т-50 и что когда в апреле 1941-го Т-50 был принят на вооружение, «его выпуск к лету 1941 года в Ленинграде еще не был налажен. Затягивалось и освоение производства шестицилиндрового двигателя, модификации дизеля В-2» (Оружие победы. С. 147).

К 22 июня было выпущено всего несколько Т-50. Точное число их назвать трудно, но определенно их было меньше, чем стран в Европе в 1941 году.

А вот танков Т-40 на 1 июня 1941 года было выпущено целых 132. Вооружен он был двумя пулеметами... Это несомненно позволило бы завоевать Европу без всяких там помех. Подъезжает наш танк к окопу, открывает бешеную стрельбу из двух-то пулеметов, от которой европейский солдат гложет и быстренько вылезает с белым флагом, выкрикивая: «Их бин капитулирен!»

Почему же танк так плохо вооружили?

Пулемет ставили для того, чтобы танк мог плавать. Попробовали поставить на него 20-мм пушку — он тут же стал тонуть. В сентябре 1941-го его сняли с производства.

Вот какая жуткая армада была подготовлена к броску на Запад...

Почитаем, однако, Суворова — Резуна дальше. Это все у него было «во-первых». А что у него там «во-вторых»?

«Во-вторых, 1861 Т-34 и КВ — это заниженная цифра. Два мужественных, т.е. настоящих, историка Н.П. Золотов и С.И. Исаев провели огромную работу по изучению танкового парка СССР на момент начала войны».

Ну-ка, интересно, что же нашли эти историки?

«Цифра 1861 — правильная, но это по состоянию на 30 мая 1941 года. На 21 июня 1941 года в Красной Армии было 1363 Т-34 и 677 КВ, т.е. 2040 новейших танков только этих двух типов, не считая Т-40 и Т-50».

На самом деле Золотов и Исаев пишут, что точное число танков на 22 июня определить трудно и предлагают выход — к состоянию на 1 июня прибавить выпуск танков до 21 июня включительно. «Но такой подход, — считают они, — будет условным, поскольку он не учитывает естественную убыль танков и переход из одной категории в другую. Невозможно определить и какое количество из произведенных танков прибыло на 22 июня 1941 года к месту назначения». Чисто формально танки все же можно посчитать.

В книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (С. 597) есть таблица распределения танков по округам на 1 июня 1941 года:

	КВ	Т-34
МВО	4	6
ЛВО	6	8
ПриОВО	78	50
ЗапОВО	97	228
КОВО	278	496
ОдВО	10	50
ОрВО	8	16
ХВО	4	16
СКВО	—	—

	КВ	Т-34
ЗакВО	—	—
ПриВО	19	23
УрВО	—	—
САВО	—	—
СибВО	—	—
ЗабВО	—	—
ДВФ	—	—
АрхВО	—	—
Всего	504	892

(См.: РГАПСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4134. Л. 1—8).

Итак, на 1 июня 1941 года в наших войсках было 1396 танков — уже выпущенных из цехов, принятых военной приемкой, доставленных на место, зафиксированных в документах. У Суворова — Резуна же в Красной Армии (не произведено, а уже в армии) на 30 мая 1941 года 1861 танк!

После фейерверка открытий в области численности советских танков накануне войны Суворов — Резун бойко переходит к танкам вермахта:

«А теперь — к германским танкам.

Германские конструкторы допустили непростительную ошибку: двигатель танка они установили на корме, а силовую передачу — в передней части танка. Эту же ошибку допустили конструкторы британских, американских и японских танков.

Такое расположение имеет много преимуществ. Преимущества были видны каждому. Но был недостаток, его не замечали.

А заключается он вот в чем: если двигатель в кормовой части, а силовая передача — в передней, то от двигателя к силовой передаче надо перебросить карданный вал. Так и сделали. Карданный вал помещали внутрь корпуса танка, и он много места не занимал. В принципе именно так сделано в большинстве легковых машин: двигатель в одном месте, а ведущие колеса — в другом. От двигателя к ведущей оси переброшен карданный вал. Он не занимает много места: накроем его кожухом, а справа и слева на днище корпуса установим сиденья. Присутствие карданного вала на высоту корпуса не повлияло.

Другое дело в танке. Над карданным валом нам надо разместить плоскость — пол вращающейся башни. Поэтому между днищем корпуса и полом башни образовывалось пустое пространство. Из-за этой в принципе ненужной пустоты мы вынуждены высоту корпуса танка увеличить на 30—40, а то и все 50 сантиметров. Соответственно увеличилось силуэт танка и его уязвимость в бою. Мало того: возрастает вес корпуса...

Советские конструкторы танков БТ, Т-34, КВ, ИС помещали двигатель и силовую передачу в одном месте — на корме».

Вот так Сталин мудро готовился к нападению на Европу.

Все остальные были лопухами, не готовились, делали танки тят-ляп, из фанеры, чтобы напугать вождя Советов...

И только он готовился всерьез!..

Но что было на самом деле?

Вопреки тому, что говорит Суворов — Резун, двигатель и силовая передача на корме были не только у советских танков. Они были у большинства английских танков. Англичане делили танки на медленные «танки сопровождения пехоты» и быстроходные «крейсерские». «Крейсерские» создавались по типу танка «Кристи», как и советские БТ, и имели то же расположение силовой передачи.

Но Суворов — Резун этого не знает. Как и того, что пол вращающейся башни появился на советских танках только после войны.

«Товарищи коммунисты, назовите тот германский танк, который в 1941 году имел все пять элементов конструкции новейшего танка: мощную длинноствольную пушку, противоснарядное бронирование, широкие гусеницы, дизельный двигатель, двигатель и силовую передачу на корме. Поднимите мне веки и укажите на него!»

Таких танков в 1941 году в Германии не было ни одного. И во всем мире — ни одного.

Тогда укажите мне тот германский танк, который бы сочетал в своей конструкции четыре элемента новейшего танка.

Затрудняетесь? Есть отчего (тут у Суворова — Резуна нет никакого знака пунктуации. — А.П.) таких танков в Германии тоже не было. Ни одного. И во всем остальном мире — ни одного.

А как насчет трех элементов? А все так же. Таких тоже не было. А два? Не было и двух. Ну, а может быть, по одному и этих элементов было на каком-нибудь германском танке? Опять же нет. И во всем мире — нет».

Во как!

Опередил Сталин всех!

К нападению на Европу готовился.

Иначе зачем ему иметь супертанки?

Сталин жил во Франции.

Я догадался об этом благодаря Суворову — Резуну. Поскольку Франция была первой страной, создавшей танки, удовлетворяющие требованиям Суворова — Резуна.

Назывались супертанки В1бис (см. вклейку). Разрабатывали эти танки еще с конца 20-х годов, зашифровав индексом «Трактор-30». Были у танка широкие гусеницы, что давало проходимость по любой почве. Двигатель и силовая передача располагались в корме. Вооружен был танк мощной длинноствольной 75-мм пушкой, расположенной в корпусе танка. Кроме этой пушки танк имел 47-мм пушку на башне. Об эффективности этих пушек говорит следующий эпизод:

«На северо-западной окраине танк Малагути неожиданно столкнулся с немецкой танковой колонной, стоявшей на шоссе. Не задумываясь, он открыл огонь с 30 м. С другой стороны шоссе в это время подошел В-1бис капитана Биллота и в течение 15 мин 13 немецких танков (два Т-4 и одиннадцать Т-3) были уничтожены» (ТанкоМастер. 1998. № 1. С. 29).

Было у танка и противоснарядное бронирование: лоб и борта — 60 мм, корма — 55 мм, башня — 56 мм. Все это больше, чем у знаменитого Т-34 (лоб корпуса — 45 мм, лоб башни — 45 мм), который, несомненно, был танком с противоснарядным бронированием. «Они заслужили себе репутацию неуязвимых — ни одна немецкая танковая и противотанковая пушка не могла побить их брони» (там же. С. 27).

Но что любопытно: французский танк был не только лучше бронирован, чем Т-34, — он был и выпущен намного раньше. Танков В1 и В1бис на 10 мая 1940 года во Франции имелось 365, в мае — июне они вели бои с немцами. А в июне 1940-го были выпущены первые три серийных В-1тер с броней в 75 мм.

Первые же наши серийные КВ появились летом 1940-го года, а Т-34 начали передаваться в армию лишь в сентябре 1940-го.

Ну разве все это не говорит о том, что Сталин жил во Франции и готовился завоевать Европу?.. Подумать только: еще в середине 30-х у него был танк, который имел четыре элемента конструкции новейшего танка.

Да Сталин жил и в Англии! И готовил нападение на Европу. Поскольку в 1940 году англичане начали выпускать «Валентайн» (см. вклейку), который тоже удовлетворяет требованиям Суворова — Резуна...

На танке «Валентайн» была лобовая броня 65 мм, броня башни — 65 мм (напомним, что на танке Т-34, который считается танком с противоснарядным бронированием, броня в обоих случаях составляла 45 мм). На «Валентайн-II» ставились дизели, что позволяло иметь запас хода 225 километров. Силовое отделение и отделение силовой передачи находились в задней части корпуса; это позволяло танку иметь низкую высоту (2,27 м, тогда как у Т-34 было 2,4 м). Наконец, у танка была мощная длинноствольная пушка — небольшого калибра, но с очень большой начальной скоростью снаряда и до лета 1942 года поражавшая любой немецкий танк. Позднее это стало не так — но не так это стало и с Т-34, и КВ. Гусеницы только были средними по ширине — но, поскольку «Валентайн» имел отличную компоновку, он мало весил — и широкие гусеницы были ему просто не нужны.

В Мелитопольской операции само собой произошло сравнение характеристик «Валентайна» и Т-34. Тогда в трех бригадах 19-го танкового корпуса было 101 танк Т-34 и 63 «Валентайнов». За 13 дней боев потери составили 78 советских танков и 17 английских.

Но мы отвлеклись со всеми этими танками. О чем шла речь?

Ах, да! О том, что Сталин наготовил какие-то кошмарные танки для захвата Европы. И броня-то у них противоснарядная, и гусеницы широкие.

Ну так вот, английский танк «Черчилль» (см. вклейку) 1940 года имел лобовую броню в 101 мм. У «Черчилля» были широченные гусеницы, а также гаубица 76,2 мм внутри корпуса и 40-мм пушка в башне (у Т-34 и КВ-1 было по пушке в 76,2 мм). Позже гаубица перебралась в башню; ее калибр стал 95 мм. Лобовая броня дошла до 152 мм.

Так что Сталин, оказывается, жил в Англии. Под партийной кличкой Черчилль.

Жил Сталин и в Америке и откликался на обращение «господин президент». Ведь американский средний танк М3 «Грант», что выпускался с декабря 1939 года, с 1940 года стал оснащаться 75-мм длинноствольной пушкой — помимо 37-мм орудия. Лобовая броня его составляла 57 мм (у Т-34—45 мм), гусеницы были широкими, на танках М3 и М3А1 ставился дизельный двигатель «Гибберсон» Т-1400—2 (хотя большинство танков оснащалось карбюраторным мотором «Континентал»).

Если сделать общий вывод, то можно прийти к заключению, что советские КВ и Т-34 не были каким-то уникальным достижением в танкостроении. Броня «Черчиллей» и «Матильд» была толще; вооружение В1бис и «Черчиллей» сильнее. Но это не значит, что Т-34 был хуже. У других танков — «Черчиллей», «Валентайнов», «Крусайдеров» — тоже были свои недостатки. В целом британский уровень танкостроения в 1941 году соответствовал советскому — за исключением пушек, которые в 1940 году еще могли быть 40-мм (на самом деле — 42-мм). «Валентайн» был сравним с Т-34, «Матильда» — с КВ.

Начало массового выпуска «Валентайна» (июнь 1940-го) совпало с началом серийного выпуска Т-34 (лето 1940-го). КВ и «Матильды» тоже стали серийно выпускаться приблизительно в одно время (в 1940 году). Именно благодаря тому, что «Матильды» и «Валентайны» выпускались в одно время с КВ и Т-34, английские танки смогли принять участие в битве под Москвой.

И все-таки советский Т-34 на 1941—1942 годы был действительно лучше иностранных! Не выдающимися качествами в чем-то одном, а комплексом средних параметров. Броня Т-34 была меньше, чем у английских «Матильд», ширина гусениц меньше, чем у «Черчиллей», вооружение жиже, чем у В1бис. Зато на Т-34 было найдено оптимальное сочетание маневренности, вооружения и бронирования. Именно это позволило ему стать лучшим танком мира!

И здесь, естественно, возникает вопрос: не потому ли именно в СССР возник лучший в мире танк? Возможно Сталин приказал создать — под угрозой ГУЛАГа — лучший в мире танк... Ведь он хотел завоевать Европу...

На это есть ответ. Танк А-32, из которого появился Т-34, возник как инициативная работа М.И. Кошкина. Работа вне основной задачи — конструирования колесно-гусеничного танка А-20.

Мало того. Вместо плохой пушки Л-11, которую намечалось ставить на этот танк, В.Г. Грабин разработал великолепную Ф-34. Руководители заводов производили и ставили на танк эту не принятую на вооружение пушку нелегально. Когда конструкторы создали новую, литую башню, безграмотный И.В. Сталин повелел не ставить ее до тех пор, пока конструкторы не определят, как новая башня изменит центр тяжести танка (!). Танкостроители все же нашли путь запустить в производство новую башню незамедлительно. М.И. Кошкин, В.Г. Грабин, А.С. Елян и многие другие рисковали жизнью, чтобы дать Красной Армии хороший танк. Т-34 стал первым подвигом Великой Отечественной войны.

Но Суворов — Резун этого наверняка не знает. Не знает он и истории немецких танков.

«В ходе войны конструкторы заимствовали советский опыт и создали танки «Тигр» (1942), «Пантера» (1943) и «Тигр-Б» (1944). Это были лучшие зарубежные танки. Они имели в своей конструкции три элемента, которые относили в разряд новейших: мощные длинноствольные пушки, противоснарядное бронирование и широкие гусеницы. Но двигатели устанавливались на корме, а силовая передача — в передней части корпуса, это — нерациональное решение, это техническая отсталость. И создать танковый дизель в ходе войны Германия не сумела».

Ну что про все это сказать?

1. Танка «Тигр-Б» никогда не существовало. Был «Тигр-II», он же Т-VI В, он же «Королевский тигр».

2. «Советский опыт» был заимствован только при создании «Пантеры». «Тигры» являлись чисто немецкой линией конструкторской мысли. К этому танку немцы шли с 1937 года.

3. У немцев был танк с размещением двигателя и силовой передачи в задней части корпуса — фирмы «Даймлер-Бенц», VK3002. Он по многим характеристикам напоминал советскую машину: боевая масса — 35 т, скорость — 55 км/ч, удельная мощность — 22 л.с./т, броня — 60 мм, длинноствольная 75-мм пушка. Сторонником этого танка был Гитлер. Задание условно именовалось «Пантера», но по этому заданию был представлен еще один танк, фирмы «МАН». Ознакомившись с обеими конструкциями, комиссия пришла к выводу, что расположение трансмиссии сзади, с двигателем, больших преимуществ не дает. Танк фирмы «МАН» и стал знаменитой «Пантерой».

4. Мощные дизели у Германии были, фирма «Даймлер-Бенц» предлагала поставить их на свои танки VK3002.

Продемонстрировав свое незнание советского и немецкого танкостроения, Суворов — Резун переходит к американскому.

«Мы почему-то не говорим, что они воевали на устаревших танках и войну завершили — на устаревших. А примеры — вопиющие».

Вопиют примеры.

О чем же они вопиют?

«Американский танк М3 выпускался в огромных количествах (в их понимании) до 1943 года, он использовался до конца войны и далее. Детали легонькой противопулевой брони этого танка не сваривали — их соединяли заклепками. Как на броненосцах 19 века».

К этому своему утверждению Суворов — Резун добавляет иллюстрацию (см. вклейку).

Под фото надпись: *«На протяжении всей войны Америка выпускала только устаревшие танки. До 1943 года на многих танках еще использовались заклепки. Это М-3. Его выпускали многими тысячами».*

Увидев эти трогательные заклепки, я чуть не прослезился. Клепки — это да. Клепки — это убедительно: на протяжении всей войны американцы выпускали только устаревшие танки.

Но тут я обратился к характеристикам танка М3.

Броня... Вот: «Лоб корпуса: 38—45 мм...»

Гм... У меня мигом высохли слезы. Наш знаменитый Т-34 имел броню в 45 мм, и мы до сих пор безумно гордимся им. А Т-34 в СССР считался скачком в мировом танкостроении, первым массовым танком с противоснарядным бронированием.

«Броня лба башни — 38 мм...» У нашего танка Т-34 — 45 мм.

«Скорость 58 километров в час...» У Т-34 — 55 километров в час.

Н-да. Все как на ладони. Но обратимся лучше к мнению специалистов.

«К основным достоинствам танка М3 следует отнести высокую эксплуатационную надежность и прекрасные динамические характеристики. Достаточно мощным было и вооружение, состоявшее из 37-мм пушки М6 и пяти 7,62-мм пулеметов Browning M1919A4» (Моделист-конструктор. 1996. № 9).

Пять пулеметов! Можно представить, как такой М3 встречал немецкую пехоту...

Впрочем, был и у М3 и недостаток, и серьезный. Пушка явно слаба. Но танк-то был легким! Его дело — разведка, поддержка моторизованной пехоты, охрана штабов и другие вспомогательные функции, а не артиллерийские дуэли на дальних дистанциях. Для «дуэлей» вызывался на подмогу «Шерман».

Недостатком была и клепаная башня; однако американцы ее довольно быстро заменили на сварную, а затем на подковообразную, боковые стенки которой состояли из одного гнутого листа.

Когда танки стали поставляться в СССР, они имели уже другой вид (см. вклейку).

Каковы были результаты боевого применения танков М3? Вот свидетельство:

«...Первыми американскими танками, прибывшими в Советский Союз по программе ленд-лиза, был легкий М3 «Генерал Стюарт» и средний М3 «Генерал Ли», более известные как М3л и М3с...

М3 заслуженно считается лучшим легким танком Второй мировой войны. Английские танкисты, сражавшиеся в Северной Африке, прощали ему и слабое вооружение, и пожароопасность авиационного двигателя, зато «Стюарт» позволял им постоянно висеть на хвосте преследуемых немецко-итальянских войск. Динамические характеристики танка были отличными — семицилиндровый двигатель «Континентал» мощностью 250 л.с. разгонял 12-тонную машину до 58 км/час; подвижность танка и работоспособность его ходовой части находили изумительными. Вот только 37-мм пушка, по бронепробиваемости не уступавшая советской 45-мм, к 1942 году оказалась уже слабоватой. Разместить же более мощную артсистему не позволяли размеры башни.

В 1942 — 1943 годах Красная Армия получила 1665 танков М3А1, которые если не превосходили, то не уступали советским Т-60 и Т-70. При общей простоте и надежности у М3л выявился существенный недостаток — если автомобильные двигатели охотно потребляли низкосортный бензин, то мотор «Стюарта» предпочитал исключительно высокооктановый авиационный» (ТанкоМастер. 1998. № 1).

Итак, подведем итоги.

Суворов — Резун пишет: *«На протяжении всей войны Америка выпускала только устаревшие танки. До 1943 года на многих танках еще использовались заклепки. Это М-3. Его выпускали многими тысячами».*

Я полностью верю коммунисту Суворову — Резуну. Танк М-3, которого я не нашел ни в одном из справочников, наверняка был просто ужасным. Что вообще могут эти американцы? Разве что создать танк М3, о котором русские напишут, что этот танк «заслуженно считается лучшим легким танком Второй мировой войны» (ТанкоМастер. 1998. № 1).

Любопытно, что часть «стюартов» имела 75-мм гаубицу, что совсем приближало их по вооружению к Т-34. Назывался этот вариант «самоходной гаубицей М8», хотя к самоходным орудиям его, строго говоря, причислить трудно, поскольку башня вращалась. Танк-гаубица имел примерно такую же броню, вооружение и скорость, что и наш Т-34, но был куда легче и имел несколько меньшие размеры. С июня 1942-го по конец 1944 года фирмой «Кадиллак» было выпущено 1778 танков-гаубиц. Когда «шерманов» вооружили 105-мм гаубицей, задача огневой поддержки средних танков перешла от танков-гаубиц к ним.

Но почитаем Суворова — Резуна еще. Он все ругает американские танки:

«На танке М5 было два автомобильных двигателя, а на танке М4А4 — пять автомобильных двигателей (P. Chamberlain and C. Ellis. British and American Tanks of World War Two. New York. ARCO 1969. P. 110).

Как работали пять автомобильных двигателей в одном силовом отделении танка, пусть каждый вообразит сам. У меня не получается».

Не получается у Суворова — Резуна.

Действительно, пять моторов — это просто ужасно.

Но... с чего это пять двигателей стоит именно на М4А4, а не на более ранних модификациях этого танка — скажем, М4А1?

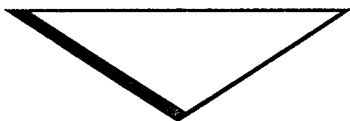
Я обратился к источникам — и с удивлением узнал, что на М4А1 стоял только один двигатель — Райт «Континентал» R-975.

В чем дело? Не сошли же американцы с ума, решив вставить в танк пять моторов вместо одного?

А дело обстояло так. Американцы начали выпускать танки М4 «Шерман» (см. вклейку) всего через 13 месяцев после того, как было дано задание разработать эту машину. За массовое производство взялось сразу несколько заводов, для которых прежних моторных мощностей просто не хватало. На часть танков М4 и М4А1 ставили «Континентал» R-975, который прежде ставился на средний танк М3. На М4А2 было два дизельных GMC-6046. На выпускавшемся с июня 1942 года М4А3 стоял специальный танковый мотор «Форд» GAA-8.

Танки М4А4 (выпускавшиеся с июля 1942 по сентябрь 1943 год) имели удлиненный корпус, чтобы вместить силовой агрегат «Крайслер С», состоявший из пяти автомобильных моторов. Танк М4А6 имел удлиненный корпус М4А4, в котором размещался радиальный дизель-мотор «Картерпиллар» RL-1820.

Используя различные моторы, американцы смогли быстро развернуть массовое производство. Всего до конца войны ими было выпущено 48 071 «шерманов» всех модификаций, включая 1332 канадских RAM и «Гризли» (М4А1). Уже 24 октября 1942 года «шерманы» участвовали в сражении под Эль-Аламейном в Северной Африке, где англичане убили 2600 немцев, потеряв 4100 своих солдат, — все же победили, чем до сих пор очень гордятся.

КАК УЖАСНО НЕМЦЫ БОЯЛИСЬ ВТОРЖЕНИЯ СТАЛИНА

Глава 16 называется «С немецким разговорником по... Смоленской области». В ней Суворов — Резун делает все новые открытия. Да еще какие!

«Единый замысел советского вторжения существовал и германской разведкой в общих чертах был вскрыт. Утром 22 июня 1941 года германский посол фон дер Шуленбург товарищу Молотову этот план довольно точно обрисовал. Еще и бумагу вручил. На память. Этот вскрытый германской разведкой советский замысел вторжения собственно и явился причиной и поводом германского вторжения как предупредительной акции самозащиты от неизбежного и скорого нападения».

Новейшая, смелая, прямо дерзкая версия начала Великой Отечественной войны!

Раньше все знали, что Шуленбург вручил документ, в котором говорилось, что, сосредоточив «все имеющиеся русские вооруженные силы на длинном фронте от Балтийского до Черного моря», СССР «создал угрозу рейху» и что СССР вступил в сговор с Англией «в целях нападения на немецкие войска в Румынии и Болгарии» (От Барбароссы до Терминала. М., 1988. С. 47). Никакого плана «советского вторжения» Шуленбург не предъявлял, и в его заявлении говорилось лишь о некоей потенциальной угрозе рейху.

Не было у немцев советского плана нападения на Германию.

Никогда.

Ни до войны, ни во время войны, ни после нее. Черную кошку не найти в темной комнате — особенно когда этой кошки там нет.

Немецкий историк М. Мессершмидт тщательно изучил дневники и письма немецких солдат, относящиеся к июню 1941 года. В книге «Operation Barbarossa» (Salt Lake City. 1961) есть его статья «Июнь 1941-го в немецких дневниках и мемуарах», в которой на странице 207 он пишет следующее:

«Если бы вермахт начал наступление против Красной Армии, тоже готовый к наступательным операциям, то можно было бы ожидать ог-

ромного числа свидетельств этой наступательной готовности в дневниках и мемуарах — тем более охотно это фиксировалось бы ввиду того, что помогало бы отрицать преступления самой германской армии. Но никаких признаков дневники и мемуары не выявляют».

Исключением было лишь одно-единственное свидетельство: перед Нюрнбергским трибуналом начальник штаба верховного главнокомандования вермахта Кейтель говорил о превентивном характере нападения по СССР. Но Кейтель, ответственный за многие злодеяния, писал тогда и мемуары, в которых пытался обелить свои действия. Каких-либо доказательств агрессивных намерений Сталина Кейтель не привел. Он лишь сказал, что в агрессивности Сталина его убедил — уже после нападения вермахта — Гитлер.

Ну а какие аргументы могли быть у Гитлера?

18 мая 1942 года, ведя беседу за столом, Гитлер сообщил, что именно их борьба с Россией «наиболее четко доказала, что глава государства должен первым нанести удар в том случае, если он считает войну неизбежной».

В обнаруженном у сына Сталина и написанном у одного из его друзей незадолго до нашего нападения письме говорилось буквально следующее: он «перед прогулкой в Берлин» хотел бы еще раз повидать свою Аннушку.

Если бы он, Гитлер, прислушался к словам своих плохо информированных генералов и русские в соответствии со своими планами опередили нас, на хороших европейских дорогах для их танков не было бы никаких преград» (П и к е р Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 303).

На самом деле это письмо было найдено не у сына Сталина, а было предъявлено ему, Якову Джугашвили, на допросе с целью прокомментировать. Яков заявил, что никакого нападения в СССР не готовилось.

Таким образом, в качестве аргумента Гитлер имел одно-единственное, неизвестно кем написанное письмо! Это ясно говорит только о том, что никаких серьезных аргументов у него не было даже в 1942 году.

После нападения на Россию Гитлер в своей речи, оправдывая нападение вермахта, говорил о большом количестве советских танков, захваченных и уничтоженных на западной границе СССР. Но большое число танков на границе само по себе еще не свидетельствует о желании напасть. Это косвенно признал и сам Гитлер, сказав 4 августа 1941 года Г. Гудериану: «Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводится в вашей книге, я бы, пожалуй, не начал эту войну». Другими словами, танки Сталина Гитлер не расценивал как угрозу агрессии, требовавшей превентивного удара.

На том же Нюрнбергском суде Кейтель сообщил, что перед нападением на Россию он направил Гитлеру записку, предостерегая его от нападения на СССР. Гитлер отреагировал резко.

«Разговор свелся к весьма односторонней нотации Гитлера, заявившего, что мои соображения его никоим образом не убедили и моя оценка стратегической обстановки неправильна. Неверна и моя ссылка на прошлогодний договор с Россией: Сталин так же, как и он сам, не станет больше соблюдать его, если положение измениться и предпосылки для него исчезнут» (Откровения и признания / С. 338).

Слова Кейтеля знаменательны. «Сталин... не станет больше соблюдать его [договор], если положение изменится». Значит, Сталин договор соблюдал.

Далее Кейтель говорил про Гитлера: «Он был одержим идеей: столкновение так или иначе, но обязательно произойдет, и было бы ошибкой ждать, когда противник изготавится и нападет на нас».

Выходит, Гитлер сам свидетельствует, что противник его еще не «изготавился».

Кейтель до Нюрнбергского трибунала утверждал, что министр иностранных дел Риббентроп согласился с ним попробовать отговорить Гитлера от его «русской авантюры». Отговорить Гитлера пытались также командующий ВВС Г. Геринг и командующий ВМФ Э. Рёдер (т а м ж е. С. 339). А это значит, что данных о якобы готовившемся Красной армией нападении не было и у них.

Лееб «оставался в оккупированной Южной Франции до 25 октября, когда группа армий «Ш» была переброшена в Дрезден, чтобы начать подготовку вторжения в Россию. Лееб протестовал против этой новой авантюры. Он предвидел возможные последствия, в том числе и вступление в войну Соединенных Штатов» (М и т ч е м С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1999. С. 181). 22 июня 1941 года Лееб командовал группой армий «Север».

«В 1941 году Бок выражал несогласие со вторжением в Советский Союз и даже отказался во вверенной ему группе армий выпустить пресловутый «приказ о комиссарах» (т а м ж е. С. 209). 22 июня 1941 года Бок командовал группой армий «Центр».

«Герд фон Рундштедт был с самого начала против этой авантюры в России» (т а м ж е. С. 394). Рундштедт 22 июня 1941 года командовал группой «Юг».

Таким образом, командующие всеми тремя группами армий, вторгшихся в Россию 22 июня 1941 года, были против войны!

Генерал-фельдмаршал Рейхенау, презрев воинскую субординацию, предпринял попытку переубедить Гитлера. «Весной 1941 года Рейхенау подготовил подробный и объективный доклад о нежелательности войны с Россией и отослал его Гитлеру, минуя промежуточные инстанции.

После того как Гитлер отмахнулся от этого документа, Рейхенау, судя по свидетельствам генералов Роэрихта, Ферча, фон Фитингофа и Шпейделя, стал относиться к нему критически в целом» (там же. С. 166). 22 июня 1941 года Рейхенау командовал 6-й армией.

Э. фон Манштейн писал:

«Много спорили о том, носило ли развертывание сил Советской Армии оборонительный или наступательный характер. По числу сосредоточенных в западных областях Советского Союза сил и на основе сосредоточения больших масс танков как в районе Белостока, так и в районе Львова, можно было предполагать — во всяком случае, Гитлер так мотивировал принятое им решение о наступлении, — что рано или поздно Советский Союз перейдет в наступление. С другой стороны, группировка советских сил на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление... 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны» (Манштейн Э. фон. Утерянные победы. Смоленск, 1999. С. 198—200).

Так что Манштейн не считал группировку советских войск у границы угрожающей.

Командующий 2-й танковой группой Г. Гудериан на вопрос, за сколько дней он достигнет Минска, ответил: «5—6 дней» (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 126). До Минска он действительно дошел за 5 дней, а Гот, идя другим путем, — за 4 дня. Вряд ли Гудериан, называя столь малый срок для такого значительного продвижения, считал, что основные советские войска сосредоточены на границе и готовы к бою.

Командующий 3-й танковой группой Г. Гот, по-немецки педантично описывая подготовку плана нападения на СССР, сообщает:

«В это время Гитлеру, который собирался начать наступление на Россию еще осенью, доложили, что сосредоточение и развертывание войск вдоль восточной границы займет от четырех до шести недель. Целью операции указывалось «разбить русскую армию или, по крайней мере, продвинуться в глубину русской территории настолько, чтобы исключить возможность налетов авиации противника на Берлин и Силезский промышленный район».

31 июля Гитлер изложил свои намерения более конкретно. Он заявил, что охотнее всего начал бы наступление на Россию уже в этом году. Но этого нельзя делать, так как военные действия захватят и зиму, а пауза опасна; операция имеет смысл только если мы разгромим Россию одним ударом» (Гот Г. Танковые операции; Гудериан Г. «Танки — вперед!». Смоленск, 1999. С. 22).

Другими словами, нападение поначалу замышлялось осенью, но его отложили из-за зимы и нехватки времени на развертывание войск. Если бы Гитлер наносил превентивный удар по изготавившемуся врагу,

откладывание этого удара было бы опасным. А Гитлер потом еще раз перенес нападение: с 16 мая на 22 июня.

На совещании 22 июля 1940 года Гитлер сказал:

«Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он может захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Однако никаких признаков активного выступления России против нас нет» (У т к и н А. Россия над бездной. Смоленск, 2000. С. 331).

Именно на этом совещании главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал Вальтер фон Браухич получил указание Гитлера начать разработку плана нападения на СССР. Таким образом, нападение на СССР не было просто желанием «рубануть первым».

«Генерал Лоссберг, помощник Йодля в штабе командования вермахта, слышал вопрос Гитлера, сможет ли он нанести удар по Советскому Союзу после победы над Британией» (т а м ж е). Опять же, это отнюдь не вопрос о русском ударе в спину...

Гитлер был настолько уверен в успехе плана «Барбаросса», что 17 февраля попросил Йодля составить план вторжения в Индию через Афганистан, которое должно было осуществляться после разгрома Советских Вооруженных Сил. 17 февраля 1941 года советские войска еще к границе не подтягивались — началось подтягивание только немецких.

Паулюс в советском плену описал военные игры, проведенные под его руководством в конце ноября — начале декабря 1940 года, на которых отрабатывались основные вопросы войны с Россией. По окончании игр со специальным докладом выступил начальник отдела иностранных армий «Восток» полковник Киндель. «Выводы докладчика, — свидетельствовал Паулюс в заявлении Советскому правительству, — были построены на предпосылках, что Красная Армия — заслуживающий внимания противник, что сведений об особо важных приготовлениях не было и что военная промышленность, включая вновь созданную восточнее Волги, была высокоразвитой» (В о л к о в Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 67).

В. Шелленберг, в июне 1941 года начальник АМТ 6, службы разведки за рубежом, писал:

«Несмотря на склонность Канариса недооценивать успехи русских в области военной техники, в последних наших беседах он высказывал серьезные опасения по поводу того, что Германия может оказаться втянутой в войну на два фронта со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Канарис был главой абвера, разведывательной службы, и, если бы его разведка располагала данными о готовившемся Сталиным нападении, он должен был настаивать на скорейшем превентивном ударе по России.

Когда 22 мая Гальдеру доложили результаты воздушной разведки, он сделал вывод: «Аэрофотосъемки подтверждают наше мнение о решимости русских удержаться на границе». Это порадовало Гальдера: жесткая оборона давала немецкой армии шанс заключить приграничные части в мешки и разгромить основные силы Красной Армии западнее Двины и Днепра. Немцы разгромили приграничные части Красной Армии именно из-за их жесткой обороны, обрекавшей их на окружение. Мобильные части, призванные закрывать бреши в обороне, были во втором эшелоне и вовремя не подоспели.

Генералы Маркс и Лоссберг, ответственные за германское планирование в 1941 году, категорически исключали наступательные действия Красной Армии даже в случае нападения на нее.

А вот что писал в своих дневниках Геббельс:

«14 апреля 1941. Хорошо обладать силой. Сталин явно не хочет познакомиться поближе с немецкими танками».

«4 мая 1941. Первого мая в России был военный парад с пылкими речами и громогласными восхвалениями великого Сталина. Однако внимательное ухо без труда различит в этом страх перед надвигающимися событиями.

7 мая. Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролики перед удавом».

«11 мая 1941. Москва уже не признает суверенитет оккупированных стран. Теперь она уже не признает Югославию, с которой две недели назад подписала пакт о ненападении. Невроз, порожденный страхом».

«24 мая 1941. Р. должна быть разложена на составные части... на Востоке нельзя терпеть существование такого колоссального государства...»

«29 мая. Сталин, по-видимому, понемногу разбирается в трюке. Но в остальном он по-прежнему зачарован, он как кролик перед удавом».

«1 июня 1941. Москва вдруг заговорила о новой этике большевизма, в основе которой лежит идея защиты отечества. Это совершенно ясно. Но это все же подтверждает, что большевики очутились в тисках. Иначе бы они не затянули такую фальшивую песню».

«5 июня 1941. Дрожу от возбуждения. Не могу дождаться минуты, когда разразится шторм».

«6 июня 1941. Доклад из Москвы: частично подавленное разочарование, частично грубые попытки сближения с нами, частично уже видимая подготовка. В случае конфликта правительство намерено эвакуироваться в Свердловск».

«12 июня 1941. Информация из Бессарабии и Украины: русские устали от нас как загнипотизированные и боятся. Делать они много не делают. Они будут сбиты с ног, как ни один народ».

«14 июня 1941. Восточная Пруссия так насыщена войсками, что русские своими предупредительными налетами могли бы нанести нам большой ущерб. Но они этого не сделают. Для этого у них не хватит мужества».

«16 июня 1941. Я оцениваю мощь русских очень низко, еще ниже, чем фюрер. Изю всех, что были и есть, эта операция самая обеспеченная».

«17 июня. Частично говорят о русской всеобщей мобилизации. Я это пока считаю совершенно исключенным».

Годом позже, 14 февраля 1942 года, Геббельс написал в своем дневнике:

«Наш посол в Москве граф фон дер Шуленбург тоже не имел никакого представления о том, что рейх намерен совершить нападение [на Советский Союз]. Он постоянно настаивал на том, что наилучшей политикой было бы сделать Сталина другом и союзником. Он отказывается верить, что Советский Союз готовит крупный военный удар против рейха».

9 января 1941 года Гитлер сказал Риббентропу:

«Сталин, хозяин России, — умный парень. Он не станет открыто выступать против Германии... Сейчас русские вооруженные силы — это обезглавленный колосс на глиняных ногах, но невозможно предсказать его будущее развитие. Коль скоро Россия будет разбита, лучше сделать это сейчас, когда русские войска не имеют хорошего руководства, плохо оснащены и когда русские испытывают большие трудности в военной промышленности» (Цит. по: Уткин А. Россия над бездной. С. 301).

Итак, политические и военные лидеры Третьего рейха — Гитлер, Геббельс, Геринг, Канарис, Риббентроп, Шуленбург, Рёдер, Кейтель, Руншtedт, Бок, Рейхенау, Гудериан, Бок, Йодль, Маркс, Лоссберг, Паулюс — 22 июня 1941 года не исходили из страха перед нападением Сталина.

Не обнаружили изготовившихся к броску советских войск и простые немецкие солдаты. Л. Штейдле встретил 22 июня на границе в районе Бреста. Вот его свидетельство:

«На следующее утро в 5.30 вдоль всей границы начался артиллерийский огонь небывалой силы. Подавлялся каждый объект, который мог служить обороне. Одновременно немецкая авиация начала массированные налеты. Все это говорило о том, что началось тщательно и заблаговременно подготовленное вторжение.

Через несколько минут после начала артиллерийской подготовки вспыхнули пожары. Находившиеся на советских пограничных заставах передовые части были быстро опрокинуты. На моем участке никакого сопротивления не было. Только со стороны Малкино был слышен шум пехотного боя и раздавались взрывы. Непрерывно почти на бреющем полете над нами летели на Восток эскадрильи и отдельные бомбардировщики.

Как и капитан медицинской службы доктор Бергманн, я следовал за батальоном верхом на коне. Вскоре мы достигли высоты с пологими склонами и тригонометрическим знаком. Тут, наверху, мы увидели первого и за эти часы единственного мертвеца: пожилого сержанта-пограничника в оливково-зеленом обмундировании.

Через километр наше продвижение было на некоторое время остановлено огнем из пулеметов и винтовок. Вскоре наша головная походная застава наткнулась на недостроенные легкие полевые укрепления. Солдат в них уже не было. По всему было видно, что стройка началась недавно. Вокруг валялись мотки колючей проволоки, деревянные колья, скобы, доски и мешки с цементом. Мы были поражены увиденным. Ничем не подтверждалось, что готовилось нападение, которое мы предупредили» (Ш т е й д л е Л. От Волги до Веймара. М., 1975. С. 111).

А теперь, после всех приведенных выше свидетельств, перечитаем, чтобы оживить в памяти, Суворова — Резуна.

«Единый замысел советского вторжения, — пишет он, — существовал и германской разведкой в общих чертах был вскрыт. Утром 22 июня 1941 года германский посол фон дер Шуленбург товарищу Молотову этот план довольно точно обрисовал. Еще и бумагу вручил. На память. Этот вскрытый германской разведкой советский замысел вторжения собственно и явился причиной и поводом германского вторжения как предупредительной акции самозащиты от неизбежного и скорого нападения».

После этого утверждения Суворов — Резун снова пишет о советской топографии:

«А командир 5-й гаубичной артиллерийской батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович попал в плен и на допросе показал: «Карты подвели Красную Армию, так как война, вопреки ожиданиям, разыгралась восточнее государственной границы». Показания сына Сталина опубликованы германским историком И. Хоффманом в российском журнале «Отечественная история» (1993. № 4. С. 26).

Это я к тому, что материал о намерениях и замыслах советского командования есть. В изобилии. При желании любой может в германских архивах найти штабеля разоблачительного материала, документов, свидетельствующих о подготовке Красной Армии к «освобождению» Европы летом 1941 года».

Итак, материалы о коварных замыслах советского командования есть! Старший лейтенант Джугашвили — это советское командование.

Над кем командование? Наверное, над Светланой Аллилуевой.

Но это, в общем, не важно. Важно, что командование говорило на допросе.

Ладно, посмотрим, что сказал на допросе Яков Джугашвили.

«В каком бою он впервые участвовал?»

Я забываю это место, это в 25—30 км от Витебска, у меня не было с собой карты, у нас вообще не было карт. Карт у нас не было.

У офицеров тоже нет карт?

Все у нас делалось так безалаберно, так беспорядочно, наши марши, как мы их совершали, организация была вообще безалаберной.

Как это следует понимать?

Понимать это надо так: все части и моя часть, считавшаяся хорошей... Вы спрашиваете, значит, как следует понимать, что организация была плохая? Дивизия, в которую я был зачислен и которая считалась хорошей, в действительности оказалась совершенно неподготовленной к войне, за исключением артиллеристов, потому что переходы совершались плохо, сплошная неразбериха, никаких регулировщиков, ничего, это первое; во-вторых, вы уничтожали машины по частям.

А как это отражалось на командовании?

Оно никуда не годится (почему?), потому что оно отсиживалось в лагерях, вот и все, так было целых три года. Переходы совершались не больше чем на 30 км, к тому же один-два раза в год» (Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993. С. 73—74).

Итак, обратившись к протоколу допроса, мы видим, что отсутствие карт Джугашвили объяснял безалаберностью в своем мехкорпусе.

При допросе Джугашвили спрашивали и про планы нападения Сталина. Суворов — Резун эти строки почему-то не привел.

«Если бы красное правительство было так называемым миролюбивым правительством, почему же оно так вооружалось; Германия была вынуждена вооружаться, так как другие страны тоже вооружались и ей нужно было защищать свою страну. Советское правительство называет себя раем крестьян и рабочих! Зачем же они вооружались, если они говорят, что настроены миролюбиво и их не интересует политика других стран. Может быть, Советский Союз думал, что ему придется занять оборону и что на него нападет какая-нибудь страна?»

Так. (Продолжительная пауза). Могу сказать то, что я думаю. Я изложу мою личную точку зрения. Очевидно, что существует предположение, что Германия готова напасть, а для того, чтобы предотвратить это, надо быть готовым.

Разве не бросается в глаза, что на всех знаках Советского Союза, на глобусе изображен серп и молот? Свастика и национализм — это понятия, принадлежащие одной Германии и должны быть действительны только для Германии. Почему же Советский Союз всегда изображал земной шар с серпом и молотом? Он ведь должен был указывать на мировое господство красного правительства.

И все же он повсюду прокладывает себе дорогу. Факт остается фактом. Вы ведь первые напали, правда? Не Советский Союз напал на Германию, а Германия напала первой! Мне говорят, будто бы есть такая речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы. Я никогда не слышал ничего подобного! Никогда не слышал! Это я могу сказать. Я не знаю» (там же. С. 83—84).

Вот что сказал сын Сталина на допросе немцам.

Мог бы ответить иначе: что Сталин готовил войну. За это получил бы и паек получше, и постель помягче. Может, и авторский гонорар в

английских фунтах стерлингов. Но не ответил так, как от него хотели. И потому его из Гоммельбургского лагеря для офицеров перевели в лагерь смерти Заксенхаузен.

Из доклада по поводу допроса коменданта концлагеря Заксенхаузен Кайндля:

«ДЖУГАШВИЛИ, идя в раздумье, перешел через нейтральную тропу к проволоке. Часовой взял винтовку наизготовку и крикнул «стой». ДЖУГАШВИЛИ продолжал идти. Часовой крикнул «стрелять буду».

После этого окрика ДЖУГАШВИЛИ начал ругаться, схватился руками за гимнастерку, разорвал ворот, обнажил грудь и закричал часовому «стреляй». Часовой выстрелил в голову и убил ДЖУГАШВИЛИ» (там же. С. 99).

Но продолжим чтение Суворова — Резуна:

«При желании любой может в германских архивах найти штабеля разоблачительного материала, документов, свидетельствующих о подготовке Красной Армии к «освобождению» Европы летом 1941 года».

Штабеля разоблачительного материала лежат. Удивительно, почему Суворов — Резун не взял из них ни одного, ни одного-единственного документа о сталинском «плане нападения».

Если бы такой документ был, наш архивист его несомненно опубликовал бы. Но вместо этого он занимается одними подлогами.

«Считалось, что война с Германией неизбежна.

Но не на советской территории.

В соответствии с этим и работали советские топографы».

Далее идет гневливое обличение, но через страницу Суворов — Резун уже забывает о том, что только что утверждал:

«Свидетельствует бывший начальник Генерального штаба генерал армии С.М. Штеменко: «А надо заметить, что до войны карты, нужные войскам, на значительную часть территории нашего государства не распространялись» (Генеральный штаб в годы войны. С. 128). Исключением, говорит Штеменко, была узкая полоса от западной границы до городов Петро-заводск, Витебск, Киев, Одесса».

Тут же схватим Суворова — Резуна за руку. *«Исключением, говорит Штеменко, была узкая полоска...»* Про «узкую полоску» Штеменко не говорил. Тем более что от границы до Витебска 450 километров, а до Киева — 360. Это не «узкая полоска», а размах иного европейского государства.

Однако приведенный отрывок любопытен не этим, а тем, что Суворов — Резун опровергает самого себя: сначала он говорит, что война якобы предполагалась «не на советской территории», а потом ляпает опровергающий текст из Штеменко.

Чтобы отвлечь внимание от Киева и Витебска, Суворов — Резун тут же приковывает внимание читателя к Одессе.

«Присмотримся: вот граница, а вот рядышком Одесса. Это потом границу на запад отодвинули, а до 1940 года Одесса была городом приграничным. Между одесскими окраинами и границей — узкая полоска территории. А вот на этой территории и работали топографы».

Удивляет это Суворова — Резуна. Как же так — боярская Румыния нависла над СССР, а карт Крыма, Сталинграда и Омска топографы не заготовили? Это потом границу на запад отодвинули, а в 1940-м бронированная армада румын прямо нависла над Киевом, Москвой и Уралом. Румыния была сверхдержавой, имела мощный воздушный флот, сто линкоров типа «Дракула» и десять тысяч танков «Большой румынский капут»...

Одним словом, надо было готовить пути к отступлению — готовить карты. Румыния, как-никак.

Но карт не готовили.

Готовили немецкие разговорники. И это тут же засек ястребинный взор Суворова — Резуна.

«У границ горели ярким пламенем вагоны, набитые небольшими серыми книжечками под названием «Краткий русско-немецкий разговорник»...

Меня разговорник привлек содержанием: ни слова об обороне. Все о наступлении. Названия разделов: «Захват железнодорожной станции разведом или разведывательной партией», «Ориентировка нашего парашютиста» и т.д.

...Правда, если мы воюем под Старой Руссой или Вязьмой, нам такая книжка без надобности. На кой нам изъясняться на немецком языке с новгородским или смоленским мужиком? Зачем красноармейцу в центре России на немецком языке спрашивать название деревни?

А фразы в книжке такие: «Назовите селение!», «Назовите город!», «Можно ли пить?», «Выпей сначала сам!», «Где топливо?», «Сколько скота?» и т.д.

Воображение у меня резвое. Прикинул: вот началась «великая отечественная», вот наши солдатики защищают Родину, воюют на родной земле. Вот вошли в незнакомый город, нашли в разговорнике нужную фразу и первому попавшему мужику:

— Nennen Sie die Stadt!

А тот в ответ:

— Смоленск!

А наши ему:

— Sie lügen, падла.

Или зашли в деревню где-нибудь под Оршей, зачерпнули воды ключевой и молодухе: «Trinken Sie zuerst man selbst!»

Так ведь русская и не поймет. Это только если к немецкой молодухе обратиться...»

Все правильно говорит Суворов — Резун: такие вопросы можно задавать только на немецкой территории. Готовилась Красная Армия к боям с немцами. Впрочем, это известно. Неизвестно только — к оборонительной или наступательной. Суворов — Резун считает — к наступательной.

Но разговорник в этом вопросе ничего не проясняет. Точно такие же разговорники издаются во всех армиях мира. И это не значит, что все армии готовятся к внезапному нападению.

Пример? Ну, хотя бы изданный в 1974 году для высших военных командных училищ «Учебник английского языка» В. Вахмистрова, Н.К. Григорьева, М.М. Решоты. Я его купил в 1974 году в самом центре Москвы. Вот упражнение на странице 90:

«Переведите группы вопросов:

1. Как ваша фамилия? Кто вы (по специальности)? Где вы живете? На какой улице вы живете? Ваш дом далеко от этого училища? На каком берегу стоит ваш дом?»

Зачем советским офицерам задавать гражданам СССР вопрос «Где вы живете?» по-английски? Офицер давал подписку о том, что не будет общаться с иностранцами. А раз спрашивает, то не иначе как допрашивая пленного. Значит, Советская армия в 1974 году готовилась напасть на Великобританию...

Но куда интересней упражнение на странице 240:

«Переведите предложения, употребляя следующие сочетания слов: ...*(to) establish (enlarge) a bridgehead.*

1. Наша часть только что захватила небольшой плацдарм. 2. Этот плацдарм будет расширен вторым эшелонам. 3. Какими частями был захвачен плацдарм к востоку от города Н.? 4. Необходимо расширить этот плацдарм в течение ночи. 5. Смогут ли эти части форсировать реку с ходу и захватить плацдарм? 6. Командир дивизии сказал, что правофланговые части захватили плацдарм».

В учебнике говорится о захвате плацдармов, то есть о наступлении, об агрессии. Но говорит ли этот учебник о замысле Брежнева в 1974 году высадиться на берегах Англии или США?

Суворов — Резун:

«...Начали печатать разговорник в Москве 29 мая 1941 года. Но требовалось их много. Очень много. И срочно. Поэтому через неделю, 5 июня 1941 года, подключилась ленинградская типография, а может быть, и еще какие-то.

А дата наводит на размышления».

Верно, наводит...

Советские разговорники были сданы в печать только 29 мая 1941 года. А еще в середине февраля 1941 года «немецкий печатник передал в наше посольство копию только что вышедшего из-под печатного пресса разговорника. Фразы «Руки вверх!», «Я стреляю», «Сдавайтесь!» не нуждались в особых комментариях. Разговорник тут же был переслан в Москву дипломатической почтой» (Уткин А. Россия над бездной. С. 303).

Итак, три месяца Сталин не делал умозаключения по поводу немецкого разговорника! И через три месяца не сделал...

Вот что действительно наводит на размышления.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ЧУДЕСА

Глава 18 посвящена гвардии. Суворов — Резун назвал ее «Гвардейские чудеса».

При чем здесь чудеса?

А вот при чем:

«Нужны свежие резервы. Но резервы исчерпаны в ходе зимнего наступления, в ходе неудачных попыток прорвать блокаду Ленинграда, в попытках спасти положение под Харьковом и в Крыму.

Итак, где взять резервы? Без резервов — конец.

Сталина могло спасти только чудо.

И оно случилось».

Вот они и начинаются, «гвардейские чудеса». Я никогда в жизни так не смеялся, как при чтении об этих «чудесах».

«В Красной Армии на тот момент было десять гвардейских стрелковых корпусов, они давно были втянуты в бой, обескровлены и обессилены, снять их с тех участков фронта, где они воевали, было невозможно.

Но на кавказском направлении перед германскими дивизиями и корпусами 4-й танковой армии вдруг встали стеной два советских новеньких, свежих, отборных, полностью укомплектованных гвардейских корпуса: 10-й и 11-й. Их появление в самый критический момент именно там, где надо, спасло ситуацию».

Итак, гвардия спасла ситуацию.

Теперь посмотрим на карту из книги А.А. Гречко «Годы войны» (см. вклейку).

4-я танковая армия немцев на Кавказ не наступала. 4-я танковая шла на Сталинград. Часть этой армии потом окажется в сталинградском кольце, часть ее будет использована в попытках деблокады.

Но вообразим, Суворов — Резун не врет. Врут все карты, все мемуары, все справочники и энциклопедии.

Читаем Суворова — Резуна далее:

«Советское командование получило возможность перевести дыхание, перегруппировать войска, привести их в относительный порядок и стаби-

лизировать ситуацию, превратив беспорядочное бегство частей в организованный отход, затем — в затяжные бои, наконец — в контрнаступление».

Снова смотрим на карту. Прорыв немецкой 1-й танковой армии, которая и наступала на Кавказ, был стремительным. На 25 июля армия была на Дону, к 1 августа уже был пройден Сальск, 17 августа половина армии вела бои у Туапсе, другая — у Моздока. Но порыв уже выдохся. К ноябрю на обоих направлениях обе половины продвинутся совсем немного — и это будет их последнее продвижение.

Теперь смотрим, кто все же остановил немецкие танки в августе 1942-го, *«стабилизировал ситуацию, превратив беспорядочное бегство частей в организованный отход»*. 18-я и 56-я армии в районе Туапсе, 37, 9 и 44-я армии в районах Нальчика, Моздока и Орджоникидзе.

Но не 10 и 11 гвардейские корпуса. Они в это время были еще в резерве. Суворов — Резун и этого не знает.

Об этих корпусах пишет А.А. Гречко, воевавший на Северном Кавказе:

«Одновременно с организацией перегруппировки для усиления войск Закавказского фронта из резерва Ставки выделялись значительные силы. С 6 августа по сентябрь Закавказский фронт получил 2 гвардейских стрелковых корпуса — 10-й... и 11-й...» (Гречко А.А. Годы войны. М., 1976. С. 239).

Итак, 6 августа, когда немцы уже прорвали оборону и вовсю катили к Кавказу, 11-й и 10-й гвардейские стрелковые корпуса им путь отнюдь не преграждали. Они только-только были выведены из резерва. Что с ними стало дальше?

А.А. Гречко пишет о 9-й армии:

«В составе армии были 11-й гвардейский стрелковый корпус, 151, 176, 389 и 417-я стрелковые дивизии и 62-я морская стрелковая бригада. Армия имела задачу не допустить форсирования противником Терека.

...В резерве командующего Северной группы войск находились 10-й гвардейский стрелковый корпус...» (Т а м ж е. С. 145).

Терек — это уже предгорья Кавказа и Кавказ! Так что 11-я не помешала немцам, не остановила, чтобы «выиграть время для подхода резервов». Ну а 10-й гвардейский корпус еще находился в резерве.

Что дальше происходило на Тереке, где оборонялся 11-й корпус?

«Утром 2 сентября противник приступил к форсированию Терека. Части 8-й и 9-й гвардейской стрелковых бригад 11-го гвардейского стрелкового корпуса вели ожесточенные бои. Массовый героизм проявили гвардейцы 8-й стрелковой бригады, особенно ее 1-го батальона. В течение дня по батальону вели огонь 150 орудий и минометов, его неоднократно атаковали танки и бомбили самолеты. Гвардейцы понесли тяжелые потери, но выстояли» (т а м ж е. С. 246).

Выстояли. В этот день. Позднее немцы прорвали оборону. 11-й гвардейский задержал немцев лишь на два дня.

«С утра 4 сентября два пехотных полка противника при поддержке 30 танков, прорвав оборону 8-й гвардейской стрелковой бригады, развивал наступление в районе Вознесенской» (т а м ж е. С. 253).

Но тут немцы натолкнулись на противотанковый дивизион.

«Путь вражеским бронированным машинам преградил 47-й гвардейский истребительно-противотанковый дивизион, обеспечивающий выдвижение для контратаки 62-й бригады морской пехоты и отдельного танкового батальона. Морские пехотинцы и танкисты с ходу контратаковали противника. Враг, потеряв 19 танков и 2 бронемшины, вынужден был отойти на исходные позиции» (т а м ж е).

Но пока шел этот бой, немцы уже переправили через Терек 3-ю танковую дивизию и 111-ю пехотную. Эти силы начали новую атаку. Однако в глубине обороны для них была приготовлена еще одна, весьма изощренная серия противотанковых засад.

«Вход в долину обороняли 52-я танковая бригада майора В.И. Филипова, артиллеристы майора Ф. Долинского и один мотострелковый батальон. Танкам отводилась в этой обороне главная роль... Ввиду того, что вход в долине в самом узком месте не превышал 7 км, решено было создать ряд противотанковых опорных пунктов, способных к самостоятельной обороне. Эти пункты эшелонировались по длине на достаточную глубину. Каждый из них состоял из танковой засады, усиленной на флангах противотанковыми пушками и автоматчиками.

...К ночи на поле боя осталось 53 вражеских танка» (т а м ж е).

Вот как было на самом деле.

А Суворов — Резун пишет про 10-й и 11-й гвардейские корпуса: *«Их появление в самый критический момент именно там, где надо, спасло ситуацию».*

На самом же деле гвардейцы 11-го корпуса лишь прикрывали противотанковые части, и прикрывали недолго: два дня. Прорвав оборону 11-го корпуса, немцы нарвались на ряд засад — и нарвались жестоко.

Как сложилась судьба 11-го и 10-го гвардейских корпусов после того, как 1-я танковая армия немцев была остановлена?

Об этом есть у А.А. Гречко, но у И.В. Тюленева в его книге «Через три войны» об этом рассказано немного подробней:

«1 ноября немцы заняли Алагир, переправившись через реку Ардон, отбросив нашу 319-ю стрелковую дивизию, выдвинутую на восточный берег этой реки. Дивизия отошла в район Нарт, где и заняла оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района и атаковала 34-ю стрелковую бригаду 11-го гвардейского стрелкового корпуса. В ожесточенном бою бригада была расчленена: ее основные силы отошли на северную окраину Фиаг-Дона, а часть сил — на юг, в район Майрамдага.

Вход в Саурское ущелье обороняли курсанты Каспийского военного военно-морского училища имени С.М. Кирова. «Не пропустим фа-

шистов!» — поклялись они и сдержали свою клятву. Ни бомбовые удары, ни атаки танков и мотопехоты не сломили воли и стойкости курсантов-каспийцев. Как ни пытались гитлеровцы прорваться к Военно-Грузинской дороге через Суарское ущелье, это им не удавалось: курсанты стояли насмерть» (Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972. С. 167).

Странное уточнение: где это видано, чтобы курсанты не стояли насмерть? Но это уже замечания по форме — нам важна суть. Бригада 11-го стрелкового корпуса отошла, а остановили немцев курсанты. Но бригада из 11-го корпуса воевала достойно и облегчила оборону курсантов. А.А. Гречко пишет: «Геройски сражались части 11-го гвардейского стрелкового корпуса. В боях в районе Фиаг-Дона они подбили 30 танков врага» (Г р е ч к о А.А. Годы войны. С. 327).

К этому времени, наконец, относится и упоминание о 10-м стрелковом корпусе. Тюленев пишет:

«Я приказал срочно перебросить на Орджоникидзевское направление из района Ищерской 10-й гвардейский стрелковый корпус и 63-ю танковую бригаду. Дополнительно в район Орджоникидзе подтягивались пять артиллерийских противотанковых полков и три гвардейских минометных полка. Этими силами предполагалось остановить врага, а с подходом 10-го гвардейского стрелкового корпуса нанести контрудар и разгромить наступающую группировку врага» (Т ю л е н е в И.В. Через три войны. С. 187).

Итак, противотанковые полки останавливают танки, а 10-я гвардейская наносит контрудар.

Гречко пишет об этом бое на странице 331: «В полдень 10 гвардейский стрелковый корпус силами 4-й гвардейской стрелковой бригады с 52-й и 2-й танковыми бригадами нанес удар на Гизель, но был контратакован танками врага и вынужден был отойти на исходный рубеж».

Вот те на! 10-й корпус только контратаковал, да и то безуспешно. А я-то, прочитавши Суворова — Резуна, думал, что он чуть ли не спас Кавказ, заслонил собой.

Итак, с 10-м и 11-м корпусами все ясно.

Внесли они перелом в сражение за Кавказ!..

Читаем брехню Суворова — Резуна далее:

«На Сталинградском направлении тоже произошло чудо. В тот момент в Красной Армии была 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Все гвардейские дивизии, понятно, были втянуты в бой, изрядно в них потрепаны и измотаны. Вытащить их из тех самых мясорубок, в которых они вертятся, и бросить под Сталинград невозможно... Но вдруг под Сталинградом появляется свежая, отборная, новенькая 32-я гвардейская стрелковая дивизия».

Итак, в сентябре 1942 года немцы вышли к Сталинграду, а навстречу — 32-я гвардейская стрелковая дивизия: молодец к молодцу. Непотрепанные боями, свеженькие. Вот немцы и не устояли...

Проверим.

Есть такая книга — «32-я гвардейская» (М., 1978). Автор ее — бывший солдат 32-й гвардейской Таманской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии Н.К. Закуренок. Вот как он описывает боевой путь «свеженькой» дивизии в 1942 году (С. 22—40):

«9 августа 32-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ командующего 47-й армией сняться с Таманского полуострова и к утру 12 августа сосредоточиться в районе Новороссийска...

Ночь на 28 августа бойцы и командиры использовали для пополнения боеприпасами, маскировки инженерных сооружений, огневых позиций, минных полей — все стремились к тому, чтобы лучше подготовиться к бою с противником...

Рано утром в воздухе появились эскадрильи вражеских бомбардировщиков...

По танкам в упор огонь открыли артиллеристы и бойцы из противотанковых ружей, полетели гранаты и бутылки с горючей смесью... Ожесточенный бой длился до позднего вечера...»

Все это происходило в конце августа, когда немцы были уже у Волги. 32-я гвардейская все это время воевала на совершенно другом участке фронта. Но читаем дальше:

«15 сентября в районе высоты 519,6 на позиции 1-го батальона 80-го гвардейского полка гвардии старшего лейтенанта С.Г. Скогорева обрушился шквальный огонь. И тут же от балки враг силой до полка пехоты и десятью танками повел наступление».

В это время — в середине сентября — советские армии (66, 24 и 1-я гвардейская) пытались контратаками разгромить прорвавшуюся к Волге вражескую группировку. Атаки оказались безуспешными, но отвлекли часть немецких сил от Сталинграда.

Но вернемся к 32-й гвардейской дивизии.

«Утром 26 сентября позиции частей дивизии подверглись массированному артиллерийско-минометному огню и бомбовому удару вражеской авиации. Перейдя в наступление, враг и на этот раз главный удар сосредоточил в направлении высоты 519,6».

В сентябре 1942 года немцы вышли к Сталинграду — но «новенькая», «свеженькая» 32-я гвардейская стрелковая дивизия их не встретила. У нее была куча дел под Новороссийском, а потом — под Туапсе.

«Весь октябрь соединения 18-й армии вели напряженные бои. Попытки противника прорваться к Туапсе были сорваны, враг был вынужден перейти к обороне».

Упоминается в книге Закуренкова и Сталинград:

«31 января 1943 г. в районе Сталинграда закончилась ликвидация окруженной 330-тысячной группировки. Советские войска, перешедшие в декабре 1942 г. в наступление, гнали гитлеровцев на запад. Опира-

ясь за свою группировку на юге, немецко-фашистское командование в первых числах января начало отводить войска с Северного Кавказа на Ростов.

32-я гвардейская стрелковая дивизия 2 января 1943 г. получила приказ к утру 9 января сосредоточиться в районе Солодка.

Сдав туапсинский участок обороны частям 236-й стрелковой дивизии, дивизия 3 января 1943 г. начала совершать комбинированный марш по железной дороге — автотранспортом и пешим порядком».

Итак, Сталинградская битва началась и завершилась без 32-й стрелковой гвардейской дивизии! Она была задействована у Новороссийска и Туапсе.

Почему Суворов — Резун написал, что 32-я гвардейская встретила немцев под Сталинградом, — я не знаю. Откуда он решил, что она была «новенькая» и «свеженькая», — объяснить не могу.

Видимо, все это и есть «гвардейские чудеса».

Глава 19 исторического опуса Суворова — Резуна посвящена бедным сиротам — немецким танкостроителям.

«Приказ о начале работ над проектом первого германского тяжелого танка был отдан 26 мая 1941 года. Проект назывался VK4501: 45 тонн, образец первый. К 22 июня немецкие конструкторы успели набросать первые эскизы. До экспериментальных образцов в металле было еще далеко, но попытка, хотя бы на бумаге, нарисовать тяжелый танк, была предпринята.

Работы по созданию тяжелого танка в Советском Союзе начались раньше — в 1930 году. В 1930 году первый советский тяжелый танк был пущен в серию и поступил на вооружение войск».

Ну, что тут сказать Суворову — Резуну? Только то, что:

1. В 1930 году первый советский тяжелый танк не был пущен в серию и не поступил на вооружение в войска. Проект танка Т-35 был разработан коллективом конструкторов во главе с Н.В. Цейцем в 1932 году. В следующем году, после испытания опытного образца и доработки, он был принят на вооружение, и началось его производство. В войска танк стал поступать в 1934 году. До 1939 года было выпущено около 60 машин.

2. Тяжелый танк появился в Германии гораздо раньше, чем в Советском Союзе. Много раньше.

У Гудериана в своей книге «Танки — вперед!» читаем: «Немецкий танк типа А7V (см. вклейку) периода Первой мировой войны, как и все другие танки того времени, представлял собой стальную громадину высотой 3,35 м и длиной 7,3 м. Вес танка достигал 30 т. Он был вооружен 57-мм пушкой и шестью пулеметами. Экипаж состоял из одного офицера и 15 рядовых» (Г о т Г. Танковые операции; Г у д е р и а н Г. «Танки — вперед!» С. 220).

Итак, тяжелый танк в 30 тонн. Интересно, а какие тяжелые танки были в Первую мировую в России?

А никаких. У России вообще не было танков — ни тяжелых, ни легких, ни средних.

Потом появились — с войсками интервентов. Захваченные английские танки и стали первыми тяжелыми танками Красной Армии. Французские средние и легкие танки стали первыми средними и легкими танками Красной Армии.

Когда появились первые английские танки, разделения на легкие, средние и тяжелые танки не было. Первый английский танк Mk I имел вес 28 тонн. Чисто пулеметный вариант этого танка, который англичане называли «самка», был чуть легче — 27 тонн. Пушечный вариант («самец») имел броню от 5 до 11 мм. Вооружен танк был весьма солидно: двумя 57-мм пушками и 3 пулеметами на «самце». На «самке» было только 5 пулеметов.

Следующие английские танки — Mk II и Mk III имели несколько большую броню и, соответственно, несколько больший вес. Танки Mk IV отличались тем, что на них ставили новые пулеметы — «Льюис», что оказалось ошибкой, поскольку потребовало увеличения амбразур. На последующих модификациях ставился уже пулемет «Гочкинс». Стволы пушек Mk IV укоротили, чтобы они не тыкались в землю при движении танка по пересеченной местности.

С декабря 1917 года в серию пошел Mk V. Его отличало наличие специального танкового мотора «Рикардо». Всего было изготовлено 400 танков этой модификации. Вот эти-то танки и попали в Красную Армию, получив название по мотору — «Рикардо».

Выпускался также вариант этого танка Mk V* (со звездой) — удлиненный за счет вставленной секции. Предполагалось, что такой танк будет легче преодолевать окопы и станет способен перевозить десант пехотинцев. Но пехотинцы в нем угорали, так что от затеи десанта в танках пришлось отказаться.

Вес Mk VII достиг уже 37 тонн. Вооружение его состояло из двух 57-мм пушек и 5 пулеметов. Танк оказался легкоуправляемым и маневренным, но война уже кончалась, и потому изготовлено его было всего несколько. И танков Mk VIII (см. вклейку) было сделано лишь единицы. Масса этих танков составляла 37,6 тонны, экипаж — 8 человек. Вооружен танк был двумя 57-мм пушками и 7—10 пулеметами. Толщина брони доходила до 16 мм. Двигатель имел мощность 338 л.с.

В 1926 году британцы создали танк A1E1 «Индепендент». Масса танка составляла 31,5 тонны, скорость — 32 км/ч. Подобную скорость при столь большой массе позволял развивать двигатель в 398 л.с. Танк мог пройти 320 километров без заправки, что и для нашего времени является весьма значительным параметром. Бронирование доходило до 28 мм

в лобовой части, 13 мм — на бортах. Но в серию эта интересная машина так и не пошла: в основном из-за дороговизны. Зато послужила образцом для подражания. Многобашенные танки пытались делать в Японии, Германии и СССР. Сам же «Индепендент» попал в танковый музей, где пребывает и по сей день.

Разделение на легкие, средние и тяжелые танки появилось во Франции. Свои относительно быстроходные, но хорошо вооруженные танки «Сен-Шамон» и «Шнейдер» (см. вклейку) французы называли средними, а маленький легковооруженный «Рено» FT17 — легким. Уже после войны появился французский тяжелый танк 2С, который весил аж 69 тонн. Столь большой вес объяснялся тем, что его лобовая броня составляла 45 мм, бортовая — 22 мм, на башне — 37 мм. Танк проектировался с таким расчетом, чтобы быть неуязвимым от снарядов немецких 77-мм пушек. Вооружение самого танка состояло из 75-мм пушки и четырех пулеметов. На один танк было установлено 155-мм орудие, из-за чего его масса возросла до 81 тонны. 6 танков 2С сохранилось до начала Второй мировой войны. При перевозке к месту боев они погибли под бомбами.

После Первой мировой англичане и французы справедливо рассудили, что совершенствование противотанковых средств требует от танка быть небольшим и маневренным. И новые танки они начали проектировать именно такими. «Индепендент» англичане в серию не пустили, французы же до 1923 года сделали всего 10 танков 2С, после чего выпуск их заморозили.

В начале 30-х в СССР совершили ошибку: создали танк по типу британского «Индепендента». Впрочем, задачи этого танка были ограниченными: он задумывался как боевая машина усиления общевойсковых и танковых соединений при прорыве особо сильно укрепленных полос. К счастью, машин было выпущено немного. Для того чтобы вести огонь, танку требовалось останавливаться. Выяснилось, что механик-водитель не может слушать приказы стрелков всех пяти башен. Для огня из всех орудий требовалось останавливаться надолго, а это превращало танк в доступную цель. Идея многобашенного танка оказалась порочной.

Но негодный для боя танк имел большую массу — 50 тонн, — и это дает теперь Суворову — Резуну возможность пугать сталинской мощью голубоглазую старушку Европу.

Вспомним, как он рисует состояние немецкого танкостроения:

«Приказ о начале работ над проектом первого германского тяжелого танка был отдан 26 мая 1941 года. Проект назывался VK4501: 45 тонн, образец первый. К 22 июня немецкие конструкторы успели набросать первые эскизы. До экспериментальных образцов в металле было еще далеко, но попытка хотя бы на бумаге нарисовать тяжелый танк была предпринята».

Последнее предложение написано в радостном ключе.

Пусть до экспериментальных образцов еще далеко, но попытка увидеть детище уже предпринята! Пусть на бумаге, в виде рисуночка, схемочки, наброска, эскизика, но задумка уже была.

Да, всего лишь задумка. Это Сталин уже готовил нападение, уже делал тяжелые танки...

А как все было на самом деле?

Снова обратимся к книге «Танки — вперед!» создателя немецких танковых войск Г. Гудериана, а именно — к первой главе, «История немецких бронетанковых войск». Гудериан пишет: «Началось запланированное еще в 1940 году производство тяжелых танков «Тигр», а также обладавших хорошей маневренностью средних танков «Пантера».

Вот тебе и на!

Тяжелые танки планировалось изготавливать еще в 1940 году!

А Суворов — Резун утверждает, что к 22 июня 1941 года немецкие конструкторы успели набросать лишь первые эскизики. *«Попытка хотя бы на бумаге нарисовать тяжелый танк была предпринята».*

Гм...

Ну что ж, обращаемся к источникам. Они говорят следующее.

Задание на «танк прорыва» руководство вермахта выдало еще в 1937 году. Но поскольку танки Т-III и Т-IV военных вполне удовлетворяли, с «танком прорыва» не спешили. Техническое задание на тяжелый танк часто менялось. Тем не менее опытные образцы стали появляться с 1938 года. В 1938 году «Хеншель» выпустил уже две машины: DW1 и DW2 — прямые предшественники «Тигров».

Позднее заказчик выдал задание на танк, имеющий кодовое название «VK3001». В марте 1941 года на «Хеншеле» были готовы две машины VK3001. Тяжелый танк, имевший то же кодовое обозначение, был выпущен и конструктором Ф. Порше зимой 1940/41 года.

Фирма «Хеншель» в мае 1941 года занялась еще одним экспериментальным образцом — VK3601, с пушкой, снаряд которой мог бы пробивать броню толщиной 100 мм с расстояния 1500 м. Толщина брони этого танка составила тоже 100 мм. Машина имела массу 40 тонн и развивала скорость 40 км/ч.

Но советские танки Т-34 и КВ заставили немцев изменить планы. В июле 1941 года министерство вооружений и боеприпасов выдало и фирме «Хеншель» и конструкторскому бюро Ф. Порше заказ на VK4501. Танк фирмы «Хеншель» и стал тем «Тигром», который выпускался массово. Что касается танка Порше, то он выпускался малой серией.

Почему же немцы не выпускали тяжелые танки раньше, до 1942 года? Ведь у них были прекрасные проекты.

Гитлер надеялся на блицкриг. Когда блицкриг не удался — пришлось запускать в серию тяжелые танки.

Но у Суворова — Резуна до войны немецких тяжелых танков вообще нет. Есть только советские.

«Широкие гусеницы КВ позволяли воевать на любой местности, в любых погодных условиях. Широкие гусеницы КВ в буквальном смысле победили природу. Представьте ситуацию 1941 года: в грязи и снегу немецкие танки вязнут, экипажи (и будущие историки) клянут бездорожье и плохую погоду, а КВ прет через грязь и снег, заходит во фланг и тыл, выбирает цели, сокрушает их и стремительно идет дальше. И если Гитлер войну проиграл, то не грязь и мороз тому виной, а германские конструкторы, которые рассчитывали на легкие победы, которые создавали танки для опереточной войны, для тепличных условий, для действий только во время курортного сезона, и то только там, где есть хорошие дороги».

Читать это приятно.

Такие классные были танки!

Только все же непонятно: почему Красная Армия в 1941 году так далеко отступила?..

Чтобы ответить на этот вопрос, опять обращаемся к источникам, на сей раз к книге «На острие главного удара» Каткуова, чья танковая бригада остановила Гудериана под Москвой. Катукоев говорил о танках КВ Сталину следующее:

«КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и маневренны. Препятствия они преодолевают с трудом. А вот тридцатьчетверке все нипочем. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же семидесятишестимиллиметровая пушка, как и на тридцатьчетверке. Так, спрашивается, какие боевые преимущества дает нам тяжелый танк? Вот если бы у КВ пушка была посильнее, калибром побольше, тогда другое дело. Можно было бы мириться и с его тяжестью, и с другими недостатками» (С. 191).

Другими словами, танк КВ тяжелый, и это создает трудности. Преимуществ же эта тяжесть не дает, поскольку у Т-34 достаточно эффективная броня, а пушки у Т-34 и КВ одинаковы.

Таким образом, тяжелый танк КВ в 1941-м был попросту не нужен. Конечно, иметь его было полезно — на случай появления тяжелых танков у немцев, — но вооружить его следовало мощной пушкой. Сталин намеревался поставить на КВ-1 107-мм пушку — этому помешала война.

В наши дни о танке КВ-1 пишут следующее:

«Как это ни парадоксально звучит, но в 1941 году этот танк был не нужен... Явных боевых преимуществ перед средним танком Т-34, за исключением более толстой брони, он не имел. Вооружение было таким же, а маневренность хуже, чем у тридцатьчетверки. Танкисты не очень любили эту машину: КВ мог вдрызг разбить любую дорогу — колесная техника за ним идти уже не могла, его не выдерживали мосты, за исключением капитальных каменных. Но самым главным недостатком были

крайне ненадежные в работе главный фрикцион, коробка передач, бортовые фрикционы и малоэффективный воздухоочиститель. Словом, трансмиссия танка оставляла желать лучшего, и выход ее из строя был массовым явлением.

Как уже упоминалось, часть недостатков трансмиссии была устранена на КВ-1с. Однако на этой модификации в погоне за маневренностью уменьшили толщину брони — и по своим боевым свойствам тяжелый КВ еще более приблизился к средним танкам.

Таким образом, единственным оправданием выпуска КВ в 1941—1942 годах параллельно с Т-34 могла бы быть только более мощная пушка — например, 85-мм. Но этого сделано не было по той причине, что в тот период со всеми бронецелями противника вполне справлялась пушка калибра 76 мм.

Танк аналогичного КВ класса — «Тигр» — появился у немцев только в конце 1942 года. И тут судьба сыграла с КВ еще одну злую шутку: он моментально устарел. Наш танк был просто бессилен против «Тигра» с его «длинной рукой» — 88-мм пушкой с длиной ствола в 56 калибров. «Тигр» мог поражать КВ на дистанциях, запредельных для последнего. Это не замедлило сказаться в бою. Так, например, 12 февраля 1943 года во время одного из боев по прорыву блокады Ленинграда три «Тигра» 1-й роты 502-го тяжелого танкового батальона уничтожили 10 КВ, и без потерь.

Несколько смягчить ситуацию позволило появление КВ-85. Но эти машины были освоены с запозданием, выпущено их было немного, и внести существенный вклад в борьбу с немецкими тяжелыми танками они не могли» (См.: Моделист-конструктор. 1995. № 5).

Читаем Суворова — Резуна далее. Он все просвещает народы историей мирового танкостроения:

«Соперники КВ — тяжелые танки СМК (55 тонн) и Т-100 (58 тонн) тоже выдержали государственные испытания и, если бы выбор пал на любую из них, могли быть пущены в серию... Помимо этих танков были созданы и представлены на государственные испытания КВ-3 и КВ-220, или работы по созданию КВ-4 весом в 90 тонн и КВ-5 — 100 тонн (по некоторым сведениям КВ-5 — 150 тонн)».

Теперь попытаемся разобраться с этими резуновскими танками. Прежде всего, в глаза бросается название танка КВ-220. Название странное. Был КВ-1, затем КВ-2, далее — КВ-3, КВ-4, КВ-5, и вдруг — скачок: цифра изменилась до 220! Не ездил ли этот танк на сети в 220 вольт?..

Как и всегда, обращаемся за объяснением столь странного названия к отечественной литературе.

«Планом опытных работ на 1940 год предусматривалось создание новых образцов танка КВ. Так, к 1 ноября предполагалось изготовить два КВ с броней 90 мм, один — с пушкой Ф-32, другой — с 85-мм пушкой. К 1 декабря должны были быть готовы еще два КВ с броней 100 мм и с ана-

логичным вооружением. Эти танки были построены и получили обозначение KB-3 (объекты 220, 221, 222)» (Моделист-конструктор. 1995. № 5).

Теперь ясно, откуда появилась цифра 220. Суворов — Резун взял по наивности цифру «объекта 220», присоединил к ней KB и получил название KB-220. На самом же деле его фантастический KB-220 — это KB-3.

Читаем дальше:

«KB — первый в мире танк с действительно противоснарядным бронированием: лобовая броня — 100 мм с возможностью дальнейшего усиления».

Читатель тут же ужасается: страшно тяжелые танки, страшно большая броня — конечно же, Сталин готовился завоевать Европу!

Однако на самом деле броня первых танков KB составляла 75 мм — тогда как английский танк Mk II «Матильда» (см. вклейку), что появился в том же 1939 году, имела 78 мм лобовой брони. Во Франции опытный танк В-1тер с броней 75 мм появился в 1937 году, а в июне 1940 была выпущена первая их серийная партия.

Так что броня у английских и французских танков в 1939 году была так же крепка, как и у русских.

Позднее, уже во время войны, на KB-1 были установлены 25-мм экраны. Но еще в середине 1940-го в Англии был создан тяжелый танк «Черчилль» с лобовой броней 101 мм. В 1943 году его лобовая броня составила 152 мм.

В.Н. Шунков в справочнике «Танки Второй мировой войны» (С. 170) пишет: «Мощная броня надежно защищала от ударов снарядов почти всех применявшихся до 1941 г. танковых и противотанковых пушек противника».

Это — не про «Черчилля», а про «Матильду» с ее 78-мм лобовой броней. Про «Черчилля» нечего и говорить: он был не поражаем. Танки Т-34—85 с 1943-го года получили пушки ЗИС-С-53, которые подкалиберными снарядами с 500 метров могли пробивать броню в 138 мм. Для «Тигров» и «Пантер» это было достаточно, для «Черчилля» 1943 года выпуска — нет.

И что же, Резун не упомянул про такой чудовищный танк, как «Черчилль»?

Обойти этот танк Резун никак не мог. И потому он включил его в свою книгу (см. вклейку).

Вот комментарий его к этой фотографии:

«Сталин и Черчилль. Британия завершила войну с тяжелым танком «Черчилль», Советский Союз — с ИС-3. «Черчилль» — слабая броня, нерациональная компоновка, малый запас хода, слабый огнеопасный двигатель на высококачественном авиационном бензине, плохой обзор. Советские легкие танки в начале войны имели более мощное вооружение, чем британские тяжелые танки в конце войны. Чтобы сравнить уровень танкостроения, достаточно сравнить форму корпуса и калибр орудий».

Сравниваем. Пушчонка действительно выглядит жалкой по сравнению с массой танка. Впереди на лобовой броне — вообще какое-то непонятное отверстие. Паршивый танк. Наши лучше!..

Но все же что-то здесь не то. Огромный танк, жуткая броня — и жалкая пушчонка. Смотрим в справочник...

Так и есть: нас хотели надуть. Отверстие впереди — для гаубицы в 76,2 мм. Пушка в башне — лишь вспомогательное орудие.

Но как тонко сработал Суворов — Резун! Он пишет: «Сравните» — и мы, глядя своими глазами на фотографию, сами же и делаем неверные выводы. Это — высший класс! Одно дело — обманывать на словах, другое — когда сам видишь то, чего нет!..

Теперь, когда мы знаем про гаубицу, — оценим по достоинству высказывание Суворова — Резуна: *«Советские легкие танки в начале войны имели более мощное вооружение, чем британские тяжелые танки в конце войны»*.

«Черчилль» в конце войны имел в башне 95-мм гаубицу. Теперь посмотрим на вооружение советских легких танков в начале войны:

Т-18М — 45-мм пушка;

Т-35А — пулемет;

Т-38 — пулемет;

Т-26 с двумя башнями — два пулемета или пулемет и 37-мм пушка;

Т-26 с одной башней — 45-мм пушка;

Т-26А — 76,2-мм пушка;

БТ-2—37-мм пушка;

БТ-5—45-мм пушка;

БТ-7—45-мм пушка;

БТ-7А — 76,2 мм пушка;

Т-40 — два пулемета;

Т-50—45-мм пушка.

Приведем вооружение советских легких танков периода войны:

Т-60—20-мм пушка;

Т-70—45-мм пушка;

Т-80—45-мм пушка.

Читатель теперь сам видит, как советские легкие танки превосходили ихний «Черчилль» в вооружении. Пусть не по калибру, но морально, в силу того, что они были наши, советские.

Но подивимся еще мастерству передергиваний Суворова — Резуна. Вот он пишет: *«Британия завершила войну с тяжелым танком «Черчилль», Советский Союз — с ИС-3»*.

Это святая правда. Но, прочитав это, рядовой читатель решит, что Британия всю войну тянулась за Советским Союзом и только в конце ее выдала что-то несуразное, никак не сопоставимое с русскими танками.

Но опять же читатель с а м делает такой вывод. Чтобы подвести его к такому выводу, Суворов — Резун пишет про к о н е ц в о й н ы, не упоминая такой мелочи, что «Черчилль» появился в 1940-м и был для своего времени уникальным. Настолько уникальным, что и Советский Союз завершил войну с «Черчиллем». Эти танки поставлялись в СССР.

В 1942—1943 годы в СССР был поставлен 301 «Черчилль»; в музее в Кубинке по сей день сохранился один экземпляр. В британской армии «Черчилли» оставались на вооружении до 1952 года!

А Суворов — Резун утверждает:

«Таким образом, Германия и СССР разделили два первых места в тяжелом танкостроении».

Все логично. Танк «Черчилль» вне конкуренции. У него «Гран-при», ну а у СССР и Германии первое и второе места.

Суворов — Резун:

«А на третьем месте никого не было: во всех остальных странах мира в тот момент генералам и конструкторам не приходило в голову тяжелый танк даже нарисовать на бумаге».

Совсем не приходило это в голову во Франции — просто у них в 1937 году появился опытный В-1тер с броней в 75 мм.

«И вот ситуация: в Германии тяжелый танк — только на бумаге, в остальных странах нет и того. Советский Союз — единственное государство в мире, которое в 1941 году имеет тяжелые танки и в стадии экспериментальных образцов, и в серийном производстве. Красная Армия — единственная страна мира, которая имеет тяжелые танки на вооружении. В этой области у Советского Союза — не просто первенство, но безраздельное господство: все остальные государства мира в лучшем случае имеют смелые замыслы и красивые рисунки».

Все это мы уже проверили.

«А теперь представим себя на месте некоего советского военного историка-коммуниста где-нибудь в конце пятидесятых».

Да, в самом деле, давайте представим себя на месте советского военного историка в конце пятидесятых. А точнее — военного историка 23 октября 1958 года в пять часов утра.

«Ситуация: в Центральном Комитете требуют выдумать доказательство неготовности Советского Союза в войне, требуют любым обманом, любыми подтасовками доказать, что мы дураки, а немцы — умные».

В самом деле, что могут из ЦК потребовать? Только доказательства, что мы — дураки. Больше ничего из ЦК в принципе никогда и не требовали.

«В частности, коммунисты приказали доказать, что существующий только на бумаге, только в первых набросках германский тяжелый танк — это нечто несравнимое с реально существующим, проверенным в боях, серийно выпускаемым КВ. Коммунисты приказали так писать историю,

чтобы решительное превосходство (точнее — полное советское господство) в области тяжелого танкостроения скрыть. Так надо было вопрос замутить, чтобы не бросалась в глаза советская готовность к войне. Надо было такие трюки выдумать, чтобы тяжелых танков в статистике вовсе не оказалось».

Ну и какие трюки были выдуманы?

«Первый трюк: танк Т-35 объявили устаревшим и решили в статистике не упоминать. И не упоминают. А чтобы и нам не пришло в голову Т-35 в статистику включить, сведения об их количестве в Советском Союзе никогда не публиковались».

Скрывали число танков Т-35 от народа. Нигде не публиковали. И недаром. Было выпущено этих танков целых 60.

Лавина.

Можно завоевать ими всю Европу без всяких проблем.

Эх, не случайно скрывали большевики число этих танков. Даже сам Суворов — Резун в своей разоблачительной книге таит эту цифру. Понять его можно: ведь дрожь берет, язык немеет...

А он все продолжает запугивать:

«А между тем ВО ВСЕМ ОСТАЛЬНОМ МИРЕ НИЧЕГО РАВНОГО ТАНКУ Т-35 В ТОТ МОМЕНТ НЕ БЫЛО».

Заглавными буквами за горло берет и чтобы в память прочнее впечатать..

«Сравним. Самый мощный германский танковый двигатель на момент начала войны это HL120TRM — 265 л.с. Это великолепный и очень мощный по тем временам танковый двигатель. А у нас на «устаревшем» Т-35— 500 л.с.».

Как полезно бывает порой почитать желтую литературу! Можно узнать, что у немцев был двигатель HL120TRM. Всегда считалось, что такого двигателя — HL120TRM — у немцев не было. Был «Майбах», тип двигателя HL120TRM. Всегда пишут полное название, а не тип. Часть самолетов ЛаГГ-3, к примеру, имел тип 35. Но кто, где, когда писал: «Из облаков вылетел самолет 35»?

Но мотор в 500 л.с. действительно мощный. Может, Сталин все-таки готовился к нападению и приказал разработать ужасно мощный мотор?

Ищем ответ на этот вопрос в литературе про танки. «Общим для танков Т-28 и Т-35 было применение мощного авиационного мотора М-17» (Оружие победы. С. 132). Обращаемся к авиационной литературе, чтобы узнать, откуда взялся этот авиационный мотор М-17. «В 20—30 годах ряд двигателей выпускался на наших моторных заводах по иностранным лицензиям.... М-17 — БМВ-6 (Германия)», — пишет А.С. Яковлев в книге «Советские самолеты» (С. 246).

Мощный мотор-то, оказывается, немецкий — БМВ-6!

Так это не по приказу Сталина изобрели такие моторы! Русский танк Т-35 ездил на немецком моторе мощностью 500 л.с.!

К слову, БМВ-6 для времени Второй мировой — это уже совсем плохонький двигатель. Он был уже не просто устаревшим, а никуда не годным. Новейший БМВ-801 имел мощность 1700 л.с. и ставился на «фокке-вульф» — тогда как БМВ-6 в 500 л.с. стоял на самолетах первой пятилетки Р-5, ТБ-1 и совсем уж «ветхозаветном» И-3, первенце советской истребительной авиации. Время появления этой авиатехники — середина 20-х годов.

Так почему же немцы ставили на танки менее мощные моторы?

Да потому, что им не нужны были гиганты.

Гигант не пройдет по сельским мостам. Гигант не пройдет по мостам через большие реки, не разрушив железнодорожного полотна. По железной дороге перевезти гиганта трудно. Гигант уничтожает дороги. Гигант — великолепная цель. У немцев были неплохие противотанковые ружья — и они понимали, что выпуск гигантов не имеет смысла.

В Первой мировой в гигантах еще был смысл, поскольку противотанковых средств почти не существовало. Во Второй мировой их уже не применяли. Ни в одной армии мира, кроме советской. Тем более «гигантов, которых ни у кого не было». И не выпускали.

И сейчас не выпускают. Где, в какой стране мира есть на вооружении хотя бы один пятибашенный танк, как Т-35? Четырехбашенный? Трехбашенный?

Танк Т-35 (см. вклейку) был бы хорош для Первой мировой, для Второй мировой он был уже анахронизмом.

Суворов — Резун с этим не согласен. Для него это прекрасный танк. И он готов спорить со всеми до хрипоты.

«Товарищи из Министерства обороны давно разделили все танки 1941 года на новейшие тяжелые и устаревшие легкие. По этой классификации Т-35 весом в 50 тонн, выпущенный в 1939 году и модернизированный в 1940 году, в 1941 году попадает в разряд легких и устаревших. А румынский танк весом в 6 тонн, выпущенный в 1917 году, числится новейшим и тяжелым».

Опять обратимся к книгам. Скрывали ли правду коммунисты про танк Т-35?

Книга «Оружие победы» (С. 132):

«Тяжелый танк Т-35 имел наибольшую массу из всех танков, производившихся в Советском Союзе в то время. Танк выпускался небольшими партиями, и если масса опытного образца составляла 42 т, то к концу срока выпуска — в 1939 году — она возросла до 55 тонн».

Выходит, что правду скрывает сам Суворов — Резун. В его пассаже танк 1939 года выпуска имеет 50 тонн. На самом деле, согласно «товарищам», в 1939 году этот танк весил 55 тонн. Суворов — Резун, защитник обиженных Министерством обороны танков, по какой-то причине приуменьшает данные этих Т-35. По какой?

Ответ прост: чтобы Т-35 перестал выглядеть бронированной машиной, не способной к боевым действиям. Приблизился бы по весу к КВ-1.

Но, увы, на бумаге танк маневреннее не сделаешь. 55 тонн — это 55 тонн.

Кроме Министерства обороны Суворов — Резун недоволен и газетой «Красная звезда».

«А вот грязи на советские танковые войска «Красная звезда» не жале-ла никогда. Последний пример: центральный орган Министерства обороны называет танк Т-35 «неповоротливым» (4 ноября 1994 года).

«Красная звезда» использует неотразимый прием. Этим приемом можно опорочить любую машину-гигант... Методом «Красной звезды»... можно оклеветать... облять любую крупную подводную лодку... охаять любой крупный корабль...»

Слышится что-то до боли знакомое. Так вот выступали в 1937-м обличители «врагов народа» в трудовых коллективах: «Подлые клеветники... вредители... чтобы охаять и опорочить Советский строй... их змеиные укусы... разбить их собачьи головы».

И Солженицына ругали так же: «Подлый клеветник... опорочить... охаять... оболгать».

В общем, лексика Суворова — Резуна нам понятна. Он как раз из того учреждения, где подобную лексику и практиковали.

Но был ли танк Т-35 в самом деле неповоротливым? Сравним его маневренность, например, с тяжелыми танками СМК и Т-100 (см. вклейку), о которых упоминает сам Суворов — Резун чуть раньше:

«Соперники КВ — тяжелые танки СМК (55 тонн) и Т-100 (58 тонн) тоже выдержали государственные испытания и, если бы выбор пал на любой из них, могли быть пущены в серию».

Наш изыскатель не задается вопросом, почему выбор пал все-таки на КВ, а не СМК и Т-100. Я задался этим вопросом — и нашел ответ.

«Первый образец танка КВ был изготовлен в сентябре 1939 года и в период военного конфликта на Карельском перешейке был отправлен туда (как и опытные машины СМК, Т-100, СУ-100У и СУ-14—2) для участия в прорыве линии Маннергейма. Благодаря хорошему бронированию и более высокой подвижности по сравнению с другими тяжелыми машинами танк КВ выявил свои неоспоримые преимущества» (Оружие победы. С. 142—143).

Таким образом, «более высокая подвижность» дала «неоспоримые преимущества». Это при том, что КВ весил всего на 7,5 тонны меньше СМК. Но именно на эти же самые 7,5 тонны он весил меньше, чем танк Т-35 выпуска 1939 года! Действительно, видно, танк Т-35 был неповоротливым. Даже по сравнению с тяжелым танком КВ.

Чувствуя неубедительность своих доводов, Суворов — Резун, рвя на груди рубаху, гневно бросает:

«Ладно, пусть коммунисты называют Т-35 устаревшим. Пусть. Но КВ в устаревшие никак не запишешь».

И это звучит как-то знакомо. Где-то я и это читал...

А, вспомнил!

«Пусть отдельные ошибки. Пусть. Но зато как рдеют... как несутся... как взвиваются... эти стяги! Эти флаги!...»

Это — отрывок из книги И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Глава называется «Потный вал вдохновения».

«Но на прислужников уже взматается:

— Последний вал!

— Девятый час!

— Двенадцатый Ваал!

Пусть клеветают. Пусть скрежещут. Пусть выявляется злобный зубовой враг.

Вершится историческая поступь. Пески прошлого взматываются скоком стали.

Это — «железный конь»!..»

Собственно, никто никогда не говорил, что КВ — это устаревший танк. Но Суворов — Резун делает обиженный вид и обеспечивает листаж книги за счет перечисления достоинств КВ. При этом он цитирует советскую литературу, так что уже непонятно, кого он опровергает.

«Генерал армии К.Н. Галицкий описывает бой одного советского тяжелого КВ с тремя германскими танками Т-III: два выстрела КВ — и два германских танка разбиты, а третий германский танк решил уйти, но при переезде через канаву его двигатель заглох. КВ его догнал, въехал на него, смял своей тяжестью и раздавил, как орех» (Годы суровых испытаний. М.: Наука, 1973. С. 79).

Все правильно, писал такое генерал Галицкий. И генерал-полковник А.И. Родимцев писал, что *«пока германские танки уничтожали один КВ, он уничтожил десять германских танков».*

Суворов — Резун:

«У других советских генералов мы найдем немало подобных примеров».

Да, все правильно, и у других советских генералов мы найдем немало подобных примеров. Нельзя не отметить писательский подвиг Суворова — Резуна: он защищает правду там, где на нее никто не покушался...

Видя, что на правду никто не покушается, Суворов — Резун решает покуситься на правду сам — чтобы тут же с гневным криком самого себя опровергнуть:

«Так, может, советские генералы, мягко говоря, приукрашивают ситуацию? Нет».

А далее — опровержение себя.

Хотя нет, я о Суворове — Резуне слишком хорошо подумал. Он пишет:

«Германские документы того времени достаточно хорошо известны. Я их повторять не буду».

Вот как. Дешево и сердито. Даже без опровержения.

«Если мы и германским документам не верим, то обратимся к работам современных западных историков и найдем интересные штрихи к портрету КВ».

Здесь Суворов — Резун снова усомнился в том, что танк КВ устаревший (усомнился сам, поскольку у других сомнений нет), — и тут же принялся снова самого себя опровергать.

«Как известно, германские танковые войска были разделены в начале войны на четыре танковые группы, которые вскоре преобразовались в танковые армии. Так вот: в июне 1941 года в Литве, в районе города Рассеняй, один советский КВ в течение суток сдерживал наступление 4-й танковой группы».

Поразительное историческое открытие Суворова — Резуна!

Если вы не верите, что такая чушь может быть написана и напечатана — откройте книгу «Последняя республика» В. Суворова на странице 358.

4-я танковая группа врага шла мимо маленького городка Рассеняй, и один-единственный танк КВ не давал ей пройти...

Смотрим на карту Литвы.

Города Рассеняй на ней нет. Есть Расейняй — на боковой дороге, что отходит от основной, ведущей на Шауляй.

Теперь обращаемся к мемуарам Эриха фон Манштейна «Утерянные победы». Манштейн руководил 56-м танковым корпусом, что входил в состав 4-й танковой группы. В составе этой группы был также 41-й танковый корпус, наступавший параллельно Манштейну.

Так вот, 56-й танковый корпус прошел в о с т о ч н е й Расейняй, 41-й — з а п а д н е й. Немцы никогда не шли одной колонной. В книге Манштейна есть карта «Танковый рейд 56 танкового корпуса». На карте Манштейн пометил: «Айрогола: 22. 6 вечера».

Это значит, что 22 июня в 6 часов вечера танки Манштейна уже прошли восточнее Расейняй, поскольку «Айрогола» — эта литовская Арёгала.

Манштейн пишет о своем походе: «В первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы» (Манштейн Э. фон. Утерянные победы. С. 198).

И Манштейн сделал это.

И никакой танк КВ его на день не задержал.

Далее Манштейн повернул на юго-восток, в противоположную от Расейняй сторону, так что таинственный танк КВ его задержать тоже не мог. Взяв Кедайняй, 56-й корпус направился строго на восток, еще дальше от Расейняй, и вышел на дорогу, что вела на Даугавпилс. Это произошло 24 июня.

«Вклинившись на 170 километров в глубину вражеской территории, корпус оставил далеко позади себя не только своих соседей, но и вражеские части, располагавшиеся в пограничной области. Только 130 км отделяли нас от желаемой цели — от мостов через Двину! Можем ли мы сохранить такой темп?» (Т а м ж е. С. 199).

Мосты через Двину находились уже на территории Латвии. Манштейн справился со своей задачей.

«...26 июня утром 8 тд подошла к Двинску (Даугавпилс). В 8 часов утра, будучи в ее штабе, я получил донесение о том, что оба больших моста через Двину в наших руках.

...Перед началом наступления мне задавали вопрос, думаем ли мы и за сколько времени достичь Двинска (Даугавпилс). Я отвечал, что если мне не удастся это сделать за 4 дня, то вряд ли нам удастся захватить мосты в неповрежденном состоянии. Теперь мы это сделали за 4 дня и 5 часов, считая с момента наступления; мы преодолели сопротивление противника, проделав 300 км (по прямой) в непрерывном рейде» (там же. С. 200).

За 4 дня и 5 часов немецкие танки прошли 300 километров!!!

Откуда же у Суворова — Резуна взялись сведения, что один танк КВ задержал 4-ю танковую группу?

Смотрим в его книгу.

«...послушаем американского историка. Его зовут Стивен Залого. Его книги рекомендую всем: за рубежом лучшего знатока истории советских танков нет».

Ах вот в чем дело! Пример взят не из мемуаров немецких или русских солдат, а из произведений Залого. Наверняка американец Залого служил в июне 1941-го в Прибалтике, видел все собственными глазами.

Но к чему Суворов — Резун сообщает нам фантастические вымыслы Залого насчет танка КВ? Внимательно перечитываем строки о КВ еще раз:

«Как известно, германские танковые войска были разделены в начале войны на четыре танковые группы, которые вскоре преобразовали в танковые армии. Так вот: в июле 1941 года в Литве, в районе города Рассеняй, один советский КВ в течение суток сдерживал наступление 4-й танковой группы.

Танковая группа — это четверть всех германских танковых войск. Один советский танк против германской танковой армии. Неизвестный старший сержант против генерал-полковника Гейнера. Но удивляться тут нечему: старший сержант из той армии, что готовилась к войне...»

Так вот в чем дело! Красная Армия готовилась к войне. Потому старший сержант и остановил немецкую танковую группу!!!

Немцы к войне не готовились. Танковая группа поехала в Литву послушать знаменитые литовские церковные органы.

Свои выдержки из С. Залог Суворова — Резун подкрепляет фотографией (см. вклейку).

Надпись под фото следующая:

«Смял своим весом и раздавил как орех». Т-34 давит германский Т-II».

Надпись интересная. Смотрим налево — видим слово «раздавил». Смотрим направо — видим слово «давит». Одно исключает другое. Как у кота, что ходит «по цепи крутом»: идет направо — делает одно, идет налево — делает совершенно противоположное.

Еще раз смотрим налево — и снова видим «раздавил». Налево — «давит».

Не сошли ли мы с ума? Так «раздавил» или «давит»?

Приглядимся к фотографии внимательно, чтобы разобраться в этом удивительном вопросе, и...

Что такое? Что за чертовщина? На немецком танке Т-II нет пушки.

Что же это за танк за такой? Танк без пушки — это то же, что мужчина без...ну, скажем, без брюк.

Куда дели пушку, фашистские сволочи?

Неужели немцы презирали Красную Армию до того, что ездили против нее на танках без пушек? Снимали пушку, сидели на башне с засученными рукавами и стреляли из автомата с криком: «Капут, рус Иван!»?

Я не буду мучить читателя это загадкой. Я сразу дам ответ. Поскольку танки Т-II к началу войны с СССР уже плохо соответствовал требованиям боя, часть из них была переделана в подвозчики боеприпасов и артиллерийские тягачи. Именно поэтому пушка на фотографии и пропала.

И именно поэтому немецкая машина даже не повернула башню, безропотно позволяя на себя наехать.

Но что любопытно: Т-34 так его раздавить и не смог. Советский танк только сорвал с подвозчика какую-то досочку.

Что это за такая досочка? На прочих фотографиях танка Т-II этой досочки нет.

Снова обращаемся к архивам, мемуарам, справочникам.

Кто ищет — тот всегда найдет! Я всегда в этом убеждался.

Г. Гудериан пишет в книге «Танки — вперед!»:

«Трудно было решить вопрос с запасным обмундированием и вторыми ботинками. Во внутреннем помещении танка места для них не было. Чтобы выйти из положения, на корме танка приделывался деревянный ящик или на задней части — железный. Но содержимое ящиков часто повреждалось пулями или осколками снарядов, а иногда и сами ящики отрывались и терялись».

Нет, дорогой товарищ Г. Гудериан, ящики не могут с а м и теряться. Не разводите нам тут идеализм и поповщину. Все имеет материалистическое объяснение. Эти ящики, как мы видим на фотографии, отдавливали русские танки Т-34!

Итак, под фотографией, что привел Суворов — Резун, можно смело написать:

«Смял своим весом и раздавил как орех». Т-34 давит ящичек с ботинками и обмундированием на подвозчике снарядов».

И... опять что-то не так. А, вот в чем дело! Досочка-то с другой стороны танка. Верно, кто-то снял доску, вынул вторые ботинки и бросил подвозчик снарядов на произвол судьбы. А советский танк Т-34 давит подвозчик снарядов, который без оружия и даже без экипажа. И не может даже раздавить ящик на корме. Следовательно, следует написать так:

«Смял и раздавил как орех». Танк Т-34 никак не может раздавить ящичек на подвозчике снарядов».

Уф-ф-ф, как меня замучил Суворов — Резун с этой проклятой фотографией! Но теперь в надписи наконец все верно...

В главе 20 «гвардейские чудеса» продолжают.

«Шли годы, появились статьи и книги. Природу гвардейских чудес я постиг».

И что же за природа этих чудес?

«Механизм работал так: десятки и сотни тысяч людей в десантных корпусах готовили к десантированию. Но наступал новый кризис. Нужны резервы. Сталин приказывает изъять из корпусов определенное количество десантников, сформировать из них дивизии, бросить в бой, а их место мгновенно занимали новые, с которых снимали бронь и призывали в десантные корпуса. И снова повторялось сначала».

...Когда Гитлер летом 1942 года бросил 4-ю танковую армию на Кавказ, путь ему заслонили два гвардейских корпуса».

Опять эта 4 танковая армия! Ну не было ее на Кавказе! Она воевала под Сталинградом.

Не постиг еще Суворов — Резун природу «гвардейских чудес».

«Вот она, разгадка чудесам, — гнет свое Суворов — Резун. — Вот откуда эти корпуса взялись — брали десантников, давали авансом гвардейское звание и ими затыкали дыры».

Генерал И. Рослый был генерал-майором, он принял под командование 11-й гвардейский стрелковый корпус с приказом остановить 4-ю танковую армию Клейста».

Опять 4-я армия!

Резуну надо бы запомнить: Клейст руководил 1-й танковой армией — после Киева его 1-я танковая группа была повышена в статусе и стала с 6 октября именоваться 1-й танковой армией.

«Все хорошо: народ — золото. Только... только обороняться их никогда не учили, и тяжелого оружия десанникам не полагается. Плеть. А танковая армия — колун».

Все правильно: плеть. А танковая армия — колун.

«Но что делать, — патетически восклицает Суворов — Резун, — если других средств не осталось? Что делать, если войска есть, и в изобилии, только не для той войны они подготовлены?»

Не иначе, к наступательной войне их готовили.

В отличие от прочих подлюгов, на сей раз подлог Суворова — Резуна тонко. Читая первый раз, я, признаюсь, его и не заметил.

Сначала я было подумал, что десантников бросали в бой без артиллерии и танков — только с парашютами, компасами и десантными ножами.

Но потом я прочитал книгу по истории ВДВ — и обнаружил, что это не так.

«Гвардейские воздушно-десантные дивизии создавались по штатам гвардейских стрелковых дивизий. Поэтому часть артиллерии и других родов войск, отсутствующие в штатах корпусов и маневренных бригад, формировались дополнительно» (Советские воздушно-десантные. М., 1986. С. 191).

Значит, десантная часть была вооружена именно как десантная часть, но при формировании из нее стрелкового соединения ей давали оружие как стрелковому соединению.

Другое дело, что стрелковым соединениям в 1941—1942 годах не хватало оружия, но стрелковой части из бывших десантников его не хватало точно так же, как и любой другой стрелковой части.

Суворов — Резун строит фразу тонко: «*брали десантников, давали авансом гвардейское звание и ими затыкали дыры*». Он пишет «*давали... гвардейское звание*», но не пишет — чему. А гвардейское звание давали стрелковой дивизии и стрелковому корпусу, имевшим соответствующие штаты артиллерии и танков.

Теперь посмотрим — кто остановил 1-ю армию Клейста? Десантники — или же были и другие части?

Из воспоминаний А.А. Гречко:

«Бросив в наступление крупные силы пехоты и до 300 танков, ярый сторонник танкового тарана генерал Клейст был уверен, что дивизии его 1-й танковой армии разнесут нашу оборону, сомнут и уничтожат нашу оборону, сомнут и уничтожат наши войска и легко прорвутся к Грозному. Но надежды гитлеровского командования не осуществились.

В этих боях большую роль сыграла противотанковая артиллерия. На танкоопасных направлениях плотность противотанковых орудий на 1 км фронта достигала: на вознесенском — 14 орудий; на сагопшинском — 33; на эльхотовском — 16 орудий» (Гречко А.А. Годы войны. С. 252).

Вот те на! А я-то по простоте душевной думал — встречали Клейста десантники с парашютами.

На следующей странице у Гречко идет описание, как истреблялись немецкие танки в противотанковых засадах — но я уже привел этот отрывок выше.

Однако продолжим читать Суворова — Резуна.

«Против танков — героизм. Против атак с воздуха — тоже».

Проверим. Что там пишет Гречко про атаки с воздуха? «В боях на моздокском направлении важную роль в борьбе с танками противника сыграла авиация 4-й воздушной армии» (там же. С. 225).

Вот те на! Воздушная армия была в воздухе! А я думал — один только героизм.

«За сентябрь было произведено около 9 тыс. боевых вылетов, проведено до 150 воздушных боев. Противнику были понесены большие потери в живой силе и технике. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено и повреждено более 170 самолетов врага» (там же).

А у Суворова — Резуна опять «гвардейские чудеса».

«И под Сталинград пошли десять гвардейских стрелковых дивизий. Это — почти 130 000 десантников. И опять — обороне не обучены, без тяжелого оружия, но — герои... Эти не отходили».

130 тысяч десантников! С ума сойти! И только под Сталинградом. И без тяжелого оружия. 130 тысяч человек никто не сообразил снабдить артиллерией.

Это даже как-то смешно опровергать. Все мы знаем, что День ракетных войск и артиллерии празднуется 19 ноября именно потому, что с мощной артиллерийской подготовки 19 ноября 1942 года и началось контрнаступление под Сталинградом.

Но все же обратимся к цифрам. К.П. Казаков в книге «Всегда с пехотой, всегда с танками» (М., 1973) пишет:

«В четырех армиях (63, 21, 62 и 64-й) и в резерве вновь образованного Сталинградского фронта к началу оборонительных боев насчитывалось 4282 орудия и миномета, не считая зенитной и полевой реактивной артиллерии. Это было значительно больше, чем в битве под Москвой. Там перед началом оборонительного сражения каждая общевойсковая армия имела в среднем около 590 орудий и минометов. Под Сталинградом к началу вражеского наступления артиллерии в армиях было почти в два раза больше — в среднем по 1070 орудий и минометов. К концу оборонительного сражения это количество не только не уменьшилось, но даже чуть увеличилось и дошло до 1100 орудий и минометов» (С. 78).

Суворов — Резун:

«Любую на выбор сталинградскую дивизию возьмем. Откуда они? 39-я гвардейская — из 5-го воздушно-десантного корпуса (Советские воздушно-десантные. М., 1986. С. 156)».

Опять одни десантники воевали.

Ну что же, возьмем дивизию «на выбор», как предлагает наш фантазер. К примеру, отличившуюся в Сталинграде 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию, бывшую 63-ю, бывшую 8-ю мотострелковую.

«Она была сформирована в первых числах декабря 1941 г. в Воронеже по решению Военного совета Юго-Западного фронта из личного состава выходивших из-под Киева подразделений 91, 92, 94 и 98-го пограничных отрядов, 6, 16 и 28-го мотострелковых полков оперативных войск по охране тыла фронта... В составе 21-й армии 52-я дивизия находилась на важнейших направлениях в Сталинградской битве, 26 января 1943 г. ее части в результате штурма овладели северо-западными скатами Мамаева кургана и соединились с войсками 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А.И. Родимцева» (Сечкин Г.П. Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945. М., 1993. С. 221).

Не было под Сталинградом среди гвардейских дивизий только одних десантных.

Читаем смешную книжку Суворова — Резуна дальше:

«5-й гвардейской командовал уже известный нам А.С. Жадов. Тот, который в начале войны командовал 4-м воздушно-десантным корпусом и спасал парашюты на Березине. Только он теперь в звании поднят — генерал-лейтенант. В 5-й гвардейской армии были не только гвардейские стрелковые дивизии, переделанные из десантных (точнее, просто сменившие названия), но и чисто воздушно-десантные дивизии, названий не сменившие. И под танки их, под танки, и еще раз туда же».

Минуточку... 5-я гвардейская... Что-то помнится...

У С.М. Штеменко: «...5-я гвардейская армия (бывшая 66-я)...» (Генеральный штаб в годы войны. С. 157).

Да, теперь вспомнил. 5-я — это не сформированная из свежих гвардейских дивизий, из десантников, армия, а крайне истрепанная в боях под Сталинградом 66-я. Ясно, почему она получила статус гвардейской. 62-я армия удерживала Сталинград, а сразу за ней стояла 66-я армия — атаками отвлекала часть немецких сил, когда 62-й становилось невозможно. При этом 66-я потеряла столь много танков, что это поразило самого К.К. Рокоссовского:

«На огромном пространстве вдоль оборонительного рубежа стояли подбитые и сожженные танки — печальный результат поспешных, с ходу, контратак, в которые бросались по частям наши войска в период выхода немцев к Волге. Нет, так наступать мы не будем!» (Р о к о с с о в с к и й К.К. Солдатский долг. С. 171).

Но Суворов — Резун воображает, что воевали только одни десантники, с автоматами, парашютами и десантными ножами.

«И под танки их, под танки, и еще раз туда же», — разоблачает он.

Это десантников — под танки.

«А затем — встречное танковое сражение под Прохоровкой. С нашей стороны — 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова и 5-я гвардейская армия Жадова. Десантники».

Ну что, пусть будут в 5-й гвардейской десантники? Да нет, факты — упрямая вещь.

Суворов — Резун:

«Солидный источник — «Советская военная энциклопедия» (т. 2. С. 489): «11 июля 1943 года танковая дивизия «Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС нанесла удар в стык 95-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизий 33-го гвардейского стрелкового корпуса...» Это совсем другой участок Курской дуги, а история та же: немцы били с двух направлений, так вот, на другом направлении главного удара немцев встретила она же, мать — крылатая пехота».

«Советская военная энциклопедия» — солидный источник.

Но неужели кроме «крылатой пехоты» немцев никто не встречал? Это действительно какие-то «гвардейские чудеса».

Смотрим на карту Курской битвы, Центральный фронт. В самом центре немецкий клин упирается в 17-й гвардейский стрелковый корпус.

Наверняка десантники: ведь Суворов — Резун считает, что гвардейские стрелковые корпуса создавались из десантников.

«Второй эшелон шестидесятой составлял 17-й гвардейский стрелковый корпус генерала А.Л. Бондарева, переданный Рокоссовским из 70 армии. Корпус, в основном состоящий из бывших пограничников, хотя еще и не восполнил больших потерь, понесенных им в предыдущих боях, все же оставил хорошее впечатление у побывавшего в корпусе командира. «Мал золотник, да дорог» — так оценил Иван Данилович пограничников, любясь их молодецкатым, боевым видом» (Шапорова А.А. Черняховский. М., 1972. С. 199).

Вот-те и на! Гвардейский стрелковый корпус состоял из пограничников!

А 17-й гвардейский сыграл очень важную роль в сражении на Курской дуге. В центре наступления немцы прорвали фронт оборонявшихся дивизий и, обойдя очаги сопротивления, двинулись вперед. В это время 17-й корпус и был выдвинут из глубины вместе с двумя истребительно-противотанковыми и одной минометной бригадами. Корпус задержал немцев, а затем, при поддержке танков, контратаковал. Атака прошла не очень успешно, но немцы после этого в центре уже не наступали.

Но не это самое важное. Самое важное то, что из двух армий, 13-й и 70-й, которые оборонялись на северном фланге Курской дуги, одна, 70-я, была создана на базе погранвойск. Ради этой операции была огорожена гигантская граница от Дальнего Востока до Средней Азии. Суворов — Резун этой армии как-то не заметил: он был слишком увлечен десантниками.

А вот Рокоссовский, который командовал Центральным фронтом, запомнил ее на всю жизнь:

«Никогда не забудется Курская битва. В составе Центрального фронта... находилась целая армия, сформированная из пограничников. Именно в стык этой армии с соединением генерала Пухова и нацелили главный удар немцы в районе станции Поныри.

Завязались беспримерные по своему упорству бои. Враг ввел в дело танковые дивизии, вооруженные тяжелыми машинами «тигр» и «фердинанд», отборные полки пехоты, громадные массы авиации. Но ничто не помогло. Напор фашистов разбился о мужество и стойкость советских воинов.

Помню, что высоту 88 обороняло подразделение пограничников во главе с майором Шилковым. В первый день боев высота была атакована врагом четыре раза. Вечером спрашиваю командующего:

— Как высота 88?

— В наших руках, — отвечает.

На второй день враг ввел новые силы и атаковал высоту 88 шесть раз. Справа и слева немцам удалось вклиниться в расположение наших войск.

Спрашиваю ночью командующего:

— Высота 88 держится?

— Держится.

На нашем участке враг в разных местах продвинулся от двух до восьми метров. А высоту 88 так и не взял.

Разве такое изгладится из памяти народной!» (Цит. по: К и с о в с к и й Ю.Г. От первого дня до последнего. М., 1988. С. 200).

У нас не изгладилось. Изгладилось только у одного английского писака.

Не пробившись в центре, немцы пошли на восток, на позиции 13-й армии, в составе которой действительно оборонялись и десантники. Но была у Поньрей еще и 20-я отдельная Сталинградская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, рубеж которой «тигры» не прошли. Не добившись успеха под Поньями, немцы снова двинулись на 70-ю армию — в последнюю, отчаянную атаку.

Там положение скоро стало очень тяжелым. 140-я стрелковая дивизия 70-й армии была почти полностью обескровлена. Одиночные танки проникли за оборонительные порядки 96-й дивизии; штаб дивизии занял круговую оборону. Отряд лейтенанта А.Д. Романовского в 18 человек погиб полностью, оставив вокруг себя 80 трупов гитлеровских солдат. Но к месту прорыва уже подходила 11-я танковая бригада, заставившая-таки немцев отойти.

Эта последняя атака немцев была отбита. С севера прорваться к Курску немцам не удалось.

И на южном фланге Курской дуги тоже воевало много пограничников. Известная нам по Сталинграду 52-я гвардейская стрелковая дивизия оказалась как раз на направлении главного удара. «Курская битва для личного состава 52-й началась намного раньше, чем для остальных соединений армии» (С е ч к и н Г. Граница и война. С. 250). На карте Курской битвы видно, что 52-ю гвардейскую стрелковую немецкий танковый таран отеснил дальше всех, но фронт все-таки не прорвал! Пограничникам помогла 1-я танковая армия Катукова. А вот если бы прорвал...

Суворов — Резун:

«И на Курской дуге под танки шли десантники-гвардейцы. Там монументы стоят с точным указанием, какие гвардейские десантные дивизии держали танковые клинья. (Понятно, держали вместе со штрафниками и другим фронтовым людом)».

Ох, верно. Не врет Суворов — Резун про монументы. Есть там они. В память о 52-й гвардейской стрелковой гвардейской дивизии стоит 76-мм орудие — на том рубеже, где пограничники остановили немцев.

Суворов — Резун этого монумента не видел.

Воевали на Курской дуге и десантники. В районе Прохоровки действовали солдаты 9-й воздушно-десантной дивизии. Немцев встретили 23-й и 28-й гвардейские воздушно-десантные полки. Танковый корпус «Адольф Гитлер» их не преодолел.

Но Суворов — Резун считает, что врага отразили т о л ь к о десантники. Не артиллеристы, не танкисты, не пограничники, не авиация, не пехота, а десантники...

Только десантников бросали на танки.

«А чего же их не по прямому назначению?»

Оттого, что «успешное применение крупного десанта невозможно без полного господства в воздухе в полосе его полета, в районе десантирования и для последующих боевых действий» (Командующий ВДВ генерал-полковник Д. Сухоруков. ВИЖ. 1981. № 7. С. 71)».

Хорошая цитата, правильная. Ах, если бы Суворов — Резун цитатами и ограничился! Но он сопровождает цитату комментариями — и я от изумления снова хватаюсь за голову.

«Попытка же выбрасывать корпуса в ходе нормальной войны, когда идет многолетняя война на равных с переменным успехом, завершалась катастрофами: выброска 4-го воздушно-десантного корпуса в феврале 1942 года под Вязьмой и Днепровский десант 1943 года».

Ничего себе!!!

Ну, ты, дядя, и в самом деле «Суворов».

Любой, кто читал историю ВДВ, знает, что выброска 4-го воздушно-десантного корпуса завершилась удачно.

«В конце января и в течение февраля 1942 г. на Смоленщине, западнее Вязьмы и Юхнова, были выброшены части 4-го воздушно-де-

сантаго корпуса — более 10 тыс. человек. Свыше пяти месяцев сражались они на оккупированной гитлеровцами территории вместе с провавшимися в тыл противника кавалеристами П.А. Белова и частями армий М.Г. Ефремова. Ими были нарушены коммуникации немецкой группы армий «Центр» и существенно ограничены ее наступательные возможности» (К и р с а н о в Н.А. Место назначения — фронт. М., 1978. С. 25).

Кавкорпус П.А. Белова во время битвы под Москвой перешел в контрнаступление против Г. Гудериана и вторгся далеко в глубину немецкой обороны, имея целью захват Вязьмы. Ему на помощь, для перехвата тыловых путей противника, был послан парашютный десант. В начале февраля десантники присоединились к кавалеристам П.А. Белова и подошедшей с другого направления 33-й армией М.Г. Ефремова. Однако контрудары немцев отсекли часть 33-й армии и не дали пробиться к Вязьме 43-й армии. Для усиления оказавшихся в окружении советских частей был высажен второй десант. Он тоже был успешным, хотя в связи с нехваткой самолетов и немногочисленным. Г.К. Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»: «Но из-за отсутствия транспортной авиации в дело была введена одна 8-я воздушно-десантная бригада в составе двух тысяч человек».

Немцам с действующей в их тылу группировкой справиться было очень трудно. Жуков пишет, что в целях стабилизации обороны в районе Вязьмы немецкое командование перебросило из Франции и с других фронтов крупные резервы. Из-за этих резервов Вязьму взять не удалось. Весной 1942 года Ставкой Главнокомандования было принято решение наступать на юге; на Западном фронте Красная Армия переходила к обороне. Для того чтобы помочь выйти из тыла противника войскам П.А. Белова, М.Г. Ефремова и десантникам, был заброшен еще один, третий десант, в 4 тысячи человек, из 10-го десантного корпуса. В конце июня Белов и десантники вышли к своим; Ефремов выбрал более краткий путь, чем тот, который ему рекомендовали, — и был разбит.

Так что не знает Суворов — Резун истории ВДВ. Десант под Вязьмой был успешным.

Но из всего того, чего он не знает, Суворов — Резун делает потрясающий вывод.

«Вывод: самые лучшие бойцы Советского Союза численностью более миллиона человек готовились для операций особого рода, для действий в тылу противника. Вместо этого на протяжении всей войны их внезапно без всякой подготовки бросали на выполнение задач, для решения которых они не имели ни соответствующих навыков, ни вооружения.

ЛУЧШИЙ МИЛЛИОН ЗАГУБИЛИ ЗРЯ.

Однако в других условиях, а именно — при внезапном ударе наших войск по германским аэродромам, этот заранее отобранный и великолепно под-

готовленный миллион бойцов представлял собой лучший инструмент захватнической войны, когда-либо созданный человеком».

Сталин готовил внезапный удар и подготовил для него миллион бойцов.

И загубил миллион...

Целый миллион?

Гм... А как же Сталин мог забросить этот миллион в тыл врага?

Этим вопросом озадачен и Суворов — Резун:

«Но как выбросить миллион бойцов? Мои критики привели жуткую статистику: американцы в 1944 году высаживали своих десантников в Нормандии, для этого им потребовалось совершенно чудовищное количество самолетов и планеров.

Это так. Но не будем сравнивать. У нас совершенно другой подход к войне. Американцы форсировали Рейн, и им потребовалось совершенно невероятное количество десантно-переправочных средств. А Красная Армия форсировала Днепр «на подручных средствах»: утонул — значит, плохой солдат и в Красную Армию не годишься».

В самом деле, к чему сравнивать?..

Наш боец и без самолета, и без парашюта может десантироваться — на подручных средствах. Надул бычий пузырь — и лети в тыл врага...

У нас все иначе.

«Воздушный десант по Вязьмой в 1942 году... За шесть дней в тыл противника было выброшено 7000 десантников и 1500 мягких контейнеров с вооружением и боевыми грузами. Для десантирования такого количества десантников американцам потребовалось бы много самолетов. А нам хватило... 64 самолета ПС-84 и ТБ-3 (ВИЖ. 1975. № 9. С. 82—83)».

Американцам нужно много самолетов, а нам — мало. Правда, наш ПС-84, с которого десантировались советские десантники, — это американский лицензионный «Дуглас DC-3», но все равно американцам потребовалось бы много таких самолетов, а нам — мало.

Но не это в приведенном Суворовым — Резуном пассаже самое смешное. Он браво рапортует, как удачно прошла высадка под Вязьмой, а всего несколькими страницами выше писал:

«Попытка же выбрасывать корпуса в ходе нормальной войны, когда идет многолетняя война на равных с переменным успехом, завершалась катастрофами: выброска 4-го воздушно-десантного корпуса в феврале 1942 года под Вязьмой и Днепровский десант 1943 года».

Значит, катастрофой кончилась высадка и этих 7000 десантников? Высадили 7000 человек — это катастрофа.

Продолжаем смеяться дальше.

«Задавить Германию — и после того вся наша авиация была бы брошена на обеспечение высадки десанта».

Здесь я что-то не совсем понял. «Задавить Германию» — а потом бросать десанты? А зачем?

Но Суворову — Резуну не до логики. Он, подобно лососю на нересте, ничего не разбирая, несется вверх по реке, ради одной-единственной цели — доказать: Сталин готовил нападение.

«Если бы Сталин и Жуков нанесли внезапный удар по Германии, то с применением ВДВ не было бы проблем. Но Гитлер упредил, Гитлер рубанул первым».

Тут с логикой тоже полный капут.

«Если бы Сталин и Жуков нанесли внезапный удар...» Сослагательное наклонение, его можно использовать всегда. А сказать «Сталин и Жуков собирались нанести внезапный удар» просто так нельзя: нужны факты, документы, доказательства. А их нет — и приходится писать: *«Если бы...»*

То, что Суворов — Резун пишет именно «если бы», уже говорит о том, что фактов-то и нет. Потому он хитрит: *«Но Гитлер упредил...»*

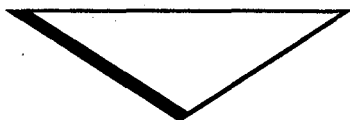
Что упредил Гитлер? Внезапный сталинский удар. Но стремление нанести внезапный удар по Германии еще и не доказано!

Этак можно написать: «Польша могла разгромить Германию за пять дней. Но Гитлер упредил». Логика та же. Пойди докажи, что не могла.

Можно написать: «Польша, Бельгия, Голландия, Норвегия, Англия, Франция, СССР, Чехословакия, Дания, Югославия, объединившись, могли обуздать Германию».

Это чистая правда. Эх, могли ведь! Да Гитлер упредил. Он напал сначала на Чехословакию, потом на Польшу, потом на Данию...

Трюк с «если бы» стоит запомнить. В американских средних школах учат аргументировать свою мысль — и не ловиться на словесные трюки. У нас, к несчастью, этому не учат.

МИЛЛИОН БЕЗЛОШАДНЫХ ДЕСАНТНИКОВ

Глава 20 опуса Суворова — Резуна имеет название «Миллион, или больше».

В этой главке он утверждает, что в СССР был подготовлен миллион десантников, и намекает — возможно, их было и больше. Ну раз Сталин готовил миллион десантников — то наверняка для того, чтобы напасть на Европу...

«Весной 1941 года в Красной Армии создаются пять воздушно-десантных корпусов. Каждый корпус включал в свой состав управление, штаб, подразделения обслуживания, три воздушно-десантных бригады, артиллерийский дивизион, отдельный танковый батальон (50 танков) и другие подразделения. Численность каждого корпуса — 10 419 человек.

Вот перечень воздушно-десантных бригад (вдбр) в составе воздушно-десантных корпусов (вдк) на конец мая 1941 года:

1 вдк — генерал-майор М.А. Усенко — 1, 204, 211 вдбр, Киевский военный округ.

2 вдк — генерал-майор Ф.М. Харитонов — 2, 3, 4 вдбр, Харьковский военный округ.

3 вдк — генерал-майор В.А. Глазунов — 5, 6, 212 вдбр, Одесса.

4 вдк — генерал-майор А.С. Жадов — 7, 8, 214 вдбр, Пуховичи.

5 вдк — генерал-майор И.С. Безуглый — 9, 10, 201 вдбр, Даугавпилс.

Кроме того, 202-я воздушно-десантная бригада оставалась отдельной.

Читателей «Ледокола» я не хотел терзать этими номерами, думал, кто же против этого будет спорить? Но нашлись недоверчивые полковники и генералы. Усомнились.

А когда я номера предъявил, опять не верят: за номерами ничего не стояло — пустышки; корпуса, мол, не укомплектованы.

Я спорить не буду. Официальная история ВДВ за меня говорит: «Укомплектование корпусов личным составом к 1 июня 1941 года было закончено» (Советские воздушно-десантные. М., Воениздат. 1986. С. 51)».

Вот как.

Были у Сталина готовые к бою корпуса.

Суворов — Резун дал отпор подлым клеветникам.

Разные там полковники и генералы начали выступать: дивизии, мол, были, неукomплектованы, а беглый шпион Суворов — Резун — бац по ним цитаткой!

Вот вам!

Факты!

В книжке написано!

Но посмотрим в эту книжку...

В книге «Советские воздушно-десантные», на которые ссылается Суворов — Резун, написано:

«Укомплектование корпусов личным составом к 1 июня 1941 г. было закончено, но обеспечить их боевой техникой в достаточном количестве не удалось» (С. 51).

Предложение в книге, которое цитирует Резун, оказывается, длиннее: он его чуть подсократил, и в этом «чуть» как раз и говорится о том, что воздушно-десантные корпуса вооружением укомплектованы не были, а значит, использоваться в войне не могли.

Заметим, что в неполных цитатах опущенный текст в с е г д а обозначается многоточием или многоточием в угловых скобках. Это делается для того, чтобы не похоронить смысл предложения. Ничего такого не делает один Суворов — Резун: сокращая произвольно и не ставя многоточия, он искажает смысл.

Но продолжим читать мастера цитирования:

«Свидетельства того, что все пять корпусов находились в полной готовности к десантированию, неисчислимы».

Ну, предположим.

«Но Гитлер нанес упреждающий удар, освобождение сорвалось, и выброска воздушных десантов в тыл противника не потребовалась».

Предположим, что это и так. Не нужно в оборонительной войне выбрасывать десантников. Обращаемся за подтверждением этого к любимой книге Суворова — Резуна:

«Трудные испытания в первые дни войны выдержали десантники на юго-западном направлении. Первыми здесь вступили в бой части 1-го воздушно-десантного корпуса (командир генерал-майор М.А. Усенко). Уже в ходе пограничных сражений из состава 204-й воздушно-десантной бригады, входящей в состав корпуса, в тыл наступающих немецко-фашистских войск было выброшено более 10 воздушных десантов в районы населенных пунктов Мозырь, Калинковичи, Довжик, Рава-Русская, Явров и другие места. Действуя на вражеских коммуникациях, десантники смело атаковали колонны выдвигающихся к фронту частей, рвали связь, разрушали мосты, уничтожали боевую технику, взрывали склады военного имущества. Особенно успешными были ночные действия, которые буквально ошеломяли фашистов» (Советские воздушно-десантные. С. 59—60).

Суворов — Резун, судя по цитированию, читавший «Советские воздушно-десантные», делает выводы:

«Да, в оборонительной войне прыгать никуда не надо. Надо вражеские танки останавливать. На эту работу и брошены все пять корпусов».

В обороне десант не нужен. Надо танки останавливать.

Берем книжку, но другую:

«Наш замечательный писатель Юрий Сергеев описал буквально пронизывающий душу эпизод битвы за Москву. К столице прорывается буквально полсотни гитлеровских танков, и заслонять им путь нечем. И тогда новоприбывшему полку сибиряков предложили встретить врага, прыгая в глубокий снег с летящих на бреющем самолетов. Брели только добровольцев — но вперед шагнули все. Они прыгали с гранатами и противотанковыми ружьями в руках, и при этом разбивались двенадцать из сотни. Они почти полностью уничтожили прорвавшихся немцев, которых обуял почти мистический ужас при виде этой картины» (К а л а ш н и к о в М. Сломанный меч империи. М., 1999. С. 475).

Прав Суворов — Резун: чтобы останавливать танки — парашютисты не нужны. Мы и без парашютов обойдемся. Когда есть глубокий снег.

И когда снега нет — тоже обойдемся.

Но Сталин готовил парашюты. Значит, хотел напасть...

«Но к десантированию (теперь уже никому не нужному) все было подготовлено. И парашюты уже в районах аэродромов погрузки. И вот командир 4-го вдк генерал-майор Жадов вызывает к себе помощника начальника оперативного отдела штаба корпуса генерала А.Я. Горячева:

— Вы знаете, товарищ капитан, что такое золото?

Он был ошарашен таким неожиданным вопросом, но все же ответил:

— Представляю, но золота никогда не имел.

— Неправда, — говорю я ему, — за каждым красноармейцем и командиром был закреплен парашют. Вот это есть наше государственное золото. А где лежат несколько тысяч парашютов? В лесу, в одном километре восточнее реки Березина. Организуйте вывоз этого ценного имущества в тыл» (Четыре года войны. С. 16).

До 22 июня парашюты вывезли в лес, а теперь их надо спасать. Генерал армии Жадов сообщает, что капитан Горячев задачу выполнил — достал где-то автомашину и под пулеметным огнем наступающего противника вывез парашюты в безопасное место, за что и был награжден орденом.

Вот как.

Любопытный эпизод минувшей войны привел Суворов — Резун. Сделал он это с умыслом.

«Разберем этот пример.

Товарищи десантники, сколько парашютов на одного человека положено? Правильно. А на воздушно-десантный корпус сколько? А учитывая грузовые? И все они до нападения Гитлера почему-то оказались в лесу. Зачем?»

«Неужели для нападения на Европу?» — наверняка подумают товарищи десантники.

Неужели Сталин и впрямь хотел ударить первым?

Обратимся за ответом к той самой книжке, которую цитирует Суворов — Резун:

«На западном направлении десантники вступили в бой в конце июня, когда немецко-фашистские танковые группировки, прорвавшиеся восточнее Минска, устремились к Днепру и Смоленску. Командование Западного фронта прилагало все силы, чтобы как можно дольше задержать противника на последнем выгодном рубеже — реке Березина и лишить его возможности с ходу прорваться к Днепру. С этой целью 4-му воздушно-десантному корпусу (командир генерал-майор А.С. Жадов) было приказано выдвинуться в район южнее и занять оборону по реке Березина» (Советские воздушно-десантные. С. 54).

К Березине корпус направили после 22 июня! Окапываясь у реки, он оставил парашюты в лесу, в километре от Березины. Если бы готовили десантирование, парашюты были бы в расположении части или на аэродроме (в районе Березины было три военных аэродрома).

«Здесь части 4-го воздушно-десантного корпуса и остановили соединения 24-го моторизованного корпуса, двигавшегося в направлении Березино и Свислочь, не дали возможности противнику с ходу форсировать реку и задержали дальнейшее продвижение вражеских танков» (там же. С. 54).

5 июля в одном месте обороны корпуса немецкие танки все же сумели переправиться через Березину (в других местах они прорвались раньше) — тогда и потребовалось спасти парашюты.

У Жадова дословно написано: «На складах в местах формирования осталось много различного имущества, а также несколько тысяч парашютов». У Суворова — Резуна про склады ничего нет. Далее Жадов пишет: «Про себя я решил во что бы то ни стало организовать вывоз их из Пуховичей... Кстати, парашютами пришлось заниматься еще раз. В разгар оборонительных боев на Березине я вспомнил, что они лежат в лесу восточнее реки и вскоре могут достаться врагу. Вызвал помощника начальника оперативного отдела штаба корпуса капитана А.Я. Горячева и спросил его...» — и т. д.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна. Про парашюты на Березине мы уже все знаем; теперь полюбуемся, как, используя эти парашюты, он тонко подводит нас к мысли, что Сталин готовил нападение.

«Если командир десантного батальона просто так со склада заберет парашюты и вывезет их в лес, то его спросят и вышестоящий командир, и подчиненные: ты чего это?»

Парашют — штука деликатная. Десантник не любит, когда с его парашютом всякие эксперименты делают. Дождик в лесу, влажность, роса. Даже если и брезентами укрыть, все одно — конденсация и всякое прочее.

Так вот, на командира такого батальона в тот же день поступит в особый отдел ровно столько доносов, сколько в батальоне народу».

Суворов — Резун, наверно, всех меряет по себе.

«И командира такого батальона шлепнут за вредительство».

Тем более командиру бригады такого не простят. На командира бригады будет столько доносов, потому что в бригаде четыре батальона, артиллерийский дивизион, разведывательная рота и пр. и пр. И все донесут».

И опять — по себе.

«А вывезти парашюты всего воздушно-десантного корпуса в лес? Да никто вам этого не позволит без московского приказа. А если парашюты целого десантного корпуса до начала войны почему-то оказались в лесу, значит, на то была воля Москвы».

Все логично.

Если парашюты оказались в лесу до войны.

«И в Москве все не просто. Пусть самому большому десантному начальнику в голову ударило, и он командиру корпуса шарахнул: ну-ка, Харитонов (или Безуглый, или Жадов), отвези двадцать пять тысяч парашютов в лес, поддержи их там, а потом на склад верни...»

Странное предположение. Суворов — Резун время от времени делает странные предположения, чтобы победоносно их опровергнуть. Победоносен он и на этот раз:

«Так ведь не выйдет: дождевиком парашюты прихватит — двадцать пять тысяч сушить и перекладывать... это потеря боеготовности. За такое самого большого начальника — тоже к стеночке поставят. На такого начальника и командиры корпусов донесут куда следует, и прокуроры корпусов, и особысты, и стукачи, которых в десантных войсках полагается иметь больше общепринятых стандартов... Да и обыкновенные солдатики просигнализируют: вредительство налицо!»

Любит Суворов — Резун тему про стукачей. Профессиональный к ним интерес. Товарищи по работе. Братья и сестры.

«А если парашюты под небом лежат чуть больше положенного, то пропадут, — тут вышак окончательный, обжалованию не подлежащий».

«Вышак» — это, наверное, высшая мера наказания. У профессиональных стукачей свой жаргон. В «Аквариуме» Суворов — Резун рассказывал, как настучал на одного инженера-ракетчика. Очевидно, тот получил «вышак»...

«А может, десантники к оборонительной войне готовились? Если готовились к оборонительной войне, то зачем столь ценное имущество в мае 1941 года подвезли туда, откуда его под пулеметным огнем пришлось вывозить в первые дни войны?»

Минуточку... В мае 1941-го?..

Вернемся немного назад, к странице 361 творения Суворова — Резуна, которую мы уже приводили.

«Вот перечень воздушно-десантных бригад (вдбр) в составе воздушно-десантных корпусов (вдк) на конец мая 1941 года... 4 вдк — генерал-майор А.С. Жадов — 7, 8, 214 вдбр, Пуховичи».

Итак, на странице 368 Суворов — Резун сообщает, что парашюты 4-го воздушно-десантного корпуса в мае 1941-го были в лесу, а на странице 361 он же утверждал, что 4-й воздушно-десантный корпус в конце мая был в Пуховичах. Выходит, парашюты еще лежали в лесу, а десантники в это время прыгали в Пуховичах без парашютов.

Как такое может быть?

Я листаю книгу Суворова — Резуна и на странице 362 нахожу поразительные строки:

«Свидетельствует дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Иванович Родимцев, который в мае 1941 года получил назначение на должность командира 5-й воздушно-десантной бригады 3-го воздушно-десантного корпуса... Бригада планомерно и деловито развертывала учебу... Все время было поглощено подготовкой к прыжкам, самим прыжкам, задачей десантирования подразделений».

У меня от этих слов волосы встают дыбом. По Суворову — Резуну парашюты увезли в лес до «первых дней войны», а в мае назначают Родимцева, и он вспоминает, что все время было посвящено прыжкам.

Ничего не читал более леденящего кровь: бригада развертывает учебу «планомерно и деловито». Сверху спущен план, и десантники бросаются вниз с многокилометровой высоты и разбиваются насмерть, а в это время в лесу под Березиной мокнул под дождем парашюты...

Из того факта, что парашюты в мае якобы находились в лесу, наш фантаст делает глобальный вывод:

«А он таков: летом 1941 года Советский Союз находился в самой последней стадии перед нанесением внезапного удара».

Это единственное возможное объяснение. Остальные прочие сразу отпадают».

Ну, естественно!

«Так что же, по одному корпусу делать вывод о всей Красной Армии? Да. Именно так».

В самом деле, стоит ли обращать внимание на всю Красную Армию? Что с того, что она к нападению на Европу не готовилась? В начале июля 1941 года парашюты 4-го воздушно-десантного корпуса находились в лесу на Березине — вот что все объясняет...

«Но можно ли один воздушно-десантный корпус бросить на Германию, а всю Красную Армию оставить? Тем более что не один корпус изготовился к десантированию, а сразу все пять».

Ах, так пять корпусов готовилось? Наверное, тоже прыгали без парашютов, поскольку «условия приближены к боевым»?

С волнением открываю книгу про один из этих пяти воздушных корпусов — 2-й:

«В апреле 1941 г. началось формирование пяти воздушно-десантных корпусов.

К 1 июня 1941 г. на севере Украины был сформирован 2-й воздушно-десантный корпус численностью 8013 человек...

2-я воздушно-десантная бригада была сформирована на базе 225-й стрелковой дивизии; 3-я воздушно-десантная бригада — на основе 226-й стрелковой дивизии; 4-я воздушно-десантная бригада развернулась на базе 230-й стрелковой дивизии...

К началу войны корпус находился в составе Харьковского военного округа. Он был укомплектован личным составом, но получение боевой техники и вооружения планировалось лишь в середине августа 1941 г.

До 7 июля соединения и части корпуса занимались боевой подготовкой, готовясь к боям с немецко-фашистскими захватчиками, десантники в основном готовились как стрелки. Округ не имел возможности выделять самолеты для прыжков с парашютом, поэтому занятия по специальности проводились на спортивных снарядах, а прыжки совершались с вышки» (З а к у р е н к о в Н.К. 32-я гвардейская. С. 6).

Другими словами — в десантном корпусе были в основном пехотинцы, которые не совершили ни одного прыжка с самолета и не были вооружены.

Страшный меч навис над Европой.

А что у нас с 3-м воздушно-десантным корпусом?

С не меньшим волнением открываю книгу об этом корпусе:

«В конце июня приступил к боевой и политической подготовке 3-й воздушно-десантный корпус, в состав которого входили 212, 5 и 6-я воздушно-десантные бригады.

Первая из них имела хорошую боевую и специальную подготовку, а самое главное — обладала боевым опытом, так как участвовала в боях на реке Халхин-Гол. 5-я и 6-я воздушно-десантные бригады были укомплектованы старослужащими красноармейцами» (С а м ч у к И.А. Тринадцатая гвардейская. М., 1971. С. 6).

Итак, на конец июня в корпусе готова к бою только одна бригада. Десантная бригада по штату должна иметь 2588 человек. Этого вполне достаточно, чтобы захватить... ну если не Европу, так Португалию.

Когда я читал эти строки, у меня возник закономерный вопрос: а почему корпус был не готов? Ответ я нашел в книге «Советские воздушно-десантные»:

«Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко в декабре 1940 г. ...указывал, что воздушные десанты в войне на западе сыграли значительную роль. Будучи хорошо подготовленными не только к прыжкам с самолетов, но и к самостоятельным боевым

действиям, эти войска своим появлением на земле и энергичными действиями дезорганизовали противника...

В марте — апреле 1941 г. в целях дальнейшего укрепления воздушно-десантных войск принимается решение о реорганизации воздушно-десантных бригад в воздушно-десантные корпуса» (С. 50).

Итак, корпуса начали формировать только в апреле. К обучению их приступили летом. К 22 июня боеготовыми были только те бригады, которые являлись десантными до создания корпусов: 201, 204, 211, 212, 214-я, и не входящая в корпуса, отдельная, 202-я бригада. Общая численность этих бригад: 2588 человек умножить на 6. 15 528 человек боеготовых на 22 июня 1941 года.

Но у нашего фантаста десантников — миллион!

«Пять воздушно-десантных корпусов — это начало. Это первая волна, это для первого удара. Запланировано было пять корпусов развернуть весной 1941 года, их развернули, и еще пять — вторая волна — с французским и испанским уклоном. Их планировали развернуть летом 1941 года».

Ну что тут сказать?

Никаких десантных корпусов «с французским уклоном» не было и в помине. Французы воевали только в эскадрильи «Нормандия—Неман». Да и откуда можно было в 1941-м набрать французов на десантный корпус — более 10 тысяч крепких парней, — я и не могу представить.

А вот с испанцами дело обстояло несколько иначе. Парашютистов-испанцев действительно готовили для заброски в качестве партизан и диверсантов. Свидетельств об этом сохранилось множество. Бывший интернационалист А. Ветров, вспоминая об испанцах в рядах РККА, писал:

«С немецко-фашистскими захватчиками на советской земле храбро сражались испанские антифашисты. Одни из них громили гитлеровцев в качестве летчиков, пехотинцев и артиллеристов, а другие в составе особых партизанских отрядов в тылу у врага» (В е т р о в А. Волонтеры свободы. С. 211).

Среди испанцев было много специалистов по минно-подрывному делу, приобретших этот богатый опыт во время Гражданской войны в Испании. И.Г. Старинов, бывший воин-интернационалист, писал о 26 испанцах, что работали инструкторами. Под Харьковом некоторые из них ходили в тыл врага, но из-за их большого опыта их придерживали в качестве инструкторов. Р.Я. Малиновский — тоже бывший солдат республиканской Испании — уступил, однако, испанцам в их просьбе направить их в действующую армию. Первая вылазка оказалась неудачной: группа рассеялась в сильной пурге, один испанец, Мануэль Бельды, замерз. Но в дальнейшем диверсионные вылазки и минирование вражеских позиций шли у них много успешней. Настолько успешней, что товарищ Старинов решил обратиться за пополнением в испанскую секцию Коминтерна.

Партизан из испанцев готовили и под Москвой. Летчик Франсиско Мероньо, воевавший в советской авиации, написал книгу «И снова бой» (М., 1977), где вспоминал:

«Почти все, кто проходил подготовку в лагере для партизан под Москвой, участвовали в битве за столицу. Большинство испанцев, обучавшихся в этом лагере, тоже прошли суровые испытания подмосковного сражения. После разгрома немцев под Москвой испанцы, участвовавшие в этих боях, с гордостью называли себя «москвичами» (С. 30).

Все же что касается иностранного «уклона» наших десантных корпусов, то уклона не было даже немецкого. И потому в первые же дни войны пришлось обучать парашютному делу студентов языковых педучилищ. В «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жукова я встретил такой эпизод:

«В первых числах июля, когда противником был занят Минск и вражеские войска устремились к реке Березине, в тыл противника в районе Минска должна была быть заброшена диверсионно-разведывательная группа. В нее входили две девушки и двое юношей — комсомольцы, хорошо владевшие немецким языком. Если не ошибаюсь, девушки были из института иностранных языков. В разговоре выяснилось, что они москвички. На мой вопрос, не боятся ли они летать в тыл врага, переглянувшись и чуть улыбаясь, ответили:

— Конечно, страшно. Плохо будет, если нас схватят в момент приземления. Ну а если не схватят в этот момент, все будет в порядке.

Они были очень молоды и хороши собой. Родина позвала их, и они пошли на опасное и нелегкое дело. Как сложилась их судьба, я не знаю. Если кто-нибудь из группы остался в живых, может быть, он вспомнит встречу в Москве, Генштабе, на улице Фрунзе, в июльские дни 1941 года...»

Перед смертью Жуков успел подготовить второе, дополненное издание книги. Я сравнил первое и второе издания. Этот эпизод он оставил в неприкосновенности. Значит, из группы не отозвался никто...

Далее Суворов — Резун доказывает, что у Сталина было много средств доставки десантников. А раз много средств доставки — значит, Сталин готовился завоевать Европу.

«Советские бомбардировщики ДБ-3ф перед войной специально модернизировали, чтобы кроме бомб могли возить десантников или грузы для них».

Верно. Были такие работы. Но не по распоряжению Сталина. С идеей создания для десантов цельнометаллических кабин выступил Глеб Котельников — личность легендарная. Достаточно сказать, что он был создателем первого в мире ранцевого парашюта. По его предложению проводились эксперименты по высадке цельнометаллических кабин на 10 человек. В серию эти кабины не пошли — и позднее об этом пожалели. Уже во время войны, когда ДБ-3ф были переименованы в Ил-4 (см.

вклейку), пришлось снова разрабатывать эти кабины — уже на 12 человек, — для того чтобы выбрасывать разведывательные и диверсионные группы, а также помогать партизанам.

В книге «Самолеты ОКБ имени Ильюшина» (М., 1990) читаем:

«...на основе предвоенных работ по приспособлению самолетов ДБ-3 к выполнению военно-транспортных задач для Ил-4 были разработаны различные виды наружных подвесок — подвесные 12-местные десантные кабины, подвески для транспортировки 45-миллиметровых противотанковых пушек, 82-миллиметровых и 120-миллиметровых минометов» (С. 59).

В 1942-м, спешно разрабатывая новые кабины, приходилось кусать локти, что довоенная разработка не была доведена до производства.

Полностью абзац из книги Суворова — Резуна выглядит так:

«Советские бомбардировщики ДБ-3ф перед войной специально модернизировали, чтобы кроме бомб могли возить десантников или грузы для них. То же относится к огромному флоту бомбардировщиков СБ».

Обратимся к фактам. Флот бомбардировщиков СБ был огромным. Это верно. Но — бомбардировщиков. Модификация же для десанта выпускалась малой серией. Имела эта модификация название *СБ-3—2М-103 (УСБ)*. «Учебный буксировщик планеров А-7 конструкции О.К. Антонова. Доставлял в годы войны оружие партизанам» (Крылья Родины. 1994. № 2. С. 7).

Ага, значит, Сталин все-таки готовил нападение!

Не торопитесь. Посмотрим, когда выпускался планер А-7.

«В начале Великой Отечественной войны Антонов с небольшим коллективом налаживает серийное производство десантных планеров А-7» (Яковлев А.С. Советские самолеты. С. 288).

Итак, массово планеры стали выпускаться после 22 июня 1941 года.

Что касается всех других модификаций, читатель может справиться о них в журнале «Крылья Родины» (1994, № 2). Этих модификаций было много. Самолет для Аэрофлота, пикирующий, торпедоносец, пассажирский, грузовой, транспортный.

Все остальные СБ были именно бомбардировщиками.

Но наш исследователь этого не знает:

«А советские бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-3 специально создавались для двойного использования: и как бомбардировщики, и как транспортно-десантные самолеты — с 32 человеками с парашютами или 50 — без. Перед германским нападением у Сталина было около тысячи ТБ-1 и ТБ-3. Тысяча ТБ — это 32 000—50 000 человек одним рейсом».

Ну что тут сказать?

ТБ-1 никогда не вмещал «32 человека с парашютом и 50 — без».

Первые самолеты ТБ-1 брали 730 кг бомб (См.: Га и Д. Профиль крыла. М., 1981. С. 62). Это по весу — от силы 7 человек с парашютами. На ТБ-1 более поздних модификаций ставились двигатели помощнее, благодаря чему бомбовая нагрузка возросла до тонны. В перегрузоч-

ном варианте, на небольшие расстояния нагрузка могла быть еще больше, однако все равно 32 человека самолет нести никак не мог, поскольку все эти люди попросту не поместились бы в самолет, так как самолет не предназначался для десантов и его фюзеляж был очень узок. В книге «Советские воздушно-десантные» читаем:

«Самолет ТБ-1 был первым тяжелым бомбардировщиком в советских ВВС, приспособленным для выброски парашютистов и легких грузов. Однако в интересах десантирования войск и техники он имел ограниченные возможности из-за низкорасположенного шасси и малой вместимости фюзеляжа» (С. 32).

Из-за малой вместимости самолет доработали, подвесив между шасси специальную сбрасываемую люльку на 12 человек.

Если бы ТБ-1 сразу делали как самолет «двойного назначения», дорабатывать его не было бы нужды.

Более того, ТБ-1 просто не мог разрабатываться как самолет двойного назначения. В год появления самолетов ТБ-1—1925-й — десантов вообще еще не было! Они появились только в 1930 году. Зарождение советских воздушно-десантных войск достаточно хорошо описано в литературе.

«Это произошло 3 августа 1930 г. Над просторным полем, раскинувшимся близ одной из деревень Воронежской области, появился большой двухмоторный бомбардировщик. И вдруг на глазах изумленных селян из него стали один за другим вываливаться люди, над ними раскрывались купола парашютов, и все благополучно приземлялись. Так состоялся первый в мире воздушный десант. В нем участвовало 12 парашютистов из 11-й авиационной бригады, а прыгали они с купленного во Франции аэроплана «Фарман-Голиаф». При взлетном весе около 5 т он вмещал всего лишь шесть пассажиров, поэтому нагруженным парашютами экспериментаторам пришлось оставить личное оружие» (Техника — молодежи. 1999. Авг.).

Итак, только в 1930 году произошла выброска первого десанта — если можно назвать десантниками солдат, вооруженных только кулаками.

Только после этого десанта было принято решение п е р е д е л а т ь некоторые самолеты ТБ-1 под десантные.

Но не это самое смешное в «открытиях» Суворова — Резуна. Самое смешное то, что, даже переделанные, самолеты ТБ-1 в 1936-м были сняты с вооружения (согласно той же книге Д. Гая «Профиль крыла»). Еще исправные самолеты были переданы в народное хозяйство.

Видимо, вот это и говорит о коварном замысле Сталина напасть на Европу. Прослышав о том, что самолеты ТБ-1 возят почту, расслабившийся, возомнивший о себе Запад неминуемо должен был потерять бдительность — и тут-то десантные ТБ-1 1925 года выпуска со скоростью от 150 до 198 км/ч — в зависимости от модификации — преодолели бы

противовоздушную оборону всех европейских стран. Зенитки бьют с упреждением, рассчитанным на большую скорость, поэтому тихоходные ТБ-1 не потеряли бы ни одного самолета! Я прямо-таки вижу это: 50 человек сидят на крыльях, фюзеляже, на голове пилота, цепляются зубами в хвостовое оперение и элероны. А перед ними — облако разрывов, да все мимо...

Жуткая картина. Нет, лучше себе этого не представлять. Перейдем лучше к ТБ-3.

В конце 30-х он тоже устарел как бомбардировщик, и потому эти самолеты стали переделывать в транспортные. К примеру, именно транспортные ТБ-3 летали в осажденный Ленинград.

Часть самолетов ТБ-3 действительно использовалась как десантные; знаменитые десанты на маневрах 1935—1936 годов осуществлялись именно на этих самолетах. И опять же, так как и самолет ТБ-3 изначально не имел двойного назначения (год его появления — 1930-й), его пришлось дорабатывать.

Маршал авиации Н.С. Скрипко, который в свое время пилотировал ТБ-3 с десанниками, пишет:

«Использование тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 для перевозки личного состава и десантников было делом вынужденным — лучших военных самолетов для этой цели тогда еще не создали. А ТБ-3 имел крылья толстого профиля. В каждом крыле помещалось до шести человек, остальные — на досках, положенных над створками бомболюков. Неудобства, конечно, были большие: люди сидели в тесноте и темноте, в многочисленные щели сильно задувало. Выход из самолета, в том числе и десантирование, производился через турельную установку стрелка-радист, расположенную в середине самолета, или же через хвостовую стрелковую установку» (С к р и п к о Н.С. По целям ближним и дальним. С. 19—20).

А по Суворову — Резуну, ТБ-3 создавались и как бомбардировщики, и как транспортно-десантные самолеты.

Если из немецкого Ju-52 летчики выпрыгивали один за другим в воздух через дверцу, то в «разработанном специально для десантирования» ТБ-3 парашютист должен был выползти из крыла в фюзеляж, перебраться в кабину стрелка, вылезти через верх самолета, переползти на крыло, спуститься по крылу вниз — и только после этого он оказывался в воздухе!

Но и это еще не все! Пока последние десантники выбираются из крыльев и ползают по самолету, первых уже отнесет за многие километры. И потому первым десанникам приходилось сидеть на крыле, ожидая, когда на крыло выползут последние.

Итак, чтобы очутиться в воздухе, десантник на ТБ-3 должен был осуществить целый набор головоломных операций:

1. Выбраться из крыла.
2. Перебраться в кабину стрелка.
3. Вылезти из фюзеляжа.
4. Переползти на крыло.

5. Под страшным ветром сидеть на крыле, не имея возможности за что-либо зацепиться. Скорость ТБ-3 была более 200 км/ч — значит, десантника сдувал ветер со скоростью около 50 м в секунду! Это ураганный ветер.

6. Когда из крыла выбирался последний, всем прыгать.

И Суворов — Резун утверждает, что самолет проектировался как транспортно-десантный!

Современный Ил-76, который используется для выброски десанта, имеет фюзеляж в 5 метров шириной. И солдат в него входит много, и десантные танки поместятся. В отличие от ТБ-3, с его 2 метрами ширины.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна:

«Кроме того, были в Советском Союзе самолеты Р-5 и У-2. Брали они мало парашютистов, но было этих самолетов много».

Свою книгу наш комбинатор писал для английского читателя. Английский читатель никогда не видел этих самолетов. Для него строчки про У-2 выглядят жутко. У-2 по-английски — это U-2, а так назывался американский самолет с уникальными высотностью и дальностью.

Объясним англичанину: У-2 (По-2) — учебный самолет 1927 года выпуска, скорость — 146 км/ч, дальность — 430 км. Английские бипланы Первой мировой имели лучшие характеристики.

У-2 мог поднять одного парашютиста. Двигатель в 100 л.с. больше не позволял.

Да, определенно, над Европой Сталин занес свой кровавый топор.

Но самолетов этих было действительно много, поскольку У-2 был основным учебным самолетом. Но мог ли быть высажен десант с их помощью?

Попытаемся представить себе десант в Европу по Суворову — Резуну. Допустим, Сталин решил послать один десантный корпус в 10 тысяч человек. Так вот, один-единственный десантный корпус потребовал бы 10 тысяч самолетов У-2!

Средний аэродром принимает около 100 самолетов. Тогда для сталинского десанта нужно 100 аэродромов — причем все должны быть не дальше, чем в 215 километрах от какого-либо немецкого городка.

Вообразите: 100 аэродромов вплотную к нашей границе для одного десантного корпуса.

Вы слышали когда-нибудь о том, что летом 1941 года Сталин внезапно перебросил 10 000 самолетов У-2 к немецкой границе и создал для них 100 аэродромов?..

Далее Резун пишет:

«До начала войны Сталин получил из Америки лучший в мире транспортно-десантный «Дуглас ДС-3» и наладил производство этого самолета в СССР».

Хороший факт.

Убивает наповал.

Теперь и я думаю, что готовилось нападение на Европу. Правда, не Сталин его готовил, а Рузвельт. Ведь это в Америке разработали не просто транспортный самолет, а транспортно-десантный. Не иначе, чтобы напасть на Европу.

Заметим только, что самолет назывался не «ДС», а «ДС», то есть «Ди-Си», — если уж писать буквы по-русски, — но у специалистов принято писать «Дуглас ДС-3». Сталин «не получил из Америки», а купил лицензию и производил самолет под маркой ПС-84 — «Пассажирский скоростной-84». Только с началом войны его пришлось переделывать — и, поскольку он перестал быть пассажирским, ему дали в 1942-м название *Ли-2*. Ли-2 был и транспортно-десантным. Но на 22 июня 1941 года он был именно «Пассажирский скоростной-84» — с соответствующим этому назначению внутренним устройством.

Перед войной ПС-84 пытались переделать в транспортно-десантный, но в мирное время освоить эту модификацию не успели.

«Накануне Великой Отечественной войны усиленно велись работы по улучшению средств десантирования воздушно-десантных войск. Были разработаны технические условия на производство самолета ПС-84 в десантном варианте. Предусматривалось, что такой самолет должен вмещать 25 десантников, иметь двери на правом и левом бортах, открывающиеся внутрь назад... Однако, несмотря на принятие решительных мер по переоборудованию пассажирского самолета ПС-84 в десантный вариант, сроки решения этой задачи оказались весьма короткими, и выполнить ее в желаемом объеме до начала войны не удалось» (Советские воздушно-десантные. С. 51—52).

И последнее.

«Транспортно-десантный», как именует Суворов — Резун, «Дуглас ДС-3», никогда не был транспортно-десантным. ДС-3 — это «Дуглас коммерческий-3». В США переделывали ДС-3 для военных целей — военный вариант получил название *С-47*. Самолет же ДС-3 был грузовым или пассажирским.

Но с утверждением, что готовилось нападение, я не буду спорить. С 1935 по 1947 год в США было выпущено 12 149 самолетов ДС-3; один такой самолет вмещал 21 пассажира. Одним лишь рейсом эти ДС-3 могли перебросить четверть миллиона американских десантников. Пишу об этом и холодею от ужаса...

Суворов — Резун:

... «Еще: после разгрома Германии (или только — районов нефтедобычи в Пloeишти) советская промышленность могла выпускать десятками тысяч планеры конструктора О. Антонова «Массовый-4» и самолеты ПС-84 вместо истребителей Яковлева и штурмовиков Ильюшина».

Ну и в этом с Суворовым — Резуном нельзя не согласиться. После разгрома Германии советская промышленность могла делать что угодно. Выпускать дирижабли. Иглы для примусов. Десятками тысяч. Миллионами. Скажете — не могла? Могла! За счет штурмовиков Ильюшина. Или за счет труб парового отопления. Или чего-нибудь там еще. Почему бы и нет?

Вот только зачем ей дожидаться разгрома Германии? Самолет ПС-84 уже выпускался. Суворов — Резун просто не знает, что американский «Дуглас DC-3», о котором он пишет в том же абзаце своего опуса, выпускался в СССР именно под маркой ПС-84 («Пассажирский скоростной-84»). Надо ли громить Германию, чтобы выпускать уже выпускавшийся пассажирский самолет?..

Завершает главу о десантниках Суворов — Резун еще одним подлогом. Подлог выглядит так:

«Однажды товарищ Сталин поставил авиаконструктору А. Яковлеву боевую задачу — создать новый, лучший в мире истребитель. Срок — три месяца. Яковлев улыбнулся и вежливо объяснил непонимающему Сталину, что в Америке на создание такого самолета тратят три года. Товарищ Сталин страшно удивился: «А разве вы амырыканец?»

Великолепный истребитель был создан в установленный срок.

Тем, кто вспоминает, сколько десантных самолетов потребовалось американцам, отвечаю:

— А разве мы амырыканцы?»

То есть нам столько десантных самолетов, как американцам, не нужно. Мы не американцы, мы десантируемся без самолетов...

На опровержение этого я не буду терять времени, сделаю замечание только насчет «трех месяцев на создание самолета».

Все мы в юные годы бредили небом, все читали книги А.С. Яковлева под партой и все знаем, что подобного диалога А.С. Яковлева с И.В. Сталиным не было.

На самом деле Яковлев писал:

«Сталин спросил меня:

— Ну, как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

— Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя.

Я назвал летные данные будущего истребителя: скорость, потолок и дальность полета.

— Как вы его вооружите? Пушка на нем будет стоять?

— А как же! На нашем истребителе будет стоять пушка калибра 20 миллиметров и два скорострельных пулемета.

— Это хорошо... — ответил Сталин, в раздумье расхаживая по кабинету. — А знаете ли вы, — спросил он, — что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее запустить в серийное производство?

— Я понимаю, товарищ Сталин.

— Понимать мало. Надо машину сделать быстрее.

— А какой срок?

— Чем скорее, тем лучше. К новому году сделаете?

— Я постройкой таких самолетов не занимался, опыта не имею...

Но вот американцы делают новый истребитель за два года...

— А вы разве американец? — перебил меня Сталин. — Покажите, на что способен молодой русский инженер... Вот тогда будете молодецом, и придется мне пригласить вас на чашку чая.

...Летом, в конце июля 1939 года, позвонил Сталин, поинтересовался, как идут дела с истребителем» (Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1987. С. 135—136).

Что видно из этого отрывка?

Сталин, конечно, не говорил «амерыканец». Он достаточно хорошо владел русским языком. Перековеркав слова Сталина, Суворов — Резун их и переиначил. А срок в «три месяца» он, как мы видим, взял с потолка.

Сталин спрашивал: «К новому году сделаете?» Этот вопрос задавался до лета, поскольку «летом, в конце июля» Сталин уже интересовался, как идут дела с истребителем. От весны до конца года — минимум с е м ь м е с я ц е в.

Для создания самолета, даже с готовым мотором Климова, конечно, маловато. Но Яковлеву истребитель заказали не даром: у него была готова машина, участвовавшая в конкурсе гоночных самолетов, — АИР-21. (см. вклейку) Прекрасная скоростная машина, на которую можно было поставить мотор с пушкой и которую легко было переделать для воздушного боя. Новый самолет станет знаменитым Як-1.

На свете ничто не возникает из ничего. Это естественно. Невозможно создать из ничего истребитель за три месяца.

Невозможно и выбросить миллион парашютистов, не имея на это десантных самолетов...

ГЛАВА 8

ГУДЕРИАН В «НИЗИНАХ ГОРЛОПАНСТВА»

В главе 21 Суворов — Резун пишет о том, что у СССР было подавляющее превосходство в танках. Тут он совершенно прав.

Танков было много.

Увы, этот факт Суворов констатирует опять же лишь в подтверждение своей исторической теории.

«Тут меня перебьют: отчего же советское превосходство не сказалось в июне сорок первого?»

Причина проста: Красная Армия готовила агрессию. У этой причины множество следствий, и каждое из них вело в катастрофу. Красная Армия готовила агрессию, и потому танки были собраны ордами у самой границы (точно так делали и немцы, только у нас танков было больше). При внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей».

Итак, по Суворову — Резуну, тысячи советских танкистов не добежали до своих танков.

Проверим по верным источникам.

Гудериан, командующий 2-й танковой группой (четверти всех немецких танковых сил), пишет о дне нападения на СССР следующее:

«Перспективы сохранения момента внезапности были так велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести форсированную подготовку в течение установленного времени».

Итак, час артиллерийской подготовки — по приказу. Можно ли добежать до танка за час?

Нет. Если танк расположен за 10 километров.

Но нигде казармы не расположены за 10 километров от танков. Добежать до своих танков могли все.

В 3.15 началась артиллерийская подготовка. В 4.15 — переправа через Бут. В 4.45 первые танки форсировали реку. В 6.50 переправился сам Гудериан.

«Я доехал до моста через р. Лесна... но там кроме русского поста я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны».

В 10.25 передовая танковая рота достигла реки Лесна и перешла мост.

И так далее... Прошло 7 часов — и танки Гудериана еще не вступили в бой! Только описывая вечер, Гудериан пишет:

«У Пружан 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника». Это вечером. Минимум через 9 часов после начала вторжения. И только на одном участке. И лишь 24 июня — через два дня — русские танки увидел и Гудериан. Два танка, которые пробивались в Слоним и которых «удалось уничтожить» в городе.

Итак, 9 часов для 2-й танковой группы — четверти всех танковых войск Германии — прошло без танковых сражений. И это все в районе Бреста, который в свое время нам приводили в качестве примера сопротивления!

Но, может, Гудериану просто повезло?

Читаем у Г. Гота, командующего 3-й танковой группой. Это еще четверть немецких танковых войск:

«В штабе 3-й танковой группы, располагавшемся восточнее Сува-лок, на основе поступивших донесений и личной оценки положения были сделаны следующие выводы по обстановке.

Захват трех мостов через Неман стал возможен благодаря тому, что нападение явилось полной неожиданностью для противника и что последний потерял централизованное управление своими войсками. Предполагавшееся наличие частей трех дивизий противника на сувалкинском выступе подтвердилось.

Против танкового корпуса, наступавшего на северном фланге, действовал один литовский корпус, многие командиры и комиссары которого были русские. До сего времени корпус оборонялся упорно. Предполагалось, что он попытается удержать левый берег Немана. Действий танков и авиации не отмечалось. Воздушная разведка, проводившаяся при ясной погоде, никаких передвижений противника восточнее Немана не обнаружила» (Г о т Г. Танковые операции; Г у д е р и а н. «Танки — вперед!» С. 59).

Действий танков не отмечалось. Против танковой группы, четверти всех немецких танковых сил, согласно Г. Готу, действовали «части трех дивизий» и «литовский корпус».

Но кроме 2-й и 3-й танковых групп у немцев были еще две танковых группы! Может, Сталин изготовился именно в полосе их наступления, и именно там были перестреляны советские танкисты? 4-я танковая группа немцев вместе с группой армий «Север» наступала с территории Вос-

точной Пруссии — если Сталин готовил удар по Германии, то он не мог не приготовить чего-нибудь для действий против Восточной Пруссии.

Свидетельствует Э. фон Манштейн:

«Группа армий Ворошилова, противостоявшая нашей группе армий «Север», имела на границе только 7 дивизий, хотя в ее составе действовали 29 сд, 2 тд и 6 мех. бригад (по фон Типпельскирху), расположенные в тылу, у Шауляя, Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс), а частично даже в районе Псков—Опочка (следовательно, на «линии Сталина»). Обе другие советские группы армий (Тимошенко и Буденного) также были глубоко эшелонированы, хотя в них части, действовавшие в пограничной полосе, были значительно сильнее.

Более всего будет соответствовать правде утверждение о том, что развертывание советских войск, начавшееся уже с развертывания крупных сил еще в период занятия Восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики, было «развертыванием на любой случай». 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны» (Манштейн Э. фон. Утерянные победы. С. 197—198).

Глубокое эшелонирование и подвело Красную Армию: войска были рассредоточены на полосе в 400 километров — в эту рыхлую советскую группировку Гитлер и вогнал четыре танковых клина.

Суворов — Резун не знает элементарного: советские мехкорпуса, в которых были сосредоточены основные танковые силы, находились во втором эшелоне, располагавшемся в 50—150 километрах от границы, и в третьем, что находился в 150—400 километрах от границы.

Такое местонахождение мехкорпусов диктовалось оборонительной доктриной Красной Армии. Первый эшелон находился на границе — прорывая фронт его обороны, противник выказал направление своего главного удара. Второй эшелон имел в своем составе мобильные части, которые должны были устремиться к местам прорыва, чтобы их ликвидировать. Третий же эшелон был оперативным резервом.

К такому построению обороны трудно придаться, да вот сработать оно могло, только когда все три линии обороны были бы обеспечены войсками, после своевременной мобилизации.

Однако такая мобилизация проведена не была. «Часть дивизий содержалась по сокращенным штатам мирного времени и лишь часть соединений переводилась на полный штат» (Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. 2-е изд. М., 1970. С. 54). 104 пехотные, 1 кавалерийскую и 34 танковые дивизии немцев (согласно Г. Готу), а также войска их союзников — Румынии и Венгрии — встретили 56 дивизий и 2 бригады, находящиеся на расстоянии до 100 километров от границы.

Вот именно поэтому приграничные войска и были так быстро окружены и разбиты. И.В. Сталин, опасаясь спровоцировать немцев на

агрессию, не осуществил мобилизации. Некоторые части были даже отведены от границы!

Только 2 июля 1941 года Гудериан написал: «18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слабы».

2 июля — через 10 дней после начала войны — Гудериан впервые узнал о танке Т-34. Где это произошло? Гудериан словно предвидит этот вопрос: «2 июля части танковой группы находились...18-я танковая дивизия — в Борисове». Это — к востоку от Минска, на 60 километров ближе к Москве. Под Борисовом вступила в бой 1-я Московская мотострелковая дивизия, обеспеченная танками Т-34 в числе первых.

У командующего 3-й танковой группой Г. Гота читаем: «На авто-страде под Борисовым русские применили 3 июля мощную, поддержанную авиацией и танками контратаку, направленную против образованного там плацдарма. Здесь впервые появились танки Т-34» (Г о т Г. Танковые операции; Г у д е р и а н. «Танки — вперед!» С. 84).

По Суворову — Резуну, танковый кулак Сталина был подведен к самой границе и ожидал приказа. По свидетельству бравших Минск командующих немецкими 2-й и 3-й танковыми группами, половиной танковых сил немцев, танки Т-34 не защищали даже Минска, столицы союзной республики!

Но танков у Красной Армии действительно было много. Говорит ли это о стремлении Сталина напасть на Германию?

У русских, по Гудериану, в 1937 году было 17 000 танков. Эта цифра объяснима — японцы вторглись в Китай, двигаясь к советским и монгольским границам, китайцы пытались захватить КВЖД, англичане в 1927-м чуть не начали войну с СССР, Гитлер хочет уничтожить «недочеловеков», Муссолини воюет в Эфиопии, но имеет виды и на иное, Польша, Англия и Германия сближают позиции, Испания почти под фашистским сапогом, французские спортсмены приветствуют Гитлера на берлинской Олимпиаде фашистским салютом — и так далее.

У немцев же, можно сказать, танковых войск не было. Не потому что они миролюбивы, а как раз из-за их исконной воинственности. Ограничения Версальского договора после Первой мировой войны все еще давали о себе знать.

Итак, 17 000 советских танков — и почти полное отсутствие немецких.

И Сталин не нападает.

Потом 1938 год. У Сталина еще больше танков. Много больше, чем у Германии. Сталин не нападает.

Потом 1939-й. Появляется танк КВ-1. Такого в Германии нет (в Англии есть — «Матильда», во Франции — В1тер). Сталин не нападает.

Потом 1940-й. В массовую серию пошел Т-34. В Англии есть «Валентайн», во Франции — S35. Но в Германии нет. Сталин не нападает.

1941 год. Гитлер нападает на Югославию, с которой СССР связан договором. СССР может оказать военную помощь. Для войны с Германией предлог лучше некуда: Россия заступилась за сербов и в Первую мировую. Сталин не нападает на Германию, его войска стоят тремя эшелонами.

22 июня 1941 года. Гитлер нападает на СССР. В 1941—1945 годах гибнет 26 миллионов русских. Виноват, по Суворову — Резуну, в этом Сталин.

Суворов — Резун пишет:

«Вспомним, Советский Союз перед войной имел три центра производства танков — Ленинград, Сталинград, Харьков... Но мы попали под внезапный удар... Уже в июле 1941-го поставки дизелей из Харькова прекратились. Питер не был потерян, но блокирован, а в блокированном городе, без стали и энергии, о каком танковом производстве может идти речь? Сталинград тоже не был потерян, но вокруг творились такие события, которые не способствовали ритмичной работе «тракторного» завода. Так что четыре тысячи КВ, построенных до коренного перелома войны, — это чистой воды импровизация».

В самом деле, чудеса. Все заводы потеряны, и вдруг 4 тысячи мощнейших КВ!

Ну, Сталин! Ну, у него была и военная машина! Ни одного завода — и вдруг из ничего 4 тысячи танков! Как же он разогнал, наращивая военную мощь! Не иначе, он это делал, чтобы напасть на Европу!

Однако на самом деле эти 4000 танков легко объяснимы. Суворову — Резуну следовало просто взять какую-нибудь книгу по истории танка КВ.

Центров по производству танков было не три, а четыре. Четвертый был в Челябинске, и там уже до войны было налажено производство танков — и именно танков КВ. Опытная сборка первого КВ уральского производства состоялась еще 31 декабря 1940 года. Хотя и небольшое, но производство в Челябинске уже было освоено, танки выходили; для наращивания выпуска следовало только поставить еще станки.

451 танк КВ был изготовлен в Ленинграде с начала войны до начала блокады; с октября 1941-го производство стало переводиться на Челябинский тракторный. Рабочий день составлял 11 часов, в две смены, без выходных. С потерей Харьковского завода по производству дизелей какое-то время ставили старый мотор М-17 (это к тому, что новый дизель был «сверхмощным»). Но скоро удалось наладить и самостоятельное производство дизелей. До конца года завод (переименованный в «Челябинский Кировский завод» — ЧКЗ) дал Красной Армии более 500 танков. А дальше — по нарастающей.

Теперь перейдем к Сталинградскому тракторному.

Утверждение Суворова — Резуна, что *«Сталинград тоже не был потерян, но вокруг творились такие события, которые не способствовали ритмичной работе «тракторного» завода»*, довольно странно.

Что за события творились у Сталинграда в 1941 году? Наверное, во время Смоленского сражения снаряды долетали до Волги, до Сталинграда. А при битве под Москвой пули так и свистели над головами сборщиков. И шум крутом стоял, дым курился, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел...

На самом деле, я думаю, снаряды не летали и пули не свистели. Сталинградский тракторный давал танки до августа 1942 года. «Только за 20 дней августа 1942 года СТЗ дал армии 240 танков Т-34, после чего их выпуск практически прекратился, продолжились лишь ремонтно-восстановительные работы» (Оружие победы. С. 156).

Вклад Сталинградского тракторного огромен. «По состоянию на 1 декабря 1941 года в действующей армии остался 1731 танк, из них легких — 1214. Поэтому значение тысячи танков, изготовленных сталинградцами во втором полугодии 1941 года, трудно переоценить» (Оружие победы. С. 149).

Суворов — Резун с иронией бросает:

«Историки уверяют нас, что Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году, ибо у него еще не все было готово к войне».

Внимание! Еще один урок уловок. «Историки уверяют нас, что Сталин не мог напасть на Гитлера в 1941 году...». Заметили, как поставлен вопрос? Вопрос не в том, хотел ли Сталин напасть, а в том, готов ли он был к войне, как будто его намерение напасть — уже доказанный факт. Потом Резун без труда докажет, что у Сталина был перевес в танках над Германией — и «опровергнет» этим неведомых «историков», не назвав их.

Сталин действительно мог напасть на Гитлера. Здесь никто ничего не может возразить. Он и в 1940 году мог. И в 1939-м. Но он не напал...

В главе 22 Суворов — Резун доказывает, что у немцев в 1939 году было мало танков — у русских много.

«Коммунистические историки часто скатывались с высот научного анализа в низины горлопанства, — бойко объявляет он. — Коммунисты настаивают на том, чтобы «Пантеру» считать средним танком».

Я представляю себе эту картину: сидят коммунистические историки в низинах горлопанства и оттуда хором завывают: «Пантера» — средний танк... «Пантера» — средний танк... Век воли не видать, «Пантера» — средний танк!»

Читаем книгу создателя немецких танковых войск Г. Гудериана «Танки — вперед!»:

«Началось запланированное еще в 1940 году производство тяжелых танков «Тигр», а также обладавших большой маневренностью средних танков «Пантера».

Ну, наконец-то мы знаем имя хоть одного из анонимных «коммунистических историков»! Это фашистский генерал Гейнц Гудериан! Это именно он, вспоминая бывший поход на Москву, *«скатывается... в низины горлопанства»!*

Ох, наверное, ему и трудно было быть коммунистом и при этом носить на кителе Железный крест. Утром убеждать фюрера не поворачивать на Киев, а продолжать наступление на столицу большевиков, а вечером стучать на ключе: «Юстас — Алексу. Гитлера убедить не удалось. На Москву он не идет». Днем брать в плен красноармейцев, а по ночам, при свете коптелки, вести среди них партийно-политическую работу?..

Суворов — Резун, в отличие от Гудериана, — знаток немецких танковых сил. Он считает, что «Пантера» не была средним танком.

«Нам надо ввести общую систему отсчета. Не имеет значения, какую именно. Важно — единую. Лучшее всего — ту, которая существовала в годы войны в Америке. Мы говорим о советских и германских танках, поэтому американские стандарты как бы нейтральная система — никому не обидно. Британскую использовать нельзя — британские делились не по весу, а по назначению на пехотные, крейсерские и т.д. Другие страны не выпускали танки во всем спектре весовых категорий, поэтому собственных систем классификации не имели. Использование американской системы предпочтительно и потому, что она была простой и логичной: все танки до 20 тонн — легкие, до 40 — средние, до 60 — тяжелые. Использование Америкой метрических тонн для классификации своих танков было вызвано тем, что американским танкам предстояло действовать главным образом в Европе, где мосты делили на классы через 20 тонн. С американской системой было проще всего работать: перед вами 40-тонный мост — значит, по нему пройдут любые танки, кроме тяжелых».

Исходя из этой системы, Суворов — Резун утверждает, что все немецкие танки были легкими.

Любой читатель, дойдя до этого умозаключения Суворова — Резуна, задастся вопросом: как же Гитлеру удавалось всех бить одними легкими танками?

На самом деле дело обстояло следующим образом. Прежде чем строить свои танки, немцы тщательно изучили вопрос с весом. Проведя исследование мостов, они пришли к выводу, что почти все мосты выдерживают вес в 24 тонны. Немецкая танковая доктрина исходила из идеи блицкрига, быстрого продвижения, стремительного захвата мостов, создания плацдармов, обхода противника через небольшие мосты с тыла — и потому немцы решили ограничиться танками не более 24 тонн весом. В СССР подобного исследования не провели, и потому в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков сетует: «Многие мосты не выдерживали веса средних танков и артиллерии».

24 тонны были верхней планкой, до этой планки было деление по калибру орудия. «Танк артиллерийской поддержки» Т-IV имел калибр 75 мм, поскольку снаряд в 75 мм давал много осколков и успешно поражал пехоту и расчеты артиллерийских орудий. Средний танк Т-III имел пушку калибром 50 мм со сравнительно большой начальной скоростью снаряда и в первую очередь должен был бороться с бронетехникой противника. «Тяжесть» танка определялась по «тяжести» орудия.

Теоретик немецких танковых войск Г. Гудериан желал иметь всего два типа танков, в том числе один — сравнительно легкий, с противотанковым вооружением. В середине 30-х годов таким «противотанковым» танком был Т-II с его 20-мм автоматической пушкой. В Испании, однако, этот танк надежд не оправдал — и в конце тридцатых появились танки Т-III.

С началом войны в России калибр и длину немецких танковых орудий пришлось еще увеличить. У «Пантеры» было длинноствольное 75-мм орудие, этот танк стал танком маневренного боя с бронетехникой противника, и потому немцы называли его средним. Что касается тяжелого танка «Тигр», то он обстреливал противника на дальних дистанциях, и весьма успешно, а сам «Тигр» с его толстой броней был почти неуязвим на дальних дистанциях. На ближних же дистанциях «Тигр» был беспомощен: тяжелая башня поворачивалась медленно, толстая броня на коротких дистанциях от снарядов не защищала, длинный ствол после поворота качался, так что танк не мог выстрелить сразу.

Но Суворов — Резун всех этих нюансов боевого применения танка не знает. Из всех классификаций он выбрал самую примитивную, американскую — разделение на 20, 40 и 60 тонн. Во время войны эта ошибочная классификация американцев подвела. Подъезжая к мосту на среднем танке «Грант» весом в 27 тонны, американские танкисты гадали, провалится их танк или нет, — тогда как немцы на своих Т-III и Т-IV последних модификаций уверенно въезжали на любой мост. Кроме того, когда у американцев встал вопрос о вооружении легкого танка «Стюарт» более мощной пушкой, от этого отказались, поскольку танк относился к классу легких, а его вес при перевооружении превысил бы 20 тонн. Пришлось под мощное орудие делать совершенно новый танк, М24 «Чаффи», весивший буквально чуть-чуть меньше 20 тонн.

В конце концов американцы от своей нецелесообразной классификации по мостам отказались; разделение между средними и легкими танками было произведено только по их применению, тяжелыми же стали считаться танки, которые весили более 50 тонн. В 60-х годах разделение на тяжелые и средние танки исчезло вообще; появилось новое понятие: «основной боевой танк». Легкие же танки свое название сохранили, хотя по весу и вооружению (обычно 105-мм орудия) весьма сравнивались с «основными боевыми танками».

Классификация других стран во время Второй мировой войны была много разумней той, что применяли во Вторую мировую американцы. К примеру, японская и английская классификации основывались на функциональном назначении танков и жестко не зависели от веса.

Теперь же, спустя полвека, Суворов — Резун реанимирует истлевший труп американской классификации. Но даже при этом ему приходится прибегать к подлогам:

«Теперь обратимся к танкам Гитлера.

В 1941 году у него были танки четырех типов: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV...

Вывод: все германские танки были легкими. Все — весом до 20 тонн. А Т-I и Т-II — очень легкими...»

Конечно, это ложь.

Настоящее серийное производство танка Т-III началось с 1938 года, с модели Т-III Е в 19,5 тонны, но появившаяся в 1940 году модификация Т-III Н имела 21,8 тонны. Таким образом, на 1941 год немецкие танки не могут быть признаны легкими даже по классификации Суворова — Резуна.

Кстати, Суворов — Резун чуть раньше, на странице 355, сам же упоминает про вес немецких танков:

«Война началась, Сталин выставляет свои танки KB-1 весом 47 тонн и KB-2 весом 52 тонны (и Т-35 весом 50 тонн), а у Гитлера ничего подобного нет, и он вынужден выставлять лучшее, что у него нашлось, — средние Т-III и Т-IV весом 20—21 тонна».

Суворов — Резун не помнит то, что сам же пишет. Как в «Джентльменах удачи»: «Здесь — помню, здесь — не помню».

Не помня, что он пишет, Суворов — Резун делает утверждение, что немецкие танки были легкими, после чего принимается яростно обличать:

«И вот выступает Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев (ВИЖ. 1991. № 4. С. 31) и рассказывает истории о том, что Советский Союз вообще ни к чему не был готов и в 1939 году был вынужден спастись дипломатическим маневром — пактом Молотова — Риббентропа: «При отсутствии этого договора Советский Союз оказался бы вовлеченным в войну в 1939 году в условиях еще более невыгодных, чем в 1941 году».

Эту страшилку нам доблестные маршалы 50 лет рассказывали: если бы Молотов 23 августа 1939 года не подписал пакт о начале Второй мировой войны, то Гитлер напал бы на Польшу, разгромил бы ее в сентябре и дальше пошел без остановок до Минска, Смоленска, Москвы, Куйбышева и дальше, и дальше, и дальше.

Жутко. Тому, кто не понимает. Возразим. Во-первых, достоверно установлено, что приказ на разработку плана нападения на Советский Союз был отдан Гитлером 21 июля 1940 года. До этого никаких планов войны против Советского Союза и даже теоретических разработок германские генералы не имели. Следовательно, страхи Сталина были необоснованными (если таковые вообще имели место)».

Прервем цитирование.

Насчет Гитлера верно. Свой приказ Гитлер отдал 21 июня 1940 года.

Книгу «Майн кампф» он написал в 1924 году. Там действительно нет никаких планов войны против Советского Союза. Просто написано:

«Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоеван немцами. Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать это».

Все вполне миролюбиво. В той же книге:

«Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России. Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится самым веским подтверждением правильности расовой теории».

Сталину действительно нечего бояться Гитлера.

В 1933-м, 2 февраля, — то есть через три дня после назначения канцлером, — Гитлер изложил главнокомандующим сухопутными войсками, военно-воздушными и военно-морскими силами основы внутренней и внешней политики Германии:

«Возможно... завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация...» (Цит. по: Б е з ы м е н с к и й Л.А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964. С. 43—44).

Удивительно, почему некоторые приняли эти слова за желание напасть на Россию? А ведь были такие чудaki.

В 1933-м М.М. Литвинов на сессии ВЦИК, говоря о начале нового периода международных отношений — периода империалистических войн, процитировал «Майн кампф»: «Прорубить путь к расширению на Востоке с помощью огня и меча».

Чисто фигуральное выражение, сказанное для острого словца, сгоряча, в пылу полемики. И чего советский нарком иностранных дел испугался?

В 1934-м, на следующий год после прихода Гитлера к власти, Сталин говорил в выступлении на XVII съезде:

«Третьи думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса» против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней» (С т а л и н И.В. Сочинения. М., 1949. Т.13. С. 295—296).

Тоже сказано в пылу полемики, для перчинки, для сольца.

Но съезд этой сталинской перчинки не понял и принял постановления, призванные усилить военную мощь Советского Союза.

А не надо было готовиться к войне. Надо было читать Суворова — Резуна.

В секретном меморандуме от 26 августа 1936 года об основных задачах «четырёхлетнего плана» рейхсканцлер фашистской Германии обосновал форсированную подготовку экономики страны к войне неизбежностью «исторического столкновения» с Советским Союзом. Развивая идею о «необходимости» разбить СССР любыми методами, Гитлер напыщенно заявлял, что «потомки не спросят нас, какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились».

«Жутко. Тому, кто не понимает», — считает Суворов — Резун. Кто понимает — бояться нечего. Тут наш мыслитель абсолютно прав.

Прав он и в том, что до 21 июля 1940 года *«никаких планов войны против Советского Союза и даже теоретических разработок германские генералы не имели»*.

Когда 21 июля 1940 года Гитлер поручил фон Браухичу подготовку к походу на Восток, тот сразу заверил фюрера, что компания «продлится от четырех до шести недель» и что целью ее «будет нанести поражение русской армии или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлину и Силезскому промышленному району безопасность от налетов русской авиации». Браухич считал, что проведение операции потребует от восьмидесяти до ста немецких дивизий; силы русских он оценивал «в пятьдесят — семьдесят пять боеспособных дивизий» (От «Барбароссы» до «Терминала». С. 35).

Не имели генералы теоретических разработок. Браухич — не генерал, он — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий сухопутными силами Германии.

План «Грюн» — план захвата Чехословакии, разработанный в 1938 году, — предусматривал и действия на случай вступления в войну на стороне Чехословакии Англии, Франции и Советского Союза. Согласно этому плану, утвержденному Гитлером 30 мая 1938 года, на западной границе ставились лишь слабые заслоны, поскольку фюрер резонно считал, что Англия и Франция не будут вмешиваться, — зато подробно рассматривались действия в случае «оказания военной помощи Чехословакии со стороны СССР, в частности, военно-воздушными силами» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1971. С. 655).

Так что, не было у немецких генералов теоретических разработок.

Ну ни в чем Суворов — Резун не врет. Он прав. Нечего Сталину было беспокоиться. Спал бы себе на ближней даче, пил грузинское вино, смотрел бы со Светланой «Волгу-Волгу» в личном кинотеатре, драл бы ремнем Василия за плохое поведение...

А теперь разберем, прав ли был маршал С.Ф. Ахромеев, считая, что без пакта Молотова — Риббентропа *«Советский Союз оказался бы вовлеченным в войну в 1939 году в условиях еще более невыгодных, чем в 1941 году»*.

Чтобы разобраться в этом — посмотрим на карту 1939 года.

Польша на этой карте выглядит как-то странно: она увеличилась за счет Чехословакии.

С чего бы это она, Польша, вдруг внезапно пополнила?

А потому что в 1939 году Польша стала первым военным союзником фашистской Германии.

После Второй мировой войны из политических соображений — и у нас, и на Западе — писалось, что Чехословакию захватил Гитлер. На самом деле оккупацию осуществляли три страны: Германия, Польша и Венгрия. Германия в 1938 году захватила Судетскую область и в 1939-м превратила в протекторат западную часть Чехословакии. Польша отторгла себе Тешинскую область Чехословакии; кусочек ее оторвала себе и Венгрия.

Когда Гитлер уже изготoвился к броску на Чехословакию, президент Бенеш обратился за помощью к Франции и СССР, которые имели военный договор с Чехословакией. Франция соблюдать этот договор отказалась. СССР же, обязанный соблюдать договор только в случае оказания помощи Францией, решил все-таки оказать помощь союзнику в одиночку. В приграничных областях была произведена мобилизация, но... Польша отказалась пропустить советские войска. Мало того, Польша выдвинула свои притязания к Чехословакии и придвинула к ее границам свои войска.

Закон моря: когда одна акула истекает кровью — на нее набрасываются все другие акулы.

Сталин предупредил поляков, что вторжение будет стоить им польско-советского договора о ненападении. Однако Польша совершила агрессию.

Это у нас замалчивалось раньше — замалчивается и сейчас. Нет этого и ни в одном документальном английском или американском фильме, показанном в России. Наоборот, Польша в этих фильмах изображается эдаким терзаемым Иисусом Христом, распятым злодеями Гитлером и Сталиным.

Если Иисус и был, то им была Чехословакия: распинали ее и англичанин Чемберлен, и француз Даладье, и немец Гитлер, и диктатор Польши Рыдз-Смиглы. Давно, еще в 1920 году тот же Рыдз-Смиглы, главнокомандующий польской армией, распинал и Россию — вместе с Англией и Францией.

Были они, все вместе, не прочь это сделать и в 1939-м. В конце октября комитет начальников штабов Англии даже рассматривал вопрос «о положительных и отрицательных сторонах объявления Англией войны России».

И кое-кто из французов любил Россию не очень. Возглавлявший французское командование в Сирии и Ливане генерал Вейган предлагал «сломать хребет СССР». Тем, кто почему-либо плохо помнит исто-

рию Франции — есть такие, — уточню: генерал Вейган — тот самый советник, что руководил в 1920-м разгромом войск Тухачевского в Польше. В 1918-м он был начальником штаба верховного главнокомандования Франции, когда ее предали большевики, — ненависть его к ним понятна.

В 1939 году Вейган пользовался большой популярностью в армии, а в 1940-м возглавил генштаб. Но это уже тогда, когда немцы шли в глубь Франции, так что Вейган оказался в числе тех, кто сдал Париж, а затем и Францию немцам. Французы теперь при одном упоминании о Вейгане плюются.

Но это теперь.

Кроме всех вышеперечисленных «друзей» России, существовал также Антикоминтерновский пакт Германии, Италии и Японии. Пакт, направленный не только против СССР, но и против «демократий», хотя Япония желала видеть пакт направленным лишь против СССР. Только с заключением пакта «Молотов — Риббентроп» разобидевшаяся Япония, опасаясь, что ее кинут еще раз, направила свои алчные взоры в другом направлении. Только с пактом «Молотов — Риббентроп» единый антисоветский фронт Польши и Германии, Англии и Японии был ликвидирован.

Следующую, 24 главу, Суворов — Резун захватывающе озаглавил: «Свидетель найден!» В этой главочке он гневно отмечает враждебные выпады против него некоего гражданина Израиля Г. Городецкого.

Пух и перья летят из Городецкого, который усомнился в существовании планов нападения Сталина на Германию. Городецкий считает, что немцы вполне могли договориться с англичанами о совместной борьбе с русскими.

Суворова — Резуна, гражданина Британии, это прямо вывело из себя.

«Теперь вспомним факты, — гневно бросает он гражданину Израиля. — Британия объявила войну Германии 3 сентября 1939 года... Война между Британией и Германией была вовсе не такой странной, как нам ее описывают коммунисты... В октябре 1939 года германская подводная «У-47»... утопила британский линкор «Ройал Оук»... В декабре британские крейсера в Южной Атлантике в ходе продолжительного боя повредили и загнали в нейтральный порт германский «карманный линкор» «Граф Шнее», где тот был затоплен экипажем».

Жуткая бойня! 3 сентября 1939 года началась война, а уже в октябре англичане теряют один линкор, а в декабре пострадали и немцы!.. О, какие чудовищные сражения происходили на просторах Атлантики! Два корабля — с 3 сентября по декабрь! Такое не снилось и солдатам Сталинграда...

И в самом деле, и почему это «коммунисты» назвали войну «странной»? Вполне нормальная война. В нейтральный порт англичане загнали немецкого «Графа Шнее». С ума сойти!

Ну а теперь «вспомним факты», как нам предложил Суворов — Резун.

«...Только 9 декабря английская экспедиционная армия понесла первую жертву — был убит один капрал. Общие французские потери к концу декабря 1939 г. составили 1433 человека. Потери в армии союзников от автомобильных катастроф были значительно большими. В немецких войсках на Западном фронте насчитывалось менее 700 человек в числе убитых, раненых и пропавших без вести» (В о л к о в Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. С. 27).

Настоящее побоище — особенно для англичан: капрала убили.

С чего это вдруг такая жестокость?

В Англии и Франции еще надеялись превратить «ненужную» войну с Германией в «нужную» в СССР. Армия мобилизована, прессе — в связи с военным положением — заткнут рот, ну и самое время двинуть войска на Советы. Была даже разработана «Операция «Баку» по захвату русской нефти.

Но не удалось. В мае 1940-го немцы перешли в стремительное наступление и прервали «странную войну». Англичанам, поспешно убравшим на свои берега, пришлось пожалеть о своих больших аппетитах.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна.

«После разгрома британских и французских сил на континенте в мае 1940 года Черчилль 4 июня произносит свою самую знаменитую речь: «Мы никогда не сдадимся». 30 июня германские войска захватили Нормандские острова. В тысячелетней истории Британии это первый случай, когда противник захватил часть британской территории».

Первый случай в тысячелетней истории? Да неужели?

Чтобы убедиться в компетентности Суворова — Резуна как историка, обратимся к какой-нибудь серьезной книге, описывающей историю Британии. Я выбрал книгу «Эпоха викингов в Северной Европе» Г.С. Лебедева.

На странице 21 читаем: «13 ноября 1003 г. по тайному приказу английского короля все датчане, находившиеся в Англии, были истреблены. Свейн с многочисленной армией вторгся в Англию и после опустошительной трехлетней войны полностью подчинил страну».

Поясним: Свейн был датчанином.

«В 1016 году преемник Свейна, Кнут Могучий, вторгся в Британию и добился полного контроля над страной».

Кнут тоже был датчанином. Выходит, Британию датчане за последние 1000 лет завоевывали дважды. Читаем дальше:

«...28 сентября 1066 г. на берег Англии высадились воины нормандского герцога Вильгельма...»

Поясним: герцог Вильгельм прибыл из Франции. Правящий класс Британии потом говорил по-французски несколько столетий.

«14 октября 1066 г. на полях Гастингса они разгромили победителей Хардрады, разом положив конец и англо-саксонскому периоду истории Англии и эпохе викингов в Северной Европе».

Итак, с исторической компетентностью у Суворова — Резуна не все в порядке. Видимо, он, проживая в Англии, просто ничего не слышал про историческую битву при Гастингсе, судьбоносную в английской истории. Это вполне извинительно: занимаясь написанием книг по истории, он не имел права отвлекаться на чтение других исторических книг.

Но вот что странно: в Англии-то каждый знает про битву при Гастингсе, в отличие от полуграмотного советского разведчика. А все равно печатают там книги Резуна.

Англичане прекрасно знают, что печатают ложь. Но печатают. По какой причине?

Но читаем откровения Суворова — Резуна далее:

«Итак, между Германией и Британией шла жестокая война. Мог ли Черчилль воевать против Гитлера и в то же время объединить свои силы с Гитлером... и напасть на Сталина?

...И вовсе не в том вопрос, чей пьяный бред повторяет Городецкий».

Прервемся.

Чтобы восхититься, как красив и богат язык Суворова — Резуна, маститого английского писателя! В самом деле, нужно больше, шире, полнее использовать, как он, народную, уличную речь: «пьяный бред», «сивая кобыла», «тупой мерин».

«Что-то слышится родное в долгой песне ямщика...»

Но все же, как бы тонок и изыскан ни был язык известного английского писателя, отвлечемся от формы и обратимся к сути содержания: мог ли Черчилль воевать против Гитлера, а потом вдруг объединить свои силы с Гитлером и напасть на Сталина?

Ответ читатель, конечно же, знает, а мы ответим только Суворову — Резуну: в конце войны Черчилль приказал Монтгомери собирать немецкое оружие, чтобы быть готовым раздать его немцам для войны с русскими...

Суворов — Резун этого не знает, а потому пишет:

«Прежде всего объединения Германии и Британии в ходе войны не могло быть. Это понятно каждому».

Каждому Суворову — Резуну это понятно.

Нам это — непонятно. Британия, воюя в 1940 году против Германии в союзе с Францией, например, в том же 1940-м торпедировала французские военные корабли. Англо-французские вооруженные силы терпели поражение, и у британцев возникло опасение, что французские корабли будут захвачены немцами и использованы для высадки на Британские острова.

Многие французские моряки — союзники Британии — при этой акции погибли!

Британия не имеет неизменных союзников — она имеет лишь неизменные интересы, и об этом неоднократно говорили сами британцы.

Исходя из своих интересов, после Второй мировой англичане, по сути, предали советских солдат, погибших в войне против фашизма, — объявив «холодную войну» их детям. Объявив войну нашим отцам и матерям. Если бы не англичане и не американцы, после войны ваш отец не смотрел бы с завистью на тех, кому в столовой досталась горбушка, а ваша мать не ходила бы с сестрой в школу по очереди, имея одну обувь на двоих.

«Генерал-полковник Волкогонов, вы верите в то, что остатки выбитых с Крита британских дивизий Черчилль мог объединить с гитлеровскими десантниками, которые только что их побили, и бросить их на Ленинград?»

Вы, генерал-полковник, в такое не верите? Тогда, может быть, вы верите в то, что Сталин с Молотовым и Жуковым были глупее вас и в такую возможность верили?

Теперь расскажите, генерал-полковник, почему вы принимали участие в написании такой гадости?»

«Гадости» — тоже сильный аргумент. Богат, силен язык английского писателя. Когда нет аргументов — прибегает к ругани.

Но я не английский писатель, поэтому предпочитаю факты. В возможность прервать войну между Германией и Британией и выступить единым фронтом против России верили и в самых верхах Германии, и в самых верхах Британии и США.

«Помимо саботажа второго фронта союзники продолжали сепаратные переговоры Англии и США с Германией. Политики этих стран надеялись спасти американский империализм и милитаризм путем устранения Гитлера от власти и формирования нового правительства, с которым можно было бы заключить сепаратный мир. Аллен Даллес организовал путч недовольных генералов группы Герделера—Бека—Вицлебена. немец

Однако покушение на Гитлера, организованное через агентов Англии и США главой абвера адмиралом Канарисом и Гизевиусом, состоявшееся 13 марта 1943 г., не удалось. Бомба, положенная в самолет Гитлера, летевшего из Смоленска в его ставку в Растенбург, в Восточной Пруссии, не взорвалась» (Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 249).

Даже в 1944-м немцы надеялись создать единый фронт против большевиков.

«Дважды Роммель пытался поставить Гитлера в известность о критическом положении Германии. И каждый раз безрезультатно. А ведь Роммель мечтал договориться с англичанами о том, чтобы выступить совместно против русских» (Чудеса и приключения. 1998. № 6. С. 24). К слову, Роммель не просто генерал, а именно тот генерал, который воювал против англичан.

Поскольку Гитлер упорствовал, Роммель присоединился к заговорщикам, планировавшим покушение на фюрера. Дубовый стол спас фю-

рера, и Роммель был казнен. Но не переставь один из офицеров портфель с бомбой, все могло быть иначе...

Далее Суворов — Резун снова набрасывается на Городецкого — на этот раз за его мнение, что советские ВДВ перед началом Великой Отечественной войны не были серьезной боевой силой.

«По Городецкому, бригада была одна, да и та небоеспособная.

А у меня другие сведения. Понятно, я не об одной бригаде буду говорить, а минимум — о корпусе. Итак, И.А. Самчук, «Тринадцатая гвардейская. Боевой путь 13-й гвардейской Полтавской ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии» (М., Воениздат, 1971. С. 6). Автор, ссылаясь на множество архивных документов, сообщает, что 3-й воздушно-десантный корпус, из которого происходит 13-я гвардейская, имел в своем составе три бригады: 212, 5 и 6-ю. «Первая из них имела хорошую боевую и специальную подготовку, самое главное — обладала боевым опытом, так как участвовала в боях на реке Халхин-Гол. 5-я и 6-я воздушно-десантные бригады были укомплектованы старослужащими красноармейцами. Напряженная боевая учеба шла день и ночь... Парашютные прыжки совершались ежедневно».

Так что не призывники, как у Городецкого, а старослужащие. И на этот момент следует обратить внимание».

Вот так надавал по щекам Суворов — Резун Городецкого. Старослужащие красноармейцы были. Бригада была боееспособной.

Но обратившись к книге, что цитирует Суворов — Резун, как всегда, находим подлог.

Текст выглядит так:

«В конце июня приступил к боевой и политической подготовке 3-й воздушно-десантный корпус, в состав которого входили 212, 5 и 6-я воздушно-десантные бригады.

Первая из них имела хорошую боевую и специальную подготовку, а самое главное — обладала боевым опытом, так как участвовала в боях на реке Халхин-Гол. 5-я и 6-я воздушно-десантные бригады были укомплектованы старослужащими красноармейцами» (С а м ч у к И.А. Тринадцатая гвардейская. С. 6).

Суворов — Резун выбросил абзац, начинающийся словами «в конце июня» — 1941-го, имеется в виду. А из этого абзаца видно, что только с началом войны 3-й воздушно-десантный корпус приступил к боевой и политической подготовке. На 22 июня 1941 года корпус, конечно, был еще не готов.

А Суворов — Резун продолжает обличать Городецкого:

«Описание 3 вк в книге И.А. Самчука (и во множестве других книг и статей) полностью соответствует тому, что сообщает генерал-полковник А.И. Родимцев, служивший в этом корпусе: в 212-й бригаде по 100—200 прыжков на брата, у командира бригады полковника И.И. Затевахи-

на — за 300, в двух других бригадах — не такие показатели, но вполне достойные, и подготовка идет днем и ночью».

Извините, господин Суворов — Резун, что это за «достойные успехи», коли солдат только еще начали учить — с прыжков в песок? У любого такие прыжки будут достойными.

«Вопрос: кому верить, Родимцеву или Городецкому?»

Я не навязываю читателю своего мнения. Чего стоит мнение врага всего прогрессивного человечества?

«Пусть мой читатель сам выбирает, кому верить».

Тут возразить нечего.

Обругав Городецкого, Суворов — Резун начинает подстрекать. Наш стукач еще и подстрекатель!

«Братья-десантники, вам намекнуть, что надо делать?»

«Или, может быть, вы будете честь свою защищать без подсказок?»

«А заодно и честь своей Родины».

О чести Родины думает Суворов — Резун. Ночей не спит — думает: «Как там она, честь моей далекой Родины? Думают ли о ней воины-десантники? Я убежал из СССР, сдал британской контрразведке советских разведчиков, книгу написал о советской разведке, со всеми фамилиями. Если все будут такими, как я, кто же будет думать о чести Родины? Кто будет хранить ее и оберегать? Кто будет выносить знамя полка, петь российский гимн, приносить цветы к памятникам?»

Беспокоится об этом Суворов — Резун, тревожится, ночей не спит. Книги пишет: вы там, в России, не забывайте о чести Родины. Пока я тут, на далекой Британщине, грязью ее обмазываю.

Не забывайте, товарищи десантники, о чести Родины!

На этой патетической ноте книга завершается словами «Конец первой части».

Второй части мы так и не увидели. Суворов — Резун обманул нас и тут.

КАК СТАЛИН БОРОЛСЯ СО СВОЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВИАЦИЕЙ

Теперь перейдем к следующей книжечке Суворова — Резуна — «День «М». Тоже весьма занятная.

В ней он с прежним упорством утверждает, что Сталин готовил нападение на Европу, и выказывает столь удивительное незнание действительных фактов, так что читатель приходит к абсолютно противоположному выводу.

Начинается «День «М» с обращения «Моему читателю».

«Монументальный символ «великой отечественной» — «воин-освободитель» с ребенком на руках. Этот образ появился в газете «Правда» в сентябре 1939 года, на третий день после советского «освободительного похода» в Польшу. Если бы Гитлер не напал, то мы все равно бы стали «освободителями».

Версия появления памятника в Трептов-парке у Суворова — Резуна чрезвычайно любопытна, поскольку совершенно отличается от традиционной.

Всегда считалось, что Е.В. Вучетич видел в качестве символа победы и освобождения Европы памятник Сталину, который и был им создан. Но во время боев за Берлин ему стал известен поразивший его факт: советский солдат вынес немецкую девочку с простреливаемой ничейной полосы (заметим, что в Берлине произошло еще несколько таких случаев — два советских солдата при этом погибли).

Так вот, Вучетич создал скульптуру с того самого солдата, который вынес немецкую девочку из зоны огня, — и представил ее на конкурс работ, лучшую из которых решено было установить в Берлине. Сам Вучетич полагал, что будет принята созданная им скульптура Сталина, — однако вождь, ознакомившись с работами, среди которых было много монументов ему, Сталину, подошел к Вучетичу:

— Скажите, вам не надоел этот, с усами?..

Резонно решив, что скульптурное его изображение в Берлине неуместно, Сталин выбрал монумент солдата с девочкой на руках, но предложил скульптору сменить автомат на меч, придав тем скульптуре символическое значение. Только после этого скульптура — изображение ре-

ального человека, действительно спасшего немецкого ребенка, — стала символом советского воина-освободителя.

Естественно, зная, что монумент в Трептов-парке был изваян с солдата, воевавшего в Берлине в мае 1945 года, читатель Суворова — Резуна наверняка усомнится в том, что этот символ был уже до войны. Не поверит он и идее Суворова — Резуна, что Сталин готовил в 1941 году освободительную войну в Европе. Чтобы читатель укрепился в этой мысли Суворов — Резун подбрасывает новые нелепые аргументы насчет якобы замысленного Сталиным нападения:

«После выхода «Ледокола» кремлевские историки во множестве статей пытались опровергнуть подготовку Сталина к «освобождению» Европы». Доходило до курьезов. Один литературовед открыл, что слова песни «Священная война» были написаны еще во времена Первой мировой войны, Лебедев-Кумач просто украл чужие слова и выдал за свои. Мои критики ухватились за эту публикацию и повторили ее в печати неоднократно: слова были написаны за четверть века до германского нападения!

Правильно.

Но разве я с этим спорю? Разве это важно? Сталину в ФЕВРАЛЕ 1941 года понадобилась песня о великой войне против Германии. И Сталин такую песню заказал — вот что главное.

Сталин заказал песню...

Это нужно было ему для агрессивной войны.

Проверим. В песне поется: «Не смеют крылья черные над Родиной летать, поля ее просторные не смеет враг топтать».

Наступательная ли это песня? Допустим, да. Как нога советского солдата ступит на немецкую землю, так он тут же и затянет ее: «Поля ее огромные не смеет враг топтать»...

Конечно, солдата спросят его боевые товарищи: «Где ты видел, чтобы немец топтал наши земли?» Наш боец отмахнется: «Вы ничего не понимаете, это — чисто наступательная песня».

Бойцы не унимаются: «Это же мы топчем чужие земли. Выходит, это ты нас считаешь грабителями и насильниками?»

Боец молчит и думает: «Вот гад Соловьев-Седой! Ведь поручили ему наступательную песню написать, а написал оборонительную».

А бойцы свирепеют. Их раньше насильниками никто не называл. Начинается самосуд. Народ в 1941-м был крестьянский, закаленный в драках деревня на деревню, без свинчатки или гирьки в Красную Армию служить не ходил.

Прибегает лейтенант: «Отпустите его! Вы что, озверели?» Бойцы потрясают в воздухе кулачищами: «Он нас, сука, называет душителями детей».

Лейтенант отправляет то, что осталось от бойца, для разбирательства в соответствующие органы. Органы начинают выяснять, кто заказал эту вредительскую, антисоветскую песню.

Каким же будет их удивление, когда они установят, что заказал эту песню сам Сталин!

Да, Суворов — Резун так и пишет:

«Сталину в ФЕВРАЛЕ 1941 года понадобилась песня о великой войне против Германии. И Сталин такую песню заказал — вот что главное».

Итак, по Суворову — Резуну, главное — Сталину понадобилась не наступательная, а оборонительная песня.

Опять Суворов — Резун странным своим способом убеждает нас в миролюбии советского вождя.

Разъяснив читателю таким образом, какой видел будущую войну Сталин, Резун задает читателю вопрос: *«Почему Сталин выгрузил в западных военных округах много сапог?»* Этому у него посвящена вся первая глава.

«Под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 года миллионы солдат из внутренних округов двинулись к границам, а кожаные сапоги для них уже сгружали на железнодорожных станциях вблизи границ. На станции Жмеринка, например, в начале июня 1941 года кожаные сапоги выгружали из вагонов и укладывали в штабеля у железной дороги под открытым небом».

Казалось бы, это говорит о намерении Сталина начать войну. Раз сгружали много сапог, то не иначе как для похода на Запад.

Но для тех, кто так подумал, Суворов — Резун припас сюрприз. В его книге «Ледокол» есть такие строки:

«Маршал Советского Союза С.К. Куркоткин: «Воинские части, убывшие перед войной к государственной границе... увезли с собой весь неприкосновенный запас обмундирования и обуви» (Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941—1945 гг. С. 216)».

В любой книге по истории Великой Отечественной войны мы можем найти информацию, что в мае — июне 1941 года, в связи с концентрацией немецких войск на границе, в западные районы страны перебрасывалось несколько армий. Ничего нового Суворов — Резун не открывает. Перебрасывались армии с запасами — и это давно известно.

Но почему наш советский разведчик Суворов — Резун акцентирует внимание именно на сапогах? А потому что это не наступательное вооружение. Это просто часть солдатского обмундирования. Саперными лопатками и пряжками иногда еще можно повоевать, сапогами — никогда.

Как же тонко наш советский разведчик обращает внимание читателя на миролюбие внешней политики Советского Союза и его ленинского Политбюро!.. К тому же ветераны знают, что «переобувания из кирзовых сапог в яловые» в 1941 году «для похода на Европу» не могло быть, поскольку кирзовые сапоги появились лишь во время войны; изобретатель сапожной кирзы получил Сталинскую премию первой степени. Читатель опять «аргументами» Резуна убеждается в миролюбии Сталина.

Следующую главу этой книги Суворов — Резун называет так: «Почему Сталин уничтожил стратегическую авиацию?»

Вопрос наводит на мысли. И на хорошие мысли! Была у Сталина стратегическая авиация для нападения на другие страны, а он ее уничтожил. Из миролюбия, во имя мира на земле.

Раньше, до Суворова — Резуна, все мы наивно полагали, что Сталин только и строил громадные самолеты — разные там тяжелые бомбардировщики ТБ-3, многомоторные «Максимумы Горькие» и длиннокрылые РД. А оказалось, он их уничтожал.

Ленин ему оставил стратегическую авиацию, передал из рук в руки с заветом: «Береги, Коба, стратегическую авиацию пуще партийного билета», — а Сталин, как только похоронил труп Ильича в Мавзолее, тут же накинулся на стратегическую авиацию.

Выглядело это, наверно, так. С криком «Я т-тебе покажу, стратегическая авиация!» Сталин метался с топором от одного самолета к другому, кромсая их в щепы. Не выносил Сталин стратегической авиации. Как увидит какой-нибудь большой самолет, так и выдыхает свистящим шепотом: «Не-на-вижу...»

А зря.

Суворов — Резун его за это теперь журит, приводя фотографию.

Под фотографией Суворов — Резун написал: *«Бомба весом в пять тонн для бомбардировщика ТБ-7. Если бы Сталин отдал приказ строить ТБ-7, то в ночь на 23 июня 1941 года сотни ТБ-7 могли высыпать на Берлин тысячи тонн бомб. А 24 июня повторить...»*

Читателя это мнение Суворова — Резуна озадачивает. С чего это Сталину тратить тысячи бомб на жилые кварталы Берлина, когда бомбы нужны на передовой?

«Имея тысячу неуязвимых ТБ-7, — считает Суворов — Резун, — любое вторжение можно предотвратить. Для этого надо просто пригласить военные делегации определенных государств и в их присутствии где-то в заволжской степи высыпать со звенящих высот ПЯТЬ ТЫСЯЧ ТОНН БОМБ. И объяснить: к вам это отношение не имеет, это мы готовим сюрприз для столицы того государства, которое решится на нас напасть... Но Сталин от тысячи ТБ-7 отказался...»

Каким гуманным, однако, оказался Сталин! Вот он — моральный облик советского человека. Американцы во Вьетнаме использовали «ковровое бомбометание», убивая всех мирных жителей на определенной площади. Ничего им это не дало, кроме ненависти во всем мире.

А советский человек не таков. Иосиф Виссарионович не захотел бросать бомбы. Отказался великий советский человек от ковровых бомбометаний.

Суворов — Резун подсчитал, что Сталин отказывался целых четыре раза.

«Но Сталин восемь раз свое решение менял на прямо противоположное». Четыре раза удавалось его уговорить, но, подумав, Сталин четыре раза менял свое решение.

«Отказ от ТБ-7 — это самое трудное из всех решений, которое Сталин принимал в жизни.

Это самое важное решение в его жизни. Я скажу больше: отказ от ТБ-7 — это вообще самое важное решение, которое кто-либо принимал в двадцатом веке».

Грандиозно! Суворов — Резун открыл для нас самое важное решение двадцатого века. Отказ вождя от ТБ-7.

А потом еще одно самое важное решение. Поскольку Сталин не один раз отказался от ТБ-7. А потом еще одно. Поскольку Сталин отказался не дважды. А потом еще одно — потому что Сталин отказывался в целом четыре раза.

И каждое его решение было самым важным в двадцатом веке.

«Вопрос о ТБ-7 — это вопрос о том, будет ли Вторая мировая война или ее не будет. Когда решался вопрос о ТБ-7, попутно решалась и судьба десятков миллионов людей... Понятны соображения Сталина, когда четыре раза подряд он принял решение о серийном производстве ТБ-7. Но когда Сталин столько же раз свое решение отменял, руководствовался же он чем-то! Почему никто из историков не пытается высказать предположение о мотивах Сталина?»

Таким образом, отказ от ТБ-7 — это вопрос о том, будет ли Вторая мировая война, — и историки об этом ничего не говорят! По такому важному вопросу!..

И это — само по себе еще одно открытие Суворова — Резуна, поскольку историки говорят о причинах отказа от серийного выпуска ТБ-7, и говорят много.

Историк советской авиации Д. Гай в книге «Профиль крыла» рассказывает о конструкторе Петлякове. О самолетах ТБ-7 он пишет:

«Всего за годы войны с заводских сборочных стапелей сошло около 80 тяжелых бомбардировщиков. Могло сойти и больше. Но родился самолет в трудных условиях. Неясно было, в какой степени необходим он ВВС. К тому же следует учесть расход дефицитного дюралюминия. Специалисты подсчитали: три самолета Пе-8 требовали почти столько же металла, сколько полк штурмовиков или истребителей».

Вот в чем дело! А мы-то, читая Суворова — Резуна, мучались, гадали — зачем Сталин отказался от тысячи ТБ-7? А все оказалось просто. Дело было в затратах металла, и в великих затратах.

И не только в них. Д. Гай пишет:

«Серийный выпуск давался нелегко. Сделали двенадцать машин, и вдруг затор — нет двигателей...

Через несколько недель Незваль вновь был вызван в наркомат... Шахурин объяснил решение наркомата:

— Машину надлежит переделать под дизельные двигатели».

Так вот еще в чем дело! В двигателях!

Сталин тут вообще ни при чем.

А что такое стряслось с двигателями? А то, что двигателей Александра Микулина АМ-35А (на опытные самолеты ставили АМ-34) катастрофически не хватало, поскольку их ставили не только на ТБ-7, но и на истребители МиГ-3.

Надо сказать, о двигателях Суворов — Резун упоминает. На странице 42 он пишет:

«Александр Микулин, создавший двигатели для ТБ-7, был полностью уверен, что советской промышленности такой заказ по плечу».

Вот как. Сталин хотел провести всех, а Суворов — Резун его ушутил. Привел мнение самого Микулина, что советской промышленности такой заказ по плечу.

Ссылки, конечно, нет. А зря. Именно с двигателями Микулина в 1941 году произошел кризис. Не хватало этих моторов — так не хватало, что пришлось снять с производства МиГ-3 — самый скоростной советский истребитель. На МиГ-3 ставился микулинский АМ-35А, а на Ил-2 стоял однотипный двигатель АМ-38 того же Микулина. Фронт срочно требовал Ил-2 для уничтожения немецких танков, и потому пришлось заводы по производству моторов для АМ-35А для МиГов отдать для производства однотипных АМ-38 для Илов.

Так вот. Не было больших мощностей для производства двигателей Микулина.

«Но кто мешал эти мощности нарастить?» — спросит меня какой-нибудь вдумчивый читатель.

Да никто не мешал. Проблема была вот в чем: АМ-35А в 1939 году только начали выпускать массово. Для некоторого числа МиГ-1 и МиГ-3 этого хватало, но — не больше. Больше заводов построить не успели.

Теперь посчитаем число двигателей для тысячи ТБ-7. Четыре тысячи двигателей! А в первой половине 1941 года в СССР было выпущено 4177 боевых самолетов. Это как раз те самолеты, что и сдержали фашистов. Если бы строились ТБ-7, все моторные мощности пришлось бы бросать на обеспечение этих самолетов и современной авиации у СССР в 1941 году попросту не было бы.

Было ее в 1941-м мало и без ТБ-7: из-за нехватки двигателей.

Катастрофически мало!

Директор завода М.С. Ковалев, где выпускались двигатели АМ-38, вспоминал:

«Я был в сборочном цехе, когда диспетчер сообщил мне, что нужно срочно позвонить А.Н. Поскребышеву. Вернувшись в кабинет, я набрал номер телефона, который дали мне. Поднял трубку Поскребышев и сказал: «С вами будет говорить товарищ Сталин, подождите у

телефона, я доложу». Хотя я и ждал разговора, но голос Сталина прозвучал как-то неожиданно.

— Здравствуйте, товарищ Комаров, — сказал Сталин, — можете ли вы в ближайшее время увеличить суточный выпуск хотя бы на один мотор?

Я ответил:

— Трудно и даже вряд ли возможно.

Сталин отозвался:

— Подумайте. Нужно это сделать. Очень необходимы фронту штурмовики Ильюшина.

Под впечатлением разговора я пошел в цех коленчатых валов, где до недавнего времени работал начальником цеха. Выпуск моторов лимитировали коленчатые валы. «Узким местом» при их изготовлении была операция шлифовки центральных шеек. Операция тяжелая и сложная, выполняли ее высококвалифицированные рабочие, которых я хорошо знал. Обратился к шлифовальщикам Горбунову и Абрамову с просьбой увеличить обработку за смену (11 часов) хотя бы на полколенчатых вала.

— Мы бы это сделали, товарищ директор, — отозвался Горбунов, — но покормите нас хотя бы хорошими щами. Видите, как мы опухли, еле ноги таскаем.

Посоветовавшись с работниками ОРСа, я принял решение забить несколько свиней, имевшихся на откормочной базе комбината питания. По внутренним талонам организовали питание этих рабочих. Через неделю завод повысил сдачу моторов на один в сутки...» (Шахунин А.И. Крылья победы. С. 194).

Пришлось предпринимать особые меры, чтобы увеличить производство двигателей всего на один в сутки!

Так говорят очевидцы и историки. Их мнения Суворов — Резун не знает. И потому он в недоумении.

«Почему никто из историков не пытается высказать предположение о мотивах Сталина?» — возопил он на весь мир.

Молчат историки, как скифские курганы. Молчат, как ночная степь.

И тогда Суворов — Резун приводит свою замечательную догадку:

«Во второй половине тридцатых Сталин все более склоняется к сценарию такой войны, результатом которой будет не уничтожение экономического потенциала Германии, а его захват».

Так вот в чем дело!

Вот почему такой славный самолет, как ТБ-7, не строился! Сталин готовил иного рода удар — ТБ-7 ему был не нужен!

Если бы Сталин готовил оборонительную войну, он создал бы тысячу самолетов, и Гитлер не посмел бы напасть, поскольку тысяча самолетов с бомбами в пять тонн бомб подлетела бы к Берлину и...

А раз не хотел оборонительной войны, значит, хотел наступательной.

Все логично, все сходится. Хотел Сталин на Гитлера напасть. Прав Резун Суворович!

Но... Все же еще раз обратимся к историкам, которые якобы «молчат». У Резуна в Англии нет той литературы, что есть у нас, так что историки у нас не молчат и многое нам могут разъяснить.

В книге А.С. Яковлева «Советские самолеты» на странице 232 есть утверждение, что Пе-8 (такое название получил в войну ТБ-7) появился в 1937 году, а на странице 85 в графе «год выпуска» для самолета Пе-8 стоит «1939». Это значит, что самолет проходил испытания, был принят на вооружение и был готов к выпуску только в 1939 году.

Только с 1939 года можно было начать его массовое производство! На 1 сентября 1939 года самолетов ТБ-7 было всего два (Моделист-конструктор. 1996. № 11).

Суворов — Резун никак не может понять, почему летом 1939-го, перед самой мировой войной, Сталин не грозил Гитлеру тысячью самолетов ТБ-7.

Объяснить ему, что ли? Нет, пусть это останется для него страшной тайной.

Пусть Суворов — Резун гордится тем, что открыл историческое решение Сталина — самое важное в XX веке — его отказ от производства ТБ-7.

Я лучше опишу опыт боевого применения ТБ-7 (по книге Д. Гая «Профиль крыла»). Самолеты ТБ-7 были применены в 1941 году против целей в Берлине. Что из этого получилось?

«Путь предстоит неблизкий — 2700 километров... Экипаж в кислородных масках — высота около 6 тысяч метров...

Пора набирать высоту — бомбить приказано с 8 тысяч метров... Через несколько секунд внизу вспыхивают исполинские огненные цветы — следы разрывов сорока стокилограммовых бомб...

— В правом крайнем двигателе давление масла упало до нуля, — докладывает бортинженер...

— Выключить мотор...

— Сколько осталось горючего, бортмеханик?

— Часа на четыре.

— А лететь семь с половиной. Слышишь, штурман?

— Слышу... Придется лететь по прямой.

Что ж, решение рискованное, но единственно верное. Прежний кружной маршрут, более безопасный, невозможен...

На подлете к Кенигсбергу начинается бешеный обстрел зениток.

— В одном баке течь! — докладывает бортинженер.

...Машина тяжело планирует, круша все на своем пути, сворачивая вековые сосны, и садится на землю...

Какова же судьба остальных экипажей ТБ-7, бомбивших Берлин? Пятеро из них: Бидный, Лисачев, Асямов, Чурилин и Макаренко — ус-

пешно отбомбились, возвратились на свой аэродром. Много раз они находились на волоске от гибели и все же выполнили боевой приказ.

Были и жертвы. Сразу после взлета на самолете К. Егорова отказали два дизеля, и он упал на аэродром. Подвели дизели и экипажи А. Курбана и М. Угрюмова. Им пришлось совершить на обратном пути вынужденные посадки. Самолет А. Панфилова, возвращаясь домой, был сбит над Финляндией зенитками врага. Сумев приземлиться, мужественный экипаж вырыл окоп, снял с машины пушки и пулеметы и принял оборону. Четверо суток сражались советские летчики с превосходящими силами противника. В живых остался только стрелок-радист. Последний патрон он приберегал для себя, но в пылу боя израсходовал и его... Поработав четыре года у финского помещика, он смог рассказать о том неравном бою только после Победы!

Трагичной оказалась судьба А. Тягунина и его товарищей. Их сбили собственные зенитки. Как выяснилось позже, произошла ошибка. Кто-то не сообщил зенитным частям и истребителям ПВО о пролете дальних бомбардировщиков. Выбросившись на парашюте, члены экипажа приземлились в лесу.

Итак: один вылет — и потеря пяти самолетов из десяти. Три самолета было потеряно по той причине, что из-за нехватки АМ-35А пришлось выпускать самолеты ТБ-7 с ненадежными дизельными двигателями А.Д. Чаромского и В.М. Яковлева.

Но не хватало даже ненадежных дизельных двигателей! Нарком авиапромышленности А.И. Шахурин писал в своих воспоминаниях:

«В начале войны на самолетах с авиадизелями было совершено несколько полетов в глубокий тыл Германии, в том числе и на бомбардировку Берлина. И все же окончательно двигатель не был освоен. Когда началась война, производственные мощности заводов, производивших авиадизели, переключили на изготовление танковых дизельных двигателей...» (Шахурин А.И. Крылья победы. С. 190).

Снова срыв серии! И снова Суворов — Резун недоумевает, почему Сталин решил не выпускать Пе-8.

Молчат историки. Молчат, как скифские курганы. Молчат, как ночная степь.

Единственный завод танковых дизелей В-2 до войны был в Харькове. Когда немцы захватили Харьков, выпуск танков КВ и Т-34, на которые ставились В-2, оказался под угрозой срыва. На КВ начали ставить другой мотор, М-17, из старых запасов, но запасы были невелики. И тогда было решено использовать завод, на котором производились дизельные авиадвигатели. Производство же ТБ-7 снова прекратилось.

Но Суворов — Резун прав. Историки о причинах остановки серии не говорят. Шахурин — не историк. Он нарком авиапромышленности, который уполномочен принимать подобные решения, и только.

Любопытно, что Суворов — Резун цитирует-таки Шахурина. Читал он Шахурина. И возможно, даже с карандашиком. Но приведенное высказывание его пропустил: не признал в Шахурине историка.

Ох, не признал.

Был еще один человек, в котором Суворов — Резун также в упор не видит историка, — заместитель наркома авиапромышленности авиаконструктор А.С. Яковлев, который писал:

«Пе-8 поставили в серию на одном заводе параллельно с Пе-2. Вскоре, уже в ходе войны, к этому вопросу вернулись. Пе-8 был снят с производства, и завод перешел на строительство Пе-2. Война требовала большого количества легких тактических фронтовых бомбардировщиков, какими и были Пе-2» (Я к о в л е в А.С. Цель жизни. С. 130).

Суммируя все, что было написано про ТБ-7 (Пе-8), можно разделить историю этого самолета на четыре этапа.

1. Сначала на самолет ставились моторы АМ-34ФРНБ — невысотные моторы, для которых пришлось устанавливать в фюзеляже нагнетатель — пятый мотор, АЦН-2, который и позволял увеличить высоту. Но пятый мотор снижал грузоподъемность самолета. К тому же из-за нехватки моторных мощностей долго не могли найти завода для АЦН-2. Первые экспериментальные образцы ТБ-7 испытывались с мотором-нагнетателем, но с появлением мотора АМ-35А от этого мотора отказались.

2. В 1936 году появились АМ-35А — высотные мощные моторы; выпуск серийных двигателей был освоен к 1939 году. Самолет ТБ-7 стали переделывать под этот двигатель, но скоро наступила заминка, поскольку под АМ-35А был спроектирован МиГ-1 и моторов для самолетов ТБ-7 не хватало.

3. Проблему с нехваткой двигателей для ТБ-7 решили путем установки дизельных двигателей М-30 и М-40, имеющих турбокомпрессоры. Началась более-менее массовая серия, но с началом войны мощности заводов, производящих дизели, потребовались для производства танковых дизелей. Кроме того, мощности авиазавода, где одновременно производили Пе-8 (ТБ-7) и Пе-2, переключили на остро требовавшиеся Пе-2.

4. После удачного полета Молотова на Пе-8 через фашистскую Европу Сталин дал указание возобновить выпуск самолета. Известны его предложения осуществлять бомбардировки дальних целей самолетами Пе-8 — однако руководители авиации дальнего действия в силу ряда причин предпочитали Ил-4. С появлением мощного и надежного мотора АШ-82ФН на Пе-8 стали ставить эти двигатели, которые позволяли поднять бомбу в 5 тонн. Моторы АШ-82ФН появились в 1942 году, бомбу в 5 тонн самолет Пе-8 впервые сбросил на немцев в ночь на 29 апреля 1943 года.

Итак, было четыре этапа. Каждый этап достаточно подробно описан в литературе. Все этапы связаны с нехваткой мощностей производства.

Но Суворов — Резун ни одного из этих этапов не увидел. И потому недоумевает:

«Понятны соображения Сталина, когда четыре раза подряд он принял решение о серийном производстве ТБ-7. Но когда Сталин столько же раз свое решение отменял, руководствовался же он чем-то! Почему никто из историков не пытается высказать предположение о мотивах Сталина?»

В самом деле, нигде информации нет... Никто ничего не знает...

И тогда Суворов — Резун выкладывает свое разрешение загадки:

«Во второй половине тридцатых Сталин все более склоняется к сценарию такой войны, результатом которой будет не уничтожение экономического потенциала Германии, а его захват».

Вот в чем дело! Вот почему он восемь раз менял решение!

Чтобы напасть на Европу.

Но — не вышло!

Но предположим, что Сталин все-таки создал бы армаду в 1000 машин Пе-8. Что бы это дало? Американцы-то такую армаду создали! В 1935 году у американцев появился четырехмоторный бомбардировщик «Фортресс» В-17 (см. вклейку); всего их было построено 12 726. В двенадцать раз больше того, о чем мечтал Суворов — Резун.

А Гитлер им не сдался. Наоборот, в декабре 1941-го он объявил США войну.

Почему же американцы не стерли с лица земли все немецкие города?

Обратимся к литературе.

«1 июня 1942 года первые В-17Е из только-только формирующейся 8-й воздушной армии приземлились на английских аэродромах. Отсюда им предстояло в течение последующих двух с половиной лет вести непрерывное воздушное наступление на «тысячелетний рейх». Во время этих налетов к лету 1943 года участвовали одновременно уже сотни машин. Бомбардировщики действовали сначала без истребительного эскорта — и несли тяжелые потери. «Крепости» и «либерейторы», полагавшиеся только на себя, отработали эффективный способ защиты от вражеских истребителей — эшелонированные сомкнутые боевые порядки. Такая коробочка (box — так называли ее американцы) обеспечивала мощный огонь во всех направлениях, при этом соседи могли прикрывать друг друга... Впрочем, немцы «нашли управу» на плотные боевые порядки янки и в августе 1943 года при налете на Швайнфурт впервые применили 210-мм неуправляемые ракеты. Взрыв одной ракеты поразил сразу несколько машин. «Коробочка» разваливалась, и истребители с легкостью добивали одиночек» (Моделист-конструктор. 1996. № 11).

Не справились с немцами 12 726 бомбардировщиков «Фортресс», имевшие такие же характеристики, что и Пе-8.

Хотя им помогали 19 000 четырехмоторных «либерейторов» (см. вклейку).

А также 7374 четырехмоторных «ланкастеров».

Всего Германию могли бомбить 39 100 тяжелых бомбардировщиков.

39 тысяч воздушных армад — такое и не снилось товарищу Суворову — Резуну!

И эти 39 тысяч самолетов капитулировать Гитлера не заставили.

Заставили фронтовые бомбардировщики ВВС РККА, которые не бомбили жилые кварталы, а уничтожали танки и солдат противника.

Как показал опыт англо-американской авиации, массовые бомбардировки оказались малоэффективны. Впрочем, в СССР это предвидели. Когда советских специалистов перед войной пригласили посетить немецкие авиазаводы, их провели по подземным цехам. А.И. Шахурин пишет в книге «Крылья победы»: «Советские авиаспециалисты впервые попали на подземные заводы, познакомились с оборудованием конструкторских бюро».

Вот отчет о первой массовой бомбежке Берлина английской авиацией:

«Под покровом темноты 24 сентября 1940 года британские «веллингтоны», «хемпдены» и «уйттли» прорвались к гитлеровской столице и бомбили газовые заводы, железнодорожные сортировочные станции, аэродром Темпельхоф. Из 119 бомбардировщиков Берлина достигли 84. В городе погибли 23 человека, англичане потеряли 12 летчиков, штурманов и стрелков. Одна бомба угодила даже в сад гитлеровской канцелярии, но не взорвалась».

Чтобы малоудачно побомбить Берлин, англичане потеряли только по пути к Берлину 35 самолетов. Следующий массовый налет англичане предприняли, лишь когда у них появились четырехмоторные «ланкастеры». В апреле 1942 года на бомбардировку Аугсбурга впервые отправилось 12 «ланкастеров» — обратно вернулось только 5.

Напомним, что при первом налете ТБ-7 на Берлин из 10 самолетов вернулось тоже 5. И это еще был вполне приличный результат, поскольку у Берлина была мощная ПВО, а на большую высоту с бомбами любой бомбардировщик подняться не мог.

Потому вот Гитлер и не сдался перед угрозой 39 100 четырехмоторных самолетов англо-американской авиации.

Но он наверняка сдался бы перед смертельной угрозой 1000 ТБ-7, поскольку их вели бы наши прославленные советские асы!!!

Наши асы — это не американцы. Американцам лишь бы в «коробочке» прятаться. А наши сталинские соколы летали только поодиночке, на высотах в 12 000 метров, с бомбами в 5 тонн.

Пусть немецкий истребитель только сунется! Наш ас, как увидит «мессершмитт», так — вж-ж-жи — вниз, к нему, со «звонящих высот».

Наш штурман рвет тут на груди летную форму, чтобы немецкий гад видел его тельняшку, а в следующий миг он бьет фрица по голове 5-тонной бомбой.

От «мессершмитта» — мелкие щепки. Пусть знают наши ТБ-7...

А остальные 999 тяжелых бомбардировщиков ТБ-7 продолжают полет к Берлину. Такая уж у Сталина тактика: уничтожать — так уничтожать. Он всегда так поступал, предвидя идею Суворова — Резуна...

Или не поступал?

Скорее всего, не поступал, иначе почему тогда Суворов — Резун на него так обижен?

«Если пять тысяч тонн бомб, которые ТБ-7 могли доставить одним рейсом, перевести на язык современной стратегии, то это — ПЯТЬ КИЛОТОНН. Это уже терминология ядерного века. Если пять килотонн недостаточно, то за два рейса можно доставить десять. А двадцать килотонн — это то, что без особой точности упало на Хиросиму».

Вьется Суворов — Резун вокруг Сталина как змей-искуситель: ну, сбрось двадцать килотонн, это же как ядерная бомба, а Сталин, словно красная девица, отнекивается...

Суворов — Резун согласен уже и на двести бомбардировщиков:

«Имея только двести ТБ-7, пакта Молотова—Риббентрона можно было и не подписывать. Имея только двести ТБ-7, можно было не оглядываться на позицию Великобритании и Франции».

Естественно, ведь наши соколы смогут и на 200 самолетах такое, чего западным союзникам не удалось и на 39 100.

Повесят на фюзеляже каждого самолета лозунг «Нет высот, которые не покорялись бы большевикам», напрягутся — и смогут.

Суворов — Резун не знает даже, что в СССР были дальние бомбардировщики ДБ-3, которые могли бы сбросить на Берлин столько же бомб, что и 200 ТБ-7. ДБ-3 по 1939 год включительно было выпущено 1528, из них исправных к началу Второй мировой было более тысячи. Все эти самолеты имели нормальную бомбовую нагрузку в 1 тонну. 1000 тонн бомб на Берлин Сталин вполне мог послать одним рейсом, а это ровно столько же, сколько 200 ТБ-7 с бомбами в пять тонн, которыми Суворов — Резун грозит в своих фантазиях Гитлеру.

А Гитлер почему-то не испугался и начал Вторую мировую войну...

Добавим к этому, что 5-тонные бомбы появились на Пе-8 только в середине Второй мировой войны. Об этом Суворов — Резун тоже не знает. Он не читал маршала авиации Н.С. Скрипко.

«В ночь на 29 апреля (1943 года. — А.Л.) на Кёнигсберг мы впервые сбросили 5-тонную авиабомбу (ФАБ-5000)... Мне довелось с По-2 наблюдать взрыв этой бомбы на испытательном полигоне и потом осмотреть произведенные ею разрушения. К сожалению, выявились существенные недочеты — эффективность ее мало превышала действие

ФАБ-2000. Но все же она была принята на вооружение с расчетом на последующую доводку» (С к р и п к о Н.С. По целям ближним и дальним. С. 282).

Чтобы самолет смог поднять 5-тонную бомбу, на нем установили новые двигатели, АШ-82ФН. Н.С. Скрипко пишет: «На тяжелом бомбардировщике Пе-8, который ранее мог поднимать максимальную бомбовую нагрузку до 4000 килограммов, конструкторы установили четыре новых, более мощных двигателя, усовершенствовали бомболоки... Однако должен оговориться: модернизированный дальний бомбардировщик Пе-8 по ряду причин в серийное производство не пошел — вместо него решили резко увеличить выпуск усовершенствованного двухмоторного фронтового бомбардировщика Пе-2» (т а м ж е).

Модernизированный Пе-8, который мог поднимать 5-тонную бомбу, серийно не выпускался, да и поднимать эту бомбу самолет смог только с появлением мотора АШ-82ФН, созданного уже в 1942-м.

Подведем итог. Сталин не мог летом 1939 года шантажировать Гитлера тысячью самолетов с 5-тонными бомбами, потому что:

в 1939 году самолет был только принят на вооружение и начал выпускаться. К началу Второй мировой войны в СССР имелось всего два самолета ТБ-7;

самолет ТБ-7 даже с моторами АМ-35А не был способен поднять 5-тонную бомбу. Такая возможность появилась только в 1942-м, с появлением серийных моторов АШ-82ФН;

5-тонных бомб в Красной Армии в 1939 году не было.

Но, несмотря на все это, Сталин должен был грозить Гитлеру тысячью самолетов ТБ-7. А раз он этого не сделал — он, коварный горец, хотел развязывания Второй мировой войны...

Все логично. Все, все сходится.

Читаем Суворова — Резуна дальше.

А он, знаете, уже считает, что, имея тысячу ТБ-7, можно было бомб вообще не сбрасывать.

«Можно было бы просто пригласить Риббентрона (а то и самого Гитлера), а потом просто и четко изложить свою позицию... Если начнете, мы бросим в Польшу пять миллионов добровольцев. Мы дадим Польше все, что она попросит, мы развернем в Польше партизанскую войну и начнем мобилизацию Красной Армии. Ну и ТБ-7... Каждый день».

Хороший совет. Еще один прекрасный совет мудрому Сталину.

О, мы помним, что Польша просила. Так просила! Так слезно умоляла Сталина!

О чем? Чтобы он не посылал на ее территорию Красную Армию!..

Переговоры 1939 года СССР с военными делегациями Франции и Англии зашли в тупик именно потому, что Польша отказалась пустить на свою территорию красноармейские части. Поляки поверили обеща-

ниям французов и англичан, что через 15 дней после нападения на Польшу те нанесут по Германии удар.

Поляки держались куда больше 15 дней. Англичане и французы им на помощь так и не пришли. Все это время поляки СССР ни о чем не просили.

17 сентября, убедившись, что англичане и французы предали Польшу, Сталин сам ввел свои части в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Сделал это он, конечно, зря. Надо было 1 сентября «бросить в Польшу пять миллионов добровольцев». А потом сделать «все, что Польша попросит», то есть вывести эти пять миллионов добровольцев обратно.

Логично?

Вполне. Если мы направляем пять миллионов добровольцев в Польшу, то когда-нибудь их оттуда надо выводить? Вот сразу и выводим, как только Польша попросит.

А тем временем начнем бомбить Берлин. Чтобы гибли женщины и дети. Чтобы немецкий народ запел: «Не смеют крылья черные над родиною летать». Чтобы ринулись, кипя праведным гневом, пять миллионов немецких добровольцев на тех, кто бомбит их дома и убивает их детей.

В США было полно немцев и австрийцев, и с родственниками в Третьем рейхе. Эх, бросились бы и они! Снесли бы Белый дом по дороге. Разобрали бы его по кирпичику...

И началось бы...

Суворов — Резун всегда хорошие советы дает.

Ну не прекрасный ли совет — ввязаться в войну? Это — то, что СССР и надо было тогда.

Читая первые строки книги Суворова — Резуна, я сначала думал, что Сталин готовил удар по Германии. Да нет, не Сталин хотел войны — это Резун хотел! Да еще какой! По тысяче бомбардировщиков на Берлин — каждый день! Ради Польши, которая видит Красную Армию в гробу, в белых тапочках и конфедератке. И вообще была Красную Армию в 1920-м.

Перед войной советник польского посольства в Англии А. Яжджевский уверял временного поверенного в делах Германии в Англии Т. Кордта: «...Германия... может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил».

Временный поверенный Германии писал 18 апреля 1939 года в Берлин:

«Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздуш-

ной операции Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии. По словам г. Яджжевского, хорошо известно, что авиация Советской России не обладает достаточным радиусом действия, чтобы с баз, расположенных на территории Советской России, атаковать Германию. Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 338).

«Барьер для борьбы против большевизма...» За то, что Польша стала барьером, немцами будет убит каждый шестой поляк.

Но что вспоминать — вернемся к Суворову — Резуну.

«На 22 июня, — пишет он, — советская стратегическая авиация в своем составе больше армий не имела. Осталось только пять корпусов и три отдельных дивизии. Основное их вооружение — ДБ-3Ф. Это великолепный бомбардировщик, но это не стратегический бомбардировщик».

Не стратегический...

Это страшно.

Это ужасно, что вместо самолетов ТБ-7 с сорока 100-килограммовыми бомбами на Берлин пришлось посылать самолеты ДБ-3Ф с пятнадцатью 100-килограммовыми.

Когда на Берлин падали 15 бомб, Гитлер — руку козырьком — пристально глядел в небо, пересчитывая их, а потом успокоительно говорил: «В бункер не спускаемся. Эти самолеты не стратегические. У них не по 40 бомб, как было вчера, а только по 15».

Раньше, до Суворова — Резуна, мы блуждали во мгле, думая, что в войне с Германией американские четырехмоторные «стратегические» самолеты были менее эффективны, чем русские «нестратегические» двухмоторные Ил-4, которые, однако, спускались низко и наносили точные удары по военным объектам.

Такие ошибочные выводы мы делали и из немецких писем вроде следующего письма на фронт Анны Ренинг своему мужу от 17 июля 1941 года:

«Дорогой мой Эрнст! Война с Россией уже стоит нам многих сотен тысяч убитых. Мрачные мысли не оставляют меня. Последнее время к нам ночью прилетают бомбардировщики. Всем говорят, что бомбили англичане, но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб сотрясается... И вообще скажу тебе: с тех пор, как появились над нашими головами русские, ты не можешь себе представить, как нам стало скверно. Родные Вилли Фюрстенберга служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует! Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Симменса, мне казалось, все проваливается сквозь землю. Зачем вы, Эрнст, связались с русскими? Неужели нельзя было найти что-либо поспокойнее? Я знаю, Эрнст, ты скажешь мне, что это не мое дело... Но знай,

мой дорогой, что здесь, возле этих проклятых военных заводов, жить невозможно. Все мы находимся словно в аду. Пишу я серьезно и открыто, ибо мне теперь все безразлично... Прощай! Всего хорошего. Твоя Анна».

Эх, не знала Анна Ренинг, что Сталин истребил стратегическую авиацию! Не мог ей объяснить Суворов — Резун: была у Сталина стратегическая авиация, а он ее изничтожил. Зарубил бомбардировщики. Итобы напасть на Европу!

А те самолеты, что остались, — так, пустячок. Разве что заводы Сименса ими разбомбить или артиллерийский заводец. Попала бомба в заводец, и он — б а б а х! — разбросал снаряды по всему Берлину...

Пустяки какие.

«Завода больше не существует!»

Мелочь.

Однако продолжим чтение историка, считающего, что стратегическая авиация у Сталина была, но он с нею боролся.

«Но вот Сталин на что-то решился, и начинается разгром. Эта тема заслуживает отдельного исследования. А сейчас только пара примеров для иллюстрации: генерал-майора авиации С.П. Денисова Сталин отправил в Закавказье командовать авиацией второстепенного округа».

Я чуть не подскочил, прочтя такое.

«Авиация второстепенного округа» в Закавказье!!!

Суворов — Резун еще глупее, чем я думал.

В Закавказье — нефть Баку. Нефть — это кровь армии, кровь промышленности.

Французы и англичане в начале 1940-го разработали «план Баку» по захвату этой нефти — якобы для помощи Финляндии. Финляндия тут, конечно, ни при чем, поскольку Англия и Франция сосали соки из половины мира; если они действительно хотели бороться за чью-то независимость, то могли дать для начала свободу своим колониям. К тому же план войны с СССР англичане разрабатывали еще до Финляндии. Война в Финляндии давала им предлог прибрать к рукам бакинскую нефть. Даже в 1941 году Англия вынашивала план удара по Баку чтобы, когда немцы представят русским ультиматум, пригрозить России «разгромом» ее нефтепромыслов, если та уступит германскому шантажу.

И вот Суворов — Резун называет Закавказский военный округ второстепенным!!!

А назначение генерал-майора авиации С.П. Денисова в Закавказский округ объявляет «разгромом советской стратегической авиации»!

Ой, бабоньки, родненькие, держите меня, не могу, сейчас лопну от смеха!

СЛАВА ЧИЖИКОВУ, УРА!

Глава 3 не менее познавательна, чем первые две. Называется она так: «Про Иванова».

Кто же этот Иванов?

«За кремлевскими стенами под псевдонимом «Иванов» жил и работал сам товарищ Иванович. Он же — Васильев. Он же — Чижиков, он же Коба, он же Бесошвили и Джугашвили, он же Салин и Сталин».

Ах, вот в чем дело! Иванов — это Сталин. Он же — Чижиков.

Вот никогда бы не подумал. Жаль, что не сохранил он этот псевдоним. Как бы это здорово звучало: «Великий вождь и учитель Чижиков!», «Слава Чижикову, ура!», «Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Чижикова».

Но проклятая история пошла другим путем.

«Все это я рассказываю вот к чему: однажды, в 1936 году, Сталин собрал авиационных конструкторов у себя на ближней даче, угостил со всем кавказским гостеприимством, а потом поставил задачу: построить самолет (лучший в мире, это пояснять не надо) под названием «Иванов».

Зачем нужен был самолет «Иванов»? У Суворова — Резуна на это всегда один ответ: для нападения на Европу.

«Я даже бумагу тратить не буду на доказательства того, что «великая отечественная» случилась по недоразумению, по оплошности, вопреки сталинским планам и замыслам».

Не тратит бумагу Суворов — Резун: она ему в другом месте нужна.

«А вот на что мне не жалко времени, сил и бумаги, так это на доказательство простого факта — Сталин к войне готовился».

Да мы это и сами знаем. Обороняться ему надо было.

«Готовился так, как никто не готовился, — тянет свое Суворов, активно используя бумагу. — Правда, не к великой и не к отечественной. Вот смотрите, среди присутствующих на сталинской даче — Николай Поликарпов. В предыдущем 1935 году на авиационной выставке в Милане поликарповский И-15 бис официально признан лучшим истребителем мира, а у Поликарпова уже в серии И-16 и кое-что в разработке. Поликарпов — лидер в мировой гонке за лучший истребитель. Оставьте Поликарпова, не мешайте ему, не отвлекайте его, он знает, как делать истребители, только не сбивайте его с темпа. Идет гонка, и каждый час, каждая минута на вес

крови. Но нет. Отвлекитесь, товарищ Поликарпов. Есть работа поважнее, чем создание истребителя. Не интересует товарища Сталина истребитель для оборонительной войны».

Итак, не нужен Сталину истребитель для оборонительной войны. Нужен Сталину бомбардировщик для войны наступательной.

Мы все знаем, что Сталин так и не дал Поликарпову выпустить свои истребители... Не было истребителей в Красной Армии, поскольку оружие это оборонительное...

2408 самолетов И-15 бис не в счет! Это так, семечки, по сравнению с самолетом «Иванов», который все мы помним; все мы знаем, самолетов «Иванов» были десятки тысяч. Вся Красная Армия летала на наступательных бомбардировщиках «Иванов»...

В 1938 году Поликарпов создаст истребитель И-153 «Чайка»; но и 3437 самолетов И-153 у Сталина не было! Как и 6555 истребителей И-16 того же Поликарпова...

Подсчитаем-ка, скольких в сумме оборонительных истребителей Поликарпова не было у Сталина? 12 402 оборонительных истребителя не было у него! Двух у него просто так не было, а 12 400 не было в особенности, поскольку не хотел Иосиф Виссарионович этих самолетов, так как планировал наш вождь наступательную войну...

А для наступательной войны Сталин и задумал в 1936 году самолет «Иванов».

Все мы хорошо знаем самолеты «Иванов». «Ивановы» производились на всех заводах и фабриках. Во всех кинохрониках они есть, в отличие от истребителей Поликарпова, которых не видел никто и никогда...

И потому все мы можем сейчас подтвердить тезис Суворова — Резуна: готовил коварный Сталин нападение. Ох, готовил...

Теперь проверим, правда ли, что Н.Н. Поликарпов занимался лишь одними истребителями, и от этого занятия его отвлек в 1936 году Сталин?

Обнаруживается, что еще в 1931—1934 годах на вооружении ВВС РККА стали поступать поликарповские Р-5 в варианте штурмовика: сначала Р-5Ш, а затем Р-5ССС. Они имели весьма внушительное пулеметно-пушечное вооружение, но был у них и недостаток, с которым поначалу мирились: легкая уязвимость от наземного огня. В начале 1930-х мощность двигателей возросла, и против этой уязвимости решили бороться скоростью. Полагали, что штурмовик стремительно пронесется на бреющем полете и в него попросту не успеют толком прицелиться. И потому в 1934—1935 годах Поликарпов испытывал двухместный скоростной штурмовик ЦКБ-18, являвшийся модификацией истребителя И-16.

Испытания показали, что скорость самолета высока, но теперь уже вооружение, особенно бомбовое, стало недостаточно мощным для эффективного поражения различных наземных целей врага.

Таким образом, Поликарпов, вопреки Суворову — Резуну, занимался не только одними истребителями. Были у него и штурмовики.

Но даже Поликарпову, с его выдающимся талантом, хорошего штурмовика создавать никак не удавалось.

В 1934—1935 годах испытывался самолет ЦКБ-38, созданный на базе двухместного самолета-биплана ДИ-6. Его данные оказались получше, и под маркой *ДИ-6Ш* он выпускался малой серией, но последующие исследования показали, что для штурмовки позиций врага переделки из истребителей не годятся. В это самое время в США для штурмовки позиций противника разрабатывали специальные многоцелевые слабобронированные самолеты-штурмовики: Валти V-11, Нортроп А-17, Кертисс А-18. В Англии занимались штурмовиком Фейри «Балт». И потому у нас было принято решение разработать что-нибудь похожее. Так и появилась программа «Иванов», по которой нескольким КБ поручалось представить свои проекты.

Но эти проекты могли быть воплощены в металле только в 1938—1939 годах, а штурмовик-то требовался срочно. Медлительные небронированные Р-5 для середины 30-х уже не годились. СССР уже отставал от ведущих стран мира, тем более что в Германии появились прекрасные самолеты Ю-87 и Хе-118, которым трудно было что-либо противопоставить. И потому была приобретена документация на двухместный штурмовик и легкий самолет Валти V-11. Лицензионный вариант этого самолета получил название *БШ-1* («бронированный штурмовик-первый»). Новый штурмовик был выпущен в 1937 году, но испытаний не прошел. Было решено, что его скорость, всего на 42 км/ч превышающая скорость Р-3ЕТ, а также скороподъемность недостаточны.

И потому в 1937 году у Красной Армии не было современного штурмовика. А выпускать что-то надо было! Для ликвидации «угрожающего пробела, который мы имеем из-за отсутствия штурмовика», в 1937 году было принято решение о срочном запуске в серийное производство многоцелевого самолета Р-10. Было также решено «наряду с развертыванием производства Р-10 поставить перед конструкторами и промышленностью задачу работать над созданием нового, современного штурмовика» [Шумихин В.С. Советская военная авиация (1917—1941 годы). М., 1985. С. 155].

В январе 1938 года С.М. Ильюшин обращается в правительство с предложением о создании спроектированного им бронированного штурмовика.

Этому штурмовику не страшны пули истребителей, не страшен сильный огонь с земли. В условиях нападения и доминирования в воздухе врага, штурмовик способен успешно выполнять свою боевую задачу.

И что же отвечает Сталин?

Я уже начитался Суворова — Резуна, поэтому могу живо вообразить, что у него отвечает Сталин.

Сталин у него наверняка заявляет, что ему не нужен бронированный самолет Ил-2 — ему нужен небронированный самолет «Иванов» для нападения на Европу! За счет брони можно подвесить побольше бомб...

Броня и не нужна...

Обращаемся к Суворову — Резуну.

Так и есть! Он уверенно утверждает именно это.

«Это стальная логика: мы наносим внезапный удар и давим авиацию противника на земле, после этого летаем в чистом небе. Самолет противника в небе — это редкий случай. Пилот прикрыт спереди широколобным двигателем воздушного охлаждения, который нечувствителен даже к пробоинам в цилиндрах. Осталось прикрыть экипаж снизу и с бортов. Нападать на наши самолеты сверху и сзади будут редко, обойдемся одной пулеметной установкой, а перегружать лишней броней незачем».

Проверить Суворова — Резуна может каждый. Узнав, был ли принят на вооружение Ил-2 и выпускался ли этот Ил-2 в кошмарном количестве 36 163, а еще 4966 Ил-10.

А затем узнав, сколько было выпущено легкобронированных самолетов «Иванов»...

Я все больше начинаю склоняться к мысли, что Суворов — Резун — это вовсе не невежда, не знающий элементарного и не способный даже подтасовать факты. Просто он по душевному порыву решил доказать миролюбие Сталина, но затейливым методом — от противного. Он рассказал про самолет «Иванов» и объяснил — оружие для нападения. Мы смотрим, сколько на самом деле было выпущено самолетов «Иванов» для Красной Армии, и делаем вывод, что нападать Сталин не хотел.

Этой же цели — убедить нас в миролюбии Сталина — посвящен и следующий отрывочек из книги Суворова — Резуна:

«В 1941 году Красная Армия применила совершенно необычное оружие: наземные подвижные установки залпового огня БМ-8 и БМ-13, которые вошли в историю как «Сталинские органы», или «Катюши». Они стреляли снарядами М-8 (калибр 82 мм) и М-13 (132 мм). Залп нескольких установок — это лавина огня со скрежетом, ревом и грохотом. Многие германские солдаты, офицеры и генералы свидетельствуют, что это было жуткое оружие».

Реактивные снаряды типов М-8 и М-13 применялись также и с многих типов советских самолетов, в основном с Ил-2 и Ил-10. Но мало кто помнит, что реактивные снаряды первоначально разрабатывались для самолетов «Иванов», группы которых должны стать «летающими батареями». Реактивные снаряды были грозным оружием, особенно если его применяли внезапно сразу десятки самолетов с предельно малой высоты».

Это впечатляет.

Теперь проверим это.

«В РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт. — А.П.) были продолжены работы по завершению конструкторских и экспериментальных работ над 82- и 132-мм реактивными снарядами. В результате многолетней исследовательской работы проблема стабилизации полета этих реактивных снарядов была успешно решена и дано предложение о целесообразности вооружения 82- и 132-мм реактивными снарядами армии и в первую очередь самолетов Военно-воздушных сил. Начиная с 1935 года были организованы опытные стрельбы реактивными снарядами с самолетов И-15» (Оружие победы. С. 102).

Выходит, опытные стрельбы реактивными снарядами начались в 1935 году и никак не могли «первоначально разрабатываться для самолетов «Иванов», поскольку самолет «Иванов», как пишет сам же Суворов — Резун, был заказан Сталиным в следующем, 1936 году.

Но странно все-таки: почему Суворов — Резун пишет: *«Но мало кто помнит, что реактивные снаряды первоначально разрабатывались для самолетов «Иванов», группы которых должны стать «летающими батареями»?*

А, понял!

«Мало кто помнит» — это значит, что помнит только Суворов — Резун. Создатели этого оружия этого не помнят. Они помнят, что создавали свое грозное оружие до самолета «Иванов».

А почему же это Суворов — Резун оказался столь памятливым, что помнит даже то, чего не помнят изобретатели оружия?

«Реактивные снаряды были грозным оружием, особенно если его применяли внезапно сразу десятки самолетов с предельно малой высотой».

Ах, вот почему! «Внезапное нападение» значит все то же: Сталин готовил удар...

Вот негодяй этот Коба!

«Уже в 1936 году Сталин приказал своим конструкторам создать тот тип самолета, который в одно прекрасное утро появляется в лучах восходящего солнца».

Это был именно тот сценарий, по которому Сталин намеревался вступить в войну».

Вдумчивый читатель мигом смекнет: «в лучах восходящего солнца» — это значит: с Востока. Ну да, Сталин хотел ведь напасть на Запад. Вот на что намекает Суворов — Резун.

Намек прозрачен, ясен. Его поймает любой бельгиец, немец, француз.

Проверив по книге о советском реактивном оружии дату создания 82- и 132-мм снарядов, бельгиец, итальянец, немец или француз непременно узнают, что 82- и 132-мм снаряды применялись еще в 1935 году. После этого он перестает верить Суворову — Резуну. А это значит — не поверит и в его утверждение, что советский вождь готовил нападение. Видно, именно этого эффекта и добивается Суворов — Резун.

Но зачем это ему надо?

Остается только гадать.

Возможно, перебежав на Запад, наш Резун продолжает оставаться советским агентом. Возможно, каждый год в День Красной Армии он сидит у камина с водкой и огурцом и задумчиво поет: «Мгновения, мгновения, мгновения...»

Но, скажет читатель, не все ведь французы достаточно хорошо знают историю советских реактивных снарядов!

Верно, не все. На этот случай у Суворова — Резуна припасено столько глупостей относительно самолета «Иванов», что француз наверняка не на одну, так на другую обязательно натолкнется.

Авиационный инженер Дмитрий Хазанов нашел их столь много, что написал целую гневную статью, посвященную диким залепухам Суворова — Резуна относительно одного только самолета «Иванов». Жаль, Дмитрий Хазанов не знает, что Суворов — Резун — наш, советский разведчик, и потому гневно возмущается его авиационной безграмотностью.

Статья называется так: «Сто тысяч «Чингисханов». Правда и вымысел о бомбардировщике Су-2». Напечатана она в журнале «АвиаМастер» (2000. № 5).

Хазанов в ней пишет:

«Какие только прозвища не дает Резун в своих книгах одномоторному ближнему бомбардировщику: «воздушный шакал», «крылатый Чингисхан», «небесный убийца». У читателя непременно должно возникнуть ощущение, что ему открывают некие страшные тайны советской авиапромышленности, а также стратегии и тактики ВВС Красной Армии. Насколько же сказанное в отношении Су-2 соответствует действительности? Обратимся к первоисточнику и проанализируем некоторые абзацы книги Резуна».

Суворов — Резун:

«Итак, каким же рисовался Сталину идеальный боевой самолет, на разработку которого он отвлекает своих самых лучших конструкторов, как создателей бомбардировщиков, так и создателей истребителей? Сам Сталин объяснил свое требование в трех словах — самолет чистого неба. Если это не до конца ясно, я поясню в двух словах — крылатый шакал».

Инженер Д. Хазанов:

«Здесь за эмоциями Резун пытается скрыть непонимание того, как вырабатывались задания на проектирование самолетов. Никогда Сталин не высказывал требований к конструкторам: «Создать самолет чистого неба». Во всяком случае, найти подобные документы не удалось. Да и что это означает, понять нетрудно, а эпитет «крылатый шакал» мало проясняет суть дела. Для формулирования задания на разработку боевых машин существовали компетентные структуры в составе ВВС, которые, являясь заказчиками, и составляли тактико-технические характеристики к будущему самолету.

«В ходе работ над проектом «Иванов» чья-то невидимая, но властная рука направляла тех, кто уклонялся от генерального курса. На первый взгляд вмешательство на высшем уровне в работу конструкторов — это просто прихоть капризного барина. Например, некоторые изобретатели хотели ставить на опытные образцы по две огневые точки: одна — для защиты задней верхней полусферы, другая — для защиты задней нижней полусферы. Таких конструкторов поправили — обойдемся одной точкой, заднюю нижнюю полусферу защищать незачем. Некоторые предполагали прикрыть экипаж и важнейшие узлы броневыми плитами со всех сторон. Их тоже поправили: прикрывать надо снизу и с бортов. Павел Сухой свой «Иванов» в первом варианте сделал цельнометаллическим. «Попроще, — сказал чей-то грозный голос. — Попроще! Крылья пусть остаются металлическими, а корпус можно сделать и фанерным. Упадет скорость? Ничего. Пусть падает».

Приходится снова не соглашаться с автором «Дня «М»: «большая политика» далеко не всегда определяет те или иные технические решения. Все три варианта «Иванова», создававшиеся как «Сталинское задание», или СЗ-1, СЗ-2, СЗ-3, имели две подвижные оборонительные установки для защиты задней полусферы — нижнюю и верхнюю. В ходе испытаний последней машины выяснилось, что штурману трудно покидать самолет с парашютом в экстренных случаях, поэтому нижнюю установку МВ-2 сняли, оставив широкий люк в полу фюзеляжа. В таком виде самолет и запустили в серийное производство. Надо отметить, что замена металлического фюзеляжа на фанерный была вынужденной мерой. Наша страна испытывала нехватку алюминия, поэтому смешанную конструкцию имел не только Су-2, а большинство тогдашних советских боевых самолетов. Кстати, деревянный фюзеляж увеличил вес серийных ББ-1, но никак не сказался на скоростных характеристиках.

«Некоторые конструкторы предлагали экипаж из трех человек: летчик, штурмана и стрелка. Опять одернули: хватит двоих — самолеты противника мы внезапным ударом уничтожим на земле, поэтому стрелку в воздухе все равно делать будет нечего. И штурману работы немного. Потому что мы будем действовать плотными группами, как разъяренные осы: смотри на ведущего, следуя за ним, действуй как он. Так что работу штурмана и стрелка можно совместить; за счет этого добавить бомбовую нагрузку. Все оборонительные возможности снижаются, все наступательные повышаются».

Однако проекты советских многоцелевых одномоторных самолетов с самого начала предусматривали экипаж из двух человек. Столько же авиаторов располагалось в кабинах построенных ранее Р-5, Р-З и Р-10 — именно их были призваны заменить самолеты «Иванов». Во всех машинах за летчиком располагался штурман-стрелок, иначе называемый летчиком-наблюдателем (летнабом). Ни бомбовое, ни стрелковое вооружение в ходе эволюции ББ-1 (Су-2) добавлено не было. Так что если оборонительные возможности самолета снизились за счет

снятия брони и нижней люковой установки на довоенных серийных образцах, то наступательные не возросли.

«Были построены самолеты «Иванов» Немана, «Иванов» Поликарпова, «Иванов» Сухого... Каждый конструктор ревниво оберегал все секреты от соперников, но у каждого советского конструктора вырисовывался все тот же «крылатый шакал»: легкий бомбардировщик, по виду, размерам и летным характеристикам больше похожий на истребитель.

Каждый советский конструктор независимо от своих конкурентов выбрал все ту же схему: низконесущий моноплан, двигатель один — радиальный двухъярусный с воздушным охлаждением. Каждый советский конструктор предлагал свой вариант «Иванова», но каждый из собратий удивительно похож на своих незнакомых братьев по духу и замыслу. И это не чудо: просто всем конструкторам поставили одну задачу: создать машину для одного вида работы, для той самой работы, которую через несколько лет проведут японские самолеты в небе Пёрл-Харбора. А раз работа предстает та же самая, то и инструмент для ее выполнения каждый конструктор создает примерно одинаковой».

На самом деле «Ивановы» разных конструкторов как раз заметно различались. Так, Н.Н. Поликарпов отстаивал в том числе вариант высокоплана, полагая, что «парасоль» обеспечит надежный обзор для экипажа, что очень важно для многоцелевого самолета. «Иванов» Д.П. Григоровича выделялся необычным способом крепления двигателя к мотораме. Когда конструкторы представляли комиссии свои эскизные проекты, то все они были выполнены под моторы жидкостного охлаждения М-34 (АМ-34), а не под двухрядную «звезду», как утверждает Резун. Вряд ли можно говорить, что советские «Ивановы» планировали использовать для такой же работы, как и японские «Накадзима» В5-N, поскольку у нас нигде не упоминалось о борьбе с морскими целями, а фирма «Накадзима» получила задание разработать палубный торпедоносец для базирования на авианосцах.

«Японский самолет В-5N был создан для ситуации, когда ему никто в небе не мешает бомбить. В-5N страшен слабым и беззащитным, страшен при внезапном нападении. Страшен, как стая свирепых кровожадных гиен, которые не отличаются ни особой силой, ни скоростью, но имеют мощные клыки и неожиданно нападают на того, кто слабее, против того, кто не ждет нападения и не готов его отражать. А при чем тут наш родной советский «Иванов»? А притом, что он почти точная копия японского воздушного агрессора «Накадзима» В5-N».

Утверждения о «почти точной копии» «японца» в Советском Союзе более чем сомнительны. За исключением весьма отдаленного внешнего сходства в этих самолетах мало общего. С таким же успехом можно назвать Ла-5 «почти точной копией» FW-190 или наоборот. Начнем с того, что В5-N прежде всего не бомбардировщик, а торпедоносец. Его

создавали для действий над акваторией морей и океанов, что определило требования к конструкторам. В ряде случаев, например при атаке американских авианосцев «Лексингтон» и «Йорктайн» во время боев в Коралловом море в мае 1942 г., японские летчики умело преодолевали мощную ПВО союзников, так что нельзя считать этот самолет пригодным лишь для нападения на беззащитные цели.

«Группы из десятков Ju87 наносили внезапные удары по «спящим» аэродромам и этим ударом очищали себе небо... «Иванов» создавался позже Ju87. Поэтому характеристики «Иванова» были выше, и конструктивно два самолета сильно различались. Но по духу и замыслу, по способам применения и по отводимой ими роли Ju87 и «Иванов» — близнецы. А самолету «Накадзима» B5-N «Иванов» — родной брат не только по замыслу и духу, но и по основным характеристикам».

...«Группы из десятков Ju 87», атакующие советские приграничные аэродромы, являлись не более чем распространенным штампом. По отчетам германских «воздушных флотов вторжения», эти типы машин не участвовали во внезапной атаке районов базирования нашей авиации 22 июня 1941 г. К тому же «Юнкерсы-87» нельзя считать близнецами «по духу, замыслу, способам применения и отводимой им роли» с нашими Су-2, поскольку последние не были предназначены для ударов с пикирования, а Ju 87 абсолютное большинство атак выполняли, стремительно снижаясь над целью. Следовательно, при конструировании машин закладывались совершенно различные запасы прочности. В тактико-технических требованиях к советским «Ивановым» и японским торпедоносцам для флота практически нет общих пунктов. Если от наших конструкторов требовалось достигнуть скорости 420—430 км/ч, практического потолка в 9000—10 000 м, нормальной дальности в 2000 км, при бомбовой нагрузке 200—500 кг и вооружении из трех—пяти пулеметов, то перед специалистами фирмы «Накадзима» стояла задача: размах крыла самолета не должен превышать 16 м, а в сложенном положении — 7,5 м для соответствия габаритам авианосных лифтов-самолетоподъемников, вооружение должно состоять из 800-кг авиационной торпеды или аналогичного запаса бомб на внешней подвеске; с этой нагрузкой крейсерская нормальная продолжительность полета задавалась в 4 часа, а в качестве стрелкового вооружения японские моряки посчитали достаточным установить лишь один подвижный пулемет у стрелка. И что здесь общего?

«В максимальной степени сталинские требования выполнил авиаконструктор Павел Осипович Сухой. Он стал победителем конкурса. В августе 1938 г. «Иванов» Сухого под маркой ББ-1 (ближний бомбардировщик первый) пустили в серию сразу на двух заводах. Затем его начали производить на третьем: строился гигантский четвертый завод, а кроме того, заводы, производившие другие типы самолетов, были готовы по приказу пе-

реключиться на производство «Иванова». В сентябре 1939 г. группа Сухого в знак поощрения была выделена в самостоятельное конструкторское бюро. В 1940 г., после введения новой системы индексации, «Иванов» в честь своего создателя получил название Су-2. Это был первый серийный самолет одного из величайших авиационных конструкторов XX века. До 22 июня самолетами Су-2 были полностью укомплектованы 13 авиационных полков, в каждом по 64 самолета».

Казалось бы, здесь приводятся общеизвестные факты из биографии главного конструктора и его КБ. Но решение Комитета обороны о запуске в серию ближнего бомбардировщика П.О. Сухого под обозначением ББ-1 было принято в конце марта 1939 г., в августе того же года Сухого назначили главным конструктором, а в мае 1940 г. предоставили опытную базу в подмосковных Подлипках. К июню 1940 г. наша авиапромышленность сдала военпредам только 413 Су-2 (из расчетов Резуна выходит примерно вдвое больше), а к началу войны полностью был оснащен этими самолетами только один 135-й бап (бомбардировочный авиаполк. — А.П.) и еще семь авиаполков получили по несколько «сушек».

«Сталинский замысел: создать самолет, который можно выпускать в количествах, превосходящих все боевые самолеты всех типов во всех странах мира вместе взятых. Основная серия «Иванова» планировалась в количестве 100—150 тысяч самолетов. Вот мы и подошли к главному. Сталин планирует выпустить самолет самой большой в истории человечества серий. Это не самолет для оборонительной войны. Это самолет-агрессор».

Еще «убедительнее» выглядел бы этот абзац, если бы ближних бомбардировщиков (которые являются «агрессорами» по определению, в отличие, скажем, от гражданских самолетов) Сталин задумал построить, скажем, миллион. Но в архивах нет ничего даже отдаленно похожего на приводимые Суворовым цифры. 7 декабря 1940 г., когда ББ-1 удалось в целом освоить в производстве, вышло совместное Постановление Совета народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) «О программе выпуска самолетов, авиамоторов и авиационных винтов на 1941 г.». Согласно этому чрезвычайно важному документу, за весь 1941 г. планировалось выпустить тремя заводами всего 1150 ближних бомбардировщиков Сухого. Уже в ходе войны планы несколько раз корректировали, но «гигантский четвертый» авиазавод (какой?!) подключать к программе Су-2 никогда не собирались.

Резун неоднократно пишет: не важно, что в действительности получилось, а важно, что замышлялось, то есть не важно, что говорили или подписывали советские руководители, а важно, о чем они думали. Но, к сожалению, мы (в отличие от Резуна) не обладаем способностью читать мысли давно покойных советских лидеров. Да и вообще подобное занятие относится скорее к мистике (или к шарлатанству), а не к истории.

«Возникает вопрос об истребителях прикрытия. Бомбардировщик в бою, особенно ближний бомбардировщик, действующий над полем боя и в ближайшем тылу противника, должен прикрываться истребителями. Если бы вместе с Су-2 было заказано соответствующее количество истребителей прикрытия, то Су-2 можно было бы использовать в любых ситуациях, например, для нанесения контрударов по агрессору, напавшему на Советский Союз. Но истребители в таких количествах не были заказаны, поэтому была только одна возможность использовать Су-2 в войне — напасть первым на противника и нейтрализовать его авиацию. Другого применения беззащитным Су-2 нет. Вот почему решение о выпуске минимум СТА ТЫСЯЧ легких бомбардировщиков Су-2 было равносильно решению НАЧАТЬ ВОЙНУ ВНЕЗАПНЫМ УДАРОМ ПО АЭРОДРОМАМ ПРОТИВНИКА».

На самом деле в «Программе выпуска самолетов...» говорилось, что план выпуска истребителей новых типов на 1941 г. составляет 8510 машин, в то время как бомбардировщиков всех типов — 6070 штук. С началом боевых действий цифры корректировались в пользу истребителей. То, что в начальный период войны нечем было прикрыть ударные самолеты, объяснялось внезапным нападением противника в первую очередь на аэродромы, где базировалась истребительная авиация, и плохой организацией боевых вылетов со стороны командного состава. Вопрос, почему Су-2 можно было использовать только для внезапного нападения на аэродромы противника, а аналогичные по летным данным и назначению польские PZL 23, английские «Бэттлы», японские Ki-32 или, скажем, итальянские Ba-65 оказались вполне пригодны для выполнения самых разнообразных задач, остался открытым.

«Су-2, как и «Ивановы» других конструкторов, был многоцелевым: легкий бомбардировщик, тактический разведчик, штурмовик. Конструкция была предельно простой и рациональной. Су-2 годился к массовому производству больше, чем любой другой самолет в мире... Управление Су-2 было двойным — и для летчика, и для сидящего за ним штурмана-стрелка. Поэтому не надо было выпускать учебный вариант самолета: каждый боевой Су-2 был доступен летчику любой квалификации: гражданскому пилоту и девочке из аэроклуба. От летчиков не требовалось ни владения высшим пилотажем, ни умения летать ночью, ни умения хорошо ориентироваться на местности и в пространстве. Им предстояла легкая работа: вылететь на рассвете, пристроиться к мощной группе, лететь по прямой и заходить на цель».

Отчеты заводов и строевых частей показывают, что Су-2 не был ни простым в производстве, ни слишком легким в освоении. Так, себестоимость одной построенной в Харькове машины после того, как удалось отладить технологический процесс, составляла 430 тыс. рублей, то есть Су-2 стоил в 1,6 раза дороже, чем цельнометаллический двухмоторный СБ!

Что касается «владения высшим пилотажем», то для экипажа бомбардировщика это звучит довольно глупо. Не рассчитан самолет для этого и не предназначен. А что Су-2 был относительно прост в управлении, то к этому, как известно, стремится любой авиаконструктор. Тем не менее ряд операций, например заход на посадку, было необходимо тщательно отрабатывать с летным составом, чтобы избежать происшествий (двигатель воздушного охлаждения, что стоял на Су-2, имел больший поперечный размер, чем, скажем, мотор водяного охлаждения самолета Ил-2, — и не мог быть смещен вниз, как это было сделано на том же Ил-2; все это ухудшало обзор и затрудняло посадку. — А.П.). То, что большинство экипажей все-таки успели хорошо обучить пилотированию Су-2, во многом определило сравнительно низкий уровень потерь среди этих машин и их долгую фронтовую жизнь.

«Осенью 1940 г. в Бессарабии под Котовском формировался наш 211-й ближнебомбардировочный авиационный полк, вооруженный самолетами Су-2. ... Самолет производил сильное впечатление. Бомбардировщик, а вид как у истребителя — небольшой, компактный, красивый» (здесь Резун приводит отрывок из воспоминаний маршала авиации И.И. Пстыго, опубликованный в книге Л.М. Кузьминой «Генеральный конструктор Павел Сухой»). В этом месте следует обратить внимание на время и место формирования полка: это рядом с Румынией, это против Румынии. Это наш «крылатый шакал» готовится вцепиться в горло тому, кто слабее».

В первые месяцы войны ВВС Красной Армии действительно осуществили немало рейдов против стратегических объектов на территории Румынии. К ним привлекали бомбардировщики СБ, ДБ-3Ф, Пе-2 и даже входившие в состав «звена Вахмастрова» истребители И-16 с бомбами, подвешенными под крыльями ТБ-3 («АвиаМастер» писал об этом в № 4/1998). Однако бомбардировщики Су-2, в том числе из 211 бап, в этих налетах не участвовали. Видимо, основная причина состояла в том, что экипажи частей не успели в достаточной мере освоить «сушку», ведь программа изучения машины в полку была рассчитана до сентября 1941 г.

«В 1941 году Красная Армия применила совершенно необычное оружие: наземные подвижные установки залпового огня БМ-8 и БМ-13, которые вошли в историю как «Сталинские органы», или «Катюши». Они стреляли снарядами М-8 (калибр 82 мм) и М-13 (132 мм). Залп нескольких установок — это лавина огня со скрежетом, ревом и грохотом. Многие германские солдаты, офицеры и генералы свидетельствуют, что это было жуткое оружие. Реактивные снаряды типов М-8 и М-13 применялись также и с многих типов советских самолетов, в основном с Ил-2 и Ил-10. Но мало кто помнит, что реактивные снаряды первоначально разрабатывались для самолетов «Иванов», группы которых должны стать «летающими батареями». Реактивные снаряды были грозным оружием, особенно если его применяли внезапно сразу десятки самолетов с предельно малой высоты».

Как известно, реактивное оружие на наших самолетах впервые применили в ходе боев над рекой Халхин-Гол в августе 1939 г. Тогда ряд истребителей оснастили снарядами РС-82, а некоторые СБ приспособили для установки под крыльями более мощных РС-132. После успешных испытаний планировалось вооружить этим оружием определенную часть наших самолетов, но реально перед войной реактивные снаряды устанавливали только на И-15бис, И-153 и И-16, которые предназначались для использования в роли штурмовиков. Затем основным «потребителем» ракет стали Ил-2. В число типов самолетов, на которые устанавливались (или планировали установить) «эрэсы», Су-2 не входил до осени 1941 г., не говоря уже о том, что для них не разрабатывалось специально никакого оружия, не считая кассет для мелких бомб. Даже после успешных испытаний лишь единичные экземпляры этого самолета получили реактивное оружие, хотя до него заводы выпускали подвески.

«Идея крылатого Чингисхана не умирала. Советские конструкторы никак не хотели от нее отказаться. В 1943 г. конструктор Дмитрий Томашевич выдал недавно начатый, но из-за германского нападения и эвакуации поздно заверченный штурмовик «Пегас»... Простота и дешевизна — на самом последнем пределе. Самолет могла построить любая мебельная фабрика. Причем потоком. При этом «Пегас» нес две 23-мм автоматических пушки, крупнокалиберный пулемет и бомбу в 500 кг. Летчик был прикрыт броней, защищавшей его от пуль крупнокалиберных пулеметов и даже от 20-мм снарядов. Броней были прикрыты бензобаки и другие жизненно важные узлы. Бензобаки в случае необходимости сбрасывались. Огненная мощь и надежная защита от огня с земли делали этот поистине самый дешевый и простой из всех самолетов грозным противником».

Самолет Сухого, по крайней мере в том виде, каким он был запущен в серию, являлся ближним бомбардировщиком. Этим определялось бронирование, наступательное и оборонительное вооружение, решение вопросов живучести и др. Обстоятельства вынудили применять Су-2 в первом периоде войны для штурмовки немецких войск, но сравнивать Су-2 со «специальными» штурмовиками, такими, как Ил-2, Су-6 или «пегас», в принципе неправомерно.

Подводя итог, надо сделать вывод, что реальные факты из истории Су-2 никак не соответствуют той легенде, которую придумал об этом самолете Суворов — Резун. Ближний бомбардировщик Сухого был вполне типичным продуктом своей эпохи, воплощением принятых тогда во всем мире концепций боевого применения авиации. Среди самолетов подобного класса можно вспомнить, помимо уже названных, немецкий «Хейнкель» He-170, японские Ki-15, Ki-30 и Ki-51 или американские «Валти» V-11 и Кертисс «Шрайк». Даже у шведов в начале 40-х годов состояла на вооружении аналогичная машина — одномоторный двухместный легкий бомбардировщик-моноплан SAAB 17. Может быть, нейтраль-

ная Швеция, которая ни с кем не воевала вот уже полторы сотни лет, тоже в глубокой тайне готовила внезапную массированную агрессию против своих соседей?»

Короче, удивил и обидел Суворов — Резун инженера Д.Б. Хазанова.

Требует инженер Д.Б. Хазанов политической реабилитации безот-
ветного бомбардировщика Су-2.

Не понимает прямой, честный инженер, что мешает самой масштабной за все времена операции Главного разведывательного управления.

Управление забросило в тыл к англичанам своего самого изворот-
ливого агента с задачей хитро написать книги про агрессивные замыслы
Советского Союза. Что бы весь мир прочитал эти книги, увидел, что
сплошным потоком в них идут нелепые, смехотворные, малограмот-
ные подтасовки, — и уверовал в неизменное, исконное миролюбие Со-
ветского Союза...

Чтобы выбежал на мост через Эльбу англичанин, чтобы пожать руку
русскому солдату, угостить его сигаретой, выпить всю его водку и подру-
житься навеки...

А ВЕДЬ ВОЙНЫ МОГЛО НЕ БЫТЬ...

Глава 4 называется «Про плохого Молотова и хорошего Литвинова». Начинается эта глава так:

«Для того чтобы Вторая мировая война началась, Сталин должен был сделать, казалось бы, невозможное: заключить союз с Гитлером и тем самым развязать Гитлеру руки.

Сталин Гитлеру руки развязал. Делал это он не лично. Для таких дел у Сталина был заместитель. Заместителя звали Молотов».

Но до Молотова пост наркома иностранных дел занимал Литвинов.

«Про Литвинова принято говорить хорошо, политику Литвинова вспоминают добрым словом: вот, мол, был хороший человек Литвинов, всей душой — к Западу, любил мир, хотел сближения, делал все возможное... а потом появился плохой Молотов и повел политику на сближение с Гитлером».

Однако, считает Суворов — Резун, Литвинов проводил всю ту же сталинскую линию:

«Но если разобраться, то окажется, что политики Литвинова не существовало и не могло существовать. Литвинов — один из наркомов в правительстве Молотова, и проводил Литвинов не свою политику, а политику Молотова, точнее — политику Сталина».

Но, по Суворову — Резуну, Сталин со временем стал все более алкать войны и потому Литвинова сместил.

«А потом наступило время повернуть против Запада. Литвинов был больше не нужен, и его выгнали. И вот тогда из-за кулис вышел плохой Молотов и объявил, что комедия окончена, пора за комедию расплачиваться, а вместо комедии начинается трагедия».

Прочитав эти оригинальные пассажи Суворова — Резуна, любой читатель задастся вопросом: а как же было на самом деле? Поскольку Суворов — Резун всегда лжет, то какова все-таки истинная причина смены Литвинова на Молотова?

Неужели желание войны?

Чтобы найти ответ, обратимся к событиям последних недель перед уходом Литвинова с поста наркома министра иностранных дел.

В апреле 1939 года Литвинов от имени СССР предложил западным державам военный союз. Время не ждало: 3 апреля 1939 года, еще до советских предложений, было издано распоряжение начальника верховного командования вооруженных сил Германии Кейтеля по плану войны с Польшей «Вайс»: «Разработка [плана] должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.».

Германия собиралась напасть на Польшу — и тем самым ввязаться в войну против связанной с нею союзными обязательствами Франции.

Естественно, наше правительство не могло ждать, когда Польша и Франция будут разбиты вермахтом и Гитлер накинется на СССР, и потому Литвинов предложил союз. 17 апреля 1939 года им был предложен пакт о помощи «в случае агрессии в Европе против одного из договаривающихся государств» и о «помощи восточноевропейским государствам» «в случае агрессии против этих государств». Уинстон Черчилль позднее высоко оценивал эту русскую инициативу. Он писал: «Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею» — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути». (Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. С. 299).

Но Чемберлен не ответил: «Хорошо». Оно начал долгие, очень долгие переговоры ни о чем. Сообщает А. Кэрк, временный поверенный по делам США в СССР:

«Британское посольство в Москве заявляет, что переговоры с Литвиновым проходят удовлетворительно и что Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Англией и Францией» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 342).

Это было сообщено 22 апреля 1939 года. А как оценивала ход переговоров заинтересованная советская сторона?

Из письма Литвинова полномочному представителю СССР во Франции от 23 апреля 1939 года:

«От англичан пока никакого ответа на наше предложение не получено. Возможно, что опять выжидают очередную речь Гитлера 28-го, — авось опять запахнет миром, и можно будет вернуться на мюнхенские позиции...

По сведениям, полученным из Рима, Гитлер и Муссолини убеждены в том, что Чемберлен ведет переговоры с СССР только под давлением оппозиции, некоторой части консерваторов и общественного мнения» (т а м ж е. С. 343).

А как отнеслись к советским предложениям французы?

В ответ на предложения СССР они прислали следующий проект военного договора:

«В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, кото-

рые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существовавшего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленную помощь и поддержку» (там же. С. 348—349).

Другими словами — СССР обязан оказать помощь Франции и Англии при нападении на них Германии, а Англия и Франция помощи при нападении на СССР Германии ему не окажут.

Литвинов написал 26 апреля: «Формулировка проекта является издевательской».

Мало того, французское предложение не было предложением по обороне от агрессии, а СССР предлагал как раз именно такой, жизненно необходимый тогда союз.

Полпред СССР во Франции Я.З. Суриц того же 26 апреля писал:

«Выходит так, что, когда Франции и Англии заблагорассудится воевать с Германией из-за статус-кво в Европе, мы автоматически втягиваемся в войну на их стороне, а если мы по своей инициативе будем защищать то же статус-кво, то это Англию и Францию ни к чему не обязывает...

Сейчас, во всяком случае, дело похоже на то, что весь шум и вся канитель, поднятые вокруг «сотрудничества» с нами, окончатся обычным блефом... Я твердо убежден, что пока гром по-настоящему не грянет, здесь, в Париже, по крайней мере, никакой «твердости» не дожидаться» (там же. С. 351).

3 мая полномочный представитель СССР в Англии писал в народный комиссариат иностранных дел:

«Самое важное, однако, то, что Чемберлен, Саймон и другие «умиротворители» все же не отказались окончательно от своей мюнхенской политики... С нашими предложениями идет своеобразная игра. Сначала Чемберлен пытался замолчать их и оттянуть ответ, по крайней мере до речи Гитлера... Однако благодаря наличию в Форин оффисе сторонников союза с СССР (Ванситтарт и др.) наши предложения начали быстро просачиваться в печать, и к моменту нашего возвращения основные положения этих предложений стали достоянием гласности. Начался нажим оппозиции в парламенте, оживленная дискуссия в печати. Заговор молчания был сломлен» (там же. С. 367).

В этой оппозиции был и Уинстон Черчилль: «Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение 1939 года (Мюнхеном. — А.П.), было жизненно важно опереться на более широкую надежду».

«Широкой надеждой» был для него СССР.

4 мая Черчилль уже высказывает нетерпение:

«Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия со стороны России. Самое главное, нельзя терять времени. Прошло уже 10 или 12 дней с тех пор как было сделано русское предложение».

Черчилль недоумевает:

«Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении?»

Итак, Черчилль был за честный военный союз с СССР. Только через 50 лет мир от Суворова — Резуна узнал, что Черчилль, выходит, дико заблуждался: Сталин жаждал развязать Вторую мировую войну и не нуждался в союзниках...

Видно, чтоб погубить 26 миллионов своих жителей? Оставить в России ранеными, безногими, калеками десятки миллионов? Выбить целое поколение мужчин? Отстать от остального мира навсегда? Этого жаждал Сталин?

Черчилль атакует правительство:

«Почему вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну?»

Из этих слов Суворову — Резуну, пожалуй, только и видно, что и Черчилль пытался развязать войну. Раз стоял за военный союз со Сталиным.

Черчилль:

«Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней в самом горниле событий и вам придется выпутываться вместе с ней по мере возможности».

Тут Черчилль ошибся. «Выпутываться» вместе с Россией пришлось не «им», мюнхенцам, а ему и Британии.

3 мая Литвинов был смещен. Англия и Франция перед лицом надвигавшейся войны, к сожалению, не проявили интереса к советским предложениям: они наивно надеялись на столкновение СССР и Германии, чтобы самим остаться в стороне, а затем диктовать обескровленным противникам свою волю.

Еще 9 марта 1939 года посол Англии в Германии писал министру иностранных дел Англии:

«Гитлер указал в «Майн кампф» совершенно ясно, что «жизненное пространство» для Германии может быть найдено только в экспансии на восток, а экспансия на восток означает, что рано или поздно весьма вероятно столкновение между Германией и Россией. Имея под боком доброжелательную Англию, Германия может сравнительно спокойно

предусматривать такую возможность. Но она живет в страхе, что может произойти обратное — война на два фронта, которая как кошмар преследовала также Бисмарка. Лучшим способом установления хороших отношений с Германией является поэтому следование по линии уклонения от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых интересы Англии прямо или существенно не затрагиваются, а также по линии перспективы сохранения нейтралитета Англии в случае, если Германия будет занята на востоке» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 228).

Поняв, что английские и французские правящие круги желают германо-советского столкновения, Сталин начал политическое сближение с Германией, для чего еврей Литвинов не годился.

Глава 5 называется «Пролог на Халхин-Голе».

Суворов — Резун пишет:

«В августе 1939 года в Москву прибыли британская и французская военные делегации для переговоров о совместных действиях против Германии. Правительства Британии и Франции повторили ошибку неопытных игроков. Сев за один стол со сталинскими шулерами, Британия и Франция переговоры проиграли.

Ни британское, ни французское правительства намерений Сталина не поняли».

Я прямо-таки наяву вижу эту сцену — британцы говорят французам: «Ну не понимаем мы намерений Сталина! И зачем мы здесь? Ведь нам намерения Сталина непонятны!»

Видю я и другую сцену, через 50 лет: в доме на окраине Лондона радостно приплясывает Суворов — Резун: «Разгадал! Разгадал! Французы и англичане не поняли, а я разгадал!»

Ну, что там разгадал Суворов — Резун?

«А сталинский замысел был прост: заставить Францию и Британию объявить войну Германии... или спровоцировать Германию на такие действия, которые вынудят Францию и Британию объявить Германии войну.

Германия и Франция имели общую границу, а Советский Союз был отделен барьером нейтральных государств. При любом раскладе, при любой комбинации сил основные боевые действия могли быть между Германией и Францией при активном участии Британии, а Советский Союз формально мог быть одной из сторон, но фактически оставался как бы в стороне от европейской мясорубки и мог ограничиться посылкой экспедиционных сил...»

СССР, дескать, хотел этими переговорами показать Гитлеру: смотри, Англия и Франция против тебя что-то готовят — нападай на них.

Логично! Все понял Суворов — Резун...

Хотел злыдень Сталин спровоцировать Вторую мировую. А для чего? Очень просто. Гитлер завоюет Францию и использует ее промышлен-

ный потенциал для производства вооружений против СССР. Англичан выгонят с континента. Немцы завоюют Польшу и выйдут к границам СССР. Тогда СССР остается с Гитлером один на один...

«Получив согласие от британского и французского правительств на переговоры, Сталин сразу оказался в ситуации, в которой проиграть нельзя. Для Сталина открылись две возможности:

— или советская делегация будет выдвигать все новые и новые требования и доведет дело до того, что Британия и Франция будут вынуждены начать войну против Германии;

— или переговоры сорвутся, и тогда Британию и Францию можно будет обвинить во всех смертных грехах, а самому подписать с Гитлером любой самый гнусный пакт».

Итак, две возможности у советского вождя.

Первая: Сталин выдвигает все новые и новые требования Англии и Франции и они — с отчаяния или помешательства — начинают войну с Германией.

Известно, что Англия и Франция во всем слушались сталинских требований. Потребует Сталин от них войны с Германией — будет война с Германией! Не потребует войны с Германией — не будет войны с Германией.

На Англии и Франции были этикетные кнопки: «По требованию». Нажал Сталин на кнопки — началась война. Не нажал — не началась.

Но Сталин этими кнопками не воспользовался. У него ведь был другой, еще лучший вариант: обвинить Англию и Францию «во всех смертных грехах».

Да, скорее всего, Сталин начал переговоры с Англией и Францией именно для того, чтобы обвинить их «во всех смертных грехах» — мужеложестве, некрофилии и т.д. Францию он хотел обвинить в некрофилии, а Англию — в мужеложестве.

«И советская делегация выдвинула требования: у нас нет общей границы с Германией, нашим войскам нужны проходы через Польшу.

Эти требования были неприемлемыми для Польши и ненужными для Советского Союза».

В самом деле, зачем Сталину проходы через Польшу?

«Если бы Сталин хотел мира, то зачем ему проходы в Польшу?» — картинно недоумевает Суворов — Резун.

Ну и пусть немцы громят Францию. Проходы в Польшу нам не нужны, чтобы ударить в тыл немцам.

Пусть затем завоевывает Гитлер Англию. Проходы нам не нужны.

Пусть завоевывает он Польшу. Если завоюет Польшу — нам проходы тем более ни к чему.

А когда Германия с ресурсами Франции, Англии и Польши окажется против Сталина — ему наступит каюк. Проходы совсем не понадобятся.

«Ну так и радуйтесь! Неужели Ворошилову и Сталину цинизма не хватает понять, что отсутствие общих границ с гитлеровской Германией — это благо для страны».

Не хватило Ворошилову и Сталину цинизма, чтобы это понять. Зато Суворову — Резуну на это цинизма хватает.

«Но Сталин не намеревался ни обороняться, ни тем более оставаться вне войны. Коридоры через польскую территорию были нужны Сталину, с одной стороны, для советизации Польши, с другой стороны — коридоры давали возможность нанести внезапный удар в спину Германии в случае, если она ослабнет в войне против Франции, Британии и потенциально — против США».

Какая, однако, подлость со стороны Сталина! Заключив военный договор с Англией и Францией, он только и ждал, когда Англия и Франция начнут отражать немецкую агрессию, чтобы ударить через польские проходы! Военный союзник должен культурно, дипломатично стоять на месте и ждать, когда на него нападут.

Но Сталин был не таков.

И только Суворов — Резун, с его глубоким аналитическим умом, смог высветить, словно прожектором, всю гнусность сталинских замыслов.

Нанести удар по фашистской Германии, воюющей с Англией, Францией и, возможно, США! На такое мог решиться только закоренелый преступник и законченный негодяй!

«Делегации Франции и Британии, желая доказать серьезность своих намерений, сообщили советской стороне сведения чрезвычайной важности: если Германия нападет на Польшу, Британия и Франция объявят войну Германии».

Это была информация, которую так ждал Сталин».

До этого Сталин, конечно же, ни о чем не догадывался. Ну ничего не подозревал. Не знал Сталин о том, что Франция была связана с Польшей договором 1921 года и Локарнскими соглашениями 1925 года, предусматривающими помощь Польше в случае агрессии против нее. Не знал, что 31 марта 1939 года, выступая в парламенте, Чемберлен заявил: «...В случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Е.В.... считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах» (В о л к о в Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. С. 9).

Не знал этого Сталин. Наверное, и Суворов — Резун не знал. Потому и написал:

«У Сталина было две возможности».

Первая. Независимо от позиции Британии, Франции или Польши официально объявить, что Советский Союз будет защищать польскую

территорию как собственную. Польское правительство не желает советских войск на польской территории, в этом нет ничего страшного. Если Германия разгромит польскую армию и свергнет правительство, тогда Красная Армия вступит на польскую территорию и будет воевать против Германии».

Суворов — Резун дает всегда очень дельные советы.

Представим: в 1939 году СССР вступает в войну против Германии. Англичане и французы, как они это и делали в 1939-м, отсиживаются за линией Мажино, а СССР, как это и было в 1941-м, несет страшные потери.

А зачем?

Ради чего? Ради Польши, которая в 1920 году отторгла часть белорусской и украинской территорий, а в 1939-м вместе с Германией и Венгрией растерзала Чехословакию...

Ради Польши, в которой десятки тысяч пленных красноармейцев и возвращавшихся из немецких лагерей русских военнопленных таинственно исчезли в концлагерях после войны 1920 года...

Ради тех десятков пленных красноармейцев, на плечах которых конники Пилсудского ставили сабельный удар?

Нет, не ради них, конечно. Ради Англии и Франции!..

Англия и Франция благодаря советско-германской войне сохраняют свои вооруженные силы. Это — в лучшем случае. А в худшем... Что может быть в худшем?

Трудно сказать. Мы определенно знаем только то, что 25 августа 1939 года Гитлер передал следующие предложения английскому правительству: Германия желает заключить с Англией пакт или союз; Англия должна помочь Германии получить Данциг и «Польский коридор»; необходимо выработать соглашение относительно колоний для Германии; Германия обещает защищать целостность Британской империи в случае нападения на нее.

Через три дня Гендерсон вручил в Берлине британский ответ на германские предложения: Англия готова пойти на заключение широкого соглашения с Германией; она не возражала также против передачи Германии Гданьска и «коридора».

Итак, Англия не возражала, чтобы Гитлер забрал часть польской территории, и готова была пойти на «широкие соглашения» с Германией.

Но СССР, по Суворову — Резуну, должен *«независимо от позиции Британии, Франции или Польши официально объявить, что Советский Союз будет защищать польскую территорию как собственную».*

Германия нападает на Польшу, СССР ради захватчика своих земель — Польшу — ввязывается в войну с Германией, а Англия, у которой с Германией «широкие соглашения», идет войной на Россию...

Дельный совет дает Сталину британский подданный Суворов — Резун. Правильный совет...

В следующий раз Сталин им обязательно воспользуется...

Но все же, без смеха, что в действительности происходило на военных переговорах Англии, Франции и СССР? Была ли в 1939 году возможность создать их военный союз и тем, может быть, пресечь войну в самом ее начале?

Неужели Сталин блефовал?

Переговоры начались 12 августа 1939 года. Сейчас мы не знаем всех подробностей обстановки того времени, но общее представление о ней неплохо дает телеграмма военно-воздушного атташе СССР в Англии в Генеральный штаб РККА от того же 12 августа:

«По проверенным данным, Германия проводит военные приготовления, которые должны быть закончены к 15 августа. Призыв резервистов и формирование частей резерва проводятся в широком масштабе и замаскировано.

15 августа ожидается издание приказа «Шпаннунг» по всей Германии. Это очень серьезные мобилизационные мероприятия.

Подготавливается удар против Польши силами 1-й армии — 2, 3, 4, 8, 13, 17 и 18-м армейскими корпусами и бронедивизиями, ориентированными на восток. На западе проводятся только оборонительные мероприятия.

Германские военные круги ожидают, что Польше еще раз будет предложено мирное разрешение вопроса. Во всяком случае, решено покончить с этим вопросом в этом году.

И. Черный».

Таким образом, 12 августа с Польшей все уже было решено. Англии и Франции следовало немедленно заключать договор с Советским Союзом.

Читаем протокол первого заседания от 12 августа 1939 года. (Здесь и далее цит. по: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 545—635.)

«Маршал К.Е. Ворошилов....Прошу Вас, г. адмирал Дракс, и Вас, г. генерал Думенк, ознакомить нас с вашими полномочиями и предъявить свои мандаты. Предлагаю все письменные полномочия, какие имеются, перевести на язык миссий. Читаю свой мандат по-русски.

Маршал К.Е. Ворошилов зачитывает текст своего полномочия, после чего текст переводится на французский и английский языки.

Ген. Думенк предъявляет свой мандат.

Адм. Дракс заявляет, что он не имеет письменного полномочия; он уполномочен вести только переговоры, но не подписывать пакта (конвенции).

На вторичный вопрос маршала К.Е. Ворошилова, имеются ли у адмирала Дракса какие-либо письменные полномочия, адмирал Дракс заявляет, [что] он предполагает, что его полномочия английским по-

сольством доведены до сведения советской миссии, но письменных полномочий у него нет. В случае надобности он это полномочие в письменном виде может предъявить в возможно короткий срок».

Прервем цитирование, чтобы пояснить кое-что. Английскую миссию возглавлял не министр обороны, даже не начальник штаба, а всего-навсего комендант Портсмута, одной из британских военно-морских баз. Само собой разумеется, высказывания коменданта английской базы на переговорах ни к чему английское правительство не обязывали.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Я полагаю, вы отлично понимаете, что мы не сомневаемся в том, что вы представляете интересы ваших стран, в частности, английская миссия представляет здесь английскую армию, флот и воздушные силы. Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут закончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи. Мы можем вести переговоры по вопросам организации обороны Англии, Франции и СССР от косвенной агрессии стран Европы, и мы можем подписать военную конвенцию. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, этот вопрос совсем не праздный — он в самом деле определяет и порядок, и форму наших переговоров.

Адм. Дракс заявляет, что советская миссия находится в преимущественных условиях, так как имеет возможность непосредственно сноситься со своим правительством. Далее адмирал Дракс заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия, но ввиду дальности расстояния от Лондона он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию не видело его правительство.

Маршал К.Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компанией.

Адм. Дракс заявляет, [что] он считает, что отсутствие полномочий не должно служить препятствием к ведению переговоров и что не было таких прецедентов, чтобы миссия, которая едет для военных переговоров, уполномочивалась подписать конвенция без правительства. Так было при наших переговорах с Турцией и Польшей».

Я прерву цитирование протокола, чтобы выразить свое собственное мнение. Слова британского адмирала можно принять во внимание. Военная миссия, имеющая соответствующие полномочия, договаривается о соглашении, после чего правительство его утверждает. Вопрос только в том, что до дня, когда Германия начнет действовать, осталось менее трех недель. Надо было присылать не просто переговорщиков, а лиц, уполномоченных подписывать документ, оформляющий военный союз против агрессии.

Цитируем дальше:

«Ген. Думенк зачитывает свои полномочия...

Маршал К.Е. Ворошилов. Теперь я хотел бы просить главу английской миссии адмирала Дракса и главу французской миссии генерала Думенка сообщить нам их предложения относительно тех мероприятий, которые должны обеспечить, по их мнению, организацию обороны договаривающихся стран, т.е. Англии, Франции и Советского Союза. Есть ли у миссий Англии и Франции соответствующие военные планы?

Адм. Дракс заявляет, что, приезжая сюда по приглашению Советского правительства, он рассчитывал, что проект будет предложен советской миссией».

Снова прерываем цитирование, чтобы вдуматься в слова английского адмирала. Менее трех недель осталось до агрессии Германии против Польши, а следовательно, и войны Германии против Англии и Франции. СССР не имеет с Германией общей границы и, по крайней мере, на первых порах, в войне принять участия не может.

И вот, приехав в Москву, английский адмирал ждет от СССР предложений по поводу союза в предстоящей войне...

Читаем дальше:

«**Маршал К.Е. Ворошилов.** У нас кое-какие наметки плана имеются, но мы полагаем, что каждая миссия должна иметь свои предложения, поэтому нас очень занимает вопрос о том, что собой представляют ваши планы. Наше правительство пригласило военные миссии Англии и Франции в надежде на то, что эти вопросы как английский, так и французский генеральный штаб неоднократно обсуждали и у них имеются эти планы, тем более что нашему совещанию предшествовали политические переговоры, начатые по предложению Англии. Поэтому, естественно, что этот вопрос не может не быть в поле зрения английского и французского правительств.

Адм. Дракс заявляет, что у них, конечно, имеется план, но [разработанный] в общих чертах; так как выезд миссии был поспешный, мы [заявляет Дракс] точно выработанного плана не имеем. Германия уже имеет отмобилизованных 2 млн. войск, и ее выступление намечено на 15 августа».

Из этих слов видно, что англичане считали, что Германия начинает боевые действия уже 15 августа. Ч е р е з д в а д н я ! И англичане в столь напряженный момент послали в Москву переговорщиков, не имеющих никаких полномочий подписывать соглашения!!!

«**Маршал К.Е. Ворошилов.** Наша миссия не претендует на то, чтобы дать законченный во всех деталях военный план. Мы, однако, считаем целесообразным и абсолютно правильным, если хотите, справедливым, представление со стороны миссий Англии и Франции плана военной обороны трех договаривающихся стран от агрессии в Европе хотя

бы в том виде, в каком он есть. Советский Союз находится в несколько отличном положении, чем Англия и Франция. Советский Союз непосредственно не соприкасается на западе со странами блока агрессоров, поэтому он может служить объектом для нападения лишь во вторую очередь. Что же касается Англии и Франции, а также тех стран, с которыми Англия и Франция уже заключили те или иные пакты, то они являются непосредственно граничащими со странами блока агрессоров и, разумеется, у вас в первую очередь должны быть наметки против возможных нападений агрессоров. Мы ваших планов не знаем».

Конец заседания завершился согласием Дракса и Думенка предоставить на следующий день такие планы.

Заседание 13 августа. Через день, согласно английским данным, немцы должны осуществить нападение. Как вела себя английская делегация в этот день?

«Адм. Дракс, прежде чем начать совещание, благодарит маршала Ворошилова за новую расстановку мест, обеспечивающую успешность работы совещания; далее [он] просит выступающих говорить короткими предложениями для удобства перевода.

Адм. Дракс заявляет, что будет трудно одновременно обсуждать цели, принципы и планы; однако, учитывая предложения маршала Ворошилова, он выражает согласие вести обсуждение плана организации защиты от агрессивных стран в Европе».

Вот те на! Согласие на предложение, которого Ворошилов не делал. Впрочем, англичане прислали такого престарелого ветерана, что его старческая забывчивость вполне простительна.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Тут некоторое недоразумение; очевидно, виноват переводчик. Если мне будет позволено председателем, я уточню вчерашнее предложение. Вчера мы предложили обсудить на сегодняшнем заседании, вернее — взаимно ознакомиться с имеющимися у военных миссий планами по организации обороны договаривающихся сторон от агрессии в Европе, исходя из того положения, что принципы и цели уже всем нам известны, и сами планы, которые мы будем обсуждать, имеют в своей основе соответствующие принципы; они исходят из того принципиального положения, что мы организуем наши вооруженные силы для защиты наших государств. Если окажется, что этого предположения недостаточно, тогда можно будет особо коснуться принципов и целей. Но я выражаю опасение, что это отвлекло бы нас в сторону.

Повторяю, принципы и цели ясны. Планов мы еще не знаем. Поэтому нужно было бы перейти к изложению или сообщению планов».

Ворошилов, как клещ, не дает себя сбить на отвлеченные разговоры. Он требует предъявления конкретных планов.

Но адмирал Дракс — наверное, в силу старости — снова делает попытку увести разговор в сторону.

«Адм. Дракс. ...Само собой разумеется, что начальники генеральных штабов совместно выработают планы; здесь мы дадим общий набросок плана, а о деталях будем договариваться впоследствии».

Ворошилов парирует этот выпад.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Это не совсем понятно. План должен быть здесь определен. Мне кажется, что дело данного высокого совещания, представляющего и правительство и вооруженные силы трех договаривающихся стран, заключается в том, чтобы установить здесь основы плана: количество войск трех держав, материальные ресурсы и реальное направление действующих сил в защите наших государств. Все это должно быть, как мне кажется, определено здесь».

Глава французской миссии принимает это предложение и начинает знакомить со своим планом. Начинает он с вооруженных сил Франции.

«Ген. Думенк. ...Говоря о вооруженных силах Франции, генерал Думенк просит маршала Ворошилова и адмирала Дракса сделать ему честь представить французскую армию, готовую к сражению».

Когда ему была оказана эта честь, Думенк рассказал о французской армии, описал план мобилизации, а затем предполагаемый план военных действий.

«Если главные силы фашистских войск будут брошены на западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление неприятеля. После того как будет задержан неприятель, французская армия сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку. К этому времени французская армия будет подкреплена английскими войсками, численность которых [он], к сожалению, не в силах сообщить».

...Если главные силы фашистских войск будут направлены на восточный фронт, то немцы вынуждены будут оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен будет всеми своими силами наступать против немцев... Таким образом генерал Гамелен заставит противника вернуть свои силы с восточного фронта.

Если неприятель этого не сделает, то фашистские силы будут разбиты».

Любопытное заявление в свете того, что произойдет всего через три недели. Франция не пойдет «всеми своими силами» на Германию — хотя она и обещала Польше нанести удар через 15 дней после начала войны, а бомбардировки начать немедленно.

Ну а что сообщили о своих планах англичане?

«Ген. Хейвуд. ...Наша программа — это отмобилизовать один эшелон из 16 дивизий, который будет готов к первой стадии войны. Если война будет завтра, количество войск будет незначительно, а если через шесть месяцев — положение сильно изменится».

Театр абсурда. Англичане полагают, что «война будет завтра», а «сильно изменить» положение обещают лишь «через шесть месяцев».

Но не это самое смешное. И не самое печальное. Еще смешнее и печальнее то, что и этих 16 дивизий еще нет.

«Маршал К.Е. Ворошилов. 16 дивизий, о которых сообщил генерал Хейвуд, они выставляются через какой срок после объявления войны?

Ген. Хейвуд. Срок будет кратчайшим.

Маршал К.Е. Ворошилов. Если завтра вспыхнет война, то сколько дивизий и в какой срок могут быть переброшены во Францию?

Ген. Хейвуд. В настоящее время в Англии имеется 5 дивизий пехотных и 1 механизированная, которые полностью укомплектованы благодаря призыву молодежи и которые могут быть направлены немедленно».

Одна механизированная дивизия и пять пехотных дивизий. Через какой-то срок англичане доводят число до 16 дивизий. Огромная решимость биться с Гитлером, который на 15 августа 1939 года, по английским сведениям, уже готов выступить против Польши и имеет — тоже по английским сведениям — 2 миллиона солдат. Заметим, что после, через полгода после начала Второй мировой войны, на момент разгрома французских сил в мае — июне 1940-го, Британия имела на континенте всего 12 дивизий, тогда как крохотная Бельгия выставила 22.

Таким образом, английский генерал лгал.

Любопытно сравнить британский вклад со вкладом СССР в союзные действия, объявленные 15 августа маршалом Шапошниковым:

«Против агрессии в Европе Красная Армия в Европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий (сюда входят и пушки и гаубицы), 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации), т.е. бомбардировщиков и истребителей... Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней».

Но с этим планом Шапошников выступит 15-го числа, а мы пока рассматриваем заседание от 13 августа. В этот день, прежде чем ознакомить англичан и французоз с планами СССР относительно будущей войны, советская делегация выражает желание узнать английский и французские планы.

«Маршал К.Е. Ворошилов. ...Как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против нас?...Я хочу дать пояснение. Советский Союз, как известно, не имеет общей границы ни с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии».

Запомним: 13-го числа, на второй день переговоров, был поставлен вопрос о Польше. До самого конца переговоров, 22 августа, этот вопрос так и не будет ясен.

Теперь перейдем к протоколу от 14 августа. Английская и французская делегации обещали теперь дать ответ на вопрос Ворошилова о проходе через территорию других стран, с которыми у Англии и Франции есть военные соглашения. Обещали, но на протяжении всего заседания Ворошилов, несмотря на упорные усилия, ответа так и не получил.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Я вчера задал генералу Думенку следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию или Англию, если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или против блока агрессоров в случае их выступления против одной из договаривающихся сторон или против тех стран, о которых я только что упомянул?

Ген. Думенк. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Мне на него очень легко ответить, так как, мне кажется, мы с маршалом хорошо друг друга понимаем.

Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело — защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят. И в этом случае мы должны обеспечить пути сообщения, которые у нас недостаточно развиты. Я приготовил грубую схему, которая может пояснить мои мысли. (Генерал Думенк по своей схеме дает объяснение маршалу К.Е. Ворошилову.)

Эти страны защищают свою территорию, но мы им окажем помощь, когда они потребуют ее.

Маршал К.Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К.Е. Ворошилов. ...Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки вверх, они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно».

Ворошилова, однако, волновала не эмоциональная оценка событий, а роль в них Красной Армии.

«Маршал К.Е. Ворошилов. ...Положение вооруженных сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе.

Ген. Думенк. (Развертывает карту СССР и показывает район западной границы.) Это фронт, которого немцы не должны переходить ни в

коем случае. И это тот фронт, на котором должны базироваться советские вооруженные силы».

Подобная установка вызвала у Ворошилова удивление.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Это «фронт», который мы всегда занимаем и который, можете быть уверены, г-н генерал, фашисты никогда не перейдут, договоримся мы или нет.

Ген. Думенк. Я очень рад слышать это заявление господина маршала».

Генерал Думенк, как истинный француз, неизменно любезен, но одной любезностью на военных переговорах не отделаешься. Требуется полная ясность, хотя бы насчет Польши. Ворошилов снова пытается ее достичь. Генерал Думенк отвечает.

«Ген. Думенк. ...Наверное, можно будет сказать, что, как только Польша и Румыния вступят в войну, им понадобится помощь в снабжении. Мы сделаем все, что можем, и эти сообщения (так в оригинале. — *А.П.*) будут обеспечены. Но ясно, что СССР может сделать многое в этом направлении, потому что Красная Армия лучше расположена.

Маршал К.Е. Ворошилов. Так, как вы себе это представляете, я с этим не согласен. Что значит лучше расположена? (Переводчик поясняет, что речь идет о географическом положении.) Безотносительно к тому, что происходит, наша страна хорошо расположена для защиты своих границ. Для участия в совместной борьбе против врага она не может считать себя так расположенной.

Ген. Думенк. Уточню вопрос таким образом, что речь идет о ваших воздушных силах и о нападении этих сил на Германию. Сейчас мы еще не обсуждаем вопрос о путях сообщения».

Другими словами, СССР предлагали лишь использовать авиацию. Странное предложение, учитывая, что дальних бомбардировщиков у СССР было немного. Даже на 1 июня 1940-го в дальней авиации СССР было всего 330 исправных ТБ-3, 897 исправных ДБ-3 и считанные ТБ-7. Что касается прочих бомбардировщиков, а также истребителей, то их радиус действия не позволял долететь до Германии и вернуться назад.

Вступив в войну на стороне Англии и Франции, СССР пришлось бы молча наблюдать, как Германия расправляется с Францией и «1 механизированной и 5 пехотными» дивизиями Великобритании, — после чего Германия непременно двинула бы свои войска на Восток, на бомбившую ее Россию.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или главного агрессора, — если он нападет. Только это я хочу знать и прошу мне дать ответ, как себе представляет эти совместные действия генерал Гамелен и генеральные штабы Англии и Франции.

Г-н генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос, или, вернее, добавление к моему вопросу:

Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее:

Предполагаете ли, что ваши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию? И еще:

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?»

Что же ответил на эти вопросы Думенк?

Да ничего.

«Ген. Думенк. Я согласен с маршалом, что концентрация советских войск должна происходить главным образом в этих областях, указанных маршалом, и распределение этих войск будет сделано по Вашему усмотрению. Я считаю, что слабыми местами польско-румынского фронта являются их фланги и место их стыка. Мы будем говорить о левом фланге, когда перейдем к вопросу о путях сообщения».

Ответа на вопрос нет.

Ворошилов снова его требует.

«Маршал К.Е. Ворошилов. Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорил о концентрации советских сил, а спрашивал насчет того, предполагается ли генеральными штабами Англии и Франции пропуск наших войск к Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником.

Ген. Думенк. Я полагаю, что Польша и Румыния будут Вас, г-н маршал, умолять прийти вам на помощь.

Маршал К.Е. Ворошилов. А может быть, не будут. Пока этого не видно. У нас с поляками есть пакт о ненападении, а у Франции с Польшей имеется договор о взаимной помощи. Поэтому названный мной вопрос не является для них праздным, поскольку мы обсуждаем план совместных действий против агрессора. На мой взгляд, у Франции и Англии должно быть точное представление о нашей реальной помощи или о нашем участии в войне».

Тут, наконец, решил подать голос английский адмирал Дракс.

Лучше бы он молчал!

«Адмирал Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить».

Вот те на! 50 лет Сталина ругали за пакт Молотова—Риббентропа, за вступление Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украи-

ну, — а, оказывается, именно это 60 лет назад предложил нашему правительству английский адмирал, посланный в Москву английским правительством!

На этом мы, пожалуй, прервем цитирование протоколов переговоров. Они составляют еще с полсотни страниц, но ничего нового они уже не сообщают. И снова Ворошилов требовал пропуска частей Красной Армии через Польшу и Румынию, и снова он слышал уклончивые ответы. Эта уклончивость была вызвана безрассудно жесткой позицией Польши, не желавшей пропускать Красную Армию.

Французы, естественно, не хотели говорить об этом прямо. Следуя инструкциям, Думенк отчаянно пытался затянуть переговоры — однако общие разговоры и неопределенность ответов относительно прохода по польской территории советских частей в конце концов вывели Ворошилова из себя. Он объявил о перерыве переговоров до того момента, пока у англичан и французов не будет четкого ответа. Адмирал Дракс настоял на том, чтобы 21-го числа, в любом случае, состоялось новое заседание.

Во время перерыва в переговорах, 20 августа, Гитлер обратился к Сталину с настойчивой просьбой принять Риббентропа для подписания пакта о ненападении между Германией и СССР. Сталин ответа не дал.

21 августа состоялось новое заседание на переговорах по союзному договору с Англией и Францией. Ответа на свой вопрос Ворошилов снова не получил. После перерыва, в 16 часов, он огласил текст советского заявления, в котором, в частности, говорилось:

«Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении сотрудничать к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР».

В тот же день, 21-го числа, Сталин согласился принять Риббентропа.

Он долго медлил с этим. Еще 18-го Молотов просил об отсрочке визита в Москву Риббентропа на неделю. 20-го числа нетерпеливый Гитлер обратился к Сталину лично: «Я предлагаю вам принять министра иностранных дел во вторник, 22 августа, или, самое крайнее, в среду, 23 августа».

Сталин выбрал 23-е. 22-го Риббентроп еще не прибыл в Москву, Англичане и французы могли дать ответ. Состоялось новое заседание,

но ответа Ворошилов так и не получил.

22 августа, на последнем заседании, Ворошилов выразился уже без всяких дипломатических формулировок:

«Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить, для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того, как все эти вопросы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя».

23 августа в Москву прибыл Риббентроп, и в тот же день был подписан договор о ненападении.

Но было ли требование о проходе через Польшу и в самом деле принципиально важным? Велись ли сами переговоры советской стороной лишь для того, чтобы натравить Германию на Англию и Францию и способствовать началу Второй мировой войны, как это считает Суворов — Резун?

Ответы на эти вопросы можно найти в отчете о переговорах в Москве главы французской военной миссии генерала Думенка:

«1) С самого начала создалось впечатление, что у советской делегации имеются строгие указания по вопросу о проходе через польскую и румынскую территории. При первой же возможности она поставила этот вопрос в качестве предварительной основы для любого военного соглашения и заявила, что она отсоветует своему правительству заключать какую бы то ни было конвенцию, если этот пункт не будет принят.

2) Мы смогли дать пищу для обсуждения на семи состоявшихся заседаниях, согласившись с тем, чтобы были сделаны краткие сообщения о размерах наших соответственных военных ресурсов. В этом отношении заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные.

Были изложены планы военной помощи, которая была бы нам оказана в различных возможных случаях. Эта помощь является значительной, поскольку она составляет, в зависимости от случая, от 70 до 100% выставляемых нами сил.

3) Мотивом их требований «*sine qua non*» [непременное требование (лат.). — А.П.] является опасение, что Польша и румыны могут обратиться за ним слишком поздно. Другим мотивом является выраженное ими желание предпринять наступательные действия в нашу пользу в случае, если бы основной удар был направлен против нас. Наконец, это обеспечит им возможность избежать какой бы то ни было потери времени, если германская агрессия будет направлена на Прибалтийские страны.

Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно...» (т а м ж е. С. 619).

...Пройдет 50 лет. В недрах ГРУ и КПСС вызреет великий мысли-

тель, который потом расцветет махровым цветом на почве туманного Альбиона. Он объявит на весь мир, что те переговоры нужны были коварному Сталину для развязывания Второй мировой войны. Свидетельство Думенка для него ничего не значит. Впрочем, его он вряд ли читал.

Следует заметить, что во время переговоров желание Франции достичь соглашения было убедительным. 110 дивизий Франции — это не 1 механизированная и 5 пехотных дивизий, что выставляла Британия. Полномочия французской делегации также не вызвали сомнений — в отличие от английской. Французы сообщили исчерпывающие сведения о своей армии; англичане же о своей армии практически ничего не сообщили. Французов возглавлял генерал армии, подчиненный начальника Генерального штаба, англичан — отставной адмирал, комендант Портсмута.

Французы предложили проект военной конвенции, хотя и не подкрепив его планом совместных военных действий и не решив (не по своей вине) даже такой элементарный вопрос, как проход советских войск через союзную Франции Польшу. Подписывать с французами конвенцию, не подкрепив его реальными военными планами, смысла не было: Мюнхен и последовавший за ним захват Чехословакии показали, что Гитлер этих дутых, чисто политических деклараций не боится.

А англичане же не предъявили даже проекта конвенции. Они с самого начала шли на срыв переговоров. По какой причине?

В наши дни эти причины уже хорошо известны.

Чемберлен:

«Я скорее подам в отставку, чем подпишу соглашение с Советами. Что касается русских, то они действительно преисполнены стремления достигнуть соглашения с нами».

4 июля 1939 года британское правительство обсуждало вопрос о переговорах, ведущихся в Москве. Было принято решение затягивать переговоры и к соглашению дело не вести.

29 июля 1939 года состоялись переговоры с немцами, о которых Ллойд-Джордж впоследствии с горечью писал:

«Мистер Чемберлен вел переговоры непосредственно с Гитлером. Для свидания с ним он ездил в Германию. Он и лорд Галифакс ездили также и в Рим. Они были в Риме, пили за здоровье Муссолини и говорили ему комплименты. Но кого они послали в Россию? У них не нашлось самого скромного из членов кабинета для этой цели; они просто послали чиновника иностранных дел. Это оскорбление. У них нет чувства меры, они не дают себе отчета о серьезности положения сейчас, когда мир оказался на краю бездонной пропасти».

Британскому подданному Резуну следовало бы почитать английские книги по истории.

СТАЛИН ГРОЗИТ МИРУ 130-ММ ПУШКОЙ

Глава 6 исторического труда Суворова — Резуна называется «О министерстве боеприпасов». В ней Суворов — Резун пишет о том, как безудержно вооружался Сталин. Аргументы вроде такого:

«Понятно, лидер «Ташкент» был куплен без вооружения. Муссолини продал бы Сталину и вооружение, но в то время во всем мире не было ничего, что могло бы сравниться по характеристикам с советской 130-мм корабельной пушкой. Поэтому установка вооружения осуществлялась в Николаеве».

Ну, Сталин! Самые лучшие пушки сделал. Ясенько: другие страны жили мирно, а Сталин рвался к войне.

Рядовой читатель при этих словах захлопнет книгу. Аргумент про пушку его полностью убедит. Сталин мог своими танками забить Германию, а потом пустить на дно британский флот своими 130-мм пушками, и тогда...

И невдомек рядовому читателю, что калибр 130 мм — это вовсе не большой калибр. Во Вторую мировую основную мощь морских держав представляли линкоры, калибр которых доходил до 356—406 мм. У СССР же имелось всего 3 линкора царской постройки с орудиями калибром 305 мм.

Поскольку линкоры стоят дорого, страны приберегали их для особых случаев, чаще применяя в морских сражениях крейсера. Крейсера имели более слабое вооружение, но превосходили линкоры в скорости. Калибр орудий тяжелых крейсеров во Вторую мировую составлял 203—305 мм, легких — порядка 180—152 мм.

У СССР в 1941 году имелось всего 7 легких крейсеров, все — с пушками калибром не более 180 мм. Как-то можно было использовать и стоящий в Неве крейсер «Аврора» с его 152-мм пушками и непревзойденным подводным тараном.

В ходе Второй мировой основную мощь флотов постепенно стали составлять авианосцы. У СССР во Вторую мировую не было ни одного авианосца.

Ударную мощь СССР тогда составляли три царских линкора, семь легких крейсеров и один допотопный, с тараном, всенародно чтимый доблестный герой русско-японской войны.

Это — страшная ударная мощь...

Англия в 1939 году, до начала мировой войны, располагала 15 линейными кораблями, 6 авианосцами, 66 крейсерами. Япония в 1939-м имела 10 линкоров, 10 авианосцев, 36 крейсеров.

Германия, лишившаяся флота после Первой мировой и долгое время сдерживаемая ограничениями Версальского мира, имела два уникальных линкора, сочетавших мощное вооружение и большую скорость, а также 11 крейсеров.

Что касается пушек в 130 мм, о которых пишет Суворов — Резун, то они ставились на эсминцы (эскадренные миноносцы) и лидеры (эскадренные миноносцы большого водоизмещения). Основное оружие всех этих кораблей составляли торпеды. Пуск торпед осуществлялся на близких дистанциях, при сближении на больших скоростях. Артиллерийское же вооружение играло лишь вспомогательную роль при поддержке огнем сухопутных войск и десантов, ведении боя с легкобронированными кораблями и т.д.

К примеру, в составе корабельной артиллерии появившегося в 1938 году эсминца «Гневный» входили только четыре 130-мм орудия, 2 орудия калибра 76,2 мм и полуавтоматические зенитные 45-мм пушки.

Так что с пушками в 130 мм Европу может завоевать разве что один Суворов — Резун в своем воображении. А пушки эти не то, что «лучшие в мире», а весьма посредственные, взятые на вооружение в недоработанном виде.

Вот что пишут о них в наши дни:

«В годы Великой Отечественной войны 130-мм пушки Б-13 стали самыми распространенными морскими орудиями среднего калибра. Ими были вооружены все лидеры и эсминцы советской постройки до 1945 года, ряд канонерских лодок, вспомогательный крейсер «Микоян», временно переоборудованный из ледокола, и некоторые минные заградители...

В ноябре 1929 года был представлен эскизный проект с длиной ствола орудия в 45 калибров... Лишь 8 апреля 1934 года приступили к заводским испытаниям пушки. Они выявили ряд дефектов, и образец вернули на завод для доработки. В апреле 1935 года испытания возобновили. Все это время у достроечной стенки завода пушки ждал лидер «Ленинград», спущенный на воду еще в 1933 году. В конце концов в УВМС закрыли глаза на недоделки, и в декабре 1935 «сырую» Б-13 официально приняли на вооружение, а серия пошла уже с мая 1935 года.

...Сохранить баллистику (по сравнению с дореволюционной 130-мм пушкой) без изменений при укороченном на 5 калибров стволе удалось за счет увеличения давления в канале. Это стало приводить к срыву ведущих поясков снарядов. Испытания в 1935 году первых трех серийных Б-13 показали, что живучесть их сохраняется только до 130 выстрелов (везде речь идет о полном заряде). Далее происходила полная потеря

меткости, и снаряды летели кувыркась. Таким образом и лидеры, и эсминцы не могли даже полностью расстрелять свой боезапас. Положение сложилось нетерпимое. Несколько КБ и НИИ, сотни ученых и инженеров были брошены на решение проблемы живучести Б-13. Частично снимало эту проблему применение лейнированного ствола. Теперь после 130 выстрелов нужно было менять не всю пушку, а лишь такую внутреннюю трубу ствола — лейнер. Причем это производилось прямо на корабле или береговой батарее. Кстати, аналогичная ситуация сложилась и в РККА. Там тоже мучались с низкой живучестью 152-мм пушек большой мощности Б-10. И вроде нашли выход: ствол решили делать полигональным, то есть имевшим в сечении правильный многоугольник. В РККА переделали в полигональные несколько пушек, в том числе и Б-30. Во флоте тоже переделали одно орудие образца 1913 года. Но история полигональных пушек была плачевной. Результаты испытаний только подтвердили выводы об их непригодности, сделанные еще в 1867—1872 годах, когда в России и других странах испытывались подобные орудия. К сожалению, результат этих исследований обернулся трагически — ряд военных и конструкторов были репрессированы.

В конце концов живучесть удалось поднять за счет увеличения числа нарезов лейнера. Первоначально приняли систему нарезов, разработанную Артиллерийским научно-исследовательским морским институтом (АНИМИ) — 44 нареза глубиной 1,95 мм, а через несколько месяцев — систему, разработанную в НИИ-13—40 нарезов глубиной 2,7 мм. А в итоге в 1941 году флот получил фактически три различные системы Б-13: с мелкой нарезкой, нарезкой АНИ-МИ и НИИ-13. Причем к каждой артсистеме требовались специальные снаряды, не подходившие к другим пушкам, специальные таблицы стрельб, прицелы и др. Нетрудно представить, сколько нареканий вызывало это у моряков» (Моделист-конструктор. 1998. № 3. С. 29).

Но, по Суворову — Резуну, пушка была прекрасная!

Ну что ж, чем бы дитя ни тешилось...

«На XVIII съезде партии командующий Тихоокеанским флотом флагман 2-го ранга Н.Г. Кузнецов говорил: «Флот должен превратиться, и превратится, как и вся Рабоче-Крестьянская Красная Армия, в самый нападающий флот»... Кузнецов выполнил свое обещание съезду, он превратил советский флот в самый нападающий, но для оборонительной войны нужны были другие корабли с другими характеристиками: охотники за подводными лодками, тральщики, сторожевые корабли, сетевые заградители».

Вот так!

Самый нападающий был флот у СССР!

Не было у СССР охотников, тральщиков, сторожевиков, заградителей.

Цифр у нашего исследователя, конечно, нет.

Ну что же, проверим, что за корабли строили в СССР перед Великой Отечественной.

«В течение 1940 г. и в начале 1941 г. судостроительная программа продолжала корректироваться: уменьшилось число линейных кораблей, но увеличилось число крейсеров; в плане появились два авианосца (для Северного и Тихоокеанского флотов). Было увеличено число боевых кораблей специального назначения: сторожевых кораблей, тральщиков и особенно охотников за подводными лодками. Это объяснялось влиянием начавшейся Второй мировой войны. К сожалению, ни теория, ни опыт войны не поставили задачу постройки специальных десантных судов» (Б а с о в А.В. Флот в Великой Отечественной войне, 1941—1945. М., 1980. С. 32).

В этой же книге есть таблица, согласно которой в 1941 году в постройке в СССР находилось 19 сетевых заградителей, 12 больших охотников за подлодками, 25 тральщиков, 15 сторожевых кораблей.

Суворов — Резун и этой книги, похоже, не читал.

Строилось также 2 лидера и 45 эсминцев, предназначенных в первую очередь для уничтожения других судов.

Однако собственно ударную мощь всех стран в то время составляли линкоры и авианосцы. В 1941 году в постройке в СССР было всего 2 линкора и ни одного авианосца. «Нападающими» по предназначению являются крейсера — быстроходные корабли с хорошим вооружением, рассчитанные на стремительные рейды для ударов по врагу. В СССР в 1941 году строилось всего 2 тяжелых крейсера и 10 легких.

Вот такой был в СССР «нападающий флот».

Суворов — Резун:

«По приказу Кузнецова запасы снарядов, торпед, мин, корабельного топлива были переброшены к германским границам, к румынским границам: в Лиепая, в речные порты Дуная. Там запасы и были захвачены немцами.

Лиепая находилась так близко к границе, что бои за город начались уже 22 июня. Оборону Лиепай от нападения с суши никто не готовил. В Лиепая, кроме всего прочего, были сосредоточены (и потеряны) три четверти запасов топлива Балтийского флота».

Проверим.

Почитаем того же Кузнецова, на приказ которого ссылается Суворов — Резун. О Лиепая Кузнецов пишет в книге «Накануне» (М., 1966) в связи с Мерцковым:

«Мне приходилось решать с ним ряд вопросов, например, об усилении сухопутных гарнизонов Либавы и Ханко, о взаимоотношениях Балтфлота с Прибалтийским военным округом».

Суворов — Резун, видимо, пропустил эти строчки, поскольку не знает, что Либава — это дореволюционное название Лиепай, использовавшееся моряками.

Из слов Кузнецова видно, что гарнизоном Либавы занимался командующий советскими ВМФ Кузнецов и начальник Генштаба Мерецков. Совсем незначительные фигуры, так что и в самом деле «оборону Лиепай с суши никто не готовил»...

А между тем с суши Лиепаяу прикрыли 67-й дивизией. Благодаря этой дивизии оборона Лиепай вошла в книги по истории Великой Отечественной войны в качестве примера героического сопротивления Красной Армии в июне 1941 года — наряду с защитой Брестской крепости. Суворов — Резун не удосужился взять краткую историю истории Великой Отечественной и прочитать в ней:

«На Балтике части 67-й дивизии 8-й армии, оборонявшие индустриальный город и военно-морскую базу флота Лиепая, сорвали попытку гитлеровцев с ходу овладеть этим городом и портом. Вплоть до 1 июля воины 67-й дивизии, заставы пограничного отряда, подразделения военно-морской базы и отряд курсантов военно-морского училища ПВО вместе с рабочими отрядами сдерживали численно превосходящего врага. Обороной руководили командир 67-й дивизии генерал Н.А. Дедаев, секретари горкома партии М. Бука и Я. Зарс. 291-я пехотная дивизия противника, которую поддерживали морская пехота, артиллерия, танки и авиация, понесла значительные потери и на десять суток оказалась скованной у стен Лиепай» [Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945). С. 61].

Никто не готовил Лиепаяу к обороне от нападения с суши!

Но Лиепая (Либава) действительно находилась близко от германских границ. И в 1940 году туда были переброшены советские корабли и, соответственно, их снаряжение. По какой причине?

Нарком ВМФ СССР Кузнецов писал в книге «Накануне»:

«В самом конце 1940 года я докладывал правительству о базировании кораблей на Балтике. Зима стояла на редкость суровая. Все базы, включая Таллин, замерзли. Речь шла об использовании Балтийским флотом Либавы».

Ах вот в чем дело! Корабли перебросили из-за льда на Балтике, а Либава была незамерзающим портом.

Но мы не верим Кузнецову. Мы верим Суворову — Резуну. Он говорил, что сам Сталин готовил нападение. Почитаем Кузнецова дальше, чтобы ущучить его, поймать на подготовке внезапного нападения на Германию.

И мы находим этот отрывочек без труда!

«А обстановка все ухудшалась и ухудшалась. В мае участились не только нарушения воздушного пространства. Из различных источников мы узнавали о передвижениях немецких войск у наших границ...

Опять возник вопрос о Либаве. Как я уже писал раньше, скученность кораблей в этой базе нас беспокоила и раньше. Но теперь в об-

становке надвигающейся военной угрозы требовалось предпринять решительные меры. Необходимо было перевести часть кораблей оттуда, но мы знали, что И.В. Сталин смотрел на дело иначе. Решили обсудить вопрос официально на Главном морском совете в присутствии А.А. Жданова...

Я развернул уже подготовленную подробную карту базирования кораблей.

— Их как селедок в бочке. Между тем близ Риги — прекрасное место для базирования. Оттуда корабли могут пойти в любом направлении.

— Послушаем, что скажут другие, — ответил Жданов.

На совете разногласий не было. Все дружно высказались за перебазирование отряда легких сил и бригады подводных лодок в Рижский залив. Так и решили...

Сталин, правда, резолюции писать не стал, но устно дал согласие.

Казалось бы, Кузнецов опровергает Суворова — Резуна. Он пишет о том, что перед войной советские морские силы были отведены от границы.

О, не торопитесь с выводами! Кузнецов пишет про «отряд легких сил и бригады подводных лодок». Но ударную-то мощь советского флота составляли линкоры! На Балтике их было целых два! А о них Кузнецов не пишет.

Это если цитировать, как Резун. А вот читаем дальше:

«Беспокоились мы и о Таллине — главной базе Балтийского флота. Расположенный в Финском заливе Таллинский порт был плохо защищен от нападения с севера. К тому времени рейд еще не успели оборудовать хорошими бонами и сетями, а на нем ведь стояло два линкора. Посоветовавшись с начальником Главного морского штаба и командующим флотом, решили перебазировать линкоры в Кронштадт. Всего за несколько дней до войны из Таллина ушел «Марат», а второй линкор, «Октябрьская революция», перебазировался только в июле, когда шла война, с большим риском».

Вот те на! Сталин готовит нападение, а линкор «Марат» — половина всех линкоров Балтийского флота — уходит в Кронштадт, что совсем рядом от Ленинграда!

Ну как коварно! Как непостижимо коварно! Сталин был еще хитрее, чем мы о нем думали...

Как и нарком ВМФ Кузнецов.

Но вернемся к Суворову — Резуну. К бесхитростному, порядочно-му, честному борцу за справедливость и правду. Припадем же к его чистому, как горный ключ, потоку правды.

«Советские корабли, имея мощное артиллерийское и минно-торпедное вооружение, имели весьма слабое зенитное вооружение. В войне агрессивной

мощного зенитного вооружения кораблям не требовалось просто потому, что войну советские генералы и адмиралы замыслили начинать внезапным сокрушающим ударом по аэродромам противника и подавлением его авиации».

Да, слабоватое было у нас зенитное вооружение...

Никто не спорит: бесполезно!

Н.Г. Кузнецов (о дне 22 июня 1941 года):

«К вечеру мы узнали, что немцы несколько раз бомбили Либаву. Налеты отражались зенитным огнем и истребительной авиацией».

Между строчек: отбивались небось бескозырками и сложенными вдвое ремнями...

«Было важно, что противник в первый день войны не потопил ни одного нашего корабля...»

Ни одного советского корабля не потопили немцы 22 июня 1941 года.

А почему?

Не было мощного зенитного вооружения у Красного флота...

К наступательной войне он готовился. К нападетельной...

Суворов — Резун развивает далее эту свою историческую мысль:

«Война вопреки замыслам получилась оборонительной, не мы нанесли первыми удар, а по нам. Противник господствовал в воздухе, а у советских войск и кораблей — слабое зенитное вооружение. От ударов с воздуха в августе 1941 года сильно пострадал, к примеру, лидер «Ташкент». Он был отремонтирован, в июне 42-го снова сильно поврежден авиацией противника, а в июле авиацией же и потоплен».

Блистательный пример агрессивных планов Сталина!

Год охотились немцы за «Ташкентом» — никак потопить не могли.

Плохое было у «Ташкента» зенитное вооружение...

Временами «Ташкент» был единственным кораблем, что связывал окруженный Севастополь со своими. Целую охоту организовали на него немцы — и все без толку. Лидер несся так, что прицельно сбросить на него бомбы было невозможно. Подкараулили его немцы только в порту, но он уже перевез 20 тысяч человек — раненых, гражданского населения — с осажденного пятачка. Доставил защитникам Севастополя 2,5 тысячи тонн боеприпасов...

Но пример хороший. К месту привел пример Суворов — Резун. У него что ни пример, то перл. Всегда к месту. Все, все говорит у него о грядущем нападении Сталина.

Целый год не могли немцы уничтожить корабль. Не был Сталин готов к оборонительной войне. Готовил наступательную.

Слабое было у «Ташкента» зенитное вооружение. Сбил «Ташкент» 13 вражеских самолетов. Пустяки какие...

Но все же — что говорится в справочниках о зенитном вооружении «Ташкента»?

«Ташкент» — лидер эсминцев Черноморского флота, активно участвовавший в героической обороне Одессы и Севастополя. Вступил в строй в 1940. Водоизмещение 2895 т, скорость 44,3 узла (82 км/ч); вооружение: 6 орудий, калибр 130 мм, 6—45 мм, 6—37 мм, 6 пулеметов 12,7 мм...» (Военно-морской словарь для юношества. 1987. Т. 2. С. 196).

Распишем вооружение «Ташкента» по порядку.

130-мм орудия — это универсальные орудия, которые могли использоваться и как зенитные — для стрельбы по летящим целям.

45-мм орудия — это зенитные полуавтоматические орудия.

37-мм орудия — это так называемые «зенитные автоматы», другими словами — автоматические зенитные орудия.

12,7-мм пулеметы использовались как зенитные.

Таким образом, в с е вооружение «Ташкента» могло использоваться как зенитное. Потому-то немецкая авиация и не могла потопить этот корабль в течение целого года.

Л.А. Шапиро в книге «Самые быстрые корабли» (Л., 1981) пишет про этот легендарный корабль так:

«Внимание! «Голубой крейсер» идет в Севастополь», — передавали вражеские самолеты-разведчики, и на перехват «Ташкента» устремлялись десятки «юнкеров», торпедоносцев, торпедных катеров. На полном ходу, маневрируя и открывая огонь, лидер вновь и вновь прорывался в осажденный город и уходил от него. «Ташкент» был последним надводным кораблем, поддерживавшим связь Севастополя с «Большой землей».

27 июня 1942 г. лидер в последний раз вырвался из Севастополя. На переходе корабль подвергся ожесточенной четырехчасовой атаке фашистских самолетов. Израненный корабль отшвартовался в Новороссийске, выполнив поставленную задачу.

На следующий день корабль посетил командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Поблагодарив экипаж за службу, Буденный сказал, что представляет «Ташкент» к гвардейскому званию, а весь личный состав корабля к правительственным наградам. Однако получить гвардейское звание «Ташкент» не успел. 2 июля в полдень к Новороссийску прорвалось около 30 «юнкеров». От прямых попаданий «Ташкент» затонул прямо у причала. «Голубой крейсер» был одной из главных целей налета», — сообщили на допросе летчики одного из самолетов, сбитых нашими истребителями. В открытом море «Ташкент» остался непобежденным» (С. 115—116).

Теперь мы знаем — почему. У него была, по Резуну, слабая зенитная артиллерия, а слабая зенитная артиллерия у него была по причине стратегической: Сталин готовился к нападению на Европу...

Но просчитался вождь.

И Суворов — Резун теперь его гневно обличает.

Ну а что представляло собой зенитное вооружение советских кораблей на самом деле?

Начнем с эсминцев. Вооружение эсминца «Гневный», что появился до войны: четыре 130-мм орудия, два 76,2-мм, четыре 45-мм полуавтоматических зенитных орудия (позднее вместо них были установлены 37-мм автоматы), четыре 12,7-мм пулемета.

130-мм орудия были универсальными, то есть могли стрелять по самолетам. 76,2-мм орудия 34-К тоже были универсальными. Таким образом, вся артиллерия «Гневного» могла использоваться как зенитная.

После выпуска нескольких эсминцев типа «Гневный» начался выпуск эсминцев типа «Сторожевой». Вооружение: четыре 130-мм орудия, два 76,2-мм орудия, семь 37-мм автоматов.

Строили в СССР и лидеры. Первенцем стал «Ленинград»: пять 130-мм орудий, два 76,2-мм орудия, шесть 37-мм зенитных автоматов, шесть крупнокалиберных пулеметов.

А чем располагал легкий крейсер «Киров», чье появление в 1935 году знаменовало собой появление советских крейсеров?

«Кроме пушек главного калибра были на «Кирове» еще шесть «соток», три 45-мм орудия и пять 37-мм автоматов...» (С т в о л н с к и й Ю. Конструкторы надводных кораблей. Л., 1987. С. 157).

«Сотки» — это 100-мм универсальные орудия, которые могли стрелять как по наземным, так и по воздушным целям. В борьбе с авиацией противника они показали себя превосходно.

По образцу «Кирова» был создан крейсер «Ворошилов». Затем вступили в строй улучшенный вариант «Кирова» — «Максим Горький» и однотипный с «Горьким» крейсер «Молотов».

Вот так было с зенитным вооружением на самом деле.

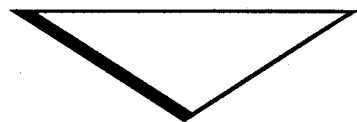
Может, это и непатриотично, но объективности ради следует заметить: предвоенные советские корабли проектировались с участием итальянцев. Так что по всем вопросам насчет зенитного вооружения, господин Суворов — Резун, обращайтесь не к Сталину, а к Бенито Муссолини.

Заметим, что слабое зенитное вооружение кораблей вовсе не говорит о наступательном характере этих кораблей. Как раз наоборот: если бы корабли имели цель воевать у берегов Америки, то им бы требовалось мощное зенитное прикрытие, тогда как близ родных берегов их прикрывает авиация ВМФ. С учетом этого можно сказать, что зенитное вооружение советских кораблей было вполне достаточно для оборонительной войны. На английских кораблях, которым приходилось курсировать вдали от родных берегов, зенитное вооружение было несколько сильнее, чем у советских судов. Существовали даже специальные эсминцы ПВО. Но за лишние орудийные башни и за дополнительный боезапас англичане теряли в скорости кораблей, которая была ниже скорости итальянских и советских кораблей.

Явно плохим зенитное вооружение было только у советских линкоров. Они строились при царе, и по первоначальному проекту зениток на них не предусматривалось вообще. В советское время, конечно, кое-что на линкоры установили, но это оказалось крайне трудным делом. Понимая, что линкорам придется служить долго, при царе на линкорах установили самые длинные в мире пушки, что обеспечило максимальную точность на дальних дистанциях и перекрыло возможное совершенствование пушечного вооружения у потенциальных противников. Но длинные пушки исчерпали возможность для установки дополнительного вооружения; на бортах пришлось даже ставить более тонкую броню. Так что для зениток на линкоре просто места не было. В советское время кое-чем линкоры все же вооружили, но этого оказалось недостаточно. На Балтике было два линкора, один сравнительно быстро был поврежден немецкой авиацией и лег на грунт; на втором зенитное вооружение в конце 1941-го было усилено за счет орудий главного калибра. Но это помочь уже не могло: линкоры как класс кораблей уходили в прошлое. Большая тихоходная цель стала беззащитной в эпоху торпедоносцев и бомбардировщиков, и потому с концом войны строительство линкоров прекратилось во всем мире.

Неважное оборонительное оружие было и у разного рода вспомогательных судов. Дело в том, что зенитные автоматы у советских конструкторов долго не получались. Завод им. Калинина смог создать приемлемые автоматы только перед самой войной, массовое же производство развернулось лишь в 1942 году. Немцы же выпускали многоствольные зенитные автоматы массово, даже баржи создавали вокруг себя море огня, тогда как советские вспомогательные суда, не имея зенитного вооружения, быстро погибали. При переходе из Таллинна гражданские суда с эвакуируемыми были затоплены почти все.

Но Сталин тут ни при чем.

ПРОМЕТЕЙ НЕСЕТ ОГОНЬ ЛЮДЯМ

Рассмотрев наш военно-морской флот, Суворов — Резун переходит к нашей авиации. Он и в авиации знаток.

Читаешь его с таким ощущением, что в мире ничего не смыслят ни во флоте, ни в авиации, а он, Суворов — Резун, прямо Прометей, несущий нам огонь знаний...

«Наркомат авиационной промышленности тоже теоретически производил и военные, и гражданские самолеты. Но можно вспомнить десяток названий великолепных истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, которые авиапромышленность выпускала тысячами, а вот вспомнить название гражданского самолета так просто и не удастся.

Был один такой самолет, который можно в какой-то степени считать гражданским, да и тот создан не у нас, а в Америке. Это был лучший в мире транспортный самолет С-47. Его строили у нас по лицензии и в качестве пассажирского, и в качестве транспортно-десантного. Так его и использовали: и в военном, и в гражданском вариантах, но для удобства все выпускаемые самолеты сразу на заводе красили в зеленый цвет, чтобы потом не перекрашивать».

Опять открытия за открытиями у Суворова — Резуна — ну прямо косяком.

Всегда считалось, что в Америке выпускали самолеты DC-3, «Дуглас коммерческий 3», его военную модификацию американцы называли С-47. СССР приобрел лицензию на коммерческий вариант DC-3. На его основе выпускался ПС-84, «Пассажирский скоростной 84» (на заводе № 84). Для армии было закуплено в США небольшое число С-47, которые использовались во время войны. Перед войной в СССР производились исследования — только исследования — по превращению ПС-84 в десантный самолет, но выпускался ПС-84 именно как пассажирский.

Самолет С-47 в СССР никогда не выпускался — ни в военном, ни в гражданском вариантах. Гражданского варианта С-47 вообще не существовало, даже в США.

Что касается мнения Суворова — Резуна, что все выпускавшиеся в СССР самолеты С-47 окрашивались в зеленый цвет, то тут я спорить не буду. Если самолет не выпускался, то какая разница — какой у него был цвет?

Пишет Суворов — Резун «зеленый» — пусть будет зеленый.

Но Суворов — Резун уже не слышит нас. Просветив читателя в области флота и авиации, Прометей принимается за просвещение в области боеприпасов. И здесь у него тоже удивительные открытия:

«В момент создания Наркомата боеприпасов Советскому Союзу никто не угрожал».

Момент создания наркомата — 11 января 1939 года. Верно, тогда никто не угрожал СССР. Никто не кричал «убью» и не грозил кулаками. Правда, существовал «Антикоминтерновский пакт», но в него входили только Германия, Италия и Япония, так что можно было не бояться.

«Япония имела мощную авиацию и флот, но сухопутная армия Японии была относительно небольшой, вдобавок японская армия вела малоперспективную войну в Китае».

Все верно: не угрожала Япония. 11 января 1939 года — это как раз между Хасаном и Халхин-Голом... Прав Резун. Не угрожал нам император Японии 11 января с 1 по 6 часов ночи. Он в это время крепко спал.

Суворов — Резун считает, что не угрожал и Гитлер.

«Гитлер нанес сокрушительное поражение Франции, но, если бы Сталин ударил по Германии в 1940 году, отбиваться Германии было бы нечем, ибо промышленность его еще не была мобилизована».

Заметим, что это написано в книге про якобы готовившееся нападение Сталина. Суворов — Резун сам пишет, что у Гитлера не была мобилизована промышленность, ему нечем было отбиваться, а Сталин, видя такое дело, — растяпа — не напал. И этим всем Суворов — Резун иллюстрирует агрессивность коварного Сталина.

Поверим Суворову — Резуну. Надо верить людям. Но все же, порядка ради, проверим, действительно ли не было снарядов у Гитлера.

М. Мельтюхов в книге «Упущенный шанс Сталина» на странице 469 приводит таблицу выпуска военной продукции в Германии и СССР.

Производство снарядов и мин в Германии и СССР

	1940 г.		Первая половина 1941 г.	
	Германия	СССР	Германия	СССР
Снаряды (тыс. шт.)	26 016	14 921	6480	11 301
Мины (тыс. шт.)	22 555	18 285	1745	8829

В 1940-м году — перевес у Германии. Но *«если бы Сталин ударил по Германии в 1940 году, отбиваться Германии было бы нечем»*. Не было у Гитлера в 1940 году снарядов. Так *«не было»*, что в следующем, 1941-м,

рассудив, что для блицкрига снарядов у него достаточно, Гитлер снизил выпуск боеприпасов, переключившись на выпуск танков.

Теперь посмотрим, как Сталин *«перевел промышленность на военные рельсы»*, а Гитлер — нет.

Доля великих держав в производстве вооружений (в %) приводится нами в таблице (по книге: К н о р р К. Военный потенциал государств. М., 1960. С. 67).

Доля великих держав в производстве вооружений

	1938	1939	1940	1941	1942
Германия	46	43	40	31	27
СССР	27	31	23	24	17
Англия	6	10	18	20	17
США	6	4	7	14	30
Италия	6	4	5	4	3
Япония	9	8	7	7	6

Итак, мы видим, что в 1940-м году доля Германии в мировом производстве вооружений составляла всего 40 процентов, а СССР — целых 23. А если бы Гитлер перевел свою страну на военные рельсы — какая могла быть доля? Просто страшно подумать! Все 40,5 процента!

Германия — маленькая страна, без сырьевых ресурсов и с 80 миллионами населения, ей 40 процентов мирового производства вооружений еле хватит, чтобы защитить свои ничтожные границы. СССР — страна с жуткими ресурсами, жуткими границами и с 200 миллионами граждан. 23 процента мирового производства вооружений в СССР — да, это подготовка к войне...

Короче, не перевел Гитлер свою маленькую Германию на военные рельсы, а Сталин перевел...

Интересно, что в другие годы фюрер был еще дальше от мысли переводить. В 1939 году доля Германии составляла 43 процента, доля СССР — 31 процент. И в 1939 году, по Резуну, Сталин жаждал напасть на Гитлера.

Воспользоваться моментом, когда у Гитлера не было снарядов!..

А вот в Красной Армии положение со снарядами было просто великолепным. Об этом каждый может прочитать в книге «Маршал Жуков. Каким мы его помним». М., 1988.

Г.К. Жуков после войны в беседе с Константином Симоновым коснулся вопроса об обеспечении Красной Армии снарядами на начало 1941 года:

«Особенно тяжело обстояло в ту зиму и весну дело с боеприпасами. Новые, введенные на вооружение артиллерийские системы, в том чис-

ле противотанковые, были обеспечены только пробными сериями снарядов. Из-за задержки со снарядами задерживалось и уже налаженное производство орудий.

Мы поставили вопрос о создании годового запаса снарядов на первый год войны, считая, что после перевода промышленности на военные рельсы производство, покрывающее нужды фронта, может быть достигнуто только через год после его начала.

Возникли споры.

Вознесенский, человек, знающий экономику, тут же мгновенно подсчитал, какое огромное количество снарядов мы хотим иметь в запасе, и с карандашом в руках начал доказывать, что, согласно нашим расчетам, мы планируем 500 снарядов для поражения одного танка противника.

— Разве это возможно?

Пришлось ответить ему, что это не только возможно, а необходимо, что будет отлично, если нам удастся обойтись даже не пятьюстами, а тысячей снарядов для уничтожения каждого немецкого танка.

— А как быть с нормами поражения, записанных у вас во всех документах? — спросил Вознесенский.

— Так это же нормы поражения на учениях, а на войне другое дело. Была создана комиссия.

После всех подсчетов убедились, что производство такого количества снарядов металлом обеспечить можно, но нельзя обеспечить порохами, с порохом дело обстояло из рук вон плохо.

В итоге заявку пока было решено удовлетворить только на 15—20 процентов».

Маленький комментарий к словам Г.К. Жукова. В июне 1941-го только началось производство 57-мм противотанковой пушки; снарядов к ней запasti не успели. С 1939 года началось производство 85-мм зениток, которые в 1941-м пришлось использовать как противотанковые, а достаточного запаса снарядов для нее сделано еще не было. 45-мм противотанковые орудия, для которых было много снарядов, не пробивали немецкие танки с установленной перед войной с СССР дополнительной броней.

Можно сказать, страну просто выручила 76-мм пушка Ф-22 УСВ, для которой был произведен приемлемый боезапас. Сталин так и говорил создателю этой пушки Грабину: «Ваша пушка спасла Россию».

Суворов — Резун:

«Советский Генеральный штаб, правительство и сам Сталин не очень боялись и германской агрессии в начале 1939 года. Общей границы с Германией не было, и потому Германия не могла напасть».

Не очень боялись. Боялись-таки, но не очень. Вот Сталин и говорил начальнику Генштаба Шапошникову: «Очень боишься?» Шапош-

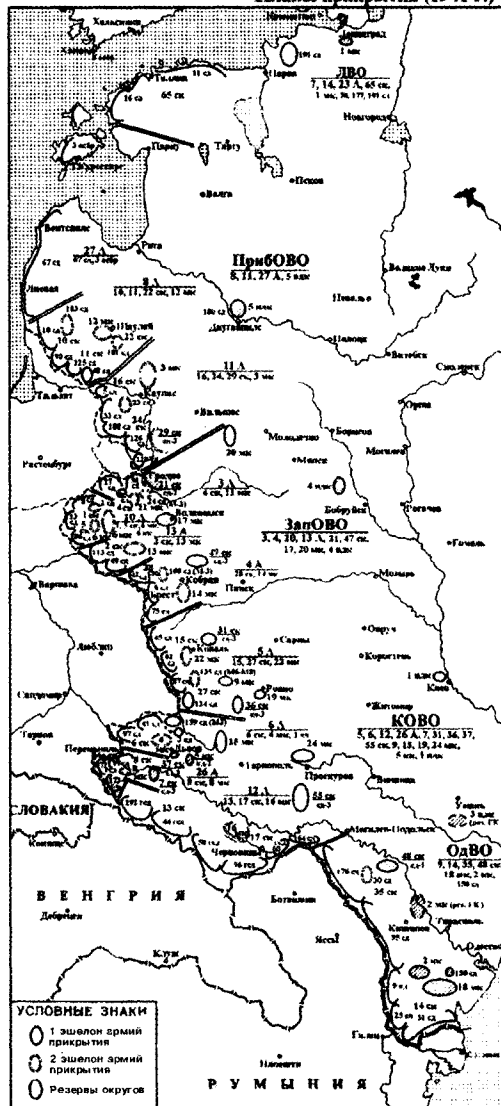

“Американские студебекеры — Сталину. Это и есть готовность к войне” (фото из книги Резуна)

Немецкая самоходная артиллерийская установка “Карл”

Планы прикрытия (1941 г.)

ПриОВО

1. Ширина полосы обороны сухопутной границы - 300 км.
2. Количество дивизий: 1 эшелон армий прикрытия - сд-9; 2 эшелон армий прикрытия - 12 дивизий (сд-6, тд-4, мд-2); резерв округа - сд-1, пд-1.
3. Средняя оперативная плотность на дивизию 1 эшелона - 33 км.
4. Глубина обороны - 100-125 км.
5. Время: заплата обороты дивизионный 1 эшелон - 13-16 ч; развертывание 12 и 3 МК - М1, 22 СК - М8-М13, 24 СК - М3-М4, 29 СК - по решению командующего 11 А.

ЗапОВО

1. Ширина полосы обороны - 470 км.
2. Количество дивизий: 1 эшелон армий прикрытия - сд-10; 2 эшелон армий прикрытия - 18 дивизий (сд-4, тд-8, мд-4, кд-2); резерв округа - 11 дивизий (сд-5, тд-4, мд-2).
3. Средняя оперативная плотность на дивизию 1 эшелона - 47 км.
4. Глубина обороны - 100-150 км.
5. Время: заплата обороты дивизионный 1 эшелон - 3-16 ч, 42 сд - через 30 ч; дивизионный 2 эшелон - 3 А: 85 сд - до 24 ч, 24 сд - в М3 до 6-8 ч, 11 МК и М1 до 4-11 ч; в 10 А: 2 сд, 6 МК в М1 до 18-20 ч, 6 МК - в М1-М2; 13 А: управление А - М3, управление 2 СК - М2, 13 МК - в М1 до 6-8 ч; 4 А: 100 сд, 14 МК в М1 до 6-11 ч; резервы округа: 21 и 47 СК - М4-М10, 17 и 20 МК - М3-М4.

КОВО

1. Ширина полосы обороны - 860 км.
2. Количество дивизий: 1 эшелон армий прикрытия - сд-17; 2 эшелон армий прикрытия - 13 дивизий (сд-8, мд-4, кд-1); резерв округа - 28 дивизий (сд-15, тд-8, мд-4, кд-1).
3. Средняя оперативная плотность на дивизию 1 эшелона - 50 км.
4. Глубина обороны - 100-150 км.
5. Время: заплата обороты дивизионный 1 эшелон - М1 от 3 до 19 ч, 44, 58, 164, 96 сд - М1-М3; дивизионный 2 эшелон - 4 МК - 7-9 ч М1, 8 и 16 МК к исходу М1, 22 МК - М3; резервы округа - 15 и 24 МК до 18 ч М1, 7, 31, 36, 55 СК, 5 МК - М4-М15.

ОдВО

1. Ширина полосы обороны сухопутной границы - 450 км.
2. Количество дивизий: 1 эшелон армий прикрытия - 5 дивизий (сд-4, кд-1); 2 эшелон армий прикрытия - сд-1; резерв округа - 6 дивизий (сд-2, тд-2, мд-1, кд-1).
3. Средняя оперативная плотность на дивизию 1 эшелона - 90 км.
4. Глубина обороны - 60-180 км.
5. Время: заплата обороты дивизионный 1 эшелон - 4-70 ч; выход в районы сосредоточения остальных войск - 30-100 ч.

План прикрытия, действовавший в 1941 году

СХЕМА БАЗИРОВАНИЯ ЧАСТЕЙ ВВС ЗАПАДНОГО ФРОНТА
К НАЧАЛУ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 22. 6. 1941 г.

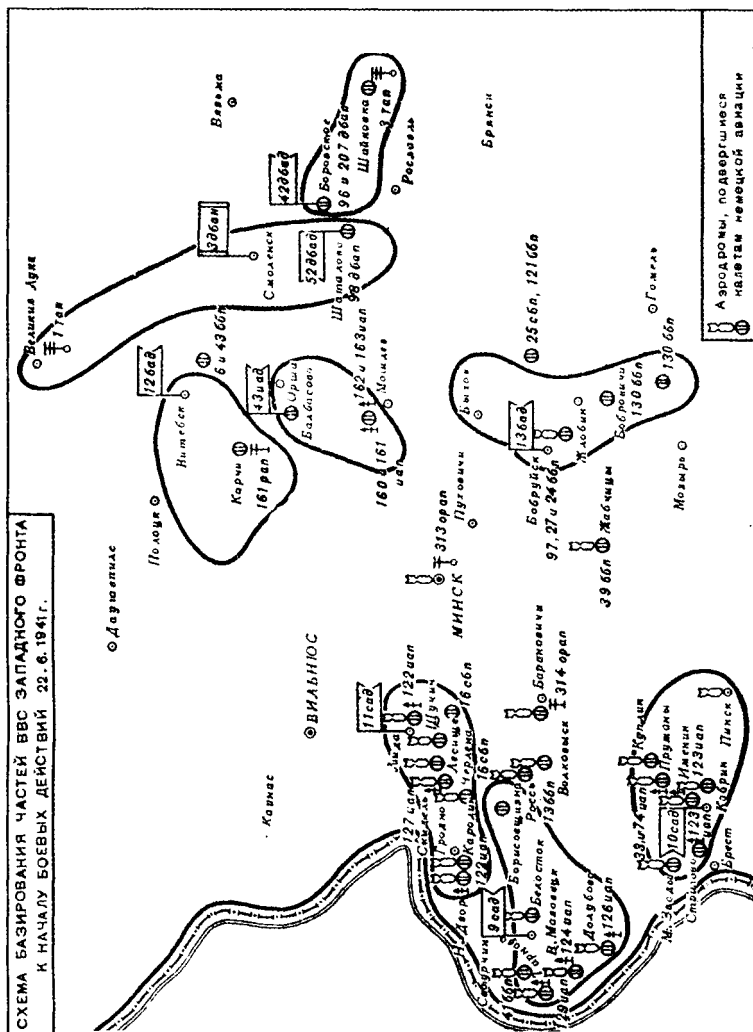
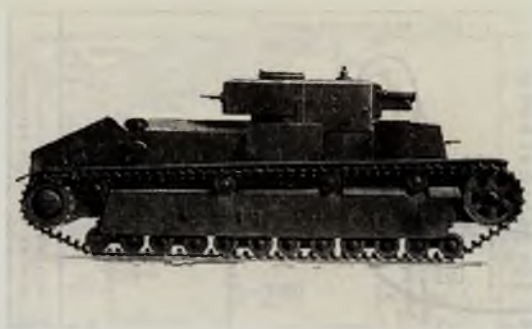

Схема базирования частей ВВС Западного фронта к началу боевых действий 22.06.1941 года. Аэродромы, подвергшиеся налетам немецкой авиации

Советский танк
Т-28

Французский
танк В1бис

Английский танк
"Валентайн"

Английский танк
"Черчилль"

"Черчилль" (фото
из книги Резуна)

Английский танк
"Матильда"

*Американский
танк М3 (фото
из книги Резуна)*

*Танк М3 с
советским
экипажем*

*Американский
танк М3А3*

Французский
танк "Шнейдер"

Немецкий
танк A7V

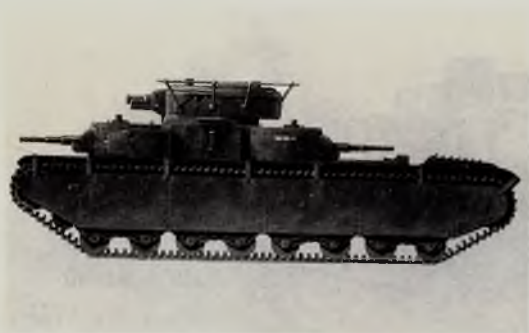

Английский
танк Mk VIII

*Американский
танк "Шерман"*

*"Т-34 давит
германский Т-II"
(из книги Резуна)*

*Советский
танк Т-35*

Английский истребитель "Спитфайр"

Американский истребитель "Эрковра"

Советский
бомбардировщик
Ил-4 (ДБ-3ф)

Прототип совет-
ского истребителя
Як-1 — самолет
АИР-21

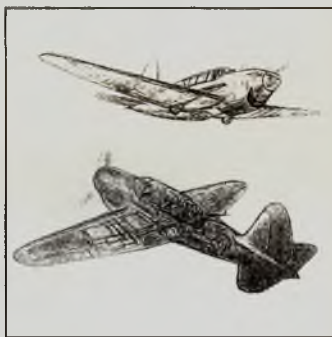

Американский
бомбардировщик
"Фортресс" В-17

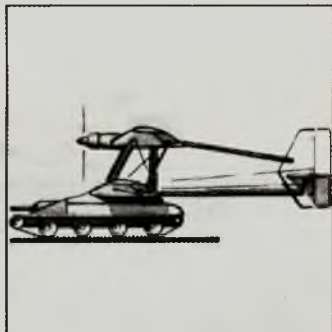

Американский бомбардировщик
"Либерейтор"

Первоначально предусматривалось
оснастить самолет "Иванов"
двигателем жидкостного охлаж-
дения М-34ФРН: эскизные
рисунки сотрудника туполевского
КБ Б. Кондорского.

Фотография "крылатого танка" КТ,
он же А-40 (Антонов-1940)
из книги "День «М»"

Проект "крылатого танка"
американского инженера Кристи

*На Красной
площади
советские
танки. 1932 г.*

*Пушка Ф-32 в
танке КВ-1*

*Немецкий танк
Т-III*

Танковая пушка
Ф-34

использовалась и
для вооружения
бронепоездов

Советский танк
Т-100

57-мм противотанковая пушка
ЗИС-2

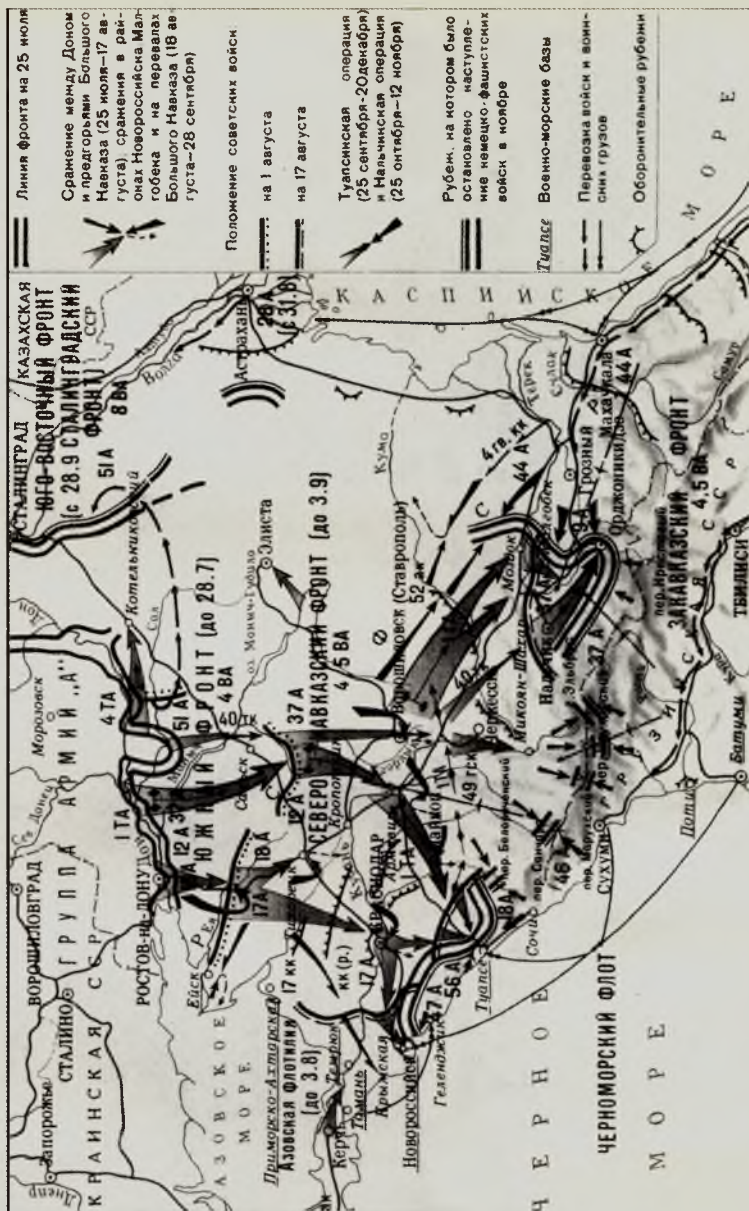
203-мм гаубица Б-4 (фото из книги Резуна)

Шепетовка, начало июля 1941 года: момент пленения советских солдат 16-й армии (фото из книги Резуна)

Молодой человек с двумя орденами — Р.П. Хмельницкий. Позади Ленина покровитель Хмельницкого — К.Е. Ворошилов (фото из книги Резуна)

Героическая оборона Кавказа. Июль—декабрь 1942 г.

ников смущался, но твердо отвечал: «Не очень. Так себе боюсь. Средне, можно сказать, товарищ Сталин»...

Чего ее бояться — мирная страна была Германия. Ее так и звали: «мирная Германия»...

И чего это вдруг СССР вдруг обратился в 1939 году к Франции и Англии с предложением о совместном отпоре германской агрессии? При чем предложил совместные действия в случае целых трех вариантов нападения немцев: на Францию, на Польшу и «когда главный агрессор, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 577). Командарм Шапошников на переговорах с английской и французской военными миссиями говорил, что в этом последнем случае СССР развернет 5 тысяч тяжелых орудий и от 9 до 10 тысяч танков.

И к чему это вдруг СССР снаряды? Тяжелым орудиям и танкам снаряды не нужны...

То, что англичане явно вели переговоры о военном союзе с нами на срыв, могло в будущем обещать англо-германский военный союз. Тогда снаряды тем более не требуются. Можно сразу накрываться белой простыней и ползти к кладбищу...

Суворов — Резун:

«Создание Наркомата боеприпасов в январе 1939 года не было ответом на германскую подготовку к войне. Советская разведка знала, что в тот момент германская промышленность работала в режиме мирного времени».

Знала наша разведка. В мирном режиме работала немецкая промышленность... В 1938 году Германия производила 46 процентов мирового производства вооружений, почти половину всех вооружений в мире. Причем все это делалось в режиме мирного времени... В этот год Гитлер и начал свои захваты: Австрия, Чехословакия...

Все правильно, все сходится, не хотел Гитлер войны, мирная была у него экономика.

Но как же Гитлер, не переведя промышленность на военные рельсы, при такой страшной нехватке снарядов сумел потом дойти до Москвы?

У нашего Прометея есть ответ и на этот вопрос:

«Потом Гитлер напал на Советский Союз. И тут ему ужасно повезло: у самых границ он захватил огромные советские запасы. Без них дойти до Москвы он не мог».

Как же у него, миролюбивого Гитлера, обстояли дела?

«Если четырехмесячный запас принять за 100%, то пистолетных патронов было запасено только 30%, т.е. на 36 дней, снарядов для горных орудий — 15%, мин для легких минометов — 12%, для тяжелых минометов — 10%».

Страшная нехватка. Особенно в пистолетных патронах. Мы знаем, что немецкая армия стреляла только из пистолетов. Как скажет секундонт: «Сходитесь» — немецкий и советский пехотинцы делают друг навстречу другу 15 шагов и стреляют. Винтовок у немцев и русских не было, как и автоматов. Только дуэльные пистолеты, с резной ручкой, фирмы Делубера.

Так вот, дуэлянты могли утолять свою страсть только на 30 процентов. На 70 процентов они колотили друг друга кулаками.

Были причины для недовольства и для любителей пострелять из горных орудий. Как известно, между Москвой и Берлином лежит несколько горных хребтов — Кордильеры, Анды, Гималаи, — а также пик Коммунизма. Так вот, немецкое командование почему-то недостаточно обеспечило снарядами для горных пушек войска, которым предстояло штурмовать Воробьевы горы.

И с минометами у немцев была напряженка.

«На 1 июня 1941 года они имели: на 11 767 минометов калибра 81 мм — 12 миллионов 671 тысячу выстрелов; для 75-мм орудий (на 4176 штук) — 7 миллионов 956 тысяч; 105-мм гаубиц (7076) — 25 миллионов 799 тысяч; 105-мм пушек (760) — 2 миллиона 580 тысяч; 150-мм гаубиц (2867) — 5 миллионов 811 тысяч» (Д е м и д о в В.И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 152).

Плохо у немцев было с минометами — на одного бойца РККА приходилось всего две мины. Двумя минами нашего красноармейца, конечно, не убьешь. Правда, основу немецкой артиллерии составляли не минометы, а 105-мм орудия; немцы планировали окружить русские части танковыми клиньями, а затем добить окруженных 105-мм гаубицами. Для окруженных было припасено 25 миллионов снарядов.

Но Суворов — Резун про 105-мм гаубицы, похоже, просто не знает.

Глава 7 называется «Партия в сапогах».

Хорошее название, необычное. Умеет Суворов — Резун художественные названия подбирать.

«Сталин ходил в сапогах, в полувоенной одежде. Сталинская партия подражала вождю: обувалась в сапоги, одевалась в полувоенную одежду. Посмотрите на фотографии Кирова, Маленкова, Кагановича...»

Смотрим на фотографии. Фотоснимков Маленкова так просто не найти, но я знаю библиотеку, где эта фотография есть.

Сходил, посмотрел, как просил Суворов — Резун. Да, сапоги на месте. Форма на месте. Все сходится.

Суворов — Резун продолжает:

«Не только внешним видом партия напоминала армию. Сталин так объяснял ее структуру: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии.»

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Далее идут 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство («Правда», 29 марта 1937 г.).

И тут ссылочку Суворов — Резун приводит — каждый может проверить: «Правда» от 29 марта 1937 г.

Скрупулезно точный Суворов — Резун продолжает:

«Партия отвечала взаимностью: «Маршал мировой революции товарищ Сталин».

На этот раз ссылочки нет, что обидно. А как было бы славно: Суворов — Резун привел бы ссылочку, и ему не пришлось бы писать все свои книги с доказательствами. Сходили бы мы в библиотеку, прочитали о том, что Сталин маршал мировой революции, — и все бы стало ясно. Готовил Сталин мировую революцию — военным путем, естественно, поскольку маршал — звание военное, обязывающее.

А ссылочка Суворов — Резун почему-то не дал.

И не мог дать, поскольку о подстегивании мировой революции военным путем говорил Троцкий, который не верил, что русские способны создать социализм без помощи пролетариата других стран. Сталин же исходил из возможности создания социализма в одной стране.

Ах, вот оно, в этой же главе, и высказывание Троцкого:

«СОВЕТСКИЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ — единственный правильный лозунг, указывающий выход из европейской раздробленности, грозящей не только Германии, но и всей Европе полным хозяйственным и культурным упадком... Чем больше фашисты будут иметь в глазах социал-демократических рабочих и вообще трудящихся масс вид наступающей стороны, а мы — обороняющейся, тем больше у нас будет шансов...» («Бюллетень оппозиции», № 17—18, ноябрь — декабрь 1930. С. 53).

Вот здесь Суворов — Резун аккуратно приводит ссылочку. Ссылочка на месте. Каждый может убедиться, так ли писал Троцкий.

А наш поборник исторической правды комментирует слова Троцкого:

«Мысль ясна: если Европу не сделать единой и советской, то ждут ее нищета и вырождение, но пусть фашисты наступают первыми...»

Но мы все же не рекомендовали бы читателю тратить время на поиск «Бюллетеня оппозиции» от ноября — декабря 1930 года. Обратите внимание на название: «Бюллетень оппозиции». Троцкий писал в нем то, в чем он со Сталиным был не согласен. А со Сталиным он был не согласен во многом, как и Сталин — с ним.

Выдворив Троцкого в Алма-Ату, Сталин 3 декабря 1927 года на XV съезде ВКП(б), выступая с отчетным докладом ЦК, ставил задачу: «учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, «откупившись» от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений. Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего

строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний» (Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 288—289).

Съезд, к слову, объявил принадлежность к троцкизму несовместимым с пребыванием в партии.

Продолжим чтение Суворова — Резуна:

«13 марта 1940 года Политбюро приняло постановление «О военной подготовке, переаттестовании работников партийных комитетов и о порядке их мобилизации в РККА». Понятно, постановление в тот момент было секретным. Его опубликовали частично только в 1969 году (КПСС о Вооруженных Силах. Документы. С. 296—297)».

Здесь ссылочка на месте. У Суворова — Резуна что-то не выходит со ссылками про нападение Сталина на Европу. Со всеми остальными ссылками у него порядок.

Хочу порадовать Суворова — Резуна: в документах съезда, что был в 1934 году, он найдет целый ворох замечательных, чудных, восхитительных ссылок о подготовке к войне. В частности, в 1934 году было принято постановление о массовой мобилизации коммунистов в РККА. Эта мобилизация была довольно многочисленной. Мой дед тогда из журналистов «Воронежской правды» попал в бомбардировочную авиацию.

Мало того — в 1934 году был принят ряд постановлений, призванных существенно увеличить выпуск военной продукции. Кошкин назвал свой танк Т-34 именно в честь года принятия этих постановлений. Коммунист Кошкин ответил на решения съезда партии отличным танком. Делом он ответил на призыв ЦК.

Про 1934-й год я рассказываю Суворову — Резуну бесплатно. Пусть настроичит об этом годе еще десяточек томов, чтобы приблизиться по плодovitости к Ленину и Марксу. Вот только пусть учтет: 1934-й год был после 1933-го, когда к власти в Германии пришел Адольф Гитлер. Бывшая дружественная Германия стала враждебной страной, встав в один ряд с Англией, Францией и Польшей.

Впрочем, все равно ведь не учтет. Жизнь в Англии весьма недешева.

В 1940-м был новый массовый призыв коммунистов в армию. Тоже по понятным причинам. Но призывали на сей раз не журналистов, а учителей. Сельские учителя долгое время имели отсрочку от армии; в 1940-м в связи с увеличением армии их сделали политруками. Об одном таком бывшем учителе рассказывает генерал-лейтенант Г.Д. Пласков:

«Федор Трофимович раньше был учителем. К нам прибыл незадолго до войны, в числе четырех тысяч коммунистов, направленных в армию Центральным Комитетом партии.

Его назначили политруком 1-й противотанковой батареи 223-го стрелкового полка...

На правом фланге дивизии отход главных сил прикрывала противотанковая батарея старшего лейтенанта Шундова и политрука Бойко. Вместе с ними был командир взвода Федулов. Гитлеровцы окружили батарею. В течение двенадцати часов шестьдесят бойцов, в распоряжении которых было четыре орудия, вели неравный бой. И победили. Задержали врага, а потом вышли из окружения, вывели раненых и орудия.

Раненый Бойко остался в строю.

Коммунисты избрали его секретарем партийного бюро полка.

Ночью я увидел его в подвале разрушенного дома. Он еще в бинтах, иногда морщился от боли» (Пласков Г.Д. Под грохот канонады. М., 1969. С. 157).

Всего за предвоенный год было призвано около 20 тысяч учителей. Деятельность учителей-политруков оценивается очень высоко. Они умели находить язык со своими бывшими учениками. Геббельс писал в своем дневнике: «...красные комиссары... играют главную роль в стойкости большевиков» (Р ж е в с к а я Е. Геббельс: портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 291). Было подсчитано, что в 1941-м политруки-учителя погибли почти все.

«Номенклатурных работников по одному, малыыми и средними группами забирают в армию. Со стороны не видно: там одного забрали, тут одного забрали. Потом вдруг — постановление Политбюро от 17 июня 1941 года: «Об отборе 3700 коммунистов на политическую работу в РККА». Идет сосредоточение советских войск на границе Германии и Румынии, точно как в августе 1939 года на границах Польши...»

Было такое решение?

Было. В нем говорилось: «Призыв провести с 1 июля по 1 августа 1941 года».

А 6 июля 1941 года, по Суворову — Резуну, Сталин собирался напасть на Европу. Тогда, 6 июля 1941 года, в действие должен был войти мобилизационный план, по которому в армию отправлялись миллионы человек, из них можно взять десятки тысяч политруков. Зачем же тогда с 1 июля по 1 августа отбирать 3700 человек? Что-то здесь не сходится.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна. Итак, *«идет сосредоточение советских войск на границе Германии и Румынии»*. Что там дальше?

«Южный фронт меня интересовал особо. Он создавался для нанесения удара по Румынии, для захвата нефтяных месторождений Плоешти. Командовать фронтом Сталин назначил того же Ивана Тюленева, с которым Хрущев в сентябре 1939 года на новой германской границе делился мыслями о будущем Европы».

Ссылочки опять нет, поэтому проверим тезис про «удар по Румынии» сами у самого Ивана Тюленева. Войну он встретил в Москве командующим Московским военным округом.

«В 3 часа ночи меня разбудил телефонный звонок. Срочно вызывали в Кремль...

По дороге заснул в Генштаб. Г.К. Жуков по ВЧ разговаривал со штабами приграничных военных округов. После телефонных переговоров он информировал меня о том, что немецкая авиация бомбит Ковно, Ровно, Севастополь, Одессу.

В Кремле меня встретил комендант и тотчас проводил к маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову. Климент Ефремович спросил:

— Где подготовлен командный пункт для Главного Командования?

— Такую задачу передо мной никто не ставил, — ответил я. — Штаб Московского военного округа и ПВО города командными пунктами обеспечены. Если будет необходимость, можно передать эти помещения Главному Командованию.

Затем Ворошилов объявил, что я назначен командующим войсками Южного фронта. Отбыть к месту назначения предлагалось сейчас же» (Т ю л е н е в И.В. Через две войны. С. 124—125).

Вот те на! Я, прочитав у Суворова — Резуна, подумал было, что Сталин подготовил Южный фронт для нанесения удара по Плоешти, а, оказывается, Тюленев узнал, что стал командующим Южным фронтом только 22 июня.

Это еще не все. До 22 июня на границе с Румынией не было даже штаба Южного фронта.

И.В. Тюленев пишет: «Вечером 22 июня железнодорожный состав с полевым штабом Южного фронта ушел из затемненной, посуровевший Москвы» (т а м ж е. С. 125).

И это еще не все. Не было даже командного пункта для руководства Южного фронта!

«Вечером 24 июня специальным поездом я прибыл в Винницу. Изумлению моему и огорчению не было границ: командный пункт фронта оказался совершенно неподготовленным — ни одного телефонного и телеграфного аппарата, ни одной радиостанции» (т а м ж е. С. 126—127).

Вот тебе и подготовка Сталиным нападения на Румынию! Вот тебе и захват нефтяных месторождений Плоешти! Ни одного телефонного аппарата 24 июня 1941 года!

Но Суворов — Резун с завидным упорством гнет свое:

«Решение о создании Южного фронта утверждено Сталиным 21 июня 1941 года, а вся предварительная работа проведена особо».

О с о б о прятали от Тюленева телефонные аппараты и радиостанции. Правильно: нечего по телефону впустую болтать — надо захватывать «нефтяные месторождения Плоешти».

Ну а какое распоряжение получил Тюленев на самом деле? Он пишет:

«На следующий день после моего приезда в Винницу штаб получил директиву Народного комиссара обороны, в которой было сказано, что

из резерва Ставки Главного Командования была создана группа армий под командованием маршала Советского Союза С.М. Буденного. Армиям Южного фронта ставились оборонительные задачи: прикрывать государственную границу в своих полосах и не допустить вторжения немецко-фашистских войск на нашу территорию» (там же. С. 127).

«Оборонительные задачи». Но эти задачи поставили перед Тюленевым после 22 июня. А что было до 22 июня, когда Сталин якобы готовил удар по Румынии? Не случайно же Сталин отдал распоряжение о создании Южного фронта 21 июня?

«На наших западных границах предусматривалось развертывание четырех фронтов: Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного, на формирование которых выделялся основной состав управлений Ленинградского, Прибалтийского, Западного и Киевского военных округов.

Одесский округ должен был выделить только управление 9-й армии, которую предполагалось включить в Юго-Западный фронт. В связи с этим 20 июня военный совет Одесского округа предложил наркому обороны создать на базе своего управления Южный фронт» (Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. С. 98).

Вот те на! Сталин вообще не думал организовывать Южный фронт! На организации Южного фронта настоял Одесский военный округ.

Но с чего это вдруг такая странная инициатива? Бене Крику из Одессы не хватило бензинчику для зажигалки, и он вздумал напасть на нефтяные месторождения Плоешти?..

«Эти предложения обосновывались следующими соображениями. Перед войсками округа развернулась сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2—3 раза. Оценив вражескую группировку, командование округа пришло к выводу, что главный удар противник нанесет на Бельцы, чтобы кратчайшим путем выйти к Днестру и развить наступление на север и северо-восток по тылам Киевского округа. В связи с этим военный совет Одесского округа просил усилить войска прикрытия на бельцком направлении 7—8 дивизиями и на кагульском — 6—7 дивизиями. В полосе округа военный совет предложил развернуть две армии: одну на рубеже Липканы—Леово и другую — от Леово до побережья Черного моря.

Главный военный совет согласился с предложением военного совета Одесского округа и принял постановление об образовании Южного фронта» (там же).

В этой главе с Суворовым — Резуном мы разобрались — переходим к следующей.

Главка 8 называется «До самого конца». В ней Суворов — Резун цитирует работы бывшего начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова.

«Б.М. Шапошников отличается от всех предшественников предельно ясно, кратко, категорично: «Мобилизация является не только признаком войны, но и самой войной. Приказ правительства о мобилизации есть фактическое объявление войны». «В современных условиях мобилизующее государство должно заранее принять твердое решение о ведении войны». «Под общей мобилизацией понимается такой факт, когда уже не может быть возврата к мирному положению».

Все верно. Говорил и такое Б.М. Шапошников.

«Сталин не только разделял взгляды Шапошникова, Сталин имел те же взгляды».

И это верно. Думал так Сталин. Этому есть свидетельства. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» пишет:

«13 июня С.К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И.В. Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

— Подумаем, — ответил И.В. Сталин.

На другой день мы были у И.В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете ли вы это или нет?»

Все правильно, все верно говорит Суворов — Резун...

Сталин действительно думал, что мобилизация — это война.

И потому Сталин в мобилизации отказал.

Г.К. Жуков продолжает:

«Уходили мы из Кремля с тяжелым чувством.

Я решил пройтись немного пешком. Мысли мои были невеселые. В Александровском саду возле Кремля беспечно резвились дети. Вспомнил я и своих дочерей и как-то остро почувствовал, какая громадная ответственность лежит на нас за всех ребят, за их будущее, за страну в целом».

Но И.В. Сталин не только не разрешил мобилизацию.

Г.К. Жуков:

«Я говорил уже о том, какие меры предпринимались, чтобы не дать повода Германии к развязыванию военного конфликта. Нарком обороны, Генеральный штаб и командование военными приграничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи без личного разрешения И.В. Сталина».

Вот это и позволило Гитлеру без труда прорвать оборону границы.

Мобилизация началась лишь 22 июня 1941 года!

Но для чего это Суворов — Резун начал разговор о мобилизации?

А для того чтобы, поболтав о мобилизации, завершить главу многозначительным: *«В августе 1939 года Сталин на что-то решился»*.

Читатель, видимо, должен решить, что раз Сталин начал мобилизацию в 1939 году, он еще тогда начал подготовку к нападению на Германию.

Что же, проверим.

Да, Сталин в сентябре 1939 года увеличил армию... А затем ее сократил.

Цифры штатной численности РККА и списочной (то есть фактической) приведены по книге: М е л ь т ю х о в М. Упущенный шанс Сталина. С. 361.

Таблица штатной и списочной численности РККА

Дата	Штатная численность	Списочная численность	
		Всего	В т.ч. части вне норм
20 сентября 1939 г.	2 265 000	5 289 400	?
1 декабря 1939 г.	2 300 000	3 273 400	не учтены
1 января 1940 г.	4 163 400	3 851 700	240 800
1 февраля 1940 г.	4 554 180	4 229 954	242 381
1 марта 1940 г.	4 554 180	4 416 000	не учтены
1 апреля 1940 г.	2 300 000	4 355 669	228 884
1 мая 1940 г.	3 302 220	3 990 993	не учтены
1 июня 1940 г.	3 410 000	4 055 479	175 798
1 сентября 1940 г.	3 574 705	3 423 499	не учтены
1 октября 1940 г.	3 670 854	3 446 309	не учтены

С началом Второй мировой, в сентябре 1939 года в Красной Армии было 5 289 400 человек. 22 июня 1941 г. в Красной Армии было 5 774 211 человек (См.: М е л ь т ю х о в М. Упущенный шанс Сталина. С. 473), то есть всего-то на полмиллиона человек больше...

В следующей, 9-й главе, Суворов — Резун раскрывает нам, на что якобы решился Сталин в 1939 году, вынашивая свои агрессивные планы.

«...Был разработан принципиально новый план вступления в войну. Вот краткое его содержание.

1. Процесс мобилизации разделить на два этапа: тайный и открытый.

2. Первый, тайный, этап — до начала войны. На этом этапе на режим военного времени перевести государственный аппарат, карательные органы, промышленность, системы правительственной, государственной и военной связи, транспорт, армию увеличить до 5 000 000 солдат.

3. Ради маскировки первый, тайный, этап мобилизации растянуть на два года...»

Ну, дальше я цитировать не могу. Растянуть «тайный» этап на два года просто невозможно. Тайной может быть мобилизация, которую делают стремительно, в пределах недели. Только в этом случае пока противник узнает об этом, пока будет что-то решать, осуществлять мобилизацию — будет уже поздно. Чтобы верить в «тайную» мобилизацию в два года — надо быть полным Резуном, тем более что в июне 1941 года Красная Армия была больше армии сентября 1939-го всего на полмиллиона человек.

Суворов — Резун:

«В этой схеме все ясно и просто.

За исключением одного. Как начинать тайную мобилизацию за два года до вступления в войну, если момент вступления в грядущую войну нам неизвестен?

Советские стратеги и на этот вопрос нашли ответ: следует не идти на поводу событий, не ждать, когда война возникнет стихийно сама собой в неизвестный для нас момент, а планировать ее, установить момент ее начала».

Итак, Сталин в августе 1939 года «установил момент начала» через два года. Аргументов никаких — только факт растянутой на два года мобилизации.

Которой, однако, и не было.

Глава 10 называется «Где строить пороховые заводы».

«А еще снаряды держали у границ в железнодорожных эшелонах. Очень дорогой способ хранения и очень ненадежный: как в товарном вагоне поддерживать температуру и влажность? Если советские генералы замыслили удерживать границы, так надо было разгрузить вагоны и рассредоточить запасы по войскам. Если планировали отходить, тогда надо было прицепить паровозы и оттянуть эшелоны с боеприпасами подальше от границ. А на границе оставить самый минимум. Но если коммунисты планировали идти вперед, то тогда так и следовало действовать: снаряды надо было держать в вагонах и иметь у границ 170 000 солдат-железнодорожников и соответствующую технику для перешивки западноевропейской колеи на широкий советский стандарт».

В самом деле — зачем снаряды хранились в вагонах?

Не иначе, как собирались везти вагоны на Запад. Мирные люди выдают снаряды войскам. Но у Сталина они хранились именно в вагонах, а значит...

Товарищ Резун никогда не разгружал вагоны и потому принимает выражение «вагоны снарядов» буквально.

Снаряды считают на вагоны.

«Накануне войны около четверти всех огнеприпасов, сосредоточенных на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном стратегическом

направлениях, хранили всего лишь в 50—200 километрах от государственной границы. Удаление остальных складов не превышало 700 километров. В результате многие из них довольно быстро попали в зону боев. По этой причине к концу первой же недели войны Западный фронт, например, потерял 60 складов. И в их числе — 10 артиллерийских с более чем двумя тысячами вагонов боеприпасов — треть всего огнезапаса» (Демидов В.И. Снаряды для фронта. С. 112).

Да, теряла Красная Армия вагоны снарядов — но это не значит, что снаряды были в вагонах. Две тысячи вагонов снарядов Западным фронтом было потеряно на складах.

Суворову — Резуну это невдомек. Он считает, что раз снаряды считали вагонами, то и хранились они в вагонах.

Главка 11 называется «Крылатый Чингисхан» и посвящена все тому же Су-2. Собственно, с Су-2 уже все ясно, но тут Суворов — Резун начинает делиться своими мыслями о стрелковом вооружении и просвещает блуждающих во мгле неведения и по этому предмету:

«Во время тайной мобилизации планировалось выпустить малую (по советским понятиям) серию — всего несколько сот этих самолетов... А после нашего удара начинается массовый выпуск «Иванова» десятками тысяч. «Иванов» — это как бы невидимый мобилизационный резерв. Это как с автоматом ППШ. Автомат Шпагина ППШ создан перед войной, опробован, одобрен. Грянула война, и немедленно каждая кроватная мастерская, каждая артель по производству скобяных товаров, каждый мелкий заводик начинают выпуск самого простого, самого надежного, очень мощного оружия в количествах непостижимых».

Ну что тут сказать?

ППШ-41 никогда не был «мобилизационным резервом», поскольку появился в 1941 году и сразу был пущен в серию. В финскую войну Красная Армия несла страшные потери, помимо прочих причин, потому, что финны были вооружены пистолетами-пулеметами «Суоми». В СССР же было за 1934—1939 годы было выпущено всего 4 тысячи пистолетов-пулеметов ППД-34. Пришлось срочно разворачивать производство этих пистолетов-пулеметов, в три смены. В 1940 году появилась модификация этого пистолета-пулемета, с увеличенным до 71 патрона магазином; она получила название ППД-40. За 1940 год было изготовлено уже 81 118 пистолетов-пулеметов. В 1941 году был создан ППШ-41, имеющий на 70 процентов лучшую кучность, чем ППД-40. Конечно же, сразу началось его массовое производство.

Далее Суворов — Резун делает открытия в области самолетостроения:

«К началу 1941 года Сталин подготовил все необходимое для нанесения внезапного удара, для подавления германской авиации на аэродромах... У Сталина был уникальный бронированный штурмовик Ил-2... Коммунисты

соглашаются, что Ил-2 был великолепен, но заявляют, что их было всего только 249... У Сталина было «всего только» 249 Ил-2, но советская промышленность готова их производить в ЛЮБЫХ количествах».

Ну что тут сказать?

Самолет Ил-2 «подготовил» не Сталин; это была инициатива С.В.Ильюшина, который в январе 1938 года обратился в правительство с предложением о создании спроектированного им двухместного (летчик и стрелок) бронированного штурмовика. В письме говорилось:

«При современной глубине обороны и организованности войск, огромной мощности их огня (который будет направлен на штурмовую авиацию) штурмовая авиация будет нести крупные потери».

В этом же письме Ильюшин просил освободить его от обязанностей начальника главка, поручив выпустить самолет на госиспытания в ноябре 1938 года. Но созданный (а затем доработанный) самолет не получил поддержки со стороны высшего руководства ВВС — и тогда в начале ноября 1940 года Ильюшин обратился с письмом к Сталину. Только после этого были предприняты чрезвычайные меры по запуску самолета в серийное производство. Тем не менее первые серийные штурмовики появились только в марте 1941-го — и пилотам еще требовалось время, чтобы освоить этот самолет. Впервые Ил-2 были применены лишь 1 июля 1941 года у Бобруйска.

Таким образом, о «внезапном ударе для подавления германской авиации» не могло быть и речи. Тем более 6 июля 1941 года, в день, который Суворов — Резун почему-то считает днем запланированного Сталиным нападения.

В ту пору не могло быть и речи и о производстве самолетов Ил-2 «в любых количествах», поскольку из-за бронированных плит сложной формы самолет был крайне труден в производстве. Осенью 1941-го Сталин направил директорам авиационных заводов Шенкману и Третьякову телеграмму:

«Вы подвели нашу страну и нашу Красную Армию. Вы не изволите до сих пор выпускать Ил-2. Самолеты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб. Шенкман дает по одному Ил-2 в день, а Третьяков дает МиГ-3 по одной, по две штуки. Это насмешка над страной, Красной армией...»

В конце января 1942 года головной завод №18 стал выпускать по 7 самолетов Ил-2 в сутки. Только позднее, когда к выпуску Ил-2 подключились другие заводы, стало возможно выпускать Ил-2 большой серией.

Но возвратимся к невероятным открытиям Суворова — Резуна:

«Авиаконструктору С.А. Лавочкину для модернизации истребителя ЛаГГ-3 срочно нужен мощный надежный двигатель, и в огромных количествах. Никаких проблем: промышленность готова выпускать в любых количествах двигатель М-82, который предназначался для Су-2».

Здесь все неправда.

Для Су-2 двигатель М-82 никогда специально не предназначался. На Су-2 ставились двигатели М-62, М-88 и М-87. Поскольку конструкторы заканчивали работы над более мощным М-89 и разрабатывали М-90, предполагалось после госиспытаний этих двигателей в 1941 году поставить на Су-2 М-89, а затем, возможно, М-90. Но испытания М-89 проводились на Запорожском заводе уже под бомбами. Впоследствии заводы не могли останавливать производство, чтобы освоить М-89, поэтому выпускался только М-88.

В 1941 году на Су-2 было решено попробовать двигатель М-82 (позднее названный АШ-82), который появился только в 1941 году.

«В 1941 г. Швецов создал новый, полностью оригинальный двигатель АШ-82» (Яковлев А.С. Советские самолеты. С. 249).

Но самолетов Су-2 с мотором М-82 было выпущено мало, поскольку выпуск Су-2 скоро был прекращен.

Теперь разберемся с «модернизацией» самолета ЛаГГ-3, которую якобы совершил Лавочкин, поставив мотор М-82.

Никакой «модернизации» не было. Было отчаяние. Моторов жидкостного охлаждения для самолетов Лавочкина ЛаГГ-3 не хватало, но был мотор АШ-82 воздушного охлаждения. Несколько КБ — Лавочкина, Микояна, Яковлева — бросились переделывать свои самолеты под этот мотор. Мотор пересоздало бы только то КБ, которое осуществило бы эту переделку первым. Победил Лавочкин. Еще до войны он пытался построить самолет с двигателем воздушного охлаждения, но мотор перегревался так сильно, что, едва взлетев, летчик тут же посадил машину. Негативный опыт — тоже опыт. Лавочкин уже знал подводные камни и обошел их — его соперники не успели этого сделать.

Но читаем открывателя невероятного дальше.

«Советская промышленность была готова к массовому выпуску пулемета ШКАС для многих типов самолетов, но прежде всего для Су-2. Су-2 не стали производить, но готовность промышленности не прошла даром — с авиационным вооружением проблем не было».

Ну прямо фонтан глупости!

1. Создание ШКАС не имеет совершенно никакого отношения к Су-2. Первый в мире авиационный скорострельный 7,62-мм пулемет ШКАС (Шпитальный, Комарницкий, авиационный, скорострельный) появился еще в 1932 году!

2. Суворов — Резун считает, что промышленность «была готова» к массовому выпуску пулеметов ШКАС. Порадуем его: ШКАС производили задолго до Су-2. Пулеметы ШКАС ставили на истребители и на заднюю турель бомбардировщиков конца 30-х.

3. Суворов — Резун считает, что Су-2 «не стали производить». Порадуем его еще раз: Су-2 стали производить, и на него ставили пулеметы ШКАС.

4. «С авиационным вооружением проблем не было» не благодаря пулемету ШКАС, который во время Великой Отечественной войны считался уже слабым оружием, поскольку пробивал броню «хенкелей» лишь с коротких дистанций и не причинял вреда протекторированным бакам немецких самолетов. Перед войной советская авиация перешла на созданные в 1936 году 20-мм авиационные пушки ШВАК. Эти пушки ставились на И-16 (и применялись на Халхин-Голе), ЛаГГ-3 и Як-1, а также на штурмовики Ил-2 (на Ил-2 ставилась также 23-мм пушка ВЯ-23). В 1941-м появилась 37-мм пушка НС-37, которую ставили на ЛаГГ-3, Як-9Т и под крыльями Ил-2. Попадание одного снаряда пушки НС-37 было достаточно для уничтожения фашистского самолета. Отмечались случаи поражения снарядами этой пушки и немецких «тигров». Немцы называли истребители с этой пушкой высоко: «летающим фердинандом». В конце войны появилась 45-мм авиационная пушка НС-45.

«Советская промышленность была готова к массовому выпуску бомб для Су-2, и она их выпускала, но только для Ил-2 и других самолетов».

Промышленность была готова для выпуска бомб для Су-2?

Порадуем Суворова — Резуна и на сей раз: промышленность выпускала фугасные и осколочные авиабомбы ФАБ-250, ФАБ-100, ФАБ-50, АО-10, АО-15 и АО-20, что использовались на Су-2, и задолго до Су-2, поскольку это бомбы малого веса.

Просветив нас в области стрелкового вооружения и авиации, Суворов — Резун обращается к реактивным установкам:

«Статистика такова: на 1 июля 1941 года в Красной Армии было 7 установок залпового огня БМ-13. Через месяц их стало 17. Одни погибали в бою, другие выпускались, и к 1 сентября их стало 49. Одновременно начался выпуск еще одного типа — БМ-8... В условиях отхода и потери промышленной и сырьевой базы удалось быстро насытить армию принципиально новой системой вооружения, которой не было ни в одной армии мира и ничего равного до конца войны не появилось. Экономическое чудо — говорят коммунисты. А чуда никакого не было. Просто в период тайной мобилизации советская промышленность была подготовлена к выпуску реактивных снарядов для «Иванова».

Вопреки Суворову — Резуну «принципиально новая система вооружений», то есть реактивные установки, «которых не было ни в одной армии мира», были у немцев — причем раньше, чем у русских.

Читаем в журнале «Моделист-конструктор» (2000. № 8):

«Сухопутное реактивное оружие, или, используя современную терминологию, реактивные системы залпового огня, первыми в истории Второй мировой войны применили... немцы. Да, да, аналогичные системы поступили на вооружение вермахта задолго до первого залпа отечественных реактивных установок, прогремевшего под Оршей 14 июля 1941 года. Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта

генерал-полковник Ф. Гальдер записал 4 сентября 1939 года в своем дневнике: «Один дивизион реактивных минометов типа «Небельверфер» будет готов к концу сентября». Спустя полгода, 11 апреля 1940 года, он сделал следующую запись: «Шестиствольные минометы будут показаны главному через неделю после 17 апреля. К 1 октября их будет выпущено для 10 дивизионов (по 3 батареи, по 8 минометов в каждой; итого — 240 шт.). К 1 октября будет произведено 100 тыс. осколочно-фугасных и 80 тыс. дымовых боеприпасов к ним (за две минуты дивизион выпускает 300 шт.)».

В этих записях фигурируют два самых распространенных названия этого оружия: «Небельверфер» (Nebelwerfer — метатель дыма) и «шестиствольный миномет». В этом первом случае Гальдер, по-видимому, имел в виду так называемый Do-Gerat 38, разработанный под руководством генерала Дорнбергера (отсюда и «Do» в названии системы). Его 15-см реактивный снаряд массой 40 кг, запускавшийся со станка решетчатой формы, оказался неудачным: черный порох, использовавшийся в качестве метательного заряда, имел склонность к детонации, что приводило к частым взрывам на стартовой позиции. Массовое производство снарядов и станков так и не было развернуто.

Что касается второго образца, то под названием «Nebelwerfer-15 cm-41 (15-cm-Nb.W.41)» он выпускался с марта 1940 года и вплоть до конца войны (изготовлено 5769) и стал наиболее массовым и популярным реактивным минометом вермахта. Шесть гладких стволов калибра 158,5 мм (не единственный случай у немцев, когда истинный калибр артсистемы существенно не совпадал с заявленным) были смонтированы на усиленном лафете 37-мм противотанковой пушки Pak 35/36 с увеличенной колеей колесного хода. Вслед за 15-cm-Nb.W.41 последовали и другие конструкции минометов и реактивных снарядов различных калибров вплоть до 320 мм. Одна из них запускалась со стационарных пусковых рам, другие, например, 30-cm-Nb.W.42, из специальных пусковых контейнеров, размещенных по бортам полугусеничного бронетранспортера Sd.Kfz.251. У 1487 пятиствольных минометов 21-cm-Nb.W.42 в качестве станка также использовался лафет 37-мм орудия».

В конце главки своей книги о самолете Су-2 Суворов — Резун многозначительно вопрошает:

«...О чем может свидетельствовать подготовка к выпуску СТА ТЫСЯЧ боевых самолетов?»

Опять я должен отвечать на эти вопросы? Вся книга из вопросов!.. Ладно, отвечу.

Не знаю!

Ибо на весь 1941 год было запланировано выпустить самолетов Су-2: 165 в первом квартале, 240 — во втором, 330 — в третьем, 415 — в четвертом.

С такими темпами 100 тысяч самолетов Сталин выпустил бы как раз к своей смерти. А после этого — разве не самое время нападать на Европу?..

ПОЧЕМУ СУВОРОВ — РЕЗУН НОЧЬЮ НЕ СПАЛ

Глава 13 называется неожиданно просто: «О 186-й стрелковой дивизии».

В этой главе, Суворов — Резун опять делает свои умопомрачительные открытия.

И какие! Он объявляет всем, что Вторая мировая война началась не 1 сентября, а — ни за что не догадаетесь — 19 августа 1939 года!..

Но — обо всем по порядку.

«В 1923 году была сформирована стрелковая дивизия с номером 100...

100-ю стрелковую дивизию, как и 1-ю Пролетарскую стрелковую дивизию, содержали в лучшем виде: этими номерами как бы очерчена вся Красная Армия... Совсем не случайно в ходе войны 100-я стрелковая дивизия самой первой была удостоена гвардейского звания и стала называться 1-й гвардейской стрелковой».

Суворов — Резун хорошо знает историю, как всегда.

Да, в лучшем виде содержали 100-ю стрелковую. Для этого ее послали на линию Маннергейма. С трехлинейками на финские доты.

Другие дивизии содержались куда в худшем виде.

В июне 1941-го командующий Западным фронтом Павлов — видно, от большого ума — приказал 100-й стрелковой отдать всю артиллерию другим частям; самой же дивизии он приказал занять оборону в радиусе 25 километров от Минска. Без артиллерии!..

Тогда командир 100-й стрелковой дивизии Руссиянов решил испробовать метод, о котором случайно знал: заполнять бутылки керосином, вставлять в горлышко пропитанные керосином затычки и поджигать их. Конечно, такую бутылочку можно было метнуть в танк с расстояния не более чем в несколько метров — боец при этом был обыкновенно обречен.

Тем не менее дивизия, в которой было много белорусов, смогла на целых два дня остановить немцев на подходах к Минску и уничтожила большое количество их танков. Видя, как загораются их танки, немцы сочли, что против них применяется новое оружие. Им и в голову не могло прийти, что на танк способен идти один человек с бутылкой керосина...

Самоотверженная защита Минска 100-й дивизией запечатлена в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жукова:

«На ближних подступах к Минску развернулись упорные бои. Особенно хорошо дрались части 64, 100 и 161-й стрелковой дивизий. Они уничтожили более сотни танков противника и тысячи фашистов»...

Опыт 100-й стрелковой, ордена Ленина (за Финляндию) дивизии по использованию бутылок с керосином быстро распространился по всем фронтам. Дивизия стала знаменитой еще раньше наступления под Ельней, за которое и получила звание гвардейской.

Но Суворов — Резун все это не знает.

«1 сентября 1939 года германская армия напала на Польшу, и эту дату официально принято считать началом Второй мировой войны. Этот день столь ужасен и трагичен, что все остальное случившееся в тот день оказалось в тени.

А между тем в тот самый день в Москве 4-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о всеобщей воинской обязанности». Немедленно началось развертывание новых стрелковых дивизий. Пустоты в ряду номеров с 1 по 100 заполнили, и тут же появились стрелковые дивизии с номерами 101, 102, 103... а потом и 110, 111, 120... 130...

...Глянем в исторические формуляры наших прославленных дивизий и удивимся тому, что многие из них создавались одновременно».

Вместе глянем и дружно удивимся. Закон о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 года поставил под ружье одновременно сотни тысяч людей. Удивительно, что дивизии для них возникли в одно время. Следовало создать новые дивизии в разное время: чтобы одни призывники уже разучивали строевой шаг, а другие спали на чемоданах, а третьи болтались на вокзале, а четвертые стреляли мелочь на хлеб у прохожих...

Но этого не было. Дружно удивимся.

«Советские официальные источники об этом скромно говорят: «С осени 1939 года началось развертывание всех родов Сухопутных войск. Формировались десятки новых дивизий» (Советские Вооруженные Силы. С. 242)».

Да, говорят об этом советские исторические источники. Но как говорят? Конечно, скромно.

А Суворов — Резун говорит нескромно. Режет правду-матку всюю:

«Процесс создания новых дивизий начался не плавным наращиванием, а рывком. Только за сентябрь 1939 года номера стрелковых дивизий подскочили со 100 до 186».

Вот так! Не десятки новых дивизий, а только 86. Открыл Суворов — Резун правду.

«Дивизии в те времена росли густо, неудержимо и быстро, как бамбуковые побеги после тропического ливня», — вдается в поэзию Суворов — Резун. У читателя сразу возникает в воображении гора Фудзияма, вели-

кие тропические ливни и дико, неудержимо растущие бамбуковые побеги. Вот так же неудержимо у него росли и дивизии:

«Из всех дивизий, о которых известно, что они были сформированы в сентябре 1939 года, я выбрал одну с самым большим номером — 186-ю, и начал искать день первого ее упоминания в документах, день, когда дивизии еще не было, но командир уже был назначен, получил тощий отпечатанный мешок с биркой «186 сд» и приказ на формирование».

Тоже почти лирично. Получаешь этакий тощий мешок — и собираешь дивизию. Тут возникает в воображении гора Фудзияма — и одинокий самурай со страшной вестью, идущий, собирающий ополчение, а потом, после победы, уходящий прочь, тоже одинокий, с одним лишь мешком, не требующий почестей и наград. Все на белом свете войны выигрывают эти одинокие самураи.

«Командиром 186-й стрелковой дивизии был полковник (с 4 июня 1940 года — генерал-майор) Н.И. Бирюков. Оставалось найти дату, когда его назначили командиром. На поиск даты я истратил три года»...

Три года ради одной-единственной даты потратил Суворов — Резун. Но что поделаешь, если надо найти дату назначения Н.И. Бирюкова командиром! Можно потратить всю жизнь, но дата формирования 186-й стрелковой дивизии обязательно должна быть определена.

«Наконец нашел и то, что искал: приказ о формировании 186-й стрелковой дивизии и назначении командира был подписан 19 августа 1939 года.

В ту ночь не спал до рассвета — пел песни, смотрел в небо, читал старые стихи».

Понятное дело: человек, способный три года подряд заниматься поисками даты назначения Бирюкова, как раз и должен, глядя в небо, петь песни...

«А наутро надо было начинать новую работу: догадку подтвердить или опровергнуть. Могло же быть такое, что взял Сталин и приказал 19 августа 1939 года создать всего лишь одну дивизию, сразу прыгнув с номера 100 на 186».

Это, конечно, важный вопрос. Сталин, создав 100 дивизий, мог устроить такую всем подлянку: сразу приказал создать 186-ю дивизию.

«Подтвердилось: в сентябре 1939 года создавались десятки новых дивизий и корпусов, а решение об их создании и назначении командиров было принято 19 августа 1939 года».

Далее Суворов — Резун приводит ряд примеров, после чего пишет:

«Список можно продолжать томительно долго. Думаю, и этих примеров достаточно для того, чтобы понять: 19 августа 1939 года Сталин приказал количество стрелковых дивизий удвоить».

Проверяем, как всегда: сто умножить на два — получается 186...

Все точно. Удвоил.

«Удвоить — означало, что предмобилизационный период завершен и начата мобилизация».

Это, конечно, не так: просто дивизии тройного развертывания были преобразованы в обычные дивизии с сокращенным составом, которые должны были укомплектовываться до полных в случае мобилизации. Но Суворов — Резун об этом тоже не знает.

«И тогда, и 50 лет спустя факт начала мобилизации скрывался, ибо это была тайная мобилизация. Для маскировки 2 сентября была объявлена «частичная мобилизация». Если она была частичной, то следовало однажды объявить ее окончание, но «частичную» мобилизацию никто не остановил и демобилизацию не объявлял. И она продолжалась, набирая силу и скорость».

Итак — Сталин маскировал мобилизацию под «частичную мобилизацию». За этой частичной мобилизацией не было демобилизации.

Проверим. М. Мельтюхов пишет:

«В результате всех этих мероприятий к 20-м числам сентября 1939 г. численность Красной Армии превысила 5 миллионов человек... Нормализация ситуации на западных границах позволила 29 сентября начать сокращение численности армии, и к 7 января 1940 г. было уволено 1 613 803 человека» (Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. С. 360).

Армия была демобилизована на полтора миллиона человек.

Проверили.

Я во всем, как всегда, готов верить Суворову-Резуну. И потому предполагаю, что демобилизация была призвана скрыть мобилизацию. Сокращение армии на треть — это всего-навсего трюк Сталина, призванный скрыть мобилизацию.

Все правильно, все сходится. После 1939-го был 1940-й, когда армию сократили на треть. Потому что происходила тайная мобилизация для нападения на Европу.

«19 августа 1939 года Европа еще жила мирной жизнью, а Сталин уже принял решение и запустил машину мобилизации в НЕОБРАТИМОЕ движение, которое в любом случае и при любом международном раскладе делало Вторую мировую войну полностью неизбежной».

Необратимое было движение, что запустил Сталин 19 августа. Мобилизовал Сталин армию, потом демобилизовал. Это необратимо...

А славная Германия «жила мирной жизнью». Особенно на территории Австрии и Чехословакии. Армия не была мобилизована — когда немцы нападали на Польшу, номера немецких дивизий перевалили всего-то за 220. «8 армия имела своей задачей в глубоко эшелонированном построении нанести удар на Лодзь... За этой армией также следовали две дивизии (213 и 221) в качестве резерва группы армий» (Манштейн Э. фон. Утерянные победы. С. 51). Заметим, однако, что наличие 221-й дивизии вовсе не говорит о том, что у немцев было тогда не менее 221 дивизии. Перед нападением Германии на Польшу немцы имели под ружьем 140 дивизий.

Создать столько дивизий помогло то, что в Германии уже с 1935 года существовала всеобщая воинская повинность. А Сталин четыре года

хлопал ушами, пока немцы создавали современную армию с массовым обучением солдат.

И только в 1939 году в СССР был принят закон о всеобщей воинской повинности!

По Суворову — Резуну — из-за тайной, коварной агрессивности И.В. Сталина.

Все правильно, все сходится. Сталин был агрессором. Целых четыре года он агрессивно хлопал ушами, глядя на германскую всеобщую повинность...

Здесь я согласен с Суворовым — Резуном. Хочу лишь робко заметить, что если он считает датой начала Второй мировой войны именно день появления в СССР новых дивизий, то Вторая мировая война началась все же 1 сентября 1939 года, поскольку решение о создании новых дивизий в принципе было принято именно 1 сентября.

До 1 сентября в Красной Армии было много «дивизий тройного развертывания», с техникой и комсоставом для создания на базе каждой одной дивизии еще трех дивизий. К слову, эту систему Красная Армия заимствовала у вермахта. 16 июня 1939 года на совещании у наркома обороны было принято решение отказаться от «дивизий тройного развертывания» и создать обычные дивизии, но по сокращенным штатам: 94 дивизии по 4 тысячи человек и 12 дивизий по 3 тысячи. Таким образом формировалась постоянная армия, готовая к использованию при минимальном развертывании (достаточно было призвать резервистов). Все же такая реформа требовала дополнительно иметь 297 тысяч солдат. Специальная комиссия под руководством Г.И. Кулика приняла 27 июня 1939 года решение создать на базе стрелковых дивизий тройного развертывания обычные стрелковые дивизии со штатом по 4100 человек. Это штат втрое меньше боевого, так что пугать сталинской «мобилизацией» можно лишь ничего не знающих о Красной Армии англичан...

«1 сентября 1939 г. Политбюро утвердило предложение Наркомата обороны, согласно которому в Красной Армии предусматривалось кроме 51 обычной стрелковой дивизии (33 стрелковые дивизии по 8900 человек каждая, 17 стрелковых дивизий по 14 000 человек каждая и 1 стрелковая дивизия в 12 тыс. человек) иметь 76 обычных стрелковых дивизий по 6000 человек, 13 горнострелковых дивизий и 33 обычные стрелковые дивизии по 3000 человек» (М е л ь т у х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 333).

В это же день был принят закон о всеобщей мобилизации.

И именно в этот день началась Вторая мировая война — хочет этого Суворов — Резун или нет.

Ее развитие привело к тому, что в ночь на 7 сентября (а не 2 сентября, как утверждает Суворов — Резун) было принято решение провести частичную мобилизацию. Дивизии, которые должны были быть созданы по сокращенному штату, начали разворачиваться в полноценные,

но поскольку процесс создания дивизии весьма сложен, для многих дивизий он затянулся. К примеру, 127-й стрелковая дивизия появилась только 20 сентября 1939 года.

«20 сентября 1939 года, когда был объявлен приказ Народного комиссара обороны СССР о формировании дивизии, является днем ее рождения» (Терехов А., Скирдо И., Мионов А. Гвардейская Таманская. М., 1961. С. 11).

Когда я узнал, что 127-я дивизия была сформирована 20 сентября 1939 года, — я не смотрел ночью на небо и не читал стихов...

Я проспал всю ночь как убитый.

В главе 14 Суворов — Резун снова задает читателю вопрос: когда была сформирована 112-я танковая дивизия?

Я, честно говоря, не знаю, когда была сформирована 112-я дивизия, заниматься розысками не хочу и потому Суворову — Резуну на его вопрос не отвечу. Зато я читал про знаменитую 316-ю стрелковую дивизию генерала Панфилова, что защищала Москву, а в этой главе Суворов — Резун относительно этой дивизии делает просто удивительные открытия:

«Однажды выпало побывать в музее 8-й гвардейской Режицкой орден Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова мотострелковой дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова. Дивизия одна из самых именитых. Ее историю каждый из нас изучал еще в детстве: сформирована в июле 1941 года как 316-я стрелковая, первый командир — генерал-майор И.В. Панфилов, в октябре переброшена под Москву, знаменитый бой 28 героев-панфиловцев и т.д. Там, под Москвой, дивизия отличилась и была преобразована в 8-ю гвардейскую. Все это было мне известно до посещения музея, но инстинкт охотничьей собаки требовал обнюхать каждый куст трижды, четырежды. И повезло.

Среди множества документов и реликвий увидел желтый листочек с мелкими буквами — приказ о формировании дивизии. До меня этот приказ читали тысячи посетителей музея. А может быть, смотрели и не читали. А может быть, читали, но на самое главное внимания не обратили. С первого взгляда — приказ как приказ: сформировать, назначить и т.д. и т.д. Но дата!

Дата — 12 июня 1941 года. На следующий день — 13 июня — ТАСС передаст в эфир «странное» сообщение о том, что СССР не собирается нападать на Германию, а в это время номера советских стрелковых дивизий уже проскочили цифру 300.

И не верилось, чтобы ранее была создана стрелковая дивизия с номером 252, и вдруг после нее сразу — 316. Не могло такого быть. И потому начал проверять другие номера и установил, что 261-я, 272-я, 289-я, 291-я, 302-я и многие с ними были сформированы в июле 1941 года, но приказы об их формировании были отданы ДО ГЕРМАНСКОГО НАПАДЕНИЯ».

Вот такое открытие сделал Суворов — Резун.

Ну, Сталин!

Ну, агрессор!

Хлебом не корми — дай сформировать еще одну стрелковую дивизию.

Бедный Гитлер едва успел напасть на Россию, а иначе Сталин всмятку бы раздавил его своими дивизиями!

Но... как всегда, проверим.

В. Осипов написал очерк «Василий Георгиевич Клочков» о легендарном политруке 316-й стрелковой дивизии — о том самом, кто говорил: «Велика Россия, а отступать некуда». Так вот, в этом очерке читаем:

«Четко жизнь Клочкова определилась, по всей вероятности, лишь 12 июля, в этот день был отдан приказ военного совета Средне-Азиатского военного округа о формировании в Алма-Ате 316-й стрелковой дивизии. 14 июля комдив И.В. Панфилов подписал первый приказ» (Комиссары. М., 1980. С. 275).

Я не знаю, как Суворов — Резун смог увидеть вместо слова «июль» слово «июнь». Видимо, буквы и в самом деле были, как он пишет, «мелкие». Увидел то, что хотел увидеть...

Александр Бек написал о панфиловской дивизии великолепную книгу «Волоколамское шоссе». Вот как дивизия формировалась:

«Это было ровно три месяца назад, тринадцатого июля тысяча девятьсот сорок первого года...

Мы разговаривали стоя. Панфилов то прохаживался, то останавливался, заложив руки за спину и слегка расставив ноги.

— Так вот, товарищ Момыш-Улы, — начал он, — дивизии пока нет. Ни штаба нет, ни полков, ни батальона. И вам, значит, командовать нечем. Но все это мы сформируем...

—...Наша дивизия будет вроде ополченской: она формируется сверх плана. На новенькое рассчитывать нечего. И требовать не станем.

...Рождалась дивизия. В пустующие летом школы, ставшие пунктами формирования, приходили в эти дни из города и окрестных колхозов призванные в армию — сплошь немолодые, тридцати — тридцати пяти лет, не побывавшие, в большинстве, на военной службе...»

316-я дивизия была последним резервом, что мог дать Казахстан. Состояла она из казахов, русских, киргизов и украинцев, в основном не имевших военной подготовки. Оружия на нее уже не хватило.

Бывший командир стрелкового полка И.В. Карпов вспоминал:

«Техникой дивизия была очень слабо оснащена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек.

Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)» (Цит. по: С о к о л о в Б. Неизвестный Жуков. М., 2000. С. 316).

Нет, недаром Суворов — Резун путает 316-й дивизией бедную, мирную Европу. Даже наши французские музейные пушки нацелились на несчастную фрау Кюхлер...

И.В. Карпов: «Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотанковых ружья...»

Карпов этого не помнит, но мы можем выяснить это по очерку В. Осипова.

«4 ноября. Еще встреча с Панфиловым. В тот день после учебных стрельб с новым для полка оружием — противотанковыми ружьями — генерал побывал в 4-й роте».

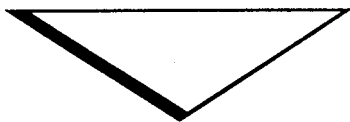
Новое оружие. До этого у 4-й роты противотанковых ружей не было. С танками боролись бутылками с зажигательной смесью и противотанковыми гранатами. Заметим, что от зажигательной смеси танк загорался не сразу и имел время либо расстрелять пехотинца, либо, вращаясь, замуровывать его в окоп. Бутылку приходилось бросать с близкого расстояния, поскольку танк поражался только при попадании бутылки в смотровую люк водителя или в соединение башни с корпусом.

А чтобы поразить танк гранатой, требовалось, чтобы он прошел над окопом, что давало возможность кинуть гранату на верх моторного отделения. Водитель танка, естественно, при этом тоже мог замуровать сидящего в окопе — подставляя, однако, при этом себя под гранаты других пехотинцев. Поразить танк можно было и связкой гранат — метать, конечно, приходилось с очень близкого расстояния, и пехотинец при этом часто погибал.

Честно говоря, когда я первый раз читал про Клочкова, я не обратил внимания на его фразу, которую вспомнил один из пяти оставшихся в живых панфиловцев, Григорий Шемякин: «20 танков. Меньше чем по одному на брата. Это не так уж много». Я понял смысл этой фразы много позже, когда узнал, что Клочков погиб, взорвав танк связкой гранат.

Но вернемся к началу главы. Теперь мы видим, как Суворов — Резун прав. Еще до 22 июня 1941 года Сталин создал 316-ю дивизию.

Хотел напасть на Европу...

ФОТОГРАФИИ СУВОРОВА — РЕЗУНА

В середине главы 14 вклеены фотографии. Весьма любопытные.

К одной из фотографий (см. вклейку) Суворов — Резун дает следующий комментарий:

«203-мм гаубица Б-4. Каждый снаряд весит сто килограммов, не считая зарядов. Орудия такого типа можно применять только в наступательных операциях. Сосредоточение тяжелой гаубичной артиллерии — верный признак готовящегося наступления. Летом 1941 года в приграничных районах СССР было сосредоточено более пятисот артиллерийских полков, в том числе — артиллерийские полки большой мощности и дивизионы артиллерии большой мощности. На каждое орудие было заготовлено по 600 снарядов».

Фотография прямо жуткая. Здоровенная пушка нацелена на Германию. Рассматривая ее, немецкая фрау из Гамбурга содрогнется от ужаса: «Хорошо, что наш фюрер первым...»

Фрау, взглянитесь повнимательней.

У солдат на плечах погоны. Не было 22 июня 1941 года у советских солдат погон. Погоны в Красной Армии появились в 1943 году.

Это — во-первых.

А во-вторых, в «Энциклопедии вооружений Кирилла и Мефодия» о гаубице Б-4 сказано следующее: «К началу войны гаубицы Б-4 были только в гаубичных артиллерийских полках РВГК».

РВГК — это резерв Верховного Главнокомандования.

«К 22.06.1941 г. в составе РВГК имелось 33 полка с гаубицами Б-4, то есть всего по штату 792 гаубицы, а фактически в полках состояло 727 гаубиц».

Далее в тексте энциклопедии идет любопытная фраза:

«С 22 июня по 1 декабря 1941 года было потеряно 75 гаубиц Б-4, а от промышленности отпущено в войну 105 гаубиц».

Итак, немцы делают страшные прорывы, войска бегут, тяжелую артиллерию от границ не отвести (гусеничная тяга даже со снятым стволом давала всего 8—10 км в час) — и за полгода боев к немцам в плен попадает всего десятая часть от общего числа Б-4.

Но не улетели же от немцев гаубицы! Не ласточки же они!

Разгадку на этот вопрос я нашел у Н.Д. Яковлева, в его книге «Об артиллерии и немного о себе» (М., 1981). С июня 1941 года Н.Д. Яковлев был начальником Главного артиллерийского управления РККА.

«Да, при вынужденном отходе, и также в период оборонительных боев 1941 года мы сохранили эту артиллерию. Все орудия калибра 203 и 280 мм, а также 152-мм дальнобойные пушки (потеряны были всего лишь единицы) с кадровым составом вовремя оказались в глубоком тылу, где их расчеты продолжали занятия по боевой подготовке. До поры. Ибо мы знали, что придет, обязательно придет такое время, когда артиллерия большой и особой мощности вновь займет свое место в боевых порядках наших войск, повернувших уже на запад, и будет прокладывать им путь могучим оружием» (С. 93—94).

И действительно, настанет время наступления на врага — и они выдвинут эти орудия на передний край.

Но 22 июня 1941 года их на переднем краю не было. Иначе эвакуировать «глубоко в тыл» орудия в 203 мм (а также 280 и 152 мм) не удалось бы.

Но чтобы вы изучили предмет в полном объеме, *майне либе ффрау*, я упомяну об артиллерии резерва германского главного командования.

М. Мельтюхов в книге «Упущенный шанс Сталина» пишет про «Восточную армию» Гитлера, что была подведена в июне 1941 к границе: «Здесь же, на востоке, было развернуто 92,8% частей резерва главного командования (РГК), в том числе... 92,1% пушечных, смешанных, мортирных, гаубичных дивизионов...» (С. 474).

Это естественно: Гитлер готовился к нападению, а не к обороне, и потому самые тяжелые орудия в тыл не отводил.

В отличие от Сталина.

Опять же для полноты впечатлений вам, *ффрау*, будет полезно сравнить немецкие и русские орудия.

«Триплекс (три различных орудия, устанавливаемые на единый лафет) большой мощности в составе 152-мм пушки Бр-2, 203-мм гаубицы Б-4 и 280-мм мортиры Бр-5 имели лафеты на гусеничном ходу. С таким лафетом даже со снятым стволом орудие передвигалось со скоростью 8—10 км/ч, а то и меньше. Чтобы перенести огонь орудия на 15° вправо или влево, требовалось около получаса работы нескольких расчетов.

В то же время немцы запустили в серийное производство дуплекс (два различных орудия, устанавливаемые на единый лафет) в составе 21-см мортиры и 17-см пушки. Первых было выпущено 711 единиц, а вторых — 338. Мортира стреляла 113-кг снарядом на дальность 16,7 км, а пушка — 68-кг снарядом на дальность 29,6 км. В 1940 году Германия начала производство 24-см пушки, которая стреляла 151,4-кг снарядом на 37,5 км. Причем все системы были достаточно мобильны. Они стреляли с грунта, для них не нужно было рыть котлованы. В походном

положении орудия перевозились на колесных повозках и скорость буксировки их по шоссе достигала 30 км/час и более» (Моделист-конструктор. 1999. № 7. С. 27).

У советского 203-мм орудия Б-4 дальность была 24 км — в полтора раза меньше, чем у немецкой 240-мм пушки. Вес снаряда составлял 80 кг — почти вдвое меньше, чем у немецкой.

Но это — рядовые орудия. В небольшом числе у немцев было и кое-что покруче. К примеру, установки «Карл». Один снаряд «Карла» весил 2170 кг и летел на 4,5 км. «Карлы» 22 июня 1941 года были, естественно, подведены к советской границе...

Следующее фото (см. вклейку) из книги Суворова — Резуна имеет любопытный комментарий.

«Шепетовка, начало июля 1941 года: момент пленения советских солдат 16-й армии. Посмотрите в эти лица. Война только началась, где советские солдаты могли так отощать, они же не прошли еще через германские концлагеря?»

До германского нападения, 13 июня 1941 года, Сталин начал тайную переброску в западные районы СССР семи армий Второго стратегического эшелона. Эти армии имели только наступательные задачи. Армии Второго стратегического эшелона в значительной степени были укомплектованы заключенными ГУЛАГа. В возможность германского нападения Сталин не верил, но до германского нападения дал оружие в руки заключенных. Если бы Гитлер не напал, долго ли мог Сталин держать сотни тысяч вооруженных эзков на своих западных границах?»

Ух, как страшно!

Сталин дал энкам оружие!

Вольного народа у него не нашлось.

В стране было ограниченное число винтовок — 8 миллионов, — но Сталин почему-то дал это оружие не обученным резервистам, а именно энкам, оставив резервистов с гранатами и бутылками с горючей смесью.

Ну что же, проверим, что на самом деле произошло с 16-й армией.

Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»:

«13 мая Генеральный штаб дал директиву округам выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21 армия; из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16 армия».

Вот те на! Оказывается, распоряжение 16-й армии было отдано не 13-го июня, а 13-го мая!

Неужели Суворов — Резун ошибся?

Да нет, он не ошибается. Он только подправляет даты, чтобы они соответствовали его теории.

Дата 13 мая его теории не соответствует. Поскольку 15 мая немецкие войска должны были быть готовы для нападению на Россию по первоначальному плану «Барбаросса» и потому решение советского Генштаба о начале переброски войск за два дня до нападения вполне объяснимо.

Об ударе по России в мае 1941-го Гитлер говорил еще 31 июля 1940 года:

«Начало военной компании — май 1941 года. Продолжительность операции — пять месяцев. Было бы лучше начать в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель — уничтожение жизненной силы России» (Цит. по: Ж у х р а й В.М. Сталин: правда и ложь. М., 1996. С. 14).

18 декабря 1940 года Гитлер дал указание заменить план «Отто» (план нападения на СССР) более детальным планом «Барбаросса». 17 марта 1941 года генерал-полковник Гальдер сделал запись к докладу у Гитлера: «1. «Барбаросса». Начало операции 16.05. — гарантируется сухопутными войсками, если 3-й эшелон войск, участвующих в операции «Марита», сможет начать сосредоточение 10.04» (т а м ж е. С. 30).

О намерении Гитлера в Кремле знали. В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков пишет:

«20 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф.И. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности.

В докладе говорилось: «Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года: «...для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейских группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

В конце этого документа Голиков написал свое мнение, в котором, в частности, было: «2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую из английской и даже, может быть, германской разведки».

Сейчас часто можно слышать, что Сталин не верил в возможность нападения. Мемуары говорят, что, скорее всего, он колебался.

«...5 мая 1941 года на приеме в Кремле выпускников военных академий И.В. Сталин в своем выступлении предупредил присутствующих в зале командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота, что международная обстановка крайне напряженная, что возможны всякие неожиданности и что не исключено в самом скором времени на-

падение Германии на Советский Союз» (Жухрай В. Сталин: правда и ложь. М., 1996. С. 65—66).

Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» пишет:

«По данным разведывательного управления Генштаба, возглавлявшегося генералом Ф.И. Голиковым, дополнительные переброски немецких войск в Восточную Пруссию, Польшу и Румынию начались с конца января 1941 года...

У нас же происходило следующее. В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И.В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмотилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины.

После неоднократных докладов нам, наконец, было разрешено под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии сокращенного состава.

А 13 мая началась переброска и тех армий, которые у Суворова — Резуна двинулись в путь 13 июня...

Итак, с «13-м июня» мы разобрались.

Теперь разберемся со всем пассажем Суворова — Резуна в целом: *«До германского нападения, 13 июня 1941 года, Сталин начал тайную переброску в западные районы СССР семи армий Второго стратегического эшелона. Эти армии имели только наступательные задачи».*

У нас, конечно, нет никаких сомнений в том, что перебрасываемые армии имели только наступательные задачи. К примеру, посмотрим, какими танками располагал на 1 апреля 1941 года весь Северо-Кавказский военный округ, из которого прибыла 19-я армия.

Танков КВ — 0 ед., Т-35—0 ед., Т-28—0 ед., Т-34—0 ед. (См.: М е л ь - т ю х о в М. Упущенный шанс Сталина. С. 597).

Этими славными танками ничего не стоит осуществить прорыв. А в этот прорыв уже устремляется остальная техника. И какая техника! Танков БТ-2 целые 2 единицы! Немного — но зато у этих таков скорость просто офигенная. Как сбросят гусеницы — так немцы и откинут копыта.

Единственная беда — враги могут обрушить мост. Ничего! Наступательная задача есть наступательная задача. В Северо-Кавказском военном округе есть еще и 66 «малых плавающих танков» Т-38 и Т-37. Что с того, что у них только по пулемету? К берегу могут подъехать танки Т-26. Их целые две единицы, и у каждого пушка 45 мм. Можно было бы подбросить и 82 танка БТ-5, но двигатель БТ-5 из-за трудности в регулировке мотора часто загорается сам по себе, поэтому лучше эти танки не трогать.

Было у Северо-Кавказского военного округа еще 112 танкеток Т-27, с пулеметом у каждой.

Больше не было ничего.

Суворов — Резун говорит о «наступательных задачах». Для этого 19-я армия должна иметь десантные полки, танковые корпуса, авиационные дивизии. Были они? Читаем И.Х. Баграмяна:

«В первых числах июня мы узнали, что сформировано управление 19-й армии. Разместится оно в Черкассах. В новую армию войдут все пять дивизий 34-го стрелкового корпуса и три дивизии 25-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван, 1980. С. 194).

Вот те на! Ни танковых корпусов, ни десантных полков, ни авиадивизий. Только матушка-пехота. Что же это Суворов — Резун пишет: *«Эти армии имели только наступательные задачи»*? Может, у них была шибко наступательная пехота? Куча грузовиков, коней, артиллерии на механической тяге, мотоциклов, бронетранспортеров и прочее?

И.Х. Баграмян лишает нас последних иллюзий:

«Припоминается такой характерный факт. Посланные в эти войска командиры, докладывая об их боеспособности, подчеркивали, что все соединения укомплектованы по штатам мирного времени, что в связи с этим в них недостает не только значительного числа бойцов и командиров, но и техники, в первую очередь транспортных средств и средств связи, которые дивизии должны получить с момента объявления мобилизации.

Видимо, стремление строжайше соблюдать условия договора с Германией и в этом вопросе сыграло немаловажную роль» (Баграмян И.Х. Записки начальника оперативного отдела // Военно-исторический журнал. 1967. № 1).

Но, может, 19-ю армию наступательными средствами снабдили на месте?

Баграмян неумолим. Неумолимее только время. Мобильных средств не хватало даже у тех войск, что уже находились на Украине. Он упоминает о словах генерала Пуркаева:

« — Ну, а как же с доукомплектованием дивизий корпусов второго эшелона до полного штата? — спросил он. — Ведь случись что сейчас, и корпуса не смогут вывести значительную часть артиллерии — нет тракторов, транспортом многие дивизии обеспечены далеко не полностью, не на чем будет подвезти боеприпасы. Да и людей не хватает...

Командующий медленно достал расческу, привычными движениями тщательно пригладил зачесанные назад темные волосы, так же медленно положил расческу в нагрудный карман кителя.

— Это вопрос государственной политики, — сказал он. — Мы с вами должны понять, что Москва, принимая все меры для укрепления обороноспособности западных границ, вместе с тем старается не дать Гит-

леру ни малейшего повода для провокаций против нашей страны. А чтобы доукомплектовать людьми наши дивизии и корпуса до полного штата, обеспечить их необходимым парком тракторов, автомашин и другими средствами из народного хозяйства, потребуется провести частичную мобилизацию, которую в приграничном военном округе невозможно скрыть от гитлеровской разведки. Вряд ли руководство сможет пойти на такие меры» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 197).

Итак, Суворов — Резун говорил, что Сталин мобилизовал армию для удара по Гитлеру, а в войсках стонут, что нельзя осуществить хотя бы частичную мобилизацию, что нет нужного числа тракторов и автомашин. Как может армия наступать, если у нее пехота будет пешедралом тянуться по 4 километра в час?

Короче, все готово к наступательным задачам. По крайней мере, для 19-й армии.

Грозное, всепобеждающее оружие прорыва было и в Уральском военном округе, откуда прибыла 22-я армия. Танков КВ — 0, Т-35—0, Т-28—0, Т-34—0.

Пусть ноль, но зато оружие-то какое!

И целых 27 просто офигенных танков БТ-2 1931—1932 годов выпуска. С таким числом скоростных танков можно пронестись до самого Бильбао и вымыть гусеницы в водах Бискайского залива.

Что с того, что у 22-й армии, даже когда она вступила в бой в конце июня, не было ни авиации, ни подвижных резервов, ни зенитной артиллерии?

Суворов — Резун пишет:

«Эти армии имели только наступательные задачи».

Я охотно в это верю. Я вообще верю всему подряд. Если бы я был женщиной, то совсем бы пропал.

Суворов — Резун:

«Если бы Гитлер не напал, долго ли мог Сталин держать сотни тысяч вооруженных эзков на своих западных границах?»

Поскольку ответа нет, ответ должен дать Суворову — Резуну читатель.

А читатель не знает, что и ответить.

Дело в том, что перечисленные армии к границе не перебрасывались!

Еще раз обратимся к воспоминаниям Г.К.Жукова:

«С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия; из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21 армия; из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия; из Харьковского округа на рубеж Западной Двины — 25-й стрелковый корпус; из Забайкалья на Украину в район Шепетовки — 16-я армия».

Теперь смотрим на карту.

Великие Луки (22-я армия) — это даже не Белоруссия, а еще Россия. Надо думать, Сталин планировал напасть на Белоруссию — внезапным ударом (на самом деле 22-я армия заняла Полоцкий и Себежский укрепрайоны на старой границе с Латвией).

Гомель (21-я армия) — это уже Белоруссия, но в 60 километрах от России и в 500 от пограничного Бреста. Возможно, Сталин хотел напасть на Россию, иначе не подтянул бы армию к ее границе (на самом деле 21-я армия, за исключением 53-й дивизии, что осталась у Гомеля, отправилась в Бобруйск, где заняла оборону по реке Березина).

25-й стрелковый корпус выходил на рубеж Западной Двины — конечно, не для того, чтобы ее оборонять, а чтобы стремительно форсировать Западную Двину, смертельно напугав этим белорусов (на рубеже Западной Двины была развернута 22-я армия, которая использовала реку как оборонительный рубеж).

Белая Церковь (19-я армия) — рядом с Днепром, на 60 километров южнее Киева, в 300 километрах от пограничной реки Прут. Сталин хотел напасть на Киев, как в старые добрые половецкие времена, — и устроить половецкие пляски на Крещатике (на самом деле 19-я армия составляла резерв Ставки и должна была нанести контрудар в случае прорыва немцев к Киеву и загнать их в Припятские болота).

Шепетовка (16-я армия) на Украине — в 180 километрах до границы. Зачем это Сталину, который готовил нападение, потребовалась какая-то Шепетовка, а не город на границе с Германией?

Ответ — как и ответы на все остальные трудные жизненные вопросы — можно найти только в романе «Золотой теленок»: «И вообще последний город — это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана».

Теперь все становится кристально ясным. Шепетовка была нужна для нападения на Америку. Далеко мыслил вождь. Глобально-стратегически.

Память о подготовке нападения на Америку до сих пор сохранилась в народе в виде прибаутки: «Подводная лодка в степях Украины».

Дыма без огня не бывает, народ зря говорить не будет. Готовили подводные лодки в Шепетовке, для броска через Атлантику.

И привезли подводные лодки для броска к статуе Свободы эки 16-й армии, которые двинулись в путь 13 июня (на самом деле 16-я армия была направлена в район укреплений старой границы — Шепетовского, Староконстантиновского и Изяславского укрепрайонов — и сосредоточения запасов КОВО и имела задачу разместиться в районах Винницы, Бердичева, Проскурова (ныне Хмельницкий), Шепетовки и Староконстантинова).

И только совершенно непосвященный в планы сталинского нападения на Европу читатель может прийти к ошибочному выводу, что пе-

речисленные армии составляют вторую линию обороны на случай, если первая линия будет прорвана. Тем более что именно так армии впоследствии и использовались:

«Сгруппировав в ударный кулак часть подоспевших сил 19-й армии И.С. Конева и силы правого крыла 20-й армии П.А. Курочкина, командующий фронтом обрушил в районе Витебска неожиданный контрудар на выдвинутый из резерва вермахта для развития наступления моторизованный корпус. В тот же день части 22-й армии Ф.А. Ершакова внезапным контрударом из Полоцкого укрепрайона разгромили фашистскую моторизованную дивизию. Части 21-й армии Ф.И. Кузнецова и 13-й армии Ф.Н. Ремезова остановили фашистов на рославльском направлении...

Но, несмотря на величайшие усилия наших войск, обстановка все-таки складывалась в пользу противника.

Против трех армий Западного фронта, оборонявшихся в полосе от Витебска до Быхова, противник в середине июля перешел в наступление главными силами своих 3-й и 2-й танковых групп при поддержке большей части сил 2-го воздушного флота. Наша 19-я армия вынуждена была отойти на северо- и юго-восток, и противник устремил в образовавшуюся брешь две танковых дивизии. К вечеру 15 июля они прорвались в район севернее Ярцева, охватывая с северо-востока тылы советских войск.

Над Смоленском нависла реальная угроза. Командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин получил 14 июля приказ возглавить оборону города» (В солдатской шинели. С. 50—51).

Если бы указанные армии по настоянию Жукова (и вопреки воле Сталина, сомневавшегося, что Гитлер нападет в 1941 году) не были бы переброшены, второй эшелон обороны не из чего было формировать. Г.К. Жуков спас страну, которую И.В. Сталин обрекал на гибель. 22 июня 1941 года в стране была объявлена мобилизация — формирование же новых армий, переброска их, вооружение техникой требовало недель, которые следовало выиграть. Войска второго эшелона его выиграли.

Но мы так и не ответили на риторический вопрос Суворова — Резуна: *«Если бы Гитлер не напал, долго ли мог Сталин держать сотни тысяч вооруженных эсков на своих западных границах?»*

Так что ему ответить, почему-то?

Чем утолить его жгучую любознательность?

Все люди пишут книги, чтобы что-то сообщить, — только один Суворов — Резун, бывший работник ГРУ, устраивает читателю форменный допрос.

Ну что ж, попробуем ответить, *«долго ли мог Сталин держать сотни тысяч вооруженных эсков на своих западных границах»*.

Сотен тысяч *«вооруженных эсков»* 22 июня не существовало. Перечисленные соединения состояли из кадровых дивизий.

А вот сотни «вооруженных эков» были. Это реабилитированные командиры Красной Армии. В частности, 16-ю армию возглавлял некогда репрессированный генерал М.Ф. Лукин; его сменил проводивший три года в застенках К.К. Рокоссовский.

М.Ф. Лукин побывал в немецком плену, и потому литературы про него мало; про К.К. Рокоссовского литературы гораздо больше, и она содержит хорошую информацию для размышлений:

«О том, как Сталин захотел познакомиться с Рокоссовским, Жуков рассказал подробно.

Георгий Константинович и Константин Константинович приехали вместе. Сталин начал задавать Рокоссовскому вопрос за вопросом, видимо заранее обдуманые.

— С образцами нового оружия противника знакомы? — спросил Сталин, сидя за столом и набивая трубку.

— Нет, товарищ Сталин. Пока не пришлось...

— Стратегией молниеносного наступления немцев серьезно интересовались? Благодаря чему они так быстро оккупировали Данию, Бельгию, Голландию?..

— Нет, товарищ Сталин. Не было у меня такой возможности.

— Наш танк Т-34 приходилось использовать в засадах? Как это научился Катюхов...

— Нет, товарищ Сталин, пока не пришлось. У нас в Шестнадцатой армии этих танков не было.

— Взаимодействием танков и кавалерии серьезно занимались?

— Начал изучать, товарищ Сталин.

С каждым ответом Рокоссовского Сталин мрачнел, а вопросы задавал все отрывистее и более требовательным тоном. Он раздраженно зажег трубку, взгляд его обещал мало хорошего. Жуков отметил, что он начал нервничать. Сталин с неодобрением, которое не хотел скрывать, как бы вопрошал безгласно Жукова: «Зачем привели ко мне этого незнайку?»

— Почему такая неосведомленность? Вы что же, в последние годы не готовились серьезно к войне?

Рокоссовский смущенно кашлянул:

— Я, товарищ Сталин, в то время сидел в «Крестах» (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 168).

Вот он и ответ на вопрос Суворова — Резуна — долго ли Сталин мог держать вооруженных эков на границе?

Если бы Сталин мог — он бы держал их вечно!

Даже старые командиры мало годились для войны с немцами, потому что долго сидели и мало что знали.

Напад на Финляндию и получив могучий отпор, Сталин, по свидетельству Хрущева, страшно перетрусил. Он понял, что своими чистками столь сильно обескровил армию, что подорвал ее боеспособность.

Тот же К.К. Рокоссовский, вернувшись из тюрьмы после трехлетней отсидки, нашел части в крайне отвратительном состоянии.

«Так, в отчете командира 9-го механизированного корпуса генерала К.К. Рокоссовского о боевой подготовке за 1940/41 г. отмечалось, что у командно-начальствующего состава нет еще твердого навыка и умения командовать своей частью, так как большинство командиров на своих должностях работали мало, приобрести опыт за короткий срок и научиться еще не успели» (Советские танковые войска. 1941—1945. М., 1963. С. 17).

В 1937—1938 годы были не просто репрессии — великий вождь и учитель уничтожил всю верхушку армии. А руководители, что пришли им на смену, опыта не имели.

Кроме того, удивительным образом в число репрессированных попали почти все теоретики Красной Армии. Вот, к примеру, какие фамилии называет Василевский, говоря о теории «глубокой операции» — той самой, которую у СССР переняли немцы и которой новым командующим Красной Армии пришлось овладевать уже в ходе войны:

«Неослабное внимание ей уделяли замнаркома М.Н. Тухачевский, командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич, командующий Украинским военным округом И.Э. Якир, командующий Военно-воздушными силами Я.И. Алкснис» (В а с и л е в с к и й А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 88).

Все упомянутые лица были Сталиным убиты.

Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Много ценного и по-настоящему интересного для каждого профессионального военного содержалось в работах С.С. Каменева, А.И. Корка, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и других наших крупных военачальников и теоретиков».

За исключением С.С. Каменева, скончавшегося в 1936 году, упомянутые лица тоже были И.В. Сталиным убиты.

А это значит, что все военные работы, труды, представления были из библиотек изъяты. А вместо них — ничего.

«В офицерских училищах нас учили приемам «отбивания конницы слева и справа» (защита винтовкой от сабельного удара конника. — А.П.), бессмысленной шагистике. А созданных революционными полководцами учебников мы и в глаза не видели!» — пишет бывший офицер-десантник С.М. Елизов» (Цит. по: Самсонов А.М. Знать и помнить. М., 1971. С. 116).

М.Н. Тухачевский был величайшим теоретиком военного дела. Г.К. Жуков отзывался о нем в превосходной степени: «Гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии».

Красная Армия, как известно, встретила войну с винтовками, немецкая — с автоматами. А автоматы отстаивал И.П. Уборевич, еще в тот год, когда автоматы Федорова были сняты с вооружения Красной Армии.

Вот что писал об Уборевиче в своих воспоминаниях К.А. Мерецков: «Все, что мне удалось тогда прочесть из других печатных выступлений Уборевича, убедило меня, что Иероним Петрович — один из способнейших организаторов боевой подготовки войск. И думал так не только я. На протяжении многих лет военно-теоретические работы Уборевича являлись ценными пособиями для командного и начальствующего состава всей Красной Армии» (Мерецков К.А. На службе народу. С. 95).

В 1927—1928 годы Уборевич учился в Высшей военной академии германского Генерального штаба. Был автором работ, которые печатались в военных журналах, выпускались отдельными книгами и брошюрами.

И этого человека Сталин убил тоже.

Про уничтожение Сталиным высших командиров пишут часто — не менее катастрофическими, однако, были и репрессии в среднем командном звене. Особо страшен был удар по авиации, поскольку пилоты имели офицерские звания. Отсутствие опытных летчиков в 1941-м сказалось очень сильно, поскольку выдвиженцы конца 30-х совершали просто трагические ошибки. Особенно показателен в этом плане пример с начальником авиации самого важного, Западного особого военного округа И.И. Копцом.

К.А. Мерецков следующим образом описывает положение на аэродромах Западного особого военного округа перед самой войной:

«Шло последнее предвоенное воскресенье. Выслушав утром доклады подчиненных, я объявил во второй половине дня тревогу авиации. Прошел какой-нибудь час. Учение было в разгаре, как вдруг на аэродром, где мы находились, приземлился немецкий самолет. Все происходившее на аэродроме стало полем наблюдения для его экипажа.

Не веря своим глазам, я обратился с вопросом к командующему округом Д.Г. Павлову. Тот ответил, что по распоряжению начальника Гражданской авиации СССР на этом аэродроме велено принимать германские пассажирские самолеты. Это меня возмутило. Я приказал подготовить телеграмму на имя И.В. Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко поругал Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны, затем я обратился к начальнику авиации округа Герою Советского Союза И.И. Копцу.

— Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тогда будете делать?

Копец совершенно спокойно ответил:

— Тогда буду стреляться!

Я хорошо помню нашу взволнованную беседу с ним. Разговор шел о долге перед Родиной. В конце концов он признал, что сказал глупость. Но вскоре выяснилось, что беседа не оказала должного воздействия. И дело тут не в беседе. Пришлось констатировать наши промахи и в том, что мы плохо знали наши кадры. Копец был замечательным летчиком,

но оказался не способным руководить окружной авиацией на должном уровне. Как только началась война, фашисты действительно в первый же день разгромили на этом аэродроме почти всю авиацию, и Копец покончил с собой» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 204).

Во главе авиации округа стоит выдвигенец 1938 года, который говорит глупость, потом признает, что сказал глупость, а затем совершает эту глупость.

Во многом именно благодаря Копцу Западный фронт оказался без современных истребителей, что стояли неприкрытыми близ границы; потом немецкие бомбардировщики беспрепятственно бомбили советские войска.

Но, кроме истребителей, Копец 22 июня 1941 года поставил под удар и бомбардировщики.

«Вскоре поступила телеграмма от командующего ВВС Западного фронта генерала И.И. Копца. Ее передали почему-то через узел связи 42-й дальнебомбардировочной авиадивизии, ходившей в наш авиакорпус. Телеграмма гласила: «Уничтожить мотомехвойска противника в двух районах — Сувалки, Сейны, Августов, Квитемотис и Седлец, Янов, Луков; тяжелобомбардировочным авиаполкам — 3-му тяжелому авиаполку одиночными ночными налетами разрушить склад в районе Сувалки и сувалковского выступа, 1-му тяжелому авиаполку одиночными налетами уничтожить матчасть противника на аэродромах Соколов, Седлец, Луков, Бяла-Подляска; 212 дбап в течение 22—23.6.41 г. ночными налетами уничтожить авиационные заводы в Кенигсберге».

Позже эта задача 212-му дальнебомбардировочному авиаполку полковника А.Е. Голованова была отменена.

Где наши войска, какие имеются данные о противнике в районе наших целей? На этот вопрос никто не мог дать точного ответа. Требовалось самим уточнить воздушную и наземную обстановку в районе наших боевых действий, самим обнаружить наиболее крупные и опасные скопления прорвавшегося в оперативную глубину гитлеровцев и бомбардировать врага.

Дальние бомбардировщики предназначены, разумеется, для выполнения иных задач... Когда я запросил прикрытие, генерал И.И. Копец категорически заявил:

— Истребителями прикрыть не можем!...» (С к р и п к о Н.С. По целям ближним и дальним. С. 53—54).

Ни разведки, ни данных, ни истребителей прикрытия — ничего.

Подобное лаконичное распоряжение он выдал 22 июня 1941 года и командующему тыловой истребительной дивизией.

«Уже давно рассвело, когда раздался звонок из штаба авиации округа. Это было — по памяти — между пятью и шестью часами утра. Звонил командующий авиацией округа.

— Нас бомбят. С Черныхом и Ганичевым связи нет.

Это было первое сообщение о начале войны, которое я услышал. Копец говорил ровным голосом, и мне казалось, что он говорит слишком неторопливо. Я молчал.

— Прикрой двумя полками Минск. Одним — Барановичи. Еще одним — Пуховичи.

Это был приказ. Я ответил как полагается, когда приказ понят и принят. Вопросов не задавал. Копец помолчал, хотя мне казалось, что он должен сказать еще что-то. Но он произнес только одно слово: «Действуй»...

В первую половину дня, кроме того, о чем мне сказал утром по телефону командующий авиацией округа И.И. Копец, я никаких других сведений о ходе боевых действий не имел, хотя связь с Минском работала нормально» (З а х а р о в Г.Н. Истребители вступают в бой // Знание — сила. 1982. № 7).

Заметим — только с Минском. «В результате диверсионной деятельности с 23 часов 21 июня вся проводная связь штаба ВВС округа со штабами дивизий и последних со штабами полков была прервана и каждый аэродром был предоставлен самому себе» (А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. С. 106). Отсутствие скрытой связи и радиосвязи — тоже вина Копца.

Не имея сведений, командир авиадивизии Захаров полетел в Минск. То, что он увидел, было весьма характерно:

«На аэродроме вперемешку стояли самолеты различных систем, абсолютно не замаскированные, все было забито техникой — целой и изуродованной».

Копец ничего не замаскировал! Копец не организовал зенитную оборону аэродрома Минска! Хотя бы из пулеметов «Максим»!

Каким был результат?

«Низко ходили большие двухмоторные машины. Я видел их, подлетая, но мне в голову не могло прийти, что это ходят «Ю-88». Они ходили на малых высотах и прицельно швыряли бомбы на отдельные здания. Вражеских истребителей в небе не было. Подвергая город в течение дня непрерывной бомбардировке, превратив аэродром в жаровню, «юнкеры» под вечер чувствовали себя в полной безопасности» (З а х а р о в Г.Н. Истребители вступают в бой // Знание — сила. 1982. № 7).

И.И. Копец был типичнейшим выдвинутым 1937—1938 годов. Хотя он окончил всего лишь школу военных летчиков, в 1938-м его, командира эскадрильи, назначили заместителем командующего ВВС Ленинградского военного округа, а вскоре он стал командующим ВВС Западного особого военного округа, насчитывавшего 2000 самолетов.

Результатом этого стал страшный разгром авиации Западного фронта и завоевание немцами господства в воздухе, после которого немец-

кие «юнкеры» начали прорубать танкам Гудериана дорогу на Москву. Западный фронт потерял в первый день 738 самолетов, 528 из которых было уничтожено на земле (См.: А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву 1941. С. 113). Командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов с горечью говорил:

«Начальник оперативного отдела штаба ВВС и начальник разведывательного отдела, фамилии их забыл, проявили полную бездеятельность, граничившую с преступлением, а начальник связи авиации, фамилии тоже не помню, не принимал никаких мер, чтобы обеспечить связь командования с армиями. Все это воспитанники генерала Копца» (З е н ь к о в и ч Н.А. Маршалы и генсеки. С. 519). «В начале военных действий Копец и Таюрский доложили мне, что приказ народного комиссара обороны СССР о рассредоточенном расположении авиации ими выполнен. Но я физически не мог поверить в правильность их доклада. После первой бомбежки авиадивизия была разгромлена. Копец застрелился потому, что он трус» (т а м ж е. С. 537).

Заметим, однако, что ответственность в конечном счете нес именно Д.Г. Павлов. А Павлов вечером перед немецким нападением отправился в театр, хотя имел более чем достаточно сведений о концентрации немецких войск. Облетев границу, командир 43-й истребительной дивизии Г.Н. Захаров сообщил подробно о сконцентрированных у границы войсках. Захаров вспоминал: «Слушая меня, генерал армии Д.Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел меня впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, не преувеличиваю ли я? Я готов был ответить точно и резко, поскольку интонация командующего откровенно заменяла слова «преувеличивать» на «паниковать», — он явно до конца не принял того, что я говорил. Копец опередил меня, заявив, что нет никаких оснований брать мой доклад под сомнение» (З а х а р о в Г.Н. Истребители вступают в бой. // Знание — сила. 1982. № 7).

Даже Копец оказался дальновиднее своего командующего.

К слову, Павлов тоже был выдвигенцем 1937 года. И. Стаднюк написал в книге «Война»:

«Родился Дмитрий Григорьевич Павлов в затерявшейся среди колгровских лесов деревне Вонюх. Рос там, как и все дети бедных крестьян, в трудах, жил мимолетными будничными радостями, сдал экстерном экзамены за четыре класса гимназии, а в 1914 году, семнадцатилетним, добровольно ушел на фронт. В июле 1916-го в боях на Стоходе был ранен и захвачен немцами в плен».

Командующий Западным фронтом Д.Г. Павлов «из затерявшейся в лесах» деревни Вонюх имел четыре класса гимназии — да и те сдал экстерном. В школе он не учился вообще. И это сказалось. В частности, Павлов вместе с Куликом выступил против танка Т-34 в пользу легкого

танка Т-50. Павлов стал в 1937 году заместителем начальника, а в 1938 году — начальником Автобронетанкового управления. Кулик был назначен в 1937 году начальником Главного артиллерийского управления; позднее он станет заместителем наркома обороны. Именно Кулик встал на пути пистолетов-пулеметов Дягтерева, противотанковых ружей и реактивных установок БМ-13 («катюш»). Он же боролся с наследием разоблаченного «врага» Тухачевского — противотанковыми орудиями.

Выдвиженцами 1937-го были и многие командующие армиями.

«6-й армией командовал генерал-лейтенант Иван Музыченко, волевой и решительный человек. Сын матроса, он с детства познал нужду и тяжелый подневольный труд. Восемнадцати лет вступил в партию, дрался на фронтах гражданской войны. Образование — два класса учительской семинарии» (Б а г р а я н И.Х. Мои воспоминания. С. 188).

В коммунистические времена все это было блестящей характеристикой.

Да вот он, и 1937 год...

«...В июле 1937 года был назначен командиром 4-й Донской кавалерийской дивизии, получил звание комбрига... В боях на Карельском перешейке в начале 1940 года он командовал стрелковой дивизией, а уже через полгода возглавлял армию» (т а м ж е).

Во время своей поездки к границе Мерецков проинспектировал и артиллерию 6-й армии И. Музыченко.

«Здесь были допущены ошибки. Почти вся зенитная и противотанковая артиллерия переформировывались одновременно, поэтому противотанковая артиллерийская бригада утратила свою боевую готовность. Чтобы командный состав армии убедился в этом, я провел с ним военную игру. Как я и ожидал, в ходе игры обнаружилось, что танки «противника» могут действовать почти беспрепятственно. На разборе я подчеркнул серьезность допущенного промаха. Командарм в оправдание ссылался на указания из округа. Округом командовал генерал-полковник М.П. Кирпонос, мой сослуживец по финской компании и боевой командир. Он тоже находился во Львове. Кирпонос объяснил, что переформирование абсолютно необходимо, но, конечно, осуществлять его нужно поэтапно, обещал исправить ошибку и тут же поехал в штаб округа, в Киев.

Однако ошибка не была исправлена. В начале июня в округе формировалось несколько противотанковых артбригад на тягачах. А через две недели грянула война. 6-я армия сражалась героически, но не могла противостоять танкам немецкой группы «Юг» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 203).

Прорвавшаяся через порядки 6-й армии 1-я танковая группа немцев зашла в тыл всему Южному фронту, что предопределило его разгром, выход немцев с юга к Киеву, окружение киевской группировки советских войск и дальнейшие успехи немецкой армии на южном фланге.

Два класса учительской семинарии И. Музыченко — и весь южный фланг Красной Армии прахом...

Почему же все-таки командовать 6-й армией назначили именно Музыченко? Сейчас мы можем об этом только гадать, но вот какой есть в биографии Музыченко интересный факт: он служил в Первой конной (к ней имел отношение во время Гражданской войны И.С. Сталин), командиром полка 4-й Донской казачьей дивизии. Другими командирами этой же дивизии были М.И. Потапов и Ф.Я. Костенко. Вряд ли случайно, что в июне 1941 года на флангах 6-й армии находились 26-я армия Ф.Я. Костенко и 5-я М.И. Потапова.

И вот опять какое совпадение: во время обороны Царицына Кулик был при Сталине начальником артиллерии, а позднее — начальником артиллерии Первой конной армии.

Вряд ли случайно и то, что в июне 1941 года командовать всеми тремя стратегическими направлениями были назначены командиры из все той же Первой конной: Тимошенко, Буденный и Ворошилов. Сталин возвышал людей, исходя из их личной преданности, даже зная об их посредственности.

А посредственностями они были выдающимися, если можно себе позволить такой каламбур. Буденного — бывшего крестьянина без начального образования — скоро отстранят от командования фронтами. Ворошилов — слесарь с четырехклассным образованием, — зная свои способности, сам откажется командовать фронтом. С 1943 года всего лишь представителем Ставки на фронтах станет бывший унтер Тимошенко, который говорил про себя: «Вот я, к примеру, кончил только сельскую приходскую школу. Больше не приходилось» (Т ю л е н е в И.В. Через три войны. С. 75).

Еще один заместитель наркома обороны, Е.А. Щаденко, был в прошлом портным. В заместители он попал все в том же судьбоносном 1937-м. Особых отличий портной не имел, кроме того, что служил все в той же Первой конной и в 1920-м вместе с С.М. Буденным и К.Е. Ворошиловым в качестве члена РВС Первой конной армии санкционировал расстрел легендарного командира корпуса Б.М. Думенко. Поднявшийся на советский военный олимп портной Е.А. Щаденко, вместе с Г.И. Куликом, сыграл фатальную роль в размещении стратегических запасов.

«Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства Наркомата (особенно Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и Е.А. Щаденко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет быстро перенесена на территорию против-

ника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны» (Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 112—113).

Л.З. Мехлис тоже занял пост заместителя наркома обороны в 1937 году. Военная деятельность его кончилась тем, что в 1942 году его сняли со всех военных должностей. В том же 1942-м Г.И. Кулик будет понижен в звании до генерал-майора. И в том же 1942-м главком Северо-Западного направления Буденный, имея большой перевес над немцами, потерпит страшное поражение во время Керченской операции. В 1943-м Е.А. Щаденко выгонят из заместителей наркома обороны и отправят на Южный фронт членом военного совета.

И.В. Тюленев, командовавший в 1941-м Южным фронтом, писал про себя:

«Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо умершего дяди. Отцу с матерью приходилось трудиться не покладая рук, чтобы прокормить столько ртов. Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в нашу дверь... Мое образование ограничилось сельской школой. Началась тяжелая трудовая жизнь» (Тюленев И.В. Через три войны. С. 4—5).

Следует упомянуть, что на совещании высшего командного состава армии в декабре 1940 года И.В. Тюленев прочитал доклад «Характер современной оборонительной операции». Тюленев, по сути, был теоретиком обороны Красной Армии. А базовое образование у «теоретика» — сельская школа и «тяжелая трудовая жизнь».

И.Х. Баграмян рисует в своих воспоминаниях некоторых командиров Красной Армии. Начальник штаба 12-й армии генерал Арушанян предстает у него таким: «Арушанян, несмотря на молодость, по достоинству считался одним из самых перспективных командиров. Рос он быстро: в 1936 году успешно окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, командовал полком, дивизией, отличился в боях на Карельском перешейке, и вот уже начальник штаба в армии важнейшего пограничного округа. Это был очень способный человек, и такой стремительный взлет не вскружил ему голову».

И тут «стремительный взлет» в конце 30-х. Не люди, а ракеты.

Генерал-лейтенант М.А. Парсегов... «Жизненный путь этого 42-летнего генерал-лейтенанта был удивительно похож на биографии большинства крупных военачальников Красной Армии. Парсегов родился в крестьянской семье в Нагорном Карабахе, подростком пошел работать на хлопкоочистительный завод в городе Андижане, девятнадцати лет связал свою судьбу с большевиками. В гражданскую воевал в Средней Азии, «университеты» свои прошел в Красной Армии... К тридцати годам Михаил Артемьевич уже командовал дивизионом, а затем артиллерийским полком. Потом — общевойсковая академия, после нее снова артиллерийс-

кий полк, а вскоре — стремительный взлет: его назначают начальником артиллерии Ленинградского военного округа» (там же. С. 206).

Снова стремительный взлет! Не делали ли в 1937 году некие ускорители?..

Примерно такие же биографии и у остальных советских командиров. Нищее детство, отсутствие базового образования, советское военное образование (не сравнимое с дореволюционным или немецким), а на рубеже 37—38-х — стремительный взлет.

«Три года на высших постах в артиллерии дали Парсегову много».

Три года! У немецких высших командиров было не меньше десятилетия!

Возьмем, к примеру, биографии фон Рундштедта, фон Бока и фон Лееба — командующих группами армий «Юг», «Центр» и «Север» соответственно.

Герд фон Рундштедт. Родился в 1875 году. Сын генерал-майора. Первые упоминания о его предках можно найти в средневековых хрониках 1109 года. В возрасте двенадцати лет поступил в начальное военное училище. Три года (1907—1910) служил в Большом генеральном штабе в Берлине. В конце ноября 1914 года имел звание майора. На конец войны занимал пост начальника штаба 15-го корпуса. Награжден Железным крестом 1-й степени и орденом Дома Гогенцоллернов. Подполковник в 1920 году, полковник в 1923-м, генерал-майор в 1927-м, генерал-лейтенант в 1929-м и генерал от инфантерии в 1932 году. Во 2-ю мировую войну командующий группой армий «Юг» в Польской кампании, группой армий «А» во Французской, группой армий «Юг» на советско-германском фронте (до ноября 1941). В 1942—1945 годы (с перерывом) главнокомандующий войсками на Западе.

Фёдор фон Бок (не Теодор, как иногда пишут, а именно Федор, поскольку у матери фон Бока в роду были русские аристократы). Родился в 1880 году. Сын известного прусского генерала. Учился в военных школах в Гросс-Лихтерфельде и Потсдаме. В 1910 году получил назначение в Генеральный штаб. В 1912-м — капитан. Проявил себя в боях на Сомме и Камбрэ, за что получил медаль «Pour le Merite». В 1918 году — майор, в 1924-м — полковник, в 1928-м — генерал-майор, в 1931-м — генерал-лейтенант. Во 2-ю мировую войну командующий группой армий «Север» в Польской кампании и группой армий «Б» во Французской, группой армий «Центр» (по декабрь 1941-го) и «Юг» (по июль 1942) на советско-германском фронте.

Вильгельм Йозеф фон Лееб. Родился в 1876 году. Потомственный военный. Принадлежал к столь древнему роду, что издал книгу «Хроника семейства Лееб». Учился в артиллерийской и инженерной школах. В 1900-м участвовал в военных действиях по подавлению «Боксерского восстания» в Китае. Посещал занятия Баварской военной академии в

Мюнхене и при берлинском Генеральном штабе. В 1-ю мировую участвовал в военных действиях на западном и восточном фронтах. Награжден баварским военным орденом Макса Иосифа (что давало право на дворянство). В 1916 году повышен до майора. В 1924-м — подполковник, в 1925-м — полковник, в 1928-м — генерал-майор, в 1929-м — генерал-лейтенант. В 1940-м — генерал-фельдмаршал. Автор нескольких работ по оборонительной тактике. В 1938 году была издана его книга «Оборона». Его ранние труды, переведенные на русский язык, были использованы при подготовке советского Устава полевой службы.

Вот такие военные люди. Все имели значительный возраст, большой опыт. Все были офицерами в Первую мировую, а в 20-е годы были уже генералами. Все происходили из потомственных военных, готовились к военной карьере с молодости, все прошли школу Генерального штаба.

У советских офицеров все было совершенно иначе. Гитлер, принимая решение начать войну с СССР, исходил из понизившегося после 1937 года уровня советского командного состава. Согласно записи А. Розенберга от 29 сентября, Гитлер говорил:

«Генерал, которого к нему прислали, мог бы у нас командовать только батареями — не больше. Ведь Сталин истребил командный слой» (Откровения и признания. С. 45).

Сталин истребил командный слой...

К.А. Мерецков пишет:

«...к концу 1940 года наши командные кадры в большинстве своем были очень молодыми. Некоторые командиры в течение предыдущих двух-трех лет прошли несколько служебных инстанций и командовали округами, соединениями, руководили штабами по несколько месяцев. Они заменили военачальников, выбывших из строя в 1937—1938 годах».

К лету 1941 года 75 процентов командиров Красной Армии занимали свои должности менее одного года.

«Без тридцать седьмого года, — считает маршал А.М. Василевский, — возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел... Был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы» (Коммунист. 1988. № 5).

Вот такие командные кадры были у СССР перед войной. В самый раз для нападения на Европу...

Глава 15 называется «Об артиллерийских полках».

И в артиллерии Суворов — Резун большой знаток. И тут он учит военных историков, делая потрясающие их открытия:

«Самое главное требование к противотанковой пушке — способность пробивать любой танк противника. В 1941 году советская 45-мм пушка

такой способностью обладала. Кроме нее, была создана 57-мм противотанковая пушка. Ее не выпускали просто потому, что для нее не было достойных целей. Как только разведка сообщила о появлении тяжелых танков в германских войсках, 57-мм пушку пустили на поток, и она до конца войны вполне справлялась с поставленными задачами, тем более что вскоре ей на помощь стали выпускать сверхмощную 100-мм пушку».

Вот как! Разила всех советская 45-мм пушка!..

Сталин, выходит, подготовился к войне!..

Всех мог победить!..

Но...

Тут, как обычно, снова «но».

А «но» заключается в том, что 45-мм пушка уже не была способна пробивать тяжелобронированные цели. Командующий Западным фронтом Павлов, объясняя причины поражения своего фронта, говорил, в частности, следующее:

«Из результатов первого боя я сделал вывод... на правом фланге против Кузнецова, в направлении на Сопоткин, введены тяжелые танки противника, которые не пробиваются 45-мм артиллерией, и что противник за этими танками ввел свою пехоту, поломав нашу оборону» (З е н ь к о в и ч Н.А. Маршалы и генсеки. С. 482).

Советские конструкторы это предвидели, и потому до войны была разработана 57-мм пушка ЗИС-2. Суворов — Резун, который пишет, что «пушку не выпускали», не знает, что массовый выпуск противотанковой 57-мм пушки ЗИС-2 начался с 1 июня 1941 года, еще до войны. В ходе боевых действий на советско-германском фронте, однако, выяснилось, что выстрелов (так называется снаряд, гильза и заряд) к 57-мм пушке не накоплено, поскольку с 1917 года 57-мм выстрелы не выпускались. А вот снарядов к 45-мм пушке было много, тогда как самих 45-мм орудий после страшных прорывов немцев было потеряно масса. Потому производство 45-мм орудий спешно восстановили, чтобы потом модернизировать пушку.

К концу 1941 года лучшие немецкие танки были порядком повыбиты, и немцы вынуждены были широко применять легкобронированные танки, а их длинноствольная 57-мм пушка пробивала насквозь. К тому же 57-мм пушка, с ее длинным стволом, была неудобна в бою и трудна в изготовлении. И по предложению Л.А. Говорова 57-мм пушку сняли с производства с 1 декабря 1941 года, что было ошибкой, поскольку у появившихся в конце 1942 года «тигров» 45-мм пушка повреждала только гусеницы. Пришлось срочно восстанавливать производство 57-мм орудий.

Но Суворов — Резун про выпуск 57-мм орудия в 1941 году, до войны, ничего не знает. И ничего не зная, дает советы:

«Катастрофы можно было избежать, если бы артиллерию и боеприпасы не собрали у границы. Даже за неделю до войны (если бы Сталин боялся Гитлера) можно было оттянуть артиллерию».

Можно было оттянуть артиллерию...

В самом деле — зачем держать артиллерию у границы? Пусть пограничники воюют винтовками. Пусть защитники УРов отбиваются гранатами. Пусть немцы без помех форсируют Буг, срывают план прикрытия границы, вырываются на оперативный простор и срывают нашу мобилизацию...

Пусть выигрывают войну!..

Артиллерию надо было оттянуть...

«Но шел обратный процесс. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский: «Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне» (Солдатский долг. С. 8). Удивительно, почему артиллерия должна заниматься подготовкой у границ, разве мал Советский Союз, разве нельзя найти более подходящего места?»

Объясним бывшему советскому офицеру: в приграничной зоне мало гражданского населения, а военная инфраструктура развита. Если начать стрельбу артиллерией всего военного округа где-нибудь под Харьковом — население этого может не понять.

К тому же артиллерию далеко отводить от границ просто опасно.

«Мы возмущаемся, что какой-то идиот в Генеральном штабе отдает глупые приказы. Но не будем возмущаться. Приказы отдавал не идиот, а великий, непобедимый Г.К. Жуков».

Приказ отдавал вовсе не Г.К. Жуков, как ему это приписывает Суворов — Резун. Приказ отдавали командующие округами. Жуков писал в «Воспоминаниях и размышлениях», которых Суворов — Резун, похоже, не читал:

«Нарком обороны С.М. Тимошенко рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы, с тем чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания по планам прикрытия. Эта рекомендация наркома обороны проводилась в жизнь округами с одной существенной оговоркой: в них не принимала участия значительная часть артиллерии.

Дело в том, что дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний».

Но насчет того, что Г.К. Жуков был «великий» и «непобедимый», я согласен.

В главе 17 — «О перманентной мобилизации» Суворов — Резун делает очередные открытия. От них я уже немного устал — но продолжим.

«В каждой советской квартире коммунистическая власть бесплатно установила большой черный репродуктор — тарелку, а на каждой улице

серебристый колокольчик. Однажды эти репродукторы должны были на всю страну прокричать мобилизацию — День «М».

Коммунистическая власть не устанавливала репродукторов-тарелок в каждой семье. Моя мать, которой в 1941 году было уже семь лет, хорошо помнит, что речь Сталина в связи с нападением на СССР она слушала у соседей. Ей запомнились встревоженные лица тех, кто собрался вокруг репродуктора.

Суворов — Резун:

«Каждый советский резервист в своих документах имел «мобилизационный листок» ярко-красного цвета, на котором стояла большая черная буква «М» и предписание, в каком часу и где быть в день, когда мобилизация будет объявлена».

Ух, как грозно!

А теперь почитаем, что говорил в августе 1939 года на англо-франко-советских переговорах глава французской делегации генерал Думенк:

«Недавно во Франции издан закон, по которому все рабочие объявляются мобилизованными и получают мобилизационные карточки наравне с солдатами. По этому же закону правительству дано право мобилизовать необходимое количество рабочих для военных заводов» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 553).

В главе 20 Суворов — Резун живописует, как маниакально Сталин вооружался:

«А Сталин давил персонально. Был у него такой прием: своей рукой писал от имени директоров и наркомов письменное обязательство и давал им на подпись... Не подпишешь — снимут с должности с соответствующими последствиями, если подпишешь и не выполнишь... Генерал-полковник А.И. Шахурин в те времена был Наркомом авиационной промышленности. Предшественник Шахурина — М. Каганович — был снят и застрелен, не дожидаясь последствий снятия. Шахурин занял пост Кагановича, и вот он обедает у Сталина. Январь 1941 года. Сталинский обед — это очень поздний ужин. Слуги накрыли стол, поставили все блюда и большие не входят. Разговор деловой. О выпуске самолетов. Графики выпуска самолетов утверждены. Шахурин знает, что авиационная промышленность выпустит запланированное количество новейших самолетов. Поэтому спокоен. Но Сталину мало того, что запланировано к выпуску и им же самим утверждено. Нужно больше. И тогда:

«Сталин, взяв лист бумаги, начал писать: «Обязательство (заголовок подчеркнул). Мы, Шахурин, Дементьев, Воронин, Баландин, Кузнецов, Хруничев (мои заместители), настоящим обязуемся довести ежедневный выпуск новых боевых самолетов в июне 1941 года до 50 самолетов в сутки». «Можете, — говорит, — подписать такой документ?» «Вы написали не одну мою фамилию, — отвечаю, — и это правильно, у нас работает большой коллектив. Разрешите обсудить и завтра дать ответ?» «Хорошо», —

сказал Сталин. Обязательство было взято нами и выполнено. Сталин ежедневно занимался нашей работой, и ни один срыв в графике не проходил мимо него» (Вопросы истории. 1974. № 2. С. 95)».

Вот так обличает Суворов — Резун Сталина.

Замучил Сталин бедного Шахурина с наращиванием выпуска самолетов! Шахурин не хотел дополнительной головной боли, но Сталин алкал войны и заставлял делать расписки. Если не выполнишь расписки — убью...

Жуть!

Хотел Сталин напасть на Европу...

Теперь почитаем самого Шахурина.

А он пишет:

«Однако нас не оставляло чувство тревоги. Все ли мы делаем? Укладываемся ли мы в сроки, которые нам отведены? Не окажемся ли «безоружными» к началу войны? Как-то в октябре или ноябре 1940 года, когда мы переходили из кремлевского кабинета Сталина в его квартиру, я, поотстав от других, сказал Сталину, что наступило какое-то очень тревожное время для авиапромышленности. Прекращен выпуск старых самолетов. А вот удастся ли к нужному моменту наладить производство новых в достаточном количестве, трудно сказать. Это меня очень беспокоит. Успеем ли?»

Без долгого раздумья, очень уверенно Сталин сказал:

— Успеем!

Это единственное слово «успеем» очень запало мне в память. И этот короткий разговор меня очень приободрил» (Шахурин А.И. Крылья победы. С. 96).

Вот те на! Оказывается, это Шахурин подталкивал Сталина.

И не он один. Ильюшин написал Сталину письмо, умоляя ускорить выпуск штурмовика. Кошкин по собственной инициативе начал работать над танком с противоснарядным бронированием — будущим Т-34. Грабин в инициативном порядке сделал пушку Ф-32 для КВ и Ф-34 для Т-34. Начальник НИИ ВВС Филин прямо-таки заставил Сталина принять решение о выпуске ТБ-7. Летчик — участник боев на Халхин-Голе и в Испанской республике Денисов добился встречи со Сталиным и ведущими авиаконструкторами, чтобы сообщить свои рекомендации относительно конструкции истребителей. Побывавший в Испании танкист Ветров выступил на совещании против всего руководства РККА, заявив, что армии нужны не колесно-гусеничные машины, а гусеничный танк с мощными броней и пушкой. А тут еще и Шахурин пристал к вождю в коридоре с просьбой ускорить выпуск новых самолетов.

Но читаем Шахурина дальше:

«Прошло месяца два, снова разговор за обедом. Сталин спросил:

— Как разворачивается выпуск самолетов?»

Ответил, что с каждым днем самолетов делаем все больше. На одну-две машины в неделю, но рост непрерывный. Со мной оказались полугодовой и годовой планы нашей работы. Полугодовой — подробно отработанный. Я показал Сталину эти документы.

Посмотрев их, Сталин заметил:

— Давайте условимся так...

И на одном из планов синим карандашом написал: «Обязательство. Мы, Шахурин, Дементьев, Хруничев, Воронин... (одним словом, перечислил всех заместителей), настоящим обязуемся довести ежедневный выпуск новых боевых самолетов в июне 1941 года до 50 самолетов в сутки».

— Можете принять такое обязательство?

— Не могу один решить, — отозвался я.

— Почему?

— Здесь написана не только моя фамилия. Нужно посоветоваться со всеми, кого вы указали.

— Хорошо, — согласился Сталин, — посоветуйтесь и доложите.

На следующий день я показал своим заместителям запись Сталина. Обсудили, разошлись, чтобы разобраться в возможностях наших заводов, поговорить с директорами, главными инженерами, прикинуть, что получится. Проверили положение на каждом заводе, какие они имели заделы, могут ли нарастать эти заделы, как и выпуск в целом. С директорами говорили много раз, обсуждали этот вопрос снова и снова и в конце концов пришли к выводу, что такое обязательство можно принять: довести выпуск новых боевых самолетов в июне 1941 года до 50 в сутки. Представили документ, который подтверждал возможность выполнения задания» (там же. С. 97).

Ну и ну! А я, почитавши Суворова — Резуна, подумал, что Сталин требовал подписаться и грозил «Убью». А оказывается, Шахурин и его заместители изучили все резервы, прежде чем поставить подписи! И изучили их досконально.

Шахурин: «Слово свое авиастроители сдержали. К началу войны мы выпускали более 50 самолетов в день».

Всего в СССР в первой половине 1941 года было выпущено 5958 самолетов, из них 4177 — боевых (См.: Яковлев А.С. Советские самолеты. С. 351).

Наверное, это жутко много, много больше, чем в остальных странах?

Сталин ведь готовил нападение и мировую революцию...

Цифры выпуска самолетов за годы Второй мировой войны известны, мы их приводим в таблице из книги М. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (С. 600). Для Германии цифры с 1940 года даются без учета выпуска планеров.

Таблица выпуска самолетов в 1939—1944 гг.

Год	СССР	США	Англия	Германия
1939	10 362	5856	7940	8295
1940	10 565	12 813	15 049	9867
1941	15 735	26 289	20 094	10 940
1942	25 436	47 836	23 672	14 664
1943	34 884	85 898	26 263	24 365
1944	40 261	96 318	26 461	40 482

Из таблицы видно, что Рузвельт и Черчилль... да нет... Сталин готовил и в самом деле войну. Бешено наращивал вооружения. А буржуазные страны спешно ели ананасы и жевали рябчиков, ожидая сталинского нападения...

Осенью 1941-го Шахурин взял на себя — сам — просто невероятные обязательства. Перед этим он пригласил к себе домой руководителей и директоров.

«Гости — одни мужчины. Шли они, конечно, к своему наркому, но попали в теплую домашнюю обстановку, которой многие из них в это время были лишены. Чувствовалось, что все рады встрече. Собрались директора, главные инженеры, секретари парткомов заводов, которые выпускали боевые самолеты, но одни давали для них моторы, другие — шасси, третьи — агрегаты, бронекорпуса, винты, установки вооружения, радиаторы и т.п. Гости были яркими, горячими. Все понимали, что самолеты нужны немедленно, как можно скорей. Каждый из присутствующих представлял коллектив в тысячи и десятки тысяч человек. Неожиданно празднество вылилось во взаимные обязательства и требования.

Темпераментный Куинджи, главный инженер моторного завода, горячий человек, но опытный работник, заявил, что их завод уже через месяц начнет выпускать двигатели, полностью изготовленные из деталей здешнего производства, и призвал самолетчиков быть готовыми к этому. Самолетчики приняли вызов и в свою очередь обратились к поставителям других заводов и строителям.

Не скажу, что заранее обдумал такой нашу встречу, нет. Она получилась сама собой, как результат, видимо, особой ответственности за судьбу Родины. Все понимали, как велика опасность, нависшая над страной, и не могли думать и говорить иначе. Вот почему сразу же встал вопрос о сроках выпуска боевой техники на новых местах, сроках совершенно невероятных в других условиях. Эти сроки еще не были опробированы коллективным опытом и не подкреплены волей коллективов, но это был уже призыв руководителей и их самообязательства.

На другой день мы прикинули возможности каждого завода и цеха применительно к этим срокам и попытались изыскать дополнительные силы и средства, чтобы поставленные задачи стали реальными» (Шахурин А.И. Крылья победы. С. 137).

После этого А.И. Шахурин обратился к Сталину со своими предложениями, которые были приняты. Однако сразу резко увеличить выпуск самолетов не удалось, поскольку авиазаводы перемещались на Восток. Сталин, однако, никого не расстрелял. А потом число самолетов начало стремительно расти и намного превзошло число немецких.

Но всего этого у Суворова — Резуна нет. Есть Сталин, маниакально требующий самолетов. Все должны ставить подпись. Если не выполнят обязательство — Сталин превратит всех в лагерную пыль.

«Сталин сделал петлю, а руководители авиационной промышленности должны сталинскую петлю сами надеть на свои шеи. Подписано обязательство наркомом и заместителями, теперь можем представить, как они воспользуются своими диктаторскими полномочиями против начальников цехов и производств. А они... И так до самого мастера в промасленном халате. Кстати, минимум один из сталинского списка — Василий Петрович Баландин, заместитель наркома по двигателям — в начале июня 1941 года сел. Красив русский язык — зэк Баландин. Его подельников расстреляли. Баландину повезло, в июле его выпустили. Авиаконструктор Яковлев описывает возвращение: «Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет в наркомате и продолжал работу, как будто с ним ничего не случилось...» (Цель жизни. С. 227)».

Итак, Сталин хотел захватить Европу, требовал самолеты, заставлял подписывать обязательства, а кто их не выполнял...

Но... обязательства-то были выполнены!

За что посадили Баландина?

Обращаемся к книге Яковлева «Цель жизни», которую цитирует Суворов — Резун... и выясняем, что обязательства здесь ни при чем.

«На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет в наркомате и продолжал работу, как будто с ним уже ничего и не случилось...

А через несколько дней Сталин спросил:

— Ну, как Баландин?

— Работает, товарищ Сталин, как ни в чем не бывало.

— Да, зря посадили.

По-видимому, Сталин прочел в моем взгляде недоумение — как же можно сажать в тюрьму невинных людей?! — и без всяких расспросов с моей стороны сказал:

— Да, вот так и бывает. Толковый человек. Хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит то, что думает, — вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые дела не знают, но охотно пользуются всякими слухами и сплетнями... Ежов мерзавец! Разложившийся человек. Звонишь ему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом —

оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли» (С. 227—228).

Итак, Баландина арестовали не за «расписки», а по политическим мотивам. К слову, Яковлев попросил освободить Баландина именно в силу его ценности как производственника: «Он нужен в наркомате — руководство двигателестроением очень ослаблено».

Суворов — Резун обо всем этом не мог не знать: он же сам цитирует Яковлева.

Похоже, что вообще не было случаев, чтобы Сталин заставлял брать обязательство, а затем сажал за невыполнение. Если бы такие случаи были, Суворов — Резун их бы нашел, а не занимался явными подлогами, которые каждый может раскрыть, сходя в библиотеку.

Относительно того же А.С. Яковлева Сталин также спрашивал, возьмется ли тот за истребитель, и Яковлев тоже не стал сразу давать ответ, а только поговорив со своими подчиненными, согласился.

«Сталин спросил меня:

— Ну, как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

— Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя».

Ну как мог покарать Сталин Яковлева за плохой истребитель?

Страшно. Невыпуском истребителя в серию.

«А знаете ли вы, — спросил он, — что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее пустить в серийное производство?»

Конструктора страшнее расстроить нельзя. А.С. Яковлев работал день и ночь и добился-таки, чтобы его самолет попал в серию.

Но почитаем-ка еще страшилки Суворова — Резуна:

«Кстати, самого Ванникова взяли в начале июня 1941 года. Его пытали, его готовили к расстрелу. Из пятнадцати подельников двоих выпустили, тринадцать расстреляли. Мотивы ареста во мраке. И не важно, в чем их обвиняли. Разве обязательно важно обвинять человека именно в том, в чем он виноват? Важно другое: массовые аресты в промышленности от рабочего, опоздавшего на двадцать одну минуту, и кончая наркоматами, которые никуда не опоздали, имели целью уже в мирное время создать в тылу фронттовую обстановку».

Нет, это важно — за что арестовали Ванникова. Мотивы ареста вовсе не «во мраке», как утверждает Суворов — Резун. «Во мраке» он сам, не имея в Англии, советской литературы. Органы пришивали политическое дело единственному конструктору минометов Б.И. Шавырину, и Б.Л. Ванников за него вступился, на свою голову. Производственные мотивы тут опять ни при чем.

Но Суворов — Резун этого не знает, и потому вещает «из мрака» неведения:

«Когда осунувшиеся, стриженные наголо заместители наркомов и сами наркомы из пыточных камер вдруг снова попадали в свои министерские кресла, всем сразу становилось понятно: товарищу Сталину нужно много оружия».

Во как!

Из пятнадцати «подельников» тринадцать расстреляли. Зачем? Что-бы всем стало ясно, что товарищу Сталину «нужно больше оружия». Когда человека убивают, это, оказывается, работает на дело много лучше.

Правда, из литературы можно сделать совершенно противоположный вывод. Когда взяли Ванникова, создавшего конвейерную сборку авиадвигателей — не имеющую аналогов в мире, — то производство авиадвигателей встало под угрозу.

Когда взяли Баландина — это тоже произошло не от его плохой работы. Нарком авиапромышленности А.И. Шахурин говорил И.В. Сталину о Баландине: «Я сказал, что Баландин считается у нас «эталонным» директором. Лучше него нет».

Конструктор Р.Л. Бартини создал «Сталь-7», на основе которого был создан скоростной дальний бомбардировщик Ер-2, но из-за ареста Бартини не смог создать самолет «Сталь-8», который должен был летать быстрее немецких истребителей.

Органы НКВД арестовали К.Ф. Челпана и И.П. Бондаренко, которые-то и начали создавать знаменитый дизель для Т-34 и КВ.

Была разгромлена группа, занимавшаяся ракетами. С.П. Королев умирал в лагере с голода, когда Сталину потребовался отчет о ракетах.

Все мы знаем про создателя Т-34 М.И. Кошкина, но Кошкин возглавил КБ после ареста прежнего главы КБ, А.О. Фирсова, автора БТ-7. Когда Кошкину дали задание на преходящий свой век колесно-гусеничный танк, Кошкин, ясно, возражать не стал; будущий Т-34 поначалу проектировался полулегально. Будь Т-34 легальным сразу, он появился бы раньше.

Б.С. Стечкин — создатель теории воздушно-реактивных двигателей — был вытаснен из лагеря президентом АН СССР Вавиловым, когда Сталин спросил Вавилова: «Кому можно дать важное правительственное задание?» На фотографиях Стечкина после освобождения пиджак висит на нем, как на вешалке.

Создателя авиапушек Таубина убили. За него заступиться никому не удалось.

Нет, лагеря и расстрелы вовсе не говорили, что «товарищу Сталину нужно много оружия». Они говорили только о его страхе за личную власть.

КОНЧИК СТАЛИНСКОГО НОСА

Главу 21 Суворов — Резун посвятил одному из командиров дальнебомбардировочной авиации — Голованову, который возглавлял особый полк.

«Впрочем, полка не было, его предстояло сформировать. С этой задачей Голованов справился: самолеты ему дали, дали летчиков, инженеров и техников, дали аэродром в районе Смоленска. Голованов сформировал полк и стал первым его командиром».

Читая эти строки, любой подумает: «Хороший организатор этот Голованов!» В самом деле, полка не было, а он взял летчиков, инженеров и техников — и создал полк. На пустом месте. Недюжинных способностей был человек!

Но...

Почитаем об этом герое в мемуарной литературе. Маршал авиации Н.С. Скрипко пишет:

«212-м дальнебомбардировочным авиаполком временно командовал выпускник Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского подполковник А.И. Подольский. Несколько позднее этот полк стал отдельным и возглавил его подполковник А.Е. Голованов (впоследствии главный маршал авиации)» (Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. С. 34).

Вот те на! А я-то губы распустил: организатор, взял летчиков и техников, создал полк. А ему дали уже готовенький. Вывеску только сменили, добавив одно слово в название: «отдельный».

Ну да ладно. Ошибся Суворов — Резун, отсебятину добавил для красного словца — с кем не бывает?..

«В феврале 1941 года летчик гражданской авиации Александр Голованов был призван в Красную Армию, получил свое первое воинское звание — подполковник, и первую должность — командир 212-го дальнебомбардировочного полка специального назначения — Спецназ».

Немного странная биография: без военной подготовки — сразу в полковники. На всякий случай проверим.

Н.С. Скрипко пишет о Голованове:

«В 1919 году... он добровольно вступил в ряды Красной Армии, сражался против белогвардейских полчищ Деникина, в боях был контужен» (там же. С. 35).

Похоже, не врет Суворов — Резун. Голованов получил свое первое воинское звание в феврале 1941 года. Боец Красной Армии — это не звание, а развлечение, вроде игры в «Зарницу». Ну и что, что контузило? Не убило же!

«Над собой подполковник Голованов не имел ни командира дивизии, ни командира корпуса, подчинялся прямо командующему ДБА. Теоретически. На практике полк Голованова подчинялся Сталину».

Проверим и это по книге Н.С. Скрипко.

«Вскоре поступила телеграмма от командующего ВВС Западного фронта генерала И.И. Копца. «...212 дбап в течение 22—23.6.41 г. ночными налетами уничтожить авиационные заводы в Кенигсберге» (там же. С. 53).

Вот те на! 212-й авиаполк — это полк Голованова. Так приказы ему дает командующий ВВС Западного фронта И.И. Копец, а не Сталин!

Читаем дальше.

Когда 23 июня 1941-го Н.С. Скрипко поставили задачу бомбить немецкие танки, он сделал следующее:

«Так как после боевого вылета 22 июня до 25 процентов самолетов Ил-4 находились в ремонте, а контрудар войск требовалось поддержать возможно большим числом кораблей, то при очередном докладе Жигареву я просил разрешения привлечь к боевым действиям корпуса 212-й отдельный дальнебомбардировочный авиаполк А.Е. Голованова. Получив согласие, я вызвал командира авиаполка А.Е. Голованова и поставил ему боевую задачу: вечером 23 июня нанести бомбардировочный удар по объектам в районе Варшавы, а с рассвета 24 июня быть в готовности уничтожать колонны немецких танков и моторизованных войск в районе юго-западнее Гродно и частью сил — такие же цели на шоссе Брест — Слоним — Пружаны и Брест — Картуз—Береза» (там же. С. 62).

Теперь судьбой Голованова распоряжается Жигарев.

Смотрим — кто такой Жигарев? На странице 53 у Скрипко видим — генерал П.Ф. Жигарев был начальником Главного управления ВВС Красной Армии! Он распоряжался 212-м полком Голованова. Потом этим полком стал распоряжаться сам Н.С. Скрипко.

Но, наверно, с нас уже хватит. Мы уже убедились, что Суворов — Резун не врет. Над собой подполковник Голованов не имел ни командира дивизии, ни командира корпуса. Он подчинялся прямо командующему ДБА. Теоретически. На практике полк Голованова подчинялся Сталину.

Просто Сталин имел кучу псевдонимов. Первым псевдонимом был Копец. Дескать, копец Гитлеру. Капут. Кранты. Какюк.

Хороший псевдоним был у Сталина, звучный. Лучше, чем Иванов и Чижиков.

Другими псевдонимами вождя были Жигарев и Скрипко.

Теперь, убедившись в правдивости Суворова — Резуна, продолжим чтение его книги:

«Подполковником Голованов ходил меньше полугода. В августе 1941 года полковник Голованов становится командиром 81-й дальнебомбардировочной дивизии Спецназ. Эта дивизия была подчинена Ставке ВГК (генерал-майор авиации М.Н. Кожевников. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. С. 81). Проще говоря, Голованов вновь подчиняется только Сталину».

Мы сомневаться в этом не будем. Раз написано «Сталину», так и следует читать: Копцу. Или Жигареву. Или Скрипко.

В любом деле главное — определенность.

Но для чего Суворов — Резун познакомил нас с датами жизни Голованова?

Да чтобы заподозрить Сталина в подготовке к войне! Дело в том, что Голованов долгое время был... гражданским летчиком.

«Потом вдруг в 1941 году Голованов попадает в армию. Надо подчеркнуть, попадает по собственной просьбе. Сохранилось и опубликовано письмо Голованова Сталину... Если бы готовилась большая оборонительная война, Голованов освоил бы истребитель... Если бы готовилась война на 1942 год, Голованов не стал бы проситься в армию в начале 1941 года... Но война затевалась на 1941 год, в которой истребительной авиации отводилась роль второстепенная... Если бы предчувствия Голованова относительно большой освободительной войны были правильными, то Сталин бы ему ответил: нет, Голованов, никакой освободительной войны я не затеваю. Но не сказал Сталин такого».

Дальше Суворов — Резун делает вывод: раз Сталин этого не сказал, раз согласился послать в дальнебомбардировочную авиацию, то потому что готовился к освободительной войне.

Мнение любопытное. Чтобы проверить его, обращаемся к книге Н.С. Скрипко, который, вообще говоря, был заместителем командующего АДГ Голованова. Скрипко приводит биографию Голованова. Почитал бы эту биографию Суворов — Резун — и не задавал бы глупых вопросов.

«С 1933 года Голованов навсегда связал свою судьбу с авиацией. Он последовательно работал пилотом, командиром авиаотряда, начальником Восточно-Сибирского управления ГВФ, шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. Александр Евграфович много летал, хорошо освоил пилотирование по авиаприборам, радионавигацию...

К концу 1940 года Голованов имел уже значительный по тому времени опыт, широко и умело пользовался бортовыми, наземными средствами самолетовождения, что, к сожалению, в сороковых годах было слабым местом в подготовке летных экипажей Военно-воздушных сил.

Решив использовать опыт лучших кадров ГВФ (Гражданского воздушного флота. — А.П.) для обороны страны, Центральный Комитет

Коммунистической партии предложил командованию ВВС Красной Армии создать дальнебомбардировочный авиационный полк, предназначенный для действий в сложных метеорологических условиях. Для этой части отбирали командиров кораблей, которые налетали не менее одного миллиона километров и имели большой опыт полетов в сложных метеорологических условиях» (там же. С. 35).

Вот такой была история появления авиадивизии Голованова.

Теперь представим себе такую картину: приходят к Сталину опытные пилоты гражданской авиации, прекрасно знающие навигацию, умеющие летать ночью, в сложных метеоусловиях, умело пользующиеся бортовыми и наземными средствами самолетовождения, и просят Сталина направить их... в истребительную авиацию.

Представили?

А я не могу вот представить.

Зачем людям с таким опытом и умениями проситься в истребители?

Они что, не понимают, где могут быть полезными?

Но это моя мысль. Суворов — Резун с ней не согласен.

«Но в одном уверен: в феврале 1941 года еще не было никаких «предупреждений» Черчилля, Зорге, Рузвельта и прочих, но кончик сталинского носа уже повернулся против Германии».

Вот в чем дело! Не направил Сталин пилотов гражданской авиации в истребители потому, что в феврале 1941-го года кончик его, сталинского, носа повернулся к Германии!..

И именно поэтому Суворов — Резун посвятил Голованову целую главу!

А зря.

Мог и не посвящать.

У того же Н.С. Скрипко написано по поводу намерений Сталина кристально ясно, без всяких домыслов:

«В декабре 1940 года генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов вызвал в Москву командующих ВВС военных округов и командиров дальнебомбардировочных авиакорпусов.

...На совещании мы получили ясное представление о международной обстановке и возможности скорой войны. Сталин прямо и откровенно назвал нашего вероятного противника, к борьбе с которым надо готовиться, — гитлеровская Германия» (там же. С. 37—39).

Удивительное дело: уже в декабре 1940-го Сталин говорит о необходимости быть готовыми к войне с Германией, а у Суворова — Резуна «кончик сталинского носа» поворачивается к Германии только в феврале 1941-го! Когда он направил в армию Голованова. Вот странности!

Еще 5 декабря 1940 года Гитлер, рассмотрев план «Отто» — план нападения на СССР, — одобрил его в принципе. Гитлер в этот день сказал на совещании:

«Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести могучий удар, ее разгром неминуем».

5 декабря 1940 года! Напомним, что у нашего знатока «кончик сталинского носа» повернет к Германии только в феврале 1941-го!..

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву за номером 21 («Барбаросса») о нападении на СССР. Советский военный атташе в Берлине 25 декабря 1940 года получил анонимное письмо, в котором говорилось о принятом Гитлером решении и довольно детально излагалась вышеупомянутая директива.

Сталин же повернул кончик носа лишь в феврале. Конец декабря и январь Сталин размышлял. Курил трубку...

В главе 22 Суворов — Резун широкими мазками рисует образ еще одного видного военачальника Великой Отечественной войны — К.Е. Ворошилова.

«В Питере Ворошилов оскандалился. Ленинградским фронтом Ворошилов командовал неполных семь дней, с 5 по 12 сентября 1941 года, и пришлось срочно заменить Жуковым. Но выгнать Ворошилова Сталин не мог: дутая слава Ворошилова в Гражданской войне связана с дутой славой самого Сталина. Объявить Ворошилова кретином — себе на хвост наступить. И потому Ворошилов — как бы в распоряжении Сталина, т.е. не отвечает ни за что, а Хмельницкий — в распоряжение Ворошилова. Потом Сталин придумал Ворошилову пост — Главнокомандующий партизанским движением. Партизанами управлять не надо, партизаны сами знают, что им делать. В биографии Ворошилова так описана эта заслуга: «Лично инструктировал командиров партизанских отрядов» (Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 364). Ах, работа не пыльная! Генерал армии С.М. Штеменко коротким мазком, без желания обидеть, описал личный поезд «пролетария» Ворошилова: уютные вагоны, со вкусом подобранная библиотека... Ворошилов учинил Штеменке целый экзамен... нет, не по стратегии и не по тактике, а по репертуару Большого театра. Сам Ворошилов — большой любитель оперы и балета и при случае гораздо любого нижестоящего уличить в бескультурии (грамотно писать «в бескультурье». — А.П.)... Фронт, война, гибнут люди, страна голодает, Генеральный штаб работает по установленному Сталиным круглосуточному графику, у офицеров и генералов Генштаба веки липнут от недосыпа. Штеменко случаем попал в поезд Ворошилова и хотел уж отоспаться, но нет, докладывая культурному маршалу... А еще в уютном вагоне специальный халуй-полковник развлекает Ворошилова чтением классиков литературы: «Китаев читал хорошо, и на лице Ворошилова отражалось блаженство» (Генеральный штаб в годы войны. С. 207)».

Клеймит Суворов — Резун культурного Ворошилова. Окопался тут в тылах, «первый красный офицер». «Уютные вагоны»... Знаем мы, для

чего комсостав возит за собой уютные вагоны. «Я был батальонный разведчик, а он — писаришка штабной». А там, на фронте, солдаты ждут вагоны со снарядами...

Однако все же возьмем в руки книгу «Генеральный штаб в годы войны» Штеменко и прочитаем, что там написано на самом деле.

Откуда взялись «уютные вагоны»?

Штеменко пишет:

«...Верховный Главнокомандующий обязал нас заняться разработкой плана действий с Керченского полуострова.

— Задачу по овладению Крымом надо решать совместным ударом войск Толбухина и Петрова с привлечением Черноморского флота и Азовской флотилии, — сказал он. — Пошлем к Петрову товарища Ворошилова. Пусть посмотрит и доложит, как ему лучше сделать. Штеменко поедет с ним от Генштаба.

...Из Москвы мы ехали в вагоне с К.Е. Ворошиловым. Климента Ефремовича сопровождали два помощника — генерал-майор Л.А. Щербаков и полковник Л.М. Китаев. Со мной, как обычно, ехал шифровальщик. На месте к нам должны были присоединиться еще несколько офицеров Генштаба.

Уже при первом знакомстве с Ворошиловым по пути в Крым я убедился, что это очень начитанный человек, любящий и понимающий литературу и искусство. В его вагоне оказалась довольно большая со вкусом подобранная библиотека» (С. 206).

Все. Слова «вагон» во множественном числе не упоминается.

Оказывается, у Ворошилова был всего один вагон. Ни о каких «уютных вагонах» Штеменко не пишет.

Но читаем книгу дальше — может, позднее появятся «уютные вагоны», интимные уголки, ресторанчик, признаки роскошной, изысканной жизни, и все это в то время, когда наши деды проливают кровь в окопах, кричат в замолкшую трубку: «Вызываю огонь на себя!» — или вытаскивают с нейтральной полосы раненого политрука...

Когда поезд прибыл на место, «К.Е. Ворошилову, как и всем, кто прибыл с нами, отвели две землянки на обращенном к проливу скате одной из высот... Работу начали сразу же. К.Е. Ворошилов заслушал доклады И.Е. Петрова и командующего Черноморским флотом Л.А. Владимирского. На следующий день побывали в двух стрелковых корпусах: в 11-м у генерал-майора Б.Н. Аршинцева и в 16-м у генерал-майора К.И. Провалова. Неугомонный Климент Ефремович не ограничился только тем, что услышал от командиров корпусов и увидел сам с их НП. Он рвался в окопы, на передний край, хотя, по правде говоря, делать там ему было нечего. Отговорить его от этого не удавалось» (там же. С. 209).

Вот те на! Ворошилов, оказывается, не скрывался в тылу, а рвался на передовую! А остальные его отговаривали: «Ведь ты — не батальонный разведчик, ты — штабной работник».

Не помогло.

«— Никогда под пулями не кланялся и врага не боялся, — парировал он все наши выводы. — А если кто считает, что там и без нас обойдутся, может со мной не ходить.

После этого попробуй задержаться на НП или в штабе» (там же).

Так вот каким был Климент Ефремович!

А я уж о нем плохо подумал, Суворова — Резуна почитавши.

Ай, как мне стыдно теперь!

Но все же почитаю дальше — может, Ворошилов все-таки покажет себя любителем «уютных вагонов»?

«15 января спозаранок отправились смотреть захваченные морским десантом высоты.

В тот день вражеская артиллерия буквально неистовствовала. К вечеру, когда мы находились у Петрова, ею была разрушена и землянка Климента Ефремовича, при этом погиб стоящий у входа часовой» (там же. С. 219—220).

Читая эти строки, я стал от стыда пунцовым. Так, наверное, краснеют английские леди, когда в их присутствии упоминают про мужское белье. Ворошилов ползает по передовой, его землянку накрывает снарядом, а я через полвека лет посмел... осмелился... плохо про него подумать.

Прикрывая от смущения лицо книгой Штеменко, читаю дальше:

«Еще раз вернувшись к операции по освобождению Крыма, Сталин приказал вызвать в Ставку А.М. Василевского и К.Е. Ворошилова для окончательного решения всех вопросов по ее плану, а потом Клименту Ефремовичу поехать на главное направление к Ф.И. Толбухину и там, на месте, с участием Александра Михайловича, отработать взаимодействие войск» (там же. С. 221).

Вот те на! А я думал, что Ворошилов «после Питера» занимался только партизанским движением! А, оказывается, Сталин направил его «на главное направление»!

Из других книг видно, что Сталин отправлял Ворошилова на разные направления.

Н.Д. Воронов свидетельствует:

«В марте 1943 года я вместе с К.Е. Ворошиловым был послан на Волховский фронт. Этот фронт совместно с Ленинградским проводил как раз частичную операцию. Она подготавливалась в довольно сложных погодных условиях, на трудной местности и имела скорее отвлекающий характер.

Расположились мы с Ворошиловым в поезде члена Военного совета Волховского фронта...

К.Е. Ворошилов, а вместе с ним и я побывали в 55-й армии, которой командовал бывший артиллерист генерал В.П. Свиридов. Добрались даже до некоторых НП командиров стрелковых дивизий. Один из них, помнится, располагался на пятом этаже полуразрушенного дома, и оттуда хорошо просматривалась оборона противника».

Вот так окопался Ворошилов в тылу, в «уютных вагонах».

Но вернемся к чтению Суворова — Резуна. Он продолжает гвоздить культурного маршала:

«Теперь вообразим грязного, голодного, заросшего командира партизанского отряда, который много дней путал следы по лесам и болотам, уводя свой отряд от карателей. И вот приказ: прибыть к барину Ворошилову. Целая операция: через фронт гонят самолет, кострами поляну означают, везут командира на Большую землю. И вот он в салон-вагоне: коври, зеркала, полированное красное дерево, бронза сверкает, а за окном ветер ревет, мгла. Сладко высавишийся, плотно поевший и обильно попивший Ворошилов вдали от фронта и карателей лично инструктирует...»

Читая этакое, любой читатель невольно тянет руку к кобуре. Тут партизан не евший, заросший, а Ворошилов — и выпался, и поел, и попил.

А может, еще и побрился?

Да он еще и книжки читал!..

Гад, короче.

Не хочу я больше про него читать.

Хорошо, что Суворов — Резун с той же злобой накидывается на его порученца — Хмельницкого. Тот занимался снабжением партизан.

«Не хочу плохого наговаривать, — пишет Суворов — Резун, — но из всех снабженческих должностей лучшие всего заниматься снабжением партизан, по крайней мере недостачи не будет, материальные ценности тысячами тонн идут за линию фронта, бросают их в темноту и расписок в получении не требуют...»

Читаешь это, и невольно лезут в голову нехорошие мысли: материальные ценности преступно бросают в темноту и расписок не требуют...

Неужели?..

Но Суворов — Резун ни на что такое не намекает. Он так и пишет: *«Не хочу плохого наговаривать...»* Суворов — Резун — честный, порядочный человек. Это уж мы сами, прости Господи, начали что-то думать — исключительно по своей собственной порочности.

Ну, к примеру, взрывчатку Хмельницкий себе оставлял. Мало ли дома какие взрывные работы придется вести. Улучшить планировку — одного ящика динамита может и не хватить. Патроны, радиостанции, винтовки — это все для дачи. Из винтовок можно частокол сделать. Из патронов — трубопроводец, из радиостанций — телевизор. Из трех радиостанций классный телевизор выходит, фирмы «Сименс»!..

Чтобы всего этого мы не подумали, Суворов — Резун продолжает «не хотеть плохого наговаривать»:

«Нашли работу и Хмельницкому — начальником выставки трофейного вооружения: дорогие заморские гости, посмотрите направо, посмотрите налево... Хотя это и экскурсовод может делать. Главное в другом: разрешил Сталин советскому солдату грабить Европу».

Я прямо вижу эту душераздирающую сцену — к сдавшемуся немецкому гарнизону подходит русский сержант и требует отдать дальнобойную пушку.

Немцы не отдают. Это любимая их пушка. Она хорошо их выручила под Харьковом.

«Пушка нужна не мне, а для выставки трофейного вооружения», — пытается по-доброму убедить их русский сержант.

Немцы — ни в какую. Немецкий фельдфебель с распущенными волосами выбегает из толпы, закрывает своим телом пушку и, раздирая на себе одежды, кричит: «Только через мой арийский труп! Эта пушка прошла со мной от Бреста до Москвы и обратно. Она мне как мать, дочь и сестра!»

Другие немцы берут за руки рыдающего фельдфебеля и, уводя его, укоризненно бросают сержанту-кровапийце: «Последнего лишаешь».

Сержант смущен:

«Не безоружными ведь оставляю. Вон у вас их сколько, фауст-патронов».

«Друга не отдают», — наставительно произносит пожилой фолькштурмовец. Он, как и старики всего мира, никогда не упустит случая поучить молодежь.

Сержант юношески краснеет:

«Ну, я тогда этот миномет заберу. Судя по его виду, вы из него по нам совсем немного стреляли»...

А потом Хмельницкий показывает миномет на выставке трофейного оружия!

Вот такую душераздирающую картину вижу я, читая Суворова — Резуна. Ограбил Хмельницкий Германию. Чтобы сделать выставку с трофейными танками, самолетами, артиллерией и минометами. Сволочь.

Как хорошо, что Суворов — Резун его раскусил. А то мы так и прожили бы жизнь, не зная, кем Хмельницкий был на самом деле. А теперь знаем, что он работал на выставке трофейного оружия.

На эту выставку приезжали конструкторы, чтобы познакомиться с немецким оружием и перенять новинки, а также командующие, чтобы знать, с чем имеют дело, — но это так, детали, не стоящие внимания...

Важно не это. Важно главное. Разрешил Сталин советскому солдату грабить Европу.

Опять же, Суворов — Резун не знает (или прикидывается, что не знает), что перед пересечением границы был зачитан приказ, по которому за разбой, насилия и прочее следует расстрел. Если солдаты, скажем, видели в поле корову, ее брать себе они не имели права. Существовали определенные службы, которые занимались обеспечением, они документировали все приобретения. В наши дни англичане и американцы любят смаковать тему про насилия советских солдат в Германии; насилия действительно были, но за этим следовал расстрел. Эй-

зенхауэр тоже утверждал расстрелы для любвеобильных американских солдат — десятками в месяц, — но про это англичане и американцы сейчас не вспоминают. Память отшибло.

Но мы отвлеклись. О чем Суворов — Резун ведет речь?

А, о Хмельницком, адъютанте Ворошилова.

Странно, чего это Суворов — Резун на него так ополчился?

«А у меня давняя ненависть к адъютантам и порученцам».

Вот в чем дело! Не любит Суворов — Резун адъютантов и порученцев. В «Аквариуме» он объяснил — почему. Потому что один адъютант сказал ему: «Не суепись под клиентом».

А ведь правильно сказал! Абсолютно правильно. Если бы Суворов-Резун не суетился перед своим работодателем, внимательно работал над текстом, то не писал бы явные глупости.

Насчет порученцев: помощники были у всех наркомов и министров обороны. У заместившего Ворошилова на посту наркома Тимошенко тоже был порученец, генерал Злобин, этот генерал выполнял весьма ответственные задания.

Но для Суворова — Резуна это неважно. Не любит Суворов — Резун порученцев. Восхитившись боевым офицером, ненавидящим порученцев, перейдем к фотографии из его книги (см. вклейку).

Подпись Суворова — Резуна: *«Молодой человек с двумя орденами — Р.П. Хмельницкий. Позади Ленина — покровитель Хмельницкого — К.Е. Ворошилов».*

Вот он какой, Хмельницкий, — молодой и веселый. И с двумя орденами. Наверняка ни за что. Порученец.

Белая полоска на груди Хмельницкого меня заинтересовала. Я обратился к биографической книге о Ворошилове и вдруг увидел ту же фотографию... но в неурезанном виде. Белая полоска — от повязки. Рука Хмельницкого была забинтована.

И вдруг я вспомнил: про Хмельницкого я уже читал!

Да, у Грабина, конструктора артиллерийских орудий:

«Вскоре на огневой позиции неожиданно появился комдив Хмельницкий, состоявший при наркоме при особых поручениях. Это был чуть сутуловатый человек с темной шевелюрой и строгим лицом. Но он был строг к себе, а с подчиненными предупредителен. Известно было, что во время гражданской войны он спас Ворошилову жизнь. Климент Ефремович долгие годы работал с ним вместе, ценил его как хорошего организатора и чуткого человека» (Грабин В. Г. Оружие победы. М., 1989. С. 236).

Прямо как в песне о двух товарищах: «Но жизнь ему спас другой».

А где это Хмельницкий мог спасти Ворошилову жизнь?

Ворошилов возглавлял группу делегатов съезда, участвовавших во взятии Кронштадта. Во взятии Кронштадта участвовал и Хмельницкий. Пулю, что предназначалась Ворошилову, Хмельницкий принял на себя.

У И.В. Тюленева об этом написано так:

«18 марта бои в Кронштадте закончились. Весь его гарнизон был обезоружен. Участники штурма — делегаты и гости X партсъезда и высший начальствующий состав частей и соединений — собрались в бывшем Морском собрании. Ворошилов, принимавший непосредственное участие в бою, едва не погибший под пулеметным огнем (рядом с ним был ранен его порученец Хмельницкий), огласил доклад Центральному Комитету» (Т ю л е н е в И.В. Через три войны. С. 109).

Ай да прихлебатель, ай да адъютантишка!

Чего только не делал, чтобы выслужиться!

Недаром ненавидел его Суворов — Резун. Ой, недаром!

«И еще — командирская карьера неестественная, первая командная должность — командир полка: ни взводом, ни батальоном, ни ротой не командовал, а этак сразу на полк. И не просто полк. 1-я Московская Пролетарская стрелковая дивизия — это «придворная» столично-парадная дивизия: иностранные гости, торжества, показуха».

Конечно, про 1-ю Московскую Пролетарскую Суворов — Резун врет.

Н.Н. Воронов, главный маршал артиллерии:

«Московская Пролетарская стрелковая дивизия, куда я после академии прибыл командиром артиллерийского полка, была хорошо укомплектована и отличалась высокой выучкой личного состава... Наш полк был, в сущности, опытно-экспериментальной базой для инспекции артиллерии и Главного артиллерийского управления Красной Армии. Все время поступали поручения о проверке боевых качеств новых модернизируемых образцов орудий, приборов и боеприпасов, о проведении различных опытных учений. Инспектор артиллерии Красной Армии В.Д. Грендель и начальник ГАУ Н.А. Ефимов давали множество заданий и, в свою очередь, оказывали полку помощь всем, чем могли» (Цит. по: Мы сыновья твои, столица / Сост. А.И. Крикуненко. М., 1981. С. 54).

Добавим, что артиллерийскую «политику» в создании новых артиллерийских вооружений фактически определял именно В.Д. Грендель. Создатель лучших советских пушек Грабин отзывается о нем в превосходной степени. Можно сказать, именно благодаря Гренделю и Грабину советская артиллерия была вооружена достаточно хорошо и избавилась от увлечения универсальными и безоткатными пушками.

Полигоном же для новых образцов была Московская Пролетарская стрелковая дивизия. Красная Армия была построена по территориально-милицейскому принципу, а Московская Пролетарская относилась к числу немногочисленных (до середины 30-х) кадровых дивизий с достаточно профессиональным составом.

Но Суворов — Резун другого мнения:

«...настоящей боевой подготовки тоже нет. Вместо нее — показуха или подготовка к следующей показухе, «балет» — как выражаются в Красной

Армии. У Хмельницкого из пяти командирских назначений четыре — в столично-придворную дивизию».

Н.Н. Воронов другого мнения. Он пишет, что именно в Московской Пролетарской отработывалась тактика применения артиллерии.

«Много мы тренировались в стрельбе прямой наводкой по движущимся танкам. Постепенно выработалась несложная, но весьма действенная методика обучения...

Как-то на полигоне проводились учебные стрельбы по танкам. В них принимали участие все стрелковые подразделения дивизии. На стрельбы прибыл комдив Р.П. Хмельницкий. Условия стрельбы показались ему слишком сложными, он тут же снизил шкалу оценок на одну ступень и установил денежные премии за отличное выполнение задачи. Каково же было его удивление, когда все орудия получили отличные оценки! Делать нечего. Комдив тут же стал выдавать премии, но вскоре деньги у него кончились. Пришлось подзаянть значительную сумму. Когда все деньги были розданы, комдив сказал со вздохом:

— Хотя и обобрали меня ваши артиллеристы, но я рад вашим успехам!» (Т а м ж е. С. 56—57).

Позднее, с началом войны, эта дивизия, переименованная в 1-ю Московскую мотострелковую, показала свою выучку на Березине.

«На рубеже Березины Западный фронт задержал передовые части группы армий «Центр». Особенно упорные бои разгорелись в районе Борисова, расположенного на шоссе Минск—Москва. Здесь отличилась 1-я Московская мотострелковая дивизия полковника Я.Г. Крейзера. Хорошо организованным контрударом она на двое суток задержала противника на Березине» (Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. С. 66).

Но вернемся к Суворову — Резуну. Он все еще ругательски ругает Хмельницкого:

«Ворошилов — холуй и холуев вокруг себя плодил. И надо быть холуем врожденным, чтобы при Ворошилове держаться. Хмельницкий держался».

Но к чему это Суворов — Резун посвятил Хмельницкому столько страниц?

А вот почему: Хмельницкий в 1941 году возглавлял 34-й стрелковый корпус.

«Необычна особая секретность, которая окружает 34-й стрелковый корпус и всю 19-ю армию, в состав которой он входит. В «Ледоколе» я рассказал о тайной переброске войск на территорию Одесского округа, настолько секретной, что сам командующий Одесским округом генерал-полковник Я.Т. Черевиченко не знал, что на территорию его округа перебрасывается целая армия».

Мне от этих слов стало жутко: такая глубокая, дикая секретность, что даже командующий военным округом не знает о целой армии на его терри-

тории. Не иначе, как Сталин в глубокой тайне готовился нанести удар по Европе. Если не готовился, то к чему скрывать войска от командующего?

Обращаюсь к литературе — и обнаруживаю... Впрочем, я лукавлю. Я давно прекрасно знаю, что 19-ю армию перебрасывали в Киевский особый военный округ, а не в Одесский. Неудивительно, что глава Одесского военного округа об этой армии ничего не знал. К литературе я обращаюсь только ради читателя. Служивший в КОВО И.Х. Баграмян пишет в мемуарах:

«Во второй половине мая мы получили директиву, в которой предписывалось принять из Северо-Кавказского военного округа и разместить в лагерях управление 34-го стрелкового корпуса с корпусными частями, четыре стрелковые и одну горнострелковую дивизии... В первых числах июня мы узнали, что сформировано управление 19-й армии. Разместится оно в Черкассах. В новую армию войдут все пять дивизий 34-го стрелкового корпуса и три дивизии 25-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 193—194).

Но откуда же я все-таки узнал о 19-й армии? Из мемуаров Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». В них Жуков цитирует Баграмяна, и как раз про 34-й корпус и 19-ю армию! Суворов — Резун даже Г.К. Жукова не читал!

В своей книге Жуков называет пост Баграмяна, «тогда полковника, начальника оперативного отдела Киевского особого военного округа». Не Одесского!

Жуков пишет и о причинах появления 19-й армии в Киевском особом военном округе:

«В течение всего марта и апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. Уточняя план прикрытия, мы докладывали И.В. Сталину о том, что, по расчетам, наличных войск Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов будет недостаточно для отражения удара немецких войск. Необходимо срочно отмотилизовать несколько армий за счет войск внутренних округов и на всякий случай в начале мая передвинуть их на территорию Прибалтики, Белоруссии и Украины...

13 мая Генеральный штаб дал директиву выдвигать войска на запад из внутренних округов. С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия... из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия...»

Белая Церковь, как мы помним, а также Черкассы, где было управление 19-й армии, — это середина Украины, подступы к Киеву.

А не румынская граница.

Но для Суворова — Резуна это без разницы:

«Историки-коммунисты могут высказать смелое предположение, не обороны ли ради выдвигалась к границам 19-я армия генерал-лейтенанта

И.С. Конева и входящий в ее состав 34-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта Хмельницкого?»

Да, могут задать этот вопрос — смелый вопрос, даже дерзкий — коммунисты-историки. Но Суворов — Резун тут же срезает их убийственным доводом:

«34-й стрелковый корпус необычен и по величине, и по составу: помимо стрелковых, он имеет горнострелковую дивизию...

Отметем сомнения: нет, не ради обороны, и контрудары не замыслились. Зачем в обороне горнострелковые дивизии? Горы только по ту сторону границы — в Румынии».

Все же жаль, что Суворов — Резун не читал Жукова. Повторим для него слова прославленного полководца: «С Урала шла в район Великих Лук 22-я армия... из Северо-Кавказского округа в район Белой Церкви — 19-я армия...»

Кавказ — это горы. Не река, не озеро, а горы. И горы высокие.

Во время советско-финской войны французы готовились к операции «Баку» по захвату русской нефти. С окончанием советско-финской войны они уgomонились не сразу.

«В связи с окончанием советско-финской войны и угрозой англо-французского нападения на СССР в Закавказье нарком обороны 4 апреля направил в ЦК ВКП(б) доклад, в котором предлагал усилить состав войск СКВО, ЗакВО, КОВО и ОдВО. Предполагалось отправить в СКВО управления 34-го и 47-го стрелковых корпусов, 8-ю, 100-ю и 164-ю дивизии, что довело бы состава войск округа до 10 стрелковых дивизий» (М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 339).

Потому-то и появились горнострелковые дивизии.

«Кстати, как только Гитлер нанес упреждающий удар и война для Советского Союза превратилась в «великую» и «отечественную», генерал-лейтенант Хмельницкий еще до первой встречи с противником бросил 34-й корпус и больше на фронте не появлялся. Ему спокойнее было «в распоряжении командующего Ленинградским фронтом» или заведовать управлением снабжения в глубоком тылу».

Суворов — Резун и здесь не знает фактов. В составе 19-й армии 34-й корпус Р.П. Хмельницкого был переброшен в Белоруссию и воевал там.

«После ожесточенных боев за Витебск 19-я армия отошла на переформирование. Ее 34-й стрелковый корпус генерал-майора Р.П. Хмельницкого в составе 127-й и 158-й стрелковых дивизий 18 июля вошел в подчинение 16-й армии... Дивизии были весьма малочисленны, весь корпус имел не более 1400 человек» (Сквозь огненные вихри. М., 1987. С. 30).

Фактически корпус погиб, поскольку был брошен навстречу 3-й танковой группе немцев. Хмельницкий перестал быть командиром корпуса 9 июля — в день расформирования корпуса.

Но читаем Суворова — Резуна дальше. Из всего своего вопиющего незнания он делает бредовый вывод:

«Коммунисты больше не могут отрицать того, что Сталин готовил захват Европы».

Ясно, не могут. Правда мы не коммунисты, коммунист — В.Б. Резун. Не может он, принципиальный партиец, чекист с горячечной головой и холодным сердцем, верный воинской присяге советский офицер, отрицать, что Сталин готовил захват Европы.

«Но, возражают они, Сталин готовил удар на 1942 год».

Коммунист Резун возражает себе же, утверждая, что удар готовился в 1942 году. Ну, что ж, у них, коммунистов, провозглашена свобода дискуссий, демократический централизм, широкое обсуждение в первичных организациях и все такое. Это мы, беспартийные, не имели при коммунистах права на собственное мнение.

«Не согласимся с коммунистами: если готовился удар на 1942 год, то Хмельницкий провел бы лето и осень 1941 года на курортах Кавказа и Крыма...»

Возражает-то коммунисту В.Б. Резуну перебежчик В. Суворов. Этокое раздвоение личности. Оставим Суворова — Резуна спорить с самим собой. Больных не надо беспокоить.

Глава 23 называется «Жуковская команда».

В ней Суворов — Резун вовсю ругает Жукова:

«Жуков не был мелочным. Он не любил наказаний типа выговор или строгий выговор. Жуковское наказание: расстрел...»

Генерал-майор П.Г. Григоренко описал один случай из многих. Вместе с Жуковым из Москвы прибыла группа слушателей военной академии — офицерский резерв. Жуков снимал тех, кто, по его мнению, не соответствовал занимаемой должности, расстреливал и заменял офицерами из резерва. Ситуация: отстранен командир стрелкового полка, из резерва Жуков вызывает молодого офицера, приказывает ехать в полк и принять его под командование. Вечер. Степь на сотни километров. Все радиостанции по приказу Жукова молчат. В степи ни звука, ни огонька — маскировка. Ориентиров никаких. Пала ночь. Всю ночь офицер рыскал по степи, искал полк. Если кого встретишь в темноте, то на вопрос не ответит, никому не положено знать лишнего, а если кто и знает, проявит бдительность: болтни слово — расстреляют. До утра офицер так и не нашел свой полк. А утром Жуков нашел на полк следующего кандидата. А тому, кто полк найти не сумел — расстрел».

Когда я прочитал такое — поразился: каким все-таки злодеем оказался Г.К. Жуков!

А потом прочитал Григоренко. Даже при том, что Григоренко был диссидентом и жил в США, того, что лепит Суворов — Резун, он никогда не писал.

Вопреки утверждению Суворова — Резуна офицер нашел полк.

Вот что пишет Григоренко:

«Майор Т. Из академии мы ушли в один и тот же день — 10 июля 1939 года. Он в тот же день улетел на ТБ-3.

Прилетел он на Хамар-Дабу 14 июня. Явился к своему непосредственному начальнику — начальнику оперативного отдела комбригу Богданову. Представился. Богданов дал ему очень «конкретное» задание: «Присматривайтесь!» Естественно, человек, впервые попавший в условия боевой обстановки и не приставленный к какому-либо делу, производит впечатление «болтающегося» по окопам. Долго ли, коротко ли он присматривался, появился Жуков в надвинутой по-обычному на глаза фуражке. Майор представился ему. Тот ничего не сказал и прошел к Богданову. Стоя в окопе, они о чем-то говорили, поглядывая в сторону майора. Потом Богданов поманил его рукой. Майор подошел, козырнул. Жуков, угрюмо взглянув на майора, произнес: «306 полк, оставив позиции, бежал от какого-то взвода японцев. Найти полк, привести в порядок, восстановить положение! остальные указания получите от товарища Богданова».

Жуков удалился. Майор вопросительно уставился на Богданова. Но тот только плечами пожал: «Что я тебе еще могу сказать? Полк был вот здесь. Где теперь, не знаю. Бери вон броневичок и езжай разыскивай. Найдешь, броневичок верни сюда и передай с шофером, где и в каком состоянии полк».

Солнце к этому времени уже зашло. В этих местах темнеет быстро. Майор шел к броневичку и думал — где же искать полк. Карты он не взял. Богданов объяснил ему, что она бесполезна. Война застала картографическую службу неподготовленной. Съёмки этого района не проводились. Майор смог взять с карты своего начальника только направление на тот район, где действовал полк. Приказал ехать в этом направлении, не считаясь с наличием дорог. В этом районе нам мешал не недостаток дорог, а их изобилие. Суглинистый грунт степи позволял ехать в любом направлении, как по асфальту, а отсутствие карт понуждало к езде по азимуту или по направлению. Поэтому дороги и следы пересекали район боевых действий во всех направлениях. Майор не ошибся в определении направления, и ему повезло — полк он разыскал довольно быстро. Безоружные люди устало брели на запад к переправам на реке Халхин-Гол. Это была толпа гражданских лиц, а не воинская часть. Их бросили в бой, даже не обмундировав. В воинскую форму сумели одеть только призванных из запаса офицеров. Солдаты были одеты в свое, домашнее. Оружие большинство побросало.

Выскочив из броневичка, майор начал грозно кричать: «Стой! Стой! Стрелять буду!» Выхватил пистолет и выстрелил вверх. Тут кто-то звёзданул его в ухо, и он свалился в какую-то песчаную яму. Немного полежав, он понял, что криком тут ничего не добьешься. И он начал призывать: «Коммунисты! Комсомольцы! Командиры — ко мне!» Призывая,

он продвигался вместе с толпой, и вокруг него постепенно собрались люди. Большинство из них оказалось с оружием, тогда с их помощью он начал останавливать и неорганизованную толпу. К утру личный состав полка был собран. Удалось подобрать и большую часть оружия. Командиры все из запаса. Только командир, комиссар и начальник штаба — кадровые офицеры. Но все трое были убиты во время возникшей паники. Запасники же растерялись. Никто не помнил состав своих подразделений.

Поэтому майор произвел разбивку полка на подразделения по своему усмотрению и сам назначил командиров. Разрешил всему полку сесть, а офицерам приказал составить списки своих подразделений. После этого он намеревался по подразделениям выдвинуть полк на прежние позиции. А пока людей переписывали, прилег спать после бессонной ночи. Но отдохнуть не удалось. Послышался гул приближающейся машины. Подъехал броневичок. Остановился невдалеке. Из броневичка вышел майор, направился к полку. Два майора встретились. Прибывший показал выписку из приказа, что он назначен командиром 306-го полка.

— А вы возвращаетесь на КП, — сказал он майору Т. Майор Т. хотел было объяснить, что он проделал и что наметал дальше. Но тот с неприступным видом заявил:

— Сам разберусь.

Т. пошел к броневичку. Там его поджидали лейтенант и старший командир. Лейтенант предъявил майору ордер на арест:

— Вы арестованы, прошу сдать оружие.

Так началась его новая постакадемическая жизнь. Привезли его уже не на КП, а в отдельно расположенный палаточный и земляной городок — контрразведка, трибунал, прокуратура. Один раз вызвали к следователю. Следователь спросил:

— Почему не выполнили приказ комкора?

В ответ майор рассказал, что делал всю ночь и чего достиг. Протокол не велся. Некоторое время спустя состоялся суд.

— Признаете себя виновным?

— Видите ли, не... совсем...

— Признаете ли себя виновным в преступном невыполнении приказа?

— Нет, не признаю. Я выполнял приказ. Я сделал все, что было возможно, все, что было в человеческих силах. Если бы меня не сменили и не арестовали, я бы выполнил его до конца.

— Я вам предлагаю конкретный вопрос и прошу отвечать на него прямо: выполнили вы приказ или не выполнили?

— На такой вопрос я отвечать не могу. Я выполнял его, добросовестно выполнял. Приказ находился в стадии выполнения.

— Так все же был выполнен приказ о восстановлении положения или не был? Да или нет?

— Нет еще.

— Достаточно. Все ясно. Уведите!

Через полчаса ввели в ту же палатку снова:

—...К смертной казни через расстрел».

Григоренко завершает этот отрывок так:

«Военный совет Фронтвой группы от имени Президиума Верховного Совета СССР помиловал майора Т. Помиловал и остальных шестнадцать осужденных трибуналом Первой армейской группы на смертную казнь».

Весь отрывок воспоминаний Григоренко я цитирую по книге Б. Соколова «Неизвестный Жуков: портрет без ретуши». Соколов сопровождает текст уточнением: бежал не 306-й, а 603-й полк.

С бегства этого полка началось сражение при горе Баин-Цаган. Жуков пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Было ясно, что в этом районе никто не может преградить путь японской группировке для удара во фланг и тыл основной группировке наших войск».

А в это время майор Т. приказал переписать личный состав и лег вздремнуть.

Японцы смогли без помех переправиться через Халхин-Гол, перетаскать противотанковую артиллерию и начали окапываться. Пока они не закрепились, Жуков бросил против японцев танки, прямо без пехоты, поскольку 24-й мотострелковый полк еще требовалось подтянуть. Много танков, конечно, сгорело, но японцы были выброшены за реку.

Б. Соколов:

«...Приказ представителя наркома обороны будущего маршала Г.И. Кулика об отходе советских войск с восточного берега Халхин-Гола, отданный вопреки мнению Жукова, привел к паническому бегству 603-го полка, который пришлось останавливать злополучному майору Т. Японцы воспользовались этим и захватили гряду господствующих высот, выбить их оттуда стоило больших потерь».

Итак, Суворов — Резун, используя воспоминания Григоренко, их просто переврал.

Сфальсифицировав историю с Жуковым, Суворов — Резун с тем же усердием принимается за Рокоссовского.

«Летом 1941 года Рокоссовский командовал 9-м механизированным корпусом на Украине. Корпус готовился к нанесению внезапного удара. В начале июня вся артиллерия корпуса была тайно переброшена в приграничные районы и весь корпус получил приказ на тайное выдвижение к границе».

Проверяем по мемуарам Рокоссовского — была ли его артиллерия переброшена к границе?

К.К. Рокоссовский:

«Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою

артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 8).

Здесь Суворов — Резун использует тот же принцип. Берутся воспоминания и нагло перевираются. Не у каждого читателя есть в доме воспоминания К.К. Рокоссовского. А если есть, то слова Суворова — Резуна будут сочтены за ошибку. Может, это и ошибка, но из подобных «ошибок» состоят все-все аргументы Суворова — Резуна, до единого, в пользу его «теории».

Но приказ выслать артиллерию на полигоны все-таки был? Значит, готовился удар?

Источники говорят, что артиллерия высылалась на полигоны, но в 1941-м году в меньшем числе, чем раньше.

Начальник Главного управления РККА Н.Д. Яковлев:

«2 мая 1941 года у начальника штаба округа М.А. Пуркаева состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о положении с лагерями. Было решено, что поскольку из Москвы на этот счет не было никаких конкретных указаний, то артиллерию приграничных стрелковых дивизий в полном составе из лагеря не выводить, а поступить так: от каждого из двух артполков отправлять на полигон сроком на один месяц по дивизиону. И после боевых стрельб возвращать эти дивизионы в свои соединения, заменяя их следующими по очереди. Таким образом, в приграничных стрелковых дивизиях из 5 дивизионов артполков на месте всегда находилось по 3 дивизиона» (Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. С. 51).

Рокоссовский просто придержал у себя в с/ю артиллерию.

Так, с артиллерией мы разобрались.

Теперь разберемся с утверждением Суворова — Резуна, что «*весь корпус получил приказ на тайное выдвижение к границе*».

Где находился 9-й механизированный корпус К.К. Рокоссовского 22 июня 1941 года?

И.Х. Баграмян:

«На направлении главного удара гитлеровцев в 250—300 километрах от границы располагались 9-й, 19-й механизированный корпуса» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 222—223).

Именно потому, что 9-й мехкорпус находился далеко от границы, в бой он смог вступить только 24 июня.

К.К. Рокоссовский:

«24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 16). Это произошло в районе Луцка, в 100 километрах от границы.

Теперь проверим слова Суворова — Резуна: «*корпус готовился к нанесению внезапного удара*».

К.К. Рокоссовский:

«И самое тревожное обстоятельство — истек май, в разгаре июнь, а мы не получили боевую материальную часть» (там же. С. 9).

Вот те на! Готовил корпус удар, а материальной части нет. Готовил удар на столе или полу, играя в солдатики. Артиллерию делали из бумаги, танки — их спичечных коробочков.

Выходит, на бумаге корпус есть, но положенных ему по штату тысячи танков не существует. На 22 июня 1941 года 9-й мехкорпус имел 316 танков (См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 603).

Но каких танков? Т-34, КВ-1 и КВ-2?

К.К. Рокоссовский:

«С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. Не говоря уже о том, что и этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. А мотопехота обеих дивизий! Положенных машин у нее не было, но поскольку значилась моторизованной, не имела ни повозки, ни коня» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 13).

Но зато каким внезапным будет удар!

У пехоты — ни повозки, ни коня. Транспорт типа «пешедрал» с ураганной скоростью 4 километра в час. Враг считает, что внезапного удара такой пехотой быть не может! Вот потому-то появление этой пехоты и будет внезапным!

Суворов — Резун:

«А теперь прочитаем, что годом раньше писал в той же «Красной звезде» заместитель Начальника Генерального Штаба ВС СССР генерал армии М. Гареев: «Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической обороны (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась...), а применительно совсем к другим способам действий... Главный удар на юго-западе пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника...» (27 июля 1991 г.).

Суворов — Резун делает вывод:

«...Никакой подготовки к обороне, только наступление».

Где здесь Суворов — Резун делает подлог, заметит не всякий читатель. А подлог в следующем: Гареев говорит не просто об обороне, а о «стратегической обороне». Оборона может быть разного типа: жесткая (как у приграничных частей Красной Армии 22 июня 1941 года); маневренная, когда, скажем, перед противником отходят, а затем атакой во фланги подрубают горловину котла (как немцы при советском наступлении под Харьковом); гибкая, когда перед противником отходят — на лучшую позицию, в случае угрозы флангам и т.д., а также стратегическая.

В ходе стратегической обороны войска постепенно уступают территорию, заставляя наступающую сторону нести очень большой урон. Выдающимся теоретиком этого вида обороны был Лееб, командующий группы «Север». Лееб в своих работах даже предлагал спровоцировать противника на выступление, чтобы уничтожить его ударную силу в оборонительных боях.

Для СССР концепция стратегической обороны не годилась: Украина была густо заселена, на ней находились крупнейшие индустриальные центры; ну а Ленинград и столицы многих союзных республик располагались совсем рядом с границей.

Но 26 июня Ставка вынуждена была принять решение о переходе к стратегической обороне, поскольку прежняя оборонительная концепция потерпела крах.

До 26 июня советское командование не предполагало стратегической обороны — тут Суворов — Резун абсолютно прав. Командование предполагало оборону другого типа — жесткую на линии государственной границы, с контрударами мехкорпусов по прорвавшемуся противнику. На этапе мобилизации. После мобилизации предусматривался переход в контрнаступление.

Автором этой концепции обороны являлся Тухачевский. В.М. Иванов пишет в книге об этом выдающемся военачальнике:

«Новая концепция приграничного сражения исходила из идеи подготовленного ответного удара...

М.Н. Тухачевский предлагал развертывать основные группировки армий прикрытия с учетом расположения приграничных укрепленных районов, так, чтобы они занимали фланговое положение по отношению к тем направлениям, где наиболее вероятны удары противника. Конечной целью армий прикрытия он считал овладение выгодным стратегическим рубежом для развертывания главных сил и ведения дальнейших операций. По его предположению приграничное сражение в отличие от Первой мировой войны должно принять затяжной характер и продолжаться несколько недель.

Выдвинутая Тухачевским новая концепция начального периода войны и приграничного сражения легла в основу официальных взглядов, в соответствии с которыми Советские Вооруженные Силы готовились к отражению фашистской Германии. Однако в связи с исключительной сложностью обстановки на западных границах и просчетом в оценке возможного времени нападения было упущено главное: войска приграничных округов, в том числе армии прикрытия, не закончили своевременного развертывания и не были приведены в полную боевую готовность» (И в а н о в В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1986. С. 309).

А не были развернуты войска и не были приведены в боевую готовность благодаря И.В. Сталину с его стремлением «не спровоцировать»

Гитлера. Потому приграничные сражения заняли не несколько недель, как предполагал Тухачевский, а считанные дни, а вместо жесткой обороны и планомерного развертывания пришлось спешно организовывать хоть какое-то сопротивление.

По сути, в 1941-м повторилось нечто подобное разгрому французских вооруженных сил, но в гораздо худшем варианте, поскольку к маю 1940 года французские части были отмобилизованы.

Французский Генштаб имел план ведения боевых действий, весьма похожий на «концепцию подготовленного ответного удара». На переговорах английской, французской и советской военных делегаций в августе 1939 генерал Думенк обрисовал ведение будущей войны французским Генштабом следующим образом:

«Войска прикрытия будут готовы в течение шести часов и займут всю французскую границу и свои места в укрепленных районах... Имея на границе войска прикрытия под защитой укрепленных районов, французская армия в состоянии в течение меньше чем за 10 дней подвести к границе все основные силы, причем 2/3 войск будут на месте сосредоточения через 8 дней и все остальные силы — на 2 дня позже... Если главные силы фашистских войск будут брошены на западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление неприятеля. После того как будет задержан неприятель, французская армия сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку» (Цит. по: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 552—553).

Эту концепцию французы в 1939-м не осуществили. Они ограничились жесткой обороной линии Мажино. Но линию Мажино немцы попросту обошли.

Когда французы бросили танки на прорвавшегося через Бельгию противника, выяснилось, что истинное направление удара было намечено немцами в другом направлении, но французские танковые силы уже были связаны боем, да и перебросить их по разрушенным немецкой авиацией железным дорогам было невозможно.

Французы в 1939-м не сосредоточились на «выгодных местах» и не «перешли в контратаку», а ограничились жесткой обороной, за что и заплатили в 1940-м.

Но вернемся к Суворову — Резуну, к его патетическому обличению.

Суворов — Резун приводит слова генерала М. Гареева о том, что стратегической обороны не планировалось. Да ведь н и к т о н и к о г д а и не утверждал, что перед войной планировалась стратегическая оборона. Цитируемая нами книга про М.Н. Тухачевского выпущена «Воениздатом» в 1985 году, следовательно, это только официальное мнение

советской исторической науки. Согласно этой книге, была концепция «подготовленного ответного удара», согласно которой и осуществлялось военное планирование перед войной.

Суворов — Резун, как бывший офицер Советской армии, конечно, прекрасно знает, что «стратегическая оборона» — это лишь один из видов оборонительных действий, но массовый читатель военного училища не кончал, потому, цитируя слова Гареева о «стратегической обороне», Суворов — Резун делает малозаметный для штатских «шпаков» подлог, лукаво переходя от стратегической обороны к обороне вообще.

Заметим, что и стратегическая оборона предусматривает маневренную борьбу, даже контрудары. Защитники Сталинграда, несмотря на колоссальный перевес у противника, контрударом отбили Мамаев курган — господствующую над городом высоту. Соседние с воюющей в Сталинграде 62-й армией войска, несмотря на нехватку сил, иногда переходили в контратаки, чтобы противник не снимал сил с их фронтов. Когда немцев постиг страшный разгром в Белоруссии и Прибалтике, Шернер собрал свои силы в ударный кулак и нанес внезапный сильный удар. Чтобы нейтрализовать этот удар, потребовалось оттягивать часть сил, и это позволило немцам стабилизировать весь фронт в целом.

В наше время на чисто оборонительные сооружения — минные поля, укрепрайоны, доты — вообще никто серьезно не рассчитывает. Есть только ударные мобильные группировки, но это вовсе не значит, что все страны только и жаждут друг на друга напасть.

К слову, это всё азы. Противопоставлять некую чисто «оборонительную» стратегию чисто «наступательной» и делать из этого какие-то заключения может только разве что такой удивительный псевдоисторик, как Суворов, да и то ради какого-нибудь подлога.

Суворов:

«Высказывания Гареева публиковались в Советском Союзе в Центральном органе Министерства обороны и не вызвали протестов ни военных историков, ни Начальника Генерального штаба, ни Министра обороны, ни самого президента».

Все верно. Надо же — целый абзац правды!

«А не протестовал никто потому, что генерал армии Гареев сказал правду...»

Верно, правду сказал Гареев. Этого никто и не отрицает. Все, кто изучал предвоенные планы Красной Армии, говорят то же, что и Гареев. В книге военного историка В.А. Анфилова читаем:

«Исходя из оценки намерений вероятных противников и определения основного фронта будущей войны, нарком обороны и начальник Генерального штаба в сентябре 1940 г. представили на рассмотрение Сталина соображения об основах стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил на западе и востоке на 1940—1941 гг. Главные силы

в количестве около 170 дивизий предлагалось сосредоточить на западных границах, на востоке иметь 34 дивизии, а на южные границы выделить 17 дивизий. (В действительности же к началу войны с Германией Советский Союз держал на Дальнем Востоке 31 дивизию, а из-за тревожной обстановки на границах с Турцией и Ираном 25 дивизий направил на южные границы.)

Генеральный штаб разработал и предложил на утверждение политическому руководству два варианта возможных военных ответных действий Советских Вооруженных Сил на агрессию с запада и соответственно им стратегическое развертывание. По первому из них главные силы предполагалось развернуть севернее Полесья, чтобы отразить вторжение, а затем разгромить восточно-прусскую группировку противника и перенести боевые действия на его территорию. По второму варианту главные силы Красной Армии развертывались южнее Припяти. В случае нападения они должны были отразить наступление, а затем мощным ударом в направлении Люблин, Бреслау разгромить врага. Рассмотрев эти варианты, Сталин потребовал основную группировку войск, которая должна была перейти в контрнаступление, иметь в составе Киевского особого военного округа.

Требование Сталина было принято к руководству, и с конца 1940 г. подготовка к ответному удару проводилась в соответствии со вторым вариантом. В него вносились некоторые коррективы на основании изменения обстановки на западных границах и вскрытия намерений немецко-фашистского командования. В соответствии с ними и в связи с изменением государственных границ весной 1941 г. он был переработан. Но этот документ, названный «План обороны государственной границы 1941 г.», был составлен с опозданием. До военных советов приграничных округов его довели директивами лишь в начале мая.

Согласно плану обороны войсками приграничных округов, приказывалось не допустить вторжения противника на территорию СССР; упорной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть от мобилизованные, сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии; активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по мостам и железнодорожным узлам задержать сосредоточение и нарушить развертывание войск противника, создав тем самым благоприятные условия для перехода в решительное контрнаступление. Содержание плана обороны в основном соответствовало официальным взглядам на начальный период, согласно которому войну начинают не полностью от мобилизованные и развернутые вооруженные силы, а лишь войска прикрытия» (Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. С. 83).

Никакой стратегической обороны! Только жесткая оборона на линии укрепрайонов, а затем, после мобилизации, переход в контрнаступление.

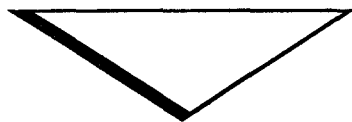
План не сработал в основном по политическим мотивам. У границы из-за боязни Сталина «спровоцировать» Гитлера не было даже достаточного числа войск прикрытия.

«Лишь 12 июня 1941 г. нарком обороны с разрешения Сталина приказал военным советам приграничных округов начать выдвижение войск из глубинных районов ближе к государственной границе... Согласно этим директивам, до начала войны во всех приграничных округах в новых районах успели сосредоточиться лишь 4 дивизии, а 38 дивизий война застала в движении» (там же. С. 97).

В районе наступления немецкой группы армий «Юг» находились в приграничной 50-км полосе 9 дивизий в ОдВО и 16 дивизий в КОВО. В районе наступления немецкой группы армий «Центр» находилось 15 приграничных советских дивизий, а группы «Север» — 8 дивизий (См.: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 479—481).

Таким образом, все давно описано в книгах.

Возможно, «военный историк» Суворов их просто не читал...

ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН СУВОРОВА — РЕЗУНА

Глава 24 называется «Про третий стратегический эшелон». В ней Суворов — Резун утверждает, что третий эшелон вторжения Сталина в Европу составляли войска НКВД.

Откуда этих войск НКВД набрали столь много — для целого эшелона? Суворов — Резун считает — из пограничников. Пограничники якобы перед войной были отведены в тыл, а их места заняли кадровые войска.

Выглядело это ужасно:

«Удивительны особенности слуха советского капитана-разведчика: плачь выселяемой румынской деревни с той стороны пограничной реки он слышал, а с нашей вроде и плача нет. А между тем советские пограничные войска с 13-го по 20-е июня провели операцию по насильственному выселению людей из приграничной полосы от Белого до Черного моря. Немцы выселяли население в полосе в 20 км, наши — 100. Немцы в основном население перемещали. Наши перемещали и истребляли».

Читать это просто жутко. Суворов — Резун утверждает, что «наши» (наверное английские) пограничники в 1941-м истребляли людей в 100-километровой пограничной зоне.

Но проверять я этого не буду. Пусть англичане проверяют.

«Завершив насильственную репатриацию людских масс, доблестные пограничники не просто сняли минные и проволочные заграждения на советских границах (об этом — в «Ледоколе»), но и сами ушли с границы. Свидетельство генерала Свиридова — только один пример. Таких свидетельств каждый желающий может найти в достаточных количествах как в мемуарах советских генералов, так и в германских архивах».

Ну что ж, я — как раз желающий.

Посмотрим, действительно ли пограничники и местные жители 22 июня были в глубоком тылу?

Были!..

Не врет Суворов — Резун...

Это есть в книге Чугунова:

«Уже целую неделю шла война. Застава лейтенанта Лопатина продолжала сражаться *в глубоком вражеском тылу* (курсив мой. — А.П.). В ночь на 29 июня он провел разведку и обнаружил, что есть хорошо замаскированный запасной проход через вражеские заслоны. Его решили использовать для вывода раненых, женщин и детей. Это задание успешно выполнил старшина заставы Клещенко. Лопатин с 20 уцелевшими бойцами остался в подвале. Устроив подкоп, немцы подорвали не сдавшийся бастион» (Ч у г у н о в А.И. Граница сражается. С. 94).

Итак, были в тылу и пограничники, и мирное население. Во вражеском, но это же детали...

Мирного населения, как известно, оказалось в глубоком тылу очень много. И его действительно расстреливали.

«Многие женщины и дети во время боев находились рядом с бойцами и командирами, им пришлось пережить гибель мужей и отцов, ужасы фашистского плена, издевательства гитлеровской солдатни, мстившей за мужество и стойкость воинов-чекистов.

...Спустя долгие годы дочь младшего политрука В.И. Киселева, которой было пять лет, вспоминала: «Помню, как на минуту забежал отец, когда бомбили самолеты и половины дома уже не было. Он был ранен в правую руку и в левой держал пистолет. Так я его и запомнила. Он поцеловал меня и маму и бросился по лестнице со второго этажа. Больше мы его не видели.

Потом хозяйничали немцы, солдаты потрошили наши чемоданы. Двое суток мы просидели в ванной комнате, потом нас и несколько оставшихся в живых семей вывели во двор. Построили и, прочитав что-то, отделили одних в одну, других в другую сторону. Большую группу женщин вместе с детьми расстреляли. Остальных поместили в сарай — там было много людей. Мама говорила, что жизнь ей и мне спасло то, что при регистрации брака с отцом она оставила свою девичью фамилию. Затем был концлагерь. Что мы пережили — трудно себе представить» (там же. С. 23—24).

«Трагически сложилась судьба семей комсостава заставы. Фашисты схватили и расстреляли жен начальника, политрука и помощника начальника заставы, не пощадили они и детей Щеглова — шестилетнюю дочь Лизу и четырехлетнего сына Володю» (т а м ж е. С. 62).

«...Лейтенант Евсиков повел оставшихся в живых двадцать бойцов в контратаку и выбил фашистов из захваченных ими отдельных строевых застав. И здесь воины впервые увидели, насколько жесток и беспощаден враг. В комнате, где проживала семья начальника заставы старшего лейтенанта Зубченко, гитлеровские палачи зверски убили его жену и мать, семилетнего сына, двух дочерей: старшей было четыре года, младшей — полтора» (т а м ж е. С. 42).

«Когда наступило затишье, капитан И.В. Мартынов, возглавлявший маневренную группу, выслал туда разведку. Опытный пограничник Ан-

тонов с группой бойцов проник в расположение противника и установил, что там закрепилось до двух пехотных рот. Перед развалинами дома, где жила семья политрука Шевченко, они обнаружили тела зверски убитых фашистами его дочери и жены» (там же. С. 46—47).

«Легендарная оборона Брестской крепости продолжалась до середины июля 1941 года, а в начале этого месяца тяжело раненный лейтенант Кижеватов, продолжавший руководить обороной, с несколькими пограничниками пошел на взрыв переправы, которую фашисты навели через Буг. При выполнении этого задания начальник 9-й заставы погиб смертью героя. Уничтожили гитлеровцы и его семью — мать, жену, детей. Десятилетнего сына Ваню изувекеры закопали в землю живым...» (там же. С. 54).

В честь лейтенанта и его жены потом было названо два теплохода: «Андрей Кижеватов» и «Нюра Кижеватова».

Конечно, в глубоком тылу были не только семьи пограничников. 5-я застава, что сражалась 22 июня в районе Бреста, держала оборону пять часов.

«Многие, в том числе ее начальник младший лейтенант Богомаз, погибли в неравном бою. Уцелевшие пошли на прорыв. Пятерых тяжелораненых бойцов подобрали местные жители, оказали им помощь и укрыли от врага» (там же. С. 59).

Прав Суворов — Резун.

Не было местных жителей. Выселили их...

А пограничники «были отведены в тыл»...

А как же граница?

На границе встала регулярная армия, — утверждает британский историк и иллюстрирует эту странную замену на примере *«114-го отдельного разведывательного батальона 164-й стрелковой дивизии 17-го стрелкового корпуса 12-й армии на Львовском выступе»*.

Правда ли это?

Как всегда, проверим.

Начнем с того, что 17-й стрелковый корпус располагался не на львовском выступе, а у города Черновицы (ныне — Черновцы), как раз там, где румынская территория углом врезается в стык Украины и Молдавии.

Теперь насчет пограничников, которых «заменяли».

Свидетельств о 22 июня 1941 года в районе города Черновицы весьма много, мы приводим их по книге Чугунова «Граница сражается»:

«Ожесточенные бои шли на участке **97-го (Черновицкого) отряда**, которым командовал подполковник М.Т. Крыловский... В 4 часа 22 июня передовые немецкие и румынские подразделения внезапно и одновременно атаковали 18 застав отряда, с 13-й по 30-й включительно... Бои шли каждый день. То на одном, то на другом участке противник пытался прорваться на советскую территорию, но безрезультатно.

До 24 июня большинство застав сдерживали врага своими силами, затем к границе подошли стрелковые и артиллерийские армейские подразделения. Совместно с ними пограничники вели упорные бои до 2 июля 1941 г.» (там же. С. 135—136).

Есть данные и о том, как воевали «замененные» Суворовым — Резуном пограничники.

1, 2 и 3-я заставы отражали противника совместно, поскольку румынский пехотный батальон пытался пробиться на участке 1-й заставы. Но в 10 часов 24 минуты румыны двинулись через территорию 3-й заставы, а потом и 2-й. Атаки были отбиты. Пулеметчик Белоусов был дважды ранен, но поля боя не покинул. Когда противник двинул мощные силы на участке 2-й заставы, комендант свел три заставы в одну группу и контратаковал, сбросив румын в реку Прут.

6-я, 7-я и прибывшая им на помощь резервная заставы вели бой совместно. Румыны предприняли попытку захватить пограничный наряд, но пограничники пришли ему на выручку. Однако за это время 150 вражеских пехотинцев заняли господствующую высоту. Начальник заставы выслал отряд отвлекать румын на высоте, и благодаря этому отражение румынской атаки произошло успешно.

5-я застава, насчитывавшая 63 человека, отбивала атаки роты пехоты врага. Атака началась после артобстрела — после двух часов румыны были вынуждены отойти. С комендатуры прибыло 20 бойцов маневренной группы, и очень вовремя, поскольку румыны начали новую атаку. И эта атака была отбита. Еще одну, и безуспешную, атаку румыны предприняли уже ночью.

4-ю заставу противник не атаковал, если не считать артиллерийского обстрела и попыток захватить наряды.

13-я застава отбила несколько атак пехотной роты врага.

17-ю заставу в первой половине дня 22 июня окружило до батальона вражеской пехоты. Начальник погранотряда направил к месту боя взвод шоферов, но тот попал в засаду, устроенную в доме лесника, и вступил с нею в бой. Внезапным ударом со стороны заставы пограничники взяли дом лесника. В первый день эта застава отразила восемь атак.

15-ю заставу атаковало до батальона пехоты. Первая атака оказалась самой жестокой. Было тяжело ранено восемь бойцов, легко ранило и начальника заставы Козлова, но враг отступил.

16-я застава подверглась мощному артобстрелу, после чего в атаку двинулась пехота врага. Заставе помогал кавалерийский эскадрон 21-го кавалерийского полка НКВД. Атаки румын продолжались два часа, после чего с румынского берега реки Серет начали бить танки. К 14 часам на помощь заставе прибыла артиллерийская батарея, которая подавила несколько огневых точек противника. На рассвете 23 июня на румынскую территорию проникли разведчики, обнаружившие значительное

скопление танков и пехоты. Стало ясно, что следует ожидать новых атак, — застава и другие подразделения начали готовиться...

Почитаем еще Суворова — Резуна. Ему очень подозрительно появление на границе советских разведчиков до 22 июня 1941 года. Он считает это указанием на агрессивный план Сталина...

«...подчиненный командир эскадрона просит разрешения выслать разведку на ту сторону реки... Представляю ситуацию где-нибудь в 1970 году: молодой офицер-разведчик спрашивает у командира разведбата разрешения послать разведгруппу на ту сторону реки... скажем, в Западную Германию. Представляю себе лично задающего этот вопрос моему комбату... Да меня бы за такой вопрос эмг бы простынями повязали и под вой сирен доставили в соответствующее учреждение».

Давно пора.

Но высылались ли на румынский берег разведгруппы?

Да, высылались. Сохранились рапорты, благодаря которым можно судить, для каких целей это делалось.

«Доношу, что в течение марта, апреля, мая и июня месяцев 1941 г. в управление пограничных войск Белорусского округа поступило большое количество разведывательных материалов об интенсивной подготовке Германии к войне против Советского Союза... Эти сведения вместе с данными 106-го Таурагенского пограничного отряда о том, что немецкие части по тревоге приведены в боевую готовность, и 88-го Шепетовского отряда о том, что немецкие части заняли исходные позиции в посевах ржи около линии границы, мною немедленно были доложены в Москву. Таким образом, эти сведения, не вызывающие сомнений, остались не реализованными для дела, так как в 4.00 началось вторжение немецких войск» (С е ч к и н Г. Граница и война. С. 69).

Читатель может и сам сделать вывод, зачем посылались на противоположный берег разведгруппы.

Но вернемся к книге Суворова — Резуна:

«В данном случае капитан не разрешил выслать разведку на территорию противника, но известны сотни случаев, когда другие советские капитаны и майоры разрешали».

Вот безобразие! Немцы концентрируют войска, а советские командиры высылают разведчиков, следят за концентрацией, делают выводы, рапортуют в Москву...

И с чего это они? Не заболели ли?

Именно этим Суворов — Резун разведку и объясняет. Нервными болезнями:

«Шапошников предупреждал, что армия, которую перевели на военное положение и придвинули к границам, испытывает нервное напряжение, сдержать ее порыв невозможно... Высшее советское военное руководство знает, что и командиры, и солдаты уже рвутся в бой, что их наступатель-

ный порыв не сдержать. Но его уже и не сдерживают — до всепоглощающей войны остается всего две недели... Красную Армию от противника не разделяет даже тонкая цепочка пограничников НКВД».

В самом деле, когда войска подводят к границе, в них всегда появляется повышенная нервность. Психозы, истерики, психические припадки. Ну и навязчивое желание выслать разведгруппу на другой берег.

Советских офицеров, как известно, набирали исключительно из психопатов. Когда армию подводили к границе, одни из них менялись в лице, бледнели, падали в обморок, а другие, напротив, зверели, засучивали рукава. Погранзнак на них так действовал, герб чужого, несоветского государства.

Но вернемся к «тонкой цепочке пограничников НКВД», которая уже никого «не разделяет», поскольку пограничники «ушли с границы». Место пограничников, по Суворову — Резуну, заняли армейские части. За чем? Для удара по Румынии!..

Иначе армейские части было подводить к границе просто опасно: они могли сами сорваться. Суворов — Резун так и пишет:

«Сталин отдал приказы чекистам отойти в тыл, а частям Красной Армии выйти на границы. Сталин знал, что после этого надо будет спустить Красную Армию с цепи...

Иначе она сама сорвется».

Итак, подвел Сталин к границе свои армейские части, чтобы напасть на буржуазную Европу?

Проверяем — подводил!

В 1941 году близ границы цепочкой стояли дивизии. К границе в районе Черновицкого погранотряда была подведена 164-я дивизия.

Что же это за дивизия?

Это особая дивизия: «дивизия прикрытия границы». Вдоль всей границы в случае опасности выстраивались цепочки стрелковых дивизий. Не танковые группы — для прорыва, а именно стрелковые дивизии.

Дивизии прикрытия были дивизиями-смертниками. В случае нападения они должны были стоять до конца, выигрывая несколько дней, в которые осуществлялась мобилизация в приграничных округах и разворачивались армии прикрытия границы. Эти армии, в свою очередь, прикрывали мобилизацию по всей стране.

Даже если напор врага оказался бы чрезвычайно силен, дивизии прикрытия не имели права отходить, самой своей гибелью говоря о направлениях главных ударов противника. На эти направления должны были немедленно устремляться мехкорпуса, чтобы забивать брешу.

Жестоко? Но это закон войны. Кто-то должен погибнуть, чтобы остальные жили и действовали.

Посмотрите на карту плана прикрытия границы. Она же — карта дивизий прикрытия (см. вклейку).

Обратите внимание на количество танковых дивизий в 1-м эшелоне армий всех военных округов в таблице сверху справа; это достаточно ясно говорит о том, был ли план прикрытия наступательным.

До 22 июня 1941 года далеко не все дивизии прикрытия заняли свое место у границы, как это им предписывалось по плану прикрытия. Они стали выдвигаться к границе в мае, в связи с концентрацией немецких войск и большим числом сообщений о нападении Гитлера с 15 по 25 мая. Э. Бенеш в начале апреля получил сообщение из Праги, которое тут же передал советскому руководству:

«Кампания против Советского Союза определенно решена; как только Германия покончит с югославским сопротивлением, начнется нападение на Советский Союз; из Берлина докладывают, что все необходимые военные приготовления завершены и была уже проведена конференция всех высших командующих германского Восточного фронта, на которой были точно определены начальные действия германских войск; дата военной тревоги для всего Восточного фронта назначена на 15 мая» (У т к и н У. Россия над бездной. С. 311).

К 15 мая 1941-го практически закончилась концентрация немецких войск на границе (кроме нескольких дивизий, еще занятых в Югославии). Разведчики и переходящие границу местные жители — все сообщали о концентрации врага и очень близкой дате нападения.

Бывший пограничник М. Паджаев пишет:

«Видимо, дата 17—25 мая была принята высшим командованием к сведению. Сразу после Первомайского праздника части прикрытия выделили на наиболее угрожаемые направления свои подразделения. 3 или 4 мая к нам на заставу прибыли три армейских командира. Утром они и сопровождающие их танкист и артиллерист обошли будущий оборонительный район. А еще через день танковый взвод и артиллерийская батарея заняли позиции в долине за селом Кривка. Стрелковые роты расположились на высоте между селами Хусня и Ивашовцы. Ускоренными темпами возводились оборонительные сооружения. Работы были кончены во второй половине мая...

В первых числах июня стало известно, что началось отселение чиновников из пограничных районов в глубь страны. Это не просто выселяли «неблагонадежных», как поначалу думали мы. Отселяли всех, а власть передавалась военной администрации...» (П а д ж а е в М. Через всю войну. М., 1972. С. 18).

Теперь почитаем Суворова — Резуна. Он не знает про план прикрытия границы, поэтому выдумывает про 164-ю стрелковую дивизию прикрытия следующее:

«Рассмотрим последствия удара на примере 164-й стрелковой дивизии, в которой служил капитан Свиридов. В этом районе две реки: пограничный Прут и параллельно ему на советской территории — Днестр. Если

бы дивизия готовилась к обороне, то в междуречье ей лезть не следовало, следовало вырыть окопы и траншеи на восточном берегу Днестра, используя обе реки, как водные преграды... Но 164-я дивизия (как и все остальные дивизии) готовилась к наступлению и потому Днестр перешла... Нанесли немцы удар, мост на пограничной реке захватили, он не был заминирован, и начали переправлять свои части, а мосты позади советских дивизий — разбомбили. Севернее этого участка прорвалась германская 1-я танковая группа и огромным крюком охватывает советский фронт, отсекая советские части от тылов...»

Вот наперерез 1-й танковой и двинулись мехкорпуса — 22, 8 и 15-й, а потом, когда танковая группа проникла дальше в тыл, — 9, 19 и 21-й. Стрелковые дивизии прикрытия, что стояли на участке прорыва немецкой 1-й танковой группы, понесли страшные потери. Но они позволили советскому Генштабу увидеть направления главных ударов врага, благодаря чему 1-й танковой группе захватить с ходу Киев не удалось. А ведь в плане «Барбаросса» было написано: «С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев».

А вот 164-й дивизии прикрытия повезло. Румыны вяло атаковали даже погранзаставы. Перед румынами план «Барбаросса» ставил задачу лишь «сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей». По этой причине в конце июня 12-я армия, к которой относилась 164-я дивизия, отошла от границы совсем ненамного.

Но почитаем еще Суворова — Резуна. Какие он делает выводы из своих рассуждений?

«В этом примере раскрыты причины поражения: готовность к оборонительной войне и готовность к наступательной — разные вещи, 164-я дивизия готовилась к наступлению, оттого так все и получилось».

Гм...

В этом районе Сталин поставил одну-единственную дивизию. Стрелковую — не танковую, даже не кавалерийскую. И не стрелковый корпус, не мощные орудия резерва Главного Командования, способные прорвать пограничные укрепления. Почему? Чтобы наступать на Германию?

Суворов — Резун:

«После выхода «Ледокола» выступили именитые историки и заявили, что моя версия не нова, это просто повторение того, что говорили фашисты. Своего читателя призываю в свидетели: разве я увлекаюсь цитированием фашистов? Мои книги пропитаны цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого, Сталина, Фрунзе, Хрущева, Брежнева, Шапошникова, Жукова, Рокоссовского, Конева, Василевского, Еременко, Бирюзова, Москаленко, Мерецкова, Кузнецова и многих с ними. Кто же из них фашист?»

Все верно. Не фашисты. Ни Василевский, ни Мерецков, ни Конев. Насчет Троцкого не знаю: не читал.

А.М. Василевский о плане грядущей войны:

«...Ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов совместно с пограничными войсками обязаны будут сдерживать первый натиск...»

Стрелковые войска! У границы не было мехкорпусов — иначе Суворов — Резун их непременно бы засек. А наступление без танков не имеет смысла.

Но продолжим цитировать А.М. Василевского. У него после запятой идет:

«...а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в нашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление» (В а с и л е в с к и й А. М. Дело всей жизни. С. 117—118).

Хорошая цитата. Спасибо, Суворов — Резун, за то, что вынуждает заглядывать в источники.

И за Мерецкова спасибо, от души.

К.Е. Мерецков:

«Так, в начале июня свыше 750 тысяч человек приписного состава были вызваны в воинские части, а около 40 тысяч направлены в укрепрайоны» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 207).

Это очень важная цитата. В советских книгах пишется просто, что в июне было вызвано «800 тысяч человек», а здесь начальник Генштаба К.Е. Мерецков уточняет — «около 40 тысяч направлены в укрепрайоны». Ясно, что за «нападение» готовил Сталин в июне 1941-го!

Но у Мерецкова есть и еще более важная цитата относительно военных приготовлений 1941 года:

«Взяв на себя инициативу, я сообщил командарму-5 генерал-майору танковых войск М.И. Потапову, что пришлю своего помощника с приказом провести опытное учение по занятию укрепленного района частями армии, с тем чтобы после учения 5-я армия осталась в укрепленном районе. В других местах оборонительные работы были еще не завершены. Ответственным за строительство укрепрайонов был Б.М. Шапошников, и я решил дополнительно поговорить с ним в Москве» (т а м ж е. С. 202).

К.А. Мерецков был заместителем наркома обороны, и его слова прямо говорят о характере военной политики относительно Германии.

Теперь обратимся к И.С. Коневу. Опять же, благодаря Суворову — Резуну.

«Еще в Москве я получил задачу от Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в

полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести удар и загнать немцев в Припятские болота» (Цит. по: С о к о л о в Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. С. 212—213).

Армия Конева предназначалась для удара, но удара по прорвавшимся через пограничные войска немецким соединениям. Все тот же оборонительный план, что мы видим и в прочих мемуарах.

Суворов — Резун негодует:

«Если версия фашистская, то следует упрекать не меня, а советских маршалов и генералов, я только повторяю их слова. Мне плохо понятна ярость моих критиков».

Мне тоже плохо понятна. Такая прекрасная возможность посмеяться!

Суворов — Резун недоумевает:

«Отчего на меня ополчились? Почему вы молчали, когда выходили книги Жукова и Рокоссовского, Баграмяна, Еременко и того же Свиридова? На их головы следовало обрушить ваш благородный гнев. А я лишь скромный собиратель цитат».

Кого там вспоминает Суворов — Резун? Жукова, Рокоссовского, Баграмяна? Ну что ж, пособираем цитаты и мы.

Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях»:

«13 июня С.К. Тимошенко в моем присутствии позвонил И.В. Сталину и просил разрешения дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

— Подумаем, — ответил И.В. Сталин.

На другой день мы были у И.В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?»

Ох, как Сталин хотел войны! Как жаждал напасть на Европу! Замучил Тимошенко и Жукова: мобилизуйте, предатели, армию. Немцы подвели войска к границе, а мы — что? Но Георгий Константинович И.В. Сталину этого не позволил.

К.К. Рокоссовский тоже предельно циничен насчет агрессивных устремлений РККА:

«Откровенно говоря, мы не верили, что Германия будет свято блюсти заключенный с Советским Союзом договор. Было ясно, что она все равно нападет на нас... Однажды заночевал в Ковеле у товарища Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Договорились о взаимодействии наших соеди-

нений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 7—9).

Собрались Рокоссовский и Федюнинский и свистящим шепотом обсуждают вопрос, как напасть на смирную, доверчивую синеглазую Германию. К слову, солдаты Федюнинского 24 июня обороняли УРы в районе Устилуга. Это написано у Жукова, которого Суворов — Резун не читал (см.: Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 20).

Баграмян же посвятил нападению на Германию всю свою жизнь... Вот что он пишет про 1941-й год:

«В начале мая мы получили оперативную директиву Народного комиссара обороны, которая определяла задачи войск округа на случай внезапного нападения гитлеровцев на нашу страну...

В первом эшелоне, как и предусматривалось планом, готовились к развертыванию стрелковые корпуса, во втором — механизированные (по одному на каждую из четырех армий)» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 192).

Заметим, что для нападения необходим противоположный порядок построения войск. Когда немцы напали на СССР, вперед были пропущены танковые группы, которые разорвали советскую оборону и создали котлы; следовавшие за танками пехотные части блокировали окруженных, после чего крупнокалиберная артиллерия этих окруженных уничтожала. Для осуществления этого плана немецкие танковые группы перед 22 июня были подведены к самой границе.

Далее у Баграмяна:

«Стрелковые соединения должны были во что бы то ни стало остановить агрессора на линии пограничных укреплений, а прорвавшиеся его силы уничтожить решительными массированными ударами механизированных корпусов и авиации» (там же).

Ну разве не типично наступательный план? Спасибо Суворову — Резуну за правду...

Он пишет про единственную стрелковую дивизию у границы. Баграмян подтверждает — были только стрелковые.

Все ясно, все сходится. Мы всё уже поняли.

Но Суворов — Резун считает, что не всё, и упорно елозит вокруг этой единственной стрелковой дивизии.

«Предрекаю: когда найдете совершенно секретные документы, то в них будет та же информация — 164-я стрелковая дивизия находилась между Прутом и Днестром... И по любой дивизии, корпусу, армии найдете совершенно секретные документы и в них обнаружите, что к обороне они не готовились, готовились к наступлению. Если генерал Свиридов и тысячи других участников войны отошли от исторической правды, то следовало их разоблачить 25 лет назад, объявить их версию фашистской и опубликовать

опровергающие материалы. Но этого никто не делал и не делает. Мемуары наших генералов лежат на полках, их никто не читает».

Ну не читает их никто. А если бы прочли — такое нашли бы! У Жукова, Мерецкова, Конева, Баграмяна, Рокоссовского, Василевско-го — как Сталин готовил нападение на Европу!..

Суворов — Резун продолжает разоблачать:

«Да не так уж архивы были и засекречены. Правда, в генеральских мемуарах сталинский замысел мы видим не единым документом, а миллионом сверкающих осколков. Генерал армии К.Н. Галицкий, например, в книге «Годы суровых испытаний» (С. 33) описывает такой же разведывательный батальон, как и у Свиридова, но не во Львовском выступе, а Белостокском. Этот батальон — в составе 27-й Омской имени Итальянского пролетариата стрелковой дивизии, которая тайно была выведена в приграничные леса».

Одна-единственная дивизия, и опять — стрелковая, а не танковая.

Суворов — Резун продолжает:

«Разведывательный батальон находился в готовности вести разведку на территории, занятой германскими войсками. И чтобы поверили, генерал армии К.Н. Галицкий приводит ссылку на архив. Другими словами, находились в готовности к войне, только не к «великой отечественной».

Хорошо, поверим на миг Суворову — Резуну, что в «белостокском выступе» войска 22 июня стояли прямо на границе — пограничники же, как это говорил он ранее, были отведены в тыл.

Тогда 22 июня 1941 года в бой должны были вступить регулярные части: танки, артиллерия, пехота.

Ну-ка, посмотрим, что у нас было 22 июня в «белостокском выступе» и на его флангах. Обратимся опять к документальной книге А.И. Чугунова «Граница сражается».

105-й отряд. В 3 часа 50 минут в расположении гарнизона отряда разорвался первый снаряд. 3-я застава сразу приняла бой и через полтора часа оказалась в окружении. Продержавшись два часа, застава начала прорываться на восток.

4-я застава сдерживала врага около часа, но противник ее окружил. Продержавшись до 11 часов, пограничники прорвали кольцо и к вечеру прибыли в штаб отряда.

9-я застава держала оборону почти 8 часов. В живых осталось несколько человек, которые смогли выйти из окружения.

10-я застава сдерживала врага почти двое суток. Отошла по приказу коменданта.

12-я застава оборонялась до 23 часов. Начальник заставы послал свою жену с просьбой о подкреплении, но комендант смог направить только двух — военфельдшера и красноармейца; все остальные уже участвовали в бою.

13-я застава сражалась так упорно, что немцы бросили против нее пехотный батальон. После ожесточенной схватки пограничники отошли к комендатуре.

15-я застава. Начальник заставы Степанковский приказал подпустить немцев на 80—100 метров и только после этого открыть огонь. Потеряв несколько десятков человек убитыми, противник отошел. Степанковский погиб. К третьей атаке патронов почти не осталось, и тогда пограничники спустили на немцев пограничных собак. Придя в замешательство, противник отошел.

106-й отряд. 1-я застава. Пропустив немецкие танки, застава открыла огонь по пехоте. Придя в себя, немцы организовали атаку, но эта атака была отбита. Немцы блокировали заставу и уничтожили.

2-я застава. Бой длился два часа, после чего пограничники контратаковали. 25 пограничников погибло, 17 пробилось к своим.

На стыке 5-й и 6-й застав немцы выбросили десант, но пограничники его уничтожили. Уничтожение десанта вызвало замешательство у немцев, атака началась только через два часа. Бой длился до 12 ночи, после чего заставы по приказу отошли.

12-я застава встретила переправляющихся через реку немцев пулеметным и ружейным огнем. Бой продолжался несколько часов. Комендант пограничного участка капитан Бедин, израсходовав все патроны, подорвал себя и немцев последней гранатой.

107-й отряд. Все заставы отряда, кроме 8-й, были атакованы в первый же час вторжения. Дот под командованием Андриенко сражался три дня. Немцы замуровали все выходы, заживо похоронив защитников дота. Защищая комендатуру, рядовой Шевченко связал две последние гранаты и взорвал их в тот момент, когда немцы подошли к нему вплотную.

5-я застава отразила вражескую атаку и отошла по приказу.

6-я застава сдерживала врага более часа. Командир заставы приказал подпустить врага ближе и открыть огонь. Атака была отбита, но Кубов погиб. Командование принял политрук Беляев. Было отбито шесть вражеских атак. Политрук Беляев погиб во время последней. Застава отошла по приказу.

8-я застава сдерживала врага в течение полутора часов.

86-й отряд был обстрелян артиллерией в 4 часа.

1-я застава отражала атаку батальона пехоты и нескольких танков. Пограничники отсекали пехоту и заставили ее отступить.

2-я застава оказалась в окружении, но продолжала отбивать атаки. Подвергнув заставу сильному артогню, немцы смогли ее захватить.

3-я застава отбивалась до 12 часов. Командовавший 3-й заставой лейтенант Усов получил пять ранений, но продолжал руководить боем. Разрыв снаряда засыпал его окоп. Откопали останки только после войны. В.М. Усову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

5-ю и 6-ю заставы подвергли бомбежке с воздуха, затем артиллерийскому обстрелу, после чего на пограничников направились танкетки. Пограничники и бойцы строительного батальона отразили атаку и отошли на вторую позицию, после чего снова отразили атаку. Третья атака оказалась самой трудной. Противник обошел пограничников. Начальник заставы выделил группу прорыва, которая расчистила путь остальным. После шестичасового боя застава отошла.

7-я застава подверглась пулеметному огню в 6 часов, после чего противник двинул вперед пехоту. Под огнем пограничников немцы отошли, потеряв около сотни солдат. Противник повторил атаку в сопровождении танкеток. Атака была отражена, но с большими потерями — 12 убитых и 3 раненых. Когда застава была окружена, начальник заставы принял решение идти на прорыв. В 20 часов оставшиеся в живых пограничники присоединились к 27-й стрелковой дивизии.

11-я застава начала боевые действия с того, что ее наряд в ночь на 22 июня обнаружил двух диверсантов. Один был уничтожен, второй ушел за границу. Застава сдерживала врага более четырех часов и отошла по приказу.

12-я застава сражалась на границе, затем была отведена, чтобы прикрыть эвакуацию из города.

20-я застава подверглась сильнейшему артогню. Но пограничники подпустили врага и открыли огонь с близкой дистанции. Застава отошла по приказу.

87-й отряд располагался на границе с Восточной Пруссией. В 4 часа начался интенсивный обстрел застав. Силы наступавших были очень велики. Но тем не менее...

2-я застава отразила две атаки, уничтожив более 40 фашистов. Раненый старшина Логонов продолжал подносить боеприпасы в окопы. Застава держала оборону 10 часов.

4-я застава встретила два батальона пехоты, держалась до 11 часов, после чего пришел приказ на отход.

8-ю заставу атаковал кавалерийский эскадрон. Жена начальника заставы Я.Г. Лебеда стреляла в немцев из винтовки, а затем, связав гранаты, уничтожила танк. Застава оборонялась шесть часов; когда ее окружили, пограничники начали пробиваться к своим.

10-я застава вела тяжелые бои в окружении. Немногие уцелевшие под командой сержанта Иванова прорвались на восток. Иванов погиб.

14-я застава оборонялась два часа, отошла в тыл по приказу.

17-я застава подверглась ураганному обстрелу. Застава отражала атаки на протяжении четырех часов. По приказу отошла к комендатуре, где вместе с 15-й и 16-й заставами и штабными подразделениями заняла оборону. Когда противник обошел этот рубеж, пограничники стали отходить. Пограничники 15-й заставы захватили высоту, которая позволяла прорваться остальным.

88-й отряд. 2-ю заставу атаковало до батальона пехоты, пограничники отразили шесть атак. Оставшиеся в живых двадцать бойцов пошли на прорыв.

3-я застава отражала атаки пехотного батальона. Пограничники продержались до полудня и отошли по приказу.

5-я застава подверглась артогню, который разрушил все ее сооружения. Пользуясь тем, что застава располагалась у реки, пограничники более суток мешали переправе. После того как противник создал вокруг заставы кольцо окружения, по приказу коменданта застава начала прорыв. Поскольку патронов почти не осталось, прорыв осуществлялся штыками и саперными лопатками.

6-я застава оказалась на направлении главного удара. Застава заставила отойти кавалерию противника, но оказалась бессильна против двигавшейся на восток колонны танков. Тем не менее пять бойцов были посланы помешать немцам навести переправу; трое из них (двое погибли) успешно выполняли эту задачу на протяжении долгого времени. Противник вынужден был поднять против заставы «юнкерсы». После воздушной атаки на заставу направилось три танка. Рядовой Сидоров подорвал один танк и погиб сам. Танки пушечными выстрелами разрушили дзоты. Оставшиеся в живых пограничники отошли в тыл.

13-я застава подверглась артналету. Немцы начали наводить переправу, но пограничники сорвали ее своим огнем. Один броневик все же успел проскочить переправу, но рядовой Смирнов уничтожил его связкой гранат. Перешедшие вброд немцы пошли в атаку, но пограничники перешли в контратаку и сбросили врага в реку. Бой продолжался до 17 часов, было уничтожено несколько десятков фашистов и две бронемашин. По приказу застава отошла.

Три заставы и штаб 4-й комендатуры составили отряд, оборонявший Драгичено. После артподготовки немцам удалось захватить часть Драгичено, но, перейдя в контратаку, отряд выбил врага с советской территории. Тогда немцы двинули танки. Два танка пограничники подорвали связками гранат. Когда вечером границу начали переходить крупные силы, командование комендатуры приняло решение на отход.

17-й отряд воевал в Бресте. Подвиг защитников Брестской крепости хорошо известен. Значительно меньше — подвиг пограничников острова, что примыкал к крепости. Защитники острова оборонялись до 28 июня. Воспользовавшись дождем, немцы высадились на остров, но контратакой пограничники сбросили их в реку. При этом погибла почти половина личного состава. 29 пограничников прорвались в крепость, но при переправе еще часть погибла. Осталось всего 18 человек. После атак немцев погибло еще шесть. Когда кончились боеприпасы, лейтенант Жданов принял решение перебираться туда, где еще слышались выстрелы, но там нашли только павших. В ночь на 3 июля группа на-

считывала 8 человек, но к ней присоединились три защитника Брестской крепости, из которых один был тяжело ранен. Жданов приказал идти на прорыв; прорваться удалось четверым. Раненый скончался, трое 23 июля вышли к линии фронта.

В крепости 28 июня лейтенант Кижеватов распорядился прорываться из крепости мелкими группами. Сам он решил не отходить:

— Некуда мне идти, здесь моя застава, а я ее начальник.

Часть бойцов решила его не покидать. Продолжая руководить обороной, лейтенант Кижеватов с группой бойцов пошел на взрыв переправы, которую фашисты навели через Буг. При выполнении этого задания он погиб. Разъяренные фашисты нашли и уничтожили его семью.

1-я застава была атакована танками. Фашисты начали переправляться через Буг под прикрытием дымовой завесы. Скоро из 52 человек заставы в живых осталось лишь 13, из которых большинство были тяжело ранены.

2-ю заставу обстреливали с перерывами в два часа. Пограничный наряд не давал врагу переправиться через реку, но, когда наряд погиб, около роты пехоты начали атаку на заставу. Две атаки с флангов были отбиты, тогда немцы высадили парашютный десант, но и десант успеха не имел. В 18 часов комендант дал команду прорываться.

3-я застава была атакована в 7 утра. Застава отбила две атаки и по приказу отошла.

На участке 4-й заставы противник начал форсировать Буг в трех местах, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня. В центре участка переправлялось около 40 танков. Первую попытку форсировать Буг пограничники отразили. На дно было отправлено пять вражеских танков и четыре орудия. Но гранаты и патроны кончились, и потому большая часть пограничников погибла. Когда немцы пытались взять раненного на вышке часового Семенова, он бросился вниз и разбился. В развалинах продолжали отстреливаться раненые бойцы. Когда развалины начал утجوить немецкий танк, последовал сильный взрыв — защитники подорвали себя и танк.

5-я застава, находившаяся в 10 км северо-западнее Бреста, обороняла шоссе. После артподготовки на восток устремилась масса войск. Во время немецкой атаки по ним ударил пулемет из засады и заставил залечь. Немцы пригнали местных жителей и за ними, как за щитом, увели тех, кто залег. Пушенный против пограничников танк был подбит гранатами. Застава оборонялась пять часов. Уцелевшие пошли на прорыв. Тяжелораненых подобрали и выводили местные жители.

6-я застава отражала атаки тринадцать часов. Когда немцы обошли пограничников, начальник заставы принял решение пробиваться к своим.

7-я застава оборонялась восемь часов. Истекая кровью, раненый Землянский стрелял, стоя на коленях. Григорьеву раздробило локоть,

но он продолжал вести огонь. Тяжелораненый Саблин метнул гранату и потерял сознание. После приказа на отход пограничники двинулись на восток. Раненых по пути погрузили на попутную машину.

8-я застава оборонялась семь часов и отошла по приказу.

10-я застава держалась четверо суток. Застава разделилась на две группы, каждая из которых попала в окружение. Одна группа была полностью уничтожена в рукопашной схватке, но немцы при этом были так обескровлены, что не сразу смогли взяться за вторую группу. Когда снаряд поджег дом, в котором оборонялась вторая группа, — никто не вышел. Все погибли.

11-я застава вела бой пять часов. Когда немцы окружили заставу, начальник штаба 3-й комендатуры дал команду на отход.

12-я застава вела бой около трех часов, пока к ней не прибыл батальон 84-го стрелкового полка, усиленный тремя орудиями. В 20 часов застава начала отход в направлении полигона.

13-я застава сражалась в окружении четыре часа. После гибели начальника заставы, разбившись на группы, пограничники стали пробиваться на восток.

16-я застава сдерживала врага более пяти часов. Начальник заставы и замполит были убиты. Пограничники отошли по приказу и присоединились к 75-й стрелковой дивизии.

17-я застава оборонялась около девяти часов. Искерпав все возможности, отошла, чтобы присоединиться к 75-й стрелковой дивизии.

18, 19 и 20-я заставы были подвергнуты артобстрелу. В 8 часов началась переправа на участке 20-й заставы. Получив отпор, немцы отошли, чтобы начать переправляться на участке 18-й заставы. Поскольку и это завершилось неудачей, немцы подожгли лес. Пограничники отошли на участок 1-й заставы соседнего отряда, где продолжали сражаться до утра 24 июня.

Часть 20-й заставы была расположена на восточном берегу Западного Буга. Пограничники оборонялись до 14 часов, до приказа на отход. С 22 часов они заняли позиции, на которых прикрывали отход 15-го стрелкового корпуса, а затем 45-й стрелковой дивизии.

Не все заставы отражены в этой краткой драматической хронике. Часть из них погибла в полном составе. Бывший начальник 86-го погранотряда Г.К. Здорный писал:

«Остаются еще невыясненными действия целого ряда застав, в частности 8, 10, 17, 18-й, на участках которых прорывались большие силы противника».

Ни имен, ни фамилий. «Пропал без вести...» К этому добавим, что именно за позициями 86-го погранотряда и находилась 27-я стрелковая дивизия, о которой писал Суворов — Резун.

Итак, пограничники перед 22 июня отведены в тыл не были, их место танки, артиллерия и стрелковые корпуса не заняли. Ну а то, что

Красная Армия хотела напасть на Европу, — оставим это на совести нашего псевдоисторика.

Ну а если продолжить бред Суворова — выйдет вот что.

Благодаря танковым и стрелковым корпусам у границы 22 июня немцы были на всех направлениях отброшены и советских рубежей не перешли. Благодаря этому война окончилась уже 23 ноября 1941 года знаменитой Мюнхенской операцией советских войск...

«Вопрос о происхождении Третьего стратегического эшелона, надеюсь, ясен: ДО ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ ГРАНИЦА БЫЛА ВО МНОГИХ МЕСТАХ ОТКРЫТА и многие тысячи пограничников отведены в тыл, где и были организованы в три карательные армии».

Что это, Господи, за три «карательные армии»?..

«29-й армией командовал заместитель Наркома внутренних дел генерал-лейтенант НКВД И.И. Масленников, 30-й — бывший начальник пограничных войск Украинского округа генерал-майор НКВД В.А. Хоменко, 31-й — бывший начальник Прибалтийского пограничного округа генерал-майор НКВД К.И. Ракутин, затем бывший начальник Карело-Финского пограничного округа генерал-майор НКВД В.Н. Долматов. Три армии — это целый фронт».

Был такой фронт?

Был!

Был фронт резервных армий, из шести армий, четыре из которых — 29, 30, 31 и 24-я — возглавлялись пограничниками. Резервными эти армии были недолго. 29, 30, 31 и 24-я армии бросили в Смоленское сражение.

Ход Смоленского оборонительного сражения дан одинаково практически во всех мемуарах. 20-я и 16-я советские армии расчленены, часть их сил — в окружении у Смоленска. Эти окруженные войска огибают клинья: с севера — танковой группы Гота, с юга — Гудериана.

Огибают и... упираются в 30-ю армию Хоменко и 24-ю армию Ракутина. Дальше немцы тогда пройти не смогли.

Сейчас о Ракутине и Хоменко, к сожалению, почти никто не помнит. До победных наступательных операций они не дожили. Ракутин в конце 1941 года со всей своей 24-й армией оказался в окружении и погиб при попытке прорыва. Хоменко в 1943 году получил три ранения в грудь; у него были выбиты оба глаза. Попав в таком состоянии в плен, Хоменко отклонил все попытки немцев склонить его к измене и был умышленно убит.

Севернее 24-й и 30-й армий на карте Смоленского сражения находятся 29-я и 31-я армии. Именно на 29, 30 и 31-й армиях растратит все свои танки 3-я танковая группа немцев, но так и не сможет обойти Москву с севера. Но это будет в ноябре — декабре. А в августе — сентябре у Смоленска 24, 30, 16 и 20-я армии приостановили обе тан-

ковые группы, 3-ю и 2-ю, — и надолго. Наступление было возобновлено немцами лишь через месяц. За месяц Советский Союз сумел осуществить мобилизацию, эвакуировать предприятия на Восток, перевести промышленность на военные рельсы. Сумел оправиться от удара.

Кто же их остановил?

Отведенные от западной границы пограничники?

Ответ есть в литературе. Суворов — Резун мог его найти.

«На формирование только первых шести дивизий, предназначенных для фронта резервных армий, из состава пограничных войск было направлено 3 тыс. офицеров и генералов и 10 тыс. сержантов и солдат. Это была лучшая часть кадрового состава пограничных войск Грузинского, Армянского, Азербайджанского, Казахского, Среднеазиатского и Туркменского пограничных округов» (Сечкин Г. Граница и война. С. 155).

Вот как! Пограничники Средней Азии и Кавказа!

Начальник германского Генерального штаба сухопутных войск Гальдер надеялся, что «формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава...»

Кавказские и среднеазиатские пограничники Гальдера весьма огорчили.

В новых дивизиях было 3 тысячи офицеров и генералов и 10 тысяч сержантов и солдат погранвойск. Под ружье встали выпускники Высшей пограничной школы и курсанты Ново-Петергофского военно-политического училища.

Помимо перечисленных пограничников в упомянутых шести дивизиях было небольшое число — в целом 3 тысячи человек — пограничников из Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского, Украинского и Молдавского пограничного округов, «вышедших из окружения после боев на границе» (см. т а м ж е. С. 156).

Но 15 тыс. человек — это численность дивизии. Где же набиралось шесть дивизий?

Ответ можно найти в приказе на создание дивизий:

«На формирование указанных дивизий выделить из кадров НКВД по 1000 чел. рядового и младшего начальствующего состава и по 500 чел. командно-начальствующего состава на каждую дивизию. На остальной состав подать заявки в Генеральный штаб Красной Армии на призыв из запаса всех категорий военнослужащих» (т а м ж е. С. 153).

подавляющая часть солдат новых армий никакого отношения к пограничным войскам не имела.

29-я армия (245, 252, 254 и 256 сд) и 31-я армия (244, 246, 247, 249 сд) формировались в Московском военном округе. Территориально Мос-

ковский военный округ — это центр Европейской России. Июньская мобилизация составила 29-ю, 31-ю армии и часть 30-й армии (состоявшей из 119 сд и 51 тд из резерва Ставки Верховного Главнокомандования и вновь созданных 242, 243 и 251 сд), а также пополнение практически всех остальных армий Западного направления.

Июньская мобилизация основательно «подчистила» военнообязанных центра России 1905—1918 годов рождения, и потому началось формирование московских дивизий народного ополчения, из которых состояли 32-я и 33-я армии (2, 7, 8, 13 и 18-я дивизии народного ополчения в 32-й армии и 1, 5, 9, 17 и 21-я дивизии народного ополчения в 33-й армии).

Когда я был еще комсомольцем, то ездил к границе Смоленской области, к памятнику дивизии народного ополчения нашего района, вошедшей в состав 32-й армии и погибшей у дороги, что вела на Москву.

Суворов — Резун к этому памятнику не ездил, об армиях с 29-й по 33-ю он не знает и потому пишет следующее:

«Остается вопрос о назначении целого фронта чекистов. Стрелять в затылки наступающих войск, подбадривая нерадивых? Может быть».

Профессиональный стукач не может не предположить что-либо подобное. Профессионал всегда профессионал...

«Но для того существовали заградительные отряды, созданные до германского нападения во всех советских армиях и корпусах. Заградительные отряды НКВД органически входили в состав и Первого, и Второго стратегических эшелонов».

Долго он размышляет над своим предположением и приходит наконец к выводу:

«...Считаю, что Третий стратегический эшелон в составе трех армий НКВД формировался не для расстрелов советских солдат Первого и Второго стратегических эшелонов».

И Резун делает новое предположение — и опять же в своем стукаческом духе.

«А может быть, чекистский фронт сформировали для подавления сопротивления на «освобожденных» территориях? Не исключено».

Однако и этот ответ его не удовлетворяет. Сыск компромата продолжается:

«Но для этой цели в составе Первого и Второго стратегических эшелонов находились десятки мотострелковых дивизий НКВД с танками, гаубичной артиллерией и всем необходимым для установления социальной справедливости».

Опять мимо. Опять не угадал.

Трудно, ох трудно решить ему эту задачу.

Не знает Суворов — Резун, зачем был создан фронт 29, 30, 31, 32, 24 и 28-й резервных армий. Тайна суя зело велика еси. А ведь в любой книге, где упоминается этот фронт резервных армий, ясно указано, что

у него была «задача заблаговременной организации обороны на московском стратегическом направлении» (Сечкин Г. Граница и война. С. 158). Но зачем следовать истине, коли есть свои, увлекательные, хорошо оплачиваемые фантазии?!

«Главная задача Третьего стратегического эшелона была другой. Перед каждым «освобождением» 1939—40 годов пограничники делились на две неравные группы: одни оставались на границе и использовались в первом эшелоне нападения в качестве элитных диверсионных отрядов и групп, а другие отряды вводились в тыл на самом последнем этапе «освободительного похода», закрепляли успех армейских формирований и принимали под охрану новую границу.

Именно так были разделены советские пограничные войска в середине июня 1941...»

Как всегда, придется проверить Суворова — Резуна.

Г. Сечкин, пограничник, встретивший войну 22 июня 1941 года на западной границе, пишет в своей книге:

«Наши войска, сочетая контрудары с подвижной обороной, отступали в глубь страны. Вместе с ними отходили и не потерявшие боеспособности пограничные отряды, которые вели бои с противником на новой границе, а также 9, 11, 83, 13, 18, 20, 22, 2, 23-й погранотряды, охранявшие до начала войны пограничную зону заграждения на старой государственной границе» (там же. С. 148).

Действительно, *«были две неравные группы»*, как говорит Суворов — Резун. Одна охраняла новую границу, другая поддерживала в боеспособном состоянии оборонительные сооружения старой: конечно же, *«для нападения на Германию»*.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна. Пограничники у него делились на две неравные группы: одна — диверсионная, другая — *«закрепляла успех»*:

«Так делали и немцы. Разведывательная сводка Штаба Северо-западного фронта 02 от 21 июня 1941 года сообщает о деятельности германских войск на границе Восточной Пруссии: «Охрана границы и наблюдение за нашей границей возложены на тыловые части... Гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км» (ЦАМО. Фонд 221. Описание 1362. Дело 5. С. 27).

У немцев все как у нас, но меня удивило не содержание документа, а номер. Ноля вводится для секретных документов. Два ноля — для совершенно секретных... С начала каждого года нумерация возобновляется. Так почему же 21 июня только вторая разведсводка?»

И что же, этого Суворову — Резуну не понять?

Да, это — одна из тайн сталинской эпохи...

Для всех, но только не для Суворова — Резуна, величайшего разоблачителя XX века.

«Начальник разведки округа раз в неделю кладет новую разведсводку на стол командующему округом, а при обострении обстановки — каждый день. Отчего же номер так мал?»

Все знает только он, Суворов — Резун...

«Да оттого, что 19 июня из Прибалтийского военного округа уже выделялся Северо-Западный фронт, со своим собственным штабом, разведывательным и другими отделами, и зажил своей собственной жизнью, и пошли номера приказов, разведсводок и других документов с самого начала — с 01 и выше».

Вот вам! Хотел Сталин скрыть образование Северо-Западного фронта, но Суворов — Резун, заинтересовавшись номерами приказов, разобрал его.

Никто не знал, Суворов — Резун вывел все на чистую воду...

Только это не открытие. Об образовании фронтовых управлений до 22 июня 1941 года написано в любой книге по истории Великой Отечественной войны.

«19 июня, буквально за три дня до начала войны, военные советы западных пограничных округов получили указание выделить полевые управления Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и вывести их на полевые командные пункты» (Великая Отечественная война Советского Союза. С. 53).

Не надо было Суворову — Резуну себя мучить вопросом: почему документы Северо-Западного фронта появились 19 июня — пошел бы в библиотеку, попросил бы книжки про войну...

К примеру, А.М. Василевский, который в 1941-м был заместителем начальника Генштаба (а из-за болезни Шапошникова — порой фактически начальником), писал:

«27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня — вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее» (В а с и л е в с к и й А.М. Дело всей жизни. С. 119).

Баграмян пишет в своей книге:

«Утром 19 июня из Москвы поступила телеграмма Г.К. Жукова о том, что Народный комиссар обороны приказал создать фронтовое управление и к 22 июня перебросить его в Тарнополь...

— А как насчет войск? — спросил я у начальника штаба.

— Пока поступило распоряжение лишь относительно окружного аппарата управления» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 208).

Про фронтовые управления известно д а в н о, известно в с е м, кто читал мемуары или книги по истории войны.

Были фронтовые управления, и их развернули раньше 22 июня. В случае удара немцев и возникновения фронтов управления для них уже бы существовали. Если бы Кремль готовил нападение, Одесский военный округ не просил бы у него создать фронтовое управление — распоряжение шло бы из Кремля.

Но вернемся к Суворову — Резуну. Он продолжает беспощадно вскрывать страшные тайны большевиков:

«И уже 21 июня 1941 года полковник Карлин подписывается в документах как помощник командующего СЗФ (Северо-Западного фронта) по ПВО (ЦАМО. Фонд 344. Опись 5564. Дело 1. С. 62)».

Суворов — Резун даже привел ссылочку на то, где это им было обнаружено.

Любой может проверить. Суворов — Резун использовал редкий документ — и всем рекомендует: в ЦАМО в фонде 344 можно найти этот документ с разоблачением сталинских замыслов.

Да только не Суворов — Резун этот документ нашел. И никогда он его не читал. ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны, и сотрудников английских спецслужб туда не пускают. Эту ссылку обнаружил кто-то другой. Суворов — Резун попросту ее списал.

Но ссылочка на такой архив посолонней, чем цитата из каких-то мемуаров. Мемуары читают все, а в ЦАМО рядовой читатель не бывает и даже редко знает, что это такое. В любом случае он относится к ЦАМО со священным трепетом. Красные комиссары прячут правду в архивах, а вот он, Суворов — Резун, поборник правды, нашел ее и донес людям...

С «чекистскими армиями» мы разобрались.

Воевали в них в июле — августе в основном жители центра Европейской России.

А где же в это время были пограничники?

О пограничниках сохранилось много документов, и мы даже можем проследить судьбу тех самых пограничников, которых Суворов — Резун «отвел в тыл», а именно из 97-го погранотряда.

Г. Сечкин в своей книге вот что пишет:

«...Командующий 12-й армией в приказе от 25 июля 1941 г. предписал:

«Начальнику охраны тыла приказываю:

...97-й и 22-й пограничные отряды в полном составе передать в подчинение командира 99-й Краснознаменной сд» (Сечкин Г. Граница и война. С. 149).

Итак, 97-й погранотряд был включен в состав 99-й дивизии. Каждый, кто изучал историю Великой Отечественной войны, прекрасно ее знает. Это дивизия прикрытия границы, она стояла у самой границы, у города Перемышль. Освободив от немцев в ходе контрудара Перемышль, дивизия принесла Красной Армии первый успех в Великой Оте-

чественной войне. Этот успех, кстати, наполнил британские газеты бурным ликованием: русские могут бить немцев!

Отходя от границы, 99-я дивизия попала в окружение с остатками 6-й и 12-й армий в лесу, что называется Зеленая Брама. Здесь разразилась одна из самых страшных трагедий Великой Отечественной: бои в окружении и отчаянные попытки прорыва; многим солдатам довелось пройти через плен и концлагерь под названием «Уманская яма». Евгений Долматовский — тот самый, что написал песню «Любимый город может спать спокойно», — воевал в Зеленой Бrame и был тяжело ранен. После всего пережитого он, москвич, в том же 1941-м написал «Песню о Днепре», слушая которую солдаты-украинцы заливались слезами.

Через много лет после войны Долматовский вспомнил события 1941-го в книге «Зеленая Брама». После первого ее издания он получил много писем; некоторые из писем были приведены во втором ее издании. Есть в книге и упоминание про 97-й погранотряд:

«Бывший пограничник с 12-й заставы 97-го погранотряда Николай Арсеньевич Базанов, живущий ныне в городе Калинине, вспоминает, как восемь суток держались на рубеже страны его товарищи, как отходили последними, как бы отодвигая временно границу в глубь страны, как уничтожали вражеские десанты. В схватке с диверсантами пограничник был ранен в голову и пришел в себя в медпункте № 47, дислоцировавшемся в клубе села Подвысокое. Это было в конце июля» (Долматовский Е.А. Зеленая Брама. М., 1985. С. 206).

Конец июля — это много позже даты создания Суворовым — Резуном «чекистских армий».

Село Подвысокое, что упоминает Долматовский, находится недалеко от Умани. Госпиталь был захвачен немцами, многие пограничники тогда попали в плен.

«Пленному начальнику заставы 97-го Черновицкого погранотряда Андрею Михайловичу Грабчаку, когда его гнали в колонне на работу, неизвестная женщина передала сверток со штатской одеждой. Он сумел тут же переодеться и «утечь», растворившись в толпе... Перешел фронт, а в конце сорок третьего вернулся: его выбросили с самолета в район Житомира. Он вскоре отличился как партизанский командир, бесстрашно действовал и заслужил звание Героя Советского Союза» (там же. С. 188—189).

Остатки 97-го погранотряда вырвались из окружения. Какое-то время отряд еще встречается в документах, последний раз — в середине сентября, когда пограничники ночью проникли в немецкую танковую дивизию и, завязав бой, замедлили ее продвижение. Отходящие части Красной Армии смогли оторваться от противника, но погранотряд погиб...

97-й погранотряд был расформирован приказом наркома внутренних дел только 25 сентября 1941 года, когда уже фактически перестал существовать. К исходу сентября такая же трагедия постигла 2, 12, 20, 32, 83, 86, 88, 94, 95, 105, 106 и 107-й погранотряды — половину погранотрядов западной границы. 25 сентября и они были расформированы.

Остальные погранотряды к концу сентября находились уже в составе действующей армии. 22-й погранотряд вырвался на восток с остатками 99-й дивизии, 2-й и 23-й погранотряды воевали в составе 48-го стрелкового корпуса, а в смоленских и брянских лесах сражались 13, 16 и 83-й погранотряды. Пограничники 91, 92, 98-го отрядов и немногие уцелевшие из 94-го (остальным стоит памятник на дороге Попельня—Сквира) вырвались из окружения под Киевом и вошли в состав 21-й армии.

26 сентября 1941 года — много позже времени создания Суворовым — Резуном «чекистских армий» — сохранившиеся погранотряды западной границы и прочие погранчасти были сведены в пограничные полки и были пополнены новобранцами. На этом героическая история погранотрядов, первыми принявших натиск фашистской Германии, завершилась.

ЛЕДОКОЛОМ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ И РАЗГИЛЬДАЙСТВУ

Суворов — Резун написал много книг. И не все в них — ложь. Встречается просто незнание предмета. К примеру, в книге «Аквариум» у него фигурирует некто Челамай:

«Я нашел себе друга. Он перечитал все книги про Цандера, Циолковского, Королева. Говоря и о них, он говорил и о тех, о ком еще нельзя было писать книг: о Янгеле, Челамее, Бабакине, Стечкине. Я слушал».

Подобные откровения Суворова — Резуна говорят о его малограмотности. «Челамай» никогда не было. Был ракетчик Челомей, в свое время репрессированный.

Но в «Аквариуме» вопросов техники Суворов — Резун касается лишь мимоходом. В «Ледоколе» он принимается о ней рассуждать, и его безграмотность в этой сфере — именно безграмотность, а не подлости — фонтирует, как ближневосточная нефть:

«БТ — это танк-агрессор. Потрясающие агрессивные характеристики танков БТ были достигнуты также за счет уникальной ходовой части. БТ на полевых дорогах двигался на гусеницах, но, попав на хорошие дороги, он сбрасывал тяжелые гусеницы и дальше несся вперед на колесах как гоночный автомобиль... БТ создавался для действий только на иностранных территориях, причем только таких, где были хорошие дороги... Советские дивизии и корпуса, вооруженные танками БТ, не имели в своем составе автомобилей, предназначенных для сбора и перевозки сброшенных гусеничных лент: танки БТ после сброса гусениц должны были завершить войну на колесах, уйдя по отличным дорогам в глубокий тыл противника...»

Полное незнание предмета. После снятия гусениц с танка БТ их укладывали на надгусеничные полки. Такие полки были и на танках Кристи, и на танках БТ. Наличие каких-то отдельных «грузовиков для гусениц» н и к о г д а не предусматривалось.

К слову, это хорошо известно. Мне даже как-то неудобно повторять общеизвестные факты. Суворов — Резун вообще опровергается элементарно. Я уверен, что если бы он знал про надгусеничные полки, то конечно же не стал бы так подставляться.

Теперь насчет «уникальной» ходовой части. Я думаю, здесь Суворов — Резун тоже показывает лишь одно незнание. У БТ никогда не было «уникальной» ходовой части. Во-первых, ходовая часть БТ **заимствована** у американца Кристи. Во-вторых, колесно-гусеничный движитель **еще до появления** танков БТ использовали при создании танков в Англии (фирмой «Виккерс»), во Франции (фирмой «Сен-Шамон»), в Чехословакии (компанией «Шкода»), в Швеции (фирмой «Лендсверк»), в Америке (компанией «Каннингем»). Создавали опытные образцы колесно-гусеничных танков и в Польше. Работавший в Чехословакии немец Н. Фольмер создал КН-50 и КН-60.

Все эти попытки были предприняты в 20-х — начале 30-х годов. Колесно-гусеничный движитель оказался сложен и ненадежен, и от этой конструкторской идеи в большинстве случаев отказались. Сложен и ненадежен был и танк Кристи, что приобрел Советский Союз. Ломалась коробка передач, рвались гусеницы, сложен в производстве и ненадежен в эксплуатации был весь колесно-гусеничный движитель. СССР — страна больших пространств, и в конце 20-х — начале 30-х годов танковые гусеницы служили недолго. Тут и впрямь следом за танками нужно было пускать грузовики с гусеницами. К тому же гусеничные танки разрушали дороги.

И потому от колесно-гусеничного движителя в СССР не отказались. Ходовую часть улучшили, но она все равно продолжала быть сложной и ненадежной.

На руководство танковыми силами РККА еще оказывало влияние и то, что в Англии существовала доктрина «крейсерского», а в США — «кавалерийского танка», отличавшихся высокими скоростными качествами. Такие танки, как предполагалось, должны были входить в прорыв и стремительно заходить в тыл противнику, на манер конницы. Концепция стремительных прорывов возникла в Англии, в конце 20-х годов. Однако англичане исправно платили американцам долги, в которые влезли в Первую мировую, и потому ограничивались по большей части теоретическими изысканиями. Тем не менее сторонники «крейсерских танков» для проверки своих конструктивных идей добились-таки создания в 1927 году первого экспериментального соединения.

В конце Первой мировой идея быстроходного танка вдохновила американского изобретателя Кристи, и он создал ряд довольно удачных быстроходных колесно-гусеничных машин. С середины 30-х англичане решили выпускать «крейсерские танки» на основе танка Кристи, но первая же экспериментальная колесно-гусеничная машина развила столь большую скорость, что слетела с дороги и врезалась в дерево, и потому англичане сочли за благо изготавливать только гусеничные машины, хотя и с ходовой частью танков Кристи.

За концепцию «крейсерских танков» англичане продолжали держаться всю войну. К примеру, серийное производство крейсерского танка

«Комет» началось в 1944 году, на вооружении британской армии эти танки находились до 1969 года.

Ученики англичан, немцы, полностью разделяли доктрину стремительных прорывов. Но когда немцы попытались приобрести у Кристи его танк, американец указал им на дверь.

Русским Кристи на дверь не указал. Танк был куплен и внимательно изучен. Созданный на его основе БТ-2, несмотря на его недостатки, советским военным полюбился: за свою поистине кавалерийскую стремительность.

Перед войной политику в танках задавал глава Автобронетанкового управления (АБТУ) Д.Г. Павлов — тот самый, что в июне 1941 года будет возглавлять Западный фронт и после страшного разгрома этого фронта будет расстрелян. Создатель пушки для танка Т-34 В.Г. Грабин описывал свой визит к Д.Г. Павлову следующим образом:

«Встретил он меня любезно. Я изложил ему наши выводы, вытекающие из анализа танкостроения и пушечного вооружения, познакомил с таблицей перспективного вооружения средних и тяжелых танков, обратил особое внимание на то, что, по нашим заключениям, каждый тип танка необходимо вооружить пушками соответствующего калибра: калибр и мощность пушки тяжелого танка должны быть выше, чем калибр и мощность пушки среднего танка; орудия среднего танка должны быть классом выше по мощности и калибру, чем орудия легкого танка.

Павлов внимательно выслушал меня, познакомился с таблицей, а затем сказал, что калибр и мощность пушки влияют на габариты и вес танка, а следовательно, на уменьшение его скорости.

— Если требуется увеличить скорость, — заметил я, — нужно ставить на танк другой, более мощный двигатель.

— Такой двигатель не всегда есть, — возразил Павлов. — Кроме того, — продолжал он, — у мощной пушки длинный ствол. А длинный ствол для танковой пушки опасен, так как при движении танка через ров или кювет ствол может зачерпнуть землю. При выстреле это может вызвать разрыв ствола.

Несколько раз Павлов подчеркнул, что главное в танке — скорость, а не огонь пушек. Главным достоинством машины считалось то, что она могла, быстро перемещаясь и используя складки местности, вырваться на вражеские позиции, не подвергая себя большой опасности.

Сидящий передо мной начальник АБТУ не допускал и мысли, что на поле боя кто-то почему-то сможет помешать ему влететь со своими конями-танками на позиции врага и там все проутюжить гусеницами. В процессе беседы я несколько раз пытался напомнить ему, что и противник имеет артиллерию и танки. К тому же танки противника находятся в более выгодных условиях, чем наступающие танковые эскадроны корпуса Павлова, — они в любую минуту готовы к открытию огня и манев-

ру. Ошибочно думать, что противник в нужный момент не использует артиллерию и танки против наступающих.

Таким образом, наступающим танкам придется не только «утюжить гусеницами» убегающего противника, но и преодолевать огонь артиллерии и отражать контратаки танков противника. А здесь мало гусениц и быстроходности, нужны мощные пушки.

Долго продолжался наш разговор. Комкор Павлов твердо отстаивал свою теорию использования танков в бою. Мои доводы были для него неубедительны, а на мое утверждение, что наши танки со слабым пушечным вооружением бесперспективны, он и вовсе не отреагировал» (Г р а б и н В.Г. Оружие победы. С. 342—343).

Таким образом, тактика применения танков виделась руководителю Автобронетанкового управления совсем не такой, как ее пытается представить Суворов — Резун. Быстроходный танк должен был, пользуясь складками местности (не на шоссе), стремительно сблизиться с противником, ворваться на его позиции и начать давить пехоту и артиллерию. То, что танку придется бороться с танками противника, бывшему кавалеристу Павлову в голову не приходило.

Немцы же видели в танке не «коня», а «носителя пушки»: 75-мм, осколки которой разят пехоту, пулеметные гнезда и артиллерийские расчеты; 50-мм, поражающей бронетехнику; 20-мм автоматической, уничтожающей легкобронированные цели и пехоту. Немецкая теория была основана на научно-техническом анализе, теория же комкора Д.Г. Павлова — на четырех классах начальной школы, что он сдал экстерном, и на личном кавалерийском опыте.

Тактика применения танков Д.Г. Павлова вызывала сомнения не только у В.Г. Грабина. Вернувшийся из Испании танкист А. Ветров делал в Кремле доклад по поводу применения танков БТ-5 в Испании. Вот как он описывал позднее это в своей книге:

«Высказав удовлетворение тем, что наше замечание, касающееся замены бензинового двигателя дизелем, учитываются промышленностью, я от имени однополчан попросил присутствующего в зале танкового конструктора М.И. Кошкина и остальных конструкторов увеличить бронезащиту танков, сделав ее снарядостойкой, повысить надежность коробки передач, фрикционов, кривошипов ленивца и других узлов и механизмов. Сидящие в зале военные одобрительно кивали. Представители же промышленности хмурились и с опаской поглядывали на Сталина.

После того как я обосновал необходимость увеличения запаса хода и высказал пожелание в целях экономии моторесурсов танков перевозить последние на специальных танковозах, Сталин спросил:

— Расскажите, как показала себя в испанских условиях ходовая часть танков, и в частности система колесного хода?

Должен признаться, что этот вопрос озадачил меня. Очень уж не хотелось раскрывать разногласия в оценке колесно-гусеничного движителя, и я, по-видимому, не совсем убедительно охарактеризовал его, сказав при этом, что мои однополчане высказались за колесно-гусеничный ход.

Но последовал следующий вопрос:

— Какого же мнения придерживаетесь вы? Большинства?

— Нет, я сторонник чисто гусеничного танка, — после некоторого колебания ответил я.

— Почему?

— Потому что сложная и далеко не совершенная комбинация колесного и гусеничного движителя ненадежна. Потому что сравнительно высокий, узкий и недостаточно устойчивый танк не может развивать на колесах большую скорость без угрозы опрокидывания даже на небольших поворотах. И наконец, потому, что при движении колонны танков со снятыми гусеницами по шоссе колеса оставляют глубокую колею. Особенно большому разрушению подвергаются асфальтовые дороги в жаркую погоду.

...Выступавшие после перерыва ораторы, в том числе и военные, расхваливали рассматриваемый образец танка, особо подчеркнув его колесно-гусеничный движитель и решительно отвергая «изживший себя гусеничный вариант». Испанский опыт, говорили они, в этом отношении не типичен» (В е т р о в А. Волонтеры свободы. С. 208).

Однако И.В. Сталин им не поверил и распорядился наряду с колесно-гусеничным танком разработать и чисто гусеничный вариант, чтобы потом сравнить характеристики обоих танков. Этот гусеничный вариант получил название А-32, затем — Т-32, ну а после доработок он и стал легендарным Т-34...

Вот такой в общих чертах была история с танками БТ. Суворов — Резун о ней не знает и потому несет чушь о грузовиках для гусениц.

К слову обозначение «А» означает не «автострадный», как считает Суворов — Резун, а является внутриваровским обозначением ХПЗ. А-32, А-43 и А-44 были чисто гусеничными танками и имели сравнительно небольшую скорость хода.

«Достижений Кристи не оценил никто, кроме советских конструкторов».

Это неверно. Английские «крейсерские танки» тоже имели своей основой танк Кристи.

«Американский танк был куплен и переправлен в Советский Союз по ложным документам, в которых он числился сельскохозяйственным трактором».

На самом деле госдепартамент США разрешил вывоз танка — нелегально же был вывезен «летающий танк» Кристи М. 1932, не имеющий к БТ-2 никакого отношения.

«В Советском Союзе «трактор» выпускался в огромных количествах под маркой БТ — быстроходный танк».

Насчет «огромных количеств». Английских «крейсерских танков» было построено примерно столько же, сколько и БТ: 1365 «Ковенанто-ров», 4300 «Крусайдеров», 500 «Кромвеллов» и 950 «Сенторов».

«Первые БТ имели скорость 100 км в час. Через 60 лет каждый танкист позавидует такой скорости».

Не позавидует, поскольку на скорости выше 60 километров танки БТ теряли управление, так что скорость их передвижения ограничивали. Танкисты-то сидели не в креслах, и быстрое передвижение создавало неудобства. К тому же высокий корпус, как говорил Ветров, на поворотах создавал угрозу опрокидывания.

«Советские источники дают цифру 86 км/час, иногда даже 70. Объяснение простое: на советских дорогах слишком мощный двигатель рвал силовую передачу, поэтому приходилось ставить ограничитель мощности. При действии на автострадах ограничитель можно было просто снять... Лучшие западные испытания танков БТ дают скорость не 70 км/час, а 70 миль/час».

Проверим.

Согласно журналу «Танко Мастер, 4, 1997» на сравнительных испытаниях летом — осенью 1940 г. танк БТ-7 на колесах показал на гравийном шоссе 68,1 км/час, а немецкий Т-III — 69,7 км/час.

Просветив доверчивого читателя насчет танка БТ, Суворов — Резун переходит к авиации.

«А вот что думает по поводу «старья» британский летчик Альфред Прайс, который в своей жизни летал на сорока типах самолетов и провел в воздухе более 4000 часов. Его мнение об «устаревшем» советском истребителе: «Наиболее мощное вооружение среди серийных истребителей мира в сентябре 1939 года имел русский И-16 конструктора Поликарпова...»

По огневой мощи И-16 в два раза превосходил «Мессершмидт-109Е» и почти в три раза «Спитфайр-1». Среди всех предвоенных истребителей мира И-16 был уникален в том смысле, что только он один имел броневую защиту вокруг пилота».

Начнем с того, что самолета «Мессершмидт» никогда не существовало в природе. Был «Мессершмитт», названный в честь немецкого авиа-конструктора В. Мессершмитта.

Это замечание по форме, а теперь — по сути. На самом деле истребитель И-16 (начиная с типа 4) имел лишь бронеспинку. Истребители более ранних выпусков не имели даже ее. Усиленное бронирование было только на варианте И-16, который использовался в качестве штурмовика. У штурмовика было и мощное вооружение, но это был лишь штурмовик. Броня и вооружение «съели» скорость, и быть истребителем штурмовик никак не мог.

Я думаю, англичанин просто не знает этих деталей. Но вот сравнивая И-16 1939 года выпуска с самолетом «Мессершмитт-109Е», появившимся в 1938-м, английский летчик делает явный подлог. Английскому

пилоту следовало бы сравнить И-16 1939 года с модификацией «Мессершмитта-109Е» 1939 года — с «Мессершмиттом-109ЕЗ», который имел два пулемета и две крыльевые 20-мм пушки (выпускался «Мессершмитт-109ЕЗ» даже с тремя пушками). В 1938 году «Мессершмитт-109Е» с одной пушкой и двумя пулеметами (или с четырьмя пулеметами) за счет высокой скорости весьма успешно бил советские самолеты И-16 типов 5 и 10, которые имели четыре пулемета. Только после поражения республиканцев, в 1939 году, появился И-16 (Тип 24) с более мощным мотором М-62, двумя пушками 20 мм и двумя пулеметами 7,62 мм.

Вооружение «Мессершмитта» и И-16 в 1939 году было примерно одинаковым, а в скорости И-16 значительно уступал. Серийный «Мессершмитт-109» делал в 1939 году 570 километров в час, а И-16 — только 525. Вступая в бой с немцем, советский пилот был практически обречен.

Говоря т о л ь к о о вооружении, англичанин и вслед за ним Суворов — Резун, явно лукавят.

Любопытно, что в том же 1939 году, когда появился истребитель И-16 (Тип 24), в США был создан самолет Р-39 «Эркобра» с пушкой в 37 мм и четырьмя 12,7-мм пулеметами. Напомним, что в то время немецкие противотанковые пушки имели калибр 37 мм. Но этого самолета ни английский летчик Альфрейд Прайс, ни сотрудник английских спецслужб В. Резун словно и не заметили!

Что же Суворов — Резун заметил?

«Надо добавить еще, что советские конструкторы уже создавали единственный в мире самолет с бронированным корпусом — настоящий летающий танк Ил-2, который имел сверхмощное, по любым стандартам, вооружение, включая 8 реактивных снарядов».

Не зная предмета, Суворов — Резун выдумывает собственные термины. У самолета есть не корпус, а фюзеляж. У самолета Ил-2 был бронирован не весь фюзеляж, а только передняя его часть — как и у немецких штурмовиков «Фокке-Вульф FW-189 V-1» и «Хеншель Hs-129 V-1», появившихся в том же 1939 году, что и прототип Ил-2 — опытный самолет ЦКБ-55 № 1.

Таким образом, Ил-2 не был «единственным в мире самолетом с бронированным корпусом».

«В начальном варианте Ил-2 был двухместным: летчик ведет самолет и поражает цели, за его спиной стрелок прикрывает заднюю полусферу от атак истребителей противника. Ильюшину позвонил лично Сталин и приказал стрелка с пулеметом убрать, Ил-2 выпускать одноместным. Ил-2 нужен был Сталину для ситуации, в которой ни один истребитель противника не успеет подняться в воздух...»

Это конечно не так. Вопрос о заднем стрелке решали представители ВВС по результатам летных испытаний, которые производил в 1938 году летчик В.К. Коккинаки. Прототип Ил-2, ЦКБ-55, имел пло-

хих характеристики: скорость у земли — 362 км/ч, на высоте 5000 м — 422 км/ч, дальность с нормальной бомбовой нагрузкой — 618 км.

Поскольку характеристики были плохими, было принято решение доработать самолет.

Чтобы повысить скорость, мотор был лишен нагнетателя, что снизило высотность (нагнетатель забирает часть мощности двигателя). Для увеличения же дальности запас патронов для пушки был снижен вдвое. На месте заднего стрелка был установлен дополнительный бензобак. Защиту самолета с хвоста должны были взять на себя истребители.

Переделанный самолет, получивший название ЦКБ-57, показал 423 км/ч у земли и 437 км/ч на высоте 2500 м, что для того времени было весьма неплохо. Дальность возросла до 850 км.

Уже в ходе боев выяснилось, что истребители прикрывают самолеты Ил-2 плохо. Летчики писали в Ставку письма вроде следующего:

«Наркому обороны товарищу Сталину

...Основной недостаток самолета в том, что он сзади совершенно незащищен против истребителей... Ссылка на то, что это слабое место компенсируется прикрыванием истребителями, себя очень мало оправдывает. В основном штурмовик действует по переднему краю обороны и с малой высоты, и если за ним пойдут наши истребители, то они будут нести большие потери от ружейно-пулеметного огня, которым передний край насыщен очень сильно.

Практически в большинстве случаев наши истребители над целью ходят на высоте 1000—1500 метров и зачастую даже теряют штурмовиков из виду, а в это время на малых высотах — от бреющего до 100 метров — истребители противника атакуют наши самолеты. Часто противник имеет две группы истребителей, одна на высоте завязывает бой с нашими истребителями, а другая охотится за штурмовиками.

Вывод: необходимо сзади летчика (куда садится техник при перелетах) сажать стрелка с пулеметом...

Штурман 243 ШАП, капитан *Коваль Е.П.*».

Опять же этот вопрос решали представители ВВС, по результатам конференции фронтовых летчиков по обмену опытом боевого использования штурмовиков, состоявшейся в начале 1942 года. Когда пожелания фронтовиков были доложены Сталину — он вызвал конструктора:

— Делайте, что хотите, но конвейер останавливать не разрешаю. Немедленно дайте фронту двухместные самолеты!

Заднего стрелка на штурмовик вернули — и скорость Ил-2 упала до 380—396 км/ч у земли, 414—426 км/ч на высоте 2500 м; дальность снизилась до 740 км. Чтобы хоть немного вернуть самолету его прежние характеристики, двигателям пришлось форсировать его мотор.

Показав незнание в танках и авиации, Суворов — Резун переходит к минному делу.

«Вот маршал Советского Союза Г. Кулик (тайно прибывший в Белоруссию) разговаривает с полковником Стариновым, который тогда был начальником отдела заграждений и минирования Главного инженерного управления РККА: «Миноискатели давай, сапер, тралы давай!» (Мины ждут своего часа. С. 179). А ведь маршал о германской территории говорит: на советской территории уже все мины обезврежены и заграждения сняты».

Суворов — Резун не знает следующего:

1) Заграждения не были сняты. Командующий 3-й танковой группой Г. Гот, перешедший границу в Белоруссии, писал:

«57-й танковый корпус натолкнулся в этой лесистой и богатой озерами местности на многочисленные обороняемые препятствия и заграждения, которые сначала сильно задерживали продвижение 12-й танковой дивизии» (Г о т Г. Танковые операции; Г у д е р и а н. «Танки — вперед!» С. 58).

2) На советской территории мины не обезвреживались, поскольку их просто не ставили.

«Серьезным недостатком обороны приграничных районов в инженерном отношении явилось отсутствие минно-взрывных заграждений, которые по приказу наркома обороны разрешалось устанавливать лишь в «мобилизационный период» (А н ф и л о в В. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. С. 78).

3) Маршал говорил о миноискателях и тралах правильно: миноискателей в Красной Армии не было — совсем! — вплоть до финской войны. Тралов — на базе танка Т-26 — было немного. В любой оборонительной войне, как известно, войска иногда и наступают; не знает этого только один Суворов — Резун.

К слову, в сочетании «Маршал Советского Союза» все слова пишутся с заглавных букв.

«Но интересная вещь: в оборонительной войне вопросам разграждений вообще не надо уделять никакого внимания. Надо создавать только заграждения и, опираясь на них, изматывать противника, а затем быстро отходить к другой, заранее подготовленной, линии заграждений».

От такого видения войны просто волосы встают дыбом, и становится по-настоящему страшно. Суворов — Резун учился в Киевском высшем общевойсковом командном училище. Как же готовили наших офицеров, если их понимание войны — где-то на уровне рядового бойца?.. Это рядовому объясняют, что в обороне отделение защищает первую линию обороны, а по приказу отступает на вторую, а потом на третью.

Офицер же должен знать, что оборона — это сложный вид боевых действий, имеющий массу вариантов. К примеру, немецкие уставы предусматривали после отражения атаки противника переход в контратаку (чтобы захватить подбитую технику и добить раненых — у немцев для такого добивания были специальные отряды СС и отряды полевой жандармерии).

Офицер — если он офицер, а не рядовой, — должен знать и то, что с появлением танков оборона носит маневренный характер. Во время советского удара под Харьковом обороняющиеся немцы пропустили советские войска в тыл, а затем двумя ударами перерубили горло мешка.

Попытаемся представить себе оборону по Резуну. Немцы осуществляют свой коронный прием: бронированным кулаком в 200—250 танков прорывают фронт на участке 15—20 километров и заходят в тыл всему фронту. Что сделал бы Суворов — Резун? Отошел бы «к другой, заранее подготовленной линии заграждений»? Где он ее найдет? Такой прорыв необходимо ликвидировать незамедлительной контратакой, — иначе танковый кулак врага уйдет очень далеко.

Но больше всего отсебятины Суворов — Резун вносит все же не по своей удивительной неграмотности в военном деле, а сознательно. Это уже подлоги. Сделаны они примитивно. Вот, к примеру, как незатейливо он перевирает книгу Е.Г. Решина «Генерал Карбышев»:

«Из Москвы на западную границу собрался весь цвет военно-инженерной мысли, включая генерал-лейтенанта инженерных войск профессора Д.М. Карбышева. Уезжая из Москвы в начале июня, он заявил своим друзьям, что война уже началась, и договорился встретиться с ними после победы и не в Москве, а «на месте победы».

Казалось бы, Суворов — Резун вскрыл читателю захватнические устремления вождя Сталина. Вождь хотел начать войну; мало того, «война уже началась».

Но обратимся к книге Решина:

«Дмитрий Михайлович снова начал говорить о бушующей войне, о возникновении новых взглядов и положений в тактике инженерных войск.

— Едва ли, — произнес он, — кто-либо из здравомыслящих советских людей думает, будто война на западе нас не касается, что у нас будет процветать мир, тишь, благодать. Нет, мы понимаем, что на самом деле война началась и для нас — настоящая, ужасная война. Ведь фашисты войну не объявляют» (Решин Е.Г. Генерал Карбышев. М., 1971. С. 191).

Из этого отрывка достаточно ясно, с кем Карбышев связывает начало войны.

Почему же Суворов — Резун прибегает к столь примитивным подтасовкам? А потому что аргументов у него нет. Так что, когда Суворов — Резун ссылается на какую-либо книгу (не цитируя), можно с уверенностью сказать, что в книге вы найдете прямо противоположное тому, что он утверждает.

«Прибыв на западную границу, он развернул кипучую деятельность: присутствовал на учениях по форсированию водных преград (что в оборони-

тельных боях не требуется) и по преодолению новейшими танками Т-34 противотанковых препятствий (что тоже в оборонительных боях не нужно)».

Ну что ж, обратимся опять к книге Решина.

«Карбышев приехал в Минск 9 июня 1941 года и, устроившись в гостинице, отправился в штаб Белорусского особого военного округа к командующему войсками генералу армии Д.Г. Павлову.

Павлов вызвал в кабинет начальника инженерного управления округа генерал-майора инженерных войск Петра Михайловича Васильева и предложил подробно ознакомить Карбышева с состоянием укрепленных районов и других оборонительных сооружений округа...

Карбышев начал свой объезд западной границы с Гродненского укрепленного района, наиболее важного для прикрытия западных границ...

В состав Западного особого военного округа тогда входили четыре укрепленных района. После Гродно предстояло побывать в Осовце, Замбровске и Бресте.

В Гродно Карбышев выехал незамедлительно, в день своего приезда в Минск... На следующий день... Карбышев осмотрел и оборонительные сооружения на подступах к Гродно. Его особенно заинтересовали сохранившиеся со времени Первой мировой войны полуразрушенные укрепления — старые редуты, расположенные в районе Августовского канала в радиусе 15—20 километров от Гродно...» (Т а м ж е . С. 199—204).

Прервем цитирование. Решин пишет про оборонительные сооружения — Суворов — Резун ухитрился всего этого не заметить. Что же он заметил? Танки Т-34, преодолевающие укрепления.

Были такие танки?

Обращаемся к книге Решина.

«Во время случайной остановки машины Карбышев попросил лейтенанта Митропольского посмотреть наброски, которые он сделал в блокноте по пути. Это были схемы противотанковых препятствий.

— Вот эти схемы, лейтенант, я прошу вас вычертить, а потом надо будет построить на чертеже сооружения в натуре.

Рассмотрев схемы, Митропольский высказал пожелание, чтобы постройка опытных противотанковых препятствий была поручена учебному взводу полковой школы 23-го инженерного полка, на что Карбышев дал согласие.

Через несколько дней учебный взвод полковой школы приступил к строительству этих противотанковых препятствий на танкодроме, который находился в 12 километрах от Гродно.

Карбышев часто приезжал туда, внимательно знакомился с ходом работ, вносил поправки и дополнения.

Наступил день испытаний. На танкодроме кроме Карбышева были офицеры штаба армии и дивизий. Проверку противотанковых препятствий производили тщательно, причем оказалось, что одни танки

садились на низкие надолбы перед основным сооружением, другие преодолевали их, но застревали между заборными стенками.

К Карбышеву подошел командир дивизии и сказал, что преодолеть препятствия все-таки можно. Есть у него такой водитель танка.

Карбышев был этому очень рад. И вот танк Т-34 взревел, набирая скорость. На подходе к противотанковому препятствию машина взяла некоторый угол и, используя низкие надолбы как опору для гусениц, поднялась на заборную стенку, перевалилась через нее и спокойно перешла препятствие.

Этого никто не ожидал. Карбышев был поражен. Он подошел к механику-водителю танка, крепко пожал ему руку и подарил на память свои часы.

После этого по заданию Карбышева сделали много новых чертежей и возвели в натуральную величину различные варианты конструкций противотанковых препятствий. Во время испытаний у танкистов было немало неудач, но благодаря этому нашли надежную конструкцию противотанковых препятствий» (там же. С. 207).

Ну что в этом отрывке говорит о наступательном замысле Сталина?

Да ничего.

И потому Суворов — Резун делает подлог, говоря о якобы проходивших «учениях» по преодолению танками Т-34 противотанковых препятствий, «что в оборонительных боях не нужно».

Ну а что написано у Решина о присутствии Карбышева на «учениях по форсированию водных преград»?

А ничего! Это тоже подлог Резуна.

В книге читаем следующее:

«Во время осмотра Алитусского шоссе-моста через Неман Карбышев встретился со своим бывшим слушателем по Военной академии имени М.В. Фрунзе майором Т.Б. Кублицким, который со штабом полка находился на полевом учении в пограничной полосе Прибалтийского особого военного округа».

Поскольку Карбышев и сопровождавшие его офицеры собирались обедать прямо на траве, Карбышев пригласил Кублицкого присоединиться к трапезе.

«Когда обед кончился, Кублицкий, получив разрешение Карбышева на дальнейшее выполнение задания, поспешил к своим товарищам и поделился всем услышанным от Дмитрия Михайловича».

Все!!! Об учениях больше ни слова.

Суворов — Резун, пересказывая, попросту перевирает книгу Е.Г. Решина. Только один раз он ее все же цитирует:

«21 июня он выехал в 10-ю армию. Но «перед этим Карбышев с комендантом Грозненского УРа полковником В.И. Кузнецовым и комендантом

Гродненского УРа полковником Н.А. Ивановым побывали на погранзаставе. Вдоль границы, у дороги Августов — Сейно, еще утром стояли наши проволочные заграждения, а когда они проезжали вторично, заграждения оказались снятыми» (Е.Г. Решин. Генерал Карбышев. С. 204)».

Меня эта цитата озадачила. В книге Е.Г. Решина действительно есть такие слова. Но кроме этой странной фразы, ни один документ не говорит, что Сталин готовил удар! Слова Е.Г. Решина противоречат всем материалам о 1941 годе!

Весьма удивленный, я внимательно взялся за книгу Решина — и опять нашел хитрый финт Суворова — Резуна! Далее в книге Решина идет описание событий утра 22 июня 1941 года:

«Гитлеровцы разрушили наши проволочные заграждения и на участке Сопочкино—Августово прорвались на советскую землю» (там же. С. 211).

То есть проволочные заграждения были.

Но почему же они оказались снятыми?

У Решина дословно:

«...Еще утром стояли наши проволочные заграждения, а когда они проезжали вторично, заграждения оказались снятыми.

На погранзаставе командующему армией доложили, что ночью по ту сторону границы было тихо и рокота танковых моторов не слышно».

Вот потому-то заграждения, видимо, и убрали. Но, как оказалось, тишина была обманчивой: «Очевидно, к этому времени сосредоточение немецко-фашистских войск было закончено».

Об этом разведка узнала довольно быстро:

«В штабе 3-й армии Дмитрию Михайловичу сообщили неутешительные вести. Наша разведка установила, что к 21 июня немецкие войска сосредоточились на восточно-прусском, млавском, варшавском и демблинском направлениях. Основная часть войск находилась в тридцати километрах от пограничной полосы».

Вот после этого, возможно, заграждения появились вновь.

Но это лишь мое предположение — точных сведений я не знаю. Точно я знаю только то, что нельзя цитировать текст книги с сокращениями, меняющими смысл.

Но продолжим разбор книги Суворова — Резуна.

«Советские заводы прекратили выпуск оборудования для фортификационных сооружений. Существующие УРы были разоружены; вооружение, боеприпасы, приборы наблюдения, связи и управления огнем были сданы на склады (ВИЖ. 1961. № 9. С. 120)».

Открытия поразительные.

УРы на новой границе не были разоружены; их, наоборот, усиливали — в том числе и за счет вооружений укреплений старой границы. Вооружали и некоторые укрепления старой границы.

Советская промышленность в 1940-м продолжала выпуск фортификационных сооружений для УРов. Первые установки Л-17 были смонтированы в июне 1940 года в Каменец-Подольском укрепрайоне — к слову, укрепрайону старой границы.

Завод № 8 — завод, что делал 45-мм орудия для танков, — производил 45-мм орудия для установок ДОТ-4. Броневые корпуса и ряд других деталей для ДОТ-4 делал Ижорский завод. Всего в 1940 году для капонирных установок было заказано 500 45-мм пушек. На 26 июня 1940 года в войска было отгружено 307 установок ДОТ-4 1939 года изготовления и 103, изготовленных в 1940 году. Из них в Каменец-Подольском укрепрайоне было установлено 12 систем, в Гродно — 24, в Осовце — 24, в Брест-Литовске — 24, во Владивостоке — 55 и т.д.

Перед самой войной Сталин дал указание остановить производство всех 45- и 76-мм орудий, а поскольку капонирные орудия были именно 45- и 76-мм, выпуск остановился. Но Сталин дал свое распоряжение не потому, что жаждал напасть на Германию. Получив сведения о появлении у немцев тяжелых танков, Сталин отдал распоряжение о производстве 107-мм орудий — танковых, артиллерийских и капонирных. Капонирным 107-мм ЗИС-8 орудием занимался Грабин; работа не была доведена до конца из-за начала войны.

Суворов — Резун этого не знает и потому пишет:

«Кроме прекращения производства вооружения для УРов советская промышленность после начала Второй мировой войны прекратила производство и многих других систем вооружения. Так, например, было полностью прекращено производство противотанковых пушек и 76-мм полковых и дивизионных пушек, которые можно было использовать в качестве противотанковых (ВИЖ. 1961. № 7. С. 101; ВИЖ. № 2. С. 12)».

Начнем с того, что выпуск 57-мм противотанковых орудий ЗИС-2 (см. вклейку) начался с 1 июня 1941 года, до войны.

«Первые орудия ЗИС-2 валового производства с нашего завода поступили в войска еще до начала Великой Отечественной войны» (Грабин В.Г. Оружие победы. С. 439). Я думаю, про эту пушку и про эту дату Суворов — Резун просто не читал. Противотанковая 57-мм пушка ЗИС-2 была призвана заменить противотанковую 45-мм пушку, которую она превосходила в мощности в четыре раза (см. т а м ж е . С. 404). Это было своевременной мерой, поскольку в первый же день немцы применили тяжелобронированные танки.

Теперь коснемся 76-мм дивизионных пушек Ф-22 УСВ. Их производство с 1 января 1941 года было прекращено по одной простой причине: промышленность выполнила заявку армии. По штату каждой дивизии положено определенное количество пушек; представители армии сочли, что дивизии укомплектованы полностью.

Что касается 76-мм полковых пушек образца 1927 года, то их история несколько сложнее. Полковые пушки, как известно, много легче

дивизионных — с ними проще и наступать, и обороняться. Однако легкость этих пушек обеспечивалась малой длиной ствола, поэтому усиление бронирования танков сделало эти пушки бесполезными.

Б.Л. Ванников вспоминал:

«За несколько месяцев до Великой Отечественной войны Наркомату вооружения (и мне, как его руководителю) пришлось пережить серьезные испытания. В начале 1941 г. начальник ГАУ Г.И. Кулик сообщил нам, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия калибра 45—76 мм окажется против нее неэффективной. К тому же немецкие танки-де будут иметь пушки калибром более 100 мм. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76 мм всех вариантов. Освобождавшиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107 мм, в первую очередь в танковом варианте» (Ванников Б.Л. Выигранные сражения // Кузница победы. М., 1980. С. 141).

«Я пытался возражать, — пишет Ванников, — но Сталин меня остановил и заявил, что мои возражения ему известны и что нами руководит нежелание перестраиваться на новое изделие, продиктованное ведомственными интересами в ущерб государственными.

Так, незадолго до нападения фашистской Германии было решено прекратить производство самых нужных для борьбы с танками противника орудий. С первых дней войны мы убедились, какая непростительная ошибка была допущена. Фашистские армии наступали с самой разнообразной и далеко не первоклассной танковой техникой, включая трофейные французские танки «Рено» и даже устаревшие немецкие танки «Т-1» и «Т-2». А производственные мощности были заняты более трудоемкой, дорогой и неманевренной пушкой. К тому же снарядов к ней было выпущено еще мало» (там же. С. 142).

Таким образом, Сталин прекратил выпуск полковых 76-мм пушек, что могли использоваться против танков, не из-за ненужности этих орудий в будущей «агрессивной» войне, а именно потому, что он боялся немецких танков!

В Германии действительно зимой 1940-го появился прекрасный опытный танк Порше VK3001 с броней толщиной в 100 мм. Немцы совершили невероятную глупость, не запустив этот танк в серию, — но ведь в начале 1941 года Сталин не мог уповать на такой подарок небес.

И потому в начале 1941 года появилось 107-мм пушка Грабина ЗИС-24 — формально полевое, фактически — противотанковое орудие. На вооружение, однако, оно принято не было, поскольку с началом войны выяснилось, что тяжелого танка у немцев нет.

Но все же 107-миллиметровые орудия перед войной выпускались, так что насчет противотанковых пушек Суворов — Резун врет. В 1940-м

была принята на вооружение 107-мм пушка М-60, которая проектировалась и для борьбы с танками. Ее производство прекратилось, только когда немцы заняли Новочеркасск, где она производилась.

Из всех своих домыслов насчет пушек Суворов — Резун делает вывод: *«Все, что было связано с обороной, беспощадно разрушалось и уничтожалось».*

Справедливости ради надо указать, что летом 1940 года прямо непосредственно на новой советско-германской границе началось строительство полосы укрепленных районов, которая, однако, так нигде и не была закончена. В советском Генеральном штабе эти новые укрепления с определенной долей иронии неофициально именуют «Линией Молотова».

Из этих слов читатель может заключить, что Суворов — Резун — свой человек в Генеральном штабе. Он там знает всех, знает даже, как там неофициально называют новые укрепления (которые уже шестьдесят лет как не новые). С начальником Генштаба Суворов — Резун на дружеской ноге! Когда Суворов — Резун угощает генералов и адмиралов чаем с баранками, они могут не стесняться со своим-то человеком и неофициально, по-простецки именуют укрепления на западной границе «линией Молотова», делая при этом ироническое выражение.

«...Строители не использовали многих возможностей усиления «Линии Молотова» и не торопились ее строить».

Проверяем. В.А. Анфилов пишет:

«Чтобы представить объем работ весной 1941 г., достаточно напомнить, что на строительстве оборонительных сооружений ежедневно работали в укрепленных районах Прибалтийского округа около 58 тыс., Западного — почти 35 тыс. и Киевского — 43 тыс. человек» (А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. С. 77).

Но Суворов — Резун это игнорирует:

«Итак, «Линия Сталина» на старой границе уже уничтожена, а «Линия Молотова» на новой границе еще не построена. Советские генералы и маршалы после войны и смерти Сталина хором высказывали свое возмущение. Вот главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов: «Как могло наше руководство, не построив нужных оборонительных полос на новой западной границе 1939 года, принять решение о ликвидации и разоружении укрепленных районов на прежних рубежах!» (На службе военной. С. 172).

Возмущение маршала Воронова фальшиво. Он ругает «наше руководство». Но разве в момент уничтожения «линии Сталина» он не занимал высших командных постов в Красной Армии? Разве он сам в то время не имел звания генерал-полковника артиллерии? Разве без его ведома были сняты с производства противотанковые и капонирные пушки? Разве он не знал о разоружении и уничтожении артиллерийских капониров на «линии Сталина»?»

Прервем гневное обличение Суворова — Резуна, чтобы разобраться с фактами.

Насчет «линии Сталина». Такой «линии» не существовало. Е. Долматовский, воевавший с самого июня 1941-го, пишет:

«Упоминание о «линии Сталина» я находил во многих документах вермахта и книгах о войне. Насколько мне известно, такой линии обороны, названной по ассоциации с «линией Маннергейма», вообще не существовало, и мы здесь имеем дело с чисто пропагандистским приемом: линия границы 1939 года изображается как некая неприступная крепость, с тем чтобы похвастаться ее взятием...» (Долматовский Е. Зеленая Брами. С. 89).

Теперь по поводу «линии Молотова». Я думаю, можно выдать патент на это открытие Суворову — Резуну. До него я об этой «линии» нигде не читал и не слышал.

Теперь относительно того, что «линия Сталина» на старой границе уже уничтожена. Часть укреплений действительно была ликвидирована, но те укрепления, что были недалеко от новых рубежей, не разрушали и даже дополнительно вооружали. Так, Каменец-Подольский укрепрайон старой границы начал вооружаться с июня 1940 года установками Л-17 с 76-мм пушками. Там же было установлено двенадцать 45-мм казематных установок ДОТ-4.

Командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот описывал события 1—7 июля 1941 года следующим образом:

«Перед фронтом наступлений армий «Север» обстановка к этому времени сложилась следующим образом. Танковый корпус, входивший в состав войск южного крыла, повернул на Опочку и был остановлен противником, упорно оборонявшим старые пограничные укрепления. Другой танковый корпус этой группы армий, наступая на Псков, 3 июля натолкнулся под Островом на линию укреплений, которая была прорвана 4 июля. В этом районе 5 и 6 июля разгорелись упорные бои» (Гот Г. Танковые операции; Гудериан. «Танки — вперед!» С. 85).

После разгрома, что перенес Северо-Западный фронт, 30 июня генерал-полковник Ф.И. Кузнецов войскам, оборонявшим правый берег Западной Двины, отдал приказ на отход в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы. На Юго-Западном фронте делалась попытка закрепиться в Могилев-Подольском и Каменец-Подольском УРах, а на Западном фронте в Минском и Слуцком.

Если УРы старой границы использовались в 1941 году войсками, то что было с ними перед войной на самом деле?

Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» пишет:

«УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках. Они были в основном сохранены на

всех важнейших участках и направлениях, и имелось в виду их усилить. Но ход боевых действий в начале войны не позволил полностью осуществить задуманные меры и должным образом использовать старые укрепленные районы.

В феврале — марте 1941 года на Главном военном совете Красной Армии дважды обсуждалось, как закончить строительство новых УРов и их вооружение. Мне хорошо запомнились острые споры, развернувшиеся на заседании совета. Но как ни спорили, а практического выхода для ускорения производства УРовской артиллерии и обеспечения необходимой УРовской аппаратурой найдено не было.

Тогда заместитель наркома по вооружениям маршал Г.И. Кулик и заместитель наркома по УРам маршал Б.М. Шапошников, а также член Главного военного совета А.А. Жданов внесли предложение снять часть УРовской артиллерии с некоторых старых укрепленных районов и перебросить ее для вооружения новых строящихся укрепленных районов. Нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и я не согласились с этим предложением, указав на то, что старые УРы еще могут пригодиться. Да и артиллерия старых УРов по своей конструкции не соответствует новым дотам.

Ввиду разногласий, возникших на Главном военном совете, вопрос был доложен И.В. Сталину. Согласившись с мнением Г.И. Кулика, Б.М. Шапошникова, А.А. Жданова, он приказал снять часть артиллерийского вооружения с второстепенных участков и перебросить его на западное и юго-западное направления, временно приспособив эту конструктивно устаревшую артиллерию для новых сооружений.

Старые УРы были построены в период 1929—1935 годов. Долговременные огневые точки в основном были вооружены пулеметами. В 1938—1939 годах ряд дотов был усилен артиллерийскими системами. Решением Главного военного совета Красной Армии от 15 ноября 1939 года штатная численность войск старых укрепленных районов должна была сократиться больше чем на одну треть. Теперь с некоторых участков снималось артиллерийское вооружение.

Однако после вторичного доклада И.В. Сталину нам было разрешено сохранить на разоружаемых участках часть артиллерийского вооружения».

Вот такой была история УРов. Мы видим, что часть их вооружения все же оставляли.

Теперь вернемся к Суворову — Резуну. Он все горюет о «линии Сталина»:

«Между советской «Линией Сталина» и французской «Линией Мажино» было много различий. «Линию Сталина» было невозможно обойти стороной: ее фланги упирались в Балтийское и Черное моря. «Линия Сталина» возводилась не только против пехоты, но прежде всего против танков противника и имела мощное зенитное прикрытие».

Во как!

Невольно возникает вопрос: откуда это у СССР взялось столько орудий и зениток, чтобы перегородить ими пространство от Балтийского до Черного морей? Мы только что прочитали у Жукова: «Старые УРы были построены в период 1929—1935 годов. Долговременные огневые точки в основном были вооружены пулеметами». А Суворов — Резун утверждает, что «линия Сталина» возводилась *«прежде всего против танков»*.

Жуков пишет, что в 1938—39 годах лишь «ряд дотов» был вооружен артиллерийскими системами. В 1939 году этот процесс был остановлен переносом границы.

А у Суворова — Резуна «линия Сталина» — ну просто неприступный вал!

Чудеса!

И откуда это вдруг взялось на «линии Сталина» *«мощное зенитное прикрытие»*?..

Проверим.

И выясняем, по «Энциклопедии вооружений Кирилла и Мефодия», что именно с зенитками в Красной Армии было из рук вон плохо. На 1 ноября 1936 года, когда уже были построены старые УРы, во в с е й Красной Армии имелось 1194 76-мм зенитных орудий образца 1931 года и 808 зенитных орудий образца 1915 года.

Чуть больше 2 тысяч. Это — на весь Советский Союз, на все приграничные города и порты, аэродромы, командные пункты, на все ПВО Ленинграда и Москвы, на все приграничные укрепления.

И на всю длинную-предлинную «линию Сталина», от Черного моря до Балтийского...

Положение с зенитными орудиями стало выправляться только перед самой войной. В 1938 году была принята на вооружение 76-мм зенитная пушка, которых до 22 июня 1941 года будет выпущено 750 единиц. В 1939 году появится мощное зенитное 85-мм орудие (2630 — к 22 июня 1941 года). Число орудий образца 1931 года дойдет до 3821 — но и этого тоже будет крайне мало на все фронты, на все прифронтовые города.

Крайне мало.

Но обратимся к книге Суворова — Резуна:

«Советские генералы мечтали не только бросить в Западную Европу сотни тысяч десантников-пехотинцев, но и сотни, а возможно, и тысячи танков. Конструкторы активно искали пути осуществления мечты самым простым и дешевым способом. Олег Антонов, тот самый, который потом станет создателем самых больших в мире военных самолетов, предложил навесить на обычный серийный танк крылья и оперение, используя корпус танка как каркас своей конструкции. Эта система получила название

КТ — крылья танка. Приводы воздушных рулей крепились к пушке танка. Экипаж танка осуществлял управление полетом, находясь внутри танка, путем поворота башни и подъема пушечного ствола. КТ — это потрясающая простота. Конечно, риск полета в танке был, мягко говоря, выше обычных норм, но человеческая жизнь в Советском Союзе стоила даже дешевле, чем навесные крылья в танке.

КТ в 1942 году летал. В книге выдающегося западного эксперта Стивена Залого есть уникальная фотография летящего в небе танка с крыльями и хвостом».

Был «крылатый танк»?

Был. (см. вклейку)

Суворов — Резун не упоминает только маленького нюанса: идея крылатого танка принадлежала американскому конструктору танков Кристи (см. вклейку). Если американец Стивен Залого действительно «выдающийся западный эксперт», то он в своей книге обязательно должен был об этой идее упомянуть.

В статье К. Грибовского «Крылатые танки» читаем:

«Конструкторы думали и о создании просто летающего танка. Впервые такую идею предложил осуществить в 1932 году американский инженер Кристи.

Сначала он попробовал научить летать легкий 5-тонный колесно-гусеничный танк своей конструкции. На него Кристи задумал установить бипланную коробку, в которой на двух трубчатых балках крепилось крестовидное хвостовое оперение. На верхней плоскости, спереди, был пропеллер с редуктором. Заметим, Кристи вовсе не исключал и монопланной схемы, но бипланная обеспечивала меньшую удельную нагрузку на крыло, а значит, и уменьшенную тяговооруженность столь необычного летательного аппарата. Колеса помогали ему разогнаться до 120—135 км/ч. На этой скорости конструкция могла взлететь.

Экипаж состоял из двух человек, причем один совмещал обязанности водителя и пилота. То, что самолет-танк приземлялся на гусеничное шасси, приспособленное для движения по пересеченной местности, позволяло ему садиться прямо на поле боя...

Кстати, Кристи прорабатывал варианты «летающего танка» с более мощным двигателем — в 1 тыс. л. с. Предлагал и просто возить танки на транспортных самолетах специальной конструкции. Причем приземляться они должны были так же непосредственно на поле боя» (Техника — молодежи. 1990. Июнь).

Из всего вышесказанного вытекает вывод по-резуновски:

1. Рузвельт хотел напасть на Европу.

2. Для нападения на Европу Рузвельт готовил крылатые танки.

3. В Америке человеческая жизнь дешевле, чем навесные крылья у танка...

ВАМ ПАКЕТ!

Сделав выводы в историко-фантастическом роде, продолжим знакомство с открытиями отца этого нового исторического метода Суворова — Резуна.

Он начинает рассказывать жуткую страшилку про «красные пакеты» с планом нападения на Европу.

«По свидетельству Рокоссовского, некоторые командиры на свой страх и риск (за самовольное вскрытие Красного пакета полагался расстрел по 58-й статье) сами вскрыли Красные пакеты».

Как всегда, проверим.

И, как всегда, находим подлог.

Рокоссовский пишет не про некоторых командиров, а только про себя:

«Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 11).

Это первое. Второе — «красные пакеты» командиры вскрывали ранним утром 22 июня во всех приграничных округах не «на свой страх и риск», а по сигналу из штабов.

«Штаб Западного военного округа в третьем часу ночи 22 июня передал в штаб армий сигнал «Гроза», которым вводился в действие «Красный пакет», содержащий план прикрытия государственной границы» (Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. С. 111).

В Одесском ВО сигнал «Гроза» был получен в половине четвертого.

«Примерно в половине четвертого утра 22 июня был получен сигнал «Гроза», по которому следовало вскрыть красный пакет, содержащий план действий корпуса по прикрытию Государственной границы СССР» (Мальцев Е.Е. В годы испытаний. М., 1979. С. 56).

Примерно в это же время сигнал «Гроза» был получен и в Прибалтийском ОВО.

«Дочитав директиву (директиву № 1, переданную ночью 22 июня. — А.П.), Ракутин торопливо стал перебирать в памяти, какие он должен отдать распоряжения. Вошел дежурный по управлению округа:

— Товарищ генерал, вас срочно просят к телефону.

Ракутин буквально рванулся в свой кабинет. Звонили из штаба Прибалтийского особого военного округа. Всего было сказано одно парольное слово «Гроза». Ракутин знал, что ему необходимо делать согласно паролю. Открыл сейф, вынул красный пакет. В нем — план прикрытия государственной границы. Вызвал дежурного и приказал:

— Объявить пограничным войскам округа боевую тревогу!» (С е ч - к и н Г., З а й ц е в Н. Командарм из 1941 года. С. 74).

К.И. Ракутин был начальником войск Прибалтийского пограничного округа.

Были вскрыты пакеты и в Киевском ОВО.

«В трудной обстановке, когда все, что могло гореть, было объято пламенем, когда на глазах рушились казармы, жилые дома, склады, прерывалась связь, командиры прилагали максимум усилий, чтобы сохранить руководство войсками. Они твердо следовали тем боевым предписаниям, которые стали им известны после вскрытия хранившихся у них пакетов» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 214). В той же книге Баграмян упоминает, что сам получил распоряжение обзвонить командиров вторых эшелонов, чтобы они привели в действие план «КОВО-41», то есть план прикрытия из «красных пакетов».

На флоте «красные пакеты» были вскрыты еще до начала боевых действий.

«Оперативная готовность № 1 была объявлена по флоту в 01.15 22 июня 1941 года» (К у з н е ц о в Н.Г. Накануне. С. 333). Готовность № 1 подразумевала, что «получив условленный сигнал, каждый корабль и каждая часть действует в соответствии с имеющимися у них инструкциями» (т а м ж е. С. 310—311). «В штабе флота вскрывали пакеты, лежавшие неприкосновенными до этого рокового часа... «Примерно к 02 часам 00 минутам 22 июня весь флот находился в готовности» — записано у Н.Т. Рыбалко» (т а м ж е. С. 334).

Но продолжим чтение Суворова — Резуна. Итак, некоторые командиры якобы вскрыли «красные пакеты» самовольно.

«Но ничего они там нужного для обороны не обнаружили. «Конечно, у нас были подробные планы и указания о том, что делать в день «М»... Все было расписано по минутам и в деталях... Все эти планы были. Но, к сожалению, в них ничего не говорилось о том, что делать, если противник внезапно перейдет в наступление» (Генерал-майор М. Грецов. ВИЖ. 1965. № 9. С. 84).

Итак, планы войны у советских командиров были, но планов оборонительной войны не было».

Здесь подлог Суворова — Резуна заключается в следующем: М. Грецов говорит об отсутствии планов в случае в н е з а п н о г о перехода противника в наступление, а не просто перехода в наступление. План

прикрытия границы, который находился в «красных пакетах», исходил из наличия некоторого времени от официального объявления войны до начала крупномасштабных боевых действий. План прикрытия расписывал действия по обороне границы против не от мобилизованного противника в период проведения мобилизации обеими воюющими сторонами. Немцы же ударили без объявления войны и от мобилизованной — якобы для высадки в Англии — армией. Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» пишет, что Генеральный штаб эту возможность не учел:

«Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассеивающих ударов».

Г.К. Жуков видит причину в следующем:

«Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения, происшедшие в характере и способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело приграничные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии... Наконец, важную роль сыграло и то обстоятельство, что И.В. Сталина до последнего момента — начала гитлеровского нападения на Советский Союз — не покидала надежда, что войну удастся оттянуть».

Те планы, которые находились 22 июня в «красных пакетах», были лишь планами прикрытия границы. В ночь с 21 на 22 июня, в связи с данными, что противник собирается перейти границу, Тимошенко и Жуков поставили вопрос об отдаче директивы о приведении войск в боевую готовность, но вместо этой директивы по решению И.В. Сталина была отдана директива № 1, содержащая некоторые положения плана прикрытия границы.

И.Х. Баграмян задается в книге «Мои воспоминания» вопросом: почему же была послана именно директива, а не сам сигнал ввода в действие плана прикрытия?

«По-видимому, в Москве на это не решились. Ведь сигнал о вводе в действие плана прикрытия означал бы не только подъем всех войск по боевой тревоге и вывод их на намеченные рубежи, но и проведение мобилизации по всей территории округа.

Пока телеграмму расшифровывали, изучали и готовили распоряжение армиям, гитлеровцы обрушили на наши войска мощные авиационные и артиллерийские удары» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 214).

Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» подробно рассказывает о появлении директивы № 1. Он пишет, что вечером 21 июня они с министром обороны Тимошенко были у Сталина, чтобы сообщить о перебежчике, утверждавшем, что 22 июня начнется война. Тимошенко предложил отдать в войска директиву о приведении войск в боевую готовность.

Г.К. Жуков:

«Я прочитал текст директивы. И.В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений».

Это стремление «не вызвать осложнений» сыграло столь фатальную роль 22 июня 1941 года, что на нем следует остановиться подробней. Сталин не подвел войска непосредственно к границе — и даже оттянул часть сил. Это, по сути, обрекло приграничные укрепления, пограничников, дивизии прикрытия границы на разгром и сорвало весь план прикрытия.

Откуда же был этот страх «не спровоцировать»?

Одним из источников боязни Сталиным провокаций, без сомнения, является послание Гитлера от 14 мая 1941 года, в котором содержались следующие слова:

«При формирования войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между ними.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я тоже с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

Таким образом, без нашего желания, а исключительно в силу сложившихся обстоятельств, на наших границах противостоят друг другу весьма крупные группировки войск. Они противостоят в обстановке

усиливающейся напряженности слухов и домыслов, нагнетаемых английскими источниками.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с вами предельно откровенным.

Я опасюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце.

Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих бывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не дать им никакого повода. Если же провокацию со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи».

Сейчас можно удивляться: как Сталин мог поверить Гитлеру?

Наверное, здесь мне следовало бы заклеить Сталина с его удивительной слепотой, что он показал в 1941 году. Но вспомним 1990-е годы, когда мы надеялись, что уступками Россия может достичь аналогичных ответных мер Запада. Тогда западные лидеры обещали, что после вывода советских войск из Восточной Европы блок НАТО на Восток распространяться не будет. Советские войска были выведены; буквально сразу после этого лидеры НАТО приняли решение о включении Польши, Чехословакии и Венгрии в состав НАТО. Видя, что «честь главы государства» для глав стран Запада — это ничто, Б.Н. Ельцин согласился на расширение НАТО при условии подписания западными лидерами официального обязательства, что деятельность НАТО будет распространяться только на страны НАТО.

Руководители стран НАТО подписали это обязательство. Как только в НАТО были приняты ее новые члены, пилоты НАТО принялись за бомбежку Югославии. Погибло 400 детей, а спустя какое-то время американские «мировотворцы» изнасиловали и убили албанскую девочку в Косово. Все это прикрывалось заботами об албанском населении, у которого якобы было мало политических прав. История полностью повторилась — и снова в виде страшной и мерзкой трагедии.

Так что И.В. Сталина за его слепоту я лично винить не могу. Я сам был «демократическим журналистом», сам питал иллюзии... Теперь живу

и жду, когда НАТО спровоцирует в России какой-нибудь конфликт (на манер устроенных западными спецслужбами двух взрывов на рынке в Сараево).

Но продолжим чтение Суворова — Резуна.

«Из воспоминаний Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова мы знаем, что после назначения Г.К. Жукова начальником Генерального штаба была разработана «очень важная директива, нацеливающая командующих округов и флотов на Германию, как на самого вероятного противника в будущей войне» (Накануне. С. 313)».

Проболтался товарищ Кузнецов. Сталин подготовил директиву, «нацеливающую... на Германию», а адмирал проболтался. Зоркое око Суворова — Резуна это тут же засекло. Болтун — находка для шпиона.

Однако, как всегда, проверим.

Н.Г. Кузнецов:

«В конце января 1941 года из разговора с начальником штаба К.А. Мерецковым я понял, что в Наркомате обороны озабочены положением на границах. Под давлением очевидных фактов готовилась очень важная директива, нацеливающая командование округов и флотов на Германию, как на самого вероятного противника в будущей войне» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 313).

Вот что написано на самом деле. Кузнецов пишет о причине появления директивы — «положение на границах»; Суворов — Резун об этом хитро умалчивает.

Но продолжим чтение Суворова — Резуна.

«Два месяца директива находилась в Генеральном штабе, а 5 мая 1941 года была передана в штабы приграничных военных округов на исполнение. Есть много указаний, что она была в тот же день получена штабами. Об этом, например, говорит Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. Советские маршалы об этой совершенно секретной директиве часто говорят, но не цитируют ее. За полвека в печать просочилась одна фраза: «...быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата важных рубежей» (В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг. С. 171)».

Читая это, я даже не понял, в чем меня желает убедить Суворов — Резун. В агрессивности Сталина? Но Суворов — Резун сам приводит слова В.А. Анфилова о перенесении боевых действий на территорию противника — следовательно, план предусматривал, что агрессию совершат немцы.

Теперь о И.Х. Баграмяне. Он подробно описывает директиву, полученную им в начале мая, — она носила явно оборонительный характер:

«В начале мая мы получили оперативную директиву Народного комиссара обороны, которая определяла задачи войска округа на случай внезапного нападения немцев на нашу страну.

Читатель может усомниться в необходимости такой директивы: ведь отражение возможной агрессии предусматривалось планом прикрытия государственной границы. Однако к тому времени этот план еще не был утвержден Москвой. Видимо, поэтому Народный комиссар решил специальной директивой повысить боевую готовность западных приграничных округов. Задачи ставились конкретные: своевременно выявить сосредоточение войск наших вероятных противников, группировку их сил, быть готовыми упорной обороной надежно прикрыть мобилизацию, сосредоточить и развернуть войска округа.

В первом эшелоне, как и предусматривалось планом, готовились к развертыванию стрелковые корпуса, во втором — механизированные (по одному на каждую из четырех армий). Стрелковые соединения должны были во что бы то ни стало остановить агрессора на линии пограничных укреплений, а прорвавшиеся его силы уничтожить массированными ударами механизированных корпусов и авиации. В дополнение к плану прикрытия директива наркома требовала от командования округа спешно подготовить в 30—35 километрах от границ тыловой оборонительный рубеж, на который вывести пять стрелковых и четыре механизированных корпуса, составляющие второй эшелон войск округа» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 192).

К слову, директива от начала мая была разработана весной; к февральской директиве, что упоминает Н.Г. Кузнецов, она не имеет никакого отношения. Суворов — Резун две разных директивы объединяет в одну. Но зачем?

А затем, что если директива была принята в феврале и только в мае ее передали, то оборонительной она явно быть не могла. От страха нападения оборонительную директиву не держат два месяца в долгом ящике. А вот когда хотят напасть, то готовят директиву и выбирают удобный момент. Вот на это и намекает Суворов — Резун.

Но продолжим знакомство с открытиями беглого разведчика:

«Если бы в директиве от 5 мая было несколько вариантов и один оборонительный среди них, то можно было по телефону просто сказать командующему приграничным округом: первые девять вариантов зачеркни, а последний, десятый, выполняй. Но в директиве оборонительных вариантов не было. Вот почему директива от 5 мая никогда не была введена в действие».

Не была введена в действие директива, считает Суворов — Резун. Г.К. Жуков помнит совершенно иное:

«Введение в действие мероприятий, предусмотренных оперативным и мобилизационным планами, могло быть осуществлено только по осо-

бому решению правительства. Это особое решение последовало лишь в ночь на 22 июня 1941 года, да и то не полностью» (Ж у к о в Г.К. Воспоминания и размышления. В 8 т. Т. 1. С. 286).

«Это особое решение» обрело форму директивы № 1, переданной в половине первого ночи на 22 июня. В ней говорилось:

«Приказываю: в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.»

Заметим, что план в «красных пакетах» имел ограниченную задачу: прикрытие границы. Главную часть плана прикрытия границы директива № 1 приводила в действие; с нападением немцев — неожиданно мощного и массированного — остальные части уже требовали корректировки. К примеру, мобилизацию уже приходилось производить не только в приграничных округах.

А Суворов — Резун продолжает разоблачать:

«Вместо того чтобы ввести в действие директиву, которая лежит в сейфе у каждого командующего, советские лидеры в Кремле с самого первого момента войны вынуждены импровизировать. Они вынуждены отказаться от введения в действие уже готовой директивы, которую каждый командующий пограничным округом держит в своих руках. Вместо введения новой директивы Тимошенко и Маленков вынуждены тратить время на сочинение новой директивы. Затем будет тратиться время на шифрование, передачу, прием, дешифрование. Кстати сказать, директива, отданная 22 июня, тоже насквозь агрессивная, но она немного сдерживает наступательный порыв советских войск».

Саму директиву Суворов — Резун, естественно, не приводит.

Посмотрим, насколько она «агрессивная». Итак, как только посол Германии официально объявил войну, в войска пошла директива № 2:

«22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировки его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки наземных войск. Удары авиации наносить на глубину немецкой территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать» (Цит. по: Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 216).

Итак, черным по белому написано «границу не переходить». И это псевдоисторик хочет выдать за агрессивный план!..

Кроме того, он выдает именно за свое открытие перемещение войск к западным границам в мае — июне 1941 года. Об этом перемещении написано в любой истории Великой Отечественной войны, но Суворов — Резун историю, видно, не изучал, и потому захлебывается от своих открытий.

«Вот письмо из Великобритании. Британский гражданин Джеймс Рушбрук обращает внимание на книгу Стефана Сценде: «Обещание, которое Гитлер выполнил», книга написана в 1944 году и опубликована в 1945-м в Швеции. Автор — польский еврей, оказавшийся во Львове в 1941 году. Вот его впечатление о днях, предшествующих 22 июня: «Эшелоны, набитые войсками и военным снаряжением, все чаще и чаще идут через Львов на запад. Моторизованные части идут через главные улицы города, а на железнодорожной станции все движение — чисто военное» (С. 88)».

Какое важное открытие британского подданного! Он нашел упоминание про эшелоны в старой книге одного польского еврея — и сообщил Суворову — Резуну.

Господин Джеймс Рушбрук, персонально для вас сообщаю: в любой советской книге по истории Второй мировой войны написано про переброску войск в мае — июне 1941-го. В книге «Великая Отечественная война» читаем:

«С 12 по 15 июня командованию западных приграничных округов было приказано в соответствии с планом обороны выдвинуть ближе к государственной границе все дивизии, что располагались в глубине» (С. 53). В той же книге и на той же странице — о переброске 16, 19, 21, 22-й армии и 25-го стрелкового корпуса.

Все это давно известно. Суворов — Резун мог раскрыть любую книгу про историю Великой Отечественной войны. Но он этого делать не

хочет. Если раскрывать книги по истории, не будет собственных увлекательных псевдооткрытий.

«Вот кое-что об автомобилях. «К концу июня 1941 года на железных дорогах простаивали 1320 поездов с автомобилями» (ВИЖ. 1975. № 1. С. 81). Германские войска напали 22 июня, а уже к концу июня такое количество эшелонов с автомобилями простаивает в прифронтовой полосе».

Вот она, подготовка к войне! Разоблачил Суворов — Резун Иосифа Виссарионовича Сталина...

Но я и здесь вынужден разочаровать нашего беглого шпиона: согласно мобилизационному плану, автомашины после начала войны передавались армии. Их начали собирать 22 июня 1941 года в каждом городе, согласно мобплану — МП-41. Об этом — во многих книгах. Еще до войны многие машины были приписаны к конкретным частям и с началом военных действий начали поступать в эти части.

«Когда мы говорим о причинах поражения Красной Армии в начальном периоде войны, то почему-то забываем главную причину: Красная Армия находилась в вагонах... Генерал армии С.М. Штеменко (в то время полковник оперативного управления Генерального штаба): «Эшелоны с войсками идут на запад и юго-запад сплошным потоком. То одного, то другого из нас направляют на станции выгрузки. Сложность и переменчивость обстановки нередко вынуждала прекращать выгрузку и направлять эшелоны на какую-нибудь иную станцию. Случалось, что командование и штаб дивизии выгружались в одном месте, а полки — в другом или даже в нескольких местах на значительном удалении» (Генеральный штаб в годы войны. С. 30)».

Кошмарная картина! Я так и вижу, как к границе мчатся эшелоны, Штеменко мечется от вагона к вагону с криком: «Быстрее!» — а в Кремле Сталин меряет циркулем расстояние между Брестом и Берлином.

Но — проверим.

Были в книге Штеменко такие слова?

Были!

На странице 30...

А девятью страницами ранее — на странице 21 — С.М. Штеменко пишет:

«В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе».

Так что эшелоны шли «сплошным потоком» уже после начала войны. Было бы удивительно, если бы после мобилизации войска оставались на месте и не ехали на фронт. Тем более что на странице 29 С.М. Штеменко пишет: *«На картах появились многочисленные синие стрелы, угрожающе нацеленные в самое сердце страны».*

Суворов — Резун не согласен:

«Можно предположить, что все это погружено после 22 июня и направлено на фронты. Это неправильное предположение. После 22 июня фронты требовали только пустых вагонов, чтобы вывести штабеля вооружения, боеприпасов, топлива и других военных запасов, уже сконцентрированных у границы».

Это — неправда.

«После 22 июня», а именно 25 июня, командующий Западным фронтом Павлов бросил в бой свой последний резерв — взвод личной охраны. Немецкий 24-й танковый корпус обошел Минск с юга, через Слуцк, почти беспрепятственно — это направление Павлову нечем было прикрыть.

Острая нехватка войск была и на других участках. Командующий Южным фронтом И.В. Тюленев докладывал И.В. Сталину:

«Войска Южного фронта вынуждены были отступать за Днепр потому, что противник, используя свое превосходство в силах, все время заходил нам во фланг и тыл. У нас не было резервов для отражения ударов обходящей бронетанковой группировки врага, а все имеющиеся войска были скованы с фронта значительными силами противника. Оборонительные же рубежи, подготавливаемые местным населением, из-за отсутствия резервов мы не смогли занять заблаговременно» (Тюленев И.В. Через три войны. С. 147).

Весь немецкий план блицкрига состоял в том, чтобы разбить Красную Армию до осуществления мобилизации. Весь смысл советского плана прикрытия границы состоял в том, чтобы не дать немцам прорваться и сорвать мобилизацию. Потому-то Генеральный штаб и его офицеры уделяли столько внимания переброске войск и стабилизации фронта.

«И.С. Конев стал во время войны Маршалом Советского Союза, мы хватаем его книгу в надежде найти объяснения того, как он оказался в чужом окружении со своими «Аннушками» (кодовое название дивизий. — А.П.) и за чем; но с удивлением обнаруживаем, что маршал начисто опустил весь начальный период войны. Он предпочел писать про сорок пятый год и свою книгу так и назвал — «Сорок пятый».

Удивился Суворов — Резун: Маршал Советского Союза написал только про сорок пятый. Не знает Суворов — Резун не только историю Второй мировой, но и книг Маршала Советского Союза И.С. Конева. А И.С. Конев написал еще и книги «Записки командующего фронтом, 1943—1945» и «В пламени войны». Статья И.С. Конева в сборнике «Битва за Москву» называется «Осенью 1941 года».

Объяснял И.С. Конев и то, как оказался в чужом окружении:

«Еще в Москве я получил задачу от Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в

полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести удар и загнать немцев в Припятские болота» (Цит. по: С о к о л о в Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. С. 212—213).

Не читал Суворов — Резун этого. Что же он читал?..

«Генерал-полковник Л.М. Сандалов осматривает строительство оборонительных сооружений на самой границе в районе Бреста и с удивлением обнаруживает, что доты стоят так близко от границы, что их видно с германской стороны. Он задает недоуменный вопрос В.М. Чуйкову. Чуйков, этот будущий сталинградский лис, вздыхает (притворно, конечно): очень жаль, именно так, немцы заметят наше оборонительное строительство (На московском направлении. С. 53). Гудериан начинал войну именно с другой стороны реки и отмечает, что он все это хорошо видел: доты строили днем и ночью, причем ночью при ярком свете».

Ни о чем подобном Гудериан не писал. Но продолжим чтение:

«Удивительная вещь: ни сам Сандалов, ни Чуйков, ни кто другой не прикажут оставить работу и перенести строительство на пару километров в тыл, чтобы противнику не было видно точного расположения огневых точек и направления амбразур, по которым он может легко вскрыть систему огня».

Эх, взять бы Суворову — Резуну какую-нибудь книжку про Брестский УР и прочитать про его историю.

Была имитация?

Была. При строительстве Брестского укрепрайона действительно прибегали к имитации. Это д а в н о описано в литературе:

«С апреля — мая в некоторых дотах, замаскированных под скирды, сараи, избы, жили гарнизоны. Жили скрытно, ничем не обнаруживая себя. Обеды, завтраки и ужины доставляли им в термосах не сразу: вначале — в ложные доты, которые сооружались почти на глазах местных жителей, затем по ходам сообщения — в боевые укрепления» (В солдатской шинели. С. 19).

Потому «сталинградский лис» В.М. Чуйков и притворно вздыхал: «Очень жаль, конечно». Не рассказывать же Л.М. Сандалову, и другим офицерам, и всем прочим подряд про ложные доты...

И теперь, через 50 лет, из Англии вылезает неуч, который не знает того, о чем пишет, и радостно тычет пальцем в ложные доты.

«Если мой читатель будет пересекать советскую границу в районе Бреста, то пусть обратит внимание на серые бетонные коробки почти на самом берегу — это доты южной оконечности Брестского УРа. Они не были обсыпаны землей тогда, так голыми стоят и по сей день. Раньше доты на «Линии Сталина» строились тайно вдали от границ, и противник не мог знать, где находятся укрепления, а где проходы между ними, да и есть ли вообще такие проходы. Теперь противник со своего берега мог не только

видеть все строительство и точно знать, где находятся укрепления, но мог с точностью выявить каждое отдельное сооружение и даже установить направления стрельб для каждой амбразуры. На основе этого он мог определить всю систему огня».

Блестящее знание предмета.

Нет, все-таки недаром Суворов — Резун получил мировую известность. Недаром получил профессора в Польше. Такие вот в Польше профессора...

Я не польский профессор. Мой дед охранял железнодорожный мост в одном из ДОТов, и потому я знаю, что не все долговременные укрепления можно замаскировать. Многие ДОТы выполняют конкретную цель: защищают мост, дорогу, господствующую высоту, не простреливаемую другими дотами зону. Например, чтобы предотвратить возможность захвата плацдарма на берегу, ДОТы открыто выстраиваются вдоль берега, чтобы не позволить противнику переправиться через реку.

Так были расположены и некоторые из действующих дотов БУРа, по одной простой причине: в районе Бреста граница с Польшей проходила по берегу Буга. И потому линия дотов была не в глубине, а вдоль границы.

И эти — незамаскированные — доты Брестского УРа выполнили свою задачу, вместе с замаскированными.

«С первых минут войны бойцы укрепрайона открыли прицельный огонь по врагу, заставили залечь в секторах обстрела цепи штурмовых отрядов, остановили на железнодорожных мостах через Буг бронепоезд с черными крестами, заставили свернуть на бездорожье вражеские бронемашины...

Артиллеристы из дота «Светлана» в первые же часы войны подбили на железнодорожном мосту через Буг фашистский бронепоезд. Второй бронепоезд, из которого фашисты пытались высадить десант, был поврежден огнем из дотов на мосту перед самым Брестом...

Восемь танков горели перед амбразурами четырех дотов под деревней Минчево. Гарнизон дота на окраине деревни Речица (командиры младшие лейтенанты П. Селезнев, Н. Зимин и старшина И. Рёхин) много раз срывали метким огнем переправу гитлеровцев через Буг.

На подступах к долговременным укрепленным точкам, где секторы обстрелов накануне войны тщательно выверялись, фашисты несли большие потери.

Шестьсот бойцов БУРа сумели задержать на границе 293-ю пехотную дивизию до 30 июня, а 167-ю пехотную дивизию в опорном районе южнее Бреста — до 24 июня...

При прямых попаданиях вражеских снарядов в бетон воздух сотрясся так, что из ушей текла кровь. Люди теряли сознание. Но гарнизоны держались сутки... двое... неделю... вторую...

На рассвете 22 июня они успели получить приказ: «Из дотов не выходить!» Но они не ушли бы и без этого приказа, потому что перед каждым из них открывался в секторе обстрела участок границы, за недоступность которого несли ответственность поименно...

«150-килограммовый заряд, опущенный через перископное отверстие, — делились позже опытом фашистские саперы, — разворачивал стены сооружения, бетон растрескивался по слоям трамбования. Междуподэтажные перекрытия разрушались во всех случаях и погребали находившийся в нижних казематах гарнизон».

Подрывники, поджигавшие бикфордовые шнуры, слышали, как из-под задраенных люков доносилось пение. Обнявшись, бойцы пели «Интернационал». И часто — «Катюшу» (В солдатской шинели. С. 19—21).

Уточним, что «Интернационал» был в 1941 году гимном СССР. Для солдат Брестского укрепрайона его слова были точными: «Это есть наш последний и решительный бой».

Оказалась к месту в июне 1941-го и песня «Катюша». В войну имя из этой песни связали с артиллерийской установкой «катюша». А поначалу ее пели пограничники:

*Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.
Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.*

Песня оказалась пророческой: благодаря жене погибшего комбата Пустовалова были установлены имена многих солдат, погибших в дотах Брестского укрепрайона.

«ЧЕРНЫЕ КОРПУСА»

Заинтриговав доверчивого читателя «красными пакетами», Суворов — Резун принимается пугать его «черными корпусами»:

«О «черном корпусе» Петровского можно найти упоминания в книге генерал-лейтенанта артиллерии Г.Д. Пласкова (Под грохот канонады. С. 163).

Необычная черная форма и в других армиях Второго стратегического эшелона отмечалась германской разведкой. Когда эта форма преобладала над обычной зеленой, полки, дивизии, а иногда и целые корпуса получали названия «черных». 24-я армия Второго стратегического эшелона, тайно выдвигавшаяся из Сибири, не была исключением. В ходе боев несколько ее полков и дивизий получили у немцев название «черных».

Далее Суворов — Резун утверждает, что «черными корпусами» были корпуса, состоящие из бывших эков. Их не стали переодевать в защитную форму.

Ну что ж, проверим. По книге того самого Г.Д. Пласкова, на которую ссылается Суворов — Резун.

«Когда немцы оккупировали село Руденко, они поставили на могиле советского генерала крест с надписью: «Генерал-лейтенант Петровский, командир черного корпуса». Крепко, видимо, досталось врагам от Петровского, если они оказали ему такую честь!» (П л а с к о в Г.Д. Под грохот канонады. М., 1969. С. 163).

Вот как сам Пласков объясняет название «черного корпуса». В Германии эталоном массового героизма является «черный корпус» Блюхера времен наполеоновских войн. Суворов — Резун на Пласкова ссылается, но его мнения как бы не замечает.

По аналогии разовеьм Суворова — Резуна. Немцы называли наш самолет Ил-2 «черной смертью». О, тогда пилотами на нем были только заключенные ГУЛАГа! Выводят из цеха готовый самолет — к нему подводят под конвоем эка. Спрашивают: «Умеешь самолет водить?» Ээк чешет бритый затылок: «Ну чё, в натуре, не разберусь, что ли? Тока покажите, какую ручку крутить?»

И летят самолеты Ил-2 на фронт, под блатную лагерную песню «Здравствуй, моя мурка, мурка дорогая...» Услышав знакомую песню в наушниках, немцы наполняют эфир паническими криками: «Ахтунг! Ахтунг! В воздухе — «черная смерть»!»

Но вернемся к Суворову — Резуну, к его потрясающе наглым подлогам. Вот он пишет:

«Германские войска, обнаружив и опознав на месте труп Петровского, по приказу вышестоящего командования похоронили советского генерала со всеми воинскими почестями».

Во какие рыцари — немцы! Похоронили советского генерала с воинскими почестями. Оркестр исполнил «Интернационал», затем последовали речи от родственников и товарищей по работе, после чего были салют из карабинов и прохождение почетного караула.

Что-то не верится...

Читаем Г.Д. Пласкова:

«Петровский был смертельно ранен. Семь километров несли солдаты бездыханное тело любимого генерала. Похоронили его, когда корпус вышел из окружения».

А Суворов — Резун самозабвенно врет дальше:

«Хорошо известно, что во время войны Сталин почистил ГУЛАГ, отправив на фронт способных носить оружие. Иногда за недостатком времени и обмундирования ээка отправляли на фронт в его одежде. В принципе разница невелика: те же кирзовые сапоги, что и у солдата, зимой — та же шапка на рыбьем меху, в любой сезон — бушлат, который от солдатского только и отличается, что цветом».

Вот те на! Оказывается, армейская форма — такая же, что и одежда ээков.

«Но живет в нас неизвестно откуда пришедшее мнение, что вот, мол, Гитлер напал, Сталин и послал ээков «искупать вину».

А между тем германские войска встретились с «черными» дивизиями и корпусами в начале июля 1941 года. А начали эти дивизии и корпуса выдвижение к западным границам 13 июня 1941 года. А армии Второго стратегического эшелона, в состав которых входили все эти «черные» дивизии и корпуса, начали формироваться еще в июне 1940 года, когда Гитлер повернулся к Сталину спиной, убрав с советских границ почти все свои дивизии».

Теория любопытная. По крайней мере, действует на воображение. Но какие у Суворова — Резуна аргументы?

«...Вот у бывшего уголовника Михаила Демина: «Почти вся армия Рокоссовского состояла из лагерников» (Блатной. С. 26).

В своей жизни Рокоссовский командовал только одной армией — 16-й. Он забыл в своих мемуарах сообщить, из кого она состояла».

Далее Суворов — Резун утверждает, что из уголовников... Но мы чуть задержимся на К.К. Рокоссовском, поскольку он подробно сообщил, из кого состояла его армия.

А руководил К.К. Рокоссовский т р е м я армиями с совершенно различным составом войск. Суворова — Резуна ввело в заблуждение то, что все три армии имели название 16-я.

Первая 16-я армия была переброшена из Забайкалья, ее поначалу возглавлял М.Ф. Лукин. После ранения Лукина армию объединили с группой К.К. Рокоссовского. Рокоссовский описывает свою первую 16-ю армию следующим образом:

«После объединения армия представляла внушительную силу: шесть дивизий — 101-я танковая полковника Г.М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А.И. Лизюков, 38-я полковника М.Г. Кириллова, 152-я полковника П.Н. Чернышева, 64-я полковника А.С. Грязнова, 108-я полковника Н.И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф.Т. Ремизова, тяжелый артиллерийский дивизион и другие части» (Р о к о с с о в с к и й К.К. Долг солдата. С. 42).

Помнится, Суворов — Резун сам писал, что стрелковые дивизии с номерами от 101 до 186 появились 19 августа 1939 года. Это не совсем так, но все равно: все стрелковые дивизии армии Рокоссовского были созданы самое позднее в 1939-м, так что явно не были из ГУЛАГа. Заметим, что в танкисты и артиллеристы брали далеко не каждого (командир орудия или танка, например, должен был быть членом партии), так что из уголовников не могли состоять и 101-й танковая дивизия, и тяжелый артиллерийский дивизион.

1-я мотострелковая — это тоже не уголовники. Эта дивизия, которая каждый год участвовала в парадах на Красной площади в качестве 1-й Московской Пролетарской, а с парада 7 ноября 1940-го — в качестве 1-й Московской мотострелковой. В 1-й мотострелковой дивизии проходила испытание артиллерия; дивизия имела хорошую выучку и отлично показала себя с первых же боев.

Вот такой была п е р в а я 16-я армия Рокоссовского. Теперь перейдем к е г о в т о р о й 16-й армии.

К.К. Рокоссовский:

«Вечером 5 октября я получил телеграмму из штаба Западного фронта. Она гласила: немедленно передать участок с войсками генералу Ф.А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму и организовать контрудар в направлении Юхнова. Сообщалось, что в районе Вязьмы мы получим пять стрелковых дивизий со средствами усиления» (т а м ж е. С. 52).

Сдав войска и участки обороны, Рокоссовский со штабом в ночь на 6 октября отправились в район Вязьмы, но когда штаб прибыл в Вязьму, противник уже обошел город с севера. Штабу пришлось с боями, подчинив себе выходившую из окружения 18-ю ополченскую дивизию, пробиваться на восток.

14 октября Рокоссовский прибыл в Волоколамск, где и был развернут штаб новой 16-й армии.

К.К. Рокоссовский:

«Первым в район севернее Волоколамска вышел 3-й кавалерийский корпус под командованием Л.М. Доватора. Он поступил в оперативное подчинение 16-й армии. Корпус состоял из двух кавалерийских дивизий — 50-й генерала И.А. Плиева и 53-й комбрига К.С. Мельника... Левее кавалеристов расположился сводный курсантский полк, созданный на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, под командованием полковника С.И. Младенцева и комиссара А.Е. Славкина» (там же. С. 64—65).

Конники Доватора — это конечно же не уголовники. Что касается Военного училища имени Верховного Совета РСФСР, то оно было самым элитным училищем РККА. Питомцев этого училища называли «кремлевскими курсантами». Можно представить, каким отчаянным было положение под Москвой, если пришлось бросать в бой за месяц до выпуска без пяти минут командиров как простых солдат.

«На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва» (там же. С. 65).

А эта дивизия кадровой уже не являлась. 316-я стрелковая дивизия генерала Панфилова была сформирована в Казахстане, из призывников 30—35-летнего возраста, в основном не имевших военной подготовки. По сути, дивизия была ополченской. После войны много писалось о мужестве панфиловцев, но любой героизм бесполезен без мастерства, и потому нам следует помнить и о «военном философе» Панфилове, постоянно анализировавшем отчеты о боях и создавшем глубоко — на 20—25 километров — эшелонированное построение дивизии, состоящее из множества помогавших друг другу огнем опорных пунктов.

«В резерве мы имели стрелковый полк 126-й дивизии. Он организованно вышел из окружения... И еще была выведена в резерв для пополнения 18-я стрелковая ополченская дивизия. Разумеется, она держалась наготове. Армия получила на усиление два истребительно-противотанковых полка, два пушечных полка, два дивизиона московского артучилища, два полка и два дивизиона «катюш» (там же. С. 68—69).

Далее К.К. Рокоссовский упоминает танковую бригаду Катукова. Это не уголовники, а кадровые военные, приостановившие наступление Гудериана западнее Тулы, отчего бригада получила название 1-й гвардейской. Именно благодаря опыту Катукова Сталин дал указание использовать танки для танковых засад.

Рокоссовский пишет:

«Обрадовала нас 78-я стрелковая дивизия. Ее привел под Москву замечательный боевой командир полковник А.П. Белобородов» (там же. С. 75). Это была кадровая часть, охранявшая границу в районе Уссурийска. Дивизия была выведена из состава Дальневосточного фронта

и направлена на самое опасное направление. Она проявила себя прекрасно — на станции Снегири по Рижской железной дороге есть даже музей, посвященный этой дивизии.

На клинском направлении оборонялась опергруппа Захарова.

«Генерал Захаров объединил все части, находившиеся в том районе. В его группе войск были 17-я кавалерийская, 126-я и 133-я стрелковая дивизии, полк училища имени Верховного Совета и 25-я танковая бригада (вернее сказать, то, что осталось от этих соединений)» (там же. С. 95).

133-я дивизия была тоже переброшена из Сибири: сначала — на Калининский фронт, потом — под Москву. За бои под Москвой дивизия стала 18-й гвардейской.

Но были ли под Москвой люди в черных бушлатах?

Об этом в книге Рокоссовского не сказано, но про людей в черных бушлатах иногда можно слышать в воспоминаниях ветеранов боев за Москву, что собираются в Дмитрове каждый год 9 Мая.

В решающий момент оборонительного сражения под Москвой действительно появились люди в черных бушлатах!

С Тихого океана прибыли краснофлотцы. Их штаб располагался в Марфино. Выгрузившись из эшелона, отряд в 400 человек направился пешком из Катугара к Белому Расту. Там был узел немецкой обороны — немецкие пулеметчики с возвышения обстреливали всю долину. Отряд моряков пошел в атаку в своей морской черной форме. Белый Раст был отбит — но 68 моряков были захоронены в Белом Расте. Вот этим героическим морякам был установлен первый на подмосковной земле памятник.

К началу декабря немцы истощили под Москвой свои силы, и по ним был нанесен сильный удар резервными армиями. Одну из них, 10-ю, возглавлял Ф.И. Голиков. По его свидетельству, армия состояла «из резерва дивизий Московского военного округа, семь из первоначально входивших в ее состав девяти дивизий родились на ее территории» (см.: Битва за Москву. М., 1975. С. 343). Сами дивизии формировались в Поволжье и вобрали в себя много местных жителей. Согласно К.К. Рокоссовскому, дивизии состояли из резервистов, но, понятно, к концу 1941-го резервистами остались люди преклонного возраста или излечившиеся раненные. Видимо, состав 10-й армии определил ее неудачу: в середине января немцы потеснили ее и заняли Сухиничи. И тогда К.К. Рокоссовский получил приказ, о котором пишет следующее:

«Управление и штаб армии получили приказ перейти в район Сухиничей, принять в подчинение действующие там соединения и восстановить положение.

Передав участок и войска соседям, мы двинулись походным порядком к новому месту» (там же. С. 105).

Половина 10-й армии, что принял под свое командование К.К. Рокоссовский, и стала его т р е т ь е й 16-й армией. Командование же оставшимися дивизиями 10-й армии принял генерал-майор В.С. Попов.

«От Ф.И. Голикова 16-й армии передавались 322, 323, 324 и 328-я стрелковая дивизии и одна танковая бригада вместе с участком фронта протяженностью 60 километров. Из наших старых соединений, с которыми мы сроднились в боях под Москвой, получили только 11-ю гвардейскую...» (т а м ж е. С. 106).

11-я гвардейская — это 18-я дивизия московских ополченцев, что выбиралась с Рокоссовским из окружения. Таким образом, солдаты третьей 16-й армии Рокоссовского в основном были набраны из Московского военного округа (за исключением 323 дивизии из Орловского военного округа).

И вот только тут наконец впервые появились лагерники...

«Однажды Лобачев и Романов, начальник политотдела армии, сообщили мне, что в концлагере Козельска наши войска захватили несколько концлагерей.

— Ищем пополнение, а оно рядом, — сказал Алексей Андреевич.

Это была верная мысль. Послали в Козельск группу офицеров штаба, политработников и врачей. Отобрали пригодных по здоровью. Эти люди столько испытали за время оккупации, что готовы были идти на любую опасность, лишь бы отомстить ненавистному врагу» (т а м ж е. С. 117).

Теперь, прояснив ситуацию с тремя 16-я армиями (вместо одной, по Суворову — Резуну) и заключенными немецких концлагерей (вместо эков, по Суворову — Резуну), вернемся к иным открытиям бывшего беглого разведчика.

Он пишет:

«...Рокоссовский вскользь говорит: «Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в свое время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину и увидите, что хорошее в нем возьмет верх; любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть доверие сделают его отважным бойцом» (Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. Солдатский долг. С. 136).

Этим Рокоссовский вполне однозначно признает, что у него было достаточно возможностей убедиться в том, что из эков можно сделать солдата.

Но не это главное.

Главное в том, что Сталин предоставил экам «возможность искупить свою вину» и «стать отважными бойцами» ДО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА».

Что ж, проверим Суворова — Резуна.

Пишет такое К.К. Рокоссовский?

Пишет!

«В августе к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различного рода уголовные преступления» (т а м ж е. С. 136).

В августе... А Суворов — Резун говорит — «до нападения Гитлера». Как же так? Но, может, бригада формировалась до 22 июня 1941 года, потом ее обучали, а в августе она прибыла на фронт?

Я не буду мучить читателя и сразу сообщу только: Рокоссовский пишет про август 1942-го, а не 1941 года. Замечу, что в августе 1942-го К.К. Рокоссовский уже не командовал 16-й армией, а руководил Брянским фронтом, в который 16-я армия даже не входила.

Про то, что Рокоссовский пишет про 1942 год и не про 16-ю армию, — Суворов — Резун не упоминает.

Суворов — Резун пишет про якобы выдвигавшуюся к самой границе 16-ю армию, затем приводит слова Рокоссовского о лагерниках, что относились к Брянскому фронту, и тотчас переходит к заключению: Сталин начал вооружать эсков д о н а п а д е н и я Г и т л е р а. Суворов — Резун даже заглавными буквами это выделил, вбивая в сознание читателя, чтобы тот, упаси Боже, не вздумал проверять, что на самом деле писал К.К. Рокоссовский.

Итак, мы проверили «доводы» Суворова — Резуна. Какие он делает из них выводы?

«Если германская армия встретила дивизии и корпуса, укомплектованные эсками в начале июля, но в составе армий, прибывающих из далеких уральских, сибирских, забайкальских провинций, значит, Сталин дал экам оружие в руки до 22 июня 1941 года».

Свое фантастическое утверждение Суворов — Резун выделил жирным шрифтом. Но, занимаясь выделениями, Суворов — Резун запутался в собственной лжи. «Сталин дал оружие экам» до 22 июня — и в том же предложении пишется, что дивизии были укомплектованы эсками лишь в начале июля. Где эски с оружием пребывали между 22 июня и началом июля?

«Рассказ о «черных» дивизиях и корпусах мы начали с 63-го стрелкового корпуса 21-й армии. И тут упомянули комкора Петровского и комбрига Фоканова. Отчего же они не генералы? Ответ тут простой. В «черных» корпусах и дивизиях, (эта запятая тут у Суворова — Резуна. — А.П.) не только солдаты и офицеры, но и высшие командиры были ветеранами «барачных городков для лесорубов».

Страшно, ужасно. Но все проще: Петровский был генералом. Об этом пишет и Пласков, на которого ссылается Суворов — Резун:

«К месту прорыва командир 63-го корпуса генерал Л.Г. Петровский подтянул полки 167-й и 61-й дивизий» (П л а с к о в Г.Д. Под грохот канонады. С. 161).

Комкором генерал был по той причине, что командовал корпусом — хотя приказ о присвоении ему генерала действительно сильно задержался.

И возглавлял Л.Г. Петровский отнюдь не уголовников. Г.Д. Пласков пишет о дивизии из корпуса Петровского, где служил сам:

«53-я стрелковая дивизия родилась в огне гражданской войны, в 1919 году. Это было кадровое соединение, со славными традициями» (там же. С. 126).

«После первых боев 24-я армия попала в правильные руки: командование принял генерал-майор НКВД Константин Ракутин».

Намек Суворова — Резуна в следующем: армия, сформированная из уголовников, была взята в «соответствующие руки» генерала НКВД...

Тут от вопиющего невежества Суворова — Резуна просто приходишь в изумление.

К.И. Ракутин — пограничник чистейших кровей. В его честь на Камчатке, где он служил, названа пограничная застава. Генералом НКВД он был только потому, что охрана границы входила в ведение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). При чем тут «правильные руки», даже если бы 24-я армия была из одних уголовников?..

А из уголовников она не была. Когда 24-ю армию возглавил К.И. Ракутин, она состояла из великолепных строевых частей. Пройдет совсем немного времени, и дивизии 24-й армии под командованием Ракутина станут первыми гвардейскими дивизиями Красной Армии — и именно благодаря своей боевой выучке. В приказе о присвоении звания гвардейских этим дивизиям будет обобщен их боевой опыт для использования другими соединениями.

100-я дивизия в 1940-м брала «линию Маннергейма», за что получила орден Ленина. В тяжелые дни июня 1941 года она, без артиллерии, смогла задержать немцев на два дня, а затем вышла из окружения. Состояла дивизия поначалу в основном из белорусских крестьян, которые, уходя на восток, брали в мешочки родную землю. Потом дивизия получила пополнение из москвичей, ленинградцев и сибиряков. После боев под Ельней дивизия стала 1-й гвардейской.

127-я дивизия была сформирована 20 сентября 1939 года. В составе 16-й армии дивизия в середине июля смогла под Смоленском перейти в наступление — только положение на других фронтах не позволило дивизии развить успех. Под Ельней дивизия стала 2-й гвардейской, а затем знаменитой гвардейской Таманской. После войны дивизия неизменно участвовала в парадах на Красной площади.

153-я дивизия стала 3-й гвардейской, 161-я — 4-й гвардейской. Прошло совсем немного времени, и 26 сентября 1941 года гвардейскими стали 107-я и 120-я дивизии 24-й армии.

То, что советская гвардия появилась именно у Ракутина, не случайно. В советско-польскую войну 1920 года Ракутин служил в пригранич-

ной 53-й стрелковой дивизии, у которой при наступлении на Варшаву кончились боеприпасы. Дивизия отошла в Германию, где была интернирована. В лагере для интернированных К.И. Ракутин стал изучать немецкий язык и труды немецких военных теоретиков Клаузевица и Мольтке. Кроме теоретических воззрений Ракутин перенял у немцев импонирующую ему их пунктуальность и стремление продумывать мелочи. Так что летом 1941 года в боях под Ельней командующий 24-й армией ничем немцам не уступал — и даже превосходил их, поскольку, угадывая возможные их действия, поступал так, как они от него никак не ожидали. Это позволило командующему 24-й армией остановить врага на самом важном — московском — направлении и даже потеснить его.

В 24-й армии была также 6-я дивизия народного ополчения дивизии: около 300 работников НКВД — добровольцы Наркомата иностранных дел, преподаватели и студенты Московского института железнодорожного транспорта, а также рабочие и служащие Дзержинского района.

Так получилась, что под началом К.И. Ракутина оказалась и его давняя 53-я стрелковая дивизия. Интернированная в Германии, она была воссоздана в 1931 году; позднее ее сделал одной из лучших бывший офицер царской армии генерал-майор К.Ф. Баронов. В сражении под Ельней 53-я дивизия соединилась с 100-й, замкнув кольцо окружения. Позднее 53-я дивизия стала гвардейской. Но Ракутину этого увидеть уже не довелось. Перебросив из-под Ленинграда к Москве 4-ю танковую группу, немцы перешли в наступление, и 24-я армия попала в окружение. Возглавляя группу прорыва, К.И. Ракутин погиб.

ТЯЖЕЛЫЕ ОРУДИЯ КАЛИБРОМ 8,5 ММ

«Маршал Советского Союза К.С. Москаленко (в то время генерал-майор, командир бригады) получает задачу от командующего 5-й армией генерал-майора М.И. Потапова: «Здесь начала формироваться твоя бригада... Займешь вон тот участок леса, построишь лагерь». Мощная, полностью укомплектованная бригада в составе более 6000 человек с более сотней (так в тексте. — А.П.) тяжелых орудий калибром до 8,5 мм оборудует лагерь за три дня. После этого начинается напряженная боевая подготовка 8—10 часов в день, не считая ночных занятий, самоподготовки, обслуживания вооружения, тренировок при оружии (На юго-западном направлении. С. 18).

Если советские войска готовятся к обороне, то надо зарываться в землю, создавая непрерывную линию траншей от Ледовитого океана до устья Дуная. Но они этого не делают. Если они намерены мирно провести еще одну зиму, то начиная с апреля — мая надо строить, строить и строить. Но и этого не делается. Некоторые дивизии имеют где-то позади недостроенные казармы. Но многие дивизии создаются весной 1941 года и нигде ничего не имеют: ни казарм, ни барачных, но и не строят землянок. Где они собирались провести зиму, кроме как в Центральной и Западной Европе?»

Опять Суворов — Резун задает вопрос читателю.

Что ж, отвечаю.

Начну с того, что калибр 8,5 — это не калибр тяжелых орудий. Это калибр пулеметов. Возможно, ошибся наборщик и следовало написать 85 мм — но и это не калибр тяжелых орудий.

Перед 22 июня 1941 года на вооружении РККА находились лишь 85-мм зенитки образца 1939 года. О, это страшное оружие нападения на Европу...

Но формировались ли летом 1941 года бригады с оружием 85 мм?

Да, непосредственно перед войной в спешном порядке началось формирование 10 специальных противотанковых артиллерийских бригад по штатам, утвержденным 26 апреля 1941 года. В директиве Управления боевой подготовки артиллерии Красной Армии (от 12 мая 1941 года за № 276937) противотанковые артиллерийские бригады рассматрива-

лись как подвижный оперативный резерв командования армии (фронта), предназначенный для локализации прорыва крупных танковых соединений противника на том или ином участке фронта. «Бригады своим боевым порядком, — указывалось в директиве, — создают костяк противотанковых районов на путях вторжения танков противника». Основу таких бригад составляли 76-мм дивизионные и 45-мм противотанковые пушки, а также 85-мм зенитные пушки, которые предполагалось использовать как противотанковые. Не от хорошей жизни, конечно, поскольку эти зенитные орудия были громоздки и не имели защиты даже от пуль, — но куда деться? Предусматривалось вооружение противотанковых бригад 107-мм орудиями, но этих орудий было еще крайне мало.

На месте Суворова — Резуна, сочиняя книгу о нападении Сталина на Европу, я бы не высывался с противотанковыми бригадами резерва Ставки Главнокомандования, которые, по определению учебных пособий, являлись средствами локализации вражеских танковых прорывов.

Но читаем Суворова — Резуна далее.

«Центральный вопрос моей книги: ЕСЛИ КРАСНАЯ АРМИЯ НЕ МОГЛА ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД, НО И НЕ МОГЛА ДОЛГО ОСТАВАТЬСЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ, ТО ЧТО ЖЕ ЕЙ ОСТАВАЛОСЬ ДЕЛАТЬ?»

Коммунистические историки готовы обсуждать любые детали и выискивать любые ошибки. Но давайте отвлечемся от второстепенных деталей и дадим ответ на главный вопрос.

Все коммунистические историки боятся давать ответ на этот вопрос. Вот почему я привожу мнение генерала, который «с мая 1940 года — заместитель начальника Оперативного управления Генштаба; работал над оперативной частью плана стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил на северном, северо-западном и западном направлениях» (Советская военная энциклопедия. Т. 2. С. 27). В его планировании все было правильно, вот почему, начав войну генерал-майором, он через полтора года стал Маршалом Советского Союза. Это он, а не Жуков, правит Красной армией в последние годы жизни Сталина и сходит с высоких постов вместе со смертью Сталина.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский, вам слово: «Опасения, что на западе поднимется шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, надо было отбросить. Мы подошли... к Рубикону войны, и нужно было сделать твердо шаг вперед» (ВИЖ. 1978. № 2. С. 68).

В каждом грандиозном процессе есть критический момент, после которого события приобретают необратимый характер. Для Советского Союза этим моментом была дата 13 июня 1941 года. После этого дня война для Советского Союза стала совершенно неизбежной, и именно летом 1941 года, вне зависимости от того, как бы поступил Гитлер».

Говорил такие слова Василевский?

Говорил!..

Никто этого не отрицает.

Василевский после войны открыто говорил об упущенных возможностях. Но... Он говорил об упущенных возможностях в отмотилизовании армии — и только.

В воспоминаниях «Дело всей жизни» (М., 1978) А.М. Василевский пишет, что если бы к гигантским усилиям партии и народа по подготовке страны к отражению фашистской агрессии «добавить своевременное отмотилизование и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому» (С. 107).

Василевский указывает: «...Оправданно поставить вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласия на своевременное приведение войск в боевую готовность?» И отвечает на это вопрос: «...хотя мы и были еще не совсем готовы к войне... но если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решился на это...» (там же. С. 106—107).

Василевский утверждает, что Сталин не решился даже на приведение войск в боевую готовность (что могло вызвать осложнения с Германией), а Суворов — Резун, занимаясь обрезанием фраз для своей надобности, пытается посредством Василевского убедить нас в запланированной сталинской агрессии!..

Должен сказать, Суворов — Резун — мастер исказить смысл, заменяя слова отточиями. Но он еще и умелец, ничего не вырезая, давать комментарий, который как бы случайно убирает из цитаты о д н о слово, чем меняет весь ее смысл.

Пример:

«В предыдущих главах я уже упоминал Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный фронты, и это не ошибка. Официально они созданы после германского вторжения — как реакция на это вторжение. Но заглянем в архивы и будем поражены: начиная с февраля 1941 года эти названия уже фигурируют в документах, которые были в то время совершенно секретными. Часть документов уже рассекречена и пущена в научный оборот. Цитирую: «В феврале 1941 года военным советом приграничных округов были направлены... указания о немедленном оборудовании фронтовых командных пунктов» (ВИЖ. 1978. № 4. С. 86).

Официально на западных границах — пять военных округов. Неофициально — каждый военный округ уже готовит фронтовой командный пункт, т.е. создали не военно-территориальную структуру, а чисто военную, которая возникает только во время войны и только для руководства войсками во время войны.

Коммунистические историки уверяют нас, что до 22 июня 1941 года между СССР и Германией существовал мир, который якобы 22 июня был нарушен Германией. Эта смелая гипотеза фактами не подтверждена. Факты говорят об обратном. Развернув в феврале 1941 года командные пункты фронтов, Советский Союз фактически вступил в войну против Германии, хотя об этом и не заявил официально».

Этот подлог Суворова — Резуна состоит в следующем: распоряжение в феврале 1941 года о б о р у д о в а т ь фронтовые командные пункты он выдает за р а з в е р т ы в а н и е командных пунктов фронтов.

На самом деле только 19 июня 1941 года, когда уже все говорило о нападении немцев, было дано указание вывести на полевые фронтовые командные пункты фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Заметим: только фронтовые управления — фронты не были развернуты. Развертывание самих фронтов началось лишь с началом войны, 22 июня.

В полевые командные пункты «полевые управления фронтов и армий должны были выйти к 21—22 июня» (Ж у к о в Г.К., Воспоминания и размышления, Т 1, С. 282).

Штабная колонна управления Юго-Западного фронта прибыла в фронтовое управление только ранним утром 22 июня 1941 года — уже после начала войны. Судя по воспоминаниям, к 22 июня не было завершено даже оборудование командных пунктов. В управлении Юго-Западного фронта «здания поспешно переоборудовали, но, конечно, успели сделать далеко не все» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 211), а на Южном фронте «командный пункт фронта оказался совершенно неподготовленным — ни одного телефонного и телеграфного аппарата, ни одной радиостанции» (Т ю л е н е в И.В. Через три войны. С. 127).

Следует сказать, что оборудование фронтовых управлений вовсе не говорит о стремлении напасть, как и создание фронтовых управлений — и даже развертывание фронтов.

В 1938 году на границе с Китаем был создан Дальневосточный фронт — во время столкновений на Хасане и Халхин-Голе участвовавший в боевых действиях. Хотя боевые действия прекратились, фронт существовал и 22 июня 1941 года. Причина образования этого фронта — та же, что и причина распоряжения от 21 июня создать фронтовые управления на западной границе: угроза нападения. В Японии был разработан план нападения на СССР, зашифрованный под названием «Кон-То-Куэн» («Особые маневры Квантунской армии»). К июню 1941 года мобилизация для этого нападения была японцами полностью завершена. В порты Кореи, Маньчжурии и Курильских островов, которые предполагалось использовать как плацдармы для нападения на советский Дальний Восток, прибыли суда, груженные войсками, оружием и сна-

рядами. В рядах сосредоточенной у советских границ Квантунской армии было около 1 миллиона 100 тысяч человек — 35 процентов численности всей японской армии. В Квантунской армии находилось около половины военно-воздушных сил японцев и две трети танков.

Помимо этого в Китае находились 28 японских пехотных дивизий, 15 пехотных бригад, 2 кавалерийские бригады, 4 артиллерийские бригады, 3 артиллерийских полка, 4 горно-артиллерийских полка, 2 зенитных полка, 1 зенитный отряд, 1 минометный полк, 6 танковых полков, 4 танковых батальона, 5 железнодорожных полков, 1 мотомеханизированная бригада, 8 пулеметных батальонов и 6 отдельных батальонов. В этих войсках состояло 1 миллион 15 тысяч человек. Вооружена была эта армия 3262 артиллерийскими орудиями, 942 танками и бронемашинами, 1080 самолетами.

У японцев не было танков Т-34 или американских «сверхкрепостей», но на случай начала военных действий с СССР у Японии было нечто получше: бактериологическое оружие. Сотрудники отряда № 731, которым командовал японский генерал Исии Сиро, в районе китайского города Нимбо рассеяли блох, зараженных чумой. Вспыхнувшая после этого эпидемия чумы стоила жизни десяткам тысяч людей.

Само собой, из-за угрозы нападения японцев надо было создавать Дальневосточный фронт.

Надо было создавать и фронт на Западе.

Суворов — Резун:

«...Из Генерального штаба сыплются драконовские приказы: на провокации не поддаваться (Жуков и Тимошенко тоже в германскую агрессию не очень верили).

Вопрос: если высшие советские политические и военные руководители не верят в возможность германского вторжения, зачем же они только что создали фронты?»

Жуков и Тимошенко в е р л и в германскую агрессию. Это давно всем известно, по книге Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления».

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждавший, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркомку и И.В. Сталину то, что передал мне М.А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду».

Но Суворов — Резун не читал Г.К. Жукова и считает, что Жуков и Тимошенко не верили в немецкую агрессию. И тут Суворов — Резун ставит лукаво вопрос.

«Вопрос: если высшие советские политические и военные руководители не верят в возможность германского вторжения, зачем же они только что создали фронты?»

Ответ: ФРОНТЫ БЫЛИ СОЗДАНЫ НЕ ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ, а для другой цели».

Тут, давая ложную посылку (Жуков и Тимошенко не верили в германское нападение), Суворов — Резун делает нужный для него вывод: были созданы фронты (которых на самом деле не было) исключительно для нападения...

Что касается «высших советских политических руководителей», то многие источники говорят, что Сталин не имел какого-то твердого мнения: нападет Гитлер или нет. Это есть в тех же «Воспоминаниях и размышлениях». В ответ на предложение Жукова и Тимошенко дать директиву войскам о приведении войск в полную боевую готовность Сталин ответил: «Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем».

М о ж е т б ы т ь... И.В. Сталин колебался.

Фюрер клялся «честью главы государства» в том, что не начнет войны, и вместе с тем у советских границ изготовились для нападения мощные германские войска.

«Рекогносцировку с советской стороны проводят командиры всех рангов. Начальник инженерных войск Юго-Западного фронта генерал-майор А.Ф. Ильин-Миткевич в момент начала войны оказался на самой границе в Рава-Русской (подполковник Р.Г. Уманский. На боевых постах. С. 39)».

Блестящий аргумент в пользу агрессивности Сталина. Начальник инженерных войск (не танкист или кавалерист) встретил войну в Рава-Русской, где строился мощнейший узел оборонительных укреплений. И это Суворов — Резун выдает за желание Сталина вероломно напасть на Германию.

Заметим, что укрепрайон близ Рава-Русской — даже недостроенный — сыграл очень важную роль в первые дни войны.

«В 6-й армии самое трудное испытание выпало на долю правофланговых — 41-й стрелковой, 3-й кавалерийской дивизий и батальонов Рава-Русского укрепрайона. На 41-ю дивизию, успевшую развернуться в промежутках между дотами укрепрайона, обрушился удар двух вражеских пехотных дивизий» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 227).

«Стойкость пограничников во многом способствовала первому успеху частей 41-й дивизии — стремительным броском ее дивизии выдвинулись на основной оборонительный рубеж, с ходу — в нескольких местах уже с боем — заняли подготовленные и заранее оборудованные сооружения. Пулеметчики завладели новым дотом «Комсомолец» у шоссе, идущего к Рава-Русской. Гарнизон «Комсомольца», которым командовал старший лейтенант И. Мартынчик, а также гарнизоны недостроенных дотов «Медведь», «Незабудка» наносили врагу серьезные потери.

В ходе боев первого дня войны, — пишет в своих воспоминаниях бывший начальник штаба дивизии Н. Еремин, — мы сумели удержать при сравнительно небольших потерях решающий оборонительный рубеж, с которого не только нанесли весьма значительное поражение противнику, но и на всем своем фронте остановили его дальнейшее продвижение...» (В солдатской шинели. С. 24).

Министерство национальной обороны ГДР позднее прислало данные, согласно которым советской 41-й дивизии противостояли пять пехотных дивизий и 14-й моторизованный танковый корпус. Однако укрепления Равы-Русской позволили 41-й дивизии сдержать эти силы.

«Полковник в отставке М. Карполуд пишет: «Гарнизон дота на высоте 390 был 22 июня блокирован и сражался в полном окружении до контрудара наших войск. Тот же гарнизон, вновь оставшись в тылу врага, продолжал сражаться. Он не сложил оружия, даже когда противник стал автогеном резать амбразурные устройства...»

Наступило 30 июня, а западнее Рава-Русской 296-я немецкая дивизия все еще несла тяжелые потери — там яростно сопротивлялись гарнизоны «Комсомольца», «Незабудки» и других дотов. Их выкуривали — они не прекращали огня и погибали непобежденными» (В солдатской шинели. С. 30).

ЦИТАТЫ ИЗ МЕРЕЦКОВА

Суворов — Резун пишет:

«По приказу генерала армии К.А. Мерецкого в июле 1940 года была проведена рекогносцировка по всей западной границе. В ней приняли участие тысячи командиров всех рангов, включая генералов и маршалов, занимавших высокие посты, а Мерецков, который недавно рассматривал финскую границу, делает то же самое на румынской и финской границах. Товарищ Маршал Советского Союза, вам слово: «Я лично провел длительное наблюдение с передовых пограничных постов (На службе народу. С. 202). Затем я объехал пограничные части» (там же. С. 203)».

Проверим Суворова — Резуна. И, как всегда, находим подлог.

Суворов — Резун говорит о 1940 году, а цитируемые им слова Мерецкого относятся к середине 1941 года, когда с границы поступили тревожные сведения о концентрации немецких войск на западной границе. Ознакомившись с масштабами концентрации, Мерецков отбыл в Москву, и по его докладу были предприняты экстренные меры по подготовке к отражению возможного нападения.

Вот страница 202 из книги Мерецкого, на которую ссылается Суворов — Резун:

«В ходе дальнейшей беседы И.В. Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Поэтому порядок ввода в строй механизированных корпусов будет еще обсуждаться. Необходимо сейчас уделить главное внимание обучению войск. Политбюро считает, говорил И.В. Сталин, что Наркомат обороны усилили, возвратив туда меня, и ждет активной деятельности.

Так закончился этот разговор с И.В. Сталиным. На следующий день я целиком переключился на боевую и учебную подготовку армии. С этого момента и вплоть до войны я виделся с И.В. Сталиным редко.

Считая наиважнейшим из средств обучения практические учения, приближенные к боевым действиям, я наметил план действий в этом направлении и ряд поездок по военным округам. Нарком утвердил их без особых изменений.

Весной 1941 года я был на учениях в Ленинградском военном округе, которым командовал генерал-полковник М.М. Попов. Поездку в

ЛВО считаю успешной. Командный состав поставленные задачи решал правильно. Войска готовились хорошо. Затем отправился в Киевский особый военный округ. В конце мая начальник оперативного отдела штаба округа генерал-майор Баграмян доложил мне обстановку. Дело приближалось к войне. Немецкие войска сосредоточивались у нашей границы. Баграмян назвал весьма тревожную цифру, постоянно возрастающую. Прежде чем доложить в Москву, я решил еще раз все перепроверить. Поехал во Львов, побывал в армиях округа. Командармы в один голос говорили то же самое. Тогда я лично провел длительное наблюдение с передовых приграничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно.

На правом фланге Киевского особого военного округа строился в то время укрепленный район. Сооружения уже возвели, но еще не было оборудования. Имелись и части, предназначенные для укрепленного района. Взяв на себя инициативу, я сообщил командарму-5 генерал-майору танковых войск М.И. Потапову, что пришлю своего помощника с приказом провести опытное учение по занятию укрепленного района частями армии, с тем, чтобы после учения 5-я армия осталась в укрепленном районе. В других местах оборонительные работы были еще не завершены. Ответственным за строительство укрепрайонов был Б.М. Шапошников, и я решил дополнительно переговорить с ним в Москве».

На этом страница 202 книги Мерецкова кончается.

Теперь посмотрим, как цитирует Мерецкова Суворов — Резун. Вот образец его тонкого обращения с источником:

«Товарищ Маршал Советского Союза, вам слово: «Я лично провел длительное наблюдение с передовых пограничных постов».

Читая это, наивный читатель подумает, что Мерецков, готовясь к войне, высматривал цели для огня и атак.

Но там, где Суворов — Резун поставил точку, у Мерецкова на самом деле стоит запятая, а дальше идет предложение «и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно». К границе Мерецков отправился потому, что ему сообщили о концентрации немецких войск на границе. На странице 202 об этом сказано совершенно определенно. Но Суворов — Резун это место пропустил, представив дело так, как будто слова Мерецкова относятся к 1940 году, к его — ну прямо мифической — рекогносцировке границы.

К слову, если предложение обрывают, не ставя отточия, это уже подлог, подтасовка фактов.

Подобное цитирование — с обрывом строки — применяет т о л ь к о Суворов — Резун, и применяет очень часто.

Далее в книге Суворов — Резун цитирует страницу 203 воспоминаний Мерецкова:

«Затем я объехал пограничные части».

Это предложение не оборвано — но весьма хитро вырвано из контекста. У Мерецкова:

«Затем я объехал пограничные части. Все они были начеку, и почти везде я слышал, что на той стороне неблагополучно».

Суворов — Резун:

«Мерецков вместе с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М.П. Кирпоносом проверяют рекогносцировку на всем участке Киевского особого военного округа».

Читатель взволнован: оказывается, уже в 1940 году был создан Юго-Западный фронт. Так Сталин готовил удар!

Но К.А. Мерецков про «Юго-Западный фронт» н и ч е г о не пишет: такого фронта тогда не существовало. Мерецков инспектировал КОВО (ставший позднее Юго-Западным фронтом) в конце мая 1941 года. Инспекция осуществлялась с целью проверить состояние войск перед явно готовившимся немцами нападением. Мерецков писал: «Здесь были допущены ошибки. Почти вся зенитная и противотанковая артиллерия переформировывались одновременно, поэтому противотанковая артиллерийская бригада утратила свою боевую готовность. Чтобы командный состав армии убедился в этом, я провел с ним военную игру. Как я и ожидал, в ходе игры обнаружилось, что «танки» противника могут действовать почти беспрепятственно. На разборе я подчеркнул серьезность допущенного промаха».

А Суворов — Резун цитирует Мерецкова дальше:

«Из Киева я отправился в Одессу, где встретился с начальником штаба округа генерал-майором М.В. Захаровым... я вместе с ним поехал к румынскому кордону. Смотрим с ним на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных».

Здесь Суворов — Резун тоже поработал ножницами, чтобы исказить смысл, как ему хочется. Из приведенного отрывка можно заключить, что Мерецков готовил нападение. Однако полный отрывок такого заключения не дает:

«Это было уже в начале войны. А тогда, накануне нее, из Киева я отправился в Одессу, где встретился с начальником штаба округа генерал-майором М.В. Захаровым. Выслушав его подробный доклад, из которого явствовало, что и здесь на границе наблюдается тревожная картина, я вместе с ним поехал к румынскому кордону. Смотрим мы на ту сторону, а оттуда на нас смотрит группа военных. Оказывается, это были немецкие офицеры».

Мерецков ясно пишет, какой была его причина появления у границы. «На границе наблюдается тревожная картина». Это Суворов — Резун, конечно, убрал. Направившись к границе, Мерецков убедился в «тревожности картины»: с противоположного берега смотрели не-

мецкие офицеры, которым в Румынии ну никак не следовало быть.

Но вот нашему закройщику надоедает работать ножницами, и он начинает просто врать:

«Но вернемся к Мерецкову. Из Одесского военного округа он спешит в Белоруссию, где с генералом Д.Г. Павловым тщательно рекогносцирует советско-германскую границу и германскую территорию. Короткий визит в Москву, и Мерецков уже на Северном фронте».

Тут нагромождение лжи.

1. Мерецков не мог быть на Северном фронте: Северного фронта тогда еще не существовало.

2. С генералом Д.Г. Павловым Мерецков «германскую территорию» не рекогносцировал. Про Павлова Мерецков пишет следующее: «Познакомившись с положением на западной границе и выслушав доклад Павлова, я убедился, что и здесь Германия сосредотачивает силы».

Все. Из этого отрывка даже не следует, что Мерецков и Павлов ездили к границе.

3. Из Одессы Мерецков улетел с докладом в Москву, затем — в Западный особый военный округ, что располагался в Белоруссии. У Суворова — Резуна порядок другой: Одесса — Белоруссия — Москва.

Может, тут просто ошибка? Видимо, Суворов — Резун не туда посмотрел. Упомянув М.В. Захарова, с которым он повидался в Одессе, Мерецков пишет, что тот был его сослуживцем по Белорусскому военному округу. Видно, Суворов — Резун даже не может внимательно читать чужие книги, потому что так увлечен своей...

Врет Суворов — Резун и дальше:

«Попутно он сообщает, что командующего Северо-Западным фронтом он в штабе не застал, тот проводит много времени на границе. Командующего Северным фронтом генерал-лейтенанта М.М. Попова тоже нет в штабе — он на границе».

Тут и разбирать не стоит: плод воображения. В воспоминаниях Мерецкова ничего не сказано и о том, что руководители «фронта» уехали на границу. Вероятно, наш художник слова это сочинил, исходя из фразы: «Заместитель командующего округом генерал-майор Е.П. Сафонов доложил мне о сосредоточении немецких войск на границе».

Раз заместитель — значит, командующего нет на месте. Нет командующего — где же он? Ясно, на границе. Так и запишем: «Командующий на границе». Командующий фронтом. Занимается рекогносцировкой. Раньше, до середины июня 1941 года, эта задача командующему в голову прийти не могла.

К слову, в воспоминаниях Мерецкова есть описание результатов его инспекционной поездки:

«Я вылетел в Москву. Ни слова не утаивая, доложил о своих впечатлениях и наблюдениях на границе наркому обороны. С.К. Тимошенко

при мне позвонил И.В. Сталину и сразу же выехал к нему, чтобы доложить лично. Было приказано по-прежнему на границе порядков не изменять, чтобы не спровоцировать немцев на выступление.

М.П. Кирпонос, относясь к делу очень серьезно, отдал распоряжение о занятии полевых позиций в пограничных укрепрайонах Киевского особого военного округа и начал подтягивать войска второго эшелона. В Москву поступило сообщение об этом. Передвижение соединений из второго эшелона было разрешено, но по указанию Генштаба войскам КОВО пришлось оставить предполье и отойти назад. До рассмотрения сходной инициативы Одесского военного округа дело не дошло. В результате на практике войска этого округа были в канун войны, можно считать, в боевой готовности, чего нельзя сказать о войсках Киевского особого военного округа, а также о Западном округе» (там же. С. 205—206).

Итак, войска КОВО (Киевского особого военного округа) отводятся назад. Цитируя К.А. Мерецкова, Суворов — Резун об этом не пишет.

А что же он пишет?

«Тут надо заметить, что генерал Мерецков проводит рекогносцировку вместе с генералом Захаровым, тем самым Захаровым, который сообщает, что проведение группами германских генералов и офицеров рекогносцировочных работ создало в апреле 1941 года «новую ситуацию». А не задумывались ли вы, товарищи маршалы и генералы, над тем, что германские рекогносцировки, начатые в апреле 1941 года, были просто ответом на массированные советские рекогносцировки, проводимые еще с июля 1940 года?»

Вот так! Поездка Мерецкова к границе переносится Суворовым — Резуном с мая — июня 1941 года на 1940 год, после чего он делает гневное обличение: гитлеровские генералы были вынуждены заняться рекогносцировкой в 1941-м в ответ на наши рекогносцировки в 1940-м.

«Командиры советских дивизий и корпусов, расположенных в глубине советской территории, тоже посещали границу, и весьма интенсивно. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский (в то время он был генерал-майором и командовал механизированным корпусом, но не у самых границ) вспоминает, что часто навещал И.И. Федюнинского, корпус которого был прямо на границе».

Хорошая цитата.

Убеждает...

Единственная проблема: Маршал Советского Союза про «часто навещал» не вспоминает.

К.К. Рокоссовский:

«В мае 1941 года командующий Киевским военным округом М.П. Кирпонос провел полевую поездку фронтового масштаба. В ней принимал участие и наш мехкорпус, взаимодействуя с 5-й общевойско-

вой армией на направлении Ровно, Луцк, Ковель. Много ожидал от этого учения. Надежды не оправдались. Разбор, произведенный командующим округом, был весьма бледным, трудно было определить, что, собственно, от нас требовалось... Еще во время окружной полевой поездки я беседовал с некоторыми товарищами из высшего командного состава. Это были генералы И.И. Федюнинский, С.М. Кондрусев, Ф.В. Камков (командиры стрелкового, механизированного и кавалерийского корпусов). У них, как и у меня, сложилось мнение, что мы находимся накануне войны с гитлеровской Германией. Однажды заночевал в Ковеле у товарища Федюнинского. Он оказался гостеприимным хозяином. Разговор все о том же: много беспечности. Договорились о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой» (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 8—9).

Всё.

Больше о Федюнинском в книге нет ничего. Где тут «часто навещал И.И. Федюнинского»? К слову, и Федюнинский пишет об одной встрече — 20 июня.

Далее Суворов — Резун рассказывает о «предупреждениях» Черчилля:

«Коммунистическая пропаганда сделала очень много для того, чтобы укрепить миф о «предупреждениях» Черчилля. С этой целью Хрущев цитировал послание Черчилля Сталину от 18 апреля 1941 года. Выдающийся советский военный историк (и тончайший фальсификатор) В.А. Анфилов цитирует это послание Черчилля во всех своих книгах. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков это послание приводит полностью. Генерал армии С.П. Иванов делает то же самое. Официальная «история Великой Отечественной войны» настойчиво вбивает нам мысль о предупреждениях Черчилля и полностью цитирует его послание от 18 апреля. А кроме этого послание Черчилля мы найдем в десятках и сотнях советских книг и статей.

Вот сообщение Черчилля:

«Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы, после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех бронетанковых дивизий из пяти находившихся в Румынии. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов».

В таком виде послание Черчилля публикуют все советские историки, настаивая и уверяя, что это и есть «предупреждение». Лично я никакого предупреждения не вижу».

Далее Суворов — Резун громоздит свои домыслы, но мы их пропустим, чтобы сразу сообщить то, чего он не знает: в апреле 1941 года У. Черчилль передал И.В. Сталину дату нападения Гитлера на СССР,

хоть и ошибочную — 30 июня. Эта дата стала известна из беседы А. Гитлера с регентом Югославии принцем Павлом. Что касается предупреждения от 18 апреля, то тут, видимо, Суворов — Резун путает с другим посланием. Первое предупреждение Черчилля было отправлено 3 апреля, но посол Англии в СССР Криппс по его получении рассудил, что оно слишком кратко, и передал свое собственное, весьма пространное сообщение. Черчилль, однако, настаивал на том, чтобы его послание было доведено до адресата. «Послание Черчилля было передано Криппсом только 19 апреля. 22-го оно было вручено Сталину» (В о л к о в Ф. Д. За кулисами Второй мировой войны. С. 113).

Не знает, видимо, Суворов — Резун и того, отчего у Черчилля вдруг возникла идея послать это сообщение. Когда немцы начали перебрасывать танковые дивизии в район Кракова, Черчилль вдруг понял все. Позднее он вспоминал, что «эти события осветили восточную сцену как молния. Неожиданное перемещение к Кракову гигантского числа вооруженных сил, необходимых на Балканах, могло означать только лишь намерение вторгнуться в Россию в мае».

Но британский подданный Суворов — Резун по какой-то причине не хочет сходить в английскую библиотеку, где наверняка есть работы У. Черчилля, — и потому прибегает к домыслу:

«В гораздо большей степени это приглашение Сталину: немцы хотели перебросить дивизии в Польшу, но передумали — тебе нечего бояться, тем более, что их дивизии в Румынии повернуты к тебе задом! Оцени эти факты и действуй!»

Поразительная проницательность! Суворов — Резун понял тайный смысл послания Черчилля: пока дивизии расположены к тебе задом — разбегись и пни их в зад! Но беги очень быстро: танк поворачивает пушку назад за 30 секунд...

«Письма Черчилля мы не имеем права рассматривать как предупреждения: Черчилль написал свое первое большое письмо Сталину 25 июня 1940 года, когда плана «Барбаросса» еще не было!»

Нет у нас права рассматривать письмо Черчилля как предупреждение. Черчилль 25 июня 1940 года, до «Барбароссы», не имел права писать какие-либо предупреждения...

Суворов — Резун, похоже, не знает, что желание напасть на Россию по окончании кампании на Западе Гитлер высказывал своим генералам еще на совещании 23 ноября 1939 года (См.: От «Барбароссы» до «Терминала». С. 34). Сразу после разгрома Франции, в июне 1940-го, Гитлер сообщил, что намеревается вторгнуться в Россию осенью 1941 года. Сославшись на плохие погодные условия и трудности в переброске войск, Кейтель убедил Гитлера перенести срок на весну.

«Легенда о «предупреждениях» Черчилля нужна коммунистам для того, чтобы оправдать свои агрессивные приготовления: да, признают

они, внезапный удар готовили. Но это не наш собственный замысел, это нас Черчилль предупредил».

И опять Суворов — Резун прибегает к домыслу про «коммунистов» от незнания действительных фактов. Предупреждения были не только от Черчилля. И эти предупреждения хорошо известны.

План «Барбаросса» был утвержден 18 декабря 1940 года, а уже 25 декабря 1940 года советский военный атташе в Берлине получил анонимное письмо, в котором сообщалось о принятом Гитлером решении и довольно подробно излагалась директива фюрера. Позднее предупреждение было получено от посла Германии в СССР графа Шуленбурга. 1 марта 1941 года посол СССР в США был информирован о добытых американской разведкой сведениях об агрессивных планах Германии против советской России. В конце февраля советский разведчик Ш. Радо сообщил в Центр: «Германия имеет сейчас на Востоке 150 дивизий... Выступление Германии начнется в конце мая». После того как Гитлер из-за Югославии перенес срок выступления, Ш. Радо сообщил в конце марта в Центр: «Гитлер отложил операцию («Барбаросса») на четыре недели». С приближением даты нападения предупреждения стали особенно настойчивыми. 5, 10 и 13 июня 1941 года А. Иден в беседах с послом Майским предостерегал его об угрозе со стороны Германии; 13 мая он сообщил, что «если Германия нападет на СССР, то английское правительство готово будет оказать помощь Советской стране, используя английскую авиацию против немцев, посылкой в Москву военной миссии, представляющей три вида вооруженных сил, и практически возможной военной помощью». 14 июня 1941 года Советскому правительству была направлена нота, в которой сообщалось «о концентрации германских войск на советских границах».

Нарком ВМФ Кузнецов пишет, что японский военно-морской атташе Ямагути, вернувшись из Берлина, настойчиво добивался приема в отделе внешних сношений и сообщил: «Не исключено столкновение между Берлином и Москвой» (Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 312). 30 января 1941 года Кузнецов известил об этом разговоре К.Е. Ворошилова.

Но вернемся к Суворову — Резуну. Какие еще «открытия» сделал он от незнания истории?

«Мой свидетель — Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов (в 1941 году — адмирал, Нарком ВМФ СССР, член ЦК, член Ставки Главного командования с момента ее создания). Вот его показания: «Для меня бесспорно одно: И.В. Сталин не только не исключал возможность войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал... неизбежной... И.В. Сталин вел подготовку к войне — подготовку широкую и разностороннюю, — исходя из намеченных им самим... сроков. Гитлер нарушил его расчеты» (Накануне. С. 321)».

Убеждает.

Сталин хотел напасть, но Гитлер нарушил его расчеты, напав первым.

Но что это за странные отточия? С чего бы это Суворов — Резун стал сокращать слова Кузнецова?

Откроем книгу Н.Г. Кузнецова. Я выделил то, что Суворов — Резун изъясл:

«Для меня бесспорно одно: И.В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал **весьма вероятной и даже, рано или поздно, неизбежной**. Договор 1939 года он рассматривал лишь как отсрочку, но отсрочка оказалась **значительно короче, чем он ожидал**. Его ошибкой, по моему мнению, было **неправильное определение сроков конфликта**. И.В. Сталин вел подготовку к войне — подготовку широкую и разностороннюю, — исходя из намеченных им самим **отдаленных сроков**. Гитлер нарушил его расчеты».

Почему Суворов — Резун изъясл часть текста?

А вот почему:

1. Упоминание о том, что Сталин считал войну всего лишь «вероятной», сводит на нет всю теорию Суворова — Резуна о долго готовившемся и намеченной на 6 июля 1941 года нападении Красной Армии. Поэтому Суворов — Резун акцентирует внимание на слове «неизбежной».

2. Слова об «отсрочке» говорят о желании Сталина оттянуть начало войны, а это перечеркивает теорию Суворова — Резуна.

3. Упоминание о «неправильно определенных» сроках конфликта подразумевает сроки нападения Германии, а не СССР.

4. Слова об «отдаленных» сроках тоже противоречат теории Суворова — Резуна о готовившемся 6 июля 1941 года нападении. Сталин действительно считал, что Германия нападет — но вряд ли сделает это в 1941 году [Из докладной записки Л.П. Берии И.В. Сталину от 21 июня 1941 года: «...Ф.И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!» (Б е р и я С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 130)].

Читаем Суворова — Резуна дальше:

«Адмирал совершенно открыто и ясно говорит нам, что Сталин считал войну неизбежной и серьезно к ней готовился».

Ну, допустим. Если обкорнать текст адмирала так, как это сделал Суворов — Резун, то действительно можно сделать такой вывод.

«Мне понятно, что в Нюрнберге судьям из «международного трибунала» не хватило желания (и профессиональной честности) найти настоящих виновников войны. Но мне не понятно, почему же «судьи» после призна-

ний адмирала Кузнецова не собрались срочно в Нюрнберге и не сняли часть обвинений против Кейтеля, Йодля, германского Вермахта и вообще всей Германии?»

Подумать только: Германия не виновата! Виноваты судьбы в Нюрнберге, у которых не хватило «профессиональной честности» заниматься искажением слов Н.Г. Кузнецова в манере Резуна.

Далее Суворов — Резун показывает агрессивные планы Сталина в действии.

«22 июня 1941 года 41-я стрелковая дивизия 6-го стрелкового корпуса 6-й армии, не дожидаясь приказов сверху, действуя по предвоенным планам, перешла государственную границу в районе Рава-Русская».

Хороший довод в пользу агрессивности И.В. Сталина.

Прекрасный.

Но ссылки опять нет.

Жаль. Если Суворов — Резун знает предвоенные планы 6-й армии, ему следовало бы их привести — и всем сразу стало бы ясно: Сталин готовил нападение.

Но не приводит Суворов — Резун планов 6-й армии. Не нашел он этих планов.

В.А. Анфилов в своей книге приводит план, и именно для 6-й армии. Этот план находится в Центральном архиве Министерства обороны: ЦАМО СССР. Ф. 229. Оп. 181. Д. 25. Л. 31.

Анфилов описывает этот план следующим образом:

«Армия в составе 6-го стрелкового, 4-го и 15-го механизированных корпусов получила задачу прикрыть сосредоточение и развертывание войск и не допустить прорыва противника на территорию СССР, а вклинившиеся части уничтожить. Ширина полосы прикрытия армии составляла 165 км. Опорой ее являлись Струмиловский и Рава-Русский укрепленные районы, в главной полосе обороны которых было построено большое количество дополнительных огневых точек. Прикрытие границы планировалось организовать следующим образом. Пограничным отрядам (а их в полосе 6-й армии было два — 91-й и 92-й) следовало установить прочную связь с так называемыми отрядами поддержки, выделенными от дивизий первого эшелона (всего в полосе армии 8 отрядов, каждый в составе одного усиленного стрелкового батальона). В случае нападения противника предписывалось вызвать отряды поддержки и совместно с ними в предполье уничтожить вражеские части. Тем временем надлежало выдвигаться на полевые позиции основным силам первого эшелона и постоянным гарнизонам укрепленных районов (21, 36, 44, 140 и 141-й пулеметный батальоны)... В случае прорыва противником предполья, отмечалось далее в плане, задача частей укрепленного района не допустить дальнейшего продвижения и во взаимодействии с полевыми войсками остано-

вить вторгшегося врага. В случае вторжения крупной группировки в сражение вводились резервы района прикрытия (механизированные корпуса). С этой целью каждому механизированному корпусу было определено несколько направлений контрударов. Совместно с авиацией и артиллерийскими противотанковыми бригадами им предстояло уничтожить вторгшегося врага» (А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. С. 83).

Утром 22 июня дивизия действовала в полном соответствии с доведенными планами:

«Стойкость пограничников во многом способствовала первому успеху частей 41-й дивизии — стремительным броском ее дивизии выдвинулись на основной оборонительный рубеж, с ходу — в нескольких местах уже с боем — заняли подготовленные и заранее оборудованные сооружения. Пулеметчики завладели новым дотом «Комсомолец» у шоссе, идущего к Рава-Русской. Гарнизон «Комсомольца», которым командовал старший лейтенант И. Мартыничик, а также гарнизоны недостроенных дотов «Медведь», «Незабудка» наносили врагу серьезные потери» (В солдатской шинели. С. 24).

Таким образом, 41-я дивизия, вопреки Суворову — Резуну, не вторглась 22 июня на территорию врага, а отбивала у врага свой собственный укрепрайон.

А вот 23 июня 41-я стрелковая дивизия действительно перешла границу, но не «по предвоенным планам», а в ходе контратаки.

«Наша атака была стремительной и столь неожиданной для врага, что он дрогнул, побежал. Мы прошли без отдыха километров восемь, преследуя отступающих и не заметив, как перешли границу. Между Любыча-Крулевской и Махнувом вся земля была изрыта воронками наших снарядов. Мы видели много брошенных минометов, грузовиков — ошеломленные немецкие солдаты в панике бежали. С нами в бою находились командир полка Гатта Гарифович Чумарин и батальонный комиссар Василий Григорьевич Кацаев. Они объявили, что полк уже на три километра углубился во вражескую территорию, и приказали окопаться: «Мы не захватчики». Появились «юнкеры», они больше двух часов бомбили нашу оборону, но часть бомб легла туда, откуда мы отошли...» (т а м ж е. С. 24).

Контратака 23 июня была одной из очень немногих удач Красной Армии, и потому она отражена в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жукова:

«23 июня немцы возобновили атаки, особенно сильные на Рава-Русском направлении. Кое-где вражеским частям удалось вклиниться в оборону 41-й дивизии, но благодаря твердому руководству генерала Г.Н. Микушева противник контратакой вновь был отброшен на исходное положение».

К слову, в районе Равы-Русской перед нападением немцев границу перешел немецкий перебежчик и сообщил о готовящемся нападении. Пограничники информировали о нем командование 41-й дивизии, и это привело дивизию в повышенную боеготовность. Именно благодаря боеготовности 41-я дивизия смогла отбить укрепрайон, а затем сдерживать в о с е м ь д и в и з и й врага. Если бы в боевую готовность были приведены все дивизии прикрытия и если бы они находились у границы — кто знает, как пошел бы ход войны?..

А Суворов — Резун продолжает фантазировать:

«Утром 22 июня 1941 года командующий Северо-Западным фронтом, не дожидаясь приказа Москвы, отдает приказ своим войскам нанести удар в направлении Тильзита в Восточной Пруссии... Действия командующего Северо-Западным фронтом — это не импровизация. Просто генерал-полковник Кузнецов ввел в действие предвоенный план».

Ссылки опять нет.

На самом деле утром 22 июня командующий Северо-Западным фронтом не дожидаясь «приказа Москвы», поскольку приказ — директиву № 1 — он получил еще ночью. Ночью 22 июня в 0 часов 30 минут из Москвы на Северо-Западный фронт был передан приказ о приведении войск в боевую готовность, поскольку «возможно внезапное нападение немцев», но в приказе ставилась задача «не поддаваться ни на какие провокации». Исходя из этого, командующий Северо-Западным фронтом Ф.И. Кузнецов и действовал во время нападения. В.А. Анфилов, ссылаясь на документ ЦАМО СССР. Ф. 229. Оп. 164. Д. 1. Д. 71., пишет, что В.И. Кузнецов в 6 часов 10 минут докладывал, что в 4 часа он «отдал приказ контратаками отбросить противника и... принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы» (Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. С. 117).

Суворов — Резун продолжает самозабвенно врать:

«Соседнему Западному фронту высшее командование ставит задачу нанести сверхмощный удар в направлении польского города Сувалки. И для командующего Западным фронтом это не сюрприз. Он и сам знает задачу своего фронта и задолго до московской директивы уже отдал приказ наступать на Сувалки».

Западный фронт?

И это есть в книге историка В.А. Анфилова, со ссылкой на «Военно-исторический журнал» (1961. № 4. С. 65).

«Штаб Западного фронта. Заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И.В. Болдин докладывает по телефону наркому обороны о том, что немецкие самолеты продолжают с бреющего полета расстреливать советские войска, мирное население. На многих участках противник перешел границу и продвигается вперед. «Внимательно

выслушав меня, — вспоминал генерал Болдин, — маршал Тимошенко (нарком обороны. — А.П.) говорит:

— Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать.

— Как же так, — кричу в трубку, — наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди...

— Иосиф Виссарионович считает, что это, возможно, провокационные действия некоторых германских генералов...

— Товарищ маршал, нам нужно действовать. Каждая минута дорога. Это не провокация. Немцы начали войну!

Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. В противном случае дело обернется плохо. Но нарком, выслушав меня, повторил прежний приказ» (там же. С. 118).

Далее, наконец, Суворов — Резун дает-таки ссылку:

«Генерал-майор А.И. Михалев прямо признает, что Южный и Юго-Западный фронты советское командование не планировало использовать для оборонительных или наступательных действий. «Стратегические цели предполагалось достичь переходом войск фронтов в решительное наступление» (ВИЖ. 1986. № 5. С. 49). Таких признаний вполне достаточно, чтобы в Нюрнберге вновь собрать трибунал и разобрать причины советско-германской войны еще раз».

Опять же непонятен обличительный пафос этого афериста в исторической науке. Стратегические цели действительно предполагалось достигнуть переходом в решительное наступление. Никто с этим не спорит. Но переходом от чего?.. Переходом от обороны. Не от наступления же переходить в наступление. И не от «нерешительного наступления» переходить к «решительному».

«До 30 июня 1941 года Жуков настаивал на наступлении и требовал от командующих фронтами только наступления. И только в июле он и его коллеги пришли к выводу, что крокодил, у которого почти смертельная рана, наступать не может».

Дался Суворову — Резуну Г.К. Жуков...

Г.К. Жуков не мог требовать «от командующих фронтами» наступления, поскольку 22 июня И.В. Сталин послал его представителем Ставки на Юго-Западный фронт. «До 30 июня» Жуков не мог «настаивать на наступлении», поскольку вечером 26 июня вернулся в Москву и в ночь с 26-го на 27-е предложил Сталину оборонительный план. В «Воспоминаниях и размышлениях» он описывает этот план следующим образом:

«Обсудив положение, мы ничего лучшего не могли предложить, как немедленно занять оборону на рубеже р. Зап. Двина—Полоцк—Витебск—Орша—Могилев—Мозырь и для обороны использовать 13, 19, 20, 21 и 22-ю армии. Кроме того, следовало срочно приступить к подго-

товке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово—Смоленск—Рославль—Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, мы предлагали срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения И.В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями.

В своих предложениях мы исходили из главной задачи — создать на путях к Москве глубоко эшелонированную оборону, измотать противника и, остановив его на одном из оборонительных рубежей, организовать контрнаступление, собрав для этого необходимые силы частично за счет Дальнего Востока и главным образом новых формирований».

А у Суворова — Резуна снова «открытие»:

«Существует немало указаний на то, что срок начала советской операции «Гроза» был назначен на 6 июля 1941 года...

Жуков (как и Сталин) любил наносить свои внезапные удары воскресным днем. 6 июля 1941 года — это последнее воскресенье перед полным сосредоточением советских войск.

Генерал армии С.П. Иванов прямо указывает на эту дату: «...германским войскам удалось нас предупредить буквально на две недели».

Вот те на!

Да не может этого быть!

Проверяем — и, как обычно, находим подлог. Генерал армии С.П. Иванов в своей книге «Начальный период войны» пишет иначе, чем цитирует его Суворов — Резун. С.П. Иванов говорит не о «германских войсках», а о «немецко-фашистском командовании». Но не в этом главное отличие. Там, где у Суворова — Резуна стоит точка, у С.П. Иванова предложение продолжается: «...в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы».

Немцам действительно удалось опередить на две недели, но не в нападении, а в развертывании, что могло служить как нападению, так и обороне.

Когда предложение прерывают — ставится многоточие: Суворов — Резун об этом знает, поскольку начинает свое «цитирование» именно с многоточия. Поэтому обрыв предложения для искажения смысла делается им сознательно.

Но в книге Суворова — Резуна самым любопытным является ее конец:

«Давайте представим себе, что Гитлер еще раз перенес срок начала «Барбароссы» на 3—4 недели... Давайте представим себе, что случилось бы в этом случае».

Довольно странное предположение, поскольку Гитлер действительно перенес нападение на СССР, на пять недель, — и ничего не случилось. Перенос сроков говорит, что нападения Гитлер не боялся.

Но Суворов — Резун об этом переносе, видно, не знает. И потому начинает расписывать воображаемое им нападение Сталина на Европу.

В своем описании нападения Красной Армии на Европу Суворов — Резун поднимается до эпических высот:

«Темп стрельбы советской артиллерии стремительно нарастает, превращаясь в адский грохот на тысячекilометровом фронте от Черного моря до Балтики... В приграничных лесах гремит громовое «ура»... По лесным и полевым дорогам бесконечные танковые колонны, затмевая горизонт облаками пыли, выдвигаются к границам... Поля заполняют массы танков и пехоты...»

И так далее, и тому подобное.

В данном случае я ничего опровергать не буду, поскольку меня более занимает теперь не Суворов — Резун, а его английские и немецкие друзья, что создали ему рекламу.

Вспомним, в каких условиях распространяются книги Суворова — Резуна в России.

НАТО вышло на границы России, имея колоссальную ударную мощь, тогда как вооруженные силы России слабеют день ото дня. Расправа с Югославией открыто показала, что НАТО — агрессивный, а не оборонительный блок. Разрыв блоком НАТО соглашения между Россией и НАТО продемонстрировал, что мирным путем с НАТО не договориться. Движение НАТО на восток, к русским границам (когда российские войска сами ушли из европейских стран) и принципиальное нежелание видеть Россию в рядах НАТО ясно говорят, куда нацелен этот агрессивный блок.

Как в этих условиях поступить слабеющей день ото дня России?

Ответ — в любом книжном магазине, в книгах Суворова — Резуна. Ну посмотрите, как заманчиво, соблазнительно дает он этот ответ:

«Внезапность нападения действует ошеломляюще. Внезапность всегда тянет за собой целую цепь катастроф, каждая из которых тянет за собой другое: уничтожение авиации на аэродромах делает войска уязвимыми с воздуха, и они (не имея траншей и окопов в пограничных районах) вынуждены отходить. Отход означает, что у границ брошены тысячи тонн боеприпасов и топлива, отход означает, что брошены аэродромы, на которых противник немедленно уничтожает брошенные самолеты. Отход без боеприпасов и топлива означает неминуемую гибель».

Читая все это, невольно думаешь: не сошли ли в НАТО от ненависти к России с ума?

Иначе не объяснить, почему в странах НАТО с удовольствием печатают книги Суворова — Резуна, содержащие столь безумную околесицу, а также провокационный алгоритм нападения русских на страны НАТО.

У книги «Ледокол» есть послесловие Владимира Буковского, озаглавленное «Монумент человеческой слепоте». Владимир Буковский рассказывает, как Суворов — Резун пришел к своему гениальному открытию, что Сталин готовил нападение на Европу.

«А произошло это, по его словам, совершенно случайно. Уже в академии получилось так, что лекции по военной истории следовали сразу после лекций по стратегии. «И вот, — рассказывал он, — сижу и слушаю о том, что если наш противник готовится к внезапному нападению, то он должен будет стянуть свои войска к границе и расположить свои аэродромы как можно ближе к линии будущего фронта. А потом, сразу же за этой лекцией, мне рассказывают, что Сталин в 1941 году был к войне не готов, допустил много серьезных ошибок, в частности, расположив свои аэродромы прямо на самой границе с немцами, стянув туда свои лучшие части... Что за наваждение? Не может быть и то, и другое правдой: или историк врет, или стратег ошибается».

Вот тут и возникла гениальная мысль Суворова — Резуна. Самолеты стояли у границы, а значит...

И даже здесь придется разочаровать польского профессора — и его друга, известного советского диссидента. Самолеты стоят у границы и по сей день.

Когда я в 1969 году улетал из аэропорта Петропавловска-Камчатского, самолет разогнался по взлетной полосе, у которой крылом к крылу стояли истребители-перехватчики Як-25. Самолет несся по бетонному покрытию, а истребители все продолжали мелькать за стеклом. Я тогда поразился — сколько же их много! От этого-то удивления я их и запомнил.

Истребители д о л ж н ы быть на границе. Они д о л ж н ы стоять на взлетной полосе, чтобы по сигналу тревоги тотчас взмыть в воздух. Никто ведь не знает, как полетит нарушитель: одним самолетом или тысячной армадой бомбардировщиков. И потому самолеты стоят на взлетной полосе, шеренгой, крылом к крылу.

Стоят они и сейчас. Это — не военная тайна.

Но в 1941-м у границ стояли самолеты И-16. На самолетах нового поколения пилоты летать еще не умели. Летом 1941-го битву в небе советской авиации было не выиграть. А это значит — и битву на земле. Вот почему Сталин не мог летом 1941 года напасть на Германию, даже если бы — безумное предположение — и захотел.

Вот почему напала Германия.

УЧЕНИК ПО ФАМИЛИИ БУНИЧ

Успех книги Суворова — Резуна был большим и породил соблазн написать что-либо на ту же тему. Российский литератор Бунич этому соблазну уступил — и написал книгу «Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке».

Поскольку аргументов в пользу теории нападения Сталина на Европу пока что обнаружено не было, Буничу — как и псевдоисторику Суворову — пришлось прибегать к подлогам. И, надо заметить, подлогам столь же невежественным и бестолковым, как и подлоги Суворова — Резуна.

Начнем с того, что безграмотность его прямо лезет в глаза уже на обложке: в названии перед союзом *или* должна стоять запятая, а слово *ошибка* следует начинать с прописной: «Операция «Гроза», или Ошибка в третьем знаке».

Но о всех безграмотностях нашего соотечественника, бывшего библиотечного работника, а ныне книгоиздателя Бунича писать стыдно и скучно. Я хочу коснуться сути того, о чем он пишет.

Бунич идет дальше своего предшественника. М н о г о дальше. Бунич приписывает стремление к захвату мира не только Сталину, но и русским царям:

«Казалось бы, чего еще не хватало огромной империи для полного счастья и вечного процветания? Все было в наличии, но нет! Имперская амбиция, романтизированная, сформированная и завещанная Петром Великим, заставляла, порой даже подспудно и бессознательно, хватать и присоединять к огромной империи все, что, выражаясь бытовым языком, «плохо лежит». Только неудача в русско-японской войне (а реванш был уже назначен на 1923 год — ведь не для Финского залива строились линейные крейсера!) предотвратила присоединение к империи Маньчжурии и Кореи. Медленно, но с завидной постоянностью движутся на юг среднеазиатские и кавказская границы. Русский генеральный штаб и его разведка погрязли в интригах и запутались в «сетях шпионажа» на Балканах и Ближнем Востоке, разжигая восстания на просторах Османской империи, наусукивая сербов на австрийцев, болгар на сербов, греков на болгар, запутываясь в собственных комбинациях, разжигая тлеющие угли мирового конфликта».

Итак, всюду и во всем виноваты русские.

Они разожгли мировой конфликт — Первую мировую войну. А завоевать мир завещал им Петр Великий.

Теперь разберемся.

Так называемое «Завещание Петра Первого» — это циркулирующая на Западе фальшивка. В рейгановские времена американский журнал «Тайм» от 15 января 1979 года цитировал «Завещание» следующим образом:

«Обоснуйте как можно ближе к Константинополю и Индии. Тот, кто правит там, будет подлинным владыкой мира. Поэтому возбуждайте постоянные войны не только в Турции, но и в Персии... Используйте упадок Персии, чтобы проникнуть к Персидскому заливу, восстановите, если возможно, древнюю торговлю с Левантом, продвигайтесь вплоть до Индии, этого амбара мира. Достигнув этих мест, вы более не будете нуждаться в золоте Англии».

На этом журнал «Тайм» цитирование прекращает — и по понятным причинам: дальше в тексте «Завещания» содержатся явные нелепости. Его автор не был знаком с фактами, которые хорошо знал любой русский — и тем более Петр I. Кроме того, в «Завещании» русские войска именуются «азиатскими ордами», чего русский царь писать ну никак не мог.

Да откуда это «Завещание»?.. Ослиные уши его сочинителя видны в том, что православные подданные Турции и Венгрии именуются в тексте «схизматиками» — так их именовали только в католических странах. В одной из них, Франции, завещание и было опубликовано — в 1836 году, Ф. Гайардом, в книге «Мемуары шеваляе д'Эона». Согласно этим «мемуарам», Шевалье д'Эон был послан в качестве секретного агента в Россию, где якобы и выкрал завещание.

Д'Эон действительно бывал в России. Достоверно также известно и то, что д'Эон занимался кражами: во время дипломатических переговоров в Лондоне он украл портфель заместителя английского министра иностранных дел Роберта Вуда. Позднее шустрый француз даже пытался шантажировать своего короля, узнав об «Оленьем парке», где Людовик XV содержал гарем из девиц, мечтавших таким путем сделать себе карьеру. Людовик уступил шантажу — но потом отомстил столь издевательски-изящно, что это вошло в историю. Шевалье получал право на пенсию только при условии ношения им женского платья. Избавила д'Эона от этого унижительного условия, да и самой пенсии, только революция 1789 года.

«Завещание», якобы выкраденное д'Эоном, при его жизни не появлялось. В 1812-м Наполеон вторгся в Россию; этому факту требовалось какое-нибудь приятное для французов оправдание, и потому в 1812 году в книге Ш. Лезюра, имеющей весьма грозное название «Воз-

растание русского могущества со времени его возникновения и до начала XIX века», появился первый пересказ «Завещания Петра Великого». В 1836-м текст «Завещания» был впервые опубликован; во время последующих публикаций он понемногу увеличивался в объеме. К примеру, кто-то для пушей убедительности проставил даты написания отдельных пунктов.

Активно переиздавали завещание во Франции и во время Крымской войны. Однако после поражения во франко-прусской войны во Франции усилилась тяга к франко-русскому сближению, и с тех пор об этой фальшивке в Париже предпочитают не вспоминать.

Снова вытаскивали его на свет Божий только трижды, ведомством Геббельса в 1941-м, в США при Рейгане и в России при Буниче. При Гитлере и Рейгане «Завещание» цитировалось избирательно; Бунич же благо разумно не цитирует ни строчки.

Разобравшись с завещанием, по которому Россия якобы устроила Первую мировую войну, перейдем к утверждению Бунича: *«Только неудача в русско-японской войне (а реванш был уже назначен на 1923 год — ведь не для Финского залива строились линейные крейсера!) предотвратила присоединение к империи Маньчжурии и Кореи».*

Что же, Бунич попросту не знает истории русского флота. Объясним ему: линейные крейсера строились не для Финского залива, поскольку их строили в Черном море как ответ на программу создания боевых кораблей в Турции.

«По получении сведений, что Турция тоже жаждет обзавестись dreadnoughtами, линейные корабли стали строить и на Черном море. Предполагалось создать три линкора типа «Императрица Мария». Поскольку скорость этих линкоров была невелика, вдобавок к ним начали сооружать линейные крейсера, головной из которых получил название «Измаил» (Моделист-конструктор. 1995. № 5).

Бунич, читайте журналы для детей — «Моделист-конструктор», к примеру. Узнаете про основные вехи истории русского флота.

«Имперские амбиции сшибаются, потрясая мир невиданными доселе войнами. Хотя никаких конкретных претензий друг к другу европейские страны, в сущности, не имеют, но сараевский выстрел, (запятая здесь у Бунича. — А.П.) порождает целую серию надменных безоговорочных ультиматумов, и вместе с тем целую серию необратимых процессов, ведущих европейскую цивилизацию к катастрофе».

Этими строчками Бунич выказал незнание причин, по которым была развязана Первая мировая, и ее зачинщиков.

Колчак на допросе сообщил, что сразу после поражения России в русско-японской войне 1904—1905 годов Германия стала готовиться к войне с Россией. Начало ее планировалось на 1915 год. Когда в России узнали о германских приготовлениях, то решили тоже готовиться к войне,

хотя поначалу противодействие этому в высших эшелонах власти было очень сильным. Достаточно вооружиться Россия могла лишь к 1917 году. Сараевский выстрел и нетерпение Австро-Венгрии выступить против Сербии сорвали запланированную основательную подготовку немцев; если бы не это — мир теперь мог выглядеть иначе.

Несомненно, Первую мировую войну развязали Австро-Венгрия и Германия, а никак не Россия.

Но Бунич смело переписывает историю:

«...рухнула Германия. Вдвойне обидно, ибо немецкие войска стояли на Западе в ста милях от Парижа, а на Востоке — в ста милях от Петербурга, оккупируя огромные пространства Европейской России и добрую половину Франции. Но жестокая удавка английской блокады перехватила горло».

Новое открытие: это Англия блокадой Германии выиграла Первую мировую войну. Раньше считалось, что блокада была неэффективной, поскольку Германия снабжалась через нейтральные страны. Во время войны каждый датчанин обрел вдруг просто невиданный аппетит: он стал потреблять 750 килограммов масла в неделю; каждый швед в то время фантастически поглощал 80 тонн масла в неделю...

На самом деле Германию сломили четыре года боевых действий стран Антанты — и особенно героизм Франции, принявшей на себя основной удар и нашедшей в себе силы после предательства большевиков перейти в наступление.

Но Бунич так не считает.

Все сделала Англия.

Это объяснимо: свою книгу Бунич писал для публикации в Англии. И потому он поет вдохновенную оду туманному Альбиону:

«Зато уцелела Английская империя, и не только уцелела, но, на первый взгляд, стала еще более мощной, присовокупив к себе отобранные у немцев и турок обширные колониальные владения. Дикая зависть, быстро переросшая в страшную ненависть, подавила все прежние чувства со стороны пострадавших держав».

Англия приняла много меньшее участие в Первой мировой, чем Россия и Франция, но для лстеца Бунича это не помеха («о, мудрейший из мудрейших, сияющее солнце, пресветлый падишах»):

«Фантастически длинные, уходящие за горизонт кильватерные колонны английских дредноутов, застилающий солнце дым из сотен труб, красные кресты св. Георга на тысячах мачт, бульдожьи челюсти надменных британских адмиралов под витым золотом козырьков фуражек с имперской короной, на фоне сиротливо торчащих из свинцовых вод бухты Скапа труб и мачт затопленных немецких кораблей и немецких моряков, барахтающихся в ледяной войне под пулеметным огнем англичан...»

Но это еще не самая патетическая нота вдохновенного песнопевца.

«Англия! Проклятая Англия, все еще управляющая миром с помощью навязанных международных союзов, с помощью тщательно сплетенных удавок международной финансовой системы, с помощью своей глобальной империи на пяти континентах и чудовищного флота!»

Казалось бы, Бунич достиг вершины в своем безмерном восхвалении. Но нет. Передохнув, он выдает уже совсем невообразимый восторг. По Буничу, Англия ни много ни мало спасла мир от большевизма!

«Сталин ненавидит Англию и за то, что она проматерь всех ненавистных ему демократий, и за то, что она в течение веков умело заставляла Россию «таскать за себя каштаны из огня», но — и это главное — за то, что эта проклятая империя последним бастионом встала на пути всемирной пролетарской революции, и как сокрушить ее, он не знает».

На этом апофеозе британской мощи вступление заканчивается. Собственно книга начинается с незнания давно всем известных фактов мировой истории.

«Пока Сталина раздирали внутренние противоречия и комплексы неполноценности, постоянно заставляя «сверять жизнь по Ленину», бывший ефрейтор первой роты 16-го баварского пехотного полка стал канцлером Германии как фюрер (вождь) партии, победившей на выборах в Рейхстаг».

Явно вычитано у Суворова — Резуна, поскольку подобной чуши не встретишь больше ни у кого. Мы все знаем, что партия Гитлера не победила на выборах в рейхстаг. Она была лишь самой многочисленной по числу депутатов.

Неверно в этом пассаже Бунича и то, что Гитлер стал канцлером из-за успеха своей партии. Успех партии на выборах в рейхстаг не давал ее вождю поста канцлера — если только партия не получала абсолютного большинства, чего у НСДАП не было.

Но продолжим читать Бунича. Из интереса к его забавным открытиям.

«Гражданская война в Испании показывает, что не так уж и страшен черт, как его малюют. Возрожденный Вермахт еле мочится в пеленки — его танки и самолеты способны вызвать лишь снисходительную улыбку, а тактика их применения — пожатие плечами. Ничто не мешает Сталину расстрелять в Испании всех, кого надо, и похитить золотой запас страны».

Золото, конечно, Сталин не похищал: Испанская республика покупала за золото оружие в СССР. Франция отказывалась продать ей оружие даже за золото.

Делала закупки Испания и в США. Мой дед в 30-е годы перегонял американские самолеты в Испанию (потом в их днищах вырезались бомболюки). Естественно, американцы даром никогда ничего для других не делают.

«Сталин... обвиняет Англию и Францию в том, о чем страстно мечтает сам, — в желании дать Германии возможность «...впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом продиктовать слабеющим участникам войны свои условия».

Вдумаемся в то, что Бунич пишет: Сталин *«страстно мечтает» «дать Германии возможность» «впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны»* — то есть и Советскому Союзу — *«ослабить и истощить друг друга».*

Да это же бред! Зачем Сталину желание истощить Советский Союз?

Но Буничу некогда разбираться в том, что он пишет. Для него настало время хвалить Англию:

«21 марта, в день закрытия XVIII съезда, правительство Англии предложило Сталину принять декларацию СССР, Англии, Франции и Польши о совместном сопротивлении гитлеровской экспансии в Европе. Ответа не последовало».

Да-а... Британия, выходит, боролась за союз против агрессии, а Советский Союз заупрямился и не дал согласия. Как это нехорошо.

Недаром мне всегда не нравились у Сталина его усы.

Обратимся, однако, к документам.

«Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Англии и Франции

22 марта 1939 г.

Сегодня в 20 часов заявил Сидсу следующее:

«Солидаризуемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Далее я высказал пожелание, чтобы было предложено присоединиться к декларации четырех государств не только Балтийским странам, о которых говорил Галифакс, но также соединенным с нами Финляндии и Балтийским странам, а также скандинавским.

Предупредил Сидса, что завтра дам ответ в печать.

Декларация может быть подписана отдельно во всех четырех столицах и вручена там английским послам.

Нарком».

Нарком — это нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов. У. Сидс — посол Англии в СССР. Текст взят из книги «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны» (С. 267).

Бунич этой книги, похоже, не читал. И правильно: если воспользоваться документами — они опровергнут всю его книгу и в Британии не за что будет получать отменный гонорар.

Заметим, что декларация не была подписана из-за отклонения ее Польшей. Впрочем, это детали. Мне все равно не нравятся усы у Сталина...

Но продолжим чтение Бунича: как Англия боролась против агрессии Гитлера, а СССР саботировал ее героические усилия:

«16 апреля Англия и Франция направляют советскому руководству проекты соглашений о взаимопомощи и поддержке на случай, если в результате «осуществления гарантий Польше западные державы окажутся втянутыми в войну с Германией». Нарком Литвинов, мечтающий именно об этом, заверяет английского посла в Москве, что приложит все усилия, чтобы... Но никакого конкретного ответа нет. Англичанам, если у них вообще существовали на этот счет какие-либо сомнения, становится ясно все. Сталину не нужны какие-либо меры, пакты и гарантии, способные обеспечить мир в Европе».

Все — ложь.

17 апреля английского посла разыскали и доставили к Литвинову прямо из театра. Литвинов докладывал:

«Сидс пришел ко мне в 22 час. и не скрывал своего недовольства, что я вызвал его из театра и не дал досмотреть пьесу. Он поэтому вначале сухо отнесся к моему предложению» (СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 335).

Что же за предложение сделал английскому послу Литвинов? Вот «конкретный ответ» его, которого, по Буничу, не было.

«Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР послу Англии в СССР

17 апреля 1939 г.

Считая предложения Франции принципиально приемлемыми и продолжая мысль г. Боннэ, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английские и французские предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств...» (там же. С. 337).

Поясним: Ж. Боннэ был министром иностранных дел Франции, автором французских предложений, которые поддержала Англия. Он с большим интересом отнесся к советским предложениям от 17 апреля, но... министр иностранных дел Англии Галифакс заявил послу Польши в Англии Рачиньскому, что советское предложение, хоть оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство. Другими словами — СССР желал, чтобы отделяющие его от Германии страны оборонялись совместно Англией, Францией и СССР, а англичане этого не захотели. Пусть Германия захватывает приграничные с СССР страны, пусть выходит на советские границы... Переводчик Сталина Бережков свидетельствует, что в СССР это именно так и поняли.

Но Галифакс сказал, что советское предложение не подходит только Рачиньскому — Советскому Союзу же британцы долго не отвечали вообще! Однако новость о предложениях просочилась в печать, и на правительство начали оказывать давление.

А потом Боннэ прислал «проект трех», формулировку которого Литвинов назвал издевательской и о котором мы уже говорили, разбирая творение Суворова — Резуна (СССР обязан помогать Англии и Франции, а Англия и Франция ничего СССР не обязаны).

Это были последние усилия Литвинова. Боннэ подкосил под корень усилия советского наркома в деле обеспечения европейской безопасности. Через неделю Литвинов был смещен, и началось советско-германское сближение.

Но вернемся к Буничу. Изолгав внешнюю политику СССР, он принялся вовсю хулить Красную Армию:

«Недавние события у Халхин-Гола, где против двух японских дивизий были задействованы две советских армии и все вооруженные силы так называемой Монгольской Народной Республики, показали низкую боевую подготовку Красной Армии на всех уровнях, отвратительную работу штабов, примитивнейшую связь, почти полное отсутствие автотранспорта».

Расчихвостили Бунич Красную Армию на Халхин-Голе.

Не было у нее автотранспорта.

Снаряды сами по-щучьему велению пришли.

Топливо и продовольствие с неба упало...

Да и Жуков вот жалуется в «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Для подвоза всех этих грузов к началу операции требовалось 4900 автомашин, в то время как в распоряжении армейской группы было только 2636 автомашин. После 14 августа на подвоз встало еще 1250 бортовых машин и 375 автоцистерн, прибывших из Советского Союза. Не хватало еще нескольких сотен бортовых и наливных машин».

Подумать только, нескольких сотен машин не хватало! Да, небоеспособна была Красная Армия...

Двумя армиями воевали против двух японских дивизий!..

Впрочем, кроме Бунича, о «двух армиях» никто не пишет.

Воевала 1-я армейская группа — до 9 сентября 57-й корпус — под командованием Жукова.

1-я армейская группа подчинялась созданной четырьмя днями раньше Фронтовой группе под командованием Г.М. Штерна. Фронтовой группе подчинялись и обе Отдельные Дальневосточные армии, но роль группы Штерна ограничивалась обеспечением группы Жукова боеприпасами, продовольствием, грузовиками и т.д.

Однако бои за Халхин-Гол начал еще 57-й корпус. В ночь 2—3 июля 1939 года японцы переправились через Халхин-Гол, чем создали смертельную опасность корпусу, у которого живой силы было значительно меньше, чем у японцев.

Г.К. Жуков, «Воспоминания и размышления»:

«Противник успел сосредоточить на горе Баин-Цаган более десяти тысяч штыков; советские войска имели возможность сосредоточить более тысячи штыков; в японских войсках было около 100 орудий и до 60 орудий ПТО. У нас — немногим более 50 орудий, включая поддерживающие с восточного берега реки Халхин-Гол.

Однако в наших рядах сражалась 11-я героическая танковая бригада, имевшая до 150 танков, 7-я мотоброневая бригада, располагавшая 154 бронемашинами, и 8-й монгольский бронедивизион, вооруженный 45-мм пушками.

Таким образом, главным нашим козырем были бронетанковые соединения, и мы решили этим незамедлительно воспользоваться, чтобы с ходу разгромить только что переправившиеся японские войска, не дав им зарыться в землю и организовать противотанковую оборону... Утром 5 июля на горе Баин-Цаган и на западном берегу реки Халхин-Гол все стихло. Сражение закончилось разгромом главной группировки японских войск.

Скоро 1-ю армейскую группу пополнили, и в окончательном разгроме войск, который начался 20 августа, участвовали уже значительные силы. Но, по сути, с обеих сторон воевало лишь по усиленному корпусу (хотя японские войска и именовались 6-й армией).

Вот таким было соотношение сил противников при Халхин-Голе.

Но продолжим читать Бунича. Он опять вспоминает про Англию:

«Несколько английских журналов сообщают о концентрации английской бомбардировочной авиации на ближневосточных аэродромах. В радиусе их действия находится единственный советский источник нефти — Баку. Второго Баку у Советского Союза нет, и можно легко представить, что будет с немодернизовавшимися с 1912 года приисками, если на них обрушатся английские бомбы».

Господин Бунич, нет такого словосочетания «прииски нефти» — есть «нефтепромыслы». Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «ПРИИСК, -а, м. Место разработки драгоценного ископаемого».

Нефть — это не драгоценное ископаемое.

Но это замечание по форме. Теперь — по смыслу. Конечно же, за два десятка лет после революции нефтепромыслы в Баку модернизировались.

«В 1900 году Россия была крупнейшим в мире производителем и экспортером сырой нефти. Для поддержания этого уровня производства только в одном Баку требовалось бурить почти 50 000 футов в месяц. К началу 1921 года среднемесячное бурение упало приблизительно до 370 футов (это 0,7% от уровня 1900 года), хотя 162 буровые вышки были в рабочем состоянии.

Тогда представитель «Азнефти» (советского треста по добыче нефти) Серебровский выдвинул программу восстановления в статье в газете «Правда». На 1923 год планировалось увеличить бурение нефтяных скважин до 35 000 саженей в год (245 000 футов). Для этого потребовалось бы 35 турбобуров (для бурения 77 000 футов) и 157 бурильных молотков (для бурения 130 000 футов). Серебровский подчеркивал, что «Азнефть» не располагает турбобурами и что русская промышленность поставить их не может. А бурение при помощи турбобуров было существенным для успешного выполнения этого плана.

Далее он писал: «И как раз в этом американский капитал поддержал нас. Американская фирма «Интернэшнл Барнсдалл Корпорейшн» представила план... Отсутствие оборудования не позволяет нам увеличить продукцию нефтяной промышленности Баку своими силами. Американская фирма... поставит оборудование, начнет бурение на нефтепромыслах и организует добычу нефти глубинными насосами в техническом плане...» («Правда», 21 сентября 1922 года).

В течение нескольких ближайших лет упомянутая Серебровским компания совместно с компанией «Люси Мануфазкчринг» и другими фирмами, изготовляющими оборудование для иностранных нефтепромыслов, выполнили программу, изложенную в «Правде». Оборудование из США импортировалось в огромных количествах. Была введена в действие программа турбобурения, буровые бригады «Азовнефти» ознакомились с их оперативными проблемами, добыча нефти была реорганизована путем бурения глубоких скважин с применением электрических насосов» (С а т т о н Э. Как Орден организует войны и революции. С. 64—65).

Итак, с Баку мы разобрались. Добыча нефти на бакинских месторождениях в годы советской власти модернизировалась.

Но к чему это Бунич завел речь о «приисках нефти» и возможности их бомбардировки англичанами?

«Сталин чуть не перекусывает черенок трубки. Англия! Проклятая Англия! Империалистическое гнездо! Но намек понят — надо быть осторожнее, — если же удастся его план, то англичанам все равно конец».

Вот так многозначительно кончается раздел. У Сталина есть план. Что же это за план? Ответ дан Буничем символически через четыре страницы:

«На... стене водружен недавно утвержденный герб Советского Союза. Стилизованные пшеничные колосья подобно стратегическим стрелам охватывают беззащитный земной шар, уже полностью накрытый «Серпом и Молотом» с сияющей над всем миром красной звездой. Герб вдохновляет, заставляя постоянно думать о его воплощении в жизнь».

Вот так! Сталин мечтает завоевать земной шар!..

Но не успел я прийти в себя от ужаса, как на той же странице прочитал у него следующее:

«Еще в начале 1938 года «еврейские круги» обещали Сталину неограниченный кредит и полную модернизацию армии, если он нападет на Гитлера. Сталин повелел ответить, что «если Советский Союз подвергнется фашистской агрессии, он с благодарностью воспримет поддержку всего прогрессивного и миролюбивого человечества». Не говорящие на «новоречи» «круги» решили, что Сталин, спасая лицо, просит их организовать «фашистскую агрессию». Они приняли это к сведению».

Как это интересно у Бунича: Сталин отказался напасть на Гитлера — и это пишется в книге, где утверждается, что Сталин якобы готовился завоевать весь мир!..

Но вернемся к восхвалениям Англии:

«Гитлер лично прибыл в Клайпеду на борту линкора «Дойчланд». Он сошел на берег зеленый от морской болезни, еще более ненавидя англичан за то, что они, проводя всю жизнь в море, не мучаются, как он...»

Да, англичане особый народ: проводят всю жизнь в море.

Англичане даже не страдают от морской болезни.

Похвалив англичан, Бунич снова принимается за агрессора Сталина:

«Немцы знают, что когда речь идет о создании всемирной коммунистической империи, от русских можно ожидать чего угодно. И вот сейчас разведка, а также немецкий посол в Париже фон Велцек докладывают, что СССР, Англия и Франция, завершив переговоры на высшем уровне, перевели их в чисто военное русло, где начальники штабов будут отрабатывать специфические военные детали по быстрейшему уничтожению Германии. Причем французскую делегацию должен возглавить сам генерал Демон — бывший начальник штаба знаменитого генерала Вейгана».

Тут ляп за ляпом. Сразу видно великого российского литератора. Посла Германии во Франции звали не Велцек, а Вельчек; французскую делегацию возглавил не Демон, а генерал Думенк. Судя по всему, Бунич варганил свой опус по английским источникам, не зная, как эти фамилии пишутся по-русски. Это видно еще из того, что немецкие самолеты

Ю-87 «Штука» Бунич называет «Штукас» — употребляя английское множественное число.

Но вернемся к его творению. Говоря об изощренном коварстве Сталина, Бунич объясняет нам одну из дьявольских уловок вождя большевиков:

«Выдвинутый советской стороной термин «непрямая агрессия» допускал столь широкое толкование, что давал СССР юридическое право оккупировать любую страну по усмотрению Сталина. «Непрямая агрессия» — это была очередная сталинская новинка, с помощью которой вождь модернизировал свою знаменитую доктрину «малой кровью на чужой территории».

Как известно, в преамбуле поминался (так у автора. — А.П.) агрессор, который теперь мог быть и «непрямым». Англичане и французы этого термина совершенно не понимали. Советская же сторона яростно на нем настаивала, поскольку Сталин указал, что именно в этом термине и заключается вся суть проблемы».

Очередные ошибки Бунича. Первая — «поминался агрессор», а надо писать «упоминался агрессор». Вторая — «непрямая агрессия», тогда как на самом деле речь шла о «косвенной агрессии». Дипломатические формулировки должны быть точными.

Термин «косвенная агрессия» вовсе не означал, как утверждает Бунич, права на оккупацию «по своему произволу». Советский нарком 9 июля 1939 года вручил послам Англии и Франции письмо, в котором говорилось:

«Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без всякой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, — следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета» (Цит. по: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 486—487).

Другими словами, если немецкие войска будут наступать на СССР с территории Финляндии (тем более вместе с финскими войсками), то Финляндия косвенно участвует в агрессии против СССР — а это значит, что союзники — Англия и Франция — должны бороться и с Финляндией. Именно этого и хотела советская сторона.

Собственно, на такой основе и базировался позднее военный союз Англии и СССР. Британия объявила войну Финляндии только потому, что Финляндия воевала против СССР и предоставила свою территорию германской армии.

Но Британия стала исповедовать такую политику только с началом Второй мировой войны. До войны англичане никак не могли принять понятия «косвенная агрессия». Почему же? А потому, что в Ан-

гии шла закулисная борьба по вопросу: идти ли на военное соглашение с Советской Россией? Был момент, когда англичане решили сорвать переговоры.

«При этом было признано, что в качестве предлога как для срыва переговоров, так и для их дальнейшей затяжки лучше всего воспользоваться вопросом об определении «косвенная агрессия». Так, английский посол в Москве Сидс отмечал в своей телеграмме Галифаксу от 12 июля, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о косвенной агрессии, чем вопросом о военном соглашении (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third series. Vol. 6. P. 331)».

Но вернемся к творению Бунича. Он делает открытия из области мировой политики.

«Шуленбург — старый дипломат кайзеровской школы — ошеломлен. Советский Союз предлагает пакт о ненападении в то время, как в Москве начальники штабов СССР, Англии и Франции ведут переговоры о совместных военных действиях против Германии. Верх политического цинизма!»

На сей раз без грамматических ошибок, но по смыслу все конечно же неверно.

Пакт о ненападении предложила Германия, а не Советский Союз. Молотов вспоминал:

«Это их инициатива — Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела иметь с нами дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно принадлежит Советскому Союзу» (Ч у е в Ф. Ветер истории // Роман-газета. 1999. № 14. С. 13).

3 августа 1939 года Шуленбург посетил Молотова и сообщил ему, что Германия желает «согласовать сферы интересов». Молотов встретил Шуленбурга холодно, перечислив недружественные акции Германии: антикоминтерновский пакт, поддержку враждебных СССР действий Японии, отстранение Советского Союза от Мюнхенского соглашения. Обескураженный Шуленбург после этой встречи рекомендовал Берлину предпринять усилия, чтобы заинтересовать Кремль. 12 августа во время встречи временного поверенного в делах Германии Г.А. Астахова и работника Министерства иностранных дел Германии Ю. Шнурре последний упомянул о пакте о ненападении. Астахов сказал, что этот вопрос требует поэтапного обсуждения. Гитлер же на «этапы» времени не имел. 15 августа 1939 года, когда до намеченного срока нападения оставалось две недели, Риббентроп предложил Молотову заключить пакт о ненападении сроком на 25 лет.

Переводчик Сталина В.М. Бережков вспоминает:

«...На этом этапе Москва встретила германские предложения сдержанно. Молотов заявил Шуленбургу, что советское правительство, хотя

и приветствует намерения Германии улучшить отношения с СССР, торопиться не намерено. Визит Риббентропа в Москву, пояснил нарком, «потребуется соответствующей подготовки, чтобы обмен мнениями оказался результативным». Вместе с тем в ходе этой беседы Молотов проявил интерес к пакту о ненападении между Германией и Советским Союзом. Были затронуты и другие вопросы. В частности, нарком поинтересовался, готов ли Берлин повлиять на Японию в целях улучшения ее отношений с СССР, а также обсудить проблему гарантий Прибалтийским государствам. Дело, видно, тут было в том, что во время недавних переговоров с англичанами и французами выяснилось, что Лондон и Париж не намерены давать гарантий Прибалтике, как это они сделали в отношении Польши. Такую позицию в Москве расценили тогда как некий намек Гитлеру в отношении маршрута, по которому он может напасть на Советский Союз, не вызвав враждебных акций Англии и Франции. Теперь Сталин хотел, чтобы сам Гитлер закрыл себе путь через Прибалтику» (Березков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 28).

Вопреки утверждению Бунича начальники штабов не вели переговоров, поскольку в английской и во французской делегациях начальников штабов не было.

Военную миссию СССР возглавлял К. Е. Ворошилов — нарком обороны, миссию Англии — комендант Портсмута адмирал Дракс (фактически — отставной адмирал), миссию Франции — генерал армии Ж. Думенк.

Начальник штаба входил только в состав советской военной миссии, но и он ничего ни с кем не обсуждал. Б. Н. Шапошников выступил только один раз — на заседании 15 августа. Он дал информацию о вооруженных силах СССР и поставил вопрос о процентном соотношении войск СССР, Англии и Франции в трех возможных вариантах агрессии Германии: при ее нападении на Англию и Францию; при нападении на Польшу и Румынию и при нападении на СССР через территорию Балтийских государств и Финляндию.

Ни один из этих вариантов не предусматривал нападения на Германию. Но Бунич туманно пишет о *«совместных военных действиях против Германии»*, из чего читатель может предположить, что СССР, Франция и Англия собирались напасть на Германию. Именно к этому заключению призвана подтолкнуть читателя и фраза: *«Верх политического цинизма!»*

Далее Бунич снова недоволен Сталиным:

«Чудовищная для континентальной страны программа военного кораблестроения вызывает искреннее изумление всех морских держав. Более трехсот кораблей разных классов стоят на стапелях или достраиваются на плаву. Потоком идут подводные лодки, число которых уже

превысило количество, находящихся в строю лодок США, Англии, Японии и Германии, вместе взятых!»

Опять неграмотно: после слова *количество* запятая не нужна. Правила пунктуации в родном языке стоит знать.

И географию.

СССР, которую Бунич считает *«континентальной страной»*, имел самую большую морскую границу в мире. Достаточно одного мимолетного взгляда на карту — и видно, что СССР не континентальная страна.

И арифметику стоит знать. 22 июня 1941 года в составе советского флота было 211 боеготовых подводных лодок, тогда как Германия имела 57, Англия — 69, Франция — 77, США — 99, Италия — 115, Япония — 63. Так что число советских подводных лодок вовсе не *«превысило количество, находящихся в строю лодок США, Англии, Японии и Германии, вместе взятых»*.

Лодок у СССР было действительно много. Объясняется это тем, что роль подводного флота оценили в полной мере только в СССР. Ход войны отбросил все сомнения относительно подводного флота и в других странах. Лодки потопили около 5000 судов, в то время как надводные корабли — всего 336. За годы войны было построено более 1850 субмарин, из них 1131 — Германия.

Что касается предвоенной *«программы военного кораблестроения»*, то у Германии она была куда более величественная, чем у СССР.

«Программа была рассчитана на десять лет и включала в себя постройку 10 огромных линкоров, 4 авианосцев, 15 броненосцев, 49 крейсеров, 248 подводных лодок» (К у з н е ц о в Н.Г. Накануне. С. 292). Война сорвала эту программу.

Что касается советской кораблестроительной программы, то она была куда скромнее. К началу Великой Отечественной войны в СССР имелось 3 линкора царской постройки, 7 крейсеров, 59 эсминцев, 218 подводных лодок (см. т а м ж е С. 300). Было в постройке 2 линкора (типа «Советский Союз»), 2 тяжелых крейсера (типа «Кронштадт»), 10 легких крейсеров. Программа имела и значительный просчет: авианосцы собирались строить позже.

Н.Г. Кузнецов с сожалением пишет об этой предвоенной программе:

«Было решено строить линкоры, тяжелые крейсера и другие классы надводных кораблей, то есть крупный надводный флот. Строилось и большое число подводных лодок. Не исключалась и постройка авианосца, но она откладывалась только на последний год пятилетки. Объясняли это, помню, сложностью создания кораблей такого класса и специальных для него самолетов. Между тем во всем мире в то время одним из важнейших классов надводных кораблей

стали авианосцы. Их строили во всех крупных морских странах: в США, Англии и Японии. Правда, там еще были в почете линкоры, хотя испытания, проведенные в двадцатых годах в Америке, показали, что самолеты могут с успехом топить любые корабли, какой бы броней они ни обладали.

Теперь, разумеется, легче, чем три десятилетия назад, судить об этой программе, критиковать ее, находить в ней недостатки. Время разрешило все прежние сомнения и споры. Но в ту пору следовало бы яснее предвидеть главное направление развития флота».

НОВАЯ ВЕРСИЯ ВОЙНЫ НЕМЦЕВ С ПОЛЬШЕЙ

Глава 2 увлекательной книги Бунича начинается с Гудериана. И — со сплошной чуши.

«Пятидесятилетний Гейнц Гудериан — основатель и душа бронетанковых сил Рейха. Фанатичный поклонник тактики танковых клиньев, теорию которой он оценил еще в середине 20-х годов в далекой Казани, нетерпеливо ждал рассвета, чтобы впервые на практике доказать сомневающимся, как ведется современная война».

Вопиющее незнание фактов.

В начале Второй мировой Гудериану был 51 год, а не 50: он родился 17 июня 1888 года. Гудериан не мог изучать в «далекой Казани» в середине 20-х годов «танковые клинья»: у СССР в ту пору был только один (!) танковый полк и шесть автоброневых дивизионов. В целом вся бронетехника СССР состояла из 90 танков — трофейные тихоходные «Рикардо», «Тейлор» и «Рено» (MkV, Mk.A и FT17 соответственно). Все эти танки были 1917 года выпуска. Какие из этой «армады» могли быть созданы танковые клинья?..

Теория танковых прорывов появилась в Великобритании, и в конце 20-х она делала свои первые шаги. В 1927 году сторонники создания быстроходных легкобронированных танков только-только добились создания в английских вооруженных силах первого (!) экспериментального (!) механизированного — не танкового! — соединения.

Сам Гудериан указывал на англичан как на своих учителей:

«Фолькгейм снабдил меня некоторой литературой, и я получил возможность приступить к изучению еще слаборазработанной теории использования бронетанковых войск. Наиболее богатый опыт в этой области имели англичане и французы. Я достал необходимую литературу и начал ее штудировать».

Это были преимущественно английские статьи и книги Фуллера, Лиддл Гарта и Мартеля, которые меня чрезвычайно заинтересовали и обогатили мою фантазию. Эти дальновидные специалисты уже в тот период хотели превратить бронетанковые войска в нечто более значительное, чем вспомо-

гательный род войск для пехоты. Они ставили танк в центр начинающейся моторизации нашей эпохи и являлись, таким образом, крупными новаторами в области разработки современных методов войны.

В стране слепых одноглазый — король. Так как никто, кроме меня, данной проблемой не занимался, то вскоре я прослыл специалистом» (Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 23).

Про обучение «танковым клиньям» в Казани Гудериан не упоминает нигде.

Откуда же взял это Бунич?

Да ниоткуда. Ему надо было доказать, что Сталин хотел напасть на Европу, — вот и появились «танковые клинья» в Казани...

Но продолжим чтение пустобреха Бунича.

«Стоя у своей штабной танкетки, генерал с радостью и волнением смотрел на проходящие мимо него колонны танков. Молодцы! Ни одной отставшей машины. Боевой дух его танкистов высок как никогда. Командиры танков, высунувшись из башенных люков, улыбаясь приветствовали своего любимого генерала».

Лучезарную картину рисует Бунич.

На войну — как на праздник.

На самом деле Гейнц Гудериан провожал в этот день на войну двух своих сыновей, один из которых служил под его началом. Ясно, генерал испытывал совсем иные чувства. Много позже он будет вспоминать этот день в главе «Начало катастрофы» своей книги «Воспоминания солдата»:

«Во всяком случае, мое утверждение не будет запоздалым, если я скажу, что настроение армии было подавленным, и не будь пакта с Россией, вероятно, многое было бы еще труднее. С тяжелым сердцем мы начали войну, и не было ни одного генерала, который ратовал бы за нее. Все старые офицеры и многие тысячи наших солдат, принимавших участие в Первой мировой войне, знали, что значит война. Они понимали, что война, возможно, не ограничится одной Польшей. Вмешательства других стран следовало бояться, так как Англия в марте, т.е. после образования Богемского протектората, предложила Польше гарантию ее независимости. Каждый из нас думал о матерях и женах немецких солдат и о тяжелых жертвах, которые они должны нести даже при благоприятном исходе войны».

Но продолжим чтение Бунича:

«И когда после шитой белыми нитками Гляйвицкой операции танки Гудериана ринулись к Варшаве, советская пресса почти и не отреагировала на это событие».

Подлая советская пресса! Как же она могла не отреагировать на то, чего не было?

На самом деле танки Гудериана не ринулись к Варшаве. Задачей Гудериана был прорыв по Балтийскому побережью в Вос-

точную Пруссию. Гудериан шел недалеко от морского берега, в составе 4-й армии Клюге. На Варшаву же шли с юго-запада 10-я армия Рейхенау, а с севера, из Восточной Пруссии, 3-я армия Кюхлера.

Гудериан:

«Моя задача сводилась к тому, чтобы... отрезать и уничтожить польские части, расположенные в так называемом «польском коридоре».

Однако вернемся к «откровениям» Бунича.

«Между тем война в Польше шла не совсем так, как ее планировали в Берлине. На всех участках фронта поляки оказывали яростное сопротивление. Рассеченные танковыми клиньями Гудериана польские войска, навязав немцам сражение на Дзуре и создав угрозу выхода крупных артиллерийских масс в тыл танковым группировкам, сумели избежать окружения и отвести основные силы своей армии за Вислу, где польское командование рассчитывало, перегруппировав силы, перейти в контрнаступление».

С ума сойти! Откуда взялись «танковые клинья» Гудериана, «рассекающие» польские войска, когда Гудериан шел вдоль балтийского берега?

Поляки рассчитывали «перейти в контрнаступление» против Германии?.. За кого принимает Бунич читателей? По совместному плану военных действий Польши, Франции и Англии поляки должны были медленно отступать до завершения мобилизации во Франции и Англии и до удара англо-французских сил в тыл немцам.

Как же выглядели действия в Польше в действительности?

Американский историк С. Митчем:

«Получив от Гитлера «добро», Браухич отдал приказ, части быстро выдвинулись в районы сосредоточения, и 1 сентября в 4.45 утра началось вторжение. Поляки облегчили задачу Браухича, сконцентрировав третью часть своих сил внутри коридора или поблизости от него. Остальные соединения польской армии находились на границе, как и предполагалось. В результате уже утром 5 сентября Браухич и Бок пришли к выводу, что поляки практически разбиты. Польское правительство бежало из Варшавы, а с 7 сентября Гальдер уже приступил к разработке планов передислокации войск на запад» (М и т ч е м С. Фельдмаршала Гитлера. С. 84).

Но Бунич bravо переписывает историю:

«В лихорадочной спешке за Вислой формировался мощный бронированный кулак из 980 польских танков, которые ударами по двум сходящимся направлениям должны были деблокировать окруженную Варшаву».

Тут просто немеешь от невежества автора.

980 танков у Польши никогда не было! На 1 сентября 1939 года польская армия имела 50 легких танков «Рено» R35, 67 «Рено» FT (с которого когда-то был сделан наш «Борец за свободу товарищ Ленин»),

38 английских легких танков «Виккерс-6 тонн» (в СССР выпускался его аналог Т-26) и 135 легких танков польского производства 7ТР, созданных на основе того же «Виккерс-6 тонн». Итого — 290 танков.

Откуда взял свои цифры Бунич?

На сей раз он их не выдумал — он сделал танками танкетки и броневые автомобили. В польской армии было 577 танкеток ТК-3 и ТК-9, а также 100 броневых автомобилей.

Но для чего Бунич предпринял этот подлог?

А чтобы показать, что польская армия имела такую мощь, а помещал победоносному ее контрнаступлению лишь коварный удар в спину Красной Армии:

«Но сил на два фронта у Польши не было...»

Ведь Красная Армия и вермахт, по Буничу, объединили тогда свои силы.

«Героический гарнизон Брестской крепости (!) под командованием генерала Константина Плисовского отбил все атаки Гудериана. Гудериан нервничал. Без тяжелой артиллерии поляков из крепости не выкурить, а вся артиллерия застряла под Варшавой. Выручила тяжелая артиллерия Кривошеина, бомбардировавшая крепость в течение двух суток непрерывно. Разгоряченные боем, обнимались на тираспольском мосту через Буг солдаты Ковалева и Гудериана».

Какое убогое знание подробностей!

Бунич утверждает, что артиллерия Гудериана застряла под Варшавой, где этой артиллерии не было, и что русские бомбардировали двое суток — не больше не меньше; известна ему даже столь сердечная подробность, как под польскими пулями русские и немцы обнимались друг с другом!

Как же было все на самом деле?

Прорвавшись вдоль балтийского берега в Восточную Пруссию, Гудериан затем наступал с севера на юг — из Восточной Пруссии к Бресту. Под Варшавой он никогда не был, и артиллерия его там не могла застрять. Она и не застряла, она исправно долбила поляков все время операции и однажды даже накрыла танк самого Гудериана: «Я отправился на командный пункт корпуса, взял другую машину и объяснился с чересчур рьяными артиллеристами».

Артиллерия под Брестом была, атака захлебнулась из-за пехоты: «16 сентября начали совместное наступление на цитадель. Штурмом взяли гребень вала, но атака захлебнулась, так как пехотный полк 10-й танковой дивизии не выполнил приказа наступать непосредственно за огненным валом артиллерии». Все же 17 сентября крепость была взята — и без генерала Кривошеина!

Г. Гудериан: «Утром 17 сентября гигантская цитадель была взята 76-м пехотным полком полковника Голлника, переправившимся но-

чью на западный берег Буга как раз в тот момент, как польский гарнизон пытался прорваться из Бреста на запад по неповрежденному мосту через Буг. Это был конец компании...

В качестве вестника приближения русских прибыл молодой русский офицер на броневом автомобиле, сообщивший нам о подходе их танковой бригады... Затем было установлено, что район восточнее демаркационной линии должен быть оставлен нами к 22 сентября...

В день передачи Бреста русскими в город прибыл комбриг Кривошеин».

Итак, Брест был взят утром 17 сентября. Русские не могли обстреливать его два дня, поскольку только 17 сентября Красная Армия перешла границу Польши. Эта дата — 17 сентября — есть в любой книге про Вторую мировую войну.

До 17 сентября никаких действий Сталиным вообще не предпринималось. Стоит вспомнить, что Брест находился не на границе, как сейчас, а в глубине польской территории — до него еще надо было дойти. Красная Армия встретила с немецкой довольно быстро: 18 сентября, то есть на следующий день после взятия Брестской крепости.

Но как живо описывает Бунич совместный штурм Бреста русскими и немцами!

«Разгоряченные боем, обнимались на тираспольском мосту через Буг солдаты Ковалева и Гудериана».

На тираспольском мосту... И именно солдаты Ковалева! Прямо верится, что Бунич знает то, о чем пишет.

«По случаю славной победы в Бресте состоялся грандиозный военный парад. Под воинственные звуки Бранденбургского марша печатали шаг советские и немецкие солдаты. Принимая парад, на трибуне бок о бок стояли генералы Гейнц Гудериан и комбриг Семен Кривошеин, чья тяжелая артиллерийская бригада помогла Гудериану выполнить задачу по захвату Брестской крепости».

Но вот на арену явлена операция «Гроза», о которой Бунич заявляет еще на обложке своей книжонки. Наш следопыт, по-видимому, не знает, что «Гроза» — это план прикрытия границы, а не агрессии.

«Сталин жил операцией «Гроза». Любого его шаг во внутренней и внешней политике в период 1939—1941 гг. невозможно правильно понять без учета «Грозы». Нам уже объяснили, что Сталин был величайшим преступником, безжалостным и коварным деспотом. Но почему-то никто не в состоянии сделать один простой вывод: Сталин был наиболее агрессивным из всех политических деятелей своего времени, не только более коварным, чем Гитлер и Муссолини».

Н и к т о не в состоянии, а вот Бунич сподобился. Неграмотный Бунич, который не знает русского языка, арифметики, географии и истории.

«Кончается 1939 год... В снегах Карелии из последних сил бьется в окружении 9-я армия... В городском парке публично расстреливают командующего 9-й армией генерала Виноградова и несколько офицеров его штаба».

Ошибка за ошибкой.

Первая: Виноградов не был генералом. Генеральские звания в РККА были введены только после финской войны, 7 мая 1940 года.

Вторая: Виноградов командовал не 9-й армией, а, будучи полковником, 44-й стрелковой дивизией. 9-й армией командовал Духанов, а затем Чуйков.

Третья: расстреляли *«несколько офицеров его штаба»*. Из штаба расстреляли одного начальника штаба Волкова. Всего было расстреляно три человека — третьим был начальник политотдела дивизии Пахоменко. Расстреляли этих троих за то, что они «бросили свою дивизию в самый ответственный период боя и первыми ушли в тыл». Бросили раненых и замерзающих. Большая часть дивизии погибла, не в силах вырваться из окружения.

Четвертая ошибка Бунича, великого разоблачителя: *«в городском парке расстреляли»*. На самом деле было так:

«...Полковника Виноградова, начальника штаба — полковника Волкова, и начальника политотдела — бригадного комиссара Пахоменко расстреляли перед выжившими 700 бойцами 44-й СД на льду озера Васо-Ярви» (Советско-финская война 1939—1940 гг. С. 74).

Читая книгу о советско-финской войне, я убедился, каким опасным является мусор из книг Бунича. Дело в том, что в этой книге под редакцией Тараса приводится отрывок из книги... «Ошибка в третьем знаке»! И как раз с пассажем о «командующем 9-й армией генерале Виноградове»! Невежественность Бунича начинает уже расползаться по книгам.

Продолжим наше чтение:

«Война с СССР толкнула Финляндию в объятия Гитлера... Ни США, ни Англия, ни другие союзники США не объявили Финляндии войну, считая, что она воюет за правое дело».

Наверное, Буничу легко писать книги, ничего не зная. А мне вот приходится заглядывать в источники.

А н г л и я о б ъ я в и л а в о й н у Ф и н л я н д и и .

«...Англия в декабре 1941 г. объявила войну Финляндии, Венгрии, Румынии и Болгарии» (В о л к о в Ф.Д. За кулисами Второй мировой войны. С. 144).

Упомянув Англию, Бунич тут же переходит к разоблачению агрессивных планов Сталина. По сути, вся первая часть книги построена на примитивной антитезе: агрессор Сталин — миролюбивая Англия.

«Верховный Совет утвердил государственный бюджет СССР на 1940 год... Почти весь государственный бюджет, прямо или косвенно, тра-

тился на военные нужды... Конвейером или новые модели самолетов бомбардировочной и истребительной авиации».

Зная, что Бунич безбожно врет, обратимся к документам.

Заместитель наркома авиапромышленности А.С. Яковлев писал об этом периоде:

«Если привести сравнение основных типов советских самолетов, находившихся в серийном производстве к началу Второй мировой войны, то есть к 1939 году, с такими же немецкими, то это сравнение будет не в нашу пользу.

Истребители МИГ, ЯК, ЛАГГ, способные драться с новыми «мессерами», появились в опытных образцах лишь в 1940 году.

Сравнение бомбардировщиков СБ с Ю-88 также не в нашу пользу. По скорости, по бомбовой нагрузке немцы имели преимущество и в бомбардировочной авиации.

Советский пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 появился у нас в опытных образцах, так же как и новые истребители, только в 1940 году.

Самолета взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкерс-87», в воздушном флоте СССР практически не было» (Яковлев А.С. Цель жизни. С. 127).

Вот так. А у Бунича в СССР к концу 1939-го *«конвейером или новые модели самолетов».*

Что касается слов Бунича *«почти весь государственный бюджет, прямо или косвенно, тратился на военные нужды»* — тут тоже незнание предмета. Наоборот, военных удивляло, что при столь явной германской угрозе Сталин не переводит экономику на военные рельсы.

Жуков вспоминал по этому поводу:

«Сталин говорил: «Вы, военные, поймите, что мы в первую очередь должны позаботиться о быстрейшем развитии тяжелой индустрии, без которой мы не можем успешно строить социализм и оборону страны. По этим же причинам мы не могли до сих пор выделять материальные средства для создания государственных стратегических резервов и мобилизационных запасов армии и флота. Сейчас мы экономически слабее Германии, но война, которую она ведет, может серьезно ее истощить. Нам нужно во что бы то ни стало сохранить мир и продлить мирное сосуществование с Германией» (Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 221).

Да нет, готовился Сталин к войне, к завоеванию Европы. Просто Жуков его не понял.

Зато Бунич понял.

Однако далее:

«По уставу суточный переход с полной выкладкой составлял 40—45 километров. Однако весь план оккупации Европы строился на стремитель-

ном продвижении пехотных частей, что из-за низкой мобильности армии, вызванной нехваткой не только автомобильного, но и гужевого транспорта, предполагалось осуществить на солдатских ногах».

Ну и открытие! Россия была сверхдержавой коневодства. Лошадей было десятки миллионов. Завоевать Европу пешком, со скоростью 4 километра в час, да еще с перерывами на сон, отдых и еду, имея десятки миллионов лошадей?.. Что за дикость!

Не мог Сталин, имея столько лошадей, отправлять свою армию завоевывать Европу пешедралом. В СССР были даже специальные луга для обеспечения миллионов лошадей сеном в случае военных действий.

В чем же дело? Откуда такие забавные фантазии у Бунича?

А дело в том, что лошадей в июне 1941-го у Красной Армии был колоссальный некомплект. Только на случай войны армия получала лошадей и транспорт из народного хозяйства. Каждой части приграничных округов была приписана определенная техника страны на случай мобилизации. И вот приписанных армий, техники и лошадей не было в частях до самого 22 июня 1941 года: они до самого этого дня в части не поступали!

Бунич, чтобы похоронить аргумент о некомплекте, хочет сделать вид, что пехота в случае большой войны может наступать на Европу и пешком. Об истинном положении с транспортом 22 июня 1941 года, скорее всего, он знает. О недостатке транспорта и лошадей написано достаточно много. И.Х. Баграмян с горечью писал:

«Во всех наземных войсках нашего округа больным местом были транспортные средства. Имелось не более 25—30 процентов необходимого количества автомобилей и тракторов. Их не хватало даже в дивизиях, находившихся у границы. В подавляющем большинстве мехкорпусов пехота, считавшаяся моторизованной, могла передвигаться только пешим порядком, а значительная часть дивизионной и корпусной артиллерии оказывалась неподвижной из-за отсутствия средств тяги.

Объяснялось это просто. Наша страна еще не была настолько богатой, чтобы полностью обеспечить быстрорастущую армию автомашинами и тракторами. Считалось, что войска получают их в первые же дни после мобилизации. В каждой дивизии знали, откуда, с каких предприятий и учреждений должна поступать эта техника.

В этом отношении гитлеровская армия обладала неоспоримым преимуществом» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 202).

Отсутствие техники сказалось на фронтах в июне 1941-го самым фатальным образом. К.К. Рокоссовский вспоминал:

«Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Жизнь заставляла! Основная масса войск корпуса — по суще-

ству, пехота, лишенная конского тягла, — совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор — пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, диски и ленты к ним, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы. И в какую жару...

Пришлось сократить переходы до 30—35 километров (Р о к о с с о в с к и й К.К. Солдатский долг. С. 14).

Дивизии прикрытия удерживают из последних сил государственную границу, а «моторизованная» дивизия плетется к ней со скоростью по 30—35 километров за день...

Короче, Бунич всех разоблачил. Сталин занес над Европой кровавый топор. И ничто не спасло бы Европу, если бы...

«...не Англия», — догадливо улыбнется читатель.

Странно, но — не Англия. В конце первой книги Бунич делает удивительнейший пируэт, объявляя спасителем Европы Адольфа Гитлера:

«В Берлине все с большей тревогой поглядывали на Восток. Осведомительные сводки о военных приготовлениях Сталина аккуратно ложились на стол генерала Гальдера и докладывались фюреру. Иногда эти сводки были не совсем точны в деталях, но существо дела они передавали абсолютно правильно: Сталин, видимо, совсем потерял благоразумие и открыто готовит страну к большой войне... Единственно, что можно сделать, — это нанести Сталину упреждающий удар».

Гитлер вынужден был напасть на Россию!

Удар был упреждающим.

В войне с СССР Гитлер ни в коем случае не виноват. Мало ли что он там писал в «Майн кампф». Его вынудил напасть Иосиф Сталин, сам он нападать не хотел.

«Огромная военная машина фактически полностью подчинена злобному и не совсем нормальному авантюристу, засевшему в Кремле. Если сталинская орда хлынет в Европу, ее будет не удержать».

А Гитлер же был миролюбец.

«Именно в этот момент Гитлер узнает о событиях на Востоке, где стремительно начало развиваться сталинское наступление на Запад».

Ну-у, в чем же выразилось это сталинское наступление? К границе скачут на мохнатых монгольских лошадях орды большевиков?..

«Разведка с тревогой докладывала... об активности Красного Черноморского флота у берегов Румынии и Болгарии, а также у турецких проливов. На Балтике, после захвата Прибалтики, также резко возросла активность русского флота, растущего невероятными темпами».

По правде говоря, проверить эти исторические слова Бунича я не могу. Что значит «активность... у берегов Румынии и Болгарии»? Моряки

активно перебегали с носа на корму и обратно? И что понимать под словами «на Балтике... возросла активность»? Во время советско-финской войны на Балтике было всего два линкора царской постройки, один-единственный крейсер «Киров», 13 эсминцев и лидеров, 29 подлодок (из них 2 малые), 3 канонерские лодки, 28 тральщиков, 64 торпедных катера и 33 других катера. Выполнить поставленную в Финскую войну задачу — блокировать берег Финляндии этот флот не смог: был слишком мал.

Но, по Буничу, все возможно, как в сказке, — советский флот растет у него не по дням, а по часам.

Далее Бунич пугает уже авиацией, описывая авиационные парады, которые проводились в годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1941 года.

«Армады боевых самолетов произвели впечатление и на многочисленных военных атташе, собравшихся на Красной площади, а в равной степени и на румынских, финских, немецких и турецких наблюдателей, следивших за впервые проведенными воздушными парадом над Черновцами, Выборгом, Львовом и Ереваном».

Очередная ошибка. Города Черновцы в описываемое время не было. Были Черновицы. Только в 1944 году Черновицы были переименованы в Черновцы.

«Над Баку также впервые был проведен воздушный парад, на котором, в отличие от других мест, преобладали истребители, явно давая понять англичанам, чтобы они трижды подумали, прежде чем решились выполнить свою угрозу о бомбардировке бакинских нефтяных промыслов...»

Это было особенно важно, поскольку приведенный в полную боевую готовность Ленинградский военный округ ждал только приказа, чтобы завершить несколько затянувшуюся проблему Финляндии. Чтобы поднять боевой дух солдат, по округу был распушен слух, что 10 тысяч пленных красноармейцев, переданных финнами после заключения мира в руки советских властей, были этапированы в Архангельскую область, где и расстреляны до единого человека. Политорганы слух не опровергали.

Как выяснилось позднее, он оказался чистойшей правдой».

Эта полуправда отнюдь не открытие Бунича. Судьба освобожденных из финского плена известна достаточно хорошо.

«Почти всех вернувшихся из финского плена — 5175 красноармейцев и 293 человека начсостава — отправили в сталинские лагеря. Из них 232 человека получили смертельный приговор (расстреляно 158), 4354 человека осудили на сроки от 5 до 8 лет, а освободили только 450 человек, оказавшихся в плену по ранению или обмороженными» (Советско-финская война, 1939—1940 гг. С. 176).

Но идем далее. У Бунича Красная Армия уже почти готова для броска на Запад.

«Командующий округом генерал Кирпонос, получивший неизвестно за что в прошлой войне с Финляндией звание Героя Советского Союза, лично инспектировал войска, явно мечтая о второй золотой звезде, и, конечно, не подозревал, что жить ему осталось меньше года и что пуля особиста в Киевском мешке прервет его головокружительную военную карьеру, избавляя от неминуемого плена...»

Прежде всего, неграмотно: «Золотая Звезда» пишется с двух прописных.

Затем, Кирпонос только по Буничу получил звание Героя Советского Союза «ни за что». Кирпонос в финской войне отличился как никто другой. Его солдаты обошли укрепления Выборга по льду и вышли на дорогу, что вела к Хельсинки. После этого стратегически война для финнов была проиграна.

Как можно с видом бывалого знатока писать про финскую войну и ничего не знать о Кирпоносе? К.А. Мерецков описывает последние бои в Финляндии так:

«Вместе с членом совета армии Т.Ф. Штыковым мы поехали в дивизию. Говорю комдиву М.П. Кирпоносу: разведайте Выборгский укрепрайон ночью, а мы тем временем подбросим сюда артполк большой мощности. Кирпонос решил попытаться обойти часть укреплений с северо-запада. Раньше мы уже посылали некоторые части по льду, но помешали полыньи. Несколько танков утопили. Комдив по своей инициативе повторил опыт. Его ребята ухитрились бесшумно снять всех финских часовых. Тогда Кирпонос сразу переброшил всю 70-ю танковую дивизию на западный берег залива. И когда утром я вернулся, то никого уже здесь не застал. Это случилось 4 марта. Я объявил 70-й дивизии благодарность, усилил соединение Кирпоноса приданными частями и двинул их на Выборг западным берегом в обход города с тыла, а затем сообщил об успехе И.В. Сталину.

Заработала прямой наводкой артиллерия. Буквально продираясь сквозь вражескую оборону, 7-я армия шла к Выборгу... Дорога на Хельсинки была теперь открыта. Убедившись в безнадежности сопротивления, правительство Финляндии начало переговоры» (М е р е ц к о в К.А. На службе народу. С. 189).

К.А. Мерецков командовал 7-й армией, что прорвала «линию Маннергейма» и наступала на Выборг. О решающей роли Кирпоноса в боевых действиях он писал не понаслышке.

Теперь об измышлении Бунича, что Кирпоносу досталась «пуля особиста».

Командующий войсками Юго-Западного фронта М.П. Кирпонос был смертельно ранен в бою. Об этом есть свидетельства. Из киевского окружения с Кирпоносом вырывался Баграмян. Он возглавил тогда

отряд, который был призван отвлечь немцев от штабной колонны, но немцы все же нашли эту колонну.

Баграмян пишет о последних минутах своего командующего:

«А фашисты уже обнаружили исчезнувший ночью штаб фронта. Когда утренний туман рассеялся, разведчики доложили — с востока и северо-востока идут немецкие танки. Прибывшие с юго-запада оставшие бойцы сообщили, что и с этого направления приближаются вражеские мотоциклисты и танки.

Минут через двадцать враг атаковал рощу с трех сторон. Танки вели огонь из пушек и пулеметов, за ними шли автоматчики. В гром и треск вплетались редкие выстрелы наших пушек — их было мало, да и приходилось беречь каждый снаряд. Танки прорвались к восточной опушке рощи. С ними вступили в схватку офицеры, вооруженные гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Две вражеские машины загорелись, остальные откатились.

Командующий, члены Военного совета фронта, генералы Тупилов и Потапов стали совещаться, как быть дальше: сидеть в роще до вечера или прорываться сейчас же. Но тут началась новая атака. Подъехавшая на машинах немецкая пехота с ходу развернулась в цепь и двинулась в рощу под прикрытием огня танков. Когда она достигла опушки, окруженные во главе с Кирпоносом, Бурмистренко, Рыковым, Тупиковым, Потаповым и Писаревским бросились в контратаку. Гитлеровцы не выдержали рукопашной и отступили.

В контратаке генерал Кирпонос был ранен в ногу. Его на руках перенесли на дно оврага, к роднику. Сюда же доставили раненого и тяжело контуженного командарма Потапова. Его боевой начальник штаба Писаревский героически пал на поле боя.

Дивизионный комиссар Рыков и генерал Тупилов вместе с полковником Глебовым обошли опушку. Беседовали с людьми, ободряли их.

Примерно в половине седьмого Кирпонос, Бурмистренко и Тупилов в кругу командиров обсуждали варианты прорыва, который намечалось осуществить с наступлением темноты. В это время противник начал интенсивный минометный обстрел. Одна мина разорвалась возле командующего. Кирпонос без звука принял к земле. Товарищи кинулись к нему. Генерал был ранен в грудь и голову. Через две минуты он скончался. Адьютант командующего майор Гненный со слезами на глазах снял с кителя генерала Золотую Звезду и ордена» (Баграмян И.Х. Мои воспоминания. С. 347).

В конце своего творения, на странице 649 второго тома, Бунич, смакуя, возвращается к вопросу о гибели Кирпоноса:

«В Киеве был застрелен особистом генерал армии Кирпонос, по официальной версии покончивший с собой (двумя выстрелами из нагана в затылок)».

Ну нет слов. *«В Киеве... по официальной версии!»* По официальной версии: «Погиб в бою» (Большой энциклопедический словарь. М., 1998).

Но мы забегаем вперед. Продолжаем читать Бунича по порядку.

«Вермахт, воспитанный на доктрине «блицкрига», обороняться не умел (и не научился толком этому сложному искусству в течение всей войны). Сталинская армия, воспитанная на доктрине «малой кровью на чужой территории», обороняться не только не умела, но платила головами своих командиров за одни уже мысли о возможном отступлении. Только вперед!»

То, что вермахт *«обороняться не умел»*, — очень серьезное открытие Бунича. Раньше считалось, что Германия имела самых выдающихся теоретиков обороны. Вся верхушка немецкой армии имела опыт Первой мировой, а следовательно — длительных оборонительных боев. Командующий группой «Север» Лееб, к примеру, был мировым светилом в области обороны.

«Работа Лееба «Оборона» в 1938 году была издана германским военным министерством и позднее переведена на английский язык. Некоторые из его более ранних трудов, переведенных на русский язык, в 1936 году были использованы при подготовке Советского устава полевой службы» (М и т ч е м С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. С. 174).

Вот так думали до Бунича. Он все опровергает. И Красной Армии попенял за то, что в ней думали воевать «малой кровью на чужой территории». Ну конечно, надо было большой кровью на своей территории...

Вот что считал генерал Лееб: «Во время передвижения атакующие, как правило, не имеют возможности пользоваться имеющимся у них оружием. Во время наступления они становятся отличной мишенью для тех, кто занял оборону, — то есть тех, чьим основным средством является огонь, а не передвижение. Обороняющиеся находят благоприятную для себя местность, роют окопы, укрытия и тем самым защищают себя. Защита обороны заключается в том, чтобы устоять, нападения — победить. Устоять всегда проще, чем победить».

Немецкие командиры хорошо изучили Лееба. На тех направлениях, где они не вели наступление, немецкие солдаты занимали глухую, хорошо эшелонированную оборону и уничтожали наступающего противника.

Теперь о Красной Армии. Хотя взгляды Лееба на оборону оставили след в ее уставах, главное внимание в ней действительно уделялось наступлению. По этому поводу можно иногда встретить разного рода домыслы. Бывший начальник Генштаба С.М. Штеменко уже давно ответил на них следующим образом:

«Элементарной неосведомленностью в военном деле объясняется, видимо, и то, что некоторые товарищи объявляют ошибочными известные положения довоенных уставов Советской Армии о подчиненной роли обороны по отношению к наступлению. Таким приходится напомнить, что это положение действительно и поныне» (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 22).

Так и сейчас, в наши дни, вопреки Буничу, все хотят добиться «победы малой кровью, на чужой территории». Живет такое неистребимое желание. Оборона имеет недостатки: уступка стратегической инициативы, распыление сил по фронту и в глубину. В оборонительных боях приходилось отступать, а следовательно, оставлять врагу раненых и подбитые машины. Поэтому в немецких уставах было положение: отбив атаки врага, надлежит переходить в контратаку. Это позволяло немцам захватывать подбитую советскую технику и добивать раненых советских солдат и офицеров. Потому немецкие танки и смогли пройти почти до Москвы, что немцы сосредоточивали силы для гарантированного прорыва и закрепления за собой поля боя, что позволяло потом восстанавливать подбитые и неисправные танки.

Собственно, наступательным духом пропитан весь устав немецкой армии. Именно наступательная доктрина немецких уставов позволила немцам столь легко разбить французов, чьи уставы были нацелены на позиционную войну.

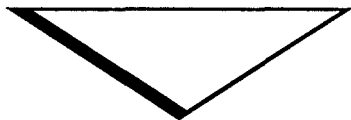
Л. Рендулич излагал историю немецкого устава следующим образом:

«С точки зрения боевого опыта Первая мировая война представляет для нас особый интерес. Вскоре после этой войны германское командование издало устав «Управление боем взаимодействующих родов войск». В нем сознательно отвергалась большая часть опыта минувшей войны и выдвигалось крайнее требование — любой ценой вести наступательные действия. В его основу были положены принципы, существовавшие до 1914 года и в начале войны практически осуществлявшиеся как на Западе, как и на Востоке. Несколько лет спустя он был заменен уставом «Вожделение войск», в котором слишком крайние требования прежнего устава хотя и были несколько смягчены, но все же сохраняли ярко выраженный наступательный дух.

Некоторые офицеры, несмотря на то что они обучались в духе этого устава, продолжали придерживаться старых взглядов, основанных на опыте Первой мировой войны, что, однако, никакого влияния на их практическую деятельность в начале Второй мировой войны не оказало. Как и другие офицеры, они действовали в духе вермахта. Дальновидные авторы уставов понимали, что опыт Первой мировой войны не может служить прочной основой для принятия серьезного реше-

ния в новой войне. Вторая мировая война подтвердила правильность основных положений устава. В этом же духе были выдержаны уставы и наставления первой сухопутной армии Австрии.

Иначе обстояли дела у французов. В их уставах на первый план выдвигался принцип безопасности. Методичность и схематичность преобладали также в наступательных идеях и напоминали о способах прорыва позиционной обороны. Видимо, этим и объясняется то, что в 1940 году французы не ожидали высокоактивных наступательных действий немцев...» (Р е н д у л и ч Л. Управление войсками. М., 1974. С. 141).

БОРЕЦ ЗА МИР АДОЛЬФ ГИТЛЕР

А у Бунича Красная Армия повергает в трепет бедную, слабую Германию.

«Панические рапорты разведки по поводу сосредоточения соединений Красной Армии на восточных границах Германии и ее потенциальных сателлитов в Восточной Европе, (запятая стоит здесь у Бунича. — А.П.) встревожили Гитлера, и он здраво рассудил, что из двух зол надо ликвидировать наибольшее».

Не хотел Гитлер нападать, да у Кремля были *«потенциальные сателлиты»*, они угрожающе сконцентрировали силы на границе Германии. Панически напугали немецкую разведку. Встревожили Гитлера. Разбредили его душу.

А как Гитлер не хотел войны! Приглашал нашего Молотова поговорить о мире...

С отцовской нежностью рисует Бунич берлинского миролюбца:

«С какой-то смущенной улыбкой Гитлер вышел из-за стола и пошел навстречу вошедшим, по привычке подняв руку в партийном приветствии. Поздоровавшись с каждым, Гитлер сказал, что рад приветствовать советскую делегацию, осведомился о здоровье Сталина и жестом хозяина предложил расположиться в мягких креслах вокруг круглого стола».

Смушающийся, застенчивый, робкий Гитлер, тревожно спрашивающий о здоровье «батюшки»-Сталина и заботливо усаживающий дорогих советских гостей в мягкие кресла...

И что же он встречает в ответ? Злобные вопросы советской делегации: почему немецкие войска появились в Финляндии и Румынии, на границе СССР? Ах, как грубо это, как бестактно. Какие хамы эти русские! Так грубить деликатным, смущающимся немцам!

А деликатные немцы уже разрабатывают план нападения на СССР и делят его территорию. Но вслух вождь немцев тактично говорит совсем другое:

«Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам».

Постоянно кивающий головой Молотов при последних словах Гитлера, нарушая протокол, заметил, что все сказанное фюрером совершенно верно».

Смущенно улыбнувшись на это замечание Молотова, Гитлер продолжал: если обе страны придут к пониманию этого факта, они смогут наладить взаимовыгодное сотрудничество и избавить себя от осложнений, тревог и беспокойств».

Читая эти строки, я чувствую, как мне начинают нравиться этот симпатяга Гитлер с его миролюбием.

И Гесс тоже хороший, улыбчивый и застенчивый парень.

«Заулыбался и Гесс, когда его спросили, может ли он подтвердить сведения советской разведки о том, что он, Гесс, мастерски играет на аккордеоне. Появился и аккордеон. Гесс смущенно взял его в руки и, будучи, как и Геринг, летчиком-ветераном Первой мировой войны, заиграл печальную мелодию, известную каждому немецкому солдату: «Их хатте айне камераде...»

Застенчивым оказался и Геринг:

«Взвыли сирены воздушной тревоги... Геринг был явно смущен и быстро уехал».

Что ни нацист, то просто душа.

От Риббентропа Молотов был просто в восторге:

«Прощание получилось на удивление простым и сердечным. Риббентрон извинился за «этих свиней-англичан», которые вечно появляются незваными с одной только целью «плюнуть в суп». Молотов рассмеялся, заметив, что несколько не сожалеет о налете, так как благодаря ему имел исчерпывающую и сердечную беседу с Имперским министром иностранных дел».

Книга первая на этом кончается.

В книге второй нацистские главари столь же славные ребята.

«Австрийский инженер Горбигер (ум. 1942 г.) лично читал свои лекции Гитлеру, который слушал его с таким выражением уважения и почтения на лице, что все просто диву давались. Более того, Горбигер, не терпящий никаких дискуссий по поводу своих теорий, останавливал робкие реплики Гитлера свирепым «Молчать!» или «Смирно!»

Я прямо вижу эту сцену: робкий Гитлер стоит навытяжку в стойке «смирно» с выражением почтения на лице, а Горбигер менторски читает ему лекции.

Слушать бы Гитлеру лекции, наслаждаться Вагнером, рисовать акварельки, обсуждать со Шпеером архитектурные проекты — но все страхи вокруг так жаждут войны!..

Глава 8 труда Бунича называется «Политическая мастурбация».

Неожиданное название, броское. Я такого никогда не встречал.

Почему же Бунич так назвал эту главу?

Я думаю потому, что в этой главе Бунич совершает просто потрясающий подлог. Вот он:

«Сталин еще раз внимательно прочел документ:

«Народный комиссар
Обороны СССР

ОСОБО ВАЖНО

18 сентября 1940 года
№ 103202/06

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ТОЛЬКО ЛИЧНО

ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на Ваше рассмотрение план действий Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы...»

Взгляд Сталина быстро бежит по строчкам знакомого документа:

«...На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее (запятой тут нет у Бунича. — А.П.) ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу. Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию...»

Сталин поморщился. Даже в документах, предназначенных только для него, не могут назвать вещи своими именами. Что значит: «Наиболее вероятным противником будет Германия»? А кто еще? Швеция? Он подавил в себе восторг раздражения. Документ составлен в сентябре, когда еще была жива идеология, что Советский Союз никогда не начнет войны, прежде чем кто-либо осмелится посягнуть на его священные границы. Сталин все более и более приходил к убеждению, что подобная идеология не только вредна и опасна, но («и» здесь пропущено Буничем. — А.П.) совершенно не соответствует текущему моменту».

Подлинный документ № 103202/06, на основе которого Бунич делает свою «политическую мастурбацию», выглядит следующим образом:

«Особо важно
Совершенно секретно
Только лично

Народный комиссар обороны Союза ССР
18 сентября 1940 г.
№ 103202/06

ЦК ВКП(б)
тов. Сталину
тов. Молотову

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 годы.

1. Наши вероятные противники. Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах. Это вооруженное столкновение может ограничиться только западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможное участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу... Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — Японией, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение» (Цит. по: Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. С. 228).

В чем разница между «документом» И. Бунича и подлинным документом?

1. Бунич пишет неграмотно. «Народного комиссара Обороны» никогда не существовало.

2. Бунич исказил текст. В реальном документе говорится не о «плане действия Вооруженных Сил», а об «основах стратегического развертывания». «План действий», создаваемый в условиях мира, подразумевает нападение, «стратегическое развертывание» может использоваться как для нападения, так и для обороны.

3. Бунич убрал абзац, начинающийся со слов «Наши вероятные противники», поскольку в этом абзаце явно видны опасения войны на два фронта, в Европе и с Японией. Естественно, объявить, что СССР собрался воевать с Европой и Японией, было бы совсем нелепо, и потому Бунич акцентирует внимание читателя на Германии.

А вот продолжение «политической мастурбации» Бунича.

«Настроение вождя несколько улучшилось, когда пробравшись через туманно составленную преамбулу и слишком подробное описание корпусов и дивизий, развернутых для выполнения плана (в конце концов он не был военным!) для него части документа.

«Главные силы Красной Армии на Западе (здесь Бунич убрал запятую, которая есть в оригинале настоящего документа. — А.П.) в зависимости от обстановки, могут быть развернуты к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях (в оригинале — в направлении. — А.П.) Люблин и Краков, (в оригинале запятой нет. — А.П.) и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее экономических баз, (в оригинале запятой нет. — А.П.) и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с зада-

чей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта.

Первый вариант — развертывание к югу от Брест-Литовска.

...Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пильца и верхнее течение р. Одер...

Удар наших сил в направлении Краков—Бреслау (в оригинале — Краков, Братислава. — А.П.), отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши.

При развертывании Вооруженных Сил СССР по этому основному варианту предлагается следующая группировка.

Непосредственно на Западе развернуть три фронта — Северо-Западный, Западный и Юго-Западный».

Бунич воспроизводит текст довольно точно, если не считать запятых, но далее он текст фальсифицирует:

«Северо-Западный фронт — основные задачи.

Прочно прикрывать минское и риги-псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию.

Во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки.

Ударом в общем направлении на Инстербург, Аленштайн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии.

...Всего в составе Северо-Западного фронта иметь:

17 стрелковых дивизий;

4 танковые дивизии;

2 танковые бригады;

2 танковых бригады;

20 полков авиации...»

Прежде чем привести настоящий, не подправленный Буничем текст оперплана, заметим непростительную небрежность Бунича даже в подлогах:

«...Всего в составе Северо-Западного фронта иметь:

...2 танковые бригады;

2 танковых бригады».

Похоже, у Бунича танки двоятся в глазах.

Между тем Северо-Западный фронт имел следующие задачи (подлинный текст):

«1. Обороня побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника. 2. Прочно прикрывать Минское и Рижско-Псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию. 3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки. 4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстенбург, Алленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии» (Цит. по: М е л ь т ю х о в М. Упущенный шанс Сталина. С. 383).

Для чего же Бунич искажает текст? В плане ключевое слово — «обороня». План также не предусматривает немедленного удара, в нем говорится о «периоде сосредоточения войск». Естественно, это Бунич тоже выбросил.

В подлинном виде план универсален и может использоваться как для наступления, так и для обороны. Искажения Бунича сделали его только наступательным.

А вот продолжение «политической мастурбации» Бунича:

«Западный фронт — основная задача.

...Одновременным ударом в общем направлении на Алленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, (запятая здесь у Бунича. — А.П.) способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера.

В составе фронта иметь четыре армии — 3, 10, 13 и 4-ю.

А что было в оригинале?

В оригинале Западному фронту ставилась задача: «прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин] способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера» (т а м ж е. С. 383).

Бунич выбросил слова «прочно прикрывая минское направление» и «по сосредоточении войск», подразумевающие оборону и какое-то время на сосредоточение войск. Поскольку из этих слов читатель мог

сделать вывод об оборонительном характере оперплана, Бунич, естественно, подрезал текст.

Читаем Бунича дальше.

«Юго-Западный фронт — основные задачи.

Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла.

В дальнейшем нанести удар в направлении на Кальце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и вернее течение р. Одер.

В составе фронта иметь 6 армий — 5, 19, 6, 12, 18 и 9-ю.

И опять неграмотно: город Кельце именуется то Кельце, то Кальце. Но здесь строчки Бунича весьма любопытны.

Дело в том, что 18 сентября 1940 года, когда были утверждены основные задачи, не было ни Юго-Западного фронта, ни 19-й армии. Указание о создании полевого управления Юго-Западного фронта поступило только перед самым ударом немцев, 19 июня 1941 года, а управление 19-й армии было сформировано в начале июня 1941-го. К 22 июня сосредоточение этой армии еще даже не было завершено.

Другими словами, основные задачи начали осуществляться, но только тогда, когда Гитлер сконцентрировал войска для удара. Когда немецких войск на границе было мало, «задачи» лежали под сукном.

Бунич весьма небрежно поработал ножницами, оставив в тексте 19-ю армию!

Да и 18-ю армию он тоже оставил зря.

«18-я армия. Сформирована в июне 1941-го в Киевском Особом ВО» (Великая отечественная война Советского Союза, 1941—1945. С. 321). В июне 1941-го! К этому добавим, что и 22 июня 1941 года она еще не была полностью сформирована.

«22 июня 1941 года меня вызвали на заседание Военного совета и объявили о назначении интендантом 18-й армии, которая формировалась на базе управления Харьковского и войск Киевского военного округов... Формирование происходило оперативно» (Сафонов И.В. За фронтом — тоже фронт. М., 1986. С. 6).

И 9-ю армию зря Бунич оставил. Ее на момент написания оперплана уже не было. «После успешного окончания бессарабской кампании с 10 июля управления Южного фронта и 9-й армии расформировывались» (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 329).

Если бы оперплан от 18 сентября 1940 года был наступательным, к 18 сентября 1940 года или чуть позже 18, 19 и 9-я армии были бы готовы к действию. Но они были сформированы много позже — когда в ударе немцев оставалось мало сомнений.

Но в отрывке, что так неосторожно цитирует Бунич, есть еще один любопытный момент. «Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла».

Здесь идет речь не о захвате германской территории Берлина и Мюнхена, а об уничтожении изготовившейся вражеской группировки.

Какой-нибудь скептик из читателей может высказать мысль: мало ли что говорится про группировки! План был наступательным, про сосредоточение немцев написали просто так, для отвода глаз.

Для отвода глаз? В отношении кого? План был совершенно секретным!

В е с ь п л а н разработан с учетом именно сосредоточения немецких войск для нападения на СССР. Согласно «Южному варианту», Западный фронт разбивает люблинскую, а Юго-Западный — люблинско-сандомирскую группировки врага. Северо-Западный фронт должен был лишь сковывать силы немцев в Восточной Пруссии. Согласно «северному варианту», главной задачей ставилось «нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточившимся в Восточной Пруссии». Вспомогательный удар прикрывал Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию и наносил «поражение группировке противника в районе Люблин, Грубешов, Томашев».

К слову, Бунич подробно описывает лишь «южный вариант», и это тоже не случайно. План нападения должен быть однозначен, а план обороны может иметь варианты, в зависимости от «политической обстановки, которая сложится к моменту войны», как говорилось в оперплане от 18 сентября 1940 года.

Здесь стоит обратиться к мнению автора оперплана — А.М. Василевскому, чтобы узнать, как он объясняет свою концепцию военных действий.

«С середины апреля 1940 года я включился в ответственную работу Генерального штаба — работу над планом по отражению возможной агрессии. Справедливость требует отметить, что главное к тому времени уже было выполнено. В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б.М. Шапошников, и Генштаб к тому времени завершил разработку для представления на утверждение в ЦК партии. Основные установки по составлению доклада давал нам Б.М. Шапошников...» (В а с и л е в с к и й А.М. Дело всей жизни. С. 105).

Василевский пишет, что «в течение всех последних лет» оперпланы готовились — однако Сталин на Гитлера не нападал.

Но продолжим чтение Василевского:

«Наиболее вероятным и главным противником в нем указывалась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на стороне Германии

может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего, ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступать Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный «сырьевой придаток» Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник «антикоминтерновского пакта»). Б.М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал концентрацию основных сил страны именно здесь. Не исключая нападения Японии на наш Дальний Восток, он предполагал сосредоточить и там такие силы, которые гарантировали бы устойчивое положение» (там же. С. 105).

Вот именно так и возник оперплан от 18 сентября 1940 года.

СТАЛИН АЛКАЕТ ВОЙНЫ

Подлоги Бунича примитивны. Это либо бесстыдная ложь, либо грубое искажение документов. У Суворова — Резуна в его подтасовках все-таки есть некое изящество, да и сами книги написаны увлекательно и местами весело. Нас дурачат — мы понимаем, что дурачат, но все равно не прекращаем чтения, потому что дурачат увлекательно.

У Бунича же — только невежественная, нудная и злобная ложь.

Но поучительно продолжить его чтение.

«Развернутая авиационная промышленность — гигантская программа, находящаяся на личном контроле Сталина, а потому неукоснительно выполняемая, готова была к лету 1941 года обеспечить Военно-воздушные силы страны 150 тысячами боевых машин».

Откуда взялась эта несусветная цифра — Бунич не объясняет. На самом деле выпуск самолетов в СССР был следующим:

1930 год — 899 машин;

1931-й — 860;

1932-й — 1734;

1933-й — 2952;

1934-й — 3109;

1935-й — 2529;

1936-й — 3770;

1937-й — 4435;

1938-й — 5469;

1939-й — 10 360;

1940 год — 10 565 машин.

Первая половина 1941 года — 5958 машин (См.: Яковлев А.С. Советские самолеты. С. 350).

Здесь приведено число всех самолетов, включая учебные и гражданские. Число военных самолетов на 22 июня 1941 года составляло 24 488 единиц (См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 486). Это были в основном самолеты старых марок — И-16, И-153 и СБ, которые немцами сбивались без труда. Новые самолеты массово начали поступать в 1941 году, летный состав их еще не освоил.

«Кто всегда радовал товарища Сталина, так это танкисты. Советский Союз мог по праву считаться родиной массового конвейерного танкостроения. Он и немцев пытался обучить этому искусству, но немцы оказались никудышними учениками во всех отношениях. Цифры их танкового производства вызывали иронические улыбки у всех специалистов в Москве, включая и самого товарища Сталина. А о качестве немецких танков и говорить нечего. Их самая последняя модель, именуемая Т-IV, представляла собой короткоствольную, узкогусеничную, бензиновую машину с лобовой броней 25-мм и парадной скоростью 32 км/час».

Маленькое замечание по правописанию: следует писать не «броней 25-мм», а «броня в 25 мм» (но «25-мм броня»).

Но и «25 мм» относительно танка Т-IV писать не следует. В то время, о котором идет речь (рубеж 1940-го и 1941-го), немцы выпускали танк Т-IV Е. Его лобовая броня составляла 30 мм, к которой добавлялся 30-мм экран. В сумме это давало 60 мм брони. Напомним, что у Т-34 была 45-мм лобовая броня.

Более того, еще в 1940 году началось усиление танков предыдущей серии Т-IV D, имевших 30-мм лобовую броню, дополнительными 20-мм плитами. Это приблизило немецкий танк по бронированию к Т-34 — хотя немецкий все же существенно уступал советскому по мощности пушки.

Танков же Т-IV предыдущих серий было произведено немного, танки самой первой серии Т-IV А использовались в основном как учебные.

На момент вторжения в Советский Союз производилась уже модификация Т-IV F. Лобовая броня корпуса и башни составляли 50 мм — на 5 мм больше, чем у Т-34. Впрочем, мощности пушки по сравнению с Т-34 тоже было недостаточно, но Т-IV наголову превосходил подавляющее большинство остальных советских танков.

Теперь займемся исторической мыслью Бунича о том, что Сталин пытался обучить немцев искусству массового танкостроения. Да, мы помним, как Иосиф Сталин, уподобясь Великому Петру, долго ездил по немецким танковым заводам, изучая немецкий технологический процесс и, сурово критикуя Порше, называл его саботажником и вредителем. Но все это не помогало. Вредителем Порше занялись потом органы НКВД, а Сталин сам взялся за превращение кустарных немецких тракторных мастерских в танковые фабрики. Однако недалекие немцы уносили детали домой и продолжали делать из танковых деталей свои излюбленные трактора. Из танковых треков они изготовляли бороны, из грязевых щитков выковывали плуги. Да и вообще природное миролюбие германской нации не позволяло им выпускать оружие. Завидев танк, немец тут же с огорчением отворачивался. Заметив пушку, он зажимал рукой нос и стремительно убегал.

Злой, раздосадованный, вернулся Сталин из поездки по гитлеровской Германии. Нет, решил он, таких завязтых пацифистов и миролюбцев можно заставить работать только силой. Вот завоюю Германию, поставлю за каждым немецким рабочим офицера НКВД, и тогда, наконец, доведу кварталный выпуск до 7650 танков в год ежемесячно...

Раз уж мы завели разговор о танках, то уделим немного времени и другому немецкому танку — Т-III. В модификациях А-Е броня этого танка была весьма мала — 15 мм. Но на модификациях F и G броня составила уже 30 мм, на модификации H эта броня была усилена дополнительными броневыми листами в 20 мм толщиной (что давало в сумме 50 мм), на модификациях J-О бронирование составляло 50 мм основной брони и 20 мм дополнительной. Танки серии J (см. вклейку) пересекли границу СССР 22 июня. Напомним, что Т-34 имел 45 мм, а КВ — 75.

В калибре пушки и Т-III уступал советским танкам. Большинство Т-III перед нападением были вооружены пушками калибра 50 мм длиной в 42 калибра. Но это не говорит о миролюбии Гитлера или отсутствии пушек: военные не выполнили распоряжения Гитлера о перевооружении танков пушкой в 60 калибров. Гитлер, когда узнал об этой их нерадивости, пришел в ярость, но отменять нападение на Россию он уже не стал. А пушка, которую должны были по приказу Гитлера поставить на танк, была великолепной пушкой, вполне сравнимой со столь же великолепной пушкой танка Т-34.

Сравнительные характеристики немецкой и советской танковых пушек:

Марка пушки	Марка снаряда	Масса снаряда	Начальная скорость	Бронепробиваемость на дистанции (м) в мм стальной брони под углом 30 градусов	
				500 м	1000 м
KwK 39	PzGr39	2,06	685	46	36
	PzGr40	0,925	1180	72	38
Ф-32	БС	6,5	612	48	42

Снаряд PzGr39 был бронебойным, как и советский БС. Снаряд PzGr40 был подкалиберным. В боекомплект немецкого танка входило пять подкалиберных снарядов; ввиду низкой начальной скорости их точность была невысока, но, попав в цель, они прожигали броню в 115 мм на дистанции 500 м. У советских танков были только бронебойные снаряды.

Не таким уж безобидным был на 22 июня 1941 года и танк Т-II.

После польской кампании на первых модификациях А, В и С была усилена лобовая броня — 20-мм пластинами. Модификации D и E имели 30 мм лобовой брони. Т-II F — практически последняя модификация танка, выпускавшаяся с марта 1941-го по декабрь 1942 года, — имела носовую часть корпуса из 35-мм листа с наклоном 13 градусов к вертикали. Верхний 30-мм лист имел наклон 70 градусов.

Но продолжим чтение Бунича.

«Советская разведка получила приказ проверить, нет ли у немцев какого-либо секретного танка, который они пока не демонстрируют и берегут в качестве сюрприза. Оказалось, что нет не только на конвейере, но и в разработке».

Вот вам еще одно «открытие» Бунича — думаю, также позаимствованное у Суворова — Резуна.

У немцев в начале 1941 года в разработке находились два тяжелых танка, VK3001(H) и VK3001(P), причем последний танк, появившийся зимой 1940/41 года, имел скорость 60 км в час. Но конструкция ходовой части показала военному руководству сложной, и в серию танк Порше не пошел. Однако сильно перепугал советскую разведку. Настолько сильно, что Кулик решил, что немцы переходят на выпуск тяжелых танков и потому требуется выпускать 107-мм орудия. Производство 76-мм орудий при этом было свернуто.

Факты это довольно известные — по крайней мере, тем, кто изучал историю советской артиллерии.

По Буничу же, «советская разведка» ничего не нашла «ни на конвейере, ни в разработке». А разглагольствует он как большой знаток не только артиллерии, но и советской разведки.

«Никто в СССР, даже начальник Главного Бронетанкового Управления (два последних слова с прописной у Бунича. — А.П.) РККА генерал-лейтенант Федоренко и главный инспектор танковых войск генерал-майор Вершинин, не знали точно количество танкового парка. Но (запятой нет у Бунича. — А.П.) суммируя заявки округов, командование бронетанковых войск выяснило, что после интенсивнейших учений летом и осенью 1940 года, (запятая у Бунича. — А.П.) в разной степени ремонта (от двухчасового до капитального) нуждается 21 тысяча танков, или 43 процента всего танкового парка, находящегося в округах. Это и не удивительно. На прошедших учениях отрабатывались танковые марши на 500, 1000 и 3000 километров в режиме непрерывного наступления».

Да нет, это как раз удивительно.

21 тысяча танков — это 43 процента всего танкового парка. Какой же тогда весь танковый парк?

48 837 танков?

Вот это да!

Обратимся к документам. В книге «Упущенный шанс Сталина» приводится таблица количества танков и бронемашин в Красной Армии, составленная по документам из архивов. Итак, на 15.09.1940 (примерно об этом времени говорит Бунич) было: танков КВ, Т-35, Т-28, Т-34 в сумме 532. Танков БТ всех модификаций — 7750. Танков Т-26 всех модификаций — 9466. Мелких танков — Т-37, Т-38, Т-40 — 3586. Танков Т-27 — 2219.

Итого танков — 23 307 единиц.

Много.

Но основную ударную мощь составляли не они, а 25 530 танков «Бунич-IV» на страницах потрясающей книги «Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке».

Именно ими Сталин и планировал нанести удар по Европе.

Далее Бунич лжет насчет танка Т-34. Ему бы в партизаны с таким талантом. Любой допрос был бы ему нипочем.

«Еще 5 июня 1940 года Сталин повелел выпустить к концу 40-го года 600 новых танков Т-34 и 2000 моторов к ним (см. Часть I этой книги, стр. 213), приписав: «Предупредить руководителей предприятий, выполняющих заказы для танка Т-34, что они персонально отвечают за их исполнение как по качеству, так и в срок». Персональная ответственность, как ее понимал вождь всех народов, означала арест и отправку в ГУЛАГ, а то и расстрел. Руководители предприятий это понимали тоже, а потому вместо 600 танков Т-34 сделали к декабрю — ко дню рождения Великой Сталинской Конституции и самого товарища Сталина 680 машин. «Могут работать, когда захотят!» — изрек вождь, просматривая отчетные сводки».

Еще «открытие» Бунича!

Потрясающее: к концу 1940 года было создано 680 танков Т-34!

До Бунича считалось, что освоение танка столкнулось с большими трудностями, и Харьковский паровозостроительный завод выпустил к концу 1940 года всего 115 машин, а Сталинградский тракторный — н и о д н о г о из запланированных 100, хотя в его цехах стояло 25 танков с разного рода недоделками. Т-34 требовал совершенно новой оснастки, расширения производственных площадей.

Харьковский паровозостроительный завод продолжал производить легкий танк БТ-7М до июля 1940 года. Что же касается Сталинградского тракторного, то чертежи из Харькова пришли на него только в конце мая. Гусеничные траки Сталинградский тракторный не получил из Харькова до конца года, а потому и не мог сдать военной приемке машины.

Когда в сентябре 1940 года в армию стали передаваться первые серийные Т-34, стали выявляться разного рода недоделки, отмечались ненадежность работы агрегатов, дефекты двигателя, коробки передач, главного фрикциона и т.д. Поток рекламаций поступал и в ГАБТУ. И у ответственных сотрудников управления, в том числе и его начальника Я.Н. Федоренко, сложилось отрицательное мнение о Т-34. В конце концов было принято решение отказаться от Т-34 и ГАБТУ НКО велело прекратить приемку. Дело дошло почти до остановки сборки танков. К счастью, работникам Харьковского паровозостроительного завода удалось устранить ряд недостатков и увеличить надежность машины, и новый нарком обороны С.К. Тимошенко приказал возобновить выпуск Т-34.

Так что не было в конце 1940-го у Красной Армии 680 танков Т-34...

Бунич:

«Но кроме Т-34 Сталин готовил изумленному миру еще один танковый сюрприз. Еще никто в мире не додумался до тяжелого танка».

Бунич, видимо, не знает истории Первой мировой войны. Тяжелые танки в Первую мировую были у Англии, Франции, Германии. У Франции после Первой мировой были даже «супертяжелые» 2С, весом в 69 тонн. В 1940-м англичане создали танк «Черчилль» с лобовой броней 101 мм.

«А в СССР не только додумались, но уже наладили его серийное производство и рассчитали его модернизационные возможности на три последующие модели. Именовался этот танк КВ (Клим Ворошилов) и представлял собой чудовищную по тем временам боевую машину весом почти в 50 тонн, с лобовой броней 80 мм и совершенно невероятным для танка 152-мм орудием. К сожалению, полигонные испытания показали, что такое мощное орудие для танка совершенно не годится из-за сложности заряжения даже при экипаже в 6 человек (из них два заряжающих). Решено было установить на КВ 76-мм пушку и дополнительно 3 пулемета, срочно заказав промышленности новую танковую пушку калибром 85 и 122 мм».

Опять «открытие» Бунича: танк КВ-2 имел 80 мм брони.

На самом деле он имел 75 мм.

Но это пустяковое «открытие» по сравнению со следующим: что первым появился танк КВ с 152-мм пушкой, а лишь потом — танк с 76-мм орудием. До Бунича считалось, что первым появился не КВ с 152-мм пушкой, а КВ с 76-мм.

«Первый образец танка КВ был изготовлен в сентябре 1939 года и в период военного конфликта на Карельском перешейке был отправлен туда (как и опытные машины СМК, Т-100, СУ-100У и СУ-14—2) для участия в прорыве линии Маннергейма. Благодаря хорошему бронированию и более высокой подвижности по сравнению с другими тяжелыми машинами танк КВ выявил свои неоспоримые преимущества. Вследствие этого тяжелый танк прорыва КВ, как и Т-34, в декабре 1939 года был принят к производству и на вооружение Красной Армии.

Вместе с тем во время прорыва линии Маннергейма выявилась настоятельная необходимость применения еще более мощного орудия, чем 76-мм пушка, которой был вооружен танк КВ. В начале 1940 года для поражения вражеских дотов срочно в башню увеличенного размера была установлена 152-мм гаубица. Четыре образца такого танка КВ-2 были построены на завершающей стадии боев и показали высокую боевую эффективность» (Оружие Победы. С. 144).

Зачем же было Буничу врать? Да ведь он живописует подготовку Сталина к нападению на Европу и потому создает миф о каком-то несусветно тяжелом танке, орудие которого оказалось «совершенно не годным». Вот, дескать, до чего Сталин довооружался: суперпушку ставил в супертанк. Но не удалось. Пришлось ставить послабее пушку...

На самом деле удалось. И танк КВ-2 строился серийно, в числе 330 единиц. 76-мм пушку поставили в КВ-1 не потому, что большая пушка «совершенно не годилась», а потому, что в танк КВ с самого начала планировали поставить 76-мм орудие.

«Открытием» Бунича является и утверждение: *«Решено было установить на КВ 76-мм пушку и дополнительно 3 пулемета, срочно заказав промышленности новую танковую пушку калибром 85 и 122 мм».*

Эта ложь, видимо, тоже призвана укрепить читателя в мысли, что Сталин горел желанием захватить Европу и заставлял разрабатывать жутко мощные орудия.

На самом деле танковые пушки в 85 и 122 мм были инициативной разработкой Грабина; руководство же эти пушкам противилось. Грабин пишет:

«По мере освобождения конструкторов от Ф-34 мы тотчас переключили их на проектирование 85-миллиметровой танковой пушки с дулевой энергией около 300 тонна-метров. Пушка эта получила заводской индекс Ф-39. Как и Ф-34, она была инициативной, следовательно, денег на эту работу нам не перечислили... Как-то, вернувшись из Москвы с пустыми руками, в случайном разговоре с главным бухгалтером нашего завода Василием Ивановичем Бухваловым я пожаловался: сейчас самый удачный момент, чтобы создать инициативную пушку, а затем представить ее на испытания и доказать военным ошибочность выданных ими тактико-технических требований. (Речь шла об одной из полевых пушек.)

— Что же вам мешает? — спросил Бухвалов.

— Денег нет.

— Может быть, поищем деньги? Для хорошего дела деньги всегда находятся.

— У меня ничего не получилось, — ответил я. — Все учреждения отказывают.

— Значит, не там искали. Надо покопаться на заводе, может, что-нибудь да найдем, — приободрил меня Бухвалов. — Давайте договоримся: вы занимаетесь инициативными работами, учитываете расходы и передаете мне. А дальше — мои заботы. Согласны?

Разумеется, я с радостью согласился...

Встал вопрос — в какой танк компоновать будущую 85-миллиметровую пушку? Резонно бы — в тот танк, для которого мы ее предназначали. То есть для КВ-1. Но такого танка у нас еще не было. Обратились в ГБТУ — получили отказ: пушка этого калибра и такой мощности Бронетанковому управлению не нужна, соответственно и танк в наше распоряжение они выделить не считают нужным» (Г р а б и н В.Г. Оружие победы. С. 386—387).

Свою пушку Грабин поставил на средний танк Т-28. Взять этот танк помогли Горохов и Ворошилов. После удачных испытаний в Т-28 Грабин смог получить — при содействии тех же Горохова и Ворошилова — и танк КВ-1.

В.Г. Грабин:

«Очень быстро провели необходимые конструкторские доработки и установили в боевое отделение КВ Ф-39. Очень хорошо встала новая пушка на место 76-миллиметровой Ф-32. Постреляли — результаты радовали...»

Тем не менее эта пушка так и осталась инициативной работой конструктора.

В начале 1941 года, получив сведения о разработке немцами тяжелого танка, Кулик поставил вопрос о более мощном вооружении танка КВ-1. Ванников предложил поставить на КВ-1 уже серийно выпускавшееся 85-мм зенитное орудие. Когда Кулик проконсультировался по этому предложению с Грабиным, тот возразил, что для танка требуется специальное танковое орудие, в котором бы учитывались ограниченность пространства башни и удобство обслуживания. Кулик с этим согласился, однако это не имело никаких последствий. Позднее было принято решение перевооружить танк КВ-1 не 85-мм орудием, а 107-мм. Грабин спроектировал 107-мм танковую пушку, ее выпуск был начат, но установка ее на танки была сорвана началом войны.

Таким образом, вопреки Буничу, перед войной Сталин распоряжений о создании 85-мм пушки не делал. Тем более не давал он указаний насчет 122-мм пушки. Такую пушку думал создать Грабин — по собственной инициативе, — но так и не создал.

85-мм пушка была поставлена на танки только в 1943 году — Д-25Т конструкции Ф.Ф. Петрова. 122-мм танковое орудие тоже было создано Петровым, и тоже в 1943 году. Это 122-мм орудие появилось на свет исключительно благодаря инициативе самого Петрова.

«Еще осенью 1943 года Ф.Ф. Петров, посоветовавшись с ближайшими помощниками, предложил конструкторам-танкистам вооружить тяжелый танк ИС мощной 122-мм пушкой. За основу ее брался ствол и затвор пушки образца 1931/1937 годов, а также некоторые узлы от опытных образцов. Новая танковая пушка по мощности (дульной энергии) превзошла бы 76-мм танковую пушку в пять с половиной раз, а 85-мм — в два и семь десятых раза.

11 ноября 1943 года в конструкторское бюро Петрова прибыл начальник КБ танковой промышленности Ж.Я. Котин.

— Смотрите, Жозеф Яковлевич. — Перед гостем развернули чертежи общего вида новой танковой пушки. — Подойдет для тяжелого танка?

Через несколько дней после отъезда Котина в Москву Петрову позвонил нарком танковой промышленности В.А. Малышев:

— Поздравляю, Федор Федорович! Только что мы с Котиным были у товарища Сталина, доложили о предложении установить на танке двадцатидвухмиллиметровую пушку. Он сказал, что осуществление этого мероприятия надолго опередит время...

Через день после телефонного разговора Ф.Ф. Петров получил постановление Государственного Комитета Обороны о разработке и поставке танковому заводу к 27 ноября 1943 года первого, опытного образца 122-мм пушки с поршневым затвором» (Н о в и к о в М.Н. Творцы орудия. М., 1983. С. 160).

УЧЕНИК ВСПОМИНАЕТ ОБ УЧИТЕЛЕ

Разобравшись с тем, как было с танковыми пушками на самом деле, снова обратимся к поразительному творению Бунича.

Теперь он клеймит... американский ленд-лиз!

«Еще до официального вступления в войну Рузвельт фактически вырвал из рук Германии две почти верных победы: над Англией и над СССР, применив небывалый ранее способ ведения непрямых военных действий, закон о «Ленд-Лизе». В конце 1940 года единственным источником пополнения стратегическим сырьем и военной техникой для Англии были Соединенные Штаты. Но закон о нейтралитете, принятый в США, угрожал отрезать Великобританию от этого единственного оставшегося источника, оставляя Англии вполне естественный выход: мирные переговоры с Германией. Надо сказать, что, пойдя Англия на этот мудрый шаг, Британская Империя существовала бы и по сей день. Советский Союз был бы сокрушен и вместо буyno растущего большевизма мы в самом худшем случае имели бы сейчас мирную, безоружную Россию, развивающуюся в какой-то форме социал-демократии».

Эх, жалко, что Гитлер не победил! У нас сейчас кругом — бурно растущий большевизм, а была бы социал-демократия...

Жаль, конечно, и того, что Бунич совершенно не знает биографии Гитлера. Именно ненависть к социал-демократии и привела Гитлера в политику. Повествуя о своих раздумьях в начале Первой мировой войны, Гитлер писал в своей книге «Майн кампф»:

«Чем больше я в ту пору задумывался над необходимостью резкой и решительной борьбы правительства против социал-демократии как воплощения современного марксизма, тем яснее становилось мне, что никакой идейной замены этому учению у нас как раз и нет. Что могли мы тогда дать массам для того, чтобы сломить социал-демократию? У нас не было никакого движения, способного повести за собой громадные массы рабочих, которые только что в большей или меньшей степени освободились из-под влияния своих марксистских вождей».

После долгих раздумий о том, как сокрушить социал-демократию, Гитлер решился на создание НСДАП.

Зачем?

По Буничу — чтобы в России была социал-демократия.

Этому помешали США. Предоставили они помощь Британии и СССР. Остались мы без социал-демократии. Теперь у нас буйно растет большевизм.

Бунич:

«В итоге русский народ понес беспрецедентные в истории жертвы, захлебнувшись в океане собственной крови, только для того, чтобы гегемония перешла от одной англо-саксонской державы к другой».

Вот оно что!..

Это ленд-лиз виноват в наших жертвах...

А я-то думал — немцы...

Далее Бунич цитирует Суворова — Резуна. Поскольку фактов для подтверждения теории нападения на Европу нет, Бунич мобилизует такого же полужайку, как и он сам.

«Методы руководства Жукова были чисто сталинские: полное презрение к людям, как к наиболее дешевому расходному материалу. Интересную характеристику дал покойному маршалу Виктор Суворов — автор известной книги «Ледокол»: «Ничего гениального в Жукове, конечно, не было... Даже в 1945 году, когда судьба войны была уже предрешена, Жуков не мог избавиться от свойственных ему методов. Когда массированная танковая атака в Берлинской операции захлебнулась на выставленных противником минах, а средств и времени на разминирование не было (Сталин торопил Жукова, грозя отстранить его от командования и передать честь овладения Берлином Коневу), Жуков погнал через поля пехоту, которая таким образом и расчистила дорогу танкам.

Этот метод казался маршалу настолько оптимальным, что он не постыдился похвастаться им в разговоре с Эйзенхауэром, приведя американского генерала в состоянии шока».

Ученик (Бунич) стоит своего учителя (Суворова — Резуна).

П о л н о е незнание предмета.

Противотанковые мины требуют для своего срабатывания от 100 до 450 кг веса, что значит, что пехотинец, наступив на мину, не может заставить ее взорваться — если только он не экстрасенс и не взрывает мины усилием мысли. Существуют некоторые разновидности мин ненажимного действия, но и они тоже созданы так, чтобы не было срабатывания от пехотинцев. Эти мины приводятся в действие либо шлангом, который танк должен передавать в двух местах, либо проводами, которые танк должен замкнуть гусеницами, либо же достающим до днища танка длинным штырем. Этого штыря пехотинец не может не заметить.

Более того, именно в Берлинской операции Жуков бросил на укрепления противника танковую армию там, где требовалось ввести в бой пехоту.

Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян писал:

«Первая гвардейская танковая армия понесла значительные потери в первые же дни Берлинской операции. Мысль, что ввод танковых армий в тактической зоне обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен, еще раз подтвердилась, хотя и «следует подчеркнуть, — как пишет в своих мемуарах маршал Г.К. Жуков, — значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта...» (Бабаджанян А.Х. Дороги победы. С. 284).

Танки во Вторую мировую либо сопровождали пехоту (танки поддержки пехоты), либо использовались массированно, танковой армией. Перед вводом в действие танковой армии пехота и приданные ей танки поддержки атаковали оборону противника на нескольких участках, выискивая слабейший. По обнаружении слабой обороны пехота и танки поддержки ее прорывали оборону — и только потом, в прорыв, вводилось такое крупное соединение, как танковая армия. Вырвавшись на оперативный простор, танковая армия заходила в тыл армиям и целым фронтам, что приводило к крушению обороны врага на огромных пространствах.

Но никогда танковая армия не атаковала укрепленную линию в лоб, поскольку массовое применение танков при жесткой обороне ведет к массовым потерям. Только один раз во всей Второй мировой войне танковую армию бросили прямо на укрепленную линию — в Берлинской операции, когда Жукова послал 1-ю гвардейскую танковую на прорыв мощной обороны Зеловских высот.

Чем это диктовалось?

А.Х. Бабаджанян:

«Г.К. Жуков медленно, подчеркивая значительность момента, начал:

— Был у Верховного. Обстановка складывается так, что пришлось созвать вас немедленно. Раньше мы полагали, что Берлинская операция начнется... несколько позднее...

Маршал кашлянул, помолчал секунду и объяснил, что теперь сроки меняются. Нас торопят союзники своим не совсем союзническим поведением. Быстро покончив с рурской группировкой противника, они намереваются наступать на Лейпциг, Дрезден и заодно «попутно» захватить Берлин. Все совершается якобы в помощь Красной Армии. Но Ставке доподлинно известно, что истинная цель ускорения их наступления — именно захват Берлина до подхода советских войск. Ставке также известно, что спешно готовятся две воздушно-десантные дивизии для выброски на Берлин. Это, как видно, весьма устраивает гитлеровцев. Нам они оказывают упорное сопротивление в каждом населенном пункте. А на западном фронте сдают крупные города по телефону» (там же. С. 279).

В первый день Берлинской операции пехота, поддержанная танками, смогла прорвать только первую линию обороны противника, но споткнулась об укрепления Зеловских высот. Тогда Жуков и принял решение ввести в бой танковую армию:

«Находясь лично на командном пункте 8-й гвардейской армии, командующий фронтом маршал Г.К. Жуков, убедившись, что войскам этой армии не прорвать самим до конца всей глубины тактической обороны противника и что дальнейшее промедление может сорвать всю операцию, ввел в действие на участке 8-й армии 1-ю танковую армию» (там же. С. 283).

Эту вторую линию обороны танковая армия прорвала лишь к исходу второго дня наступления. На третий день танковая армия рванулась вперед, чтобы выйти на оперативный простор, но выяснилось, что в лесах и населенных пунктах засело много фаустников. Танкистам пришлось остановиться, чтобы подождать пехотинцев и уже с ними идти на Берлин. Но 20 апреля, на пятый день наступления, Жуков и Телегин послали телеграмму: «Катукову, Попелю, 1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы...» Жуков снова послал вперед танки. Уже штурмовать Берлин.

А.Х. Бабаджян:

«Строгая научная объективность заставляет меня признать, что если в Висло-Одерской операции танки, введенные в так называемый чистый прорыв, с первого же дня получили широкий простор для стремительных действий, что принесло Красной Армии победу, а им славу, то в Берлинской операции 1-я гвардейская танковая армия была использована, увы, не лучшим образом. Ее прямолинейный ввод в прорыв, удар в лоб обороны противника — все это не соответствует настоящему предназначению танковых объединений, какими являются танковые армии. Речь не идет о танках непосредственной поддержки пехоты и не о танках отдельных танковых бригад, приданных общевойсковым армиям, которые, как правило, действуют так же, как и первые, а о крупных танковых объединениях, предназначенных для развития успеха наступления... 1-я танковая армия — крупное танковое объединение, — действуя здесь, по существу, как танки непосредственной поддержки пехоты, несла значительные потери» (там же. С. 294—295).

Итак, танки 1-й гвардейской танковой армии поддерживали пехоту. Что не должны были делать. А Суворов — Резун живописует пехотинцев, прокладывающих ценою жизни путь танкам...

Для чего это требовалось Жукову? По Резуну, для того, чтобы Сталин не отдал честь взятия Берлина Коневу...

Но Сталин только Жукову взятия Берлина как раз и не поручал!

С.М. Штеменко, работавший в 1945 году в Генштабе, вспоминал:

«На следующий день, 1 апреля 1945 года, план Берлинской операции обсуждался в Ставке. Было подробно доложено об обстановке на фронтах, о действиях союзников, их замыслах. Сталин сделал отсюда вывод, что Берлин мы должны взять в кратчайший срок; начинать операцию нужно не позже 16 апреля и все закончить в течение 12—15 дней. Командующие фронтами с этим согласились и заверили Ставку, что войска будут готовы вовремя.

Начальник Генштаба счел необходимым еще раз обратить внимание Верховного Главнокомандующего на разграничительную линию между фронтами. Было подчеркнуто, что она фактически исключает непосредственное участие в боях за Берлин войск 1-го Украинского фронта, а это может отрицательно сказаться на сроках выполнения задач. Маршал Конев высказался в том же духе. Он доказывал целесообразность нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Сталин пошел на компромисс: он не отказался полностью от своей идеи, но и не отверг начисто соображений И.С. Конева, поддержанных Генштабом. На карте, отражающей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люbben (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первым ворвется, тот пусть и берет Берлин, — заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела. Эта проклятая разгранлиния не давала нам покоя более двух месяцев. Не возражал и маршал Конев. Его это тоже устраивало» (Ш т е м е н к о С.М. Генеральный штаб в годы войны. С. 329—330).

Таким образом, Суворов — Резун пишет чушь, а Бунич радостно ее перепечатывает!

Прочитали бы, господа, лучше какую-нибудь книгу про Берлинскую операцию и узнали бы, что как раз в Берлинской операции Красная Армия использовала противоминные тралы.

Чуйков, чья 8-я гвардейская брала Зеловские высоты с 1-й гвардейской танковой армией Каткова, вспоминал:

«Столкнулись мы и с «хитрыми» минами, которые пропускали танки с тралами. А следующие за ними машины подрывались» (Ч у й к о в В.И. От Сталинграда до Берлина. М., 1985. С. 592).

Итак, тралы у Красной Армии были. И задолго до Берлинской операции — иначе бы немцы не стали искать им противодействие.

Далее Бунич вынужден привести слова начальника Генерального штаба Мерцкова:

«Учитывая опыт войны на Западе, — скороговоркой говорит отважный начальник Генерального штаба, опасаясь, что вот сейчас встанет маршал

Тимошенко и лишит его слова за пропаганду буржуазных ересей, — нам наряду с подготовкой к активным наступательным действиям необходимо иметь представление и готовить войска к современной обороне».

Ну почему эти слова Мерецкова Бунич вдруг включил в свою книгу? А потому что аргументов к своей теории он не нашел. А поскольку англичане платят хорошие деньги — приходится цитировать Мерецкова, но с комментарием своим, переворачивая все наоборот.

Бунич:

«Генерал переводит дух, делая паузу. Он знает позицию Сталина по этому вопросу, которую, «естественно», разделяет нарком Тимошенко и почти все сидящие в зале, в чьих сейфах давно уже лежат красные пакеты с пометкой: «Вскрыть по получении сигнала «Гроза».

Это замечание Бунича рассчитано, видимо, для дураков. Начальник Генштаба Мерецков призывает *«готовить войска к современной обороне»*, в то время как в сейфах лежит план «Гроза», который Бунич выдает за наступательный. Не спятил ли Мерецков, говоря об обороне, когда в сейфах лежит план наступления?

«Мерецков понимает, что зашел далеко, но продолжает:

«Современная оборона должна противостоять мощному огню артиллерии, массовой атаке танков, пехоты и воздушному противнику. Поэтому она должна быть глубоко противотанковой и противовоздушной...»

Ну-ка, интересно, как Бунич умудрится выдать белое за черное?

«Сталин, слушающий речи начальника Генерального штаба по спецтрансляции в отдельном помещении, морщится, как от зубной боли. Опять оборона! Это очень опасные мысли, разлагающе действующие на боевое настроение армии. Его надо заменить, и заменить снова Шапошниковым. Постоянно думающий об обороне не сможет руководить стремительным наступлением, когда основные силы вермахта завязнут в ожесточенных боях на плацдармах южной Англии, теряя силы и издыхая под мощными ударами флота и авиации Великобритании...»

Другими словами, Бунич хочет уверить, что начальник Генштаба не знает, какую видит будущую войну Сталин. Мерецков по простоте душевной готовится к обороне, на это нацеливает Генеральный штаб, армию, разрабатывает для этого мобилизационный план, оперплан, план прикрытия границы, строит укрепрайоны — и при этом совершенно не представляет истинного характера будущей войны!

Далее Бунич приводит содержание речи другого из выступающих — Тюленева:

«Пассивность действий в оборонительной операции ведет к прямому поражению. Ярким доказательством этого положения является действие французских войск на оборонительной линии Мажино, на линии Вейгана и против Италии в Альпах... Пассивная оборона — смерти подобна, учил нас

т. Ленин и учит нас т. Сталин. Отсюда — каждая оборонительная операция должна таить в себе элементы наступления и в конечном счете перерастать в свою противоположность, т.е. в наступление для окончательного поражения противника».

Совершенно верно. И точно характеризует довоенную доктрину Красной Армии: о б о р о н а, а з а т е м н а с т у п л е н и е. Ну-ка, а как прокомментирует эти слова Бунич?

«Никто не сомневался, что так оно и будет. Война начнется внезапным сокрушительным ударом Красной Армии».

Ну, это чересчур и для идиота. Тюленев говорит об обороне, которая потом перерастает в наступление; Бунич же приписывает ему мысль о внезапном ударе.

Потом Бунич упоминает о выступлении Тимошенко:

«Подробно проанализировав различные тактические вопросы и итоги боевой подготовки, отметив, что для успеха наступательной операции необходим, как минимум, двойной перевес над противником, Тимошенко закрыл совещание следующими словами...»

Прервемся, поскольку это тоже занято. Тимошенко, нарком обороны, говорит, что для наступления нужен как минимум двойной перевес.

На 15 июня 1941 года немецкая армия имела 7 329 000 человек; кроме того, в ней находилось 900 тысяч человек из различных военизированных формирований и вольнонаемных работников (См.: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 473). В Красной Армии же на 22 июня 1941 года состояло 5 774 211 человек (см. т а м ж е. С. 477).

И вот этим Бунич хочет уверить нас в агрессивности Сталина!

Бунич совсем плохого мнения о читателях, на которых рассчитаны его книги.

Но — дальше. Посмотрим, как старательно пытается он уловить намеки на агрессивность в выступлении Тимошенко:

«Мы обязаны воспитать бойца Красной Армии мужественным и смелым, настойчивым и выносливым, всегда стремящимся вперед, несмотря ни на какие преграды и трудности».

Негусто у Бунича аргументов, коли он выделяет довольно обычные слова о стремлении вперед.

Почему он выделил слово *трудности* — я не знаю.

Далее Бунич сплошь занимается выделениями:

«Надо добиться такого положения, чтобы каждый боец и командир считал своей честью и своим долгом беспрекословно выполнить любое боевое задание, невзирая ни на какие лишения».

Я поначалу даже не понял, почему Бунич выделил все это предложение. Потом предположил: «любые лишения» могут подразумевать внезапное нападение на Германию. Конечно же, притянута за уши, но иначе совсем непонятно, что, собственно, Бунич желал подчеркнуть.

А потом Бунич снова вспоминает своего вдохновителя — Суворова — Резуна. Его кумир дает ему аргументы, которых более достать негде.

«Выдающийся исследователь этого периода подготовки к войне Виктор Суворов в своей замечательной книге «Ледокол» пишет по поводу лихорадочного формирования армий вторжения следующее: «Создание армии с номером 17 — это момент исключительной важности. В Гражданской войне в самый драматический момент кровавой борьбы за сохранение коммунистической диктатуры самый большой номер для обозначения армий был 16. Номера 17 в истории Советского Союза никогда не было. Появление армии с таким номером означало, что по числу общевойсковых армий Советский Союз в мирное время, не ожидая нападения извне, превзошел уровень, который был достигнут только однажды, только за короткий промежуток времени и только в ходе жесточайшей войны... после создания армии с номером 17, Советский Союз перешел невидимый никому со стороны Рубикон. Еще два года назад государство не могло позволить содержать ни одного формирования, которое можно было определить военным стандартом — армия. Теперь их создано столько, сколько не существовало никогда раньше, даже при всеобщей тотальной мобилизации всего населения, при полном напряжении всего экономического потенциала страны...»

Если Суворова и Бунича действительно интересуют номера армий, то им будет полезно посмотреть на номера немецких. В мае 1940-го Голландию брала немецкая 18-я армия Кюхлера. 14 июня 1940 года солдаты этой армии промаршировали по Елисейским полям Парижа.

«29 июля начальник штаба 18-й армии, находившейся в то время на Востоке, был вызван в Берлин, где получил задание разработать план операции против России» (Г о т Г. Танковые операции. Г у д е р и а н Г. «Танки — вперед!» С. 22).

Строго говоря, следует брать не номера армий, а численность всех вооруженных сил.

Какой была численность Красной Армии в Гражданскую войну? Г.К. Жуков («Воспоминания и размышления»): «К концу 1920 года наша армия насчитывала уже 5,5 миллиона человек...»

Какой была численность Красной Армии на 21 июня 1940 года — в момент приказа о создании 17-й армии? Согласно книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (С. 361), в Красной Армии на 1 июня 1940 года имелось 4 055 479 человек списочной численности. А вот численность немецкой армии на 15 июня 1940 года составляла 6 миллионов 954 тысячи человек (там же. С. 302). Когда в СССР появилась 17-я армия, а в Германии уже воевала 18-я, немецкие вооруженные силы превосходили советские в полтора раза. И имели перевес вплоть до начала войны.

Но все же — чем было вызвано появление 17-й армии? Стремлением завоевать Европу?

За ответом снова обращаемся к весьма основательной книге М.И. Мельтюхова:

«13 июня нарком обороны просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить новую организацию войск Дальнего Востока. Предполагалось на базе управления Читинской фронтовой группы создать Дальневосточный фронт в составе 1-й, 2-й Краснознаменных и 15-й армий, а в ЗаБВО сформировать управление 16-й армии и переименовать управление 1-й АГ в управление 17-й армии» (там же. С. 329).

17-я армия, как и 15-я, и 16-я, появились на границе с Китаем, фактически — с Японией. И теперь Суворов — Резун пугает ими Европу! А Бунич этому вторит, умилительно произнося: *«Выдающийся исследователь этого периода...»*

Но почитаем восторженного Бунича дальше. Он цитирует Суворова — Резуна:

«В июле 1940 года на германской границе создается еще одна армия — 26-я... В это время все номера от 18 до 28 включительно были уже заняты, а формирование 26-й армии просто завершилось раньше других. Все другие армии этой серии завершили свое формирование несколько позже, чем 26-я. 23-я и 27-я армии, (запятая в этом тексте. — А.П.) тайно появились в западных округах в мае 1941 года. 13 июня 1941 года, в день передачи Сообщения ТАСС (запятой здесь нет у Бунича. — А.П.) появились и все остальные армии: 18-я, 19-я, 20-я, 21-я, 22-я, 23-я, 24-я, 25-я, 28-я, составив один непрерывный ряд номеров. Официально все эти армии завершили формирование в первой половине 1941 года. Но это только конец процесса. Где же его начало?»

Ну что ж, ответим почемучке Суворову — Резуну, — а заодно и Буничу, — как возникли армии с 18-й по 28-ю, о которых он вещает.

Начнем с 18-й. Свидетельствует работник службы тыла 18-й армии И.В. Сафронов:

«22 июня 1941 года меня вызвали на заседание Военного совета и объявили о назначении интендантом 18-й армии, которая формировалась на базе управления Харьковского и войск Киевского военных округов... Формирование происходило оперативно. Мы знали о том, что на границе развернулись кровопролитные схватки с гитлеровскими захватчиками, что войска 12-й и 9-й армий Южного фронта, в состав которого с 25 июня вошли и соединения 18-й, сдерживали мощный натиск противника и, несомненно, нуждались в поддержке» (Сафронов И.В. За фронтом — тоже фронт. С. 6).

Таким образом, на 22 июня 1941 года 18-я армия еще только формировалась. «Некоторые соединения мы приняли в состав армии уже в ходе боев» (там же. С. 8).

«Первоначально, согласно директиве штаба Южного фронта, в состав 18-й армии вошли 17-й стрелковый и 16-й механизированный кор-

пуса, а также два авиационных соединения. Позже дополнительно поступили 55-й стрелковый корпус и 4-я отдельная противотанковая артиллерийская бригада, армии были подчинены Каменец-Подольский и Могилев-Подольский укрепленные районы» (там же. С. 8).

Вот те на! Армия занимала укрепрайоны, причем укрепрайоны старой границы. Потом на этих укрепрайонах временно закрепится отступающая 12-я армия — 18-ю же передвинут южнее.

Но если 18-я армия, по сути, появилась уже после 22 июня 1941 года, то как же тогда могла появиться в 1940-м 26-я?

«27 декабря 1940 г. был издан приказ наркома обороны № 0074 о переводе с 1 января 1941 г. управления армейской кавалерийской группы КОВО на новый штат и переименование его в управление 26-й армии. Кроме того, в составе войск ДВФ было сформировано управление 25-й армии. В мае 1941 г. согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1113—460сс от 23 апреля началось формирование управлений 13-й армии в ЗаОВО, 27-й армии в ПриОВО и 23-й армии в ЛВО, командующие и начальники штабов которых были утверждены Политбюро 24 мая 1941 г.

Управление внутренних округов по мобилизации должны были выделять по армейскому управлению. Так, на базе ХВО (Харьковский военный округ. — А.П.) создавалось управление 18-й армии, СКВО (Северо-Кавказский военный округ. — А.П.) — 19-й армии, ОрВО (Орловский военный округ. — А.П.) — 20 армии, ПриВО (Приволжский военный округ. — А.П.) — 21 армии, УрВО (Уральский военный округ. — А.П.) — 22-й армии, СибВО (Сибирский военный округ. — А.П.) — 24-й армии, АрхВО (Архангельский военный округ. — А.П.) — 28-й армии. Создание большинства этих армейских управлений началось в мае — июне 1941 г., и к 22 июня не было создано лишь управление 28-й армии» (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 330).

Другими словами, кроме 25-й и 26-й армий, все остальные упомянутые Суворовым — Резуном армии были созданы перед самым ударом немцев. С февраля немцы начали переброску своих сил к советской границе, к середине мая эта группировка была уже значительной. На 16 мая немцами намечался удар, который им пришлось отложить из-за переворота в Югославии. В середине мая (уже поздно, если бы немцам не пришлось подавлять восстание в Югославия и помогать итальянцам подавлять неожиданно сильное сопротивление Греции) и стали появляться новые советские армии.

Но вернемся к Буничу — вернее, к его перепечатке Суворова — Резуна.

«Создание этих армий с головой выдает коварство Сталина: пока Гитлер был врагом — армий не было, пока делили Польшу, пока советские и германские войска находились лицом к лицу, Сталину было достаточно

иметь на западе 7—12 армий, но вот Гитлер повернулся к Сталину спиной, бросил вермахт против Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции с явным намерением высадиться и в Великобритании. Германских войск на советских границах почти не осталось. И вот именно в этот момент Советский Союз начинает тайное создание огромного количества армий».

Мне это даже стыдно опровергать. Читатель конечно же знает, что Гитлер бросил вермахт против Дании и Норвегии 9 марта 1940 года, наступление во Франции, Бельгии и Голландии началось 10 мая, Франция подписала капитуляцию 22 июня. И только ч е р е з г о д, в мае — июне 1941 года, в различных наших военных округах были созданы армейские управления 18—24-й и 27-й армий, — и после формирования некоторые из этих армий начали перебрасываться на запад.

Маршал Конев, командовавшей в 1941 году Северо-Западным военным округом, а затем 19-й армией, вспоминал:

«К концу апреля — в начале мая 1941 года округ по директиве Генштаба приступил к призыву приписного состава для полного укомплектования дивизий по штатам военного времени. В мае я был вызван в Москву, где заместитель начальника Генерального штаба В.Д. Соколовский вручил мне директиву о развертывании 19-й армии. Оставаясь командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, я вступил в командование 19-й армией и получил личные указания Тимошенко: под видом учений до конца мая войска и управление армией перебросить на Украину в район Белая Церковь—Смела—Черкассы. В состав 19-й армии уже на Украине вошел 25-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Честохвалова... Еще в Москве я получил задачу от Тимошенко. Указав районы сосредоточения войск 19-й армии, он подчеркнул: «Армия должна быть в полной боевой готовности, и в случае наступления немцев на юго-западном театре военных действий, на Киев, нанести фланговый удар и загнать немцев в Припятские болота» (Цит. по: С о к о л о в Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 212—213).

Типично наступательный, агрессивный план. Наверное, под Припятскими болотами следует разумеать Берлин, Париж, Лондон и Копенгаген...

ФАНТАЗИИ БУНИЧА

Но вот наконец Бунич перестал конспектировать своего учителя и принялся за свои собственные фантазии.

По Буничу, командование немецкой армии было возмущено отношением Гитлера к евреям, и в 1938 году Гитлеру был даже вручен письменный протест после «Хрустальной ночи»:

«Все это привело к тому, что на территории Германии не было уничтожено ни одного еврея. Все лагеря массового истребления евреев находились в России, Польше, Словакии, Литве и Белоруссии, т.е. в местах, где подобные акции вызвали восторг и энтузиазм у местного населения, чьими руками, как правило, это уничтожение и проводилось».

Итак, «на территории Германии не было уничтожено ни одного еврея», — считает Бунич. Немцы были высоконравственными людьми, христианами; это русские, поляки, словаки, литовцы и белорусы — злодеи.

Ах этот Бунич. Он всегда лжет — наверняка врет и на этот раз.

Е.Г. Решин в книге о Карбышеве описывает Флоссенбюрг, лагерь уничтожения в Германии, в котором оказался советский генерал:

«Заключенных убивали без разбора, преднамеренные убийства евреев были обычны; впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного тифа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь в этом лагере ничего не значила. Убийство стало обычным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро (Решин Е.Г. Генерал Карбышев. С. 309).

«Концлагерь находился примерно в ста километрах от Нюрнберга, у чехословацкой границы... За проволокой находился и крематорий — две печи, а рядом с ними — огромный котлован, где на кострах сжигали более ста трупов в сутки.

Концлагерь имел так называемый «арест» — внутреннюю тюрьму, откуда никто из заключенных живым не возвращался. Во дворе «ареста» были устроены под навесом виселицы — железные костыли, вбитые в столбы, и бойницы для расстрела заключенных, когда их приво-

дили на казнь под навес. Фабрику смерти обслуживали два палача — начальник «ареста» и его помощник.

В другой стороне лагеря, в скромном на вид здании, работало круглые сутки, как и крематорий, увеселительное заведение — «Буфф». Здесь «отдыхали» эсэсовцы и другие должностные лица лагеря. «Увеселяли» их женщины-узницы, которых пригоняли сюда из многих стран мира» (там же. С. 307—308).

В 1-м издании книги Е.Г. Решина есть фотография с трубой крематория, на которой написано число умерщвленных: «Евреи — 3132».

Но самое большое число евреев — около 1 100 000 человек погибло в Аушвице. Польский город Освенцим после победы Германии над Польшей был присоединен к Германии и переименован в Аушвиц, после чего возле этого — уже немецкого — города вырос лагерь смерти. Заправляли в этом лагере немцы.

Но Бунич этого не хочет знать.

Бог с ним. Но нам надо помнить об этом. Вчера — евреи, сегодня — сербы, завтра — если мы забудем это — будем мы... Збигнев Бжезинский уже сказал, что мы — «лишние».

Далее Бунич излагает свою, прямо удивительную версию возникновения 107-мм пушки.

«Как-то в разговоре со своим любимцем Андреем Ждановым Сталин заметил, что в годы гражданской войны, он помнит, была очень хорошая 107-мм полевая пушка. Ее очень любили красноармейцы. Такая пушка легко перевозилась лошадьми. Вот, если сейчас ее установить на танки? Было бы здорово.

Поскольку речь шла о полевой пушке времен гражданской войны, то, естественно, установить ее на танк было никак невозможно. Но мысль возмужа была развита творчески. Жданов дал указание конструкторам Кировского завода в Ленинграде создать для танка 107-мм орудие. Те пришли в ужас. Для такого орудия необходимо было создать совершенно новый танк, а не тот, который уже шел в серию».

Нагромождение лжи.

Когда Сталин высказался за выпуск 107-мм танковой пушки (начало 1941 года), она уже существовала. Ее разработал Грабин и установил в конце 1940-го на танк КВ-2 Кировского завода.

В.Г. Грабин:

«Новая пушка в КВ-2 не придавала танку изящных форм. Для наших целей использование слишком просторной башни КВ-2 тоже было плохим выходом: трудно определить оптимальные габариты танка для 107-миллиметрового орудия. Но выбора не было, и пришлось этой неуклюжей громадине с нашей пушкой идти на заводской и войсковой полигоны. Испытания прошли успешно и быстро. Большую часть стрельб провел Горохов. Особенно высокие результаты удалось достигнуть при стрельбе по амбразуре дота и по надолбам.

К началу 1941 года пушка Ф-42 все испытания на заводском и войсковом полигонах выдержала. Об этом было доложено в ГАУ и ГБТУ, но одобрения не последовало...» (Г р а б и н В.Г. Оружие победы. С. 390).

Перечитаем Бунича-фантазера: *«Жданов дал указание конструкторам Кировского завода в Ленинграде создать для танка 107-мм орудие. Те пришли в ужас. Для такого орудия необходимо было создать совершенно новый танк, а не тот, который уже шел в серию».*

«Пришли в ужас» и на Кировском заводе... Наверное, потому, что на Кировском заводе уже выпускался КВ-2 и на КВ-2, именно на который-то и была поставлена 107-мм пушка Ф-42.

Но в серию пушка Ф-42 все же не пошла; пошла другая, тоже 107-миллиметровая, но для танка КВ-1, и с улучшенной баллистикой. Историю ее возникновения описал нарком вооружений Ванников:

«За несколько месяцев до Великой Отечественной войны Наркомату вооружения (и мне, как его руководителю) пришлось пережить серьезные испытания. В начале 1941 г. начальник ГАУ Г.И. Кулик сообщил нам, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия калибра 45—76 мм окажется против нее неэффективной. К тому же немецкие танки-де будут иметь пушки калибром более 1000 мм. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76 мм всех вариантов. Освобождавшиеся производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107 мм, в первую очередь в танковом варианте» (Кузница победы. С. 154).

А Бунич бесцеремонно перекраивает историю, не стыдясь своей технической безграмотности:

«Тем более, что уже была создана для серийных танков прекрасная 76-мм пушка».

И это ложь. На начало 1941 года на КВ-1 ставилась пушка Ф-32, которая уступала даже пушке среднего танка Т-34, имевшей название Ф-34 (см. вклейку) (К слову, прекрасной пушке, которую ставили на суда и бронепоезда). И потому в 1941 году в КБ Грабина Муравьевым был создан вариант пушки Ф-34 для КВ-1 — пушка ЗИС-5.

Но для тяжелого танка действительно требуется значительно более сильное орудие, чем для среднего, так что решение Сталина поставить на танк КВ-1 107-мм пушку было правильным. Когда немцы на Курской дуге массово применили «тигры» с 88-мм орудиями большой длины, советские войска понесли колоссальные потери. В июле 1943 года СССР имел 9580 танков, немцы — 5850; в январе 1944 года СССР имел 4900 танков, немцы — 5400 (Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945. С. 579). Как видим, за полгода у немцев почти не изменилась численность танковых войск, советские же танковые силы

сократились почти наполовину. Главная причина этому заключалась именно в том, что калибр и длина советских танковых пушек уступали калибру и длине пушек «тигров».

Перед войной 107-мм танковые пушки для КВ-1 уже начали выпускаться, но на танки КВ-1 их так и не поставили, поскольку Кировский завод танков не предоставил.

В.Г. Грабин:

«Даже сегодня писать об этом горько и больно: в те дни, когда на фронт забирали орудия из музеев, все, что могло стрелять, около 800 современных мощных танковых пушек были отправлены на переплавку в мартен. Такова была цена «ведомственных неувязок» (Г р а б и н В.Г. Оружие победы. С. 498).

Бунич:

«Не говоря уже о том, что для этой мифической 107-мм пушки не был еще создан и боезапас».

Опять ложь. Снова обратимся к Грабину:

«На очереди по нашему плану шла 107-миллиметровая танковая пушка мощностью 385 тонна-метров. Мощность была продиктована тем, что в производстве был выстрел (гильза, снаряд и заряд) для 107-миллиметровой полевой пушки. На него ориентировались и мы, так как проектировать новый выстрел — дело очень долгое и трудное» (т а м ж е. С. 388).

Лгунишка Бунич:

«Жданов тем же временем уже заручился поддержкой маршала Кулика, занимавшего пост начальника Главного Артиллерийского (последнее слово с прописной у Бунича. — А.П.) управления РККА. Узнав, кто «создатель» 107-мм пушки, Кулик немедленно отдает приказ снять с производства 76-мм орудие и начать изготовление любимой сталинской пушки с тем, чтобы ее можно было установить на новые танки».

Снова ложь.

Инициатором 107-мм пушки был не Сталин, а именно Кулик. Б.Л. Ванников пишет:

«Через несколько дней... меня вызвал И.В. Сталин. Его я застал одного. В руках у него была записка Г.И. Кулика. Показывая ее, он спросил:

— Вы читали записку товарища Кулика по артиллерии? Что скажете по поводу его предложения вооружить танк 107-мм пушкой?» (В а н н и к о в Б.Л. Выигранные сражения // Кузница победы. С. 142).

А ведь воспоминания Б.Л. Ваникова Бунич читал. Иначе трудно объяснить, откуда у него могли появиться следующие строки:

«Вскоре Ванников был вызван к вождю.

Тот хмуро спросил: «Что скажете вы по поводу предложения вооружать танки 107-мм пушкой?».

Про эту беседу Бунич мог узнать только из воспоминаний Ванникова (Сталин воспоминаний не оставил). Значит, Бунич Ванникова читал — и после этого сознательно искажил слова Ванникова, убрав упоминание про Кулика, чтобы представить инициатором пушки Сталина.

Зачем это Буничу?

А чтобы выставить Сталина таким яростным милитаристом, бредящим о захвате Европы. Этому посвящена вся книга Бунича, за которую он получит от англичан деньги. Если же писать про Кулика, то придется упоминать и об его страхе перед немецкими танками, а это портит всю картину агрессивных устремлений советского вождя.

И дальше Бунич гнет свое о Сталине:

«К этому времени и сам Ванников уже хорошо знал, откуда дует ветер. Но, тем не менее, он нашел в себе достаточно мужества, чтобы объяснить товарищу Сталину в наиболее мягкой форме всю абсурдность его неожиданной инициативы».

Инициатива, как мы знаем, исходила не от Сталина — к тому же она отнюдь не была абсурдной. Грабин вспоминал:

«Ранней весной 1943 года Сталин собрал совещание, посвященное появлению у немцев «тигров», «пантер» и самоходных орудий типа «фердинанд»... Сообщение делал Воронов. Появление на Тихвинском фронте фашистского танкового «зверинца» он назвал внезапным, новые немецкие танки произвели на него, по собственному его признанию, потрясающее впечатление.

— У нас нет артиллерии, способной успешно бороться с этими танками, — таковы были его заключительные слова» (Г р а б и н В.Г. Оружие победы. С. 484).

Когда в 1942-м немцы сделали вполне естественный и прогнозируемый скачок в бронировании, наша армия оказалась почти беззащитной перед новыми танками. Пушки на тяжелых танках пришлось спешно менять, но уже на 122-мм, что было нелегко в военное время. Самоходки же имели 100-мм и 122-мм орудия и даже 152-мм гаубицы.

Бунич:

«Сталина заботили более простые, но с его точки зрения важные вопросы. Скрытая мобилизация, непрерывно ведущаяся с сентября 1939 года, уже довела армию до немыслимой в мирное время численности, приближавшейся к 8 миллионам человек».

Ложь.

В Красной Армии на 22 июня 1941 года состояло 5 774 211 человек, из них 171 900 — во внутренних войсках НКВД (См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 477). А Мельтюхов взял эти данные из Статистического сборника № 1 «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)».

Бунич:

«Не считая войск НКВД, численность армии уже перевалила за 8 миллионов человек и должна была к 1 июля достигнуть 8,9 миллиона человек».

Убиться можно, как говаривал Утесов.

У Бунича 8,9 миллиона солдат в Красной Армии, а во всей стране было всего 8 миллионов винтовок. «Агрессор» Сталин не сделал стратегических запасов — и в конце лета многие московские ополченцы были отправлены на фронт с саперными лопатками, а ленинградские — с кинжалами.

«16 мая 1941 года был окончательно утвержден план «Операции «Гроза», окончательно отредактированный и представленный Сталину 15 мая. Именно этот план, хранящийся в красных запечатанных пакетах с надписью «Вскрыть по получении сигнала «Гроза», и дал полуофициальное название этой операции. Официально же, как и водится в советском делопроизводстве, документ был обозначен как «План стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».

Вот оно, наконец-то.

Бунич переходит к самому главному, эпохальному разоблачению.

Операция «Гроза» — о ней уже на обложке — наконец раскрывается. Это — план стратегического развертывания.

Ух, как страшно!

Прочтем-ка иного историка, чтобы прийти в себя.

«Штаб Западного военного округа в третьем часу ночи 22 июня передал в штаб армий сигнал «Гроза», которым вводился в действие «Красный пакет», содержавший план прикрытия государственной границы» (А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 111).

Вот те на! По получении сигнала «Гроза» войска должны были перейти к прикрытию границы, а не нападать на буржуйку Европу.

Историк В.А. Анфилов не высасывает своей книги из пальца, как Бунич, а пишет по документам; приведенный им исторический факт имеет ссылку: ЦАМО СССР. Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. Л. 1.

Бывший пограничник Г. Сечкин пишет в книге «Граница и война»: «Этот округ должен был получить сигнал «Гроза», разрешавший вскрыть «красный пакет» с планом прикрытия границы» (С. 125). Сечкин ссылки не дает: это ему не пришло в голову, поскольку по сигналу «Гроза» он 22 июня тоже прикрывал государственную границу.

Почитаем еще про пакеты, вскрытые 22 июня 1941 года.

Бывший пограничник М. Паджаев пишет в книге «Через всю войну»:

«Весть о начале войны застала меня дома. Когда появился Скляр и, тряхнув меня за плечо, сказал: «Кажется, началось», я понял, что случилось что-то серьезное. Обычно я не надевал клинок, стоявший в углу комнаты. На этот раз и его прихватил с собой. Связисты уже опробовали телефон на командном пункте в подвале заставы. Пулеметчики и

стрелки заняли траншеи. В пять утра позвонил капитан Щербаков. Комендант распорядился вскрыть секретный пакет, стянуть с границы наряды, направить в отряд для эвакуации жену младшего политрука Скияра. Я доложил, что застава заняла оборонительный район, но противника не видно.

— На других участках такая же картина, — заметил комендант, — но это ничего не значит, будьте готовы к отпору, об изменениях в обстановке докладывайте немедленно.

Сразу после этого разговора я вскрыл засургученный печатами конверт и нашел в нем документ, в котором излагалось, что следовало делать на случай войны. Заставе, в частности, предписывалось трое суток удерживать государственную границу, затем с подходом частей Красной Армии отойти в глубь нашей территории к городу Стрый.

Почитав Бунича, неискушенный, доверчивый читатель подумает, что в пакете — план нападения. А в нем документ, в котором предписывается оборонять границу, и только.

Но, может, такое содержание пакетов было только у пограничников?

К.С. Москаленко («На юго-западном направлении», кн. 1):

«Телефонный звонок поднял меня с постели. Схватив трубку, я услышал взволнованный голос Потапова (командующий 5-й армией. — А.П.): фашисты напали на нас, ведут артиллерийский обстрел войск на границе, бомбят аэродромы и города. Без промедления я позвонил в лагерь своему заместителю по политической части батальонному комиссару Н.П. Земцову и приказал объявить боевую тревогу, а сам быстро оделся и с адъютантом и водителем выскочил во двор, где стояла машина...

Мы быстро пошли в штаб. Здесь я вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что с началом военных действий бригада должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развертывания нашей 6-й армии».

И здесь про нападение на Европу тоже ничего не говорится. В районах Равы-Русской и Немерова располагались Рава-Русский и Струмиловский укрепрайоны. И.Х. Баграмян пишет в книге «Мои воспоминания»:

«В 6-й армии самое трудное испытание выпало на долю правофланговых — 41-й стрелковой, 3-й кавалерийской дивизий и батальонов Рава-Русского укрепленного района» (С. 227). Баграмян пишет «батальонов», поскольку части Москаленко не подошли — командующий 5-й армией Потапов перенаправил их к Владимиру-Волынскому, к которому прорывался враг.

Но читаем про пакеты дальше. Рокоссовский тоже служил в 5-й армии.

«Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.

Вскрывать его мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны. А тут стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штарма. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела:

— Ваше мнение, товарищи, как поступить в данном случае?

Все высказали сомнение, подозревая какую-то провокацию.

Дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет.

Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель» (Р о к о с с о в - с к и й К.К. Солдатский долг. С. 11).

И здесь ничего не говорится про Бухарест, Париж и Берлин. Да и Ковель — не у самой границы. Рокоссовский возглавлял мехкорпус, а в соответствии с планом прикрытия к границе должны были подойти лишь стрелковые дивизии — мехкорпуса располагались чуть в глубине, чтобы оперативно уничтожить прорвавшегося противника.

А теперь почитаем воспоминания генерал-полковника Л.М. Сандалова:

«Военный городок южнее Бреста, где дислоцировалась 22-я танковая дивизия, северный военный городок в Бресте, где размещались корпусный артиллерийский полк и некоторые части стрелковых дивизий 28-го корпуса, подверглись массовой артиллерийской обработке в течение часа...

С началом артиллерийского налета командир дивизии генерал-майор В.П. Пуганов по разрешению находившегося в дивизии начальника штаба 14-го механизированного корпуса полковника И.В. Тутаринова объявил боевую тревогу и приказал частям изготавиться для следования в назначенный по плану прикрытия район Жабинки...» (С а н д а л о в Л.М. «В первые часы войны» в кн. «1418 дней войны», М, 1990, С. 53)

Дислоцированный недалеко от границы танковый полк с нападением немцев начал уходить в тыл! По плану прикрытия границы.

Бунич нас уверяет, что «операция «Гроза» — это план нападения. Однако свидетельства говорят, что о нападении в «красных пакетах» не было ни слова; пакеты содержали только план прикрытия границы. Прикрытие границы, конечно, требуется и при нападении — чтобы не дать противнику помешать мобилизации и развертыванию. Но, как мы уже знаем, немецкие военные как до 22 июня 1941 года, так и позже никаких свидетельств готовившегося нападения не нашли.

Но почитаем про вскрытые пакеты еще.

И.Х. Баграмян:

«Начальник штаба решительно продолжал:

—...Завтра в этом районе мы в лучшем случае будем иметь еще сто тридцать пятую стрелковую дивизию и две дивизии двадцать второго механизированного корпуса, причем его наиболее боеспособная сорок первая танковая вряд ли сумеет подойти.

(С ней получилась явная неувязка: вскрыв пакет из армейского плана прикрытия границы, командир дивизии буквально из-под носа немцев увел свое соединение из района Владимир-Волынского и направился на северо-восток, по-видимому, к Ковелю, где по плану прикрытия должен был сосредоточиться весь 22-й мехкорпус...)» (Мои воспоминания. С. 232).

Танкисты не бросились на врага, не пересекли границу, а напротив — ушли в тыл, «буквально из-под носа немцев».

Итак, вопреки Буничу советские части по получении сигнала «Гроза» не нападали на старушку Европу. По сигналу «Гроза» вводился план прикрытия границы, по которому 63 дивизии и 2 бригады первого эшелона и 51 дивизия второго эшелона (в резерве командующих округами оставалось 45 дивизий, а в распоряжении Главного Командования — 11) должны были отразить первый удар противника и обеспечить мобилизацию и сосредоточение главных сил Красной Армии. В случае прорыва противника эти прорывы ликвидировались ударами мехкорпусов, что входили во второй эшелон. К слову, в 1941 году Красная Армия вот так и пыталась действовать. Командующий 3-й танковой группой Г. Гот писал:

«Войска противника, оборонявшиеся перед соединениями северного крыла, были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск» (Г о т Г. Танковые операции; Г у д е р и а н Г. «Танки — вперед!» С. 76).

Помимо плана прикрытия границы с началом войны вводился в действие мобилизационный план *МП-41*, согласно которому в течение месяца разворачивалось 8 фронтовых и 29 армейских управлений. Армии укомплектовывались людьми, грузовиками и лошадьми. Мобилизованные силы должны были размещаться в соответствии с «Оперативным планом развертывания вооруженных сил» — о нем упоминает Бунич в своей книге в главе «Политическая мастурбация». Предполагалось, что части прикрытия границы удержат районы своего сосредоточения. Мобилизованные войска должны были выдвинуться в эти районы и перейти в решающее наступление на противника. Общий характер боевых действий на начальном этапе войны излагался в

оперативном плане. В оперплане от 18 сентября 1940 года, действовавшем с поправками и в 1941-м, излагалось:

1. Размещение сил противника и его численность.
2. Направления возможных ударов противника.
3. Принципы обороны на период мобилизационного развертывания.
4. Размещение войск после мобилизации.
5. Направления контрнаступления.

План прикрытия границы можно выдать за подготовку к нападению, но размещение войск по этому плану для нападения никак не годилось, поскольку развертывание войск по плану прикрытия носило оборонительный характер — с равномерным распределением войск по всей границе, да еще в три эшелона глубиной. Мехкорпуса, вместо того чтобы быть объединенными в 4—5 мощных группировок, были «размазаны» по всему фронту для контрударов и убраны во второй и третий эшелоны. В июне 1941-го им пришлось совершать долгие переходы к границе и терять при этом матчасть.

На самом первом этапе предусматривалась жесткая оборона на линии укрепрайонов: 11-я армия обороняет 42-й и 46-й УРы, 3-я армия — 58-й УР, 4-я армия — 62-й УР, 10-я армия — 66-й УР, 5-я армия — 2-й и 9-й УРы, 6-я армия — 5-й и 6-й УРы, 12-я армия — 10, 11 и 12-й УРы, 26-я — 8-й УР, 9-я армия — 80, 81, 82, 84 и 86-й УРы, 7-я армия — 26-й УР, 14-я армия — 23-й УР, 23-я армия — 27-й и 28-й УРы. Помимо укреплений на новой границе в обороне могли участвовать укрепления старой границы, которые и после переноса границы охранялись и имели свои пограничные комендатуры. По директиве Генштаба эти УРы требовалось держать в таком состоянии, чтобы на десятый день войны они могли быть полностью боеготовы. Этого, однако, сделать в полной мере не удалось — немцы захватили или обошли многие УРы раньше.

Немецкий план уничтожения Красной Армии исходил именно из того, что русские займут жестокую оборону на линии укрепрайонов, а не перейдут в атаку и не начнут маневренную войну, сочетающую разнообразные оборонительные и наступательные действия (что было бы самым правильным).

«О результатах воздушной разведки 22 мая Гальдеру доложил офицер отдела разведки штаба военно-воздушных сил майор Вестерберг. Было установлено, что вдоль границы советские войска ведут работы по строительству укреплений, особенно противотанковых рвов. На прокладку сплошного оборонительного рубежа, заключили разведчики, указывает также прокладка кабеля. «Аэрофотосъемки подтверждают наше мнение о решимости русских удержаться на границе», — делает вывод Гальдер. Это вселяло в германское командование уверенность в возможность разгрома советских войск западнее Двины и Днепра, как

это предусматривалось планом «Барбаросса» (А н ф и л о в В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 37).

План прикрытия границы не учитывал случая, когда противник сразу обрушивает всей силой и занимает места сосредоточения советских войск. Потом Г.К. Жуков будет каяться в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения, происшедшие в характере и способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело приграничные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии... Наконец, важную роль сыграло и то обстоятельство, что И.В. Сталина до последнего момента — начала гитлеровского нападения на Советский Союз — не покидала надежда, что войну удастся оттянуть».

Немецкий генерал Л. Рендулич придерживается того же мнения:

«...По-моему, русское командование не извлекло уроков из [немецкой] западной кампании и придавало слишком большое значение развертыванию сил в начальной стадии войны, рассчитывая на затяжные бои передовых частей, в то время как немецкая армия, как и на Западе, обрушилась на русских сразу всеми своими силами» (Р е н д у л и ч Л. Управление войсками. С. 139).

Надо сказать, что советский оперплан от 18 сентября 1940 года был в принципе верным, но он годился на февраль, март и апрель 1941 года. Позднее немцы сконцентрировали на нашей границе столь крупные силы, что о «прикрытии границы» не могло быть и речи; требовалось создавать полноценный фронт и мобилизовывать всю Красную Армию, а при явном развертывании немцами войск для нападения — думать и о превентивном ударе. К чести Г.К. Жукова, он это понял и 15 мая 1941 года представил совершенно новый оперплан — план развертывания войск для превентивного удара (заметим, что, если бы оперплан от 18 сентября 1940 года был наступательным, в разработке нового оперплана не было бы нужды).

В оперплане от 15 мая 1941 года говорилось:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредив противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» (Цит. по: С о - к о л о в Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 208).

Вопреки утверждению Бунича, этот план не был утвержден. В «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков пишет, что в 1941 году действовал уточненный план 1940 года (который разрабатывался не при Жукове). Экземпляр (единственный) плана от 15 мая 1941 года имеет место для подписей наркома обороны и начальника Генштаба, но самих подписей нет — как и резолюции Сталина.

Какова была судьба этого оперплана? По свидетельству В.А. Анфилова, в 1964 году Жуков рассказывал ему следующее:

«Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредотачивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривающую предупредительный удар. Конкретная задача была поручена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?» — раздраженно бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... «Так я сказал, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали не о победе, а о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира», — прорывчал Сталин. Так была похоронена идея о предупредительном ударе...» (Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 41).

План, естественно, не был принят. Если бы план был утвержден, он бы приобрел форму соответствующих распоряжений и был бы выслан в войска, но никаких важных директив после 15 мая в войска не поступало. По крайней мере, до нас не дошло ни единого документа и даже ни единого косвенного упоминания. Единственное, что получили войска перед началом войны, — оперативную директиву начала мая 1941 года.

«В первой половине мая всем военным округам были направлены директивы Генштаба с требованием подготовить к концу месяца детально разработанные планы прикрытия государственной границы. Позднее других, 2 июня 1941 года, такой план представил Прибалтийский округ. Во всех округах ставились сугубо оборонительные задачи. Только для

Киевского округа предусматривалось: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий округа быть готовым, по указанию Главного Командования, к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвату выгодных рубежей» (С о к о л о в Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 210—211). Но и Киевский округ имел оборонительную задачу, поскольку речь шла о п е р е н е с е н и и в ходе обороны военных действий, не о прямом нападении на территорию противника.

Если бы план от 15 мая 1941 года был принят, вся конфигурация размещенных у границы советских войск должна была бы измениться, а не осталась бы в оборонительном виде, предписанном оперпланом 1940 года: пограничники, за ними части прикрытия, за ними — стрелковые соединения, за ними, в глубине, — мехкорпуса, за ними — оперативный резерв. В стране была бы объявлена мобилизация (а ее не было, кроме призыва 800 000 резервистов). Чтобы не дать противнику сорвать мобилизацию, к границе должны были бы подойти дивизии прикрытия. Сталин же, напротив, в июне отводил от границы дивизии прикрытия, чтобы не спровоцировать немцев, — вопреки командующим, которые пытались это распоряжение саботировать.

И.Х. Баграмян пишет в книге «Мои воспоминания»:

«20 июня, т.е. за два дня до начала войны, Генеральный штаб распорядился отвести все части дивизии из этого района в тыл, чтобы не вызывать провокационных действий со стороны фашистов. Но все же, чувствуя приближение войны, Алябушев на свой риск оставил в предполье укрепленного района три стрелковых батальона, которые в последующем сыграли весьма положительную роль в развертывании боевых действий дивизии».

Командующий 8-й армией ПриОВО П.П. Собенников:

«В ночь на 22 июня я лично получил приказание от начальника штаба округа генерал-лейтенанта Клёнова П.С. в весьма категоричной форме — к рассвету 22 июня отвести войска от границы».

В.А. Анфилов в книге «Крушение похода Гитлера на Москву, 1941»:

«10 июня генерал-полковнику М.П. Кирпоносу было приказано немедленно отменить отданные распоряжения о занятии предполья частями укрепленных районов и к 16 июня доложить об этом».

Но вернемся к Буничу. Мы за всеми этими «красными пакетами» совсем забыли о его книге.

Бунич рисует план Жукова от 15 мая 1941 года. Слишком долго для плана, который не был принят. Впрочем, вспомним: Бунич-то «принял» этот план 16 мая.

План предусматривал разгром сконцентрированной у советских границ немецкой группировки. Неплохой план с военной точки зрения, и,

читая его, поневоле испытываешь удивление, почему он не был реализован. Не погибли бы десятки миллионов человек.

Но план хорош только с в о е н н о й точки зрения. Сталин был политиком — он видел шире и дальше, чем Жуков, и потому план отверг. Много позже описываемых событий писатель Ф. Чуев беседовал про период войны с Молотовым.

« — А вы допускали такое, что если не они, то мы первые начнем?

— Такой план мы не разрабатывали. У нас пятилетки. Союзников у нас не было. Тогда бы они объединились с Германией против нас. Америка-то была против нас, Англия — против, Франция бы не отстала.

— Но тогда официальная доктрина была: воевать будем на чужой территории, малой кровью.

— Кто же может готовить такую доктрину, что, пожалуйста, приходите на нашу территорию и, пожалуйста, у нас воюйте?! (Ч у е в Ф. Ветер истории // Роман-газета. 1999. № 14).

«У нас пятилетки»...

Перевооружение армии должно было завершиться с окончанием пятилетки, в 1942 году. Только в 1942 году созданные мехкорпуса были бы укомплектованы. А на 22 июня 1941 года вместо положенной тысячи с лишним танков они имели: 17-й мехкорпус — 63 танка, 20-й — 94, 24-й — 222, 26-й — 184, 21-й — 175 и т.д. (См.: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 603). В 1942 году авиация бы располагала современными истребителями, которых на 22 июня 1941 года было 1946, но они не были освоены летным составом, поскольку, к примеру, на освоение МиГа требовалось около года.

«Как вспоминает М.И. Гуревич (один из создателей МиГа. — А.П.), в мае 1941 года на одном из совещаний Сталин сказал, что истребители строить дешевле и проще, чем бомбардировщики, и потому их число надо наращивать. Он даже назвал цифру — дать армии не менее двадцати тысяч истребителей. Конструкторы ушли убежденные, что до войны осталось, как минимум, полтора года. Она началась через полтора месяца» (А р л а з о р о в М. Артем Микоян. М., 1978. С. 84).

Молотов говорил: «Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось — на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных» (Ч у е в Ф. Ветер истории).

В 1941 году промышленный потенциал Европы был еще намного больше потенциала СССР. Другое дело, что немецкие подростки не стояли у станков, а немки не рубили лес для электростанций. Против немецкой армии воевал весь русский народ. Гитлер этого не учел.

Но вернемся к плану от 15 мая.

Удивительно, но, приводя в своей книге этот план, Бунич перевертывает его лишь в мелочах. Впрочем, оперплан на сей раз не нужно «по-

правлять»: он вполне наступательный. Фразы типа «концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин» говорят сами за себя. Заметим только, что речь идет о группировке немцев восточнее Вислы, и з г о т о в и в ш е й с я к у д а р у.

«...Вероятнее всего (здесь Бунич пропустил запятую из оригинала. — А.П.) главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от линии Брест—Демблин для нанесения удара (выделение Бунича. — А.П.) в направлении (здесь Бунич убрал тире. — А.П.) Ковель, Ровно, Киев».

Зачем Бунич выделил, а не изъясил слова «для нанесения удара» — сказать трудно; видимо, по привычке, ну и сделал промашку.

«Чтобы предотвратить это, план считал необходимым «ни в коем случае не давать инициативы действий немецкому командованию (в оригинале — Германскому Командованию. — А.П.), упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Удивительно, у Бунича почти не искажен целый абзац.

Но только абзац.

«Все мероприятия по развертыванию, — приказал вождь, что-то подчитывая в уме, — закончить примерно 1 июля. Ну, скажем, к 3-му. Не позднее. И только не поддавайтесь ни на какие провокации со стороны немцев и их не провоцируйте. И помните, Германия никогда не пойдет на нас войной, не покончив с Англией. А мы выберем нужный момент...»

Даже если принять развертывание армий с 18-й по 28-ю за подготовку к нападению на Германию, то это развертывание никак не могло быть окончено 3 июля. Войска 20-й армии должны были закончить сосредоточение только к 5 июля, 19-й армии — к 7 июля, 16, 24 и 28-й — к 10 июля (См.: М е л ь т ю х о в М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 412).

Далее Бунич задает вопрос читателю. Мы помним, как много ошеломляющих вопросов любил выпаливать в читателя наставник Бунича Суворов — Резун.

И вот ученик следует за ментором:

«...Для чего Сталин сконцентрировал на границе такую чудовищную армию?

Но это вопрос настолько очевиден, что ответить на него «для обороны» могут только бывшие историки КПСС с вывихнутыми мозгами».

Верно, товарищ Бунич.

Вопрос законный и ответ очевидный.

Когда немцы перебрасывают на Восток свои армии, Сталин конечно же должен был уводить для сохранения своих солдат в тыл. Ну, скажем, до Урала.

Бунич:

«Почему официальная история объявила катастрофой потерю за два дня войны 1200 самолетов, когда их было 11 тысяч?»

Верно.

Вопрос законный.

Поскольку официальная история никогда не объявляла катастрофой потерю за два дня войны 1200 самолетов. В официальной истории написано, что 1200 самолетов было потеряно за один день, а в некоторых книгах утверждается, что 1200 было потеряно даже к полудню.

А относительно «первых двух дней» Геббельс записал 25 июня в дневнике, что за первые два дня уничтожено 2585 самолетов...

А Бунич продолжает вопрошать:

«Почему потеря 600 танков в первые два дня войны тоже объявлена катастрофой, когда их было тоже 11 тысяч?»

Верно, вопрос законный.

Геббельс 30 июня 1941 года сделал запись: «Русские потеряли 2233 танка и 4107 самолетов».

Бунич:

«Куда же делась гигантская армия, нацеленная на вторжение в Европу в день Д+3 от высадки немцев на британские острова?»

В самом деле — куда делась армия, которой не было? О «дне Д+3» нет ни одного источника, кроме повествования безграмотного, не знающего истории Бунича.

«При всей тактической внезапности удара они должны были быть остановлены к 1 июля. Вырвавшиеся вперед танковые группы Гота, Гудериана и Клейста, опередившие свою пехоту на два суточных перехода, были бы отрезаны от нее, окружены, смяты, раздавлены и размазаны страшным превосходством в силах, которое имела Красная Армия.

И так бы непременно произошло, если бы не одно обстоятельство.

Если бы Красная Армия оказала сопротивление.

Это и была знаменитая ошибка в третьем знаке, допущенная товарищем Сталиным, любящем все упрощать».

Не оказала Красная Армия сопротивления. Солдат 14 стран Европы победила Красная Армия во Второй мировой войне, а сопротивления она не оказала. 29 июня 1941 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер написал: «...Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека...»

Свою книгу Бунич лихо завершает очередным подлогом:

«Глубокой ночью 22 июня — в 2 часа 10 минут — генерал Гудериан выехал на свой командный пункт, находившийся в 15 километрах северо-западнее Бреста у местечка Богукалы. Он прибыл туда в 3 часа 10 минут ночи. С 8 часов вечера танки его группы, ревя своими бензиновыми моторами, выдвигались к границе.

Солдатам был зачитан приказ Гитлера.

«Наступил час, мои солдаты, — обращался фюрер к вермахту, — когда... судьба Европы, будущее Германии и нашего народа находятся полностью в наших руках!»

— Что с мостами? — поинтересовался Гудериан и был удивлен, узнав, что русские сами разминировали мосты, расчистив проходы и засеки на многих участках для прохода танков.

Небо на востоке начало сереть.

Начинался день 22 июня 1941 года, выпавший на воскресенье.

Гудериан еще раз посмотрел на часы. Было 3 часа 15 минут ночи.

И приказал начать артиллерийскую подготовку.

Итак, Бунич утверждает, что *«русские сами разминировали мосты, расчистив проходы и засеки на многих участках для прохода танков»* Германии. Мы уже знаем, что танки Сталиным были отведены от границы. В этом свете факт расчистки проходов для прохода немецких танков столь удивителен, даже фантастичен, что следует обратиться к первоисточнику — книге самого Гудериана. Вот что немецкий генерал пишет в «Воспоминаниях солдата»:

«В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 час. 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста)».

Это сходится с тем, что пишет Бунич. Читаем следующее предложение.

«Я прибыл туда в 3 час. 10 мин., когда было темно».

И это сходится.

«В 3 час. 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка».

И здесь все в порядке. Три предложения — и каждое соответствует по содержанию тому, что написал литератор Бунич. Однако у литератора Бунича не три предложения, а больше. Среди них фраза:

« — Что с мостами? — поинтересовался Гудериан и был удивлен, узнав, что русские сами разминировали мосты, расчистив проходы и засеки на многих участках для прохода танков».

Эта фраза значительно дополняет наши сведения о том, что произошло в роковую ночь на 22 июня.

Следуя манере Бунича, мы вслед за ним разовьем ситуацию с Гудерианом.

« — Что с мостами? — поинтересовался Гудериан.

Из темноты возник бородатый литератор в потертой советской зеленой гимнастерке.

— Разминированы, — угодливо доложил он. — Расчищены засеки и проходы для продвижения ваших танков.

Гудериан секунду смотрел на толстое лицо, всем своим видом выказывающее готовность услужить. На лице генерала мелькнула брезгливость.

— Расстрелять, — бросил он.

— Но, господин генерал... — удивленно возразил прикомандированный офицер итальянской разведки. — Это наш лучший агент!

— Это дезинформатор. Я знаю, что засеки и проходы не расчищены.

Не оборачиваясь, генерал направился к границе.

Сзади прозвучала приглушенная автоматная очередь...»

Расстреляли бородатого литератора под Брестом за дело.

Г. Гот пишет:

«57-й танковый корпус натолкнулся в этой лесистой и богатой озерами местности на многочисленные обороняемые препятствия и заграждения, которые сначала сильно задерживали продвижение 12-й танковой дивизии» (С. 58).

Этот проклятый «ундермениш» хотел воспользоваться арийскими прямоотой и доверчивостью и обрек немецкую танковую дивизию на муку с преодолением заграждений.

Но до своей гибели «ундермениш» удалось-таки обмануть врага. В том числе и с мостами. Г. Гот пишет: «6-й армейский корпус встретил сильное сопротивление противника и вышел к Неману только 23 июня. Мост в Приенае был разрушен» (там же. С. 59). У мостов были группы подрывников; где врасплох саперов захватить не удалось, они сделали свою работу.

А.И. Чугунов в книге «Граница сражается» пишет о событиях 22 июня:

«В 10 часов самолеты противника повторили налет на город. По окончании его майор Шаламягин приказал специально подготовленной группе пограничников взорвать все мосты через реку Щещуна и отойти на заранее подготовленную в 3 км от города оборонительную позицию» (С. 18). «Застава прикрывала шоссе из Сувалок на Августов, здесь же находился мост через реку Близна, взорванный пограничниками во время артиллерийского обстрела; наведению переправы мешал их меткий огонь» (С. 33).

Итак Бунич направил немцев к мостам, где дежурили наши подрывники. Он погиб, но мы должны чтить память героя.

Но мне уже стало как-то скучно без выдумок Бунича. У меня уже появилась наркотическая зависимость от его лжи.

Истребим эту зависимость постепенно.

«Где-то к полудню в Кремле Сталин, Тимошенко и Жуков, наконец, поняли, что вторжение в Англию, судя по всему, откладывается, поскольку Гитлер на данном этапе предпочел вторгнуться в СССР.

И тогда настал великий час!

Было принято решение начать операцию «Гроза»!

«Гроза, Гроза, Гроза!» — начали надрываться на всех линиях прямой связи и радиочастотах телетайпы и передатчики Наркомата обороны и генерального Штаба.

«Гроза, Гроза, Гроза!»

Она зашумела и загремела на еще уцелевших линиях связи между фронтовыми, корпусными и дивизионными штабами.

Из сотен сейфов, с некоторой долей ритуальной торжественности, извлекались толстые красные пакеты с надписью «Вскрыть по получении сигнала «Гроза».

Из вскрытых сейфов вынимались пачки оперативных приказов с названиями прусских, польских и румынских городов и населенных пунктов, взять которые приказывалось в первые 72 часа после начала операции. На приданных секретных картах жирные красные стрелы хищно нацеливались на Варшаву и Копенгаген, на Берлин и Кенигсберг, на Бухарест, Будапешт и Вену».

Несусветная ложь.

Мы уже знаем, что пакеты с «Грозой» начали вскрывать в приграничных округах не «где-то к полудню», как у Бунича, а ночью 22 июня 1941 года. В третьем часу отдал приказ вскрывать пакеты штаб Западного округа. Как известно, в 3 часа ночи никто на Германию не напал, как и на Польшу, Румынию и Венгрию.

После посещения Молотова Шуленбургом и официального объявления войны в 7.15 утра была отдана директива № 2, в которой говорилось:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в тех районах, где они нарушили советскую границу. Вплоть до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить».

Директива же № 1 была отдана ранним утром в 00.30 и предусматривала «быть в боевой готовности».

Директива № 3 была разослана вечером, на Юго-Западном фронте ее получили в 23 часа (согласно И.Х. Баграмяну) или около 24 часов (согласно Г.К. Жукову, вылетевшему на Юго-Западный фронт).

В полдень Сталин не посылал никакой директивы и никакого сигнала «Гроза». Это выдумка Бунича — полная чушь.

А вот директива № 3 предусматривала переход в контрнаступление. Баграмян рассказывает, по какой причине была принята эта директива:

«Просматривая сейчас наши первые разведывательную и оперативные сводки, я с горечью убеждаюсь: в них далеко не отражалась вся та огромная опасность, которая угрожала войскам северного фланга нашего фронта. Какие, к примеру, сведения о противнике, наступавшем на нашу 5-ю армию, смогли сообщить наши фронтовые разведчики? Они отмечали, что в районе Любомля наступает одна пехотная дивизия, в направлении Владимир-Волынского — одна пехотная и одна танковая, а южнее, до самой границы с 6-й армией, — еще две пехотные дивизии.

Получалось, что во всей полосе армии наступает всего лишь пять дивизий противника. Учитывая, что неподалеку от границы у нас стояли четыре стрелковые дивизии, положение, естественно, казалось не таким уж угрожающим. Из этого и исходила полученная нами директива. Ведь ни наркому, ни начальнику Генерального штаба не было еще известно, что от Сокаля хлынул на Радзехув по свободной от наших войск местности немецкий моторизованный корпус и что такой же корпус стремится прорваться от Устилуга на Луцк. Когда мы более реально оценили угрозу для первого фланга для всего фронта, наши сводки, не отражавшие всей тяжести угрозы, уже были в Москве. Вероятно, такие же погрешности в оценке сил противника, вторгшегося в пределы страны, были допущены и другими фронтами.

Исходя из них, верховное командование теперь ставило задачи на 23 и 24 июня. Войскам нашего фронта предписывалось: «Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24.6 овладеть районом Люблин...» (Б а г р а м я н И.Х. Мои воспоминания. С. 230—231).

«Окружить и уничтожить» группировку противника не удалось. Поняв это, Ставка в ночь с 26 на 27 июня пришла к решению о переходе к стратегической обороне.

Но продолжим чтение Бунича.

«На Северо-Западном фронте командир танковой дивизии доблестный полковник Иван Черняховский, вскрыв свой красный пакет, не минуты не колеблясь, бросил свои танки в наступление на Тильзит, имея целью, захватив его, развивать наступление на Кенигсберг, как и было указано в извлеченном из пакета приказе. Даже в условиях 22 июня 1941 года танкам полковника Черняховского удалось, давя немецкие позиции, продвинуться на 25 километров. Только общая обстановка на фронте заставила Черняховского повернуть обратно».

Ну, наконец-то хоть один достоверный факт об агрессивности Сталина! Хоть в конце книги, в эпилоге, Бунич, наконец, приводит аргумент, который можно проверить, чтобы сделать соответствующий вывод. У меня как раз есть книга А. Шарипова «Черняховский», где он подробно расписывает все действия Черняховского в конце июня.

20 июня 1941 года 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского после двух ночных переходов из Риги сосредоточилась в лесах в 20 километрах севернее Шяуляя. В 12-й механизированный корпус, куда входила дивизия Черняховского, также входили 23-я танковая дивизия, что располагалась западнее Шяуляя, и 202-я мотострелковая дивизия, что располагалась восточнее Шяуляя.

Конечно же, то, что эти дивизии не были собраны в кулак и подведены к границе, а, разбившись на три части, окружили город, означало желание Сталина напасть на Германию...

21 июня войска стояли там же. Видимо, готовясь к нападению...

22 июня прежняя позиция дивизии подверглась удару с воздуха, но малорезультативному. Черняховский ночью сменил позицию дивизии. Видимо по наивности, он не ожидал нападения немцев и сделал это просто так, по прихоти...

Тем не менее немецкий налет вывел из строя телефонную связь.

«Около четырех часов не удавалось установить связь с вышестоящими штабами. Только к восьми часам утра была принята первая радиограмма из штаба корпуса: «Германия напала на Советский Союз, ее войска местами вторглись на глубину 50—60 километров, приготовиться к контрудару».

С восьми часов И. Черняховский стал готовиться к контрудару. Но еще не трогаясь с места.

«К двенадцати часам дня офицер связи штаба корпуса доставил Черняховскому приказ, подтверждающий радиограмму, полученную в дивизии в восемь утра. Как стало известно, командир корпуса Н.М. Шестопалов, ожидая указаний из штаба армии, медлил с приказом о переходе в наступление. Дорого стоили эти потерянные часы...»

Вот те на! И в 12 часов Черняховский еще не тронулся с места! Да и весь корпус!

«Только к четырнадцати часам командующий 8-й армией, следуя указаниям командующего Северо-Западным фронтом (с началом военных действий Прибалтийский Особый военный округ развернулся во фронтовое объединение), приказал 12-му механизированному корпусу, взаимодействуя с 3-м механизированным корпусом, уничтожить противника, наступающего на шяуляйском направлении».

Ну, наконец-то! Вот тут-то и был удар Черняховского по Восточной Пруссии, в соответствии с планом Сталина — Бунича напасть на Германию! Но — дальше:

«В свою очередь генерал Шестопалов приказал: 23-й танковой дивизии во взаимодействии с 10-м стрелковым корпусом 8-й армии с рубежа севернее Шяуляя нанести удар в направлении Плунге; 28-й танковой дивизии и 202-й мотострелковой дивизии, взаимодействуя с 3-м механизированным корпусом, с рубежа Варнай, Ужвентис с утра 23 июня нанести удар по вклинившемуся противнику в направлении Таураге».

Удивительно, но все эти города лежали на территории СССР. Таураге — это не Кёнигсберг. И даже не Тильзит.

«Дивизия Черняховского, успев совершить пятидесятикилометровый марш, уже в десять часов утра заняла исходное положение для атаки».

Ну наконец-то атака! Но... в десять часов утра. Так это же следующий день! Только на следующий день, 23 июня, дивизия Черняховского развернулась для атаки. А Бунич говорил — Черняховский атаковал 22 июня...

Атаки — где? В Восточной Пруссии?..

«Как же развернулись боевые действия на участке 28-й танковой дивизии? Черняховский решил контратаковать противника в районе Калтыненай...»

Калтыненай — это опять не в Пруссии. Это — в Литве.

Забавно, что Бунича опровергает даже Суворов — Резун. В своей эпохальной книге «Ледокол» этот сотрудник английских спецслужб и немецкого литературного агентства сообщает:

«Согласно немецким трофейным документам, первая встреча с 28-й танковой дивизией произошла под Шяуляем».

Откуда же Бунич взял свое утверждение?

Видимо, он творчески развил следующее:

«В Прибалтике на полях сражений прошел суровую проверку на зрелость полковник И.Д. Черняховский, ставший одним из талантливых военачальников Великой Отечественной войны. Части 28-й танковой дивизии под его командованием контратакой не только остановили врага в районе Калтыненай, но и вклинились в его боевые порядки на 5 км, уничтожив при этом 14 танков, 20 орудий и до батальона пехоты» («Военно-исторический журнал». 1988. № 7).

Но Калтыненай — это тоже не Германия.

В книге «Советские танковые войска. 1941—1945» читаем:

«В сложной обстановке начавшихся боевых действий командующий Северо-Западным фронтом генерал Ю.И. Кузнецов принял решение силами 12-го и 3-го механизированных корпусов во взаимодействии с общевойсковыми соединениями нанести контрудар по флангам 4-й танковой группы противника, прорвавшейся в стыке 8-й и 11-й армий».

Танковые дивизии (23-я и 28-я) 12-го механизированного корпуса генерала Н.М. Шестопалова должны были атаковать противника из района северо-западнее Шяуляя в южном направлении, а соединения 3-го механизированного корпуса под командованием генерала А.В. Куркина — из района Кедайняя в западном направлении. Подготовка контрудара проводилась в ограниченные сроки, поспешно, при крайне скудных сведениях о противнике; должное взаимодействие между соединениями организовать не удалось, боевые задачи для войск доводились с большим опозданием, так как связь была весьма неустойчивой.

Основная роль в контрударе отводилась 12-му механизированному корпусу, который после марша из района Риги к исходу 22 июня сосредотачивался северо-восточнее Шяуляя. 3-й механизированный кор-

пус должен был нанести удар лишь силами 2-й танковой дивизии, так как его 5-я танковая дивизия действовала в отрыве от главных сил в районе Алитуса, а 84-я моторизованная дивизия находилась в резерве 11-й армии.

Контрудар начался 23 июня. Выступив из района сосредоточения, 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского к 10 часам вышла на рубеж развертывания (50 км юго-западнее Шяуляя), однако сразу перейти в наступление она не могла, так как почти все горючее было израсходовано. До 15 часов дивизия была вынуждена стоять на этом рубеже и ждать машины с горюче-смазочными материалами. Во время выдвижения части дивизии четыре раза подвергались ударам авиации противника и понесли потери.

Во второй половине дня 28-я танковая дивизия вела тяжелый бой с передовыми частями 1-й танковой дивизии гитлеровцев» (С. 23).

Итак, дивизия вступила в бой только 23 июня (а не 22-го), во второй половине дня, примерно в 50 км юго-западнее Шяуляя.

К Черняховскому Бунич прямо привязался:

«Фронтам, которые уже извлекли из сейфов пакеты с «Грозой», было приказано на первом этапе захватить Восточную Пруссию, на втором — остатки Финляндии и Норвегии и быть готовыми (после особого распоряжения) оккупировать Швецию. К сожалению, полковнику Черняховскому в одиночку этого сделать не удалось...»

Дался ему Черняховский. Захватить «остатки Норвегии»? Почему именно остатки? Куда должна деться вся остальная Норвегия? Или надо нанести удар такой силы, чтобы Норвегия превратилась в «остатки», а потом кое-какие из них захватить?

И зачем «фронтам» на первом этапе захватывать Восточную Пруссию, если на втором этапе не будет движения в глубь Германии? Черняховский захватывает Кёнигсберг, а на втором этапе ждет вестей с севера — или сам уводит войска «в одиночку» захватывать «остатки Норвегии и Финляндии»? Пусть немцы спокойно осуществят мобилизацию?

Если захват «остатков Норвегии» был лишь на втором этапе, зачем вообще говорить о нем в «Красном пакете»? Предупредить «остатки»: «Готовьтесь»?..

И зачем в «Красном пакете» вообще упоминать о Швеции, если это операция не для первого и даже не для второго этапа? Чтобы шведы со страху выслали к Черняховскому депутацию, а потом подготовили ему торжественную встречу?..

Но я уже не могу ответить на эти вопросы. Похоже, логика Бунича и Суворова устроена иначе, чем у нормальных людей.

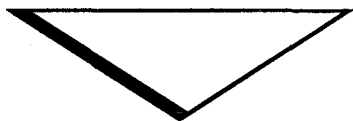
В завершении книги читатель, наверное, хотел бы знать ответ на вопрос — собирался ли Сталин напасть на Европу?

Ответа на этот вопрос я не знаю. Документов, которые об этом свидетельствовали бы, я нигде не нашел, в том числе и в изысканиях сторонников теории Суворова — Резуна. Все их аргументы о якобы готовившемся нападении Сталина являются либо домыслами, основанными на незнании общеизвестных фактов, либо подтасовками с целью протолкнуть свою книгу на модную тему в печать.

Я думаю, что наличие книг Суворова — Резуна и Бунича на полках наших книжных магазинов — это настоящий срам для нашей системы преподавания истории. Благодаря этому «преподаванию» народ читает полутрамотную чушь — и не способен определить, что это чушь.

Но это еще полбеды. Недавно мой знакомый учитель физики возил своих учеников в древний русский город Смоленск, и в музее экскурсовод задал школьникам вопрос: «Вы знаете, кем был Александр Матросов?» Из учеников, среди которых были семиклассники, восьмиклассники и даже несколько десятиклассников, на этот вопрос не ответил никто...

ЛИТЕРАТУРА

Суворов В. Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М.: АСТ, 1995.

Суворов В. День «М»: Когда началась Вторая мировая война? М.: АСТ, 1999.

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?: Нефантастическая повесть-документ. М.: Новое время, 1993.

Бунич И.Л. Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке. Книга первая. СПб: ВИТА-ОБЛИК, 1994.

Бунич И.Л. Операция «Гроза» или ошибка в третьем знаке. Книга вторая. СПб: ЮНА-ОБЛИК, 1994.

Арлазоров М.С. Артем Микоян. М.: Молодая гвардия, 1978.

Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван: Айастан, 1980.

Бек А.А. Волоколамское шоссе. М.: Советский писатель, 1970.

Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993.

Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

Битва за Москву. М.: Московский рабочий, 1975.

Буллок А. Гитлер и Сталин. Смоленск: Русич, 1994.

Василевский А.М. Дело всей жизни. Москва: Политиздат, 1973.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. М.: Воениздат, 1970.

Военно-морской словарь для юношества: В 2 т. Том второй. М.: ДОСААФ, 1987.

Волков Ф.Д. За кулисами второй мировой войны. М.: Мысль, 1985.

Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М.: Спектр, 1992.

Гот Г. Танковые операции. Гудериан Г. «Танки — вперед!» Смоленск: Русич, 1999.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Грабин В.Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989.

Гречко А.А. Годы войны. М.: Воениздат, 1976.

Долматовский Е. Зеленая Брама. М.: Политиздат, 1985.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М.: Агентство печати Новости, 1988.

Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. М.: Сварогъ, 1996.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. М.: Родина, 1993.

Калашников М. Сломанный меч империи. М.: Крымский мост-9Д, 1999.

- Комиссары. М.: Молодая гвардия, 1988.
- Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966.
- Маништейн Э. фон. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000.
- Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1968.
- Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998.
- Новиков М.Н. Творцы оружия. М.: ДОСААФ, 1983.
- Ордена Ленина Московский военный округ. М.: Воениздат, 1977.
- Оружие победы. М.: Машиностроение, 1985.
- От «Барбароссы» до «Терминала». М.: Политиздат, 1988.
- Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
- Пласков Г.Д. Под грохот канонады. М.: Воениздат, 1969.
- Рендулич Л. Управление войсками. М.: Воениздат, 1974.
- Решин Е.Г. Генерал Карбышев. М.: ДОСААФ, 1971.
- Ржевская Е.М. Геббельс: портрет на фоне дневника. М.: Слово/SLOVO, 1994.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968.
- Самолеты ОКБ имени С.В.Ильюшина. М.: Машиностроение, 1990.
- Сквозь огненные вихри. М.: Воениздат, 1987.
- Саттон Э. Как Орден организует войны и революции. М.: Паллада, 1995.
- Сафронов И.В. За фронтом — тоже фронт. М.: Воениздат, 1986.
- Сечкин Г.П. Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945. М.: Граница, 1993.
- Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981.
- Великая Отечественная война 1941—1945. М.: Политиздат, 1985.
- Смит Д. Муссолини. М.: ИнтерДайджест, 1995.
- Советские танковые войска. М.: Воениздат, 1963.
- Советско-финская война 1939—1940 гг. Минск.: Харвест, 1999.
- Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск.: Родиола-плюс, 2000.
- СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1971.
- Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972.
- Филби К. Моя тайная война. М.: Воениздат, 1980.
- Шарилов А.А. Черняховский. М.: Воениздат, 1972.
- Шахурин А.И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1985.
- Шелленберг В. Лабиринт. М.: СП «Дом Бируни», 1991.
- Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968.
- Шунков В.Н. Танки Второй мировой войны. Минск: Харвест, 1997.
- Яковлев А.С. Советские самолеты. М.: Наука, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
Глава 1. СТАЛИН НА ТАНКЕ	6
Глава 2. СУВОРОВ — РЕЗУН ВОЮЕТ ПРОТИВ МАРСИАН	35
Глава 3. ТАНКИ НЕ ГОРЯТ	54
Глава 4. КАРТЫ — НА СТОЛ	64
Глава 5. КАК УЖАСНО НЕМЦЫ БОЯЛИСЬ ВТОРЖЕНИЯ СТАЛИНА	83
Глава 6. НЕВЕРОЯТНЫЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ЧУДЕСА	95
Глава 7. МИЛЛИОН БЕЗЛОШАДНЫХ ДЕСАНТНИКОВ	126
Глава 8. ГУДЕРИАН В «НИЗИНАХ ГОРЛОПАНСТВА»	142
Глава 9. КАК СТАЛИН БОРОЛСЯ СО СВОЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВИАЦИЕЙ	160
Глава 10. СЛАВА ЧИЖИКОВУ, УРА!	177
Глава 11. А ВЕДЬ ВОЙНЫ МОГЛО НЕ БЫТЬ.....	191
Глава 12. СТАЛИН ГРОЗИТ МИРУ 130-ММ ПУШКОЙ	211
Глава 13. ПРОМЕТЕЙ НЕСЕТ ОГОНЬ ЛЮДЯМ	221
Глава 14. ПОЧЕМУ СУВОРОВ — РЕЗУН НОЧЬЮ НЕ СПАЛ	240
Глава 15. ФОТОГРАФИИ СУВОРОВА — РЕЗУНА	248
Глава 16. КОНЧИК СТАЛИНСКОГО НОСА	277
Глава 17. ТРЕТИЙ ЭШЕЛОН СУВОРОВА — РЕЗУНА	302
Глава 18. ЛЕДОКОЛОМ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ И РАЗГИЛЬДЯЙСТВУ	327
Глава 19. ВАМ ПАКЕТ!	347
Глава 20. «ЧЕРНЫЕ КОРПУСА»	361
Глава 21. ТЯЖЕЛЫЕ ОРУДИЯ КАЛИБРОМ 8,5 ММ	370
Глава 22. ЦИТАТЫ ИЗ МЕРЕЦКОВА	377
Глава 23. УЧЕНИК ПО ФАМИЛИИ БУНИЧ	393
Глава 24. НОВАЯ ВЕРСИЯ ВОЙНЫ НЕМЦЕВ С ПОЛЬШЕЙ	409
Глава 25. БОРЕЦ ЗА МИР АДОЛЬФ ГИТЛЕР	424
Глава 26. СТАЛИН АЛКАЕТ ВОЙНЫ	433
Глава 27. УЧЕНИК ВСПОМИНАЕТ ОБ УЧИТЕЛЕ	441
Глава 28. ФАНТАЗИИ БУНИЧА	452
ЛИТЕРАТУРА	476

Помогайбо А.А.

П 55 Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. —
М.: Вече, 2002. — 480 с., илл. (16 с.) (Военные тайны XX века)

ISBN 5-7838-1050-9

Книга «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны» посвящена недостаточно освещенным страницам самой кровопролитной войны в истории человечества и предвоенного периода, таких как стратегическое планирование, дипломатическая деятельность, совершенствование военной техники, организация Вооруженных Сил и т.д. Поскольку данные темы в настоящее время стали источником разного рода домыслов, автор базирует свою книгу на произведениях Виктора Суворова, сравнивая его теории с реальными документами, которые позволяют читателю самому делать выводы относительно проблемных страниц нашей истории.

Помогайбо Александр Альбертович
ПСЕВДОИСТОРИК СУВОРОВ
И ЗАГАДКИ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *С. В. Аракелов*
Корректор *Б. И. Тумян*
Верстка *М. Ю. Евдокимов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»
Д. В. Грушин

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Гигиенический сертификат № 77.99.2.953.П.16227.11.00
от 29.11.2000 г.
129348 Москва, ул. Красной сосны, 24.
ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ» ИД №05134 (код 221)
от 22.06.2001 г.
ООО «Издательство «ВЕЧЕ 2000» ИД №01802 (код 221)
от 17.05.2000 г.
ЗАО «ВЕЧЕ» ЛР №040410 от 16.12.1997 г.

Е-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 06.11.01. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 15.
Тираж 10 000 экз. Заказ. № 4528.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
присланных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.